

Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный музей городской скульптуры
Отдел «Нарвские Триумфальные ворота»
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
Высшая школа технологии и энергетики
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
Санкт-Петербургское военно-историческое общество

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ

**Материалы
XI Международной военно-исторической конференции
23–24 ноября 2018 г.**

Санкт-Петербург
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Научное издание

*Печатается по решению Оргкомитета конференции
в соответствии с условиями созыва
«XI Международной военно-исторической конференции
“Военная история России XIX–XX вв.”»*

Военная история России XIX–XX веков. Материалы
XI Международной военно-исторической конференции / Под. ред.
Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича. Санкт-Петербург, 23–24 ноября
2018 г.: Сб. научных статей. — СПб.: СПбГУПТД, 2018. — 682 с.

ISBN 978-5-7937-1724-3

Конференция «Военная история России XIX–XX вв.» посвящена различным аспектам военной отечественной истории двух прошедших веков: социально-политических, экономических, культурных. Участники конференции из России, Ближнего и дальнего зарубежья рассматривают в своих докладах как чисто военные вопросы, так и частные проблемы, в том числе связанные с историей военной повседневности. Особое внимание уделено событиям Русско-турецкой войны (1877–1878), завершившейся 140 лет назад, и Гражданской войны в России, столетие начала которой приходится на 2018 год.

На обложке:

*Румынский крест «За переход через Дунай». Эту награду получили все русские военнослужащие, сражавшиеся во время Русско-турецкой войны (1877–1878) на Балканском театре военных действий.
Из собрания ВИМАИВиВС*

Проект реализован при поддержке
Комитета по культуре Санкт-Петербурга

ISBN 978-5-7937-1724-3

© СПбГУПТД, 2018
© ГМГС, 2018
© Коллектив авторов, 2018

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 4

Владимир Игоревич ХОЗИКОВ

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vkhozikov@mail.ru

ЧАСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В СИСТЕМЕ ВПК-ОПК САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (1703–1861)

Статья посвящена первым частным предприятиям в системе комплекса военных производств Санкт-Петербурга и развитию взаимоотношений государства и предпринимателей в рамках оборонной промышленности. Анализируются условия, стимулировавшие привлечение частных предприятий к выполнению военных заказов, и политика властей в отношении участвующих в оборонной промышленности негосударственных производств.

Ключевые слова: военно-промышленный комплекс, российские предприниматели, оборонно-промышленный комплекс, Крымская война, военные технологии, военное строительство, история Санкт-Петербурга.

Комплекс военно-промышленных предприятий Санкт-Петербурга начал формироваться практически одновременно с созданием военно- (или оборонно-) промышленного комплекса — в его современном понимании¹ — всей России, то есть в период правления Петра I. Эти, безусловно, взаимосвязанные между собой процессы, определялись, прежде всего, тремя факторами: близостью к центру принятия решений, что обеспечивало максимально возможную эффективность руководства предприятиями, близостью к центрам добычи сырья, дававшей возможность сделать производство наименее затратным, и относительной близостью к потенциальным театрам военных действий — с учётом размеров государства и неразвитости транспортной системы это условие вплоть до начала XX столетия имело самостоятельное значение.

¹ «Часть промышленного комплекса РФ, специализирующаяся на научной разработке и производстве вооружения, военной техники, на обеспечении ими Вооружённых Сил (ВС) РФ, др. войск и воинских формирований». *Нестёркин В. Д.* Оборонно-промышленный комплекс. Большая Российская Энциклопедия, Т. 23, С. 521. Традиционно для обозначения совокупности предприятий, работающих в интересах военных ведомств, использовалась аббревиатура ВПК («военно-промышленный комплекс»); в последнее время в России применительно к отечественным реалиям применяется сокращение ОПК («оборонно-промышленный комплекс»), мы будем использовать и то, и другое обозначения как синонимы.

Из трёх названных факторов военно-промышленный облик Петербурга в значительной степени определили первые два. Вначале город, возникший как форпост, фактически непосредственно на линии фронта, нуждался в производственной базе для оперативного снабжения действующей армии. Несколько позднее, с перенесением в Санкт-Петербург столицы и всего государственного управления, для военного руководства оказалось удобным иметь в пределах прямой досягаемости максимально полный спектр военных производств. Также следует отметить, что приграничное положение Петербурга в течение как минимум двух последующих столетий также сохраняло его потенциально фронтовой статус, что оправдывало существование в городской черте мощного комплекса оборонных заводов. Сырьевой фактор играл наименьшую роль — имевшиеся в относительной близости от города природные ресурсы, прежде всего рудные месторождения и лес, изначально были недостаточны для обеспечения продолжительной работы большого количества предприятий. Тем не менее, этот недостаток с лихвой перекрывался значимостью двух других из названных выше трёх факторов.

Военно-промышленные предприятия Санкт-Петербурга за 150 лет от основания города до Крымской войны (1703–1853)

Первым предприятием петербургского ВПК-ОПК стала созданная практически одновременно с городом Кронверкская верфь, фактически — достроечная площадка для кораблей, приходивших с ранее возникших вблизи Петербурга кораблестроительных предприятий, прежде всего из Лодейного поля². Далее, в порядке последовательности, были основаны: Адмиралтейская верфь (1704)³, Ижорская пильная мельница (в последующем — Ижорские заводы, 1705)⁴, Лаборатория (ок. 1705)⁵, Петербургский арсенал (ок. 1712)⁶, Галерная, или Скампавейная верфь (1712)⁷ и возникший тогда же вспомогательный кораблестроительный

комплекс на острове Новая Голландия⁸, Петербургский пороховой завод (между 1710 и 1715)⁹, Охтинский пороховой завод (1715)¹⁰, Кронштадтское адмиралтейство (1716)¹¹, Сестрорецкий оружейный (1721)¹² и Сестрорецкий пороховой (1723)¹³ заводы.

Таким образом, уже менее чем за первую четверть века существования Санкт-Петербурга на его территории и в ближайших окрестностях (впоследствии также вошедших в городскую черту) сложился мощный универсальный комплекс военно-промышленных производств, не имевший, применительно к масштабам одного города, прецедентов ни в российской, ни в мировой практике, в котором в силу естественных причин отсутствовала лишь сырьевая компонента. Все предприятия, сформировавшие этот комплекс, были казёнными — вопреки неоднократно декларировавшейся в петровское время политике поощрения предпринимательства вопрос о строительстве в новой столице каких-либо частных военных производств в тот период, насколько известно, даже не ставился.

В последующие после смерти Петра I до середины XIX в. 125 лет военно-промышленный Петербург претерпел относительно незначительные изменения. В 1730 (по другим данным, в 1732) г. при Главном адмиралтействе была создана Компасная мастерская, в дополнение к ней в 1752 г. появилась Мастерская мореходных математических и физических инструментов (приборов) при Морском шляхетском кадетском корпусе, фактически ставшие первыми российскими производствами в области военного приборостроения¹⁴. В 1772 г. был создан инструментальный класс Академии художеств для подготовки мастеров-приборо-

⁸ Дмитриев Н. И., Колтычев В. В. Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. СПб., 1909. С. 950.

⁹ Цылов Н. Указ. соч. С. 13–14 (план 1725 г. «с изъяснением»).

¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 109. Д. 1081. Л. 227, 265.

¹¹ Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 54, 55, 66.

¹² Гамченко С. С. Записка для памяти о 200-летнем юбилее Сестрорецкого оружейного завода. Петроград, 1915. С. 12; Гаусман Р. Исторический очерк гидротехнических сооружений Сестрорецкого оружейного завода (с 1721 до 1840 г.) // Инженерный журнал. 1861. № 2. Отдел неофициальный. С. 132.

¹³ Каменев К. И. Историческое описание Охтинского порохового завода. Период первый. СПб., 1891. С. 104–107.

¹⁴ Ахматов. Мастерская мореходных инструментов при Главном гидрографическом управлении // Сборник кратких сведений по морскому ведомству. Вып. 17. СПб., 1908. С. 1–2; Новокишанова З. К. Деятельность оптико-механической мастерской Гидрографического управления Морского министерства // Труды института истории естествознания и техники. Т. 27. М., 1959. С. 271.

² Богатырёв И. В. Первая верфь С.-Петербурга // Судостроение. 1981. № 4. С. 60.

³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1866. С. 8.

⁴ Село Колпино // Морской сборник. 1863. № 9. III. С. 103.

⁵ Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии: второй генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Виллимович Брюс // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. Смесь. С. 100–101; Цылов Н. Планы С.-Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1790, 1840 и 1849 годах. СПб., 1853. С. 11.

⁶ Богданов Г. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 70; Родзевич В. Краткий исторический очерк С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования (1714–1914 гг.). СПб., 1914. С. 31–33.

⁷ Богатырёв И. В. Галерная верфь Петра I // Судостроение. 1983. № 12. С. 61–64.

строителей¹⁵. В 1804 г. было образовано Заведение для делания мореходных, математических и физических инструментов на Васильевском острове, включённое в 1809 г. в состав многопрофильного Паноптического заведения на Охте и перенесённое, после его уничтожения пожаром в 1818 г., на Ижорские заводы¹⁶. В 1811 г. появилась Механическая мастерская Главного штаба¹⁷.

В 1740-х гг. прекратила существование Кронверкская верфь¹⁸, а в 1798 г. — Галерная, на базе которой началось развитие комплекса Нового адмиралтейства¹⁹, а в 1802–1809 гг. при слиянии Невы и Охты, где ранее стояла крепость Ниеншанц, была образована Охтинская верфь, на которой до 1811 г. строились корабли малых, а в дальнейшем и средних классов²⁰. В 1733 г. был остановлен, а через девять лет года окончательно закрыт Сестрорецкий пороховой завод²¹, в 1801 г. ликвидирован Петербургский с перенесением всего порохового производства на Охту²².

В 1789 г. на острове Котлин был создан казённый Кронштадтский литейный завод, предназначенный для изготовления артиллерийских снарядов²³, а двенадцать лет спустя его дублёр, Санкт-Петербургский литейный завод, появился уже «на материке», на седьмой версте Петергофского шоссе²⁴. В 1824 г. после разрушительного наводнения, уничтожившего значительную часть предприятия, производство Санкт-Петербургского литейного завода было перенесено на новое место и возобновлено в 1826 г. под названием Александровского ли-

тейного завода²⁵, а старая площадка оказалась фактически заброшенной на долгие годы.

Наконец, для завершения краткого описания развития комплекса военных предприятий города следует добавить создание в 1826 г. Петербургского ракетного заведения²⁶, в 1845 г. — Охтинского капсюльного заведения²⁷ и перенос в 1850 г. Петербургского арсенала в новый комплекс на Выборгской стороне²⁸ (старые арсенальные здания на левом берегу Невы частично снесли, а частично передали под административные нужды артиллерийского ведомства).

Таким образом, произошедшие в течение века изменения не затронули структуру собственности военно-промышленных предприятий города, остававшихся в течение всего рассматриваемого периода исключительно казёнными. Объяснение этому следует искать не только в особенностях российской экономики, не обеспечивавшей достаточный спрос для крупных металлообрабатывающих предприятий, каковыми являлись военные производства, но и в ряде специальных законов, принятых в XVIII — первой половине XIX столетий.

Первым стал сенатский указ от 12 января 1759 г.²⁹, предписывавший «по Неве-реке в Шлиссельбургском уезде и в других способных к Петербургу местах для соблюдения лесов никаких фабрик и заводов вновь заводить не допускать»³⁰. Вторым, ещё более строгим именованным указом от 25 октября 1762 г. было «повелено, чтобы отныне впредь всем, кто пожелает разного звания фабрики и заводы <...> строить и размножать вне Москвы, но в прочих городах и уездах, чего за ними, дабы они неотменно сие самым действием исполняли, смотрение иметь по должности своей Мануфактур-коллегии и прочим, до кого принадлежит; то же разумеется и о городе Санкт-Петербурге»³¹. Таким образом, власти самым недвусмысленным образом запретили создание частной промышленности в обеих столицах.

¹⁵ Матвеев В. Ю. Механические искусства и Императорская академия художеств. М., 2010. С. 44, 57–58, 60.

¹⁶ Извлечение из описания Адмиралтейских ижорских заводов, составленного корабельных инженеров подполковником Швабе // Морской сборник. 1855. Т. XVI. № 5. Отдел первый. Ч. II. С. 42–43.

¹⁷ Новокишанова З. К. Механическая мастерская Главного штаба // Историко-астрономические исследования. Вып. VIII. М., 1962. С. 331.

¹⁸ Богатырёв И. В. Первая верфь С. — Петербурга... С. 62; История отечественного судостроения. СПб. 1996. Т. I. С. 198.

¹⁹ Михайлов Н. Краткий исторический очерк Нового адмиралтейства // Морской сборник. 1893. Т. CCCLVII. № 9. Сентябрь. Неофициальный отдел. С. 55.

²⁰ Мансуров Б. Охтенские адмиралтейские селения // Морской сборник. 1854. Т. XIII. № 12. Ч. III. С. 430–431, 434.

²¹ Каменев К. И. Указ. соч. С. 108–114.

²² Забелин Л. В. Пороховая промышленность России до октябрьской революции 1917 года (исторический очерк). Пермь, 1997. С. 21; Каменев К. И. Указ. соч. С. 200–202.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 1365. Оп. 5. Д. 22. Л. 8.

²⁴ Там же. Л. 8–9; К столетию Путиловского завода. 1801–1901 гг. СПб., 1902, С. 9.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1365. Оп. 5. Д. 24. Л. 3–5. В 1843 г. Александровский литейный завод был передан С.-Петербургско-Московской железной дороге, однако и в дальнейшем продолжал, по возможности, выполнять военные заказы.

²⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 109. Д. 334. Л. 26, 31, 70–71.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 106. Л. 218, 228–229, 279.

²⁸ Родзевич В. Указ. соч. С. 106.

²⁹ Здесь и далее все даты даются по старому стилю.

³⁰ 1-е ПСЗРИ. Т. 15. С. 313–315. № 10914.

³¹ 1-е ПСЗРИ. Т. 16. С. 88. № 11689.

Зарождение военных НИОКР и государственно-частное «партнёрство»

Обзор развития военной промышленности не будет полным без хотя бы беглого описания положения дел в смежной с производством сфере, являющейся неотъемлемой частью ВПК-ОПК — разработке вооружения (или, говоря современным языком, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках — НИОКР).

В течение всего XVIII — начале XIX в. эта деятельность находилась на стадии зарождения, не носила сколько-нибудь системного характера, а как элемент государственной политики вообще не существовала. В таких условиях имеющая хоть какое-то отношение к науке и новым технологиям работа государственных ведомств сводилась к рассмотрению многочисленных, обычно фантастических проектов и изобретений, нередко предлагавшихся весьма далёкими от военного дела людьми³².

Не только в локальном петербургском, но и во всероссийском масштабе самым ярким эпизодом здесь стало многолетнее противостояние механика Нартова и изобретателя капитана Бишева, носившее во многом трагикомический характер и представлявшее не столько научно-технический спор вокруг предлагавшегося последним «чудо-оружия», сколько обмен кляузными и оскорблениями³³. Однако именно в этой, несовершенной, порой анекдотической деятельности зарождались и элементы взаимодействия государства и частных лиц, постепенно распространявшегося во все сферы ВПК.

Первым из оборонных ведомств занялось системным внедрением научно-исследовательской работы в постоянную практику военно-сухопутное. Прообраз постоянно действующего научно-технического подразделения, правда, даже не имевший названия, появился здесь в 1798 г., когда в штате Артиллерийской экспедиции учредили ряд должностей, функции которых сводились «к рассматриванию всякого рода планов, прожектов, смет и прочего как по артиллерийской, так и по инженерной частям». Следующим шагом стало образование 24 февраля 1804 г. уже не безымянного органа, изначально названного, правда, «Временным артиллерийским комитетом для рассмотрения гарнизонной артиллерии»³⁴. Четыре года спустя статус комитета

закрепили окончательно, и высочайшим указом от 4 июня 1808 г. его переименовали в Ученый комитет по артиллерийской части³⁵. С 1812 г. его функции перешли к вновь созданному Военно-учённому комитету, существовавшему до 1862 г. сначала при Главном штабе, а затем при Военном министерстве³⁶.

В Морском ведомстве схожие перемены начались чуть позднее — 25 ноября 1799 г. при Адмиралтейств-коллегии был учрежден особый Комитет для распространения морских наук и усовершенствования художественной части морского искусства. В апреле 1805 г. его функции были переданы Государственному адмиралтейскому департаменту, а в августе 1827 г. с его упразднением их поделили между Управлением генерал-гидрографа и вновь созданным Морским учёным комитетом³⁷. От перемены названий и штатов, и это главное, уже не менялась сущность: в Военно-морском ведомстве также появилась и постепенно развивалась структура, отвечавшая за научно-техническое развитие.

В течение первых десятилетий своего существования научные структуры Военного и Морского ведомств практически не занимались собственными исследованиями и разработками, выполняя главным образом экспертную функцию, рассматривая и оценивая предлагавшиеся изобретения и проекты, по-прежнему чаще всего не имевшие практического значения и не получавшие применения. Однако систематическая деятельность в этой сфере так или иначе способствовала накоплению опыта и знаний, становившихся основой для более результативной работы в дальнейшем.

Таким образом, к концу первой четверти XIX в. Петербург стал главным и единственным центром военной научно-технической деятельности Российской империи. Здесь работали постоянные структуры Военного и Морского министерств, а также ряд периодически формировавшихся этими ведомствами под единичную задачу временных комиссий и комитетов. При этом взаимодействие государства и частных лиц в сфере военных изобретений носило во многом случайный, экспромтный характер, когда при проявлении частной инициативы и государственного интереса под каждое конкретное дело создавалась своя схема реализации, как это было в случае изобретателя военного аэро-

³² *Бранденбург Н.* Артиллерийские прожектеры в России в половине XVIII столетия // Артиллерийский журнал. 1881. № 9. С. 627.

³³ Подробнее см.: *Бранденбург Н.* Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Ч. II (XVIII век). Вып. I. СПб., 1883. С. 39–43.

³⁴ Очерк учреждения и развития Артиллерийского комитета (1804–1859 гг.) // Артиллерийский журнал. 1885. № 9. С. 661–663; *Родзевич В.* Указ. соч. С. 172.

³⁵ 1-е ПСЗРИ. Т. 30. С. 289. № 23063.

³⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917. СПб., 2004. Т. 4. С. 48.

³⁷ Краткий обзор о составе и действия Морского ученого комитета со времени его преобразования 25 ноября 1847 года // Морской сборник. 1855. Т. XVIII. № 9. Отдел второй. Ч. II. С. 133.

стата Франца Леппиха³⁸ или автора одного из первых проектов боевых ракет обер-бергмейстера Чеботарёва³⁹.

В любом случае, именно научно-технический прогресс стал главным стимулом развития частно-государственного партнёрства в военной промышленности.

Первые частные петербургские заводы и их участие в выполнении военных заказов

В 1790 (по другим данным, в 1792) г. выходец из Шотландии Карл (Чарльз) Берд основал в дельте Невы на Матисовом острове, по соседству с освоенным для кораблестроительных дел ещё в петровское время Калининским островом, где тогда располагалась Галерная верфь, металлообрабатывающий и механический завод⁴⁰. Обстоятельства, благодаря которым это стало возможным, до сих пор не установлены, скорее всего, для иностранного специалиста было сделано исключение из действующего законодательства — как сказано выше, к тому моменту существовало уже два указа, категорически запрещающие строительство частных промышленных предприятий в Санкт-Петербурге и его окрестностях. В пользу того, что появление в Петербурге завода Берда стало разовым исключением, а не сменой правил, говорит то, что 11 мая 1799 г. ещё одним именным указом, объявленным генерал-прокурором, было вновь подтверждено высочайшее повеление: «На будущее время заводов ближе назначенного указами 1758 и 1762 года расстояния от Санкт-Петербурга не заводить»⁴¹.

О начальном периоде существования завода Берда не сохранилось практически никаких сведений⁴², поэтому об истинной причине, по которой его появление вообще сделалось возможным, остаётся судить лишь по косвенным данным, прежде всего, по работам, которые выполняло новое предприятие. Как уже сказано выше, завод Берда был механическим и металлообрабатывающим, но, главное, здесь было ор-

ганизовано изготовление паровых машин — наивысшего для своего времени достижения инженерной мысли. Именно это обстоятельство даёт основание назвать завод Берда первым машиностроительным заводом Российской империи; а позднее, с привлечением его к выполнению заказов оборонных ведомств (Военного и Морского министерств), также и первым частным предприятием в системе военно-промышленного комплекса Петербурга.

Наиболее ранний из известных на сегодня военных заказов завод Берда получил в 1809 г. Весной того года К. Берд был приглашён министром военно-сухопутных сил графом А. А. Аракчеевым, передавшим ему пожелание Александра I оснастить производственное здание Петербургского арсенала, в котором помещался сверлильный механизм, паровой машиной вместо использовавшейся ранее конной тяги. Обсудив с министром детали проекта, промышленник счёл дело реализуемым и приступил к работе⁴³. В 1812–1813 гг. Берд получил и выполнил значительно более крупный заказ на машины и механизмы для Казанского арсенала, включая станки и машины для литья, высверливания и отделки пушек⁴⁴.

О том, что в это время Берд стал основным поставщиком оборудования для пушечного производства, свидетельствует запись в журнале общего присутствия артиллерийского департамента Военного министерства (далее — АДВМ) от 1 декабря 1813 г., зафиксировавшая, что «все опoki пред сим для С.-Петербургского, Брянского и Казанского арсеналов заготовлялись на заводе обер-гитенфервалтера Берда»⁴⁵. В 1814 г. его завод также изготавливал различные комплектующие для арсенальных механизмов и станков, в том числе медные и чугунные детали к паровой, сверлильной и другим машинам⁴⁶.

Поскольку предприятие Берда к тому времени было фактически российским монополистом в изготовлении паровых машин, неудивительно, что к его услугам прибегали не только для приобретения этого оборудования, но и для обучения молодых специалистов. Сохранились, например, документы, подтверждающие ознакомительные визиты на завод воспитанников Горного кадетского корпуса в 1811 и даже в военном 1812 году. Обращаясь к Берду, командир Корпуса А. В. Казадаев неизменно указывал, что «собственный Ваш завод по многим причинам заслуживает любопытство и внимание всякого учёного», а Берд в том же учтивом стиле отвечал, что кадетам «действие паровых машин можно

³⁸ Константинов К. И. Воздухоплавание. СПб., 1856. С. 78–80; Семенкевич Н. Н. Предтеча русского дирижабля // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 206–207.

³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 60. Л. 7.

⁴⁰ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1896. С. 144; Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. М., 1979. С. 17.

⁴¹ 1-е ПСЗРИ. Т. 25. С. 648. № 18962.

⁴² Основной фонд документов завода Берда хранится в ЦГИА СПб в фонде 1440. Самые ранние документы в нём относятся к 1795 г., самые ранние документы о выполненных предприятием заказах — к 1861 г. См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Путеводитель. СПб., 2009. Т. 1. С. 378–379.

⁴³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 18/1. Д. 488. Л. 1–2.

⁴⁴ Там же. Оп. 9/2. Д. 2290. Л. 1, 23, 38, 42, 44, 52.

⁴⁵ Там же. Л. 96.

⁴⁶ Там же. Л. 145–147.

видеть всякий день и час, выключая праздников, а если осмотреть оные разобранные, то не иначе как в праздничный день»⁴⁷.

5 июля 1812 г., когда наполеоновские войска уже третью неделю маршировали по России, Берд как ни в чём небывало отозвался на очередной запрос Казадаева: «Касательно осмотра воспитанниками Горного кадетского корпуса заведений чугунного моего завода честь имею донести, что такое посещение воспитанников я приму с особенным удовольствием»⁴⁸.

Вскоре после Отечественной войны завод Берда отметился ещё одним знаменательным достижением: здесь был построен и спущен на воду первый русский пароход. Как указывалось по поводу этого события в официальном издании Морского министерства, «г. Берд на простую тихвинку поставил машину в 4 паровые силы, и этот импровизированный пароход совершил 3 ноября 1815 года два рейса: один в Кронштадт, а другой обратно в Петербург. В 1816 году г. Берд построил первый настоящий пароход в 20 сил, и с тех пор начались постоянные рейсы с пассажирами в Кронштадт»⁴⁹. Новинка произвела должное впечатление, но желаемого (надо думать) заказа от военных моряков Берду не принесла; первым колесным пароходом, заказанным для морского ведомства, стал построенный в 1817 г. на казённых Ижорских заводах «Скорый». Первый вооружённый пароход российского флота, «Ижора», появился только в 1826 г., и его строителем также было не предприятие Берда, а Ижорские заводы⁵⁰.

Нельзя, конечно, сказать, что потенциал завода Берда вообще не был использован в интересах кораблестроения — его мастера приняли активное участие в становлении паровых сил Черноморского флота⁵¹, и вплоть до середины XIX в. он был единственным отечественным предприятием, поставлявшим паровые машины для военных кораблей⁵². Однако следует признать, что абсолютное большинство заказов этого профиля прошла мимо предприятия, что красноречиво показывают, к примеру, следующие данные: с 1817 по 1853 г. для Балтийского флота и портов было построено 23 малых невооружённых колесных парохода,

из них 8 за границей, 2 — на частных русских верфях, 13 — на казенных верфях в Петербурге и на Ижорских заводах⁵³.

Что же касается заказов от Военного министерства, то и они носили нерегулярный и неравномерный характер и в любом случае не могли служить источником для уверенного существования и развития завода (хотя при этом госзаказ, безусловно, был главным источником его существования, утверждая это, можно опереться на мнение одного из ведущих российских промышленников второй половины XIX в. Людвиг Нобеля, который, делая в 1874 г. анализ развития отечественного машиностроения, указывал: «Завод Берда, существующий уже давно, был вызван и поддерживался правительством»⁵⁴ и, касаясь более позднего периода: «В 50-х годах правительство заказало громадные машины для флота, которые и были исполнены; но из тех заводов, на которые был возложен этот заказ, не уцелел ни один, исключая завод Берда, поддерживаемого правительственными заказами»⁵⁵).

Имеющиеся материалы показывают, что завод Берда брался выполнять самые разные предложения военных ведомств, причём порой не только по чисто экономическим мотивам. К примеру, в числе изделий, принятых артиллерийским департаментом от завода в 1814 г., значится «в военный ученый Комитет для конгревовых ракет железная точеная оправка <...> весом 2 пуда 19 фунтов ценой 74 рубля 25 копеек». Едва ли предприятие, уже оперировавшее суммами в сотни тысяч рублей, могло прельститься столь незначительной работой, скорее, «оправка» была сделана ради поддержания хороших отношений с военными⁵⁶.

Много лет спустя завод оказал артиллерийскому ведомству другую услугу, также связанную с ракетной тематикой и имевшую, скорее всего, деликатный характер. Весной 1849 г. для изготовления экспери-

⁵³ Мордовин П. Указ. соч. С. 49.

⁵⁴ Беседа по VI отделу Императорского русского технического общества 26 января 1874 года под председательством г. Эгерштрома, сообщение г. Нобеля «О влиянии казённых заказов на развитие частной механической промышленности» // Записки Императорского русского технического общества. 1875. Вып. 1-й. Беседы, относящиеся к исследованию в России положения машиностроения и отраслей промышленности, имеющих к нему непосредственное отношение. Труды комиссии, для сего образованной при Обществе, и материалы, ею собранные. С. 2.

⁵⁵ Беседа 2 ноября 1874 года по сообщению Л. Е. Нобеля «О причинах застоя в нашей механической и железной промышленности» // Записки Императорского русского технического общества. 1875. Выпуск 1-й. Беседы, относящиеся к исследованию в России положения машиностроения и отраслей промышленности, имеющих к нему непосредственное отношение. Труды комиссии, для сего образованной при Обществе, и материалы, ею собранные. С. 53.

⁵⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 9/2. Д. 2290. Л. 147.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Т. 2. Д. 2451. Л. 2, 3, 5; Д. 2583. Л. 1, 7.

⁴⁸ Там же. Д. 2583. Л. 7.

⁴⁹ Бабицын Н. Петербург // Морской сборник. 1865. Т. LXXXI. № 12. Декабрь. С. 16.

⁵⁰ Мордовин П. Русское военное судостроение в течение последних 25 лет. 1855–1880 г. // Морской сборник. 1880. Т. CLXXX. № 10. Октябрь. Неофициальный отдел. С. 49.

⁵¹ История отечественного судостроения. Т. I. С. 320, 329.

⁵² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. III. Ч. 1. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1851. С. 78.

ментальных ракет, предложенных капитаном К. И. Константиновым, потребовалось приобрести партию железных труб определённой длины и диаметра. Достаточно быстро выяснилось, что промышленного производства таких труб в России нет, а кустарное изготовление предполагало заварку железа от руки с последующей чистовой обработкой, что, во-первых, требовало много времени и издержек, а, во-вторых, не гарантировало надлежащего качества. Между тем было известно, что такие трубы можно приобрести в Англии. И тогда артиллерийский департамент обратился с просьбой к Берду (в тот момент заводом управлял уже сын основателя Ф. К. Берд), с просьбой сделать заказ от своего имени. Такой ход явно диктовался стремлением сохранить дело в тайне — прямое обращение артиллерийского ведомства не могло не привлечь к нему ненужного внимания. Берд исполнил просьбу, не сулившую ему никакой очевидной выгоды, без промедления, и через полгода трубы, выписанные через одного из английских партнёров Берда, прибыли в Петербург⁵⁷. Можно приводить ещё много других разрозненных примеров сотрудничества завода Берда и артиллерийского ведомства, причём не только в производственной сфере (отметим хотя бы тот факт, что предприятие в течение многих лет была базой для практических занятий учеников Технической артиллерийской школы)⁵⁸ — в любом случае, это не отменит главного вывода: системным, обеспечивающим экономическую устойчивость предприятия участие завода в военном производстве не было уже хотя бы в силу разноплановости и нестабильности получаемых заказов.

Скорее всего, завод Берда ещё не одно десятилетие оставался бы единственным частным заводом в Петербурге, если бы не чрезвычайные обстоятельства. Установленные законами правила были нарушены в 1811 г. — в предвоенной обстановке появилось второе в российской столице частное военное производство, ставшее вместе с тем и первым специализированным частным предприятием петербургского ВПК — пулелитейный завод Карла Грейсона, созданный для реализации разработанной им технологии изготовления ружейных пуль из чугуна, позволявшей заменить стремительно дорожавший, а, главное, не производившийся в то время в России свинец. Завод просуществовал чуть более пяти лет, и его история вполне может рассматриваться как характерный пример взаимоотношения государства и частного сектора своего, и не только своего, времени, точнее — как показатель полного

⁵⁷ Там же. Оп. 24/3. Д. 358. Л. 145–148, 177–178.

⁵⁸ Прохоров, Антонов. Краткий исторический очерк Технической артиллерийской школы за 75 лет её существования. 1821–1896 гг. // Артиллерийский журнал. 1899. № 10. С. 918.

отсутствия государственного интереса к сохранению частного промышленного производства, даже имевшего стратегический характер⁵⁹.

Таким образом, вплоть до начала николаевской эпохи, или почти за 125 первых лет существования Петербурга в городе возникли всего два частных предприятия, вовлечённых в систему ВПК (ОПК), при этом срок жизни одного из них не вышел за пределы указанных хронологических рамок. Уже на излёте данного периода, в 1824 г., в Петербурге открылось ещё одно частное металлообрабатывающее производство — завод Илуса, занявшийся изготовлением паровых машин и станков⁶⁰, однако его участие в исполнении оборонных заказов началось значительно позднее, во второй половине столетия.

Несмотря на крайне ограниченное участие частных предприятий в системе ВПК (ОПК) в течение первых десятилетий XIX в., даже этот небольшой опыт дал руководству военных ведомств России и непосредственно курировавшим их работы верховным руководителям государства возможность убедиться в преимуществах, которые обеспечивало вовлечение предпринимателей в военное производство — прежде всего, благодаря их большей гибкости и инновационности в сравнении с казёнными организациями. Вставал, таким образом, вопрос о корректировке государственной политики в области военной промышленности, которая позволила бы максимально эффективно использовать для решения возникавших задач предприятия разных форм собственности и, в том числе, так или иначе поддерживать в периоды отсутствия непосредственной необходимости наиболее важные с точки зрения интересов обороны государства частные предприятия.

Однако этого, по крайней мере, официально сделано не было. Скорее наоборот. 29 марта 1836 г. Николай I утвердил «Учреждение Военного министерства» — базовый закон, в котором был подробно определён «состав министерства, предметы его занятий, обязанности, права и ответственность», в том числе в вопросах, касающихся военной промышленности. Параграф 291 «Учреждения» устанавливал: «По свойству артиллерийского хозяйства формирование материальной части артиллерии производится различными способами. Некоторые металлы, припасы и материалы приобретаются покупками из частных рук. Главнейшие металлы, артиллерийские снаряды и частью белое оружие доставляются

⁵⁹ Завод прекратил существование после неоднократного нарушения государством взятых на себя обязательств по снабжению его сырьём, что являлось ключевым условием существования предприятия. Подробнее см.: Хозиков В. И. Завод Грейсона — первое специализированное частное военное предприятие Санкт-Петербурга // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2016. Ч. V. С. 233–244.

⁶⁰ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. С. 145.

с заводов горного ведомства. Огнестрельное оружие, артиллерии и огнестрельные припасы готовятся в заведениях артиллерийского ведомства»⁶¹.

Таким образом, доступ частной промышленности к исполнению военных заказов был строго ограничен — законом им отводилась только роль поставщиков сырья, причём второстепенного значения, производство вооружения оставалось прерогативой казённых предприятий, об источниках же оборудования для последних в законе не говорилось ничего. Безусловный приоритет государственных структур ещё раз подтверждался параграфом 296 «Учреждения», определявшим задачу заводов артиллерийского ведомства: «Главная цель учреждения сих заведений заключается в том, чтобы при умеренных издержках получать нужное количество оружия, артиллерии и огнестрельных припасов и иметь в них всегда верный и надёжнейший способ обеспечить потребность государства в предметах вооружения»⁶².

Тем не менее, обозначенный примером заводов Берда и Грейсона принцип привлечения частных предприятий в систему ВПК-ОПК — использование их возможностей при внедрении и распространении новых, передовых технологий, которыми государство не располагало, подтвердился и дальнейшим опытом — пусть даже и не благодаря, а скорее вопреки продекларированным основам государственной политики в области ВПК-ОПК. Формируясь строго на государственной основе, для дальнейшего развития военная промышленность в целом и её отдельные отрасли в частности нуждались в частном элементе как носители новых знаний, капиталов, организационного потенциала и управленческой эффективности — всего того, чего нередко недостаёт официальным структурам.

Частные заводы Петербурга эпохи Николая I и их вовлечение в систему ВПК-ОПК

Начавшийся во второй четверти XIX в. переход ведущих армий мира на новые типы стрелкового оружия — с кремнёвого на капсюльное (ударное) и с гладкоствольного на нарезное — вызвало необходимость обращения к частной инициативе. Для подготовки перевооружения в 1830 г. был создан специальный Комитет об улучшении штуцеров и ружей (КОУШР, или просто Оружейный комитет)⁶³, который, подобно уже

существовавшим к тому времени военно-научным структурам, принял на себя экспертную функцию по выбору наилучших из предлагаемых образцов нового оружия и боеприпасов без ведения самостоятельных разработок. В итоге вопрос решался фактически в открытом конкурсе, свои образцы пистолетов, ружей и штуцеров на рассмотрение КОУШР представляли и офицеры, и гражданские, как российские оружейники, так и иностранцы, как казённые заводы, так и частные лица.

Государство никак не стимулировало участников «конкурса», для которых, таким образом, единственным мотивом участия была довольно призрачная надежда на то, что именно их образец в итоге будет признан лучшим и обеспечит его автору вознаграждение (размер которого, впрочем, заранее никак не обозначался). Вместе с тем растянувшаяся на несколько лет эпопея с выбором модели капсюльного ружья стала ещё одним эпизодом в практике взаимодействия государства и частных лиц в области военных НИОКР.

Ещё до того, как системы оружия были выбраны и утверждены, военное ведомство столкнулось с необходимостью приобретать новые элементы стрелковых боеприпасов — капсюли, первоначально в ограниченном, достаточном для опытов количестве, а затем, по мере введения ударных ружей и пистолетов в войска, во всё более крупных партиях. Первыми поставщиками стали частные мастера, занимавшиеся изготовлением охотничьего оружия — Вагнер, Власов, Куприянов, Орлов, Северцов⁶⁴, однако их кустарных мощностей вскоре стало не хватать для удовлетворения растущих потребностей армии. Решение пришло, когда вопрос о постройке в России казённого капсюльного производства ещё даже не начал рассматриваться: в петербургском пригороде Колпино появилось частное Капсюльное заведение иностранного купца Е. К. (Эужена) Рамбюра.

Летом 1838 г. Рамбюр подал министру финансов прошение о дозволении устроить в Петербурге фабрику «ударных пистонов, механических петель, разного рода химических огнив и соляно-кислого кали» с освобождением по содержанию фабрики на 10 лет от платежа гильдейских повинностей. Министр, «принимая в уважение, что учреждение в России фабрики ударных пистонов и металлических петель представляет новый способ выгодного употребления меди, которая составляет главный материал, что статья сия может сделаться немаловажным предметом заграничного отпуска, между тем как ныне пистоны ввозятся в Россию, наконец, что по случаю введения пистонов в употребление в войсках полезно иметь пистонную фабрику», вошёл с соответствующим

⁶¹ Учреждение Военного министерства. СПб., 1836. С. 32 об. — 32*.

⁶² Там же. С. 32 об.

⁶³ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917. СПб., 2004. Т. 4. С. 84.

⁶⁴ Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л., 1984. С. 14.

щим представлением в Комитет министров, прося дать таковую льготу по 2-й гильдии купечества. 16 августа 1838 г. Комитет министров решение утвердил⁶⁵. Таким образом, следуя формальной хронологии, Капсюльное заведение Рамбюра стало пятым по старшинству частным военным предприятием Петербурга⁶⁶.

Уже через два года после начала своего дела Рамбюр смог получить заказ от Военного ведомства на изготовление одного миллиона капсюлей для ружей. В связи с этим он снова обратился за правительственным содействием, на этот раз, в дополнение к уже имеемой им льготе, прося о выдаче беспроцентного кредита в 15 тыс. рублей серебром сроком на восемь лет. Министерство финансов в выдаче ссуды отказало, объяснив отсутствием соответствующего фонда, одновременно порекомендовав предпринимателю обратиться в артиллерийское ведомство, с получением заказа которого, собственно, и была связана потребность Рамбюра в расширении фабрики, на которое испрашивался кредит⁶⁷.

Следуя этому совету, 24 марта 1841 г. Рамбюр направил письмо в штаб генерал-фельдцейхмейстера (далее — ШГФ) с предложением организовать фабрику для изготовления капсюлей к армейским ружьям ударной системы⁶⁸. Штаб передал прошение на рассмотрение артиллерийского департамента, который уже 11 апреля того же года — достаточно быстро для своего времени — дал отрицательное заключение по ходатайству предпринимателя, поскольку «по неутверждению ещё какой именно системы введены будут в войсках ударные ружья и по неокончании производящихся на этот предмет опытов, по мнению департамента не следует приступать в настоящее время к устройству особого заведения для изготовления ударных колпачков»⁶⁹.

Тем не менее, и в последующие три года Рамбюр фактически оставался единственным поставщиком капсюлей для Военного ведомства. Несложно предположить, что если бы не Рамбюр, капсюли в этот период пришлось бы покупать за границей — между тем, из известных документов Военного ведомства того времени отнюдь не следует вывод,

что соответствующие инстанции, поставив вопрос о перевооружении армии капсюльными ружьями, одновременно озаботились вопросом о создании соответствующего капсюльного производства, т. е. не появились, во многом случайно, частник Рамбюр, Россия в течение нескольких лет была бы вынуждена закрывать свои потребности в капсюлях полностью за счёт импорта.

Вдохновлённый успехом своего предприятия, Рамбюр сделал попытку расширить сферу сотрудничества с Военным ведомством, предложив принять на вооружение ударное ружьё его конструкции. Прошение об этом на имя генерал-фельдцейхмейстера поступило в КОУШР под самый занавес 1842 года — 31 декабря; фабрикант ходатайствовал или о постановке его системы на вооружение или, в случае отказа, выдаче ему привилегии на использование его изобретения в охотничьих ружьях.⁷⁰ Прошение достаточно оперативно — 16 января 1843 г. — рассмотрели, признав конструкцию ударного ружья Рамбюра слишком сложной для принятия на вооружение, вместе с тем предоставив изобретателю испросить привилегию на изготовление по его системе охотничьих ружей⁷¹.

Эта неудача не повлияла на положение фабриканта как поставщика капсюлей. Лишь спустя несколько месяцев Военный совет, обсуждая вопрос о капсюлях, пришёл к выводу, что «имея в виду значительную потребность капсюлей при введении ударной системы ружей в войсках, и что заказ капсюлей вольным фабрикантам здешним и за границей представляет важные неудобства, полагаю устроить в обширном виде капсюльное заведение в С.-Петербурге, а до того времени, пока не устроится таковое заведение, требующиеся капсюли продолжать заказывать фабриканту Рамбюру». 5 мая 1843 г. Николай I утвердил это заключение⁷². Заострим на этом внимание: к моменту принятия решения о постройке казённого капсюльного производства опытно-конструкторские работы по системам ударного оружия велись уже не менее десяти лет⁷³, а частное капсюльное производство существовало пять лет.

Ведение дела о постройке в Петербурге казённого капсюльного производства было передано в ШГФ, который к концу 1843 г. составил проект, предусматривавший строительство капсюльного заведения близ Охтинского порохового завода и особой мастерской для приготовления затравочных стержней на Сестрорецком оружейном заводе. В декабре 1843 г. избранное место для устройства капсюльного заведения и пред-

⁶⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 24/3. Д. 210. Л. 2 и об.

⁶⁶ Четвёртым, после заводов Берда, Грейсона и Илиса, частным военным предприятием Петербурга следует считать механическую мастерскую (позднее — завод) Рейхеля, основанную в 1827 г. Однако о первых десятилетиях её существования практически ничего не известно, имеющиеся сведения о выполнении заводом Рейхеля военных заказов относятся ко второй половине XIX в. См.: *Езиоранский Л. К.* (сост). *Фабрично-заводские предприятия Российской империи*. СПб., 1909. С. 544–552.

⁶⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 24/3. Д. 210. Л. 3 и об.

⁶⁸ Там же. Л. 1.

⁶⁹ Там же. Л. 4 и об.

⁷⁰ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 156. Л. 1.

⁷¹ Там же. Л. 4–5.

⁷² Там же. Ф. 3. Оп. 24/3. Д. 318. Л. 3 и об.

⁷³ *Мавродин В. В., Мавродин Вал. В.* Указ. соч. С. 16.

варительные соображения об его учреждении были удостоены высочайшего одобрения, планы же зданий для производства планировалось получить от привлечённого для руководства проектом бельгийского механика Фаллиса, проект соответствующего контракта с которым был представлен генерал-фельдцейхмейстером военному министру для последующего утверждения Николаем I 1 декабря 1843 г.⁷⁴

Таким образом, решение вопроса о казённом производстве капсюлей отодвигалось как минимум на два года, соответственно продлевалось положение Рамбюра как монопольного поставщика капсюлей для вооружённых сил. 29 декабря 1843 г. артиллерийский департамент докладывал, что из частей, уже вооружённых ударными ружьями, вовсе не имеется капсюлей в шести гренадерских полках, так что с учётом необходимых на будущий год поставок капсюлей для частей гвардии требуется заказать Рамбюру пять миллионов капсюлей⁷⁵. В итоге 4 января 1844 г. Военный совет утвердил представление артиллерийского департамента о заказе фабриканту Рамбюру 5,5 млн капсюлей для удовлетворения потребностей войск в наступившем году⁷⁶.

На этот раз исполнение заказа шло трудно. 11 июня 1844 г. военный министр обратился к генерал-фельдцейхмейстеру с жалобой на некачественные капсюли фабриканта Рамбюра. Члены КОУШР, рассмотрев дело, пришли к выводу, «что значительное число осечек, обыкновенно замечаемых у нас на учениях и маневрах, происходит частью от неправильного снаряжения капсюлей фабриканта Рамбюра составом, а еще более от того, что состав, не будучи покрыт лаком, выкрашивается, а иногда и вовсе отпадает»; сам Рамбюр также присутствовал на заседании и здесь же письменно обязался покрывать каждый капсюль тонким слоем лака, не требуя за это доплаты сверх ранее оговоренной контрактом цены капсюля⁷⁷.

Через неделю после этого Рамбюр заявил, что не может покрыть лаком полмиллиона капсюлей, уже хранящиеся готовыми на его фабрике, поскольку не готов из-за этого поручиться за сохранность нанесённого ранее ударного состава, что же до 3 200 000 капсюлей, которые он ещё должен изготовить и сдать согласно действующему контракту, то их можно обработать, как было оговорено, однако за дополнительную плату в десять копеек на тысячу, что составляло чуть менее 4% от стоимости. Обсудив новые условия, члены КОУШР согласились на компромисс: пятьсот тысяч готовых капсюлей принять без лака, как настаивал

Рамбюр, остальные же 3,2 млн. требовать от него отлакировать бесплатно в силу данного ранее письменного обещания⁷⁸.

Проведённые позднее испытания показали, что выбранный способ повышения надёжности капсюлей вполне оправдал себя, и оставшиеся изделия были от Рамбюра благополучно приняты.⁷⁹ По итогам трёхлетних поставок фабриканта для Военного ведомства в утверждённой Николаем I 19 декабря 1844 г. докладной записке артиллерийского департамента «О содержании в артиллерийских складах запаса капсюлей» по этому предмету говорилось: «До настоящего времени требующиеся для отпуска войскам капсюли заказываемы были здешнему фабриканту Рамбюру, которым в 1844 г. приготовлено капсюлей: для пехотных ружей 11 520 000, для штуцеров стрелковых батальонов 1 780 000, итого 13 300 000. За сии капсюли заплачено ему по 2 руб. 25 коп. сер. за каждую тысячу, всего 29 925 руб. серебром. Капсюли для крепостных ружей также приготовлены были фабрикантом Рамбюром по 2 руб. 25 коп. сер. за тысячу. Деньги эти разрешено употребить заимообразно из общего экономического капитала Военного министерства с возвратом по сметам департамента 1845 и 1846 годов. Дальнейший заказ капсюлей Рамбюру приостановлен по случаю возведения по высочайшему повелению в С.-Петербурге нового капсюльного заведения, на устройство коего с высочайшего разрешения заключён контракт с бельгийским механиком Фаллисом»⁸⁰.

Действительно, первое в России казённое капсюльное производство — Охтинское капсюльное заведение — вскоре начало работу (появившись опять же при активном участии частного предпринимателя, правда, как уже сказано выше, иностранного). В связи с этим российское частное заведение — фабрика Рамбюра — из числа поставщиков военного ведомства выбыло. Не исключено, что в таком повороте дела свою роль сыграло не только создание государственного предприятия, но и склонность коммерсанта злоупотреблять монопольным положением и отказываться от взятых на себя обязательств, проявившаяся в последний год.

Среди десятков частных лиц, представивших на рассмотрение КОУШР различные системы капсюльного оружия, был и шведский изобретатель Иммануил Нобель. Он прибыл в Петербург в конце 1838 г. и первоначально был привлечён к работе с другой военной научно-экспертной структурой — Комитетом о подводных опытах (КОПО) —

⁷⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 24/3. Д. 318. Л. 3 об. — 4.

⁷⁵ Там же. Л. и об., 4 об. — 6.

⁷⁶ Там же. Л. 10 и об.

⁷⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 42. Д. 188. Л. 18–20.

⁷⁸ Там же. Л. 34–40.

⁷⁹ Там же. Л. 49, 51.

⁸⁰ 2-е ПСЗРИ. Т. 19. С. 892. № 18547.

по предложенному им же проекту морских мин⁸¹. Не оставляя этого дела, в начале 1841 г. Нобель представил разработанное им капсюльное ружьё генерал-фельдцейхмейстеру, который сразу же переадресовал дальнейшее ведение дела в КОУШР. Комитет отметил очевидные преимущества нобелевской системы перед другими рассматривавшимися в то время образцами и заявил о желании продолжить работу со шведским изобретателем⁸².

Нобелевское ружьё ещё проходило испытания, когда, получив от Российского государства 25 тыс. рублей за технологию изготовления морских мин, шведский изобретатель в партнёрстве с курировавшим его работы адъютантом генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича полковником Н. А. Огарёвым основал в 1844 г. в Петербурге металлообрабатывающий и машиностроительный завод. Насколько можно судить по сохранившимся описаниям, предприятие изначально было весьма небольшим сугубо мирным производством — «фабрикой для приготовления машин и экипажных колёс» с тремя десятками работников⁸³, однако к концу 1840-х гг. началось его вовлечение в исполнение заказов Военного, а затем и Морского ведомств. Также завод служил производственной базой для продолжавшихся до середины 1840-х гг. опытно-конструкторских работ Иммануила Нобеля с морскими минами и минными заграждениями (из работ по капсюльному ружью Нобель вышел без объяснения причин ещё в 1845 г., хотя, как следует из сохранившихся документов, его система имела определённые шансы быть принятой на вооружение)⁸⁴. Первой, насколько можно судить, крупной работой завода Нобеля-Огарёва для военной промышленности стал заказ партии станков для нового комплекса Петербургского арсенала, полученный в 1849 г.⁸⁵ Другим крупным поставщиком казны в данном проекте стал завод Берда, а суммарно эти два частных российских предприятия изготовили две трети требовавшегося для Нового арсенала оборудования, ещё треть была приобретена за границей⁸⁶.

На следующий год после появления завода Нобеля-Огарёва зять Николая I герцог Максимилиан Лейхтенбергский основал в Петербурге ещё одно промышленное предприятие — «Гальванопластическое и артистической бронзы заведение», или просто Гальванопластическое заве-

дение. Формально это производство, принадлежавшее члену императорской фамилии, было частным, (созданным «посредством собственных издержек и капитала, пожалованного государем императором»), однако едва ли его организатор изначально рассчитывал на какие-либо крупные заказы, кроме государственных. Весьма примечательно в связи с этим следующее обращение, направленное 20 июля 1845 г., т. е. в первые же месяцы существования заведения, министру финансов Ф. П. Вронченко: «Учреждение это <Гальванопластическое заведение — В. Х.> не может принадлежать к числу промышленных, имеющих цель приобретать денежные выгоды, но есть образцовое, по видам правительства основанное, в котором в большом размере и в первый раз испытываются представляемые наукою способы, о коих невозможно было составить понятие, пока эти способы были применяемы в малом виде». Далее в обращении указывалось, что герцог Лейхтенбергский начал своё дело «одним желанием оказать услугу науке и промышленности нашей страны, отваживаясь на опыт, который устрасил бы всякого, не имеющего в своем распоряжении вполне достаточных средств», и что «учрежденное заведение получило уже от казны поручение произвести важные и значительные работы, в которых его высочество ожидает совершенного успеха». В заключении же содержалась просьба ходатайствовать перед императором «о даровании сказанному заведению тех прав, какими пользуются казенные фабрики, и особенно освобождения от платежа гильдейских повинностей и от требования залогов в случае заказов, даваемых казною»⁸⁷.

Отказать мужу любимой дочери императора, к тому же нашедшему столь правильные слова в обоснование своей просьбы, наверное, было просто невозможно, во всяком случае, просимые льготы Гальванопластическому заведению герцога Лейхтенбергского были предоставлены, тем более, что окончательное решение в итоге благосклонно принял сам самодержавный тесть⁸⁸.

На достигнутом герцог, как следует из его письма к министру финансов от 21 января 1847 г., не остановился. Уведомив, что «учрежденное мною в С.-Петербурге Гальванопластическое заведение ныне совершенно окончено и получает уже большое развитие», он сообщил, что «независимо от сего я предположил устроить и устроил при оном литейную, чтобы тем дать всему заведению более самостоятельности», и в связи с этим «признал нужным для выражения всего курса деятельности заведения назвать оное С.-Петербургское Гальванопластическое и литейное заведение». Покончив с формальным уведомлением, его высочество

⁸¹ РГАВМФ. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 6. Л. 64 об.

⁸² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 749. Л. 1–4.

⁸³ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1140. Л. 2 и об.

⁸⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 749. Л. 74–78 об.

⁸⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 18/1. Д. 308. Л. 2–3.

⁸⁶ Родзевич В. Указ. соч. С. 105.

⁸⁷ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1194. Л. 1–2 об.

⁸⁸ Там же. Л. 5 и об.

просил министра «поставить в известность подлежащие присутственным местам, что на будущее время название сие будет фирмой моего заведения по всем официальным отношениям, и что на оное распространяется известное уже вам высочайшее повеление об освобождении заведения моего от записки в гильдию»⁸⁹.

Следует отдать герцогу должное — под его руководством, хотя и с очевидным использованием почти безграничного административного и финансового ресурса, С.-Петербургское гальванопластическое и литейное заведение к середине XIX в. превратилось в одно из ведущих промышленных предприятий России. Вскоре началось и его привлечение к исполнению военных подрядов; из известных на сегодня наиболее ранним стал направленный 8 февраля 1852 г. от Петербургского ракетного заведения и принятый 14 февраля заказ на 393 поддона к боевым ракетам 6-фунтового калибра для опытов саперных батальонов⁹⁰. Через восемь месяцев после этого, 20 октября 1852 г., основатель и владелец Гальванопластического заведения, президент Академии художеств, генерал-лейтенант Максимилиан Евгений Иосиф Август Наполеон 3-й герцог Лейхтенбергский скоропостижно скончался. Его имущество перешло детям, а непосредственное управление предприятием — к директору, отчитывавшемуся перед специально учреждённой для попечения о наследстве зятя императора комиссии опеки. Предприятие продолжало активно развиваться: согласно выданному 16 января 1853 г. С.-Петербургским военным генерал-губернатором свидетельству, годовый оборот заведения составлял 2 373 995 руб.; 7 марта того же года заведение получило крупный контракт на поставку машин, механизмов и станков для Киевского арсенала⁹¹.

Два с половиной года спустя председатель комиссии опеки, министр императорского двора граф Адлерберг, 10 ноября 1855 г. сообщал министру внутренних дел, что Гальванопластическое заведение в настоящее время производит «в огромных размерах сооружение различных машин и аппаратов. Работы сии производятся преимущественно для правительства, как то: паровые машины и механизмы для Кронштадтского пароходного заведения, машины для Охтинского порохового завода, механизмы для Олонецких литейных заводов, паровые машины для винтовых кораблей, корветов и канонерских лодок для Морского министерства, локомотивы и тендеры для Варшавской железной дороги и сверх того принята заведением обязанность по ремонту подвижного состава

этой дороги на 12 лет. Частным же лицам продажа машин и аппаратов производится только в самом заведении»⁹².

Чтобы завершить обзор частных петербургских предприятий, участвовавших к началу второй половины XIX в. в исполнении военных заказов, следует коснуться ещё несколько эпизодов, одним из которых стало появление в 1851 г. нового завода после расставания двух компаньонов — упоминавшихся выше Иммануила Нобеля и Н. А. Огарёва, прежде полковника, а в описываемое время уже генерал-адъютанта. Ещё в 1848 г. Огарёв убедил власти передать ему в аренду на 25-летний срок комплекс бывшего казённого С.-Петербургского литейного завода, разрушенного наводнением 1824 г. и с тех пор так и не восстановившегося, для организации на его базе изготовления рельсов⁹³. С взятым на себя обязательством Огарёв справился, восстановив производство, после чего 23 марта 1851 г. с разрешения Николая I продал Иммануилу Нобелю принадлежавшую ему половину их общего предприятия⁹⁴. Ещё через несколько месяцев, Огарёв подал императору прошение о пожаловании ему бывшего Петербургского литейного завода «в вечное и потомственное владение» в уважение его заслуг⁹⁵. Просьба была удовлетворена, и так на промышленной карте Петербурга появился частный завод Огарёва.

Следует отметить, что в исполнение военных заказов он включился ещё до того, как стал полноправным собственником. Так, например, летом 1850 г. Николай I приказал генералу составить проект по организации на его заводе производства железных лафетов для крепостной артиллерии⁹⁶. В конце 1852 г. Огарёв подал императору «всеподданнейшую записку» о предоставлении его заводу заказа на изготовление винтовых корабельных двигателей⁹⁷ и, получив принципиальное одобрение со стороны Николая I, в следующем году отправился за границу «для исследования всего, что относится до постройки судов с гребными винтами и до лучшего способа заводского приготовления механизмов оных». Одновременно Огарёв ходатайствовал о предоставлении ему крупных льгот в организации нового предприятия, в частности, права на беспрошленный ввоз в Россию неограниченного количества железа и чугуна⁹⁸. Запланированная поездка состоялась, генерал-заводчик посе-

⁸⁹ Там же. Л. 11 и об.

⁹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 8.

⁹¹ Архив ВИМАИВИВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 563. Л. 61.

⁹² РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1194. Л. 39.

⁹³ РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 32. Л. 158–161 об.

⁹⁴ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 246. Л. 163 и об.

⁹⁵ РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 32. Л. 149 и об.

⁹⁶ Архив ВИМАИВИВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 563. Л. 281 об., 294 об.

⁹⁷ РГАВМФ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 208. Л. 1.

⁹⁸ Там же. Л. 16.

тил Англию и Францию, однако против его притязаний на таможенные льготы категорически выступил управляющий Морским министерством генерал-адмирал великий князь Константин⁹⁹. Окончательно же планы по устройству машинного производства сорвала начавшаяся в 1853 г. война.

Иммануил Нобель, оставшись единоличным владельцем своего предприятия, переименовал его сперва в «Завод чугунолитейный и железоковальный и фабрику механического изделия колес г-на Э. Нобеля», а затем просто в завод Нобеля и сыновей. После успешно завершённой в том же 1851 г. поставки оборудования для Петербургского арсенала, он вошёл в узкий круг частных промышленников — исполнителей военных подрядов. В 1852 и 1853 г. И. Нобель заключил несколько контрактов на поставку металлических конструкций для форта «Император Павел I» в Кронштадте¹⁰⁰, и на строительство зданий в Свеаборгской крепости, причём в последнем случае договор предусматривал использование изготавливавшегося на заводе по разработанной самим предпринимателем технологии оцинкованного железа¹⁰¹. В феврале 1853 г. Нобель принимал на заводе управляющего Морским министерством, которому демонстрировал усовершенствованную им «духовую машину» шведского инженера Эриксона¹⁰², параллельно он подготовил проект установки этой машины в Петербургском ракетном заведении¹⁰³.

Жизнь нобелевского предприятия круто изменилась после того, как 23 августа 1853 г. генерал-адмирал объявил повеление императора предложить российским заводчикам «в поощрение частной заводской промышленности» принять участие в конкурсе на заказ трех винтовых машин в 500 сил каждая для 84-пушечных кораблей. Во 2-м и 3-м пунктах этого приглашения было сказано, что «настоящий вызов есть начало постоянных заказов от Морского ведомства на будущее время, и что тому заводу, который лучше и дешевле исполнит настоящий заказ, отдано будет со временем предпочтение, а также отдано будет преимущество и тем заводам, которые потребуют из-за границы наименьшее число готовых значительных машинных частей, разрешенных на тот раз выписать оттуда беспошлинно». Приглашение было напечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях» и, сверх того, разослано в осо-

⁹⁹ Там же. Л. 33.

¹⁰⁰ РГАВМФ. Ф. 84. Оп. 1. Т. 2. Д. 4994. Л. 11.

¹⁰¹ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Т. 1. Д. 776. Л. 60–61.

¹⁰² Еще о духовых машинах // Морской сборник. 1853. Т. IX. № 2. Февраль. С. 164–165.

¹⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 1. Л. 152.

бо отпечатанной брошюре всем известным механическим заводчикам, в том числе и И. Нобелю¹⁰⁴.

Фактически это было первое подобное предложение в истории отечественной промышленности, и Нобель увидел в нём шанс вывести своё относительно небольшое и не имевшее высоких покровителей предприятие на новый уровень. Примечательно, что первоначально заказом заинтересовались также куда более мощные завод Берда и Гальванопластическое заведение, однако на торги их представители вообще не явились, и в итоге за заказ завод Нобеля соревновался с никому неизвестным инженер-механиком Робинзоном (как позднее выяснилось, даже не имевшим своего производства — его он с двумя компаньонами намеревался построить в случае выигрыша на конкурсе) и поверенным от провинциального завода Шепелевых В. Сухово-Кобылиным. В отсутствие главных конкурентов победа предсказуемо осталась за заводом Нобеля, который 16 декабря 1853 г. заключил контракт с Морским министерством на изготовление трёх корабельных машин¹⁰⁵. Приступить к исполнению заказа, требовавшего практически полного переоборудования завода, ему пришлось в условиях начавшейся Крымской войны.

Частные промышленные предприятия Петербурга в период Крымской войны

К началу военных действий в Петербурге существовало четыре крупных по российским меркам частных предприятия, так или иначе участвовавших в исполнении военных заказов: завод Берда, Гальванопластическое и литейное заведение, завод Нобеля и сыновей и завод Огарёва.

К ним следует добавить фактически действовавший на коммерческом основании казённый Александровский литейный завод, в 1844 г. переданный С.-Петербургско-Московской железной дороге и одновременно отданный в аренду управляющим-американцам Иосифу Гаррисону и Уильяму Уайнсену (и с того момента в обиходе нередко называвшийся просто по именам управляющих «заводом Гарриса и Уайненса») — казённый формально, но не по сути. Американцы заключили с департаментом железных дорог контракт на условиях, которые в будущем получат название «арендно-коммерческого управления»¹⁰⁶.

Такая схема применялась в тех случаях, когда от предприятия требовалось совершить технологический прорыв и власти сознавали, что под-

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1740. Л. 40 об. — 41.

¹⁰⁵ Там же. Л. 42–48.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Ч. 1. Д. 32. Л. 49 и об.

ходящих для решения стоящей задачи управленцев среди государственных служащих не найти. По «арендно-коммерческой схеме» предприятие, формально оставаясь в казённой собственности, безвозмездно поступало в распоряжение частного лица, которое имело право управлять предприятием как частным и, выполняя оговоренный контрактом объём государственных заказов, могло в качестве вознаграждения забирать себе прибыль, полученную в том числе от привлечения дополнительных работ. На этих же условиях в августе 1850 г. американцы перезаключили контракт с департаментом железных дорог ещё на шесть лет¹⁰⁷.

В связи с Крымской войной имеется разовое упоминание ещё о двух частных предприятиях, выполнявших в тот период военные заказы, а именно о «двух заводах графа Ламздорфа, состоящих в окрестности С.-Петербурга на расстоянии 30 вёрст один от другого», на которых велось производство артиллерийских снарядов для северных крепостей¹⁰⁸, однако никаких иных сведений о них к моменту сдачи статьи в печать отыскать не удалось.

Конфликт, в котором против России выступили крупнейшие индустриальные державы тогдашнего мира, принёс частным заводам новые, вызванные требованиями военного времени, заказы, причём в таком объёме, что предприятиям, едва ли не впервые в их практике, от некоторых пришлось отказываться из-за чрезмерной загрузки¹⁰⁹. Также именно в этот период частному заводу впервые был дан заказ на изготовления оружия: 23 ноября 1855 г. Гальванопластическое заведение заключило контракт на отливку 60-фунтовых чугунных пушек¹¹⁰ (до этого момента в рамках работ на оборону деятельность негосударственных предприятий ограничивалась поставкой машин, механизмов и деталей, если не считать разового случая с инициативной отливкой в 1847 г. двух экспериментальных 6-фунтовых пушек на заводе Нобеля-Огарёва¹¹¹ и нескольких декоративных орудий, изготовленных там же для украшения зданий артиллерийского ведомства на Литейном проспекте¹¹²).

Из других достаточно многочисленных примеров, относящихся ко времени Крымской войны, наибольший интерес представляют два, наглядно демонстрирующие многообразие накопившихся проблем и противоречий во взаимоотношениях государства и частных предприятий.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 386. Л. 1–32.

¹⁰⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 563. Л. 373.

¹⁰⁹ См., напр. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3, Оп. 18/1. Д. 374. Л. 86.

¹¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 563. Л. 312.

¹¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 4. Д. 251. Л. 7.

¹¹² *Nobel-Oleinikoff M. Ludvig Nobel och hans verk. St.-Hel., 1952. S. 63.*

Первый из них был связан с событиями, потребовавшими от государства впервые в отечественной истории провести промышленную мобилизацию. Опыт этот, следует сразу отметить, был сугубо локальным как в географическом, так и в отраслевом плане, но от того не менее показательным.

Ещё летом 1854 г., предвидя в будущую кампанию атаку Кронштадта небольшими быстроходными пароходами, вооружёнными крупнокалиберными орудиями, в Морском министерстве признали необходимым строительство собственной флотилии винтовых канонерских лодок. Сложность задачи обуславливалась не только ограниченным сроком — не более восьми месяцев, причём на момент принятия решения не был готов даже проект канонерки. Положение усугублялось очевидным недостатком промышленных мощностей, как для строительства самих кораблей, так и для изготовления механизмов. В такой ситуации управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич принял решение действовать нестандартным путём, передав основной объём дела в частные руки.

Для строительства кораблей был привлечён подрядчик С. Г. Кудрявцев, ранее занимавшийся наймом мастеровых для казённых верфей¹¹³. Свободных стапелей для внеочередного заказа в Петербурге не имелось, поэтому для будущих канонерок в срочном порядке были расчищены площадки на свободных участках берега у Нового Адмиралтейства и на Охте, причём на первой из них по недостатку места корабли пришлось закладывать в два ряда. Как вспоминал адмирал И. А. Шестаков (в описываемое время — капитан 2-го ранга), назначенный тогда одним из кураторов строительства канонерной флотилии, «у Калинкина моста внезапно выросли незаконные дощатые постройки, но закон на время закрыл зоркие глаза. В них поместили казарменно сотни плотников, призванных отовсюду с чудодеем-топором, обогревали со всеми предосторожностями, кормили на убой и наблюдали тщательно, чтобы к ним не пристала какая-либо немочь»¹¹⁴.

Изготовление корабельных машин — наиболее сложная часть дела, по рекомендации директора кораблестроительного департамента генерал-майора М. Н. Гринвальда было доверено чиновнику особых поручений того же департамента Н. И. Путилову¹¹⁵.

¹¹³ *Путилов Н.* Краткое описание сооружения канонирской флотилии вообще и преимущественно изготовления тридцати двух винтовых машин на частных заводах // Морской сборник. 1856. Т. XXII. № 7. Май. Раздел II. С. 189.

¹¹⁴ *Шестаков И. А.* Полвека обыкновенной жизни. СПб., 2006. С. 187.

¹¹⁵ Там же. С. 184–185.

К тому моменту, а речь идёт о конце ноября 1854 г., в России имелось всего девять механических заводов, имевших опыт исполнения заказов Морского министерства и, соответственно, на практике знакомых с особенностями работы по казённым контрактам и выполнением требований военной приёмки¹¹⁶. Четыре из них располагались за пределами Петербурга, и уже по этой причине их участие в деле ввиду цейтнота было невозможным. Пять заводов находились в Петербурге и окрестностях: казенный Ижорский завод, арендно-коммерческий Александровский и частные заводы Берда, Нобеля и сыновей и Гальванопластический литейный и механический. Именно к ним обратился Путилов и получил отказ. Как он сам вспоминал, «все здешние заводы сознавали решительную невозможность исполнить заказ к открытию навигации 1855 года; только контрагент Александровского завода Вайнанс (Уайненс — В. Х.) соглашался принять заказ пяти машин»¹¹⁷.

Безвыходная, казалось бы, ситуация, привела к решению, которое сегодня кажется лежащим на поверхности, но для своего времени оказалось революционным. Поручение, данное Путилову управляющим Морским министерством, предусматривало немыслимую прежде в рамках государственного контракта свободу действий: от него требовалось обеспечить изготовление по предоставленному чертежу 15 корабельных машин к 1 мая 1855 г. и ещё 17 — к 15 июля 1855 г. (позднее повелением великого князя Константина задание было изменено: 23 машины — к 1 мая, 9 — к 15 июля)¹¹⁸, с условием израсходовать не более 640 тыс. рублей, или 20 тыс. рублей на каждую машину. Других ограничений, кроме времени и суммы, не было.

Путилов принял задание, письменно обязавшись подвергнуться взысканию убытков казны в случае, если им будет потрачено свыше 640 000 руб.¹¹⁹ Одновременно он получил одобрение великого князя на придуманный им выход из ситуации — разделить заказ между максимально возможным числом исполнителей. Основной объём работ удалось распределить среди большинства упоминавшихся выше крупных частных предприятий (заводов Берда, «Гаррисона и Уайненса» и Гальванопластического заведения — от какого либо участия в деле отказался только завод Нобеля и сыновей, загруженный основными заказами по корабельным машинам) и относительно небольших частных

петербургских производств, ранее военных контрактов не выполнявших: заводами Фомы Ишервуда (Выборгское литейное и механическое заведение), Иосифа Томсона (Невское литейное и механическое заведение), Томаса Ашворта и Эдвина Стивенса (Котельное заведение на Александровской верфи), Котельным заведением купца Семёнова и Литейным и механическим заведением братьев Фрике¹²⁰.

Остальные заказы были размещены везде, где придётся — как позднее выяснилось, Путилов привлёк к делу даже кустарные кузнечные и слесарные мастерские, в которых прежде не изготавливалось ничего сложнее подков и могильных оград. В исключительных случаях допускались и совсем нетривиальные для своего времени ходы. «Какой-то цилиндр не лез в лодку, и я не мог найти его ни на одном из заводов, открытых или воскрешённых Путиловым, — вспоминал И. А. Шестаков. — Взбешённый моими сомнениями, колдун <Путилов — В. Х.> посадил меня в карету и привёз... в придворное экипажное заведение! Там пропадавший без вести рекрут <цилиндр — В. Х.> предстал передо мной почти оконченный; его делали тайно, не только без вести для меня, но без ведома министра двора и придворной конторы! Нужна была промышленная находчивость, чтобы заключить, что каретное заведение может делать части парового механизма, и большая способность убеждать других. Легко ли уверить человека, который точил только экипажные оси, что он сам не чувствует своей силы и способен выточить самый могучий аппарат движения»¹²¹.

Следует подчеркнуть: то, что с детства стиснутому казёнными уставами, регламентами и правилами офицеру Шестакову казалось чудом, для любого хоть немного знакомого с реалиями предпринимательства не может не быть вполне обыденным проявлением инициативы. В результате задание было исполнено, и к лету 1855 г. Балтийский флот пополнила канонерная флотилия, один из отрядов которой вскоре успешно дал бой трём вражеским кораблям у Толбухина маяка и, не понеся потерь, заставил неприятеля отступить¹²². Примечательно, что Путилов не только уложил в отпущенную ему сумму в 640 тыс. руб., но и сэкономил 20 130 руб., которые вернул в казну¹²³.

Фактически Путилов провёл первую в России промышленную мобилизацию — и выполнил её со стопроцентным результатом. Однако его опыт, ставший предметом безусловного восхищения современников,

¹¹⁶ Путилов Н. Указ. соч. С. 191.

¹¹⁷ Там же. С. 192.

¹¹⁸ Извлечение из отчета директора кораблестроительного департамента Морского министерства генерал-майора Гринвальда за 1855 год // Морской сборник. 1856. Т. XXII. № 6. Раздел II. С. 68.

¹¹⁹ Путилов Н. Указ. соч. С. 198–199.

¹²⁰ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1496. Л. 24; Путилов Н. Указ. соч. С. 197.

¹²¹ Шестаков И. А. Указ. соч. С. 185.

¹²² История отечественного судостроения. СПб., 1996. Т. II. С. 10.

¹²³ Извлечение из отчета директора кораблестроительного департамента Морского министерства генерал-майора Гринвальда... С. 70.

практического результата в дальнейшем не принёс, оставшись лишь материалом для исторических работ, первую из которых по горячим следам написал сам Путилов.

Нельзя не упомянуть, что государство всё-таки ухитрилось смазать красивое окончание этой истории, причём действуя из самых лучших побуждений. Началось все с того, что ещё в конце 1854 г. управляющий Морским министерством через министра финансов запросил о возможности предоставления в качестве награды льгот и привилегий группе промышленников, принявших экстренные заказы на корабельные двигатели, владельцам малых заводов братьям Карлу и Августу Фрикке, Иосифу Томсону, Фоме Ишервуду, Джему Ашворту и Эдвину Стивенсу. В начале января 1855 г. Николай I дал разрешение предоставить просимую льготу: возможность в течение пяти лет пользоваться без уплаты пошлин правами купцов 1-й гильдии, а также освободить их от взноса денег на земские и городские сборы в течение трех лет. По прошествии этих трёх лет награждённые предприниматели столкнулись с неприятным сюрпризом: поскольку временно предоставленный им статус купцов 1-й гильдии продолжал действовать, а льготный срок по уплате сборов уже завершился, то городские власти предъявили им требование вносить местные подати как раз по максимально высокой для коммерсантов ставке, соответствовавшей статусу купцов 1-й гильдии. Заводчики попытались решить дело через суд, однако, их претензии были отклонены, а за просрочки в уплате государственных податей наложены штрафные санкции. После этого, коммерсанты воззвали о справедливости к управляющему Министерством финансов, указав, что «за труды и издержки наши по выполнению государственных нужд нас вместо награды наказывают!» Управляющий передал решение вопроса в Сенат, отметив в сопроводительном отношении, что сам он считает все наложенные на заводчиков взыскания справедливыми. Бумаги «путешествовали» между высокими государственными инстанциями несколько лет, и в результате предпринимателям так и не удалось отстоять свои интересы, большинство же из них за это время вообще успели отойти от дел, продав предприятия новым хозяевам¹²⁴.

Но даже если отбросить это неприятное недоразумение, то на фоне примера со строительством канонерских лодок будет особенно показательна вторая, развивавшаяся параллельно с путиловской «эпопеей» ситуация с заказом лафетов для 41 бомбической пушки, переданной от флота сухопутным войскам для усиления обороны приморских крепостей. Разница была в том, что здесь руководящая инициатива не была отдана частному лицу, а осталась в руках государственных структур.

В остальном главные действующие лица были те же. 25 августа 1854 г. артиллерийский департамент направил трём петербургским предприятиям — заводу Берда, Александровскому главному механическому заводу и Гальванопластическому заведению запрос, сформулированный в самых общих чертах, по стоимости и срокам изготовления металлических лафетов¹²⁵. После уточнения некоторых деталей заводы представили свои предложения, и 28 сентября Николай I распорядился заказать лафеты Александровскому заводу как предложившему цену ощутимо меньше конкурентов¹²⁶. Только после этого предприятию были представлены подробные условия, в соответствии с которыми следовало изготовить лафеты. Ознакомившись с ними, управляющие заводом Гаррисон и Уайненс категорически отказались принимать работу, указав, что предъявленные требования не позволят им соблюсти взятые на себя обязательства¹²⁷.

В довершение всего почти одновременно с принятием решения о заказе лафетов Александровскому заводу ВУК) вынесло заключение, что лафеты целесообразнее изготовить не по первоначально предполагавшемуся проекту (системы контр-адмирала фон Шанца), а по более совершенному, разработанному инженер-механиком Гальванопластического заведения Бартом по указанию АО ВУК (само заведение при этом немедленно объявило о готовности изготовить двадцать таких лафетов в шестимесячный срок по цене менее чем на процент ниже, чем предлагал Александровский завод — несмотря на всю ничтожность в разнице, по действующей практике меньшая цена обычно была решающим конкурентным преимуществом). В результате прежнее решение о заказе 41 лафета на Александровском заводе отменили, а Гальванопластическому заведению было предложено изготовить 20 лафетов¹²⁸ — на большее уже, видимо, не было времени. Имела ли место в данном случае недобросовестная конкуренция со стороны Гальванопластического заведения — вопрос недоказуемый, но, в любом случае, исходный план пришлось уменьшить вдвое и почти два месяца было потеряно впустую, притом что к лету лафеты с пушками требовалось установить на фортах Кронштадта и Свеаборга.

Пока оговаривались нюансы заказа с Гальванопластическим заведением, артиллерийский департамент (видимо, на всякий случай, для подстраховки), обратился с запросом о возможности изготовить лафеты к заводчику С. И. Мальцеву, владевшему металлообрабатывающими

¹²⁵ Архив ВИМАИВИВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 563. Л. 1–2.

¹²⁶ Там же. Л. 9.

¹²⁷ Там же. Л. 16.

¹²⁸ Архив ВИМАИВИВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 563. Л. 20–23, 25.

¹²⁴ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1–2, 12, 30–31, 93–96.

предприятиями в Центральной России, также не представив почти никаких-либо подробностей заказа. Мальцев ответил осторожно: лафеты изготовить его заводы в принципе могут, но о сроках и стоимости можно будет говорить, лишь получив дополнительные сведения по сути дела¹²⁹.

Прибегать к помощи Мальцева в итоге не понадобилось — заказ приняло Гальванопластическое заведение, исполнившее его в срок, однако нельзя не обратить внимание, что изготовление на одном предприятии 20 лафетов на сумму в 46 200 рублей потребовало в полтора раза больше времени, чем шедший параллельно на нескольких десятках разных производств выпуск 23 технологически значительно более сложных паровых двигателей, стоивших в тринадцать с лишним раз дороже. Объяснение этому сложно увидеть в чём-либо, кроме значительной разницы в эффективности между традиционными для казённых производств методами руководства и более гибким подходом, свойственным частным предприятиям, который был использован при строительстве канонерских лодок.

В рамках обзора событий периода Крымской войны отдельным пунктом следует отметить ещё одно. В 1855 г. петербургский сахарозаводчик Т. Карр основал на Васильевском острове напротив Нового Адмиралтейства небольшое литейное и механическое производство. Партнёром Карра в этом деле стал механик М. Макферссон¹³⁰. Их совместному предприятию, изначально получившему название Балтийского литейного и механического завода Карра и Макферссона, в ближайшие годы и на долгое время предстояло стать одной из ведущих верфей российского флота.

Частные предприятия в системе ВПК Петербурга от окончания Крымской войны до отмены крепостного права

Во время Крымской войны на целом ряде примеров были подтверждены преимущества участия частных предприятий в системе ВПК-ОПК. Масштабный конфликт, отличавшийся от предыдущих высокой интенсивностью, продемонстрировал важность наличия у государства мобилизационного промышленного резерва, каким могли и должны были стать частные металлообрабатывающие и машиностроительные производства. С развитием техники и технологий значение такого резерва для государственной обороны могло только расти.

¹²⁹ Там же. Л. 30, 36.

¹³⁰ Исторический очерк существования и деятельности Балтийского судостроительного и механического завода. СПб., 1896, С. 1.

Окончание войны совпало с началом перемен в жизни России, которые имели самое непосредственное влияние в том числе и на военную промышленность. Началось новое царствование, и достаточно быстро произошла смена руководящих лиц на всех ключевых постах государственного управления. Началась подготовка к отмене крепостного права, что непременно должно было привести к полной смене экономической модели страны. Наконец, началась научно-техническая революция почти во всех военно-технических областях: в артиллерии и стрелковом оружии — переход от гладкоствольных к нарезным системам и новым видам боеприпасов, в кораблестроении — от паровых колёсных кораблей в деревянных корпусах к винтовым и металлическим соответственно, увеличение дальности стрельбы и скорости хода кораблей предъявляло новые требования к военному приборостроению и оптике, также обозначились новые направления, которым в ближайшие десятилетия предстояло развиваться в самостоятельные отрасли промышленности: электротехника, средства связи, железнодорожное дело, воздухоплавание. И, как и в более ранние времена, на острие прогресса чаще всего находились частные компании и предприниматели. Все эти обстоятельства, повторим ещё раз, не могли не отразиться на ВПК — вопрос в том, насколько быстро и эффективно могли произойти неизбежные изменения.

Если говорить о неотложных военно-технических задачах, то самой очевидной к моменту наступления мира, безусловно, с учётом печального опыта прошедшей войны, было перевооружение армии нарезным стрелковым оружием. Суммарно для закрытия этого вопроса требовалось изготовить более 1 млн винтовок; вариант с созданием новой системы в тогдашних условиях был отклонён как слишком дорогостоящий и продолжительный, взамен остановились на решении переделать в нарезные имеющиеся гладкоствольные ружья. Возможность в приемлемые сроки справиться с работой силами одних казённых заводов изначально не рассматривалась как реальная, и уже осенью 1856 г. Военное ведомство стало собирать предложения по участию в деле от частных предпринимателей.

Ввиду неуверенности в собственных силах к подаче заявок изначально допускались все желающие, как российские, так и иностранные коммерсанты. Свои предложения представили заводы Огарёва, Нобеля и сыновей, бельгийские оружейники Малерб, Мансо, Робер, Трапман и Фаллис, живший в Петербурге ганноверский заводчик Таннер и купец Г. Шлиман¹³¹. Также запросы делались Гальванопластическому заведению и Петербургскому механическому заведению инженер-технологов

¹³¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 460. Л. 2–3, 8, 10–16.

Серебрянниковых (первое ответило отказом, второе не дало никакого ответа)¹³².

КОУШР, рассмотрев все варианты, категорически отклонил возможность привлечения российских предпринимателей, усомнившись в их возможности справиться с задачей, и в окончательном варианте остановился на уже знакомом российскому военному ведомству бельгийском фабриканте Фаллисе¹³³.

Нельзя не отметить этого факта, с одной стороны, признавая все повлиявшие на окончательное решение обстоятельства, но, с другой, понимая, что расхожее утверждение «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую», бесспорно, распространяется и на военную промышленность. У Российской империи впереди был ещё долгий путь постижения этой истины.

В «послекрымские» годы для России, и в первую очередь это относилось к Петербургу, окончательно закрепившему за собой статус главного военно-промышленного центра страны, одним из следствий происходящих перемен стало начавшееся вовлечение в сферу ВПК-ОПК наряду с крупными частными производствами малых предпринимателей, прежде всего, механических мастерских. Разработка новых типов оружия требовала постоянного исполнения относительно небольших заказов, размещать которые, как по организационным, так и по экономическим основаниям на крупных заводах было нецелесообразно, а порой и невозможно.

Ещё в конце 1850 г. артиллерийский департамент воспользовался услугами петербургского мастера Бозе, заказав ему партию инструментов, необходимых для проведения опытов с картечными гранатами с папковыми втулками и свинцовыми гильзовыми трубками системы Массенберда в десяти артиллерийских дивизиях¹³⁴.

Практически одновременно военные начали регулярно обращаться к другому мастеру-механику из Петербурга, Яну Октоберскому, служившему в Технической артиллерийской школе и при этом выполнявшему частным образом различные заказы артиллерийского ведомства¹³⁵. Со-

хранились документы о заказе ему в 1851 г. «двух спускных труб для пеших ракетных команд по сист. полк. Константинова», четырёх приводов для вращения бочек, в которых смешивался пороховой «состав», и круглой пилы для распиловки досок на бруски, из которых изготавливались ракетные хвосты¹³⁶. В следующем году Октоберский по заказам Петербургского ракетного заведения изготовил несколько наборов лекал и измерительных инструментов, а также ряд специальных приспособлений к токарному и точильному станкам¹³⁷. Далее последовали заказы, связанные с испытаниями нассаусских затравочных стержней для артиллерийских орудий — эта работа растянулась на несколько лет¹³⁸. Летом 1856 г. Октоберскому были заказаны три прибора для проверки точности прицеливания и обучения стрельбе, изобретённых прусским майором Альвенслебеном¹³⁹. Через два с половиной года, когда прибор был официально принят на вооружение, мастер получил заказ на более крупную партию приборов для всех корпусов и Кавказской армии, а впоследствии, при дополнительных закупках прибора отдельными воинскими частями, он был неизменно рекомендован, в качестве исполнителя¹⁴⁰. Примерно в то же время Октоберскому был заказан комплект станков и приспособлений к ним для Петербургской чашечной мастерской, организованной для изготовления деталей к пулям Минье¹⁴¹. Подчеркнём ещё раз — во всех упомянутых случаях механик выступал как частный предприниматель, а не государственный служащий, об этом свидетельствует, прежде всего, договорная и платёжная документация.

Что касается крупных предприятий, то, прежде всего, следует отметить, что число петербургских заводов, участвовавших в военном производстве на момент начала Крымской войны, осталось неизменным и к её окончанию — это была уже знакомая «большая четвёрка» — заводы Берда, Нобеля и сыновей, Огарёва и Гальванопластическое заведение.

С наступлением мира их судьба сложилась по-разному. Завод Берда сохранил присутствие в военной промышленности главным образом как участник кораблестроительной «цепочки» в качества поставщика паровых двигателей, однако Морское ведомство, взявшее ещё до войны курс на расширение круга частных подрядчиков, продолжило эту линию за счёт прежнего монополиста. По этому поводу председатель Кораблестроительного технического комитета в 1858 г. указывал: «Хоть завод

¹³² Там же. Л. 23 об.

¹³³ Там же. Л. 60–63.

¹³⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 12. Д. 31. Л. 396 и об.

¹³⁵ Примечательно, что ещё в 1772 г. английскому мастеру-приборостроителю Френсису Моргану, возглавившему инструментальный класс Академии художеств, а ранее заключившему контракт с Адмиралтейств-коллегией, были предложены условия, по которому фиксированное жалование не полагалось, а заработок должен был обеспечиваться заказами «партикулярного» характера и продажей инструментов в казну — то есть фактически специалист ставился в положение частного предпринимателя. См.: Матвеев В. Ю. Механические искусства и Императорская академия художеств. М., 2010, С. 44, 57–58, 60.

¹³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 3. Л. 195.

¹³⁷ Там же. Л. 198–200.

¹³⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 18/1. Д. 417. Л. 1, 12, 17, 26.

¹³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 445. Л. 9–11 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 30–32, 54–55 об.

¹⁴¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 606. Л. 9–11, 19 и об.

г. Берда как более других существующий и занимающийся постройкой паровых машин можно, по средствам и опытности, рекомендовать, но за всем тем комитет полагал бы, что надлежит возбудить конкуренцию вызовом на состязание с г. Бердом других здешних металлических заводчиков, а именно Балтийского литейного чугунного и строительного завода гг. Карра и Макферсона <отметим этот момент как хронологическую точку входа данного предприятия в сферу военного производства — В. Х.> и С.-Петербургского литейного и механического заведения Главного общества российских железных дорог <бывшее Гальванопластическое заведение, о смене им названия ниже — В. Х.>¹⁴². Заказов по линии Военного министерства предприятию Берда в течение ряда лет не предоставлялось.

Завод Нобеля и сыновей, напротив, несмотря на получение ряда новых заказов по ремонту корабельных машин и по поставке станков для строившегося Кронштадтского парового завода оказался в кризисной ситуации, которая спустя несколько лет закончилась банкротством. Запутанная и неоднозначная история гибели нобелевского предприятия лежит за рамками данной статьи. Кратко же отмечу, что такой результат стал следствием комплекса причин, среди которых были и собственные ошибки предпринимателя, и просчёты государственных чиновников, и ряд объективных обстоятельств, начиная от ценовых скачков военного времени, спутавших изначальные финансово-экономические планы, и заканчивая большим пожаром, случившимся в 1855 г. и серьёзно повредившим литейное производство¹⁴³. В результате к 1860 г. завод Нобеля и сыновей фактически вышел из сферы военного производства, а в дальнейшем был продан за долги и уже под новым именем и с новыми владельцами вновь стал участвовать в выполнении заказов по линии ВПК-ОПК только в конце 1860-х гг.¹⁴⁴

Завод Огарева пережил бурный взлёт: если в 1849–1856 гг. он выполнил заказов суммарно на 1 600 000 руб., а численность рабочих в разные годы колебалась от 400 до 750 чел., то в 1859 г. стоимость выполненных работ составила 632 797 руб., а численность рабочих выросла до 1500 чел., в 1860 г. было выполнено заказов на 812 384 руб., число же рабочих дошло до 1800 чел., но при этом в общем объёме

заводских контрактов военные по стоимости составляли меньше четверти¹⁴⁵.

Наконец, Гальванопластическое заведение, ещё в 1855 г. выполнявшее «в огромных размерах сооружение различных машин и аппаратов», два года спустя полностью сменило сферу деятельности и отказалось от участия в военном производстве. Причину, возможно, стоит искать в следующих событиях. Ещё 10 ноября 1855 г. председатель комиссии опеки над детьми великой княгини Марии Николаевны направил министру внутренних дел прошение о дальнейшем освобождении заведения от платежей по гильдейским повинностям¹⁴⁶. Министр обратился за согласованием вопроса к петербургскому военному генерал-губернатору, «который отозвался, что как при настоящих военных обстоятельствах заведение это приносит величайшую пользу государству исполнением необходимых и огромных работ, то согласно с мнением здешнего городского начальства он полагал бы удовлетворить означенному ходатайству», после чего дело было передано на усмотрение министра финансов. Последний положил вопрос «под сукно», видимо, в обстановке завершения войны и подготовки коронации нового императора было много других хлопот, а окончательное решение в любом случае требовало высочайшего согласования. В марте 1856 г. председатель комиссии опеки, осведомившись о причинах задержки с решением, обратился уже к министру финансов, который спустя ещё месяц, 23 апреля 1856 г., коротко отозвался, что ходатайство было представлено «на благоусмотрение государя императора, но высочайшего соизволения на то не последовало»¹⁴⁷.

Отказ не привёл к немедленным изменениям в деятельности предприятия, напротив, некоторое время оно продолжало наращивать военные заказы, в частности, заключив за два с половиной года три крупных контракта на изготовление корабельных двигателей: 7 марта 1856 г. — на постройку машины для фрегата «Пересвет», 20 мая 1857 г. — для фрегата «Ослябя» и 19 января 1859 г. — для фрегата «Илья Муромец»¹⁴⁸. Параллельно, однако, велись переговоры о продаже производства, которое в итоге перешло в собственность Главного общества Российских железных дорог. К лету 1857 г. процесс вошёл в завершающую фазу,

¹⁴² Отчет председателя Кораблестроительного технического комитета полковника Чернявского за 1858 год // Морской сборник. 1859. Т. XLII. № 6. Июнь. Отдел II. С. 286.

¹⁴³ РГАВМФ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 231. Л. 423–424.

¹⁴⁴ См. напр.: Е. Н. Об отливке и испытании снарядов 9-дюймового калибра из обыкновенного чугуна на Самсониевском чугунолитейном и механическом заводе инженер-технолога Голубева // Артиллерийский журнал. 1869. № 1. Отдел неофициальный. С. 175–179.

¹⁴⁵ Механический, железопрокатный, железоковальный и литейный завод генерал-адъютанта Николая Александровича Огарёва. СПб., 1861. С. 14–15.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1194. Л. 40.

¹⁴⁷ Там же. Л. 38, 43, 52.

¹⁴⁸ Отчет директора кораблестроительного департамента контр-адмирала Воеводского за 1859 год // Морской сборник. 1860. Т. XLVI. № 5. Апрель. Книжка вторая. Ч. II. Официальные статьи и известия. С. 66 прим.

о чём говорит, в частности, письмо управляющего заведением полковника Рашета в артиллерийский департамент, в котором он просил ускорить тянувшийся с 1854 г. расчёт «за изготовленный по поручению генерал-адъютанта Огарёва во исполнение высочайшей воли лафет для 3 пуд. бомбовой пушки с разными произведёнными по требованию артиллерийского ведомства изменениями» на сумму 3251 р. 56 к. в связи с необходимостью «в безотлагательном закончании всех расчётов заведения по случаю передачи оною Главному обществу Российских железных дорог»¹⁴⁹. 18 сентября 1857 г. заведение уведомило департамент, что процесс передачи новому владельцу завершён¹⁵⁰.

После этого ведение военных заказов некоторое время ещё продолжалось и даже, как показывает упомянутый выше контракт на строительство машины для фрегата «Илья Муромец», происходил набор новых, однако вскоре после этого произошла резкая смена курса. 1 мая 1859 г. в ответ на запрос артиллерийского департамента о возможности выполнения «некоторых улучшений в платформах к лафетам системы контр-адмирала фон Шанца» поступило категоричное уведомление, что «С.-Петербургское литейное и механическое заведение Главного общества назначено для работ, собственно к потребностям Общества относящимся, и что затем посторонние заказы к исполнению на заводе не принимаются»¹⁵¹. Одновременно велось избавление и от работ по линии Морского министерства — 11 февраля 1859 г. Адмиралтейств-совет выдал разрешение на передачу всех обязательств по контрактам на изготовление корабельных двигателей заводу Карра и Макферсона, а 31 июля того же года был составлен соответствующий передаточный акт¹⁵².

Касаясь вышеупомянутой ситуации с заказом на модернизацию пушечных лафетов системы фон Шанца, следует отметить, что она может считаться показательной для характеристики положения частного сектора петербургского ВПК-ОПК конца 1850-х гг. Изначально о необходимости модернизировать лафеты заговорили в конце октября 1856 г., когда артиллерийский департамент направил запросы заводам Нобеля и сыновей, Огарёва и Берда, а также инспектору местных арсеналов о возможности изготовить по два приспособления для лафетов бомбических пушек. Нобель на запрос вообще не ответил, Огарёв уведомил, что его завод не может принять заказ, Берд сообщил, что готов сделать требуемые приспособления по цене в 500 рублей за штуку, а инспектор

местных арсеналов доложил о невозможности, ввиду загруженности другими заказами, изготовить детали в Петербургском арсенале, и, вместе с тем, о готовности Технической артиллерийской школы выполнить их по цене, более чем в десять раз меньшей запрошенной Францем Бердом — 43 рубля за экземпляр. Неизвестно, почему департамент сходу не воспользовался столь щедрым предложением от казённого ведомства — из документов следует лишь, что после повторно направленного (и снова оставшегося без ответа) запроса об этом заводу Нобеля и сыновей к делу вообще не возвращались больше двух лет¹⁵³.

Вновь о модернизации лафетов заговорили два с лишним года спустя, когда вопрос о возможности принять эту работу 30 января 1859 г. был вторично направлен инспектору местных арсеналов с предложением выполнить задание силами учеников Технической артиллерийской школы по предложенной ранее низкой цене. На этот раз инспектор отозвался, что «по причине больших и срочных заказов, данных Технической школе не только на весь текущий 1859 год, но и далее, а также по весьма недостаточному числу учеников, которых можно было бы назначить для исполнения приспособлений к лафетам системы контр-адмирала фон Шанца, Техническая школа не может принять на себя производства этой работы в настоящее время». 9 марта 1859 г. артиллерийский департамент обратился с предложением взять заказ к заводам Огарёва и Нобеля и сыновей, а также в третий раз к инспектору местных арсеналов, у которого просили сообщить, можно ли сделать работу в Петербургском арсенале.

Первыми через три дня отозвались нобелевский завод, приславший отношение, «что завод наш по недостатку времени от множества заказов не может принять предлагаемую работу», и инспектор арсеналов, уведомивший, что образцовая мастерская Петербургского арсенала полностью занята многочисленными нарядами, частью срочными, а частью и экстренными, прочие же мастерские арсенала не могут сделать тех приспособлений которые нужны для лафетов, и по этой причине «в настоящее время невозможно дать С.-Петербургскому арсеналу заказа упомянутых приспособлений, а необходимо заказать частным заводам».

Последним спустя две с лишним недели отозвался Огарёв, который формально согласился взять заказ, однако выставил цену, которую иначе как заградительной назвать сложно — по 400 рублей за один лафет, то есть заметно ниже ранее запрошенного Бердом (которого на этот раз к делу даже не пригласили), но в девять с лишним раз больше, чем тогда же была готова получить Техническая артиллерийская школа¹⁵⁴. Да-

¹⁴⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 563. Л. 291 и об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 326 и об.

¹⁵¹ Там же. Л. 327.

¹⁵² Отчет директора кораблестроительного департамента контр-адмирала Воеводского за 1859 год. С. 66 прим.

¹⁵³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 563. Л. 263–268, 272–273.

¹⁵⁴ Там же. Л. 315, 319–325.

лее последовало уже известное нам — и также неудачное — обращение в Гальванопластическое заведение.

Наконец, летом 1859 г. артиллерийское ведомство, пересмотрев запланированную работу, внесло в задание коррективы и сделало третью попытку разместить многострадальный заказ, вновь разослав предложения, на этот раз максимально широкому кругу исполнителей. Уведомления получили как крупные предприятия: заводы Берда, Нобеля и Огарёва (из которых, как следует из материалов дела, на приглашение отозвался только последний), так и ранее вообще не фигурировавшие среди потенциальных исполнителей: инженер-механик Барт, заводы Ишервуда, Нормана и Брауна, подполковника Пешкова. В итоге заказ получил дотоле малоизвестный артиллерии подполковник Пешков, имевший небольшой литейный и металлообрабатывающий завод на Охте и запросивший цену в среднем на 40% меньше остальных; с заказом он справился, хотя и не полностью уложился в отведённый для этого срок. Впрочем, его аргументы в оправдание задержки — временное прекращение сообщения с Кронштадтом, где исполнялись работы, из-за погодных условий, в итоге были признаны уважительными¹⁵⁵.

Параллельно завод Пешкова исполнил небольшой заказ на партию экспериментальных 30-фунтовых снарядов для запланированных Комиссий морских артиллерийских опытов испытаний нарезной пушки¹⁵⁶. О дальнейшем участии этого предприятия в исполнении военных заказов сведений обнаружить не удалось.

Подведём итог. На сегодня удалось установить, что с 1703 по 1861 г. из числа частных петербургских предприятий к исполнению военных заказов привлекались заводы Берда, Грейсона, Рамбюра, Нобеля и сыновей, Огарёва, Карра и Макферсона, Гальванопластическое заведение, а также разово участвовавшие в срочных работах небольшие заводы братьев Фрикке, Ишервуда, Томсона (в 1858 г. продан им предпринимателям-золотопромышленникам Семянникову и Полетике)¹⁵⁷, Ашворта и Стивенса, купца Семёнова, подполковника Пешкова, графа Ламздорфа, Нормана (?) и, наконец, частные мастерские механиков Бозе и Октоберского — всего 17 больших, средних и малых производств. К ним можно добавить формально казённый, но по сути (после 1843 г.) коммерческий «завод Гаррисона и Уайненса», Александровский главный С.-Петербургско-Московской железной дороги. Итого — 18.

¹⁵⁵ Там же. Л. 329–343 об., 349–360, 389, 395–421.

¹⁵⁶ Извлечение из отчета директора артиллерийского департамента Морского министерства ... за 1859 год // Морской сборник. 1860. Т. XLVI. № 5. Апрель. Книжка вторая. Ч. II. С. 277.

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1496. Л. 95.

Отдельно от всех следует учитывать не имевших собственных промышленных мощностей, но, безусловно, участвовавших в военном производстве организаторов строительства канонерной флотилии — Н. И. Путилова, вскоре после окончания Крымской войны оставившего службу в Морском министерстве и занявшегося предпринимательством в области металлургии, и подрядчика С. Г. Кудрявцева. Услугами последнего как крупнейшего поставщика рабочей силы для казённых верфей Морское ведомство продолжало пользоваться и после Крымской войны¹⁵⁸. Для своего времени пример Кудрявцева — ещё одно доказательство эффективности выработанного и проверенного в чрезвычайных условиях механизма частно-государственного партнёрства.

Соответственно, общее число предприятий и предпринимателей без производств, рассмотренных в нашем обзоре, достигает двадцати.

К моменту отмены крепостного права в системе ВПК-ОПК из них на постоянной основе участвовали только пять — заводы Берда, Балтийский Карра и Макферсона, и Огарёва, а также механик Октоберский и подрядчик Кудрявцев; один, завод Грейсона, полностью прекратил существование, остальные временно или навсегда из сферы военной промышленности вышли. При этом государство всё активнее развивало сотрудничество с частными зарубежными военными предприятиями — если привлечение иностранных военно-технических специалистов в Россию, начавшись ещё в допетровские времена, в дальнейшем не прекращалось, то прямые закупки вооружения, оборудования и технологий за границей стали увеличиваться к середине XIX столетия по мере ускорения научно-технического прогресса и индустриальной революции. Начав в 1830-х гг. с размещения заказов у бельгийских оружейников (прежде всего Фаллиса), в 1850-х гг. военные ведомства продолжили эту линию: помимо бельгийцев, российские заказы получили американцы конструктор Кольт¹⁵⁹ и кораблестроитель Уэбб¹⁶⁰, прусский металлург Крупп¹⁶¹ и его соотечественник электротехник Сименс¹⁶², ряд английских и французских верфей и машиностроительных заводов¹⁶³.

¹⁵⁸ История отечественного судостроения. СПб., 1996. Т. II. С. 11.

¹⁵⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 327. Л. 12–13.

¹⁶⁰ История отечественного судостроения. Т. II. С. 13.

¹⁶¹ *Забудский Н.* Генерал от артиллерии Николай Владимирович Маиевский (некролог) // Артиллерийский журнал. 1892. № 4. С. 8–9; *Колчак В.* История Обуховского завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. С. 8–10; Усовершенствование практического образования артиллерийских офицеров; усовершенствование материальной и технической части артиллерии. // Артиллерийский журнал. 1857. № 1. Отдел официальный, отчёт о занятиях артиллерийского отделения Военно-учёного комитета. С. 13.

¹⁶² *Feldenkirchen W.* Siemens. From Workshop to Global Player. Munich, 2000. P. 31–33.

¹⁶³ См. напр.: РГАВМФ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 138. Л. 49, 51, 66, 68–69.

В последующее время, остающееся за рамками статьи, этому кругу предстояло существенно расширяться¹⁶⁴. Спектр отдаваемых заграничным предпринимателям заказов затронул почти все секторы военного производства того времени: ручное огнестрельное оружие, артиллерию, кораблестроение, машиностроение, точную механику и оптику.

Таким образом, более чем полуторавековой пример развития комплекса военных предприятий С.-Петербурга — крупнейшего промышленного центра Российской империи — показал, что государство на протяжении всего рассмотренного периода привлекало частные предприятия в сферу ВПК-ОПК не в рамках продуманной системной политики, а в силу текущей потребности, отказываясь от их услуг при первой возможности. При этом частная промышленность, безусловно, рассматривалась как вспомогательный и второстепенный элемент ВПК, а при выборе между отечественным и зарубежным предпринимателем решающее значение нередко играли стоимость и скорость выполнения работы, то есть опять же сиюминутные, а не стратегические соображения.

В результате к переломному моменту своей истории, отмене крепостного права, крупнейший военно-промышленный центр страны Санкт-Петербург подошёл, имея лишь незначительное число частных производств, ориентированных на выполнение военных заказов. Что ещё важнее, со стороны государства не было создано устойчивой системы вовлечения частных предпринимателей в военное производство и, пожалуй, самое главное, — сохранения их в данной сфере, притом, что необходимость наличия таких предпринимателей и предприятий как важного дополнения к государственной военной промышленности уже была неоднократно доказана практикой.

Государство, осознанно или бессознательно, избегало опыта системного взаимодействия с частными предпринимателями, которое, безусловно, кроме преимуществ, имело и свои недостатки, прежде всего — необходимость постоянного учёта сути коммерческой деятельности, её главной задачи — получения прибыли, что не могло не накладывать отпечатка на весь комплекс взаимоотношений государства и предпринимателей и тем более требовало наличия в казённых ведомствах компетент-

¹⁶⁴ Нельзя при этом не отметить, что большинство (12 из 20) упомянутых выше частных участников петербургского комплекса военных производств были созданы и управлялись или иностранными подданными, или выходцами из других государств, однако вместе с этим они были российскими предпринимателями, связавшими с Россией свою судьбу и на постоянной основе развивавшими её экономику, науку и технику; например, каждый четвёртый промышленник, участвовавший в строительстве канонерной флотилии во время Крымской войны, был английским подданным, которым на тот момент законом их страны была запрещена любая деятельность во вражеской для Великобритании России.

ных специалистов, умеющих грамотно, на основе баланса интересов, выстраивать долгосрочные отношения с коммерческим сектором. Эти задачи к середине XIX в. были вполне очевидны, однако их разрешение на всех уровнях государственной власти не было даже начато.

При этом потенциал роста у частного сектора российской и петербургской промышленности применительно к ВПК-ОПК безусловно, был. И здесь стоит учитывать не только предпринимателей и предприятия, уже имевших опыт работы с военными заказами, но и другие производства, возникшие в течение рассматриваемого периода, но вошедшие в систему ВПК позднее. Выше упоминались два из них: машиностроительный завод Илуса и механическая мастерская (завод) Рейхеля. К списку также необходимо добавить основанную в 1848 г. оптико-механическую мастерскую Воткея, завод Лесснера (1853), С.-Петербургский металлический завод (1857).

Создавались ли эти предприятия с расчётом в том числе и на военные заказы, или же их владельцы не делали таких предположений — неизвестно, но, имея даже общее представление о ситуации на петербургском и на российском промышленных рынках того времени, нельзя не отметить, что в существовавших условиях наиболее эффективной стратегией для любого частного дела следовало признать ту, что была сформулирована во втором параграфе устава Петербургского металлического завода: производство «всяких металлических изделий, могущих быть выгодными для завода»¹⁶⁵. Ничего более определённого и вместе с тем подходящего к сложившемуся в России положению дел для частных предпринимателей трудно представить. Фактически они не имели иного выбора, кроме как ориентироваться на любую работу, заведомо отвергая уже подтвердившую в условиях других стран свои преимущества узкую специализацию.

Соответственно, многопрофильность механических и металлообрабатывающих заводов в России нельзя рассматривать иначе как вынужденную — по сути, в ней крылся один из важнейших залогов выживания. Существовавшая на тот момент экономика России была не в состоянии обеспечить промышленности, способной при необходимости послужить мобилизационным ресурсом для военно-промышленного комплекса, достаточный для существования и развития в мирное время объём заказов в рамках отдельных сегментов рынка. В подобных условиях от государства, заинтересованного в наличии мобилизационного резерва, требовалась продуманная протекционистская политика,

¹⁶⁵ Устав компании С.-Петербургского металлического завода, высочайше утверждённый в 20 день декабря 1857 года и изменённый и дополненный в 24 день марта 1878 и в 9 день июля 1894 г. СПб., 1894. С. 3.

обеспечивавшая условия, как минимум благоприятные для сохранения и развития частной промышленности. Этой политики власти, подчеркнём ещё раз, не выработали.

При всём этом, даже несмотря на административные запреты и ограничения, к моменту отмены крепостного права частные предприятия Петербурга участвовали в военном производстве уже более пятидесяти лет. За этот срок, однако, полноценный частный сектор, а под таким можно было бы понимать наличие предприятий-дублёров казённых производств по каждому из направлений оружейного дела, в ВПК-ОПК крупнейшего промышленного центра Российской империи создан так и не был.

Список литературы

- Ахматов.* Мастерская мореходных инструментов при Главном гидрографическом управлении. / Серия «Сборник кратких сведений по морскому ведомству». Вып. 17. СПб., 1908.
- Бабицын Н.* Петербург // Морской сборник. 1865. Т. LXXXI. № 12. Декабрь.
- Беседа 2 ноября 1874 года по сообщению Л. Е. Нобеля «О причинах застоя в нашей механической и железной промышленности» // Записки Императорского русского технического общества. 1875. Выпуск 1-й. Беседы, относящиеся к исследованию в России положения машиностроения и отраслей промышленности, имеющих к нему непосредственное отношение. Труды комиссии, для сего образованной при Обществе, и материалы, ею собранные.
- Беседа по VI отделу Императорского русского технического общества 26-го января 1874 г. под председательством г. Эгерштрёма, сообщение г. Нобеля: «О влиянии казённых заказов на развитие частной механической промышленности» // Записки Императорского русского технического общества. 1875. Выпуск 1-й. Беседы, относящиеся к исследованию в России положения машиностроения и отраслей промышленности, имеющих к нему непосредственное отношение. Труды комиссии, для сего образованной при Обществе, и материалы, ею собранные.
- Богатырёв И. В.* Галерная верфь Петра I // Судостроение. 1983. № 12.
- Богатырёв И. В.* Первая верфь С.-Петербурга // Судостроение. 1981. № 4.
- Богданов Г.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779.
- Бранденбург Н.* Артиллерийские проектировщики в России в половине XVIII столетия // Артиллерийский журнал. 1881. № 9.
- Бранденбург Н.* Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Часть II (XVIII век). Вып. I. СПб., 1883.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. III. Ч. 1. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1851.
- Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб.: Наука, 2004. Т. 4.
- Гамченко С. С.* Записка для памяти о 200-летнем юбилее Сестрорецкого оружейного завода. Пг., 1915.
- Гаусман Р.* Исторический очерк гидротехнических сооружений Сестрорецкого оружейного завода (с 1721 г. до 1840 г.) // Инженерный журнал. 1861. № 2.
- Дмитриев Н. И., Кольчев В. В.* Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. СПб., 1909.

- Езиоранский Л. К.* (сост). Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., Т-во «Справочник», 1909.
- Е. Н.* Об отливке и испытании снарядов 9-ти дюймового калибра из обыкновенного чугуна на Самсониевском чугунолитейном и механическом заводе инженер-технолога Голубева // Артиллерийский журнал. 1869. № 1.
- Еще о духовых машинах // Морской сборник. 1853. Т. IX. № 2.
- Забелин Л. В.* Пороховая промышленность России до октябрьской революции 1917 года (исторический очерк). Пермь, 1997.
- Забудский Н.* Генерал от артиллерии Николай Владимирович Маиевский (некролог) // Артиллерийский журнал. 1892. № 4.
- Извлечение из описания Адмиралтейских ижорских заводов, составленного корабельных инженеров подполковником Швабе // Морской сборник. 1855. Т. XVI. № 5. Отдел первый. Часть II.
- Исторический очерк существования и деятельности Балтийского судостроительного и механического завода. СПб., 1896.
- История отечественного судостроения. Т. I. СПб.: Судостроение, 1994; т. II. СПб.: Судостроение, 1996.
- К столетию Путиловского завода. 1801–1901 гг. СПб.: Путиловский завод, 1902.
- Каменев К. И.* Историческое описание Охтинского порохового завода. Период первый. СПб., Главное артиллерийское управление Военного министерства, 1891.
- Калчак В.* История Обуховского завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб., 1903.
- Константинов К. И.* Воздухоплавание. СПб., 1856.
- Краткий обзор о составе и действиях Морского учебного комитета со времени его преобразования 25 ноября 1847 года // Морской сборник. 1855. Т. XVIII. № 9. Отдел второй. Часть II.
- Мавродин В. В., Мавродин Вал. В.* Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. М.: Издательство ЛГУ, 1984.
- Мансуров Б.* Охтинские адмиралтейские селения // Морской сборник. 1854. Т. XIII. № 12. Часть III.
- Матвеев В. Ю.* Механические искусства и Императорская академия художеств. М.: Руда и Металлы, 2010.
- Материалы для истории русского флота. СПб., 1866.
- Механический, железопрокатный, железоковальный и литейный завод генерал-адъютанта Николая Александровича Огарёва, СПб., 1861.
- Михайлов Н.* Краткий исторический очерк Нового адмиралтейства // Морской сборник. 1893. Т. CCLVII. № 9.
- Мордовин П.* Русское военное судостроение в течение последних 25 лет. 1855–1880 гг. // Морской сборник. 1880. Т. CLXXX. № 10.
- Новокишанова З. К.* Деятельность оптико-механической мастерской Гидрографического управления Морского министерства // Труды института истории естествознания и техники. Т. 27. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
- Новокишанова З. К.* Механическая мастерская Главного штаба // Историко-астрономические исследования. Вып. VIII. М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1962.
- Очерк учреждения и развития артиллерийского комитета (1804–1859 гг.) // Артиллерийский журнал. 1885. № 9.
- Прохоров, Антонов.* Краткий исторический очерк Технической артиллерийской школы за 75 лет её существования. 1821–1896 гг. // Артиллерийский журнал. 1899. № 10.
- Путилов Н.* Краткое описание сооружения канонирской флотилии вообще и преимущественно изготовления тридцати двух винтовых машин на частных заводах // Морской сборник. 1856. Т. XXII. № 7.

Родзевич В. Краткий исторический очерк С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования (1714–1914 гг.). СПб., 1914.
Село Колпино // Морской сборник. 1863. № 9. III.
Семенкевич Н. Н. Предтеча русского дирижабля // Вопросы истории. 1974. № 12.
Учреждение Военного министерства. СПб., 1836.
Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1896.
Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. М.: Наука, 1979.
Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии: второй генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Виллимович Брюс // Артиллерийский журнал. 1866. № 2.
Хозиков В. И. Завод Грейсона — первое специализированное частное военное предприятие Санкт-Петербурга // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. V. СПб., 2016. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Путеводитель. СПб., 2009. Т. 1.
Цылов Н. Планы С. Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1790, 1840 и 1849 годах. СПб., 1853.
Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904.
Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. СПб.: Судостроение, 2006.
Feldenkirchen W. Siemens. From Workshop to Global Player. Munich: Piper Verlag GmbH, 2000.
Nobel-Oleinikoff M. Ludvig Nobel och hans verk. St.-Hel., 1952.

Vladimir Igorevitch KHOZIKOV

Independent Scholar (St. Petersburg, Russia)

E-mail: vkhozikov@mail.ru

Private companies and entrepreneurs in the defense industry complex of St. Petersburg. 1703–1861

The article is devoted to the first private enterprises in the system of military production complex of St. Petersburg and the development of relations between the state and entrepreneurs in the defense industry. The conditions that stimulated the involvement of private enterprises in the implementation of military orders and the policy of the authorities in relation to non-state companies involved in the defense industry are analyzed.

Keywords: Military industrial complex, Russian entrepreneurs, defense industry, Crimean war, military technology, military build-up, Saint-Petersburg

УДК 94 (47).072.5

ББК 63.3 (2) 47

Александр Иванович САПОЖНИКОВ

доктор исторических наук, заведующий отделом газет
Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sapozhnikov@nlr.ru

«ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ МАГДОНАЛЬДА»: ДОНСКИЕ КАЗАЧЬИ ПОЛКИ В АРМИИ ВИТГЕНШТЕЙНА В ДЕКАБРЕ 1812 Г.

В статье рассмотрены боевые действия армии Витгенштейна в декабре 1812 г., неудачная попытка окружения 10-го корпуса маршала Макдональда, проанализированы причины неудачи русского командования.

Ключевые слова: Русская императорская армия, Отечественная война 1812 г., армия Витгенштейна, 10-й корпус Макдональда, донские казацкие полки.

После выхода в свет монографии, посвященной участию Войска Донского в Отечественной войне 1812 года¹, скрупулезный исследователь К. Б. Жучков указал на недостаточную изученность действий донских полков в войсках Витгенштейна². В частности, речь шла о полку Лащина, формально принадлежавшем к отряду генерала Е. И. Востова, но откомандированном в отряд генерала И. И. Дибича 2-го. Чтобы разобраться в этом вопросе, потребовалось обратиться к синхронным документам, ставшим основой данной статьи. События пришлось рассмотреть буквально по дням, собирая по крупицам сведения о донских полках. Уже по завершении работы удалось разыскать в архиве «Подробную реляцию», составленную в штабе Витгенштейна, вероятно, в феврале 1813 г.

Итоговую реляцию об участии в изгнании войск Наполеона подал не только Витгенштейн. Аналогичный рапорт о действиях казачьего корпуса во время преследования от Малоярославца до Данцига подал атаман М. И. Платов. Как правило, к подобным реляциям прилагались наградные списки отличившихся офицеров. Анализ итогового рапорта Платова показал, что в ряде случаев он противоречит синхронным рапортам. Изменилась трактовка событий, значение которых стало по-

¹ Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.-СПб., 2012.

² Жучков К. Б. В конце двенадцатого года: победа над союзником или компромисс с врагом? // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 57.

нятно со временем; при описании боестолкновений появились новые имена, отсутствовавшие в синхронных рапортах, явно для обоснования наград; некоторые офицеры, наоборот, стали фигурами умолчания.

Все это присуще и «Подробной реляции» Витгенштейна, подготовленной явно при участии генерал-квартирмейстера И. И. Дибича 2-го. Согласно синхронным документам первым в Кёнигсберг вступил отряд полковника Ф. В. Ридигера, но в «Подробной реляции» приоритет отдан генерал-майору графу Сиверсу, непонятным образом возглавившим два казачьих полка из разных отрядов. Если допустить, что Сиверс был прислан М. И. Кутузовым к Витгенштейну для отличия и последующего производства в генерал-лейтенанты, тогда все становится понятным. Тем не менее, «Подробная реляция» является ценным историческим источником. Некоторые сведения, например, фактические составы отрядов, читаются только в ней. Вот почему текст статьи, подготовленный главным образом по синхронным документам, сопровождается публикацией «Подробной реляции», написанной месяц спустя.

От Вильны до Ковны

28 ноября 1812 г. к Вильне с разных сторон подошли передовые отряды армии Витгенштейна (отряды Теттенборна и Сухозанета), 3-й Западной армии Чичагова (авангард Чаплица) и казачьего корпуса Платова, преследовавшие остатки армии Наполеона. Утром колонны противника выступили из Вильны по Ковенской дороге. Казачий корпус Платова атаковал их сначала у Погулянки (в пяти верстах от города), а затем у Понарской горы. Казаки захватили два знамени и два штандарта, взяли в плен генерала, до 30 офицеров и более 1000 рядовых³.

В литовскую столицу передовые отряды вступили с разных сторон, в результате чего между командирами разгорелось соперничество за право назваться «освободителем Вильны»⁴. Генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов, отдельный отряд которого во время Березинской операции оказался присоединен к войскам Витгенштейна, поспешил отправить в Петербург курьера с рапортом императору. Витгенштейн, усмотревший в этом нарушение субординации, выразил ему свое недовольство. Однако Голенищев-Кутузов, как генерал-адъютант, имел право непосредственного доклада императору. Он заявил Витгенштейну, что готов

³ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Сб. док. Ростов-на-Дону, 2012. С. 282 (Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 29 ноября 1812 г.).

⁴ Жучков К. Б. Листовка Ф. К. Теттенборна. Кому принадлежит честь освобождения Вильно 28 ноября 1812 г. // Исторический архив. 2015. № 3. С. 131–135.

Ил. 1. Фрагмент карты театра военных действий в декабре 1812 г.

подать прошение об увольнении от командования отрядом⁵. Тем этот инцидент и закончился.

Формально Витгенштейн оставался командиром 1-го отдельного корпуса, но фактически осенью под его командой собрались более значительные силы. С 20 октября он стал отдавать приказы по армии⁶. На 2 декабря у него было более 30 тысяч воинов (не считая отряда Голенищева-Кутузова)⁷. Для сравнения — в 3-й армии Чичагова не было и 25 тысяч⁸.

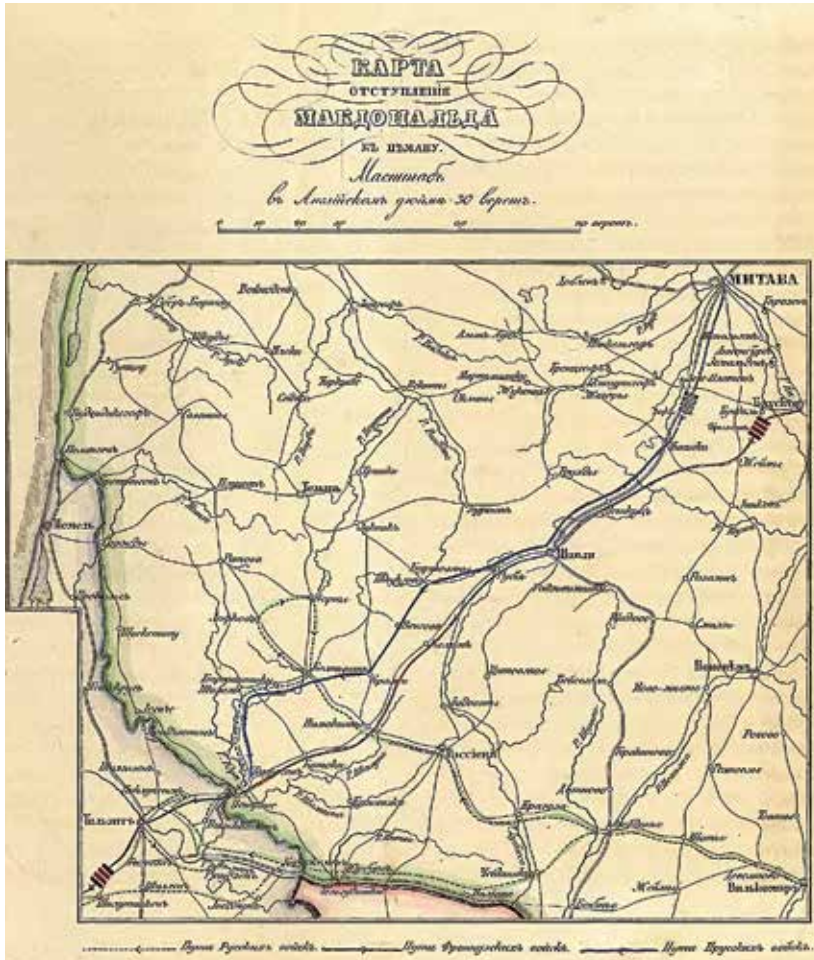
Корпус Платова после Вильны продолжил преследование по Ковенской дороге. В Ковну его авангард под командой генерал-майора С. А. Каменева вступил 1 декабря. За три дня преследования казачий

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3514. Л. 347–348 (письмо П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 5 декабря 1812 г.). Пользуясь случаем, выражаю самую искреннюю признательность московскому исследователю С. В. Худякову за консультации по фондам этого архива.

⁶ 1812 год. Войска генерала П. Х. Витгенштейна в боях на Санкт-Петербургском направлении: документы и воспоминания. Бородино, 2012. С. 105.

⁷ Война 1813 года: Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отд. 1. Т. 3. Пг., 1917. С. 3–8 (Десятидневный рапорт о состоянии корпусов 1-го отдельного и Финляндского, состоящих под начальством генерала от кавалерии графа Витгенштейна. Червоный Двор, 2 декабря 1812 г.).

⁸ М. И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 553 (Выписка из рапортов о состоянии войск, могущих быть в строю и действии. 7 декабря 1812 г.).

Ил. 2. Карта отступления Макдональда к Неману

корпус взял в плен до 5 тыс. человек (в том числе двух полковников и более 160 офицеров), захватил 21 орудие⁹. Позже в одном из костёлов нашли 30 тысяч новых ружей¹⁰.

⁹ Донское казачество... С. 295 (Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 3 декабря 1812 г.). Уточнить сведения об убитом генерале, неоднократно упомянутом в документах из атаманской канцелярии, не удалось.

¹⁰ Там же. С. 303 (Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 9 декабря 1812 г.).

К северу от Ковенской дороги действовал отряд Голенищева-Кутузова, захвативший на пути от Вильны до Ковны 1 знамя, 169 офицеров и 1970 рядовых¹¹.

Платов прибыл в Ковну утром 2 декабря. По его приказу из казачьих полков отобрали «доброконных казаков» (имевших здоровых лошадей) и отправили за Неман под командой немногих оставшихся в строю полковых командиров для преследования противника, отступившего на Вилковишки¹². Один казачий полк был послан вниз по течению Немана по правому берегу для поддержания связи с Витгенштейном. Дело в том, что противник отступил из Ковны в двух направлениях: арьергард маршала М. Нея перешел Неман и направился на Вилковишки (в Польшу), отряд дивизионного генерала М. Э. Жерара по правому берегу Немана на Тильзит (в Пруссию)¹³. За первым последовали казаки Платова, о втором сообщили Витгенштейну.

2 декабря главнокомандующий князь М. И. Кутузов повелел корпусу Платова и отряду П. В. Голенищева-Кутузова перейти Неман и продолжить преследование противника до Вислы¹⁴. От казачьих полков требовали продолжить преследование, а регулярным полкам назначили кантонир-квартиры: Главной армии в окрестностях Вильны¹⁵, 3-й армии Чичагова — в окрестностях Гезно (Езно, на правом берегу Немана)¹⁶.

Платов настаивал, что его корпусу также необходим отдых, поскольку в лучших полках осталось не более 150 казаков¹⁷, три четверти конского состава нуждалось в отдыхе и лечении. Несмотря на приказ

¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 149–150 (Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 9 декабря 1812 г., Вилкомир).

¹² Донское казачество... С. 295–296 (Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 3 декабря 1812 г.).

¹³ *Reboul F.* Campagne de 1813. Les préliminaires. Vol. 1. Paris, 1910. P. 86.

¹⁴ Донское казачество... С. 293 (Приказ М. И. Кутузова М. И. Платову от 2 декабря 1812 г.).

¹⁵ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 2. М. 1955. С. 519 (Отношение П. П. Коновницина к великому князю Константину Павловичу от 3 декабря 1812 г.).

¹⁶ При написании этой статьи автор столкнулся с проблемой топонимов, поскольку в источниках и литературе встречаются русские, немецкие, польские и литовские названия одних и тех же населенных пунктов, зачастую в искаженной форме: Езно как Гезна, Вилена как Вилиона. Шелель, Шилели и Шилале (*Silalé*) — это названия одного поселения. Для единообразия топонимы приведены по знаменитой «трёхверстовке» Ф. Ф. Шуберга, частично включившей и сопредельную России территорию, и карте Восточной Пруссии Ф. Л. Шрёттера (*Schroetter*).

¹⁷ Донское казачество... С. 302 (Письмо М. И. Платова М. И. Кутузову от 9 декабря 1812 г.).

главнокомандующего, атаман дал большинству полков двухнедельный отдых в окрестностях Ковны.

По просьбе Витгенштейна Платов 11 декабря отправил к нему в Ераголу четыре полка под командой полковника А. А. Ягодина 2-го (его имени, полковника Г. Д. Иловайского 9-го, войскового старшины И. М. Сучилина 2-го, войскового старшины А. Д. Грекова 17-го; всего 800 казаков)¹⁸. Еще четыре полка под командой подполковника М. Г. Власова 3-го (его имени, полковника К. И. Харитонов 7-го и подполковника Н. С. Сулина 9-го) он послал в Вилки для обеспечения связи с Витгенштейном¹⁹. С остальными полками Платов задержался в Ковне на две недели.

Только войска Витгенштейна отдыха не получили, поскольку перед ними была поставлена важная задача.

Действия армии Витгенштейна в начале декабря

В 1812 г. 10-й корпус маршала Макдональда (около 26 тыс. чел.) действовал в Курляндской губернии, где ему противостояла группировка русских войск (18 тысяч), которой с октября командовал генерал-лейтенант маркиз Ф. О. Паулуччи. У Макдональда не было французских полков: 7-я пехотная дивизия Гранжана состояла из трех польских, одного вестфальского и одного саксонского полков, остальные войска были прусскими (27-я пехотная и кавалерийская дивизии). Прусскими дивизиями с августа командовал генерал-лейтенант Л. Йорк.

Макдональд, будучи в Митаве, с запозданием узнал о бегстве армии Наполеона из России. Только 6 декабря он получил приказ маршала А. Бертье отступить на Тильзит. 7 декабря Макдональд выступил с дивизией Гранжана и прусским отрядом генерала Ф. Массенбаха, на следующий день за ним последовал Йорк с остальными прусскими войсками. 8 декабря вслед за Макдональдом выступили из-под Риги русские войска, которые возглавил генерал-лейтенант Ф. Ф. Левиз (6 пехотных полков, 2 эскадрона гусар, 2 эскадрона драгун, 3 казачьих полка, 30 орудий, более 8 тысяч человек)²⁰. В авангарде двигался кавалерийский отряд полковника Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части графа И. Н. Галате (Селиванова 2-го, волонтерные Яхонтова и Боде полки, запасные эскадроны Рижского драгунского и Польско-

го уланского полков, около 500 всадников)²¹. С остальными войсками (2500 человек) Паулуччи выступил к Мемелю, гарнизон которого вскоре капитулировал.

Опасность для Макдональда представлял не отряд Левиза, а двигавшаяся наперерез армия Витгенштейна. Еще 3 декабря Кутузов приказал Витгенштейну, Главная квартира которого с 1 по 5 декабря находилась в Червоном Дворе (к северу от Вильны), выступить с войсками на Россиены и не позволить корпусу Макдональда уйти в Пруссию²².

Получив приказ, Витгенштейн отправил на Россиены летучий отряд под командой генерал-квартирмейстера И. И. Дибича 2-го (Гродненский гусарский, донские Родионова 2-го и Чернозубова 8-го полки; батальон 23-го егерского полка, посаженный на обывательских лошадей, 8 орудий конно-артиллерийской роты № 1²³). Дибичу 2-му также подчинили донской полк Лащилина (командующий есаул Г. И. Золотарева) и Сводный гусарский полк (командующий полковник Р. Ф. Гернгросс). 5 декабря казачья партия под командой полковника И. О. Сухозанета из отряда Дибича 2-го вступила в Россиены²⁴.

Состав отряда Дибича 2-го обращает на себя внимание — он был отборный. Гродненский гусарский полк многократно отличился в сражениях 1812 г. Его командир Ф. В. Ридигер вскоре получил чин генерал-майора. Все три донских полка были служилыми, т. е. состояли на службе, а не прибыли с ополчением. Два из них можно назвать «генеральскими» — генерал-майора М. И. Родионова 2-го и войскового старшины М. Г. Чернозубова 8-го (бывший генерал-майора И. К. Краснова 1-го). Такие полки отличались лучшим подбором офицерских кадров, укомплектованностью и вообще состоянием полка. Сводный гусарский полк под командой подполковника Изюмского гусарского полка Е. И. Бедряги многократно отличился в 1812 г., полковник Р. Ф. Гернгросс командовал им временно. 23-й егерский полк был разделен между отрядами Дибича и Властова: по одному батальону в отряд. В отряде Дибича егеря разделили с кавалерией все трудности форсированных маршей. В отряде Властова егеря проявили себя неудачно, большинство

²¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3404. Л. 87 и об. (Витгенштейн П. Х. Подробная реляция от 17-го ноября 1812-го года по 2-е января 1813 года).

²² М. И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 519 (Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 3 декабря 1812 г.).

²³ Война 1813 года... Т. 3. С. 5, 11–12 (Десятидневные рапорты о состоянии 1-го отдельного и Финляндского корпусов, состоящих под командой Витгенштейна от 2 и 12 декабря 1812 г.).

²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 150 (Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 9 декабря 1812 г. Вилкомир).

¹⁸ Там же. С. 304, 305, 309 (Письмо М. И. Платова П. Х. Витгенштейну от 11 декабря 1812 г.).

¹⁹ Там же. С. 304 (Приказ М. И. Платова М. Г. Власову 3-му от 11 декабря 1812 г.).

²⁰ Война 1813 года... Т. 3. С. 204 (Военный журнал г.-л. Левиза).

из них оказалось в плену. Такая разная судьба оказалась у двух батальонов одного полка.

Вслед за летучим отрядом Дибича 2-го выступили авангарды Голенищева-Кутузова и Властова. Слева, вдоль Немана, двигался авангард под командой генерал-майора П. В. Голенищева-Кутузова (Изюмский гусарский, Казанский драгунский, донские генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го, генерал-майора В. Д. Иловайского 12-го, войскового старшины В. А. Кутейникова 6-го, Перекопский крымско-татарский, Ставропольский калмыцкий, конно-казачий Тверского ополчения полки).

Любопытная история связана с полком Иловайского 12-го. Генерал-майор В. Д. Иловайский 12-й в декабре болел «простудной лихорадкой»²⁵. В его полку имелся командующий, есаул З. С. Катасонов 1-й, но полк подчинили флигель-адъютанту подполковнику П. П. Сухтелену, что не понравилось Иловайскому 12-му: в послужных списках офицеров его полка отсутствуют записи за этот период.

Авангард генерал-майора Е. И. Властова (Финляндский драгунский, донской Лащилина, Литовский пехотный полки, по батальону из 23-го и 24-го егерского полков, 1-я и 9-я дружины Санкт-Петербургского ополчения, полурота батарейная № 28 и полурота легкая № 11)²⁶ сначала последовал за отрядом Дибича 2-го на Россиены, затем повернул к Тильзиту, где примкнул к авангарду Голенищева-Кутузова. Полк Лащилина был откомандирован в отряд Дибича 2-го.

4 декабря Голенищев-Кутузов находился в м. Чейкишки, одна из его партий вступила в Юрбург, захватив 1 штаб-, 7 обер-офицеров и 200 ря-

довых²⁷. 8 декабря Голенищев-Кутузов прибыл в Юрбург и послал партии в Тильзит²⁸.

Находившийся в авангарде отряда Дибича 2-го донской полк Чернозубова 8-го достиг 8 декабря м. Тельши (совр. Тельшый). Еще на подходе к местечку подполковник М. Г. Чернозубов 8-й отправил рапорт непосредственно Дибичу 2-му, в котором писал: «Неприятель ретируется самопоспешнейше, и я никак не могу его настичь»²⁹. Примечательно, что в «Подробной реляции» Витгенштейна рейд к Тельшам приписан гвардии полковнику И. О. Сухозанету. Якобы Сухозанет во главе донских полков Родионова 2-го и Чернозубова 8-го прибыл в Тельшы, а затем достиг окрестностей Мемеля³⁰. В действительности Дибич 2-й переслал рапорт Чернозубова 8-го Витгенштейну, даже не упомянув о Сухозанете³¹.

Дибич вечером 9 декабря прибыл в Лавков (к югу от Тельшей), откуда собирался направиться к Мемелю, куда, по его мнению, двигался Макдональд. Сложившуюся ситуацию он оценил следующим образом: «Пресечь же дорогу неприятелю я не предвижу другой возможности, как сильным наступлением главных наших сил на Кёнигсберг»³². Полковника Гернгросса со Сводным гусарским полком Дибич оставил в м. Кельмы для наблюдения за дорогой из Шавли в Россиены.

Справа от Дибича в направлении на Шавли (совр. Шяуляй) двигался летучий отряд полковника А. И. Альбрехта (его Сводный гвардейский кавалерийский и Сводный драгунский полки)³³. 9 декабря он вступил в Поневеж (совр. Паневежис), на следующий день прибыл в м. Кракиново (южнее Поневежа), откуда сообщил, что Макдональд еще 8 декабря выступил из-под Митавы (совр. Елгава) по трем дорогам: на Шавли, на Жагоры и Тельши. Альбрехт пошел форсированным маршем на Подубис (к югу от Шавли), чтобы упредить неприятеля³⁴.

²⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3432. Л. 2 (Месячный рапорт полка Иловайского 12-го за январь 1813 г.). «Больные: полковой командир простудной лихорадкой два месяца».

²⁶ М. И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 506. Указанные в этом расписании Сводный гусарский, донские Лащилина и Платова 4-го полки были откомандированы: Сводный гусарский полк и полк Лащилина — в отряд Дибича 2-го; полк Платова 4-го был откомандирован для сбора продовольствия, в декабре он не принимал участия в боевых действиях. См. послужной список командующего полком Платова 4-го есаула Е. М. Егорова: «По переходе речки Березины оставлен был с полком авангардным командиром для заготовления на корпус графа Витгенштейна провианта, а потом, получа повеление, следовал к городу Юрбургу, где по случаю болезни моей сдал полк 1813 года генваря 10 старшему в оном чиновнику». См.: ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 236. Л. 147–150 (Послужной список есаула Е. М. Егорова за 1816 г.). Старшим после Егорова был есаул А. М. Русин, в послужном списке которого отмечено: «[Ноября] с 23-го по 16-е декабря в Виленском уезде в понуждении жителей для продовольствия войск высылкою провианта». См.: ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 236. Л. 14–17 (Послужной список есаула А. М. Русина за 1816 г.).

²⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 149–150 (Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 9 декабря 1812 г., Вилкомир).

²⁸ Там же. Д. 3488. Л. 365 и об. (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 8 декабря 1812 г., № 212, Юрбург).

²⁹ Там же. Л. 378 и об. (Копия рапорта подполковника М. Г. Чернозубова 8-го И. И. Дибичу от 8 декабря 1812 г., 11½ часов дня, Лукник).

³⁰ Там же. Д. 3404. Л. 86 (Витгенштейн П. Х. Подробная реляция от 17-го ноября 1812-го года по 2-е генваря 1813 года).

³¹ Там же. Д. 3488. Л. 377 (Рапорт И. И. Дибича П. Х. Витгенштейну от 9 декабря 1812 г., 10 часов утра, Немокшты).

³² Там же.

³³ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. СПб., 1860. С. 508–509.

³⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 356 и об. (Рапорт А. И. Альбрехта П. Х. Витгенштейну от 10 декабря 1812 г., Кракиново).

Отправленная Голенищевым-Кутузовым партия под командой подполковника К. Теттенборна 9 декабря подошла к Тильзиту (совр. Советск) на территории Пруссии. Здесь она столкнулась с двумя эскадронами прусских гусар, опрокинула их и преследовала целую милю. В плен взяли до 40 человек и отбили одно орудие, после чего партия вступила в город³⁵.

Узнав 10 декабря об успехе Теттенборна, Голенищев-Кутузов выступил из Юрбурга, перешел прусскую границу и прибыл в м. Траппонен (*Trappönen*, совр. Неманское, выше Тильзита по течению)³⁶.

Гернгресс со Сводным гусарским полком 9 декабря совершил переход из Россиен в Кельмы³⁷. Он, как и Дибич 2-й, считал, что Макдональд направился к балтийскому побережью. 10 декабря кавалерия противника, прибывшая из Шавель, выбила отряд Гернгресса из м. Кельмы, принудив удалиться в Россиены. По словам местных жителей, в Кельмы вступил пятитысячный отряд противника под командой трех генералов, за ним следует такой же. Гернгресс немедленно уведомил об этом Дибича 2-го и Властова³⁸. Вечером 11 декабря Гернгресс рапортовал, что противник продолжил движение из м. Кельмы на Немокшты, в результате чего прервал его связь с отрядом Дибича 2-го³⁹.

10 декабря партия Сухозанета (Родионова 2-го и Чернозубова 8-го полки) достигла окрестностей Мемеля. Дибич 2-й в тот день находился в м. Ворны, где узнал, что Макдональд идет не на Мемель, а на Тильзит. Он стал поспешно стягивать полки в Ворны, чтобы атаковать противника на марше во фланг.

12 декабря Дибич узнал о прибытии колонны противника в Колтыняны и поспешил туда, чтобы отрезать арьергард. Ситуация для этого сложилась подходящая: 13 декабря авангардная колонна Макдональда ушла к Тильзиту под наблюдением казаков; несколько партий Дибич 2-й выдвинул к м. Немокшты; в случае неудачи он мог отступить на Лавков и Тельши, где находился отряд Галате⁴⁰.

³⁵ Там же. Л. 369 и об. (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 10 декабря 1812 г., Юрбург).

³⁶ Там же. Л. 371 (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 10 декабря 1812 г., д. Траппонен).

³⁷ Там же. Л. 358, 363 (Рапорты Р. Ф. Гернгресса П. Х. Витгенштейну от 9 декабря 1812 г., Россиены и Кельм).

³⁸ Там же. Л. 374 и об. (Рапорт Р. Ф. Гернгресса П. Х. Витгенштейну П. Х. от 11 декабря 1812 г., 7 часов утра, Россиены).

³⁹ Там же. Л. 373 (Рапорт Р. Ф. Гернгресса П. Х. Витгенштейну от 11 декабря 1812 г., в 8 часов пополудни, Россиены).

⁴⁰ Война 1813 года... Т. 3. С. 205 (Военный журнал г.-л. Левиза).

Отряд Голенищева-Кутузова 11 декабря вступил в Тильзит. Отряд Властова в тот день прошел через м. Гивры (к востоку от Таурогена), откуда установил связь с Гернгрессом, находившимся в Россиенах⁴¹. Затем Властов направился к Тильзиту.

Вокруг Макдональда стягивалось кольцо окружения, но командиры русских отрядов не владели ситуацией. Между ними зачастую отсутствовала связь, а поступающая информация была противоречивой. Об этом свидетельствует рапорт Голенищева-Кутузова по прибытии в Тильзит: «Корпус Макдональда <так в тексте — А. С.> имеет направление на Мемель и чрез Нерунген в Кёнигсберг. Ваше сиятельство изволили мне предписать форсированными маршами идти на Мельшин <?> и занять находящиеся там укрепления в таком только случае, чтобы я не мог быть отрезан войсками из Кёнигсберга. Ваше сиятельство из донесений сих ясно изволите усмотреть, какой бы я подверг опасности вверенный мне отряд, если бы я пошел на Мельшин. Сверх того сие противно бы было и вашему повелению, а потому я остановился с частью войск в Тильзите, некоторая часть находится в Сомерату, откуда будут посылать партии до Георгиенбурга и Инстенбурга, где вчера еще находился неприятельский арьергард, а сильную партию посылаю на Мельшен, и по полученным оттуда сведениям возьму мое направление. В Мельшене укрепления есть для защиты берегов, а не другие»⁴². К сожалению, в рапорте все топонимы искажены, один из них — Мельшин/Мельшен — не удалось отыскать на карте.

11 декабря в Ераголе сформировали еще один передовой отряд (четыре казачьих, Сводный гусарский, 25-й егерский, Тенгинский пехотный полки, 2-я дружина Санкт-Петербургского ополчения, шесть орудий из конно-артиллерийской роты № 23), который возглавил присланный М. И. Кутузовым генерал-майор Д. Д. Шепелев⁴³. Однако четыре полка полковника А. А. Ягодина 2-го еще не прибыли, Сводный гусарский полк находился в Россиенах. 12 декабря Шепелев перешел в Чейкишки, на следующий день — в Вилены (к востоку от Юрбурга), где дал отряду 14 декабря день отдыха.

Помимо Шепелева М. И. Кутузов прислал к Витгенштейну генерал-майора графа К. К. Сиверса, для него вскоре также сформировали

⁴¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 401 (Рапорт Е. И. Властова П. Х. Витгенштейну от 11 декабря 1812 г., м. Гивры).

⁴² Там же. Д. 3514. Л. 310–311 (Копия рапорта П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 11 декабря 1812 г., Тильзит).

⁴³ Там же. Д. 3404. Л. 90 (Витгенштейн П. Х. Подробная реляция от 17-го ноября 1812-го года по 2-е января 1813 года).

отряд. Обоим предоставили возможность отличиться, и вскоре оба стали генерал-лейтенантами.

Полковник Альбрехт, прибывший 12 декабря с отрядом в м. Радзивишки (к востоку от Шавель), также думал, что Макдональд пойдет на Мемель. Посланный им уланский эскадрон выбил из Шавель два эскадрона французских кирасир, взяв 20 пленных. Затем Альбрехт выступил на Подубис, чтобы установить связь с Гернгроссом. Он просил усилить его пехотой и артиллерией, заверив: «Тогда я буду действовать смелее, неприятель же бежит во все лопатки»⁴⁴.

Основные силы Витгенштейна (корпуса Штейнгеля и Берга, резерв Фока) прибыли 10 декабря в Кейданы. 11–12 декабря они получили отдых, чтобы собрать отставших. Марши пехоты и артиллерии в середине декабря в литовской глуши давались с большим трудом. Витгенштейну пришлось оставить в Кейданах 25 орудий, поскольку не было сил тащить их дальше. Однако из Вильны регулярно поступали приказы активизировать преследование Макдональда.

Вечером 10 декабря в литовскую столицу прибыл из Петербурга император Александр I и сразу же потребовал продолжить преследование противника. К тому времени корпус Платова и армия Чичагова более недели простояли на польской границе, которую пересекли только несколько полков, но и они не продвинулись далее Вилковиска.

11 декабря Кутузов послал Чичагову, Витгенштейну и Платову приказы активизировать преследование. Чичагову он приказал выступить из Гезно в направлении к Гумбинену, чтобы не дать Макдональду уйти. Витгенштейна и Платова главнокомандующий уведомил о посланном Чичагову приказе и просил «употребить всевозможное старание, чтобы узнать о действительных силах неприятельских»⁴⁵.

Далее произошло нечто странное, похожее на саботаж генералов.

14 декабря Кутузов предписал Витгенштейну собрать все отряды, перейти Неман в Юрбурге и двигаться на Лабиау, Чичагову — спешно выступить через Гумбинен и Инстербург на Кёнигсберг, Платову — отправить партии чрез Алленбург, Крейцбург к Браунсбергу, т. е. уже на дорогу из Кёнигсберга в Эльбинг⁴⁶. 15 декабря Кутузов приказал Вит-

⁴⁴ Там же. Д. 3488. Л. 375 и об. (Рапорт А. И. Альбрехта П. Х. Витгенштейну от 12 декабря 1812 г., в 10 часов поутру, м. Радзивишки).

⁴⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 19. СПб., 1912. С. 237 (Приказы М. И. Кутузов, П. В. Чичагову, П. Х. Витгенштейну и М. И. Платову от 11 декабря 1812 г.). Странно, что Витгенштейн получил этот приказ 12 декабря, а Платов дубликат приказа 13 декабря.

⁴⁶ Там же. С. 239 (Приказы М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну, П. В. Чичагову и М. И. Платову от 14 декабря 1812 г.).

генштейну «состоять в команде адмирала Чичагова», поскольку движения его корпуса и армии Чичагова стремятся к одной цели⁴⁷. Что касается Платова, он еще прежде оказался в подчинении адмиралу. По сути, речь шла о создании войсковой группировки для действий в районе Кёнигсберга. Возглавил её Чичагов, как главнокомандующий большой действующей армии он был наделен почти диктаторскими полномочиями. 15 декабря Чичагов приезжал в Вильну для встречи с императором и Кутузовым. Один из осведомленных очевидцев, литовский генерал-губернатор А. М. Римский-Корсаков так описал свои впечатления от этого приезда: «В тот же день прибыл сюда Чичагов. Адмирал сей в общем мнении на весьма невыгодном счету. Сами военные простить ему не могут утечку Наполеона, и нет человека ему доброжелательствующего. Общий слух между всеми военными есть тот, что Барклай сменит Чичагова, а сей будет канцлером»⁴⁸. Понятно, что в такой обстановке Чичагову было непросто командовать войсковой группировкой. К тому же под его команду назначили Витгенштейна, который месяцем прежде на Березине сделал все, чтобы не оказаться в подчинении у адмирала, и тем самым поспособствовал неудаче всей армии.

Только 17 декабря 3-я армия Чичагова наконец-то выступила из Гезно, а Платов выехал из Ковны. Подчеркну, что первый приказ Кутузова об этом датирован 11 декабря! По опубликованной переписке Платова можно проследить буквально по дням, как развивались события.

Еще не получив первый приказ Кутузова, Платов 12 декабря отрапортовал, что передовые полки находятся в Вилковиске, партия под командой капитана Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части А. И. Тарасова отправлена уже на польско-прусскую границу в Вирбален (*Wirballen*, совр. Вирбалис)⁴⁹. Познакомившись с рапортом атамана, Александр I остался недоволен остановкой казачьих полков в Вилковиске. Через дежурного генерала П. П. Коновницына Платова уведомили, «что государю императору очень приятно будет, чтобы вы сами с войсками находились впереди, ибо от того много зависеть будет успех наших действий на Макдональда, против которого действует ныне

⁴⁷ Там же. С. 240 (Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 15 декабря 1812 г.). Сохранился оригинал этого приказа, вызывающий недоумение. Во-первых, писарь его ошибочно датировал 15 ноября. Во-вторых, судя по отметкам, он был получен только 23 декабря. См.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3514. Л. 354 (Приказ М. И. Кутузова Витгенштейну от 15 ноября 1812 г. № 738).

⁴⁸ *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 375 (Письмо А. М. Римского-Корсакова О. П. Козодавлеву от 16 декабря 1812 г., Вильна).

⁴⁹ Донское казачество... С. 308 (Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 12 декабря 1812 г.).

граф Витгенштейн»⁵⁰. Вежливый, но все же выговор. В ответ Платов отпарировал, что казачий полк под командой капитана А. И. Тарасова совершил рейд в прусский Пилькаллен (*Pillkallen*) и узнал, что в Инстербурге и Таплакене (у Велау) неприятеля нет⁵¹. Атаман также сообщил, что отправил несколько полков по левому берегу Немана вниз по течению, но просит дать ему более конкретные указания, поскольку, по полученным сведениям, противника нет до самой Вислы, а направление движения корпуса Макдональда неизвестно⁵².

Через день, 15 декабря, Платов попытался объяснить в письме Коновницыну: «Не предпринимал шибкого следования моего к Висле вперед за усталю казачьих лошадей и за болезнью многих казаков, от бывших сильных морозов, кои и теперь еще не собрались; да и неприятеля впереди до самой Вислы налево от Кёнигсберга, куда бы надобно было следовать прямо от Вилковиска, нигде не было, ибо он весь истреблен, как я доносил его светлости, кроме корпуса маршала Магдональда <так в тексте — А. С.>, который от меня вдали совсем направо, и о котором не имел я и не имею еще по сию пору достоверного сведения от графа Витгенштейна». Атаман заверил, что донские полки уже начали выступать из Ковны и он последует за ними. Далее Платов мимоходом пожаловался на собственное нездоровье и вновь обратился к тяжелой ситуации в корпусе: «Хотя лошади в казачьих полках и слабы от бывшего непрерывного денно и ночью преследования неприятеля более тысячи верст, да и казаков третья часть больных от опухли ног и других болезней от бывших сильных морозов, но я, несмотря на то, приказал слабым и с усталыми лошадьми таянуться вслед за мною»⁵³.

Только 17 декабря Платов покинул Ковну и отправился вслед за полками. Вскоре император отправил к нему генерал-адъютанта А. И. Чернышева, порекомендовав использовать его в качестве дежурного генерала⁵⁴. Это назначение должно было «подвинуть престарелого атамана Платова к большей деятельности»⁵⁵.

⁵⁰ Там же (Отношение П. П. Коновницына к М. И. Платову от 13 декабря 1812 г.).

⁵¹ Там же. С. 309–310 (Рапорт М. И. Платова М. И. Кутузову от 13 декабря 1813 г., № 247).

⁵² Там же. С. 310 (Письмо М. И. Платова П. П. Коновницыну от 13 декабря 1812 г.).

⁵³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 247–248 (Письмо М. И. Платова П. П. Коновницыну от 15 декабря 1812 г.).

⁵⁴ Труды МО ИРВЮ. Т. 2. М., 1912. С. 264 (Письмо М. И. Кутузова М. И. Платову от 19 декабря 1812 г.). В сборнике «Донское казачество...» это письмо ошибочно датировано 14 декабря (С. 311).

⁵⁵ Жиров М. С. Напасти на М. И. Платова в 1812–1814 гг. // Донские областные ведомости. 1912. № 49. С. 2.

Одновременно 17 декабря выступила из Гезно 3-я армия Чичагова, но только 21 декабря её авангард под командой Чаплица миновал польскую территорию и перешел у Вирбалена прусскую границу. На следующий день авангард Чаплица вступил в Гумбинен⁵⁶.

Витгенштейн также не спешил. Время с 14 по 16 декабря он провел у Юрбурга. Опубликованы рапорты Витгенштейна от 14 и 15 декабря, написанные в замке Гальгут (совр. Гельгаудишкис к востоку от Юрбурга на левом берегу Немана). В рапорте Кутузову от 14 декабря Витгенштейн по-прежнему утверждал, что Макдональд движется на Мемель, преградить ему путь можно только с выходом на балтийское побережье, «почему я форсирую мои марши на Лабиау, но в оных задерживает меня артиллерия по причине глубоких снегов»⁵⁷. Опережавшему его на один марш отряду Шепелева он предписал немедленно выступить из Юрбурга на Тильзит и сменить в дефиле у Пиктуленена отряд Голенищева-Кутузова, чтобы тот выступил на Лабиау.

15 декабря основные силы Витгенштейна прибыли в Юрбург. Утром он отправил рапорт Чичагову, в котором заверил, что его сильный авангард занимает дефиле при Тильзите и Макдональд не сможет отступить по этой дороге. Он надеялся на движение армии Чичагова и корпуса Платова к Кёнигсбергу⁵⁸. На тот момент Витгенштейн еще не знал, что накануне отряд Властова был разбит в дефиле при Тильзите, а отряд Голенищева-Кутузова отступил к Раудшену, тем самым открыв Макдональду путь для отступления.

В Юрбурге 15 декабря происходило столпотворение. Там ночевал Гернгросс с частью Сводного гусарского полка. В 8 часов утра в город вступил отряд Шепелева, который сразу же отправил квартирмейстеров в Посвенте (на прусской границе) для подбора квартир. В это время в Юрбург прибыли четыре казачьих полка под командой полковника Ягодина 2-го. Их сразу же отправили за Неман⁵⁹. Спустя несколько часов Шепелев покинул город и расположился в Посвенте. После чего в Юрбург вступил корпус Штейнгеля⁶⁰. По приказу Витгенштейна Шепелев

⁵⁶ Война 1812 года... Т. 17. СПб., 1911. С. 232 (Журнал военных действий прежде бывшей Дунайской армии, а после переименованной в 3-ю Западную, под предводительством адм. Чичагова и, наконец, ген. Баркляя де Толли в 1812 г.).

⁵⁷ М. И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 608–609 (Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 14 декабря 1812 г., замок Гальгут).

⁵⁸ Война 1812 года... Т. 21. С. 189–190 (Рапорт П. Х. Витгенштейна П. В. Чичагову от 15 декабря 1812 г.).

⁵⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 403–404 (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 15 декабря 1812 г., Юрбург).

⁶⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 410 и об. (Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейна от 15 декабря 1812 г., Юрбург).

отправил три казачьих полка под командой Ягодина 2-го в Шиллупишкен, дефиле у которого являлось ключевым пунктом на дороге из Тильзита в Кёнигсберг. Донской полк Грекова 17-го Шепелев оставил у себя. Ягодин 2-й должен был прибыть в Шиллупишкен утром 17 декабря и рапортовать оттуда Голенищеву-Кутузову и Шепелеву⁶¹.

16 декабря основные силы Витгенштейна (корпуса Штейнгеля и Берга, резерв Фока) отдыхали в Юрбурге⁶². Авангард Шепелева переправился через Неман и направился в Ласденен, чтобы примкнуть к отряду Голенищева-Кутузова⁶³. Узнав о поражении при Пиктупенене, Витгенштейн отправил в отряд Голенищева-Кутузова генерал-майора князя Н. Г. Репнина с приказом немедленно атаковать противника в Тильзите. Репнину, имевшему опыт дипломатической службы, поручались переговоры с пруссаками и Макдональдом.

Бой в Пиктупенене (14 декабря)

Напомню, что к 13 декабря войска Витгенштейна оказались растянуты на сотню верст: основные силы на марше из Кейдан в Чейкишки, отряд Шепелева — из Чейкишек в Вилены, отряд Голенищева-Кутузова находился в Тильзите, Властова — в Пиктупенене (между Тильзитом и Тауроеном), отряд Дибича утром прибыл в Колтыняны, отряд Альбрехта находился у Шавли.

На Тильзит двигалась первая колонна корпуса Макдональда. Утром 13 декабря Макдональд в м. Шилели (совр. Шилале) разделил колонну на две части: одна (7-я дивизия Гранжана) пошла прямо через Погрмонцы на Тауроен, вторая (пруссский отряд Массенбаха) в обход через Поюрже, Войнута и Коадьютен.

Находившийся в Тильзите Голенищев-Кутузов получил утром 14 декабря сообщение, что большие силы противника прибыли в Тауроен и далее собираются двигаться на Тильзит. В Пиктупенене, где было дефиле на дороге в Тильзит, находился отряд под командой генерала Властова. Осмотрев местность, Голенищев-Кутузов пришел к выводу, что удержать превосходящие силы противника ему не удастся. Он сообщил Витгенштейну: «Позиция Пиктупенен, о которой ваше сиятельство изволили мне предписать удерживать его, если он не будет атаковать меня в больших силах, не есть такова, которую бы удержать было возмож-

но». Далее он писал: «Я решился Пиктупенен оставить и расположил пехоту с артиллерией в Рауденце, а с кавалерией буду наблюдать его движения»⁶⁴. Таким образом, Голенищев-Кутузов решил отвести пехоту с артиллерией на 20 верст от Тильзита — в Раудшен (*Raudczen*, совр. Радино), где в Неман впадает река Шешупе, т. е. за водную преграду.

Вероятно чтобы как-то скрасить негативное впечатление от решения не удерживать позицию не только в Пиктупенене, но и по Неману, Голенищев-Кутузов сообщил об успешном продвижении его партий вглубь Восточной Пруссии: «Посланные от меня партии заняли города Инстербург и Гумбинен. В первом при занятии города убито 300 человек, в плен взято 220 и 4 знамени, при сем препровождаемые. Кроме того, досталось в городском гауб-гошпитале полковник 1, офицеров 20, рядовых до 1200, ружей 450. <...> Во втором взят французский комендант, военный комиссар, один полковник, 42 офицера и до 1500 нижних чинов»⁶⁵.

К Гумбинену и Инстербургу 10 декабря были отправлены партии под командой войскового старшины А. И. Кучерова из полка Иловайского 4-го и подполковника Е. А. Балтина, командира конно-казачьего полка Тульского ополчения. В послужном списке генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го, командовавшего в отряде Голенищева-Кутузова казаками, по этому поводу сказано: «10-го декабря того же года при переходе за границу двумя откомандированными отрядами с подполковником Балтиным и войсковым старшиной Кучеровым 1-м занял город Гумбинен, в коем захвачено в плен 1500 человек, и последним вытеснен неприятель из города Инстербурга, причем отбито 4 знамени, 1 полковник, 20 обер-офицеров и 1200 рядовых, 500 ружей в ящиках и с разными продуктами на значительную сумму магазейн»⁶⁶.

Кучеров вступил в Инстербург 13 декабря, а на следующий день он был уже в Велау. Об этом свидетельствует запись в его послужном списке: «Декабря 13-го за границу с порученными ему от полков тремя сотнями, преследуя неприятеля и найдя его в городе Инстербурге, несмотря на превосходство сил, решился сделать атаку со всех сторон, и таким образом, стремительно въехав в средину, совершенно разбил и выгнал оного оттоль; при сем случае отбито 4 знамени, в плен взято: полковник — 1, штаб и обер-офицеров — 20, нижних чинов — 1420, возвращено российских военнопленных — 42, в добычу досталось

⁶¹ Там же. Л. 414 (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 16 декабря 1812 г., мыза Шмалленинкен к западу от Посвенте).

⁶² 1812 год. Войска генерала П. Х. Витгенштейна... С. 146–147.

⁶³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 413 (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 16 декабря 1812 г.).

⁶⁴ Там же. Л. 392 и об. (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 14 декабря 1812 г., Тильзит).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 242. Л. 11–19 (Послужной список генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го за 1817 г.).

в ящиках 500 запасных ружей и на весьма значительную сумму в магазине съестных припасов; 14-го, 15-го при Вейлау, где из корпуса маршала Виктора, кроме убитых, в плен взято три офицера, 151 рядовых, а также захвачено в городе значительное число съестных припасов, что все тогда же представлено генерал-адъютанту Голенищеву-Кутузову»⁶⁷.

В партии Балтина, вступившей в Гумбинен, также были донские казаки из полка Иловайского 4-го. Это следует из записи в послужном списке сотника П. В. Сиротина: «9 декабря с подполковником Балтиным в партии у преследования за оным к городу Гумбинену, 14-го с охотничьей командой отправлен был вперед для открытия того города, где взял в плен французского коменданта, комиссара, 7 офицеров и более 1000 рядовых»⁶⁸.

Вернемся к рассмотрению событий в Пиктупенене. Если быть точным, в 10 верстах на север от Тильзита находились один подле другого два селения: Кляйн-Пиктупенен и Грос-Пиктупенен. Местность в этом месте образовывала дефиле (теснину), почему Витгенштейн и указал на него в качестве выгодной позиции. Отряд Властова (батальон 23-го егерского полка, 9-я дружина Санкт-Петербургского ополчения, три эскадрона) занимал Кляйн-Пиктупенен. К нему неожиданно приблизился отряд прусской кавалерии под командой подполковника А. Трескова (три эскадрона из его Сводного драгунского полка № 1, два эскадрона «черных» гусар под командой майора Курнатовского из Сводного гусарского полка № 1). Этот отряд шел в авангарде 3-й бригады бригадного генерала Ж.-Д.-Ж. Башлю⁶⁹. Поскольку пруссакам удалось сбить русские посты, их нападение оказалось внезапным. Властов сразу же начал отступление к Тильзиту. Тресков стал обходить Кляйн-Пиктупенен со своего левого фланга. Властов остановился, поместил имевшуюся у него кавалерию на свой правый фланг, а егерский батальон построил в каре. Тогда Тресков отправил один эскадрон драгун в обход каре со своего правого фланга, а другой эскадрон драгун атаковал в центр. Атака увенчалась успехом, прусские драгуны и гусары преследовали русскую кавалерию, обратившуюся в бегство. В это время прибыл Башлю с артиллерией и начался обстрел отступающих⁷⁰. В этом

бою прусские кавалеристы захватили орудие легкой роты № 11 и триста пленных, в том числе 11 офицеров.

Голенищев-Кутузов утверждал, что отряд Властова был вынужден отступить в результате обходного движения отряда противника из Таурогена на Вилькишкен (к северу от Рагнита). В рапорте он писал: «Едва успел вчера подписать рапорт мой к вашему сиятельству и донести о критическом положении пехоты и артиллерии нашей в Пиктупенене в случае, когда неприятель в больших силах будет атаковать или обходить оную позицию, как вдруг неприятель в больших силах атаковал авангард отряда генерал-майора Властова, а другой дорогой от стороны Таурогена на Вилькишки начал обходить нашу позицию в Пиктупенене. Не в силах будучи держаться, я со всем отрядом отступил в Раутцен <...> как объявил мне господин генерал-майор Властов, от неосторожности 23-го егерского полка командира штаб-офицера Каташева большая часть его батальона, он и несколько офицеров взяты в плен, <в сих> же некоторая часть дружины и одно орудие конной артиллерии»⁷¹.

В последующих описаниях появились дополнительные подробности. Оказывается, Голенищев-Кутузов отправил из Тильзита на помощь Властову полки Иловайского 4-го и Кутейникова 6-го, два эскадрона изюмцев. Они остановили прусскую кавалерию и позволили остаткам отряда Властова переправиться через Неман⁷². На следующее утро Голенищев-Кутузов отступил из Тильзита к некому селению Алкенупеню, которое на картах отыскать не удалось⁷³.

В послужном списке войскового старшины В. А. Кутейникова 6-го имеется запись: «[Декабря] 14 с правой стороны реки Немана при селении Берстеншики»⁷⁴. Она позволяет считать, что подкрепление подошло к отряду Властова у м. Биштоникшен (к югу от Пиктупенена).

Макдональд 14 декабря перешел прусскую границу в Ласдонмекенене и прибыл в Коадьютен (*Coadjuten*), где вечером получил рапорт Башлю о бое в Пиктупенене⁷⁵.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 11196. Л. 5–8 (Послужной список подполковника А. И. Кучерова 1-го за 1814 г.).

⁶⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3351. Л. 8–9 (Послужной список есаула П. В. Сиротина за 1815 г.).

⁶⁹ *Reboul F.* Campagne de 1813... Vol. 1. P. 234. «Черными» гусарами в прусской армии называли 2-й лейб-гусарский полк, эскадроны которого были в Сводном гусарском полку № 1.

⁷⁰ *Seydlitz A.* Campagne et défection du Corps prussien de la Grande armée (France, Prusse et Russie en 1812). Paris, 1903. P. 194.

⁷¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 394 и об. (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 15 декабря 1812 г., Раутен [Раудшен]). В плен был взят командир 23-го егерского полка подполковник И. В. Каташев и большая часть его батальона.

⁷² *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. СПб., 1860. С. 371.

⁷³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 272 (Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 17 декабря 1812 г., Юрбург).

⁷⁴ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 52. Д. 12. Л. 1–2 (Послужной список войскового старшины В. А. Кутейникова 6-го за 1814 г.).

⁷⁵ *Auriol Ch.* Retraite du 10-e corps de la Grande-Armée de la Dwina sur Dantzig (1812): (Documents inédits). Paris, 1888. P. 5.

Как долго оставались на правом берегу 15 декабря казачьи полки Иловайского 4-го и Кутейникова 6-го, уточнить не удалось. Только вечером 15 декабря бригада Башлю смогла переправиться через Неман и вступила в Тильзит. В полдень 16 декабря Макдональд прибыл в Тильзит, отряд Башлю отправили в Рагнит.

Кавалерийский бой у Рагнита (16 декабря)

16 декабря Голенищев-Кутузов отступил в Ласденен (между Рагнитом и Юрбургом, совр. Краснознаменск), оставив в Рагните отряд Теттенборна. Получив с аванпостов сообщение о приближении по дороге из Тильзита неприятельской кавалерии. Теттенборн выступил навстречу. Это был прусский Сводный гусарский полк № 1 с двумя орудиями, шедший в авангарде отряда генерала Башлю. После жаркого боя с прусским полком Теттенборну пришлось отступить в Ленкен (к югу от Раудшена)⁷⁶. Витгенштейн утверждал, что Теттенборн дал бой четырем эскадронам прусских гусар, 60 убил на месте, в плен взял 3 офицеров и до 50 рядовых. Но затем на помощь противнику подошел пехотный полк, два эскадрона драгун при четырех орудиях, и Теттенборн был вынужден отступить, оставив аванпосты в Обер-Эйзельне⁷⁷.

Пруссаки отметили потери только среди офицеров: один убит, два ранены и взяты в плен (в том числе командир эскадрона ротмистр К. Цастров)⁷⁸.

Около четырех часов пополудни Теттенборн отступил в Ленкен, где нашел только что прибывший казачий отряд Ягодина 2-го. По свидетельству Ягодина, Теттенборн привел с собой пленных: одного капитана, двух обер-офицеров, 45 унтер-офицеров и «черных гусар». В Рагнит вступил отряд генерала Башлю: пехотный полк, четыре эскадрона «черных гусар», два эскадрона драгун, восемь орудий. В Тильзите расположился на ночлег корпус Макдональда. Вечером Ягодин 2-й покинул Ленкен, оставив там Теттенборна. В рапорте Ягодина помещена загадочная фраза: «Я с отрядом казаков завтра на рассвете прибуду в Шиллупишкен (Круппишкен)»⁷⁹. Но Шиллупишкен (совр. Шилово) и Краупишкен (совр. Ульяново) находятся в 30 км друг от друга. В свое время Р. Е. Альтшул-

лер решила, что отряд Ягодина прибыл в Краупишкен и потому дорога из Тильзита оказалась свободна для прохода корпуса Макдональда⁸⁰. Однако 19 декабря Ягодин 2-й все же был у Шиллупишкена.

Вечером 16 декабря к находившемуся в Ласденене Голенищеву-Кутузову прибыл посланец Витгенштейна — князь Н. Г. Репнин, фигура колоритная. Голенищев-Кутузов писал Витгенштейну по этому поводу: «Сию минуту прибыл ко мне господин генерал-майор Репнин, которому по воле вашего сиятельства все зависящие от меня способы даны. Из предписания вашего сиятельства, сегодня мною полученного, к крайнему прискорбию замечаю я неудовольствие ваше в рассуждении оставления мною Пиктупенена и Тильзита. Я осмеливаюсь предварительно вашему сиятельству донести, что я и от Кёнигсберга неприятеля отрезать буду не в состоянии, а буду в преследовании наносить ему всевозможный вред. Если же ваше сиятельство изволите прислать на место мое такого генерала, который в состоянии сие исполнить, то я за честь себе поставлю быть у него под командой». Странно, но в рапортах Витгенштейну Голенищев-Кутузов регулярно говорил о готовности сложить с себя командование отрядом. Вероятно, он остался недоволен тем, что его прежде отдельный отряд оказался присоединен к армии Витгенштейна. В том же рапорте Голенищев-Кутузов сообщил: «Я по воле вашего сиятельства, объявленной мне господином генерал-майором князем Репниным, выступаю с кавалерией, а авангарду под командой генерал-майора Властова приказал идти по моим следам, с тем, однако же, чтоб он был в надлежащей от армии дистанции»⁸¹. Речь шла о выполнении приказа Витгенштейна атаковать противника в Тильзите.

На следующее утро, 17 декабря, Голенищев-Кутузов прибыл к Раудшену, но, раздосадованный приездом князя Репнина, уведомил Витгенштейна: «По приключившейся мне болезни сдал команду старшему по себе господину генерал-майору Иловайскому 4-му»⁸². Обещанного накануне перехода в наступление у Голенищева-Кутузова не получилось...

Витгенштейн планировал, что 17 декабря его корпуса перейдут из Юрбурга в Лебегаллен, авангард Шепелева — в Зоммерау (в действительности достиг только Герскуллена), казаки Ягодина 2-го — в Шиллупишкен, где 19 декабря должен собраться весь корпус.

17 декабря Витгенштейн с основными силами совершил форсированный марш и прибыл в Лебегаллен (*Loebegallen*, совр. Толстово).

⁷⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 415 (Рапорт К. Теттенборна П. Х. Витгенштейну от 16 декабря 1812 г., Ленкен).

⁷⁷ Там же. Д. 3511. Л. 272–273 (Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 17 декабря 1812 г.).

⁷⁸ *Seydlitz A. Campagne...* P. 202–203.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 441 и об. (Рапорт А. А. Ягодина 2-го Д. Д. Шепелеву от 16 декабря 1812 г., пополудни в 7 часов, Ленкен).

⁸⁰ М. И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 646 (примечание).

⁸¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 419 и об. (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 16 декабря 1812 г. [Ласденен?]).

⁸² Там же. Л. 424 (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 17 декабря 1812 г., двор Юкштейн к югу от Раудшена).

Авангард Шепелева перешел в Герскуллен (совр. Ганновка). Три донских полка под командой Ягодина 2-го подошли к Шиллупишкену⁸³.

На 18 декабря только казаки Ягодина 2-го находились у Шиллупишкена, остальные войска Витгенштейна все еще совершали марши к юго-востоку от Тильзита: отряд Голенищева-Кутузова перешел к Гудгаллену (совр. Гудково, в 12 км от Тильзита), авангард Шепелева — в Зоммерау (совр. Загорское), Витгенштейн с основными силами продвинулся из Лебегаллена до Герскуллена⁸⁴. Удивительно, но прибыв в Герскуллен, Витгенштейн дал основным силам отдых на следующий день⁸⁵. Труднообъяснимое решение, на наш взгляд свидетельствующее о нежелании служить под командой адмирала Чичагова. В день выступления Макдональда из Тильзита основные силы Витгенштейна отдыхали...

Подписание Таурогенской конвенции (13–18 декабря)

Если на левом берегу Немана Витгенштейн не спешил к Тильзиту, оказавшись под командой Чичагова, то на правом берегу Немана у Таурогена Дибич 2-й, впервые получивший под команду самостоятельный отряд, добился решительного успеха. Прибыв утром 13 декабря в Колтыняны, Дибич 2-й застал там отставших пруссаков из отряда Массенбаха, т. е. первой колонны Макдональда. Таким образом, Дибич 2-й вклинился между двумя колоннами противника (Макдональда и Йорка). Утром 13 декабря прусская колонна Йорка собралась в м. Крожи и выступила на Колтыняны.

В полумиле от Колтынян авангард Клейста наткнулся на отряд Дибича 2-го⁸⁶. Есть свидетельство, что Клейст сумел схватить казачью партию⁸⁷. Дибич хотел отправить навстречу пруссакам в качестве парламентаря находившегося в его отряде К. Клаузевица, который недавно перешел с прусской службы на русскую. Однако Клаузевиц предложил сначала отправить кого-нибудь из российских немцев. Выбор пал на состоявшего при Дибиче курляндского барона А. А. Ренне⁸⁸. Однако

Клейст заявил, что не может открыть переговоры без разрешения Йорка и будет дожидаться его приезда. Вскоре Йорк прибыл. Личная встреча Йорка и Дибича произошла около 9 часов вечера в четырех верстах от Колтынян. Йорк согласился отложить боевые действия до утра.

Вернувшись к отряду, Дибич по совету Клаузевица принял на ночь меры предосторожности, чтобы пруссаки не пробившись к Тильзиту, а оттуда не смогли бы пробиться к ним: Гродненский гусарский полк расположили в Колтынянах, два казачьих полка поставили против корпуса Йорка, третий казачий полк занял позицию фронтом к Шилели⁸⁹. Клаузевиц упомянул о трех казачьих полках. Это были донские полки Чернозубова 8-го, Родионова 2-го и Лащилина (командующий есаул Г. И. Золотарев).

Ночью была предпринята попытка прорыва со стороны Тильзита. Массенбах получил приказ любой ценой доставить сообщение генералу Йорку. Была отправлена партия под командой капитана Вейса из Сводного драгунского полка № 2 (6 унтер-офицеров, 2 трубача и 50 драгун). Однако в 2 часа ночи Вейс вернулся и сообщил, что наткнулся на посты противника, потерял одного драгуна и пять лошадей и был вынужден отступить⁹⁰. Стычка 13 декабря при Колтынянах отмечена в послужных списках офицеров полков Чернозубова 8-го, Родионова 2-го и Лащилина⁹¹.

В ночь на 14 декабря к Дибичу присоединился отряд Галате, в том числе донской полк Селиванова 2-го. Отряд полковника Альбрехта 13 декабря находился у Подубиса, где застал отставшие части прусского арьергарда. Таким образом, на колонну Йорка, оставленную отрядом Дибича, продолжал напирать с тыла отряд Альбрехта.

14 декабря Йорк и Дибич встретились вновь. Они договорились прекратить боевые действия и что отряд Дибича останется между колоннами Йорка и Макдональда. Йорк решил продолжить движение к прусской границе, пообещал на ней заключить конвенцию об отделении от французов, если связь с Макдональдом не будет восстановлена. Дибич согла-

⁸³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 273 (Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 17 декабря 1812 г.); 1812 год. Войска генерала П. Х. Витгенштейна... С. 148.

⁸⁴ Война 1812 года... Т. 21. С. 196 (Рапорт П. Х. Витгенштейна П. В. Чичагову от 19 декабря 1812 г.).

⁸⁵ 1812 год. Войска генерала П. Х. Витгенштейна... С. 150.

⁸⁶ *Seydlitz A. Campagne...* P. 176–178.

⁸⁷ *Reboul F. Campagne de 1813...* Vol. 1. P. 240.

⁸⁸ Барон Астафий Астафьевич (Христиан-Леонард-Густав) Ренне в 1810–1812 гг. служил по лесному ведомству в чине коллежского ассессора. С началом Отечественной войны 1812 г. он в качестве волонтера поступил в отряд генерал-лейтенанта Ф. Ф. Левиза, отличился в боях под Ригой и 17 декабря 1812 г. был принят в военную службу с чином

майора по кавалерии. В его формулярном списке не отмечено открытие переговоров с Клейстом, но за отличие в декабрьских боях он по представлению Дибича получил чин подполковника. Многократно отличился во время заграничных походов. Вышел в отставку 3 декабря 1837 г. с чином генерал-майора. См. РГВИА. Ф. 395. Оп. 29. Д. 488. Л. 2–6 (Формулярный список генерал-майора барона А. А. Ренне, 12 апреля 1838 г.).

⁸⁹ *Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г.* Т. 3. СПб., 1860. С. 376–377.

⁹⁰ *Seydlitz A. Campagne...* P. 193.

⁹¹ Урядник И. Г. Золотарев из полка Лащилина в этой стычке получил ранение: «Декабря 13 в Жмуди при отрезании корпуса маршала Макдональда, ретировавшегося из-под Риги к г. Данцигу, и по удержании оною в преследовании его к Тильзиту, где при м. Калтынянах ранен в голову саблею». См.: РГВИА. Ф. 1343. Оп. 22. Д. 2211. Л. 15–16 (Послужной список генерал-майора И. Г. Золотарева за 1857 г.).

сил, поскольку знал, что Макдональд уже пересек прусскую границу и собирался переправиться через Неман.

Утром 14 декабря к Йорку прибыл посланец от Паулуччи — майор Русско-немецкого легиона Норденбург. Под этим именем на русскую службу перешел прусский граф Ф. Дона-Шлобиттен, прежде служивший в штабе Йорка⁹². Его отец, граф А. Дона, был в 1808–1810 гг. прусским министром внутренних дел, в 1812 г. проживал в своем обширном имении Шлобиттен в Восточной Пруссии. Император Александр I отправил майора Норденбурга из Петербурга к Паулуччи специально для переговоров с Йорком. Норденбург доставил Йорку письмо Паулуччи с изложением основных положений будущей конвенции⁹³.

Через день Норденбург отрапортовал Паулуччи: «Генерал Йорк, по-видимому, был склонен принять Ваши предложения, но он желает вместе с тем иметь хотя бы вид вынужденности. С этой целью пошел он малыми маршами к Тильзиту в надежде, что завтра граф Витгенштейн наверно вступит в Тильзит и сделает ему переправу через Мемель <Неман> невозможной без больших потерь. Начиная с 14 числа пруссаки и русские не обменялись ни одним выстрелом»⁹⁴.

14 декабря Дибич перешел в Шилели, Йорк — в Барташишки⁹⁵. 20 казаков по приказу Норденбурга составили авангард прусской колонны⁹⁶. На марше за пруссаками наблюдали с холмов казаки⁹⁷.

Отряд Альбрехта утром 14 декабря атаковал прусский арьергард, по какой-то причине задержавшийся в Подубисе. В рапорте он сообщил: «Напаив перед рассветом на отступающего неприятеля, взял в плен до 200 человек, у меня же ранены два драгуна и под двумя убиты лошади, кои были захвачены в плен; к удивлению же моему, от генерала Йорка присланы обратно с извинением и уверением, что пруссаки с нами драться не будут»⁹⁸. Понятно, что самого Йорка в Подубисе не было, жест доброй воли сделали от его имени.

⁹² Сборник РИО. Т. 133. СПб., 1911. С. 349 (Письмо Ф. О. Паулуччи Л. Йорку от 25 ноября 1813 г.).

⁹³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 10. СПб., 1898. С. 467–468 (Рапорт И. И. Дибича Ф. О. Паулуччи от [19?] декабря 1812 г., Тильзит).

⁹⁴ Сборник РИО. Т. 133. С. 387 (Рапорт майора Норденбурга Ф. О. Паулуччи от 16 декабря 1812 г., Ворны).

⁹⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 399 (Рапорт И. И. Дибича П. Х. Витгенштейну от 14 декабря 1812 г., Шилели).

⁹⁶ *Reboul F. Campagne de 1813... Vol. 1. P. 256.*

⁹⁷ *Seydlitz A. Campagne... P. 180.*

⁹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 395–396 (Рапорт А. И. Альбрехта П. Х. Витгенштейну от 14 декабря 1812 г., м. Подубис).

15 декабря Дибич перешел в м. Пагрмонт (Пограмонцы), Йорк — в м. Шилели. На следующий день Дибич прибыл в м. Вилькишкен (между Таурогеном и Тильзитом), Йорк — в Тауроген.

17 декабря Йорк дал войскам день отдыха в Таурогене. Дибич прислал к нему К. Клаузевица с письмом, полученным от начальника штаба Витгенштейна — генерал-майора Ф. Ф. Довре. В этом письме Довре несколько преувеличил успехи русских войск, утверждая, что Шиллу-пишкен уже занят русской кавалерией, а завтра туда прибудет Витгенштейн с основными силами; корпус Платова и армия Чичагова движутся на Кенигсберг. Кроме того, он заботливо приложил копию перехваченного письма Макдональда с нелестным отзывом о пруссаках⁹⁹.

Однако Йорк решил дождаться следующего утра — не сумеет ли Макдональд за это время установить с ним связь? Он пообещал, что если утром увидит дороги в Тильзит занятыми русскими войсками, то подпишет конвенцию о нейтралитете. Впрочем, решение он уже принял. В письме Паулуччи Йорк посетовал: «Тем не менее, *медленность действий русских корпусов* <курсив мой — А. С.> делает мое положение чрезвычайно тягостным. Я должен был принять добровольное решение, сделать шаг, к которому я бы предпочел быть вынужденным»¹⁰⁰.

В 9 часов утра 18 декабря на Пошерунской мельнице (Пожеруни к юго-западу от Таурогена) встретились: с русской стороны — Дибич, Клаузевиц и Норденбург; с прусской — Йорк, начальник штаба полковник Редер и адъютант майор Зейдлиц. Конвенцию, получившей название Таурогенской, составили Редер и Клаузевиц, подписали Йорк и Дибич. Она была написана на немецком языке, который для всех участников переговоров был родным. Дибич отправил конвенцию на утверждение к Витгенштейну и сообщил о намерении присоединиться к отряду Голенищева-Кутузова¹⁰¹.

Отступление Макдональда из Тильзита (19 декабря)

16–18 декабря Макдональд с 7-й дивизией Гранжана оставался в Тильзите в ожидании Йорка, связи с которым установить так и не удалось. Подписание Йорком конвенции о нейтралитете стало для маршала неприятным сюрпризом. Утром 19 декабря прусский генерал Ф. Мас-

⁹⁹ *Droysen J. G. Das Lebedn des Feldmarschalls Grafen York von Wartenburg. Bd. 2. Berlin, 1852. S. 275–276* (Письмо Ф. Ф. Довре И. И. Дибичу от 17 декабря 1812 г.).

¹⁰⁰ Сборник РИО. Т. 133. С. 389 (Письмо Л. Йорка Ф. О. Паулуччи от 17 декабря 1812 г., Тауроген).

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3514. Ч. 2. Л. 323 и об. (Рапорт И. И. Дибича П. Х. Витгенштейну от 18 декабря 1812 г., Вилькишкен).

сенбах со своим отрядом (шесть батальонов и три эскадрона) вернулся за Неман и примкнул к Йорку. Отряд прусской кавалерии (два полка) под командой подполковника А. Трескова покинул Рагнит и побратался с казаками. Еще ночью князь Репнин предупредил казаков на аванпостах, что к ним придут пруссаки¹⁰².

Макдональд поспешил в полдень покинуть Тильзит с единственной оставшейся у него дивизией Гранжана. Он успел встретиться с русским парламентаром (это был перешедший на русскую службу француз Раппатель), предложившим начать с князем Репниным переговоры о перемирии. Макдональд пообещал встретиться с Репниным на следующее утро и выступил с дивизией из города.

В ту новогоднюю ночь, 19 (31) декабря, дивизии Гранжана пришлось нелегко: под проливным дождем форсированным маршем она за 22 часа прошла более 40 верст и достигла м. Мелауен (совр. Залесье), где было спасительное дефиле у Грос-Баумвальдского леса¹⁰³. Историк Ф. Ребуль, весьма дотошный исследователь, почему-то утверждал, что дивизия за 9 часов прошла 50 верст¹⁰⁴. Многие солдаты отстали и были брошены на дороге.

Утром 19 декабря Голенищев-Кутузов, будучи в Гудгаллене (совр. Гудково, в 12 км. от Тильзита, в 25 км. от Шиллупишкена), сообщил, что два прусских кавалерийских полка покинули Рагнит и побратались с казаками. Он заверил: «Я сию минуту выступаю, и если не найду неприятеля под Тильзитом, то не упущу в преследовании нанести ему вред». Еще прежде он попросил генералов Шепелева и Штейнгеля занять Шиллупишкен, чтобы не дать Макдональду уйти¹⁰⁵. Шепелев, находившийся в Зоммерау (в 15 км от Шиллупишкена), к просьбе не прислушался и даже наоборот — попытался отозвать казаков Ягодина 2-го из Шиллупишкена. Сохранился рапорт Шепелева, написанный в 11 часов утра. Он ожидал, что в м. Шаудиен (на дороге из Зоммерау в Тильзит) прибудет отряд Ягодина и будет оттуда контролировать окрестности Тильзита. Впрочем одну партию (70 казаков при 1 офицере) Ягодин 2-й к тому времени уже отправил к югу от Шиллупишкена — в Серпентинен (*Serpentinien*), Грудшен (*Grudszien*) и Ванаглаукен (*Wannaglaucken*) для наблюдения за дорогой из Тильзита в Лабиау¹⁰⁶.

После полудня Голенищев-Кутузов уведомил Шепелева, что противник выступил из Тильзита по дороге на Лабиау. Его преследуют донские полки Родионова 2-го, Сучилина 2-го, команда от полка Селиванова 2-го, до 200 егерей, а также часть казаков из отряда Голенищева-Кутузова. Сам Голенищев-Кутузов собирался начать преследование на следующее утро. Зная, что еще утром к Шепелеву прибыли четыре свежих эскадрона драгун, он просил перерезать дорогу неприятелю¹⁰⁷.

Однако Шепелев был занят приемом пруссаков. Он приказал войсковому старшине А. Д. Грекову 17-му, чей полк содержал посты на дороге из Тильзита в Зоммерау, пропустить прусские две конные батареи и два драгунских эскадрона. А затем лично отправился их встречать¹⁰⁸.

Таким образом, после обеда за Макдональдом последовала только сборная солянка из казаков различных отрядов: Дибича, Ягодина, Галате и Голенищева-Кутузова. Судя по свидетельствам из лагеря противника, преследования не было, и это стало для беглецов новогодним подарком.

Возникает вопрос, что делал 19 декабря отряд Ягодина 2-го, который, по уверениям Витгенштейна, должен был находиться в Шиллупишкене, т. е. в дефиле, через которое беспрепятственно прошел Макдональд? Напомню, что вечером 16 декабря Ягодин 2-й выступил из Ленкена на Шиллупишкен с тремя полками (его, Иловайского 9-го и Сучилина 2-го; все три полка прибыли в армию в составе донского опочения), полк Грекова 17-го Шепелев оставил у себя. Днем 19 декабря Ягодина в Шиллупишкене не было...

Удалось отыскать его рапорт, написанный вечером в Грос-Грудшене (*Gr. Grudszien*, в трех верстах к югу от Шиллупишкена). Его передовая партия, следовавшая через Ванаглаукен к Шиллупишкене, столкнулась с колонной противника. От пленных узнали, что эта колонна шла в арьергарде противника. Ягодин остановился в Грудшене «по причине чрезвычайного изнурения лошадей». Партия, посланная в Клипшен (*Klipszen*, в 10 верстах к югу от Тильзита), сообщила, что в Тильзите остались только больные и отсталые. Ягодин собирался выступить на Шаудиен (т. е. к Тильзиту), как ему прежде приказал Шепелев, если тот не отменит приказ¹⁰⁹. Шепелев, получивший рапорт Ягодина в ночь

¹⁰² Seydlitz A. Campagne... P. 196.

¹⁰³ Macdonald E. Souvenirs. Paris, 1892. P. 189.

¹⁰⁴ Reboul F. Campagne de 1813... Vol. 1. P. 271–272.

¹⁰⁵ Сборник РИО. Т. 133. С. 423 (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 19 декабря 1812 г., Гудгаллен).

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 444 (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 19 декабря 1813 г., в 11-м часу пополудни).

¹⁰⁷ Там же. Л. 466 (Письмо П. В. Голенищева-Кутузова Д. Д. Шепелеву от 19 декабря 1812 г.).

¹⁰⁸ Там же. Л. 465 (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 19 декабря 1812 г., в 2 ½ часа). А. Х. Бенкендорф писал, что Шепелев в тот день увлекся братанием с пруссаками и упустил Макдональда: «Дал ему свободно пройти, выпивая за славу нашего оружия». См.: Бенкендорф А. Х. Воспоминания 1802–1837. М., 2012. С. 205.

¹⁰⁹ Там же. Л. 453 (Рапорт А. А. Ягодина 2-го Д. Д. Шепелеву от 19 декабря 1813 г., пополудни в 8 часов, Грудшен).

на 20 декабря в Зоммерау, приказал ему оставаться в Грос-Грудшене и дожидаться графа К. К. Сиверса (командующего кавалерий в корпусе Витгенштейна)¹¹⁰.

Но почему Ягодин 2-й подошел к Шиллупишкену с юга? Причем явно во второй половине дня, поскольку посланная им к Шиллупишкену партия застала там только арьергард противника? К тому же с Ягодиным 2-й находился только его полк, два других были разосланы в партии. Полк Сучилина 2-го около полудня находился у Тильзита, когда началось преследование Макдональда. Полк Иловайского 9-го или партия от него под командой есаула В. Косова находилась в Шемлаукене (*Szemlaucken*, к северу от *Skaisgirren*), откуда он уведомил Ягодина 2-го, что по большой дороге из Тильзита на Кенигсберг движется неприятель в больших силах¹¹¹. Один казачий полк не мог остановить пехотную дивизию, что подтвердил князь Репнин в рапорте Витгенштейну: «Ягодина полк, не быв подкреплен, не мог удержать бегущего неприятеля»¹¹².

Витгенштейн с основными силами (корпусами Берга и Штейнгеля, резервом Фока) 19 декабря отдыхал у Герскуллена. Утром он победно отрапортовал Кутузову и Чичагову о конвенции, заключенной с Йорком¹¹³. В рапорте Чичагову сложившаяся ситуация описана достаточно подробно. Витгенштейн с корпусами Штейнгеля, Берга и Фока находился в Герскуллене, авангард Шепелева в Зоммерау, три казачьих полка Ягодина 2-го в Шиллупишкене, откуда высылались партии на дорогу, ведущую через Гейнрихвальде в Лабиау. Отряд Голенищева-Кутузова был у Рагнита, его партии заняли Инстербург и Гумбинен, доходя до Велау. С Йорком заключен договор о нейтралитете, Массенбах вскоре поступит также. Отряд Дибича находился в Вилькишкене, поддерживая связь с авангардом Левиза в Войноте (к северо-западу от Таурогена). Витгенштейн надеялся, что ему удастся отрезать Макдональда от Кенигсберга¹¹⁴.

Витгенштейн повелел войскам выступить на следующий день, 20 декабря¹¹⁵. Шепелев отдал необходимые распоряжения на 20 декабря при-

казом по отряду. К нему присоединился отряд полковника Ф. Ф. Розена (Литовский пехотный, 23-й и 24-й егерские, Сводный кирасирский полки и 30 казаков, артиллерия). Были составлены две колонны, которые двигались от Зоммерау на Лаугален и Шильгален (*Laugallen, Schillgallen* восточнее от Шиллупишкена). Туда же должен был прибыть Гернгросс со Сводным гусарским полком. Полк Грекова 17-го должен был послать партии до Скайсгиррена и поддерживать связь с командами из отряда Ягодина 2-го в Грудшене и Серпентинене¹¹⁶.

Утром 20 декабря отряд Дибича выступил из Тильзита в преследование, в город вступили войска Йорка¹¹⁷. Преследование активизировалось с прибытием князя Репнина на аванпосты в Клипшене (*Klipszen*, в 10 верстах к югу от Тильзита). Он «не нашел нигде неприятеля» и приказал полкам Родионова 2-го и Чернозубова 8-го из отряда Дибича начать преследование. Первых пленных (400 польских пехотинцев) они взяли в Шиллупишкене. У Ванаглаукена их догнал Дибич, возглавивший преследование. Условленная встреча с Макдональдом не состоялась: адъютант маршала не прибыл, и Репнин под этим предлогом её отложил, чтобы дать время собраться кавалерии. В 11 часов утра Репнин был уже в Скайсгиррене (*Skaisgirren*), куда одновременно прибыл и отряд Теттенборна. Репнин отправил его на Мелаукен, Ширрау (*Schirrau*, к северу от Велау) и Тапиау, откуда тот мог беспокоить неприятеля в Лабиау или Кенигсберге¹¹⁸. После обеда в Скайсгиррен прибыл отряд Голенищева-Кутузова, за ним авангард Шепелева. Генералы посовещались и приняли решение, о котором Голенищев-Кутузов сообщил Витгенштейну: «По общему нашему мнению мы решились с частью кавалерии под командой полковника Ридигера преследовать неприятеля, а с прочей кавалерией идти на Ширау и Тапиау. Сим движением мы надеемся или перерезать дорогу ретирующемуся неприятелю, или тревожить Кенигсберг»¹¹⁹.

Согласно историку Ф. Ребулю, события 20 декабря (1 января) разворачивались следующим образом. После нескольких часов отдыха в Мелаукене дивизия Гранжана выступила на Лабиау. В Мелаукене оставили арьергард Башлю (9 батальонов). Батальон польского 11-го пехотного полка на рассвете был отправлен обратно к Скайсгиррену, чтобы спа-

¹¹⁰ Там же. Л. 461 (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 19 декабря 1812 г., в 4 часа ночи, Зоммерау).

¹¹¹ Там же. Л. 467 (Рапорт есаула полка Иловайского 9-го В. Косова Ягодину 2-му от 19 декабря 1812 г., Шемлаукен).

¹¹² Там же. Л. 485–486 (Рапорт Н. Г. Репнина П. Х. Витгенштейну от 20 декабря 1812 г.).

¹¹³ Сборник РИО. Т. 133. С. 422–423 (Рапорт П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову от 19 декабря 1812 г.).

¹¹⁴ Война 1812 года.... Т. 21. С. 196 (Рапорт П. Х. Витгенштейна П. В. Чичагову от 19 декабря 1812 г.).

¹¹⁵ 1812 год. Войска генерала П. Х. Витгенштейна... С. 152.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 454–455 (Приказ по авангарду Шепелева, 19 декабря 1812 г.).

¹¹⁷ *Seydlitz A. Campagne...* P. 206.

¹¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 485–486 (Рапорт Н. Г. Репнина П. Х. Витгенштейну от 20 декабря 1812 г.).

¹¹⁹ Там же. Л. 481 (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова П. Х. Витгенштейну от 20 декабря 1812 г., в 4 часа пополудни, Скайсгиррен).

сти отставших (до 900 человек). Однако отряд князя Репнина принудил польский батальон вернуться. Выступившая из Кёнигсберга на помощь 30-я пехотная дивизия дивизионного генерала Э. Эделе из 11-го корпуса Ожеро прибыла в Тапиау, Таплакен и Велау. Макдональд рассчитывал, что дивизия Гранжана (6000 человек) удержится в Лабиау, а дивизия Эделе (7700 человек) — в Велау¹²⁰.

21 декабря Витгенштейн прибыл в Скайсгиррен и стал стягивать туда основные силы. Он переформировал авангардные отряды, дав им новые назначения:

— авангард Шепелева, усиленный полками из расформированных отрядов Властова и Дибича 2-го (6000 пехоты и 1500 кавалерии, с 18 орудиями), был отправлен на Лабиау;

— авангард Голенищева-Кутузова (4000 кавалерии и казаков), оставшийся без пехоты — на Велау;

— отряд Сиверса (190 драгун и 250 казаков) двигался между двумя авангардами и для обеспечения связи между ними¹²¹.

21 декабря кавалерийский отряд полковника Ф. В. Ридигера из авангарда Шепелева был остановлен в Грос-Баумвальдском лесу арьергардом Башлю. Противник поставил на выходе из леса два орудия и остановил русскую кавалерию, которая не могла его обойти из-за густоты леса. Узнав об этом, Шепелев поспешил туда с егерским батальоном и двумя орудиями конной артиллерии. Уже восьмой выстрел русских орудий заставил замолчать неприятельскую батарею, а егеря очистили лес. Противника преследовали одну милю до мызы Вердерхоф (перед Лабиау), где войска остановила наступившая ночь¹²².

Лабиау (22 декабря)

22 декабря в 4 часа утра Ридигер сбил неприятельские посты перед Вердерхофом¹²³. Авангард Шепелева направился к Лабиау, занятому дивизией Гранжана. Противник выслал из города отряд пехоты, но его расстроили огнем стрелков и артиллерии, затем опрокинули кавалерией

и загнали обратно, взяв в плен 117 солдат. Затем разгорелось жаркое сражение за Лабиау, продолжавшееся 9 часов, в ходе которого противник дважды занимал позиции, но был сбит. Шепелев построил войска в три колонны: средняя (полковника Розена) наступала на город, а боковые обходили с флангов. Несмотря на сильный огонь неприятеля, стрелки овладели мостом и ворвались в Лабиау. С правого фланга город обошел полковник Ридигер с Гродненским гусарским, Чернозубова 8-го и Родионова 2-го полками. С левого — полковник Гернгросс со Сводным гусарским и Грекова 17-го полками. Противник поспешно оставил город, бросив три орудия. Кавалерия Ридигера и батальон егерей преследовала противника еще две мили (14 верст) за городом. В плен взяли 500 офицеров и рядовых, захватили три орудия, освободили из плена 20 русских офицеров и 46 рядовых. Потери отряда Шепелева составили до 350 человек убитыми и ранеными¹²⁴.

Сохранилось наградное представление за отличие при Лабиау, в том числе донских офицеров. В представлении подполковника Чернозубова 8-го сказано: «Так как *генерал-майор Родионов по болезни не мог быть в действии* <курсив мой — А. С.>, я поручил сему офицеру в командование его имени полк, с коим совместно со своим следовал за неприятелем и где только мог вытеснял из выгодных позиций, нанося значительный урон; по приходе ж к городу Лабиау тотчас занял выгодную пред оным позицию, со всех сторон тревожил врага, коль же скоро временный отряд с частию отделенных войск от авангарда прибыли на место битвы, тогда сей отличный штаб-офицер, подавая собой казакам пример, неустрашимо с помощью стрелков бросился к предместью города и опрокинул неприятеля в бегство, которой с большой потерей принужден был оставить сей город и с быстротою ретироваться». В полку Чернозубова 8-го отличились есаул В. Т. Воинов, сотники С. Носкин и А. В. Кружилин, хорунжий А. И. Мишарев. В полку Родионова 2-го отличились сотники М. П. Стюденикин и П. П. Янов: «По болезни генерал-майора Родионова оставаясь старшими в полку, командовали оным и с отменной храбростью на всяком пункте тревожили беспрестанно неприятеля, который всегда был с быстротой опрокидыван и с большой потерей»¹²⁵. Подполковник Чернозубов 8-й был награжден орденом Св. Анны 2 ст., старший из отличившихся офицеров в полку Родионова 2-го сотник

¹²⁰ Reboul F. Campagne de 1813... Vol. 1. P. 275.

¹²¹ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию, в 1812 году. Ч. 2. СПб., 1838. С. 313; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. СПб., 1860. С. 385; Война 1813 года... Т. 3. С. 17 (Рапорт К. К. Сиверса П. Х. Витгенштейну от 23 декабря 1812 г., Грос-Пожермен).

¹²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 476–479 (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от [21?] декабря 1812 г.).

¹²³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 45. Д. 2. Л. 110–113 (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 22 января 1813 г.).

¹²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 489 и об (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 22 декабря 1812 г.); Чистяков О. В. Отличия солдат и офицеров в сражении при Лабиау // От Тауроге до Парижа (к 200-летию Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Сб. статей. Калининград, 2014. С. 75–79.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 50. Д. 3. Л. 85 (Наградные представления отличившихся при занятии города Лабиау за подписью генерал-лейтенанта Шепелева).

М. П. Стюденикин был произведен в следующий чин. Остальные офицеры этих полков удостоились монаршего благоволения¹²⁶.

22 декабря отряд Сиверса (190 драгун и 250 казаков) попытался обойти Лабиау с фланга, совершив марш из Гольбаха (*Gr. Goldbach*, к северу от Тапиау) в Грос-Шарлакен (*Gr. Scharlacken*). Однако он прибыл поздно: дивизия Гранжана уже отступила. Тогда Сиверс направился к Тапиау, но отступила уже и дивизия Эделе. Сиверс остановился на ночлег в Грос-Пожермен (к северо-западу от Тапиау)¹²⁷.

22 декабря авангард Голенищева-Кутузова, к которому прибыл и командир корпуса Штейнгель, вступил в Велау. Отряд Галате он отправил преследовать противника по правому берегу Прегеля. Отряд Теттенборна (400 всадников) — по левому берегу, по Кёнигсбергской дороге, к м. Грос-Линденау¹²⁸.

23 декабря дивизии Гранжана и Эделе вошли в Кенигсберг. Отряд Галате подошел к городу на три версты. Отряд Голенищева-Кутузова по левому берегу Прегеля прибыл в Хохенхаген (*Hohenhagen*, выше Кенигсберга по течению). Командование отрядом заболевшего Теттенборна принял генерал Дибич 2-й¹²⁹. Флигель-адъютант полковник П. К. Сухтелен, посланный Дибичем на рекогносцировку с полком Иловайского 12-го (командующий есаул З. С. Катасонов) и командой от полка Кутейникова 6-го, столкнулся у м. Штейнбек (*Steinbeck*) с четырьмя эскадронами противника, опрокинул их и преследовал до ворот Кёнигсберга. В наградном представлении Сухтелена сказано: «23-го числа, будучи отряжен с казачьим полком Иловайского 12-го и с командой Кутейникова 6-го, был атакован четырьмя неприятельскими эскадронами при деревне Штейнбек и не только остановил стремление оных, но опрокинул и прогнал их с большим уроном пленными, убитыми до ворот Кенигсберга и в сражении под Бранденбургом отличился при распоряжении полков казачьих левого фланга мужеством». В наградном представлении есаула З. С. Катасонова полка Иловайского 12-го сказано: «Командуя по болезни генерал-майора Иловайского 12-го полком <курсив мой — А. С.>, 23-го числа атаковал с отличной храбростью под командой флигель-адъютанта Сухтелена неприятельскую превосходную кавалерию

и опрокинул оную, в сражении при Бранденбурге обошел с сверренным ему полком, несмотря на превосходство неприятеля, правый фланг его, храбрым наступлением на неприятельскую кавалерию принудил оную к спешному отступлению и тем ускорил совершенное отступление неприятеля»¹³⁰.

Витгенштейн с основными силами 23 декабря оставался у Скайсгиррена, где к нему присоединился отряд генерала Левиза.

Вступление в Кенигсберг (в ночь на 24 декабря)

Вечером 23 декабря по правому берегу Прегеля к Кенигсбергу подошел отряд полковника Ридигера: донские полки Чернозубова 8-го, Селиванова 2-го, Родионова 2-го и Лащилина (командующий есаул Г. И. Золотарев). Ночью казаки заметили, что противник покидает Кёнигсберг. В половине первого ночи первые казаки после сильной перестрелки вступили в город на плечах неприятеля и успели захватить 1300 пленных. Затем в город вступил отряд Ридигера. Противник оставил в городе до 8 тысяч больных, затопил в реке 30 орудий. Были освобождены русские пленные, взятые в бою при Пиктупенене. Сразу же по занятии города отряд Ридигера был отправлен в преследование¹³¹, и в тот же день настиг противника в Бранденбурге, где произошел очередной бой.

В более позднем рапорте Шепелев писал: «Полковник Ридигер сделал сильный неприятеля натиск и по жаркой перестрелке вогнал его в Кенигсберг, куда и сам на плечах неприятеля вошел. Французские войска вынуждены были, пользуясь ночным временем, поспешно уходить, а с ними равномерно выступил и сам маршал Магдональд. При сей ретираде у неприятеля захвачено два генерала: инспектор кавалерии граф Вавржецкий и бригадный генерал Еверс и до 1000 человек рядовых в плен. Сверх сего они оставили в Кенигсберге до 7000 человек усталых и отставших, утопили 30 пушек с принадлежащими ящиками и снарядами; и значительные магазейны провиантские и комиссариатские достались в руки победителям. Отбито 40 российских офицеров и 120 человек нижних чинов, в плену находящихся, с коими и генерал-майор Лихачев освобожден из плена. Полковник Ридигер рекомендует старшего тогда по нем дежурного штаб-офицера при авангарде Чагина, который выпол-

¹²⁶ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 748. Л. 3 (Печатный приказ по корпусу Витгенштейна от 9 августа 1813 г., Теплиц).

¹²⁷ Война 1813 года. . . Т. 3. С. 17 (Рапорт К. К. Сиверса П. Х. Витгенштейну от 23 декабря 1812 г., Грос-Пожермен).

¹²⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 498 и об. (Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. Х. Витгенштейну от 22 декабря 1812 г., Велау).

¹²⁹ Там же. Л. 501–502 (Рапорт П. В. Голенищева-Кутузова Ф. Ф. Штейнгелю от 23 декабря 1812 г., Хохенхаген).

¹³⁰ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 50. Д. 3. Л. 21–29 об. (Список господам штаб и обер-офицерам, отличившимся в разных отрядных делах под командой генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова и генерал-майора Дибича с 18 октября 1812 по январь месяца сего 1813 года).

¹³¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3488. Л. 529 и об. (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну, полученный 26 декабря 1812 г.).

нял все его поручения как отлично храбрый офицер; а равномерно и господ штаб- и обер-офицеров казачьих генерал-майора Родионова 2-го, полковника Чернозубова 8-го, Лащилина и Селиванова полков. Вслед за кавалерийским авангардом вступил и весь вверенный мне отряд»¹³².

Шепелев за отличие сразу же был произведен в генерал-лейтенанты¹³³. Ридигер и Галате получили чин генерал-майора при общем производстве (15 сентября 1813 г.). М. Г. Чернозубов 8-й был произведен в полковники, И. А. Селиванов 2-й награжден орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами.

Недовольство Витгенштейном

Император Александр I остался недоволен тем, что Макдональду с частью корпуса удалось уйти. 25 декабря Кутузов, еще не зная о вступлении в Кенигсберг, затребовал от Витгенштейна объяснений: «Государь император, видя такое разноречие в рапортах ваших, посылает к вашему сиятельству по квартирмейстерской части полковника Эйхена, дабы обстоятельно узнать от вас, как мог Макдональд избавиться от предусмотренной для него гибели, и донести о сем его императорскому величеству»¹³⁴.

Затем, получив от Витгенштейна рапорты о вступлении в Кенигсберг и преследовании отступившего противника на Эльбинг, Кутузов довольно строго отписал ему: «Я уверен, что сие движение предприняли вы с согласия адмирала Чичагова, у коего вы по теперешним обстоятельствам остаетесь в полном его распоряжении, и для того относительно дальнейших движений будете получать от него предписания»¹³⁵. Витгенштейн, отрапортовав напрямую Кутузову, тем самым нарушил субординацию, что и было поставлено ему на вид.

¹³² Война 1813 года... Т. 3. С. 192 (Рапорт Д. Д. Шепелева П. Х. Витгенштейну от 19 февраля 1813 г.).

¹³³ Война 1812 года... Т. 19. С. 257 (Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 29 декабря 1812 г.). В послужном списке Шепелева сказано: «Декабря 24 выгнал Макдональда из г. Кёнигсберга и взял город, где отрядом его взято в плен больных и раненых более 8000 человек, вытаснено затопленных неприятельских орудий 36, за что произведен в генерал-лейтенанты». См.: Военная галерея 1812 года. 1812–1912. СПб., 1912. С. 272. А. Х. Бенкендорф по этому поводу иронично заметил: «Полдюжины генералов овладели очищенным Кенигсбергом и приписали себе честь этой победы». См.: *Бенкендорф А. Х. Воспоминания 1802–1837*. М., 2012. С. 206.

¹³⁴ М. И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. С. 645–646 (Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 25 декабря 1812 г.).

¹³⁵ М. И. Кутузов. Сб. док. Т. 5. М., 1956. С. 35 (Приказ М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 28 декабря 1812 г.).

Командировка Эйхена и жесткий приказ Кутузова о безусловном подчинении Чичагову довели Витгенштейна до болезни. 31 декабря он сдал командование генерал-лейтенанту Ф. Ф. Штейнгелю. Подполковник Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части А. П. Теслев по этому поводу заметил в частном письме: «Через нашего Эйхена приказано было спросить графа Витгенштейна, для чего он пропустил Макдональда? Сей вопрос его так встревожил, что он тотчас уехал, не дождавшись даже Штейнгеля, его преемника»¹³⁶.

31 декабря из Гумбинена Витгенштейн подал прошение императору: «Усмотрел я неудовольствие вашего императорского величества, что Макдональд выпущен из рук наших. Меры, мною взятые, были возможные, но, по несчастью, не выполнены, почему, не входя в дальние объяснения, осмеливаюсь всеподданнейше просить ваше императорское величество предать сие забвению, ибо виновники сему уже успели поправить свои ошибки в преследовании его, Макдональда, который, кроме своей особы, почти ничего не довел до Эльбинга»¹³⁷.

Документов о расследовании Эйхена обнаружить не удалось. Впоследствии он безуспешно настаивал, чтобы в его послужной список включили следующую запись: «В декабре месяце следовал с Главной квартирой государя императора из С.-Петербурга в г. Вильно и до пределов Пруссии, откуда послан по высочайшему назначению для узнания обстоятельств, способствовавших неприятельскому корпусу Макдональда, отступившему от р. Двины чрез г. Тильзит избавиться от угрожающего ему плена, донеся о сем лично государю императору удостоился личного же изъявления благоволения его величества»¹³⁸.

5 января 1813 г. Кутузов успокоил больного Витгенштейна: «Что же Эйхен был послан, сие произошло от того только, что государю императору угодно было знать в настоящем виде дело с Макдональдом. Как всегда, его величеству в подобных происшествиях необходимы точные сведения»¹³⁹.

Вероятно из солидарности с командующим среди генералов армии Витгенштейна вспыхнула «эпидемия». Генерал-лейтенант Ф. Ф. Штейн-

¹³⁶ *Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников...* С. 412 (Письмо А. П. Теслева отцу от 5 января 1813 г.).

¹³⁷ Там же. С. 386 (Прошение П. Х. Витгенштейна императору Александру I от 31 декабря 1812 г., Гумбинен).

¹³⁸ РГВИА. Ф. 395. Оп. 31. Д. 779. Л. 6 об. — 7 (Формулярный список генерал-лейтенанта Ф. Я. Эйхена 2-го, 8 марта 1840 г.).

¹³⁹ *Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах...* С. 410 (Письмо М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну от 5 января 1813 г.).

нгель просил уволить его по болезни¹⁴⁰. Заболели командующий резервом генерал-лейтенант А. Б. Фок, начальник артиллерии генерал-лейтенант Л. М. Яшвилль, генерал-лейтенант Д. Д. Шепелев, генерал-майоры П. В. Голенищев-Кутузов и Е. И. Властов.

Произошедший инцидент красочно описал придворный чиновник Н. М. Лонгинов: «Что касается Витгенштейна, то это герой во всех отношениях, замечателен своими достоинствами, заслугами и такой скромностью и мягкостью, что невозможно предположить при взгляде на него, что это человек, покрывший себя бессмертной славой за все время кампании. Чичагов настолько забылся, что после дела под Кёнигсбергом стал отдавать ему приказания и умышленно перенес свои действия на сю сторону, чтобы выставить старшинство. Все генералы Витгенштейна подали на другой день в отставку, и Витгенштейну не оставалось ничего другого, как подать и свою. Тогда увидели, что дело зашло далеко и восстановили порядок, отделив его совершенно от адмирала»¹⁴¹. Конечно, это мнение петербургских салонов, почему и не упоминается о прорыве Макдональда в Пруссию и командировке Эйхена.

Кутузов в 1812 г. уже вторично столкнулся с коллективным протестом. В сентябре 1812 г. после отстранения атамана М. И. Платова от командования корпусом «заболели» все командиры казачьих полков. Тогда хватило грозного окрика, чтобы они выздоровели буквально на следующий день. Но на этот раз «заболели» генералы армии Витгенштейна, защищавшей Петербург в 1812 г. Общественный резонанс этой истории мог повредить и Кутузову. Ему не пришлось делать выбор: «спаситель Петрополя» Витгенштейн имел в армии и обществе более высокую репутацию, нежели сухопутный адмирал Чичагов.

3 января Кутузов отправил Чичагову приказ выступить с 3-й Западной армией от Гутштадта на Лёбау (соврем. Любава), т. е. повернуть из Восточной Пруссии в Польшу¹⁴². Приказ был получен вечером 6 января¹⁴³. Честолюбивый адмирал понял, что его звезда окончательно за-

катилась. Спустя три недели вследствие неоднократных прошений он был уволен по болезни¹⁴⁴.

Витгенштейн вернулся к самостоятельному командованию. Вслед за ним стали возвращаться в строй «заболевшие» генералы, но не все и не сразу. До окончания весенней кампании 1813 г. проболели или не получили команды генерал-лейтенант Д. Д. Шепелев, генерал-майоры П. В. Голенищев-Кутузов и Е. И. Властов, полковник А. А. Ягодин 2-й, т. е. основные участники событий под Тильзитом. Витгенштейн дважды пытался в феврале назначить Голенищева-Кутузова командиром авангарда, но оба раза спустя несколько дней заменял его по неизвестной причине другим генералом (Репниным, Дёрнбергом). Во время весенней кампании 1813 г. Витгенштейн отличился при освобождении Пруссии, его войска вступили в Берлин и Гамбург. После смерти Кутузова он был назначен главнокомандующим союзной армией, но прокомандовал менее месяца, поскольку его несоответствие должности стало для всех очевидным.

Приложение 1. Подробная реляция от 17-го ноября 1812-го года по 2-е января 1813 года

После разбития неприятельских войск на реке Березине господин адмирал Чичагов положил, что он с вверенной ему армией пойдет вслед за неприятелем по большой дороге чрез Сморгонь на Вильну, генерал от кавалерии граф Платов возьмет направление левее сей дороги, а мне с корпусом идти правее оной по дирекции на Неставишки и Неменчин. Так как по сему направлению вверенные мне войска не могли иметь дела с ретирующимся неприятелем, то я, дабы ему учинить по возможности вред, подкрепил присоединившегося ко мне с казачьими полками генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова тремя казачьими полками Родионова 2-го, Чернозубова и Лащина вверенного мне корпуса, равно Гродненским гусарским полком и батальоном 23-го егерского полка, предложив ему стараться, предупредя в маршах неприятеля, действовать ему во фланг и в тыл. Такое же предписание дал я генерал-адъютанту Кутузову, который из Холопенич взял уже дирекцию чрез Лепель на Докшицы; отряд его под командой подполковника Теттенборна настиг арьергард неприятеля, из 2000 баварцев состоящий, при местечке Долгинове и, несмотря на превосходство неприятеля, 20-го ноября атаковал его так быстро, что с весьма малой с нашей стороны потерей разбил его совершенно и взял в плен 26 штаб- и обер-офицеров и 1000 рядовых. После сего удачного дела взял генерал-адъютант же Кутузов направление правее. Генерал-адъютант же граф Денисов 22 ноября, достигши остальной баварский корпус при местечке Вилейке, приказал генерал-майору Родионову 2-му атаковать неприятельскую кавалерию, которая отступила к пе-

¹⁴⁰ Война 1813 года... Т. 2. С. 3 (Рапорт Ф. Ф. Штейнгеля П. В. Чичагову от 1 января 1813 г.); РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3920. Л. 3 (Рапорт П. В. Чичагова М. И. Кутузову от 2 января 1812 г.).

¹⁴¹ Русский архив. 1912. Кн. 2. С. 38–39 (Письмо Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову от 31 января 1812 г.).

¹⁴² М. И. Кутузов. Сб. док. Т. 5. М., 1956. С. 63 (Письмо М. И. Кутузова П. В. Чичагову от 3 января 1813 г.).

¹⁴³ См.: Война 1813 года... Т. 3. С. 52 (Приказ П. В. Чичагова Ф. Ф. Штейнгелю от 6 января 1813 г.).

¹⁴⁴ Приказ М. И. Кутузова М. Б. Барклаю де Толли от 31 января 1813 г. // М. И. Кутузов. Сб. док. Т. 5. С. 213.

хоте. Тогда неприятель открыл огонь из всей своей артиллерии и стал наступать пехотой в выгодном для него местоположении, под действием наших орудий конной роты № 1-го скоро принужден был опять воротиться; и когда граф Орлов-Денисов приблизился со всем отрядом, то поражаемый нашей артиллерией неприятель, зажигая мост на реке Вилия, ретировался чрез оную и продолжал отступление свое к Сморгони и Вильне.

Так как казачьи полки, поступившие ко мне в отряд генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, должны были с ним воротиться 22-го ноября в Главную армию, то я препоручил генерал-майору Бороздину казачьи Родионова 2-го, Лащилина и Чернозубова полки, Гродненский гусарский и Сводный гусарский полк, 1-й батальон 23-го егерского полка, которому я для быстроты движения приказал дать верховых лошадей из числа отбитых на Березине обывательских и конную роту № 1-го, с тем чтобы сим отрядом беспокоить по возможности неприятельский левый фланг. Сей генерал 25-го ноября соединился с генерал-адъютантом Кутузовым в округности Неменчина.

По приближении неприятеля к Вильне посланы были для занятия сего города от генерал-адъютанта Кутузова полковник Теттенборн, а от генерал-майора Бороздина полковник Сухозанет, каждый с двумя казачьими полками и с двумя эскадронами гусар. Полковник Теттенборн, приближаясь 27-го ноября к Вильне, нашел, что оный город занят еще неприятелем, который, однако ж, по движениям генерала от кавалерии графа Платова и генерал-лейтенанта Чаплица ему во фланг и в тыл уже стал отступать. Полковник Теттенборн, заметя сие, несмотря на превосходное число неприятеля и на выгоды, которые ему доставило положение города, ворвался в оный и, опрокинув сопротивляющегося неприятеля, занял оный. В то же время вошел полковник Сухозанет в Вильну с левой стороны и прогнал неприятеля, который держался в сей части города, очистил оную.

Я между тем приблизился с корпусами по данному мне от господина генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузову направлению к Неменчину; отряду генерал-адъютанта Кутузова приказал я преследовать неприятеля к Ковне, а генерал-майору Бороздину открыть движения корпуса маршала Магдональда. Генерал-майор Бороздин, узнав, что в городе Свенцянах находится еще вновь набранный польский полк, послал туда полковника Гернгроса с Сводным гусарским полком и двумя конными орудиями роты № 1-го, а сам пошел в Подберезье, дабы открыть настоящее движение Магдональда. Однако ж неприятель ретировался по дороге к Вилькомиру, куда полковник Гернгрос, преследуя его, атаковал арьергард между Свенциянами и Вилькомиром, отбил у них весь обоз и забрал до 200 в плен. Прочие же, ретируясь далее к границам прусским, были распушены самим начальником своим. Генерал-адъютант Кутузов, преследуя неприятеля до Ковны, своими партиями беспрестанно беспокоил его и, переправив казаков и партию гусар чрез Неман, в разных небольших делах взял в плен польского генерала Муравского, до 180 штаб- и обер-офицеров и более 2500 нижних чинов, а сильные партии, которые были им, генерал-адъютантом Кутузовым, отправлены к Инстенбургу и Гумбинену, в коих взял французского коменданта, 44 штаб- и обер-офицеров и 1720 нижних чинов, в гошпитале больных штаб- и обер-офицеров двадцать, нижних чинов 1200, равно большой магазейн, как с провиантом, так и с фуражом.

Я между тем послал авангард свой под командой генерал-майора Властова для подкрепления передовых моих отрядов и дал ему дирекцию на Россиены. По отозвании генерал-майора Бороздина поручил я 3-го декабря командование сего отряда генерал-майору Дибичу 2-му, предписав ему казачьими полками открыть движение Магдональда, и буде встретится с прусскими войсками, то сходно с данным мне прежде высочайшим вашего императорского величества повелением стараться склонить их отделиться от французских войск. Полковник Сухозанет, будучи послан генерал-майором Дибичем в округности Тельша для пресечения неприятельской коммуникации и для открытия маршала Магдональда, дошел до округностей Мемеля и, овладев неприятельским магазейном в Тельше, взял в разных делах с неприятелем, 6 штаб- и обер-офицеров и 396 нижних чинов, 124 зарядных ящиков, которые он по быстрому движению принужден был сжечь.

Генерал-майор Дибич, подкрепляя полковника Сухозанета, оставил полковника Гернгроса со Сводным гусарским полком в округностях Кельма для наблюдения за движением неприятеля со стороны Шавлей. Дошел до местечка Ворны 10-го декабря, генерал-майор Дибич узнал наверно, что неприятель главными силами своими берет дирекцию на Шавли и что только весьма малая часть и некоторые обозы взяли направление к Мемелю. Посему он, полагая, что главные силы неприятельские отступят по дороге к Нимокштам и Таврогам, предписал полковнику Гернгросу в случае наступления на него неприятеля отретироваться к Россиенам и к главному корпусу, наблюдая за движениями неприятеля, и рапортовать мне об оных. Сам же, присоединив к себе все казачьи полки, остался при Ворнах, дабы действовать неприятелю в левый фланг и стараться отрезать часть его авангарда, также, буде возможно, вступить с прусскими войсками в переговоры. Передовые казачьи партии, стоящие при Ужвенте и Колтынянах, беспрестанно тревожили марш неприятеля и отбивали у него обозы и пленных. Когда же генерал-майор Дибич узнал от передовых постов и от пленных, что неприятельская дивизия генерала Гранжана, равно как колонна генерала Масенбаха, прошли местечко Колтыняны и что сзади оных по дороге из Шавли на Крожи остается один арьергард и большая часть обоза, то решился идти в Колтыняны, дабы перерезать им дорогу. Приближаясь к сему местечку, узнал он от пленных, что с арьергардом соединилась сильная прусская колонна, но не менее того надеясь на выгодное для кавалерии его местоположение и имея всегда свободную ретираду к Лавкову и Тельшу, куда тогда же прибыла кавалерия авангарда генерал-лейтенанта Левиза, предвидя при том, что всякие переговоры с прусскими войсками могут только тогда иметь успех, когда им совершенно будет отрезано сообщение с Магдональдом, генерал-майор Дибич, несмотря на превосходство прусского корпуса, решился пересечь ему дорогу при местечке Колтынянах, преследуя колонну генерала Масенбаха казаками до Шелеля и имея казачьи посты по дороге на Нимокшты. В сем положении послал он по приближении прусских войск к ним парламентаря и просил, чтобы лично видеться с командующим прусским генералом. Генерал-майор Клейст, согласясь на сие, объявил, что как командующий всем корпусом генерал-лейтенант Йорк находится еще назади, то он без него ни в какие переговоры вступать не может, но согласен не действовать до прибытия его с тем, чтобы ему уступить

местечко Колтыняны, в сем последнем однакож отказано было. По прибытии генерал-лейтенанта Йорк имел свое свидание на аванпостах с генерал-майором Дибичем. Сей последний, представляя ему все пагубное положение всей французской армии и выгоды, которые Пруссия может иметь, если сохранит целый корпус, предлагал ему нейтралитет его корпуса, если он совершенно отделится от французов; напротив того, если атакуя отряд его, который по весьма выгодному местоположению должен был показаться прусскому генералу гораздо многочисленнее, в намерении вновь открыть коммуникацию с Магдональдом, то даже в случае удачи должен потерять все обозы, всех больных и отсталых. По сим представлениям генерал-лейтенант Йорк решился оставить начатие военных действий до другого утра.

Ночью с 13-го на 14-е число декабря генерал-майор Дибич призвал к себе на подкрепление кавалерийский авангард генерал-лейтенанта Левиза под командой полковника графа Галатея, состоящий из казачьего полка Селиванова 2-го, волонтерных полковника Яхонтова и Боде и запасных эскадронов Рижского драгунского и Конно-Польского уланского полков, составляющих вместе около 500 человек.

Неприятель в ту же ночь послал сильную кавалерийскую партию из Шелеля к Колтынянам для открытия коммуникации с генерал-лейтенантом Йорком и сбил наши казачьи посты, но она партия, будучи встречена Гроднеским гусарским полком, ретировалась в беспорядке и была преследована до самого местечка Шелеля.

С рассветом 14-го числа прусская кавалерия, приблизясь к нашим аванпостам и увидя, что все устроено в боевой порядок, остановилась. Тогда генерал-майор Дибич поехал вторично к генерал-лейтенанту Йорку и они согласились, наконец, на то, что военные действия с обеих сторон прекратятся, но чтобы генерал-майор Дибич, оставаясь между генерал-лейтенантом Йорком и маршалом Магдональдом, позволил первому по данному ему направлению следовать до границ Пруссии, дошедши до коих Йорк должен заключить конвенцию, чтобы отделиться от французов, если между тем не откроется коммуникация с маршалом Магдональдом. Он с сим предварительным переговором послал к королю прусскому его флигель-адъютанта графа Генкеля. Генерал-майор Дибич согласился на сие условие, зная, что корпус Магдональда уже в тот же день вступил в пределы Пруссии и, по всей вероятности, перейдет Неман. В тот же день прибыл к генерал-лейтенанту Йорку парламентар от генерал-лейтенанта маркиза Паулучи Немецкого легиона майор граф Донау с теми же предложениями, которые ему уже сделаны были генерал-майором Дибичем, почему он его тот же час отправил к генералу Дибичу. Таким образом дошел отряд 14-го числа до Шелеля, а генерал-лейтенант Йорк расположился между местечками Пашиль <?> и Шелель. 15-го числа генерал-майор Дибич передвинулся в Пагремонт и 16-го в Вилькишки, откуда послал передовые войска к Тильзиту и Рагниту, а генерал-лейтенант Йорк дошел тот же день до Таврогена. В сем месте послал генерал-майор Дибич 17-го числа свиты вашего императорского величества по квартирмейстерской части полковника Клаузевица к генерал-лейтенанту Йорку с тем, чтобы его известить об опасном положении Магдональда, который тогда был окружаем передовыми моими отрядами, и о приближении вверенных мне

корпусов, дабы окончить переговоры заключением конвенции. На сие отвечал генерал-лейтенант Йорк, что он 17-го числа должен еще дожидаться, не сделает ли маршал Магдональд какое либо покушение, чтобы открыть коммуникацию. Ежели же того не будет и что 18-го числа поутру найдет все дороги к Тильзиту сильно заняты российскими войсками, то он согласен заключить конвенцию на основании тех условий, которые ему предложил маркиз Паулучи чрез майора графа Донау. Вследствие сего была заключена 18-го числа в Обшерошской <?> мельнице между прусским генерал-лейтенантом Йорком и генерал-майором Дибичем 2-м конвенция, которую я тогда же имел счастье представить в оригинале фельдмаршалу князю Голенищеву-Кутузову. Генерал-лейтенант Йорк уведомил об оном в ту же ночь генерал-майора Масенбаха, который на другой день в виду Магдональдова корпуса перешел со всей его пехотой реку Неман и прибыл к отряду генерал-майора Дибича, который продвинулся на подкрепление к Тильзиту. Кавалерии же и артиллерии, находившимся на аванпостах при Рагните и по дороге к Кенигсбергу, приказал генерал-майор Масенбах следовать прямо к российским войскам, которые и прибыли к отрядам генерал-майора Шепелева и Кутузова. Таким образом весь прусский корпус отделился совершенно от корпуса Магдональдова и неприятельские силы уменьшились почти 20 тысячами и 60 орудиями отборных и свежих войск.

В продолжение того времени, что отряд генерал-майора Дибича исполнил вышеописанным образом с совершенным успехом все предписанное ему мною, отряд генерал-адъютанта Кутузова приблизился к Тильзиту, передовые войска его под командой полковника Теттенборна заняли оный город 9-го числа и нашли в оном больных в госпиталях офицеров русских 3, французских 39, нижних чинов русских 37, французских 798, большие магазейны как с провиантом, так и с оружием, и взято в плен обер-офицеров 2 и нижних чинов 100 человек и одно орудие. Между тем приблизился также генерал-майор Властов к Тильзиту, а я, узнав, что неприятель приближается к сему городу, предписал ему состоять под командой у генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, а сему последнему держать со всем отрядом дефилею при деревне Пикюппенен и остановить по возможности марш Магдональда. Генерал-адъютант Кутузов, узнав, что неприятель приближается в превосходных силах, предписал генерал-майору Властову отступить к Тильзиту. Неприятель, достигнув арьергард сего генерала, успел расстроить Финляндский драгунский полк и напал тогда превосходным числом прусской кавалерии на батальон 23-го егерского полка и на часть дружины № 9-го Санкт-Петербургского ополчения, захватил довольно число в плен и с ним одно орудие легкой роты № 11-го. Генерал-майор Властов, удерживая неприятеля, отретировался с остальными войсками к городу Тильзиту; и генерал-адъютант Кутузов выслал тогда полки казачьи Иловайского 4-го и Кутейникова 6-го и два эскадрона Изюмского гусарского полка для прикрытия ретираты, которые и остались на правом берегу реки Немана до другого утра. Не надеясь держаться в городе Тильзите и в тет-де-поне против превосходного неприятеля, генерал-адъютант Кутузов отправил генерал-майора Властова в Рауцен, приказав всей кавалерии следовать туда же.

С рассветом 15-го декабря пехота генерал-адъютанта Кутузова отошла далее к Алкетупенен. Полковник Теттенборн с частью кавалерии, прикрывая отступа-

тельное движение генерал-адъютанта Кутузова, был атакован неприятельской кавалерией. Однако ж полковник Теттенборн ударил на идущих против него прусских черных гусар так быстро, что опрокинул их совершенно и взял в плен трех офицеров и до пятидесяти рядовых. После сего неудачного покушения неприятель не тревожил уже более войск генерал-адъютанта Кутузова.

Между тем как происходили сии разные арьергардные дела, вышел я уже 5-го декабря из кантонир-квартир при Неменчине. По неудобности для артиллерии дорог, ведущих прямо на Яново, и затруднению в продовольствии войск нашелся я принужденным следовать на Вилькомир. Из оного города пошел к Кейданам, куда прибыл 10-го числа, и по неприбытии ко мне еще артиллерии, которая по совершенно испорченным дорогам не могла поспевать за корпусом, должен был ожидать прибытия оной два дни. Между тем, узнав уже наверно о направлении Магдональда, я решился идти форсированными маршами к деревне Шилюпишкам, что на дороге из Тильзита к Кенигсбергу, надеясь тем отрезать ему дорогу в Кенигсберг.

Я перешел 16-го числа при Юрбурге реку Неман и, получив уже тогда известие о том, что генерал-майор Дибич вступил в переговоры с генерал-лейтенантом Йорком и что надеется в успешном окончании оных, я послал тотчас генерал-майора Шепелева с 4-ю казачьими полками, Сводным гусарским, 25-м егерским и Тенгинским пехотными полками с находящейся при них дружиной № 2-го Санкт-Петербургского ополчения и с половиной конной роты № 23-го для подкрепления генерал-адъютанта Кутузова, которого я полагаю в окружностях Тильзита, и дал ему также направление в деревню Шилюпишки, куда и я за ними вслед пошел с корпусами, надеясь, что казаки авангарда моего будут уже 17-го числа в Шилюпишках, и что пехота и артиллерия авангарда прибудет туда же 18-го числа и могут быть поддержаны генерал-адъютантом Кутузовым. И хотя полагал я, что сих войск достаточно для отрезания Магдональда, но для подкрепления оных я сам с корпусами взял тоже направление и надеялся прибыть в Шилюпишки 19-го числа, однако по оттепели, сильным дождем и разлитию всех маленьких речек испортились дороги таким образом, что большая часть артиллерии оставалась назади, и что я по совершенному изнурению людей и лошадей принужденным нашелся противу воли своей остановиться 18-го числа в Герскулене, откуда уже 19-го перешел в Зоммерау.

Маршал Магдональд узнал о конвенции, заключенной с генерал-лейтенантом Йорком, и видя себя оставленным всеми прусскими войсками, собрал остатки корпуса своего в городе Тильзите 19-го числа и вышел из оного в три часа пополудни. Генерал-майор Дибич, идучи вслед за ними, занял город Тильзит и овладел находящимися в оном припасами и госпитальями, преследовал неприятеля до деревни Буртукейтен, где маршал Магдональд остановился на биваках. Авангард мой находился тогда еще в деревне Шилене, а казаки близ Шилюпишек под командой полковника Ягодина, не занимая, однако ж, сей деревни.

Маршал Магдональд, пользуясь ночью, оставил только пешие пикеты и ретировался по дороге к Мелаукену; он с рассветом был преследован казачьими полками отряда генерал-майора Дибича, при которых находился посланный мною парламентар генерал-майор князь Репнин. Прочее войско сего отряда следовало тотчас за казаками; но ретирата неприятеля так была успешна, что

остались только небольшие пехотные отделения, защищающие деревни, по дороге лежащие, которые в продолжение преследования все перехвачены были в плен; отряд генерал-майора Дибича достиг колонну маршала Магдональда только при деревне Скайсгирене. Он тотчас своей конной артиллерией атаковал задние пешие колонны и, беспокоя неприятеля со всех сторон кавалериею и казаками, преследовал его до деревни Мелаукен, где неприятель занял позицию, почему генерал-майор Дибич принужден был по малому числу своего отряда остановить дальнейшее наступление. В продолжение преследования от Тильзита до Мелаукена потерял неприятель пленными 4 офицеров и до 500 человек нижних чинов и немалое число убитыми и ранеными; потеря с нашей стороны состояла только в одном раненом обер-офицере и пяти раненых казаках.

20-го декабря пополудни пришел в Скайсгирен также отряд генерал-адъютанта Кутузова, а к вечеру авангард генерал-майора Шепелева. Генерал-адъютант Кутузов присоединил к себе отряд генерал-майора Дибича с исключением Гродненского гусарского полка, казачьих полков Родионова 2-го и Чернозубова 8-го, батальонов 23-го и 30-го егерских полков, последний принадлежал к авангарду полковника графа Галатея и прибыл к сему отряду при Вилькомирах, и двух орудий конной роты № 1-го, которые под командой полковника Ридигера составили передовые войска генерал-майора Шепелева, к которому поступили сверх того пехота генерал-адъютанта Кутузова, батарейная рота № 28-го, легкая № 11-го. Генерал-адъютант Кутузов пошел еще в тот же день до деревни Пошвензен <?>, а генерал-майор Шепелев приблизился к Ляукену <?>. Я же между тем, дошел с корпусом 21-го числа до Скайсгирена и узнал, что неприятель выслал из Кенигсберга генерала Геделета с 6000 по дороге чрез Тапиау, и что оный генерал дошел до деревни Ширау, послал корпус генерал-лейтенанта Штейнгеля на подкрепление генерал-адъютанта Кутузова, и предписал сему последнему, буде неприятель, как сие было вероятно, станет ретироваться по приближении его к Кенигсбергу, переправиться при Велау чрез реку Прегель и действовать по левому берегу оной неприятелю в тыл. А генерал-майору Шепелеву приказал я быстро преследовать Магдональда. Генерал-майора же графа Сиверса послал я с кавалерийским отрядом по правому берегу реки Прегеля, дабы смотря по обстоятельствам подкрепить или генерал-майора Шепелева, или генерал-адъютанта Кутузова. Неприятельская дивизия генерала Геделета по приближении наших войск отступила поспешно к Кенигсбергу, и генерал-адъютант Кутузов, заняв 22-го числа Велау, послал передовые свои войска под командой полковника графа Галатея в Тапиау.

В тот же день настиг генерал-майор Шепелев, который 21-го числа вытеснил неприятеля из дефилен Баумвальде, сильный арьергард маршала Магдональда под командой генерала Гранжана при городе Лабиау. Неприятель выслал против него сильный пехотный отряд, который, будучи расстроен действием наших стрелков и артиллерии, был опрокинут кавалерией и прогнан в самый город, причем взято в плен 117 человек. Несмотря на превосходство неприятеля и на выгодное местоположение, генерал-майор Шепелев решился атаковать неприятеля. Устроив войска свои в три колонны, приказал он двум крайним обходить неприятельские фланги, а средней колонне наступать в город. Несмотря на сильный отпор неприятеля, они бросились на мост, который он тщетно старался зажечь, и ворвались в город.

Неприятель, усилившись, старался удержать город, но был поражаем действием батарейной роты № 28, а полковник Розен с 24-м, с запасным батальоном 30-го егерского полка и с Литовским пехотным полком вытеснил его штыками, невзирая на то, что зажжены были дома. Присём, к сожалению, 24-й егерский полк потерял двух храбрых офицеров — майора Студина и капитана Дунина.

Неприятель, будучи обойден в левом фланге полковником Ридигером с Гродненским, в правом — полковником Гернгросом со Сводным гусарскими полками, оставил город и старался занять позиции за оным, но, будучи расстроен искусным действием конной роты № 23-го, оставил и оную, равно как и три орудия, которыми овладели Гродненского гусарского полка ротмистр Козадаев и 24-го егерского полка майор Вреде. Столько же неудачно было покушение неприятеля остановиться при селении Тейча, где, будучи генерал-майором графом Игельштромом с Тенгинским пехотным полком атакован во фланг, а в то же самое время стесняем штыками Литовским пехотным полком под командой полковника Розена и поражаем действием артиллерии, должен был оставить оную и ретироваться в беспорядке на две мили. Потеря неприятеля в сем деле состоит в трех орудиях, до 500 человек пленными и 1500 убитыми и ранеными. Сверх того отбито у него до 20 российских офицеров и 46 нижних чинов, попавших прежде в разные времена в плен. С нашей стороны простирается потеря до 350 человек убитыми и ранеными.

После сего удачного дела генерал-майор Шепелев преследовал своей кавалерией неприятеля по дороге к Кенигсбергу. Генерал-адъютант Кутузов приблизился также к сему городу по левому берегу реки Прегеля, имея впереди отряды генерал-майора Дибича на левом берегу, а на правом же полковника графа Галате, которого подкрепил кавалерийский отряд генерал-майора графа Сиверса, состоящий из 4-х эскадронов драгун и двух казачьих полков. Неприятель, будучи стесненным со всех сторон нашей кавалерией и угрожаем движением генерал-адъютанта Кутузова ему в тыл, сделал сильную рекогносцировку против передового отряда сего генерала на левом берегу Прегеля. Неприятельских 4 эскадрона драгун и конных егерей атаковали казачий полк Иловайского 12-го, но командующий им флигель-адъютант вашего императорского величества барон Сухтелен ударил на него так неустрашимо, что опрокинул оных, прогнал до самой пехоты, стоящей близ Кенигсберга, с немалой для них потерей убитыми и пленными. В ночь оставил неприятель Кенигсберг и был преследован нашими казаками, из коих полки Чернозубова 8-го с одним эскадронам Гродненского гусарского полка из авангарда генерал-майора Шепелева и Селиванова 2-го отряда полковника графа Галате, над которыми принял начальство генерал-майор граф Сиверс, вошли первые в город Кенигсберг, в коем взяли в плен 1300 человек. Сверх того оставлено неприятелем много орудий, которые брошены в реку Прегель, отсталых 8000 человек, значительный магазейны с провиантом и фуражом, равно отбиты и все пленные 23-го егерского полка.

24-го числа с рассветом генерал-майор Дибич 2-й, прошедши чрез город, преследовал неприятеля по дороге к Брандербургу, присоединив к себе полк Чернозубова 8-го и Родионова 2-го, которые преследовали неприятеля около семи верст от Кенигсберга и отбили у него часть обозу и более 100 человек пленных. Генерал-майор Дибич с отрядом настиг неприятельскую кавалерию около

1000 человек на дороге близ местечка Брандербурга, расстроив оную действием конных орудий, приказал наступать казачьим полкам на неприятеля, который, не выждав атаки оной, бросился в величайшем беспорядке на свою пехоту к местечку Брандербургу, причем был быстро преследован нашей кавалерией и преследован действием артиллерии, и оставил нам одно орудие.

Генерал-майор Дибич, желая принудить неприятеля к скорейшему отступлению из местечка Брандербурга и спасти, если возможно, мосты чрез Фришинг, атаковал неприятельскую кавалерию под самым Брандербургом и, прогнав ее до пехоты, действовал беспрестанно по их из конных орудий. Тогда неприятель открыл также со своей стороны огонь из 8 орудий и остановил дальнейшее стремление наших казаков стрелками и пешими колоннами. Причем, несмотря на жестокий огонь неприятельских орудий, наши два орудия действовали с большим искусством по неприятельским колоннам. Таким образом продолжалась канонада более часу, когда генерал-майор Дибич увидя, что неприятель держится всеми силами, простирающимся до 10 000 человек под командой маршалов Нея и Магдональда, при Брандербурге, приказал <?> действию артиллерии. После чего также неприятель перестал стрелять, и сражение продолжилось одной ружейной перестрелкой. Между тем успели казачьи полки Лащилина 1-го и Селиванова 2-го на подкрепление, и генерал-майор Дибич, увидя в то же время, что неприятель начинает ретироваться за город, наступал всем своим отрядом; казачий полк Иловайского 12-го, обойдя неприятельский арьергард влево чрез Фришинг, обще с быстрым наступлением всех прочих полков принудил его оставить местечко. Неприятель старался зажечь мосты, но казачий полк Селиванова 2-го бросился в город, прогнал неприятеля из оного и потушил с помощью обывателей мост. Неприятельские стрелки покушались несколько раз опять ворваться в местечко, но были всегда опрокинуты нашими казаками и в то же время Иловайского 12-го полк, который был поддерживан Перекопским татарским и Ставропольским калмыцким, принудил кавалерию правого неприятельского фланга к отступлению, и неприятель, будучи беспрестанно преследован и беспокоен нашими казаками, ретировался до деревни Патерзорти. В сем деле и преследовании неприятеля взято одно орудие и более 200 пленных, с нашей стороны убит Иловайского 12-го полка поручик Ефремов, два гусара Изюмского гусарского полка и пять казаков, и ранено около 20 нижних чинов. Неприятель уже ночью оставил свою позицию и был в продолжение целого 25-го числа беспрестанно преследован и беспокоен казаками отряда генерал-майора Дибича, причем он оставил шесть орудий и много лафетов, и взято в плен три офицера и 300 человек нижних чинов.

26-го числа неприятель остановился в городе Браунсберге, куда генерал-адъютант Кутузов, прибыв, оставил генерал-майора Иловайского 4-го перед самым городом, дабы подкрепить генерал-майора Шепелева, который должен был преследовать неприятеля к Эльбингу. Сам же с остальной кавалерией его отряда перешел реку Пасаргу при деревне Шпандель, и пошел на Прейш-Голанд чрез Фридианд, Ланзберг, Вормдит, дабы встревожа неприятеля, в Эльбинге находящегося, стараться действовать отступающему из Браунсберга во фланг и в тыл.

В Прейш-Голанде нашел генерал-адъютант Кутузов 28-го числа генерала от кавалерии графа Платова, а корпус генерал-лейтенанта графа Штейнге-

ля, посланный мною для подкрепления передовых отрядов из Велау, пришел того же числа в Беленгоф. Генерал от кавалерии Платов и генерал-лейтенант граф Штейнгель приблизились к городу Эльбингу 31-го числа, куда подошли с другой стороны генерал-майор Иловайский 4-й и генерал-лейтенант Шепелев, которые преследовали неприятеля чрез Фрауенбург и Трунц, причем оставил неприятель еще семь орудий, три ящика, и взято в плен 300 человек. Король Неаполитанский, соединяя силы свои в Эльбинге, не осмелился, однако, держаться в оном городе, но ретировался на Мариенбург, Диршау и Пильшау и чрез оный к Данцигу. Он был преследован к Диршау войсками генерала от кавалерии графа Платова и отрядом генерал-адъютанта Кутузова, над которым за болезнью сего генерала принял команду генерал-майор Иловайский 4-й, который достиг неприятельский авангард при деревне Розенберг, атаковал его казаками, и быстрым наступлением и искусными действиями конной роты № 3-го, которую генерал-лейтенант граф Штейнгель присоединил к сему отряду, принудил его к отступлению, причем неприятель потерял до двухсот убитыми и пленными. После сего дела генерал-майор Иловайский 4-й обложил город Данциг со стороны Прауста.

Генерал-майор Шепелев преследовал неприятеля чрез Нейтаих и Пальшау, 31-го декабря прогнал остатки его чрез Вислу.

Я между тем отрядил генерал-майора Горбунцова и полковника барона Палена для блокады крепости Пилау. С корпусами генерал-лейтенантов Берга и Левиза, из коих последний присоединился ко мне при Скайсгирене, следовал из оного места чрез Велау, Фридланд, Шипенбейль, Гейльсберг, Гутштадт, где я по увеличивающейся боли от вышебленной руки принужден был для поправления здоровья сдать команду генерал-лейтенанту графу Штейнгелю.

Сей генерал, препоручив командование авангарда по болезни генерал-лейтенанта Шепелева генерал-майору Алексееву, приказал ему обложить Данциг от Прауста до Вислы. Полковник Бедряга занял Сводным гусарским полком, двумя орудиями и одним батальоном пехоты Нерунг, и генерал от кавалерии граф Платов занял с полками его корпуса пространство от Прауста к морю, чем и совершилось обложение Данцига.

Таким образом победоносное вашего императорского величества войско не только в продолжение одного месяца освободило всю Самогидию, Восточную и большую часть Западной Пруссии, но, поражая беспрестанно бегущего неприятеля, успела отделить от него все прусские войска, и наконец, перейдя Вислу, обложить крепость Данциг. В сие время потерял неприятель пленными: одного генерала, до 300 штаб- и обер-офицеров, до 20 000 нижних чинов, наших пленных штаб- и обер-офицеров 43 и нижних чинов 307, неприятельских орудий 18, исключая тех, которые брошены неприятелем в реку Прегель, равномерно во многих местах большие магазейны с провиантом и оружием, и артиллерийских снарядов, как-то в Свенциянах, Тельше, Тильзите, Инстенбурге, Гумбинене, Кенигсберге и Эльбинге.

Во время нахождения моего в Кенигсберге приказал я начальнику Главного штаба генерал-майору Довре стараться открыть переговоры с французским комендантом крепости Пилау, особливо с тем, чтобы вспомоществовал генерал-лейтенант Йорк склонить прусского коменданта придать нам в том помощь.

Уверясь по рапорту генерал-майора Довре, что он совершенно успел в оном, отправил я 2-го числа генваря туда с отрядом генерал-майора графа Сиверса, который, заключив приготовленную генерал-майором Довре конвенцию, занял город Пилау.

Отпуск в Журнале исходящих бумаг канцелярии П. Х. Витгенштейна. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3404. Л. 83об. — 96 об.

Список литературы

- Бенкендорф А. Х. Воспоминания 1802–1837. М., 2012.
- Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. СПб., 1860.
- Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию, в 1812-м году. 2 изд. Ч. 2. СПб., 1838.
- Военная галерея 1812 года. 1812–1912. СПб., 1912.
- Война 1813 года: Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отд. 1. Т. 3. Пг., 1917.
- Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Сб. док. Ростов-на-Дону, 2012.
- Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006.
- Жиров М. С. Напасти на М. И. Платова в 1812–1814 гг. // Донские областные ведомости. 1912. № 49. С. 2.
- Жучков К. Б. В конце двенадцатого года: победа над союзником или компромисс с врагом? // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 47–58.
- Жучков К. Б. Листовка Ф. К. Теттенборна. Кому принадлежит честь освобождения Вильно 28 ноября 1812 г. // Исторический архив. 2015. № 3. С. 131–135.
- М. И. Кутузов. Т. 4–5. М., 1955–1956.
- 1812 год. Войска генерала П. Х. Витгенштейна в боях на Санкт-Петербургском направлении: документы и воспоминания. Бородино, 2012.
- Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 19–21. СПб., 1912.
- Русский архив. 1912. Кн. 2.
- Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.-СПб., 2012.
- Сборник Русского исторического общества. Т. 133. СПб., 1911.
- Труды Московского отделения Императорского Русского военно-исторического общества. Т. 2. М., 1912.
- Чистяков О. В. Отличия солдат и офицеров в сражении при Лабиау // От Таурогге до Парижа (к 200-летию Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Сб. статей. Калининград, 2014. С. 75–79.
- Auriol Ch. Retraite du 10e corps de la Grande-Armée de la Dwina sur Dantzig (1812): (Documents inédits). Paris, 1888.
- Droysen J. G. Das Lebedn des Feldmarschalls Grafen York von Wartenburg. Bd. 2. Berlin, 1852.
- Reboul F. Campagne de 1813. Les préliminaires. T. 1. Paris, 1910.
- Seydlitz A. Campagne et défection du Corps prussien de la Grande armée (France, Prusse et Russie en 1812). Paris, 1903.

Alexander SAPOZHNIKOV

Doctor of History, Head of Newspapers department, National Library of Russia
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: sapozhnikov@nlr.ru

“Expedition against Magdonald”: Don Cossack regiments in the Army of Wittgenstein in December 1812

The article is devoted to the military actions of the army of Wittgenstein in December 1812, an unsuccessful attempt to surround Marshal Macdonald's 10th Corps and force them to lay down their arms. Considers the reasons for the failure of Russian troops.

Keywords: campaign in Russia in 1812, army of Wittgenstein, Corps of Macdonald, Cossack regiments.

УДК 94 (47).072.5

ББК 63.3 (2) 47

Борис Павлович МИЛОВИДОВ

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: milbp@yandex.ru

ИСПАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ В РОССИИ (1812–1815)

Статья посвящена пребыванию военнопленных испанцев в России в 1812–1815 гг. и попыткам использовать их в борьбе с Наполеоном. После подписания в 1812 г. между Россией и Испанией союзного договора в Царском Селе под Петербургом из пленных испанцев был сформирован Испанский Императорский Александровский полк. Он был обмундирован, приведен к присяге и по частям переправлялся в Испанию. Небольшая группа испанцев входила также в состав партизанского отряда под командованием А. С. Фигнера.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., российско-испанские отношения, военнопленные, Испанский императорский Александровский полк.

В 1812 г. около 110 тыс. военнопленных Великой армии Наполеона оказались в России¹. Они продолжали прибывать и позднее, в 1813 г. В связи с этим российские власти попытались использовать бывших противников в экономике и на военной службе. Уже самым начале Отечественной войны предпринимались усилия по вербовке военнопленных и дезертиров — выходцев из германских государств, а также Испании и Португалии. Наибольший успех, наряду с Русско-немецким легионом, участвовавшим в боевых действиях в 1813–1814 гг., имела попытка создания воинской части из испанцев и португальцев².

После подписания в Великих Луках 8 (20) июля 1812 г. союзного договора с Испанией по приказу Александра I стали распространяться листовки, призывавшие испанских и португальских солдат Великой армии покинуть армию Наполеона и перейти в ряды его противников. Эта пропаганда была рассчитана в том числе и на пленных. В составе Великой

¹ Бессонов В. А. Потери Великой армии в Отечественной войне 1812 года (к вопросу определения численности военнопленных) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 1. М., 2002. С. 181.

² Ранее мы касались этой темы в двух небольших работах: Миловидов Б. П. Испанские военнопленные Великой армии в России: на пути в Царское Село // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов. Бородино, 2015. С. 397–416; Миловидов Б. П. Испанские военнопленные Великой армии в России: долгий путь на родину // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2016. С. 197–213.

армии находился полк «Жозеф Наполеон», целиком сформированный из испанцев и носивший имя брата Наполеона, провозглашенного королём Испании. На июнь 1812 г. четыре батальона этого полка, участвовавшие в русском походе, насчитывали 82 офицера и 2972 унтер-офицеров и рядовых. В ходе кампании 1812 г. полк потерял 96% своего состава, а большая часть его солдат и офицеров оказалась в русском плену³.

Кроме того, в Русском походе участвовали португальские части, где также служили испанцы: шесть батальонов 1-го, 2-го и 3-го пехотных полков и три эскадрона полка конных егерей Португальского легиона (163 офицера и 3630 чел.)⁴. Многие из них также попали в плен и их участь оказалась связана с судьбой испанских пленников.

Впрочем, еще до заключения договора, при предписаниях от 7 июля М. Б. Барклай де Толли препроводил П. Х. Витгенштейну и И. Н. Эссену 1-му экземпляры прокламации на испанском и португальском языках, которую следовало довести до сведения войск противника. Целью прокламации было устранить сомнения испанцев и португальцев в том, что в случае перехода их на русскую сторону «они получают от нас способы к возвращению в свое отечество»⁵.

Как пишут комментаторы сборника документов «Листовки Отечественной войны 1812 г.», «с начала августа печатание агитационной литературы, рассчитанной на испанско-португальские контингенты наполеоновской армии, еще более расширяется. Систематически издаются большими тиражами известия об успехах английских войск и повстанческого движения в Испании». В одной из таких листовок, датированной исследователями первой половиной августа, сообщалось о разгроме 22 июля н. ст. генералом А. Уэлсли, будущим герцогом Веллингтоном, войск войск маршала О. Мармона и содержался призыв к португальцам и испанцам оставить, наконец, знамена своего смертельного врага и служить отныне только делу своей родины и религии. «Император Александр, — говорилось в документе, — друг всех угнетенных народов, предлагает вам средство, переправившись через море, снова увидеть родную землю и освободить ее от иноземного порабощения»⁶.

³ Васильев А. А. Испанский полк «Жозеф Наполеон» в русской кампании 1812 г. // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 20–24.

⁴ Власов К. Расписание Великой армии на начало Русской кампании 1812 г. // Музеи России <электронный ресурс>. URL: http://www.museum.ru/1812/War/Grande_arme_1812 (дата доступа: 18.09.2018 г.); Португальский полк конных егерей // Great Army in Russian Campany <электронный ресурс>. URL: <http://1812-war.com/Legion-Portugaise/cavalry> (дата доступа: 18.09.2018 г.).

⁵ Листовки Отечественной войны 1812 г. Сб. документов. М., 1962. С. 38–39.

⁶ Там же. С. 38–39.

31 августа управляющий Министерством иностранных дел А. Н. Салтыков направил Витгенштейну несколько экземпляров подписанной представителями обеих стран в России прокламации на испанском и португальском языках с призывом «сбросить тираническое иго Бонапарта» и переходить на сторону России. Ф. Зеа Бермудес (Sea Bermudez, Zea Bermudes) и Ж. П. Безерра заявляли, что регент Португалии и король Испании по-прежнему считают своих подданных, воюющих в армии Наполеона, своими сыновьями, и призывали доказать, что они достойны этого. «Сдавайтесь без опасений русским войскам, — говорилось в документе, — они встретят вас как братьев, они вернут вас на родину к вашим семьям, к вашим милым детям, которые плачут и ждут вас». В прокламации было обещано при содействии находившегося в русской Главной квартире английского генерала Р. Вильсона, командовавшего ранее Португальским королевским легионом на Иберийском полуострове, вернуть покинувших ряды французской армии на родину⁷.

9 сентября 1812 г. руководитель канцелярии М. И. Кутузова Е. Б. Фукс препроводил для напечатания в походной типографии при Главной квартире две прокламации, обращенные к пленным на испанском, португальском и французском языках⁸.

Сардинский посланник в России граф Ж. де Местр писал 22 июня (3 июля) королю Виктору Эммануилу I: «Двое испанских пленников, услышав о повелении императора отправить их домой, сказали, что если бы и остальные знали про это, то сбежали бы все без исключения»⁹. По словам поручика 26-го егерского полка А. И. Антоновского, несколько испанцев, взятых в плен (точнее, добровольно сдавшихся) 10 июля в районе Друи, также рассказывали, будто и они, и многие их соотечественники желали «передаться» русским. Служить Наполеону они не желали, поскольку, попав в плен, были зачислены во французскую армию «под угрозой смертной казни». Однако решившие дезертировать выходцы с Иберийского полуострова сталкивались с неожиданной трудностью. В поисках пути в русскую армию, они обращались к местному польскому населению, которое симпатизировало французам. Поляки провожали дезертиров не к русским, а к французским войскам, «и много таким образом погибло». Те, с кем говорил Антоновский, сделали правильный выбор, избрав в провожатые евреев. Мемуарист рассказал,

⁷ Внешняя политика России XIX — начала XX. Серия 1. Т. 6. М., 1962. С. 771.

⁸ Материалы об Отечественной войне. Подробный журнал исходящих бумаг собственной канцелярии главнокомандующего Соединенными армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 г. М., 1912. С. 359.

⁹ *Де Местр Ж.* Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 208.

что как раз в то же время привели в числе пленных «и одного польского мужика, а едва ли не мелкую шляхту», в котором испанцы узнали того, кто «спрашивавших дороги к русской армии провожал к французам». Этого «негодяя» генерал Я. П. Кульнев приказал прогнать сквозь строй, после чего положить на телегу и отправить домой — в назидание прочим его соотечественникам¹⁰.

Однако не все испанцы были готовы к немедленной сдаче. Как отмечал в своем дневнике капитан полка «Жозеф Наполеон» Р. де Льянса, он и многие его товарищи представляли себе русских жестокими беспощадными варварами. Сражаясь в арьергарде Великой армии, он сдался со своими солдатами только будучи вторично ранен и оказавшись в окружении в бою под Красным 6 (18) ноября 1812 г.¹¹

Надо сказать, что не все сдавшиеся в плен испанцы хотели возвращаться на родину. Как донес 18 сентября 1812 г. в Министерство полиции эстляндский гражданский губернатор, двое испанских пленников пожелали отправиться к «армии Витгенштейна». Дело было доложено императору и тот повелел, снабдив пленников всем необходимым, отправить их к П. Х. Витгенштейну на почтовых, о чем и было 25 сентября сообщено эстляндскому губернатору¹².

Как можно понять по имеющимся отрывочным документам, первоначально пленников испанцев и португальцев отправляли в Ревель. Это было, очевидно, связано с тем, что там же формировался и Русско-немецкий легион. В инструкции, данной императором Александром 16 (28) июня 1812 г. Комитету по немецким делам, говорилось, что офицеры легиона должны отправиться к аванпостам и местам расположения пленников для приема тех, кто добровольно согласится вступить в легион, и отправления их в места формирования — Ревель и Киев¹³. 26 июня канцлер Н. П. Румянцев предложил императору создать несколько депо для раненых и пленников немцев, включая пруссаков, где содержать их на улучшенных условиях и вести среди них пропаганду¹⁴. А 4 августа Комитет по немецким делам для успешного формирования легиона признал необходимым направлять пленников немцев прямо в Ревель и Киев. Герцог П. Ольденбургский для успешной вербовки должен был

послать туда офицеров, а своему сыну принцу Августу, находившемуся при Главной квартире, поручить снести с главнокомандующим с тем чтобы пленников немцев в другие пункты не отправляли¹⁵. Возможно, именно с реализацией этих планов связано и распоряжение коменданта главной квартиры С. Х. Ставракова от 1 октября об отсылке в Петербург наряду с испанцами и португальцами также вестфальцев, гессенцев и ганноверцев¹⁶. На особый успех пропаганды среди «вестфальцев, тирольцев и иллирийцев» рассчитывал и один из инициаторов создания Русско-немецкого легиона барон Г. Ф. К. фон унд цум Штейн¹⁷. Концентрация пленников, готовых служить с оружием в руках против Наполеона, в Прибалтике обуславливалась, по-видимому, планами их использования против наименее надежного союзника Наполеона — Пруссии, а в случае с испанцами, главным образом, удобством транспортировки морем на родину.

Во всяком случае, уже 19 августа в Ревель прибыла партия из 129 пленников, в числе которых были 81 испанец, 41 немец и 7 хорватов (38 человек из этой партии вступили в легион)¹⁸. В следующей партии, прибывшей 4 сентября, было 193 человека, в т. ч. 104 испанца и 84 немца, причем 77 немцев согласились вступить в легион¹⁹.

О том, что испанцы имели уже на начальном этапе войны особое место назначения, ясно из предписания Ф. В. Ростопчина, сделанного 27 августа московскому коменданту И. Х. Гессе. Генерал-губернатор приказал, в частности, из партии пленников числом 74 чел. двух испанцев отправить в Подольск «к тамошнему городничему для присоединения к прочим, там находящимся», а трех прусских дезертиров — в Ревель. И испанцев, и пруссаков следовало препровождать в назначенные для них места посредством внутренней стражи (для конвоирования остальных пленников в Вологду была назначена команда вяземского ополчения)²⁰. Впрочем, еще 17 августа Ростопчин предписал подольскому городничему четырех отправленных в его распоряжение дезертиров (двух испанцев и двух поляков) разместить по квартирам «под своим смотре-

¹⁵ *Venzky G.* Die Russisch-Deutsche Legion in den Jahren 1811–1815. Wiesbaden, 1966. S. 119.

¹⁶ *Бессонов В. А.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды Государственного исторического музея. Вып. 147. М., 2005. С. 58.

¹⁷ *Venzky G.* Die Russisch-Deutsche Legion... S. 40.

¹⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 492. Л. 46.

¹⁹ Там же. Л. 49.

²⁰ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 10. М., 1908. С. 162.

¹⁰ *Антоновский А. И.* Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. III. Вильна, 1904. С. 39–40

¹¹ *Сагомонян А. А.* Война 1812 года глазами испанского офицера // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 103, 106.

¹² ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 620. Л. 302 об.

¹³ Внешняя политика России XIX — начала XX века. Серия 1. Т. VI. М., 1962. С. 754; *Pertz G. H.* Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. Bd. III. Berlin, 1851. S. 622.

¹⁴ Внешняя политика России XIX — начала XX века. Сер. 1. Т. VI. М., 1962. С. 461.

нием», снабжая их обыкновенным провиантом (его надо было требовать от провиантского чиновника) и выдавая по 15 коп. ассигнациями в сутки (из уездного казначейства)²¹. Упомянутые нормы снабжения восходили к сделанному в конце июня начальником Главного штаба 1-й Западной армии Ф. О. Паулуччи распоряжению, согласно которому суточное содержание пленных нижних чинов составляло 10 коп. и «обыкновенную порцию солдатского провианта», дезертирам полагалось по 15 коп. и провиант²². Позднее именно дезертирская норма снабжения была распространена на пленных испанцев и португальцев.

27 августа в Министерстве полиции был получен рапорт эстляндского гражданского губернатора о пленных испанцах и шведах, а 10 сентября вновь о пленных испанцах (это был ответ на некое предписание № 263). Следующий его рапорт о пленных испанцах был доставлен 16 сентября. А 8 октября в Министерство пришел рапорт эстляндского губернатора о получении им предписания, касавшегося доставки пленных испанцев к Санкт-Петербургу коменданту. И, наконец, 4 ноября был доставлен рапорт об отправке пленных испанцев в Петербург. Впрочем, этот процесс растянулся — о случившемся происшествии при прохождении пленных испанцев было получено известие от губернатора 13 ноября, а 19 ноября донесение о продолжении отправки этих пленных²³.

Уже в конце сентября упоминает об отправке испанцев в столицу в своем дневнике Р. Вильсон. В частности, 21 сентября (3 октября) он отмечал, что среди захваченных накануне 84 пленных были 17 испанцев из корпуса П. Ла Романы, «не сумевших бежать вместе с ним». «Они были совершенно раздеты, я дал им на всех семь фунтов и отправил в Санкт-Петербург», — писал английский генерал²⁴. Впрочем, имели ли в виду Вильсон и Ставраков (в распоряжении от 1 октября) Петербург как место сосредоточения всех испанских пленных или только как транзитный пункт на пути в Прибалтику, не вполне понятно.

Как бы то ни было, к началу октября решение о передислокации испанцев из Ревеля в Петербург столичные власти уже приняли. История принятия этого решения становится ясной из докладной записки, датированной 2 октября и представленной императору управляющим Министерством полиции и главнокомандующим в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитиновым 3 октября 1812 г. В ней говорилось, что

А. А. Аракчеев приказал министру полиции собрать сведения о количестве находившихся в России пленных испанцев и о том, кто из них желает вернуться морем на родину. Эстляндский гражданский губернатор донес, что в его губернии находится 584 пленных испанца, но отправить их в отечество не представляется возможным за отсутствием английских судов. В связи с этим царь повелел отправить этих пленных в распоряжение Санкт-Петербургского коменданта и поместить в гвардейских казармах. Точная дата этого повеления неизвестна. Причиной же составления записки от 2 октября стало новое донесение эстляндского губернатора, согласно которому число пленных испанцев увеличилось до 758 чел., причем губернатор уже обратился с просьбой взять их на суда к находящемуся у Риги английскому контр-адмиралу Т. Мартину²⁵. Впрочем, как показали дальнейшие события, эта идея реализована не была. Но уже 4 октября о решении императора перевести испанцев и португальцев в Санкт-Петербург Вязмитинов сообщил Аракчееву²⁶.

Между тем испанский уполномоченный (и с конца 1812 г. генеральный консул) Ф. Зеа Бермудес проявлял беспокойство по поводу задержки с отправкой своих соотечественников из России. Об этом свидетельствуют его ноты от 27 сентября и от 5 октября. Текст первой ноты и ответ на нее управляющего Министерством иностранных дел графа Салтыкова нам не известны. Реакцией на нее было, вероятно, отношение канцлера Н. П. Румянцева к А. А. Аракчееву, которое тот переслал 2 октября Вязмитинову²⁷.

Во второй ноте говорится, что дело об испанцах «не ограничивается в скором отправлении сих людей, хотя приближение осени и делает сие отправление необходимым». Однако о переводе пленных в Петербург ничего не сказано. По словам испанского представителя, он «с прискорбием» узнал, что находящиеся в Ревеле подданные Фердинанда VII пребывают в «жалостнейшем положении по недостатку в одежде» и перенести наступающую стужу не в состоянии. Об этом Зеа Бермудес просил довести до сведения государя²⁸.

9 октября Румянцев сообщил управляющему Военным министерством князю А. И. Горчакову о принятом Александром I решении, согласно которому вопросы о содержании и отправлении испанцев и португальцев испанский уполномоченный должен был обсудить с Горчаковым, которому с учетом достигнутых договоренностей предоставлялось

²¹ Там же. С. 138.

²² Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. (Рефераты, статьи, документы). Тамбов, 1914. С. 25.

²³ ГАРФ Ф. 1165. Оп. 1. Д. 573. Л. 190, 203, 206, 217, 231, 235, 238.

²⁴ Вильсон Р. Т. Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995. С. 65–66.

²⁵ ОР РНБ Ф. 152. Оп. 1. Д. 278. Л. 16–17.

²⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 5.

²⁷ Там же. Л. 5, 9.

²⁸ Там же. Л. 9.

испросить соответствующее повеление.²⁹ В тот же день о том, что все касающиеся испанских и португальских солдат дела представляются «распоряжению и непосредственным отношениям» Зеа Бермудеса и Горчакова, со ссылкой на императорское повеление Салтыков сообщил и самому испанскому дипломату³⁰. Таким образом, был определен механизм межгосударственного взаимодействия, позволявший принимать решения, устраивавшие обе державы.

Беседа Зеа Бермудеса и Горчакова состоялась 12 октября 1812 г., а на следующий день испанский дипломат зафиксировал ее итоги в ноте, направленной Горчакову. Представитель испанских властей согласился с мнением управляющего Военным министерством в том, что отправление морем на родину испанских и португальских солдат встречает непреодолимые трудности и что лучшим выходом будет оставить их на зиму в России. Дипломат поддержал также предложение князя «чтоб тем временем людей сих употребить на пользу общую, которую как Россия, так и Гишпания обще защищают», и составить из испанцев и португальцев полк или батальон. Таким образом, по мнению Зеа Бермудеса, если Александр I согласится, бывших солдат Наполеона можно было бы использовать для гарнизонной службы в Петербурге и «при первом открытии мореплавания» отправить на родину.

По назначению Горчакова предполагалось выделить казармы в Царском Селе или в окрестностях столицы, собрать там всех оказавшихся по воле Наполеона в России испанцев и португальцев и предложить им вступить в упомянутый полк или батальон, «ибо справедливости того требует, чтобы не предпринимать ничего определенного, не отбрав от них собственного на то согласия». Зеа Бермудес повторил и свое «замечание», высказанное накануне в устной беседе с управляющим Военным министерством. «Дабы образование сие не произвело бы никакой зависти как в Немецком легионе, так и во всяком другом формирующемся или который будет формироваться в России, также чтоб внушить настоящее доверие сим солдатам и наконец, чтобы <заслужить> совершенное одобрение» своего правительства, испанский представитель просил, чтобы «корпус сей был сформирован независимым от других, имел бы знамена, мундир, кокарду на точном основании, введенном в Гишпанию».

Зеа Бермудес просил Горчакова исходатайствовать на это высочайшее повеление, а также назначить жалование «чиновникам сего корпуса», о котором им можно было бы объявлять при приеме на службу. Закончил дипломат свою ноту уверениями: он гордится тем, что доста-

вил «наконец храбрым гишпанским воинам щастие служить с неустрашимыми войсками его императорского величества и что там, где бы они не находились, они будут занимать место наравне <...> с российскими солдатами и умножат шеренги тех, которые столь храбро сражаются за отечество свое и за пользу всей Европы»³¹.

Горчаков составил доклад и вместе с нотой Зеа Бермудеса представил его императору. Управляющий Военным министерством предложил, собрав со всей России испанских и португальских пленных и дезертиров, расположить их в царскосельских казармах, «снабдить всем необходимо нужным», поручить надзор за ними специальному чиновнику и «приготовить их сим образом к отправлению будущю весною или к какому либо другому употреблению, каковое разрешат обстоятельства»³².

17 октября испанский уполномоченный направил Горчакову еще одну ноту, в которой торопил российские власти сообщить ему окончательное решение по поводу судьбы испанских солдат в России. Спешка была вызвана отправкой к испанскому двору курьера с известием о ратификации российско-испанского договора, и дипломат хотел заодно сообщить Фердинанду VII о перспективах использования и отправки испанских пленных и дезертиров, служивших в Великой армии³³. Однако доклад Горчакова император утвердил только 21 октября³⁴.

26 октября 1812 г. Горчаков направил Зеа Бермудесу «пункты», в которых перечислялись «апробованные» императором распоряжения «в пользу находящихся в России гишпанских воинских чинов». В финальной части этого документа говорилось, что эти согласованные Горчаковым и Зеа Бермудесом «статьи» «будут служить порукою согласия, должностующего существовать при исполнении их между уполномоченными обеих держав». В документе декларировались намерения российского императора «изъявить гишпанскому правительству новый знак дружества и озаботиться между тем благом людей сих».

«Пункты» развивали и конкретизировали уже изложенные выше решения. Первым пунктом признавалось, что собрать и обмундировать испанских солдат раньше прекращения навигации невозможно, поэтому их следует сконцентрировать в Петербурге. Следующий пункт гласил, что пребывание в царскосельских казармах «будет для них спокойнее, чем в самом городе». Однако после формирования из испанских воинских чинов батальонов они могли быть поставлены на квартирах как в Петербурге, так и в Царском Селе. Число же этих батальонов долж-

³¹ Там же. Л. 19–21.

³² Там же. Л. 1–2.

³³ Там же. Л. 36.

³⁴ Там же. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 13.

но было зависеть от количества прибывших в Царское Село пленных и дезертиров, которые во время нахождения в России должны были снабжаться «за счет императорского величества» продовольствием, одеждой и жалованием. Надзор за ними предполагалось поручить одному из штаб-офицеров. Занятия же на зимнее время «свойственно характеру гишпанскому» должен был предложить уполномоченный его католического величества. С открытием весенней навигации испанцев предполагалось поручить «в непосредственное распоряжение испанского правительства или его уполномоченного при дворе нашем для амбаркирования из Кронштадта в Гишпанию».

Организация батальонов возлагалась на Горчакова, но она должна была основываться «на правилах совершенной независимости» от российских войск. Батальоны должны были иметь испанские знамена, обмундирование, бант (*socarde*). Более детальные меры, касающиеся формирования испанских частей (в т. ч. жалование и одежду) Горчакову предоставлялось согласовать с Зеа Бермудесом³⁵.

Однако обо всех этих планах и решениях в действующих российских войсках известно не было, и армейское командование поступить с испанскими пленными планировало по-иному.

29 сентября, находясь в Тарутине, М. И. Кутузов направил управляющему Военным министерством соображения относительно ряда категорий пленных. В связи с большим количеством сдавшихся во избежание их скопления главнокомандующий предложил испросить разрешения царя на отправку поляков на Кавказскую линию (где их можно было бы привлечь к службе), а пьемонтцев в Одессу, откуда генерал Вильсон брался отсылать их через английскую миссию в Константинополь в Сардинию. В случае одобрения этой идеи императором Кутузов просил сделать соответствующее предписание гражданским губернаторам, чтобы всех остальных пленных отправлять в Тамбовскую губернию³⁶.

Впрочем, письмо Вильсона императору Александру от 30 сентября (12 октября) позволяет сделать вывод, что инициатива перемены судьбы пьемонтцев принадлежит именно ему: «Маршал по моему настоянию, — пишет английский генерал, — отправил в Одессу всех пьемонтцев, пленных и дезертиров, и я писал г-ну Листону в Константинополь, чтобы он выслал кого-нибудь для приема оных, потому что появление их в Средиземном море будет весьма выгодно для предприятий в той стороне»³⁷. Это подтверждается и записью в дневнике Вильсона за

1 (13) ноября: «Император дозволил мне отсылать всех пьемонтцев в Одессу за русский счет, но оттуда перевозить их уже на наши деньги или на деньги короля сардинского». Также Вильсон полагал, что он сможет набрать в течение шести недель 20 тыс. солдат из немецких пленных и дезертиров, если только это будет нужно Англии³⁸.

16 октября Горчаков сообщил Вязмитинову, что император утвердил предложения Кутузова об отправке пленных поляков на Кавказскую линию, а пьемонтцев в Одессу в распоряжение дюка Э. О. Ришелье. Прочих пленных, как и было определено ранее, надлежало отправлять в Астраханскую, Пермскую, Оренбургскую, Саратовскую и Вятскую губернии³⁹. Как разъяснил Горчаков Вязмитинову 20 декабря, отправку пьемонтцев в Константинополь для отсылки их в Сардинию посредством английской миссии была тогда же, т. е. в октябре, возложена на дюка Ришелье⁴⁰.

23 октября 1812 г. Горчаков направил Ришелье очередное предписание, посвященное отправлению пьемонтцев. Однако в Одессу оно дошло только 13 ноября. К тому времени Ришелье отправился в Ольвиополь для борьбы с появившейся в селениях «по той стороне Буга» «сомнительной» болезнью, т. е. эпидемией. Однако еще до этого в ответ на предписание Горчакова за № 798 (очевидно от 16 октября, поскольку соответствующий документ, адресованный Кутузову, имел № 792) Ришелье донес управляющему Военным министерством о «невозможности в продолжение опасной болезни воспользоваться отправлением пьемонтцев в Царьград» морем. Одновременно Ришелье писал и гражданским губернаторам тех губерний, где находились пленные, чтобы они до нового повеления остановили отправку пьемонтцев. На том дело тогда и остановилось. Все это Ришелье изложил в своем отношении Горчакову от 31 декабря 1812 г., выразив надежду, что весной, когда не будет уже опасной болезни, идею об отправке пьемонтцев морем в Константинополь можно будет успешно реализовать⁴¹.

Ситуация в эпидемиологическом отношении на юге России в 1812 г. отношении действительно была сложной, так что Александр I был вынужден откомандировать на борьбу с «заразой» бывшего министра внутренних дел А. Б. Куракина, для чего под его руководством при МВД была создана особая комиссия. Во исполнение императорского указа Комитет министров 3 декабря 1812 г. предписал Куракину немедленно

³⁸ Там же. С. 89.

³⁹ ОР РНБ Ф. 152 Оп. 1. Д. 278. Л. 32.

⁴⁰ Там же. Л. 33.

⁴¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2654 Л. 69.

³⁵ Там же. Л. 42–43.

³⁶ Материалы об Отечественной войне. Подробный журнал... С. 359.

³⁷ Вильсон Р. Т. Дневник и письма. С. 178.

отправиться в район эпидемии и предоставил ему в зависимости от обстоятельств в числе прочих мер право приостанавливать движение партий рекрут и пленных⁴².

Однако всех этих обстоятельств Кутузов еще не знал и 28 октября, получив отношение Горчакова об отправлении поляков на Кавказскую линию, а пьемонтцев в Одессу, направил управляющему Военным министерством свои предложения относительно пленных испанцев и португальцев, отсылавшихся до этого времени в Петербург. Кутузов считал, что с отдалением армии от Москвы этих пленных будет гораздо удобнее отсылать также в Одессу, откуда морем на английских кораблях они уже могли быть переправлены на родину. Поэтому главнокомандующий предписал подчиненным ему военным начальникам при отправлении партий пленных всегда отдельно обозначать в списках поляков, пьемонтцев, испанцев и португальцев. Вместе с тем Кутузов просил Горчакова об отправлении испанцев и португальцев в Одессу дать особые предписания гражданским губернаторам⁴³. Впрочем, как ясно из отношения Кутузова к Горчакову от 14 декабря 1812 г., главнокомандующий «не приступал сам по себе к перемене прежнего <...> назначения» этой категории пленных, ожидая соответствующего императорского повеления. Дело так и ограничивалось указанием сведений об испанцах и португальцах в списках партий⁴⁴.

Впрочем, идея об отправке испанцев и португальцев на юг была в какой-то мере реализована в армии П. В. Чичагова. В частности, лорд Тэрконель сообщил в письме к лорду Кэткарту от 2 (14) ноября, что перебежавшие к русским 20 человек испанцев «будут отправлены по приказанию адмирала в Одессу для возвращения в отечество»⁴⁵.

Предложения Кутузова от 28 октября 1812 г. были получены в Петербурге только 2 ноября, когда были приняты уже иные решения⁴⁶.

Еще 29 октября 1812 г. последовало сразу два циркулярных предписания С. К. Вязмитинова, относящихся к пленным испанцам и португальцам. В первом управляющий Министерством полиции требовал от губернаторов уведомить его о количестве и местах нахождения португальских и испанских пленных. Вторым предписанием испанским

нижним чинам со ссылкой на высочайшее повеление устанавливалось денежное содержание в 15 коп. в сутки и солдатский провиант⁴⁷.

В тот же день, 29 октября, Вязмитинов сообщил о новых нормах снабжения испанских пленных отдельным письмом и Кутузову. Из этого документа видно, что император Александр, утверждавший эти нормы, руководствовался предложением именно Михаила Илларионовича⁴⁸. А 4 ноября в ответе на предложения от 28 октября Горчаков сообщил Кутузову о вновь принятых решениях, касающихся отправления испанцев и португальцев в Петербург и формирования из них батальонов. При этом управляющий Военным министерством просил главнокомандующего дать по армии соответствующий приказ, и если кто-то из испанских и португальских воинов уже отправлен в Одессу — возвратить их, послав вслед нарочных⁴⁹. В тот же день, 4 ноября 1812 г., Горчаков сообщил о новых решениях и Вязмитинову и просил дать губернаторам соответствующее предписание⁵⁰. Однако предписание присылать испанцев и португальцев в Петербург, а также содержать пленных португальцев наравне с испанцами Вязмитинов издал только 15 ноября⁵¹.

Впрочем, предписания управляющего Министерством полиции исполнялись, очевидно, недостаточно оперативно. Так, об отправлении португальцев и испанцев в Петербург наряду с гессенцами, вестфальцами и ганноверцами калужский гражданский губернатор дал предписание только 29 ноября⁵².

Как видно из дневника упомянутого уже Р. де Льянсы, он с товарищами был отправлен из Главной квартиры не в Петербург, а в Курскую губернию, очевидно с учетом предположения о дальнейшем отправлении их на родину южным маршрутом. Из Красного партия Льянсы вышла 14 (26) ноября и достигла Курска через 40 дней. За это время из 10 испанских офицеров пятеро погибли от истощения и обморожения. По прибытии губернатор ознакомил Льянсу как «с указом императора относительно испанцев», так и с приказом фельдмаршала, согласно которому пленники должны были провести зиму в Курске и лишь потом получить назначение в те места, «где будут собраны испанцы для

⁴² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 33. Л. 18–21.

⁴³ Материалы об Отечественной войне. Подробный журнал... С. 142; Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. II. М., 1955. С. 236.

⁴⁴ Материалы об Отечественной войне. Подробный журнал... С. 250.

⁴⁵ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). М., 2006. С. 295.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 44.

⁴⁷ Бессонов В. А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным... С. 58.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 278. Л. 12.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 48.

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 278. Л. 14.

⁵¹ Бессонов В. А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным... С. 58.

⁵² В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Обзор событий и сборник документов / Сост. В. И. Асонов. Калуга, 1912. С. 49.

доставки на кораблях на родину (в портах Черного или Балтийского моря)». Любопытно, что и сам автор дневника, придя в себя после тяжелого путешествия, объявил губернатору, что желает вернуться на родину и рассчитывает добраться туда через Крым, Константинополь, Мальту и Сицилию⁵³.

Льянса утверждал, что о предписании собирать пленных испанцев в Петербурге он узнал только в мае 1813 г., после чего и попросил губернатора отправить его в столицу. Он писал также, что обращения к испанскому послу в Петербурге, посланные им из Курска, так и не дошли до адресата, объясняя это тем, что русские хотели убедить его остаться в России⁵⁴.

Тем не менее, испанцы постепенно прибывали в Петербург и передавались в ведение Горчакова. Так, 16 октября Санкт-Петербургский гражданский губернатор по предписанию Вязмитинова направил к управляющему Военным министерством доставленных в столицу в числе прочих дезертиров Великой армии шесть испанских (это были Балтазар Бургос, Франциск де Паули, Мануэль Проен, Антуан Сантог, Доминго Костембо и Педро Арена; их имена мы приводим по русским документам)⁵⁵.

25 октября 1812 г. великий князь Константин Павлович передал Горчакову высочайшее повеление о порядке содержания и лечения пленных испанцев в столице. Военное министерство должно было отпустить на их обмундирование сукно «армейского положения» (на шинели серое, на мундиры, панталоны и шапки синее, на воротники, обшлаги и выпуск красное, на штіблеты черное), а также материал на подкладку и на три рубахи, по одной паре чулок и шерстяных носков, по две пары башмаков и по паре рукавиц на человека. Больных испанцев следовало принимать в сухопутный госпиталь и размещать в особом покое, назначив при них «для удобнейшего объяснения» говорящего по-немецки или по-французски лекаря. Выздоровливающих же испанцев из нижних чинов, находившихся в стрельнинском и ораниенбаумском госпиталях, следовало отправлять в Санкт-Петербург для представления на смотр самому великому князю⁵⁶.

Одновременно великий князь передал главе Комиссариатского департамента генерал-кригскомиссару А. И. Татищеву просьбу об отпуске под расписку чиновнику его канцелярии Ефимову сукна, пуговиц и прочих вещей на 8 человек испанцев «для зделания им образцовых

мундиров»⁵⁷. На следующий день Татищеву сообщили, что Константин Павлович получил 33 аршина серого сукна на шинели для испанцев, но просил заменить его на серое крестьянское сукно, которое можно, по его мнению, использовать для этих целей и впредь, а также отпустить 8 пар башмаков. Как видно, великий князь озаботился экономией средств, скорректировав императорское повеление в сторону удешевления обмундирования испанцев. Причем наследник престола просил прислать сукно и «товар» на башмаки прямо в Мраморный дворец⁵⁸.

16 января комиссия петербургского комиссариатского депо сообщила в Комиссариатский департамент во исполнение его предписания от 2 ноября об отпуске в Мраморный дворец некоторых вещей для прибывших в столицу испанцев. Эта была небольшая партия на 278 руб. 45 коп., включавшая в себя 33 аршина серого крестьянского сукна, 27 аршин 8 вершков синего, 3 аршина красного канцелярного, 13 аршин 26 вершков крапового, 6 аршин черного, 162 аршина рубашечного холста, 109 руб. подкладочного, 8 пар чулок, 8 пар шерстяных носков, 10 пар башмаков и 8 пар рукавиц⁵⁹.

Попытка Константина Павловича поучаствовать в «испанской истории» сразу после решения о создании батальонов обращает на себя особое внимание. Она является одним из проявлений интереса великого князя к военнопленным и к французской армии в целом. По воспоминаниям Ф. В. Булгарина, еще в ходе кампании 1807 г. при уланском полку, шефом которого был великий князь, содержалось небольшое количество французских дезертиров и пленных, демонстрировавшие приемы несения службы. Потом они были переведены в принадлежавшую Константину Павловичу Стрельну, где они стояли биваком, одетые по полной форме. Небольшая группа пленных (6 чел.) жила в Стрельне до 1811 г. на содержании великого князя⁶⁰.

В 1813 г. в Стрельне находились более двух десятков французских пленных. Большинство из прибывших в январе имели немалый опыт службы под наполеоновскими знаменами. Как полагает А. С. Терентьев, первоначально идея великого князя состояла в том, чтобы они передали свой военный опыт русским военным. Правда, обстоятельства сложились так, что в 1813–1814 гг. российских войск, кроме инвалидной команды, в Стрельне не было, и пленные, прибывавшие туда в середине

⁵⁷ РГВИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.

⁵⁸ Там же. Л. 7.

⁵⁹ Там же. Л. 31.

⁶⁰ Терентьев А. С. Военно-учебный лагерь цесаревича Константина Павловича в Стрельне накануне Отечественной войны 1812 г. // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов. Бородино, 2015. С. 163–170.

⁵³ Сагомонян А. А. Война 1812 года глазами испанского офицера. С. 107–108.

⁵⁴ Там же. С. 108.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 23.

⁵⁶ Там же. Л. 24.

1813 г., были в основном музыкантами. Один из пленных даже проживал в Мраморном дворце⁶¹. Очевидно, повышенное внимание Константина Павловича в октябре 1812 г. к испанцам стало отправной точкой для дальнейших шагов в этом направлении. Впрочем, и в последующие месяцы великий князь как лично, так и через своего адъютанта А. А. Жандра продолжал участвовать в организации пребывания испанцев в Петербурге и Царском Селе.

После принятия решения о формировании из испанцев и португальцев батальонов российская и испанская стороны приступили к активной его реализации. Это означало наступление нового этапа в пребывании испанских и португальских пленных в России.

Одной из важнейших задач было установление среди бывших солдат Великой армии воинской дисциплины. Поэтому по договоренности с Горчаковым и в соответствии с данными испанскими властями полномочиями Зеа Бермудес решил восстановить «прежние чины и должности тех», кто был сержантами и капралами еще в рядах испанской армии. Причем, подходя со всей осторожностью к рассмотрению доказательств прежней службы тех или иных лиц в качестве унтер-офицеров, испанский дипломат вынес этот вопрос на рассмотрение всех нижних чинов, которые единодушно подтвердили представленные данные. Судя по составленному списку, среди испанцев в столице насчитывалось 6 сержантов, 8 старших капралов и 6 вторых капралов.

Сам Зеа Бермудес произвел в сержанты только рядового Игнацио Паллеса «в вознаграждение его мужества и преданности». Заслуга его состояла в том, что он не только дезертировал из армии Наполеона, но и вернулся затем в нее с целью распространения написанной испанским представителем прокламации и для возбуждения своих товарищей «к ваящим побегам». Решение о производстве Паллеса в сержанты вызвало общую поддержку среди собранных в столице испанцев. Сообщив об этом Горчакову 30 октября, испанский дипломат обещал придерживаться подобной же практики и в дальнейшем. Он подтвердил, что испанские войска «обязаны соблюдать строгий порядок сколько для собственной их пользы, столь и из признательности к милосердию и щедрости его императорского величества и российского народа»⁶².

В своем ответе от 4 ноября Горчаков полностью поддержал принятое Зеа Бермудесом решения и подтвердил, что производство в чины он должен сам осуществлять и впредь, поскольку именно ему предоставлено внутреннее управление испанцами и непосредственный надзор

за ними⁶³. Как следует из ноты испанского уполномоченного управляющему Военным министерством от 7 ноября, таким ответом он был вполне доволен. Дипломат заявил, что принимает на себя все внутреннее управление и надзор за испанцами, имеет к ним большое доверие и весьма доволен их поведением.

Но все же Зеа Бермудес выразил опасение, что обеспечить среди испанцев и португальцев порядок и повиновение «в столь обширной столице, каков Петербург», весьма затруднительно, поскольку «в таком множестве людей всегда могут сыскаться такие, коих поступки не всегда соответствовали бы обращению их товарищей». Опасаясь эксцессов, которые могли бы оскорбить жителей союзной столицы, представитель испанских властей предлагал как можно скорее исполнить решение императора и вывести испанцев в Царское Село. «Нет сомнения, — писал он, — что там для частной их удобства, как и для общего образования будет лучше, нежели здесь». Опасаясь, что чрезвычайная свобода, которой испанцы пользовались в Петербурге, подаст повод к нарушению ими «своих обязанностей», Зеа Бермудес ходатайствовал об удалении испанцев из столицы даже не дожидаясь их обмундирования, а прямо «в том положении, в котором они находятся». Об этих обстоятельствах испанский дипломат просил Горчакова довести до сведения императора, а кроме того ходатайствовал об ускорении доставки испанцев из Ревеля, которые в случае дальнейших проволочек «по недостатку одежды и суровости погоды подвергнутся гораздо большим неудобствам»⁶⁴.

О том, что в решении разместить испанцев именно в Царском Селе не последнюю роль играли полицейские соображения, свидетельствует письмо Ф. Шуберта к сыну из Петербурга от 6 декабря 1812 г. «Здесь у нас было несколько сотен испанских перебежчиков, — сообщает он, — но теперь их всех отправили, после того как трое из них были наказаны кнутом за убийство одного русского (говорят, в публичном доме)»⁶⁵.

Рассмотрев доклад Горчакова, где излагалось содержание просьбы испанского дипломата, император подтвердил свое решение о переводе испанцев из Петербурга в царскосельские казармы, но повелел «сперва обделать и вытопить казармы сии»⁶⁶. Это решение Александра I управляющий Военным министерством сообщил Зеа Бермудесу 17 ноября 1812 г.⁶⁷

⁶³ Там же. Л. 58.

⁶⁴ Там же. Л. 62–64.

⁶⁵ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 7. М., 1903. С. 361.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 70.

⁶⁷ Там же. Л. 68.

⁶¹ Терентьев А. С. Французские военнопленные в Стрельне в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012. С. 337–345.

⁶² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 54–55.

Но уже 15 ноября инспекторский департамент сообщил Горчакову, что в соответствии с предписанием последнего адъютант великого князя Константина Павловича полковник лейб-гвардии Конного полка А. А. Жандр просил об отпуске «всех потребностей» в Софийские казармы, где было решено разместить испанцев и португальцев (София — город, учрежденный в 1780 г. и расположенный по соседству с императорской царскосельской резиденцией). В итоге департамент предписал находящемуся при казармах подполковнику Бикбулатову отвести испанцам пустые помещения и выделить для пленных нужное количество дров, свечей и «других потребных вещей»⁶⁸.

Как было выполнено императорское повеление в части подготовки казарм для размещения пленных, неизвестно, поскольку перевод испанцев и португальцев из столицы осуществлялся в экстренном порядке. Как следует из рапорта Санкт-Петербургского коменданта генерал-майора П. Я. Башуцкого от 18 ноября, 205 испанцев и португальцев еще накануне под командой майора Кексгольмского пехотного полка Ризенкампа (в документах иногда Розенкампа)⁶⁹ вышли в Софию. Из того же документа ясно, что всего их в столицу от Нарвского коменданта было прислано 241 чел. и по высочайшему повелению, объявленному Вязмитиновым 23 октября, им производилось по 25 коп. кормовых денег на человека в сутки⁷⁰. В отношении Горчакова к Вязмитинову от 20 ноября сказано, что «находящиеся здесь <т. е. в столице — Б. М.> гишпанцы отправлены в Царское Село и помещены в тамошних казармах»⁷¹.

Проблема размещения испанцев и португальцев в казармах была тесно связана с выяснением их общей численности в России. Поэтому, сообщив испанскому представителю решение царя о выводе испанцев из столицы, в тот же день 17 ноября Горчаков запросил Вязмитинова, сколько их находится в ведении Министерства полиции, причем требовал предоставить данные по каждой губернии с приложением именных списков «чиновников», т. е. офицеров⁷². На следующий день Вязмитинов ответил, что точных сведений о числе пленных в его министерстве нет и не может быть до тех пор, пока пленные не придут к местам назначения. На основании же присылаемых сведений о пленных в период их движения по губерниям сделать «основательного счета» «никак невозможно», потому что одни и те же пленные

фигурируют в отчетах разных губернаторов. Проблема общей численности пленных волновала и самого Вязмитинова, но он, наоборот, хотел от самого Горчакова получить «подробнейшие сведения» о том, сколько пленных было передано гражданскому начальству из действующих армий⁷³.

Серьезными вопросами были обеспечение пленных деньгами и медицинской помощью. Так, 21 ноября управляющий Военным министерством попросил управляющего Министерством полиции дать распоряжение об отпуске для находящихся в столице испанцев кормовых денег, причем предложил выплачивать их не на 10 дней, а на месяц вперед, чтобы дать возможность «к заведению» пленными «хозяйственных вещей, так равно и артелей». Кроме того, Горчаков просил о выделении обывательских подвод под своз в госпитали больных⁷⁴. Об этом своем обращении к Вязмитинову Горчаков поставил в известность Жандра и Зеа Бермудеса⁷⁵.

23 ноября главнокомандующий в Санкт-Петербурге сообщил управляющему Военным министерством, что отнесся к министру финансов, дабы тот предписал казенной палате выдавать Ризенкампу деньги, причем срок, на который следовало вперед их выплачивать испанцам и португальцам, Вязмитинов предоставил определять Горчакову самому. Отдал Вязмитинов и гражданскому губернатору предписание о выделении подвод для больных⁷⁶. Состояние здоровья испанцев в условиях русской зимы вызывало беспокойство у военного начальства. В январе 1813 г. до Горчакова дошли сведения, будто бы среди них в царскосельских казармах распространяются болезни, и он поручил Жандру произвести проверку. Однако посланный в казармы штаб-лекарь лейб-гвардии Конного полка сообщил, что «никаких заразительных болезней между оными гишпанцами не происходит, и в казармах как чистота, так и воздух наблюдаются исправно»⁷⁷.

Были предприняты и шаги по обмундированию имевшихся налицо в столице и ее окрестностях испанских солдат Великой армии. После получения через Константина Павловича императорского повеления от 25 октября этим вопросом занялся уже и Горчаков, предписав 27 октября генерал-кригскомиссару Татищеву исполнить высочайшую волю и составить особый счет об истраченной сумме «для истребования оной в возврат

⁶⁸ Там же. Л. 50.

⁶⁹ См.: *Мередиш В. Ф.* 165 лет Кексгольмского гренадерского императора австрийского полка. 1710–1875. Варшава, 1876. Приложения. С. 44.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 84.

⁷¹ Там же. Л. 82.

⁷² Там же. Л. 72.

⁷³ Там же. Л. 74–75.

⁷⁴ Там же. Л. 86.

⁷⁵ Там же. Л. 88.

⁷⁶ Там же. Л. 94.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 4–5.

в свое время»⁷⁸. На следующий день, 28 октября, генерал-кригскомиссар предписал комиссариатскому департаменту отпустить на обмундирование испанцев «тому, кто явится для приема», вещи и материалы, указанные в высочайшем повелении. Одновременно он отнесся и к главному смотрителю Санкт-Петербургского военного госпиталя генерал-майору Д. Ф. Вындомскому, который должен был обеспечить размещение и лечение в этом госпитале больных испанцев⁷⁹. Департамент же в свою очередь отдал предписание Санкт-Петербургской комиссариатской комиссии, которая должна была отпустить те вещи и материалы, которые у нее имелись, и купить все недостающее, предварительно донеся департаменту о последних ценах⁸⁰. А 5 ноября великий князь Константин Павлович затребовал у комиссариатского департамента отпустить обмундирование на 248 человек. Кроме полного комплекта вещей, прописанных в высочайшем повелении, Константин Павлович потребовал еще на каждого галстук с манишкой и 48 ранцев с ремнями и пряжками (у остальных 200 чел. они имелись). Принимать вещи должен был майор Кексгольмского пехотного полка Ризенкампф⁸¹. 12 ноября департамент сообщил это требование к исполнению комиссии Санкт-Петербургского комиссариатского депо⁸².

В ноябре — декабре 1812 г. властям пришлось решать ряд проблем, связанных с одеждой пленных испанцев и португальцев, прибывающих в столицу из Нарвы. Как сообщал Петербургский губернатор Вязмитинову 9 ноября, все партии пленных при отправлении снабжались в соответствии с законодательством. Исключение составляла партия пленных испанцев, присланных в Нарву от эстляндского гражданского губернатора. На ее продовольствие и препровождение до столицы к Нарвскому коменданту пришлось выслать деньги. Одежду партия должна была получить еще в Ревеле, но в каком состоянии она в итоге прибыла в столицу, губернатор сказать не мог, поскольку была сразу же сдана в ведение коменданта⁸³. В ноябре 1812 г. Горчаков предписал Нарвскому коменданту генерал-майору И. Н. Ефимовичу в случае, если среди находящихся в его распоряжении пленных находятся испанцы, немедленно отправлять их в Петербург. При этом «для сбережения» детей солнечной Иберии «в пути от болезней» следовало назначать «ростахи», а переходы делать небольшими⁸⁴.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20. Л. 8–9.

⁷⁹ Там же. Л. 1.

⁸⁰ Там же. Л. 4–5.

⁸¹ Там же. Л. 7–10.

⁸² Там же. Л. 11.

⁸³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 767. Л. 9.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 76.

17 ноября Ефимович ответил, что для препровождения в столицу прибывших из Ревеля 600 испанцев к нему был прислан от Петербургского гражданского губернатора чиновник. Однако поскольку пленные были без одежды и обуви, Ефимович отправить их в путь не решился, а обратился за разъяснениями к Вязмитинову, который со ссылкой на высочайшее повеление предписал одеть пленных сообразно времени года. Но одежды в Нарве купить не удалось, поэтому комендант 12 ноября обратился к главнокомандующему в Петербурге вторично⁸⁵. Вязмитинов предписал Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору купить нужную для испанцев одежду в соответствии с присланной Ефимовичем ведомостью и отправить ее в Нарву с нарочным. Однако губернатор возражал против такого решения, поскольку считал издержки на покупку одежды напрасными, ибо в столице испанцев все равно нужно было обмундировывать в соответствии с высочайшим повелением. В результате управляющий Министерством полиции изменил свое решение, предписав отправить в Нарву лишь ту одежду, «которая сберегала бы сих военнопленных от стужи во время препровождения». Но с учетом тех требований, которым согласно предписаниям Вязмитинова должна была соответствовать зимняя одежда пленных, и такое решение казалось губернатору нарушающим интересы казны. В итоге он вступил в переговоры с Горчаковым, который согласился послать в Нарву 200 шинелей из Санкт-Петербургского военного госпиталя (в дополнение к приготовленным при ордонансгаузе), 200 пар сапог с полчулками, 200 пар варежек и 200 суконных фуражек. Таким образом можно было доставить из Нарвы 200 человек. Об этом решении губернатор сообщил Ефимовичу 30 ноября, предписав, чтобы пленные направлялись прямо в Царское Село, где одежду от них следовало отобрать и отправить обратно в Нарву для транспортировки следующей партии. Но только 7 декабря губернатор сообщил управляющему Военным министерством об отправлении 200 шинелей в Нарву⁸⁶.

Получив рапорт Ефимовича от 17 ноября, Горчаков 20 ноября приказал Жандру для ожидавшихся из Нарвы испанцев также подготовить в Царском Селе казармы. Тогда же он отнесся с просьбой к Вязмитинову направить как упомянутых 600 чел., так и прочих испанцев в Царское Село напрямую⁸⁷.

Испанцы из Нарвы начали поступать в середине декабря. 16 декабря Ризенкампф донес Горчакову о прибытии 273 человек. В процессе перемещения их в Царское Село возник ряд трудностей. Так, прибыв-

⁸⁵ Там же. Л. 78.

⁸⁶ Там же. Л. 102–104.

⁸⁷ Там же. Л. 80–82.

шие жаловались, что недополучили кормовых денег (из расчета 25 коп. на день) на общую сумму в 68 руб. 25 коп.⁸⁸ В связи с этим Ефимович донес 31 декабря, что ошибка в выплате произошла из-за спешности отправления и составила всего 13 руб. 65 коп., которые были высланы вскоре в Царское Село Ризенкампфу⁸⁹.

План Санкт-Петербургского губернатора сэкономить на одежде при транспортировке пленных также оказался трудновыполнимым. Ризенкампф сообщил, что немедленно обмундировать пленных невозможно, кроме того, некоторые из них уже сносили выданные им сапоги и чулки (очевидно, качество этих вещей оставляло желать лучшего). А свою собственную остававшуюся у них амуницию испанцы продали еще в Нарве. Обо всем этом Горчаков уведомил губернатора 23 декабря⁹⁰. Губернатор обратился к управляющему Военным министерством с просьбой разрешить покупку дополнительных вещей для пленных испанцев, подлежащих переводу в Царское Село — в Нарве таких оставалось еще 335 чел. Более того, губернатор планировал после размещения их в Софии и обмундирования отправить освободившуюся одежду для находившихся в Нарве в работах 170 пленных. А между тем из Петербургского военного госпиталя требовали вернуть 200 шинелей, за которыми был даже прислан специальный чиновник⁹¹. И поскольку комиссариатский департамент обмундировать испанцев в короткие сроки оказался действительно не в состоянии, Горчаков вынужден был на требование губернатора 31 декабря 1812 г. согласиться⁹². Шинели, отправленные из госпиталя, принадлежали находившимся там больным военнослужащим, которые предположительно должны были задержаться на лечении «недели две». Но как следует из рапорта смотрителя Петербургского военного госпиталя в комиссариатский департамент от 2 апреля 1813 г., эти вещи так и не были возвращены⁹³. На запрос военных Петербургский гражданский губернатор объявил, что Горчаков согласен на оставление этих шинелей у прибывших испанцев до снабжения их положенным обмундированием. В связи с этим комиссариатский департамент предписал отправить в Петербургский госпиталь 200 шинелей взамен взятых⁹⁴.

Следующая партия испанцев должна была выступить, по донесению Ефимовича, во главе с констапелем морской артиллерии Толстым

из Нарвы 15 февраля 1813 г., а оставшиеся в тамошнем госпитале больными 60 чел. покинули Нарву под командованием штабс-капитана Григорьева 3 марта⁹⁵. 12 апреля из Нарвы в Царское Село были отправлены еще 9 чел. (из 10 прибывших в Нарвский ордонансгауз из дерптского военно-временного госпиталя)⁹⁶.

Обмундирование испанцев было одним из важнейших вопросов, которым власти занимались в течение зимы. 31 декабря 1812 г. управляющий Военным министерством вновь напомнил комиссариатскому департаменту о необходимости срочно одеть прибывших в Царское Село солдат Наполеона по форме испанского образца в соответствии с его распоряжением от 27 октября. Число испанцев, подлежащих размещению в Царском Селе, по данным Горчакова, доходило до 758 чел.⁹⁷ Происхождение этой цифры не вполне понятно, но можно предположить, что управляющий Военным министерством заимствовал ее из донесения эстляндского гражданского губернатора, полученного в Петербурге в начале октября. Ведь все следовавшие от него пленные должны были в итоге оказаться в Царском Селе. В конце декабря начальник 1-го отделения комиссариатского департамента генерал-майор Н. И. Аникин доложил Горчакову о том, что синего сукна для пошива мундиров и панталон испанцам не хватает. Управляющий Военным министерством предписал Аникину организовать закупку сукна и объяснить по вопросу обмундирования испанцев с Зеа Бермудесом. В ходе беседы испанский полномоченный по имени «способов к шитью вещей» попросил отпустить их готовыми, в частности, требовалось 34 комплекта для унтер-офицеров и 1000 для рядовых. Более того, Зеа Бермудес прислал «для образца» одного одетого испанца, мундир и панталоны которого были пошиты из сукна лучшего качества, чем то, которое отпускалось в российские войска. На «образцовом» солдате были широкие панталоны, вместо башмаков сапоги, а штіблеты отсутствовали вовсе. Очевидно, все это удорожало стоимость обмундирования. Чтобы найти выход из трудной ситуации, Аникин договорился о покупке требуемого количества синего сукна (3619 аршин) у казанского купца Василия Патюкова, который предложил пошить нужные вещи за месяц. Дело облегчалось тем, что у Патюкова действовала швальня для обмундирования Русско-немецкого легиона. Других же желающих исполнить заказ не нашлось⁹⁸. 2 января 1813 г. Аникин донес обо всем этом Горчакову, приведя цены. В итоге мундир с панталонами обходился в 4 руб., сапоги в 2 руб. 10 коп.,

⁸⁸ Там же. Л. 114.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 7.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 118, 120.

⁹¹ Там же. Л. 130.

⁹² Там же. Л. 132.

⁹³ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 43.

⁹⁴ Там же. Л. 47, 48.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 26, 27.

⁹⁶ Там же. Л. 51.

⁹⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 134; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 12.

⁹⁸ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 17–19.

рубашка в 25 коп., фуражка (также из материалов Патюкова) в 2 руб. 50 коп., галстук в 80 коп., рукавицы в 1 руб. Нашивки на воротниках для унтер-офицеров обходились в 3 руб. 50 коп., а пара эполет — в 4 руб. 50 коп.⁹⁹ Управляющий Военным министерством одобрил условия контракта, и 16 января комиссариатский департамент предписал комиссии петербургского комиссариатского депо организовать взаимодействие с Патюковым и выдать ему имеющиеся у нее материалы¹⁰⁰.

Таким образом, вопрос о снабжении вещами испанцев в основном был решен — за исключением шинелей. Вскоре была урегулирована и эта проблема. 13 февраля комиссариатский департамент сообщил комиссии петербургского комиссариатского депо, что способ снабжения пленных испанцев шинелями, оставшимися от рекрут, признан неудачным. Они доставлялись «весьма ветхими от бывшего употребления», кроме того, выздоравливающих из госпиталей было также предписано снабжать рекрутскими шинелями. Поэтому Горчаков согласился с предложением Аникина привлечь к делу «промышленников». В итоге был заключен контракт с купцом Иваном Зверковым и крестьянином Иваном Горшковым, которые выразили готовность поставить по 500 шинелей, ценой в 15 руб. каждая. Шить их следовало из крестьянского сукна по образцам, данным из комиссариатского департамента¹⁰¹. О ходе выполнения контрактов на обмундирование, очевидно, свидетельствует недатированный документ, отложившийся среди бумаг комиссариатского департамента за февраль–март 1813 г. Согласно ему, для испанцев были построены следующие вещи: 90 комплектов из мундира и панталон для унтер-офицеров, 16 для музыкантов и 494 для солдат, а также 350 красных волосяных перьев (50 из них «ундерских» и 300 «гранадерских»), 600 кокард, 50 «ундерских аполетов», по 600 галстуков, фуражек и рукавиц, 1800 рубах, 1200 сапог, 1924 штуки шаровар и столько же ранцев¹⁰².

3 марта 1813 г., «снисходя на просьбу» Зеа Бермудеса снабдить испанцев и португальцев киверами, Горчаков предписал комиссариатскому департаменту отпустить 1000 киверов, из остававшихся еще в запасе нескольких тысяч сделанных по «прежнему образцу»¹⁰³.

Наконец, 2 апреля Горчаков приказал генерал-кригскомиссару выдать испанцам и португальцам в Царском Селе по ходатайству Зеа Бермудеса 15 барабанов и 6 флейт¹⁰⁴. А 18 апреля Татищев велел отправить

Зеа Бермудесу 200 портупей с пряжками. Впрочем, об исполнении этого предписания комиссия петербургского комиссариатского депо рапортовала только 20 июня¹⁰⁵.

Важным был и вопрос о командном составе формируемой воинской части. 26 февраля 1813 г. по просьбе испанского уполномоченного Горчаков предписал коменданту Мемеля генерал-майору П. П. Шрейдеру направить в Петербург для принятия команды над обитателями царскосельских казарм начальника находившихся в Мемеле испанцев полковника Александра Одонеля (Алехандро О'Доннелла). Дело в том, что Мемель был вторым по значению пунктом сбора испанских и португальских пленных, о чем пойдет речь далее. С собой Одонель должен был взять еще четырёх офицеров, а команду в Мемеле предстояло принять старшему после него офицеру. При этом Горчаков разрешил использовать находившихся там испанцев по их желанию в гарнизонной службе.¹⁰⁶ Одонель с тремя офицерами прибыл в Царское Село 28 марта, однако софийское уездное казначейство за неимением специальных предписаний отпустить на них деньги отказалось. Ризенкампф обратился к Горчакову с просьбой решить этот вопрос¹⁰⁷.

9 апреля управляющий Военным министерством сообщил Татищеву нормы денежного довольствия для испанцев и португальцев. Полковнику полагалось по 350 руб., капитану по 116 руб., поручикам по 86 руб., сержантам по 20, капралам по 15 и кадетам — по 28 руб. в месяц. Согласно майским данным, лекарь получал 60 руб. в месяц. Офицерам под расписку Одонеля деньги выдавались на два месяца вперед. К числу офицеров, помимо самого Одонеля, принадлежали капитаны дон Мануил Баланжер и дон Томас Передз (в документах иногда Перец), а также поручики дон Жуан Демблан и дон Антонио Миранда. Источником выплат были деньги, ассигнованные на орловские легионы, также составлявшиеся из пленных¹⁰⁸.

Охрану испанцев в Царском Селе осуществляли чины 2-го морского полка под командой упомянутого майора Ризенкампфа, однако уже 4 декабря 1812 г. Горчаков предписал сменить их, назначив для этих целей знающего немецкий язык обер-офицера, а также 2 унтер-офицеров и 20 рядовых из петербургского внутреннего гарнизонного батальона¹⁰⁹.

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 50; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 50, 84.

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 23.

¹⁰⁷ Там же. Л. 49.

¹⁰⁸ Там же. Л. 37, 82–83. Об орловских легионах см.: *Миловидов Б. П.* История орловских легионов из военнопленных. 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. VI // Труды Государственного исторического музея. Вып. 166. М., 2007. С. 186–199.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 98.

⁹⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰⁰ Там же. Л. 34–28.

¹⁰¹ Там же. Л. 39.

¹⁰² Там же. Л. 38.

¹⁰³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 24; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 41.

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 36.

Для присмотра за испанскими пленными в Софию был командирован прапорщик Арнольд, но 23 декабря Ризенкамппф сообщил, что тот заболел и просил прислать ему замену¹¹⁰. Соответствующее распоряжение Горчакова последовало 8 января 1813 г.¹¹¹ Поскольку численность пленных испанцев в Царском Селе перевалила за 500 чел., Ризенкамппф оказался вынужден 23 января 1813 г. просить Горчакова об усилении конвоя, который состоял только из 22 чел.¹¹² Управляющий Военным министерством запросил мнение Жандра, отметив, что не думает, будто «поведение сих пленных могло требовать усиление надзора». Однако Жандр поддержал Ризенкамппфа, написав 1 февраля, что усиление конвоя хотя бы «в половинное число противу уже состоящего» нужно и особенно при наступившей оттепели, чтобы пленные не могли «шататься и не оставались без должного надзору»¹¹³.

О том, что поведение испанцев все-таки внушало некоторые опасения, свидетельствует и приказ Горчакова Ризенкамппфу никого из них ни под каким видом не отпускать в столицу. Тем не менее, приказ этот нарушался. Предлогами для посещения Петербурга была продажа корзин (очевидно, испанцы, сидя в казармах без всякого дела, занялись их плетением и старались пополнить свой бюджет) и подача просьб Зеа Бермудесу. 3 марта Горчаков сообщил Ризенкамппфу, что двое испанцев с его разрешения были задержаны петербургской полицией и подвергнуты аресту. Управляющий Военным министерством вынужден был вторично подтвердить свой приказ, пояснив, что прошения на имя испанского уполномоченного следует подавать по команде¹¹⁴. Не соблюдали испанцы и некоторые правила внутреннего распорядка, на которых настаивали российские власти. Так, бывшим воинам Наполеона «неоднократно было запрещаемо» рубить в казармах дрова и для этих целей специально отвели сарай, «но оные нисколько приказания не выполняли». Не действовали даже распоряжения Зеа Бермудеса и полковника Одонеля. И, как доносил Ризенкамппф Горчакову 14 апреля, испанцами «тихим образом в ночное время производится рубка дров в казармах» и «оттого полы местами в покоех изрублены»¹¹⁵.

В целом меры, предпринимавшиеся российскими властями в осенне-зимний период 1812–1813 гг., были направлены не только на сохранение жизни и здоровья находившихся в царскосельских казармах

испанцев и португальцев, но и на превращение их хотя бы в подобие полноценной воинской части.

Уже в декабре 1812 г. Горчаков стал думать об отправке испанцев и португальцев с открытием навигации на родину. В связи с этим он считал необходимым перевести их в Кронштадт. Поэтому, «имея предположение дать выгоды в квартирах означенным гишпанцам», управляющий Военным министерством 8 декабря поручил адъютанту Константина Павловича Жандру подобрать в Кронштадте подходящие казармы и просил содействовать ему в этом кронштадтского военного губернатора вице-адмирала Ф. В. фон Моллера¹¹⁶. Однако Жандр заболел и прислал в Кронштадт своего адъютанта поручика Телесницкого, который нашел удобными для помещения испанцев гарнизонные казармы. Эти казармы зимой стояли пустыми, и для того чтобы вовремя начать их протапливание, Моллер попросил 13 декабря Горчакова сообщить о точных сроках прибытия испанцев. Однако управляющий Военным министерством вскоре изменил свое решение, сообщив военному губернатору 23 декабря, что считает перевод испанцев в Кронштадт ненужным¹¹⁷.

Отправление испанцев, несмотря на предписания Вязмитинова от 24 декабря 1812 г. и 28 января 1813 г. о приостановлении транспортировки пленных, продолжалось и зимой. Так, 2 января 1813 г. в Петербург двинулась в путь партия испанцев из Орла: 1 обер-офицер, 162 нижних чина и 2 женщины¹¹⁸. В данном случае, очевидно, местные власти просто не успели получить предписание. Однако в других случаях причиной была несогласованность действий военного и гражданского начальства.

В начале 1813 г. наряду с Царским Селом появился еще пункт сосредоточения пленных испанцев и португальцев — расположенный на Балтийском побережье прусский Мемель, занятый русскими войсками 15 (27) декабря 1812 г. Очевидно, это было связано с российско-прусским сближением, завершившимся подписанием 15–16 (27–28) февраля Калишского союзного договора. Уже 16 февраля 1813 г. Горчаков передал литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову высочайшее повеление о препровождении всех испанских и португальских пленных, «в какую бы сторону <они> ни были посланы до сих пор», в Мемель «для пересылки оных весною морем в Гишпанию». Этого решения добился по просьбе своего правительства Зеа Бермудес¹¹⁹. Од-

¹¹⁰ Там же. Л. 136.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 2.

¹¹² Там же. Л. 9.

¹¹³ Там же. Л. 10, 12.

¹¹⁴ Там же. Л. 25.

¹¹⁵ Там же. Л. 47.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 100.

¹¹⁷ Там же. Л. 108, 110.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 129 об.

¹¹⁹ *Томилин С. В.* Отголоски войны 1812–1813 гг. в Северо-Западном крае. Сборник документов из архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления. Вильна, 1912. С. 162–163.

нако, по всей видимости, литовский военный губернатор узнал о поведении раньше, чем получил его от управляющего Военным министерством. Уже 17 февраля он донес императору об отправлении в Мемель оставшихся в виленском госпитале 1 офицера и 67 рядовых испанцев и португальцев, которых обмундировал и снабдил трофейными саблями¹²⁰. В Мемель же предписание П. М. Волконского о сосредоточении там испанцев и отправке их при первом удобном случае через Англию в Испанию было направлено 19 февраля¹²¹. На какие губернии первоначально распространялось повеление, установить пока не удалось.

Зимой 1812–1813 гг. более 200 испанских и португальских офицеров и рядовых оказались среди военнопленных в Вильне. Перед отправкой властям пришлось позаботиться об их одежде, поскольку у этих пленных, как и у многих других, не было ни шинелей, ни рубашек. По данным Ф. А. Кудринского, в Мемель в итоге ушла партия из 68 человек. Куда делись остальные, непонятно¹²². Впрочем, С. В. Томилин опубликовал список «отправляющимся до города Мемеля» офицерам и рядовым испанцам, подписанный генералом Э. Ф. Сен-При и насчитывавший 187 имен, причем только четверо отмечены в нем как не явившиеся¹²³.

По донесению витебского гражданского губернатора К. К. Лешерна Вязмитинову от 20 января, в его распоряжении находилось 200 чел. испанцев и португальцев. Одежда на каждого из них (куртка, панталоны, лапти, обертки для ног, фуражка, шинель и рукавицы с варежками) стоила 39 руб. 75 коп. и, следовательно, на всех нужно было 7950 руб. Что же касалось других пленных, то из соображений экономии губернатору удалось уговорить местных помещиков одевать их «от земли», т. е. бесплатно для казны¹²⁴. В ответ на это донесение Горчаков 27 февраля сообщил витебскому гражданскому губернатору К. К. Лешерну высочайшее повеление о необходимости отправлять всех испанцев и португальцев в Мемель¹²⁵.

Однако в ряде случаев испанцев и португальцев продолжали отправлять в прежний пункт назначения. Горчаков узнав, что в Костромской губернии находятся 124 чел. испанцев и португальцев, отнесся 10 марта 1813 г. к губернатору, чтобы тот направил их под командой доверенного гражданского чиновника (офицера для этих целей в губернии было не найти) в Царское Село¹²⁶. Получив это предписание, губернатор ис-

полнил его и пленники двинулись в путь под надзором квартального надзирателя Радожицкого, о чем и было сообщено Горчакову 25 марта. Задержку губернатор объяснял тем, что не мог без специального указания центральных властей нарушить предписание Вязмитинова от 28 января о приостановке движения всех пленных¹²⁷.

Волконский 6 февраля просил Римского-Корсакова присланных от полоцкого коменданта пленных отправить по прибытии их в Вильну на почтовых в Петербург к Вязмитинову для отдачи в распоряжение испанского посланника. К документу был приложен и список пленных. Можно предположить, что это список, включающий 7 чел. испанских пленных и подписанный Волконским, который в публикации С. В. Томилина напечатан отдельно от предписания виленскому военному губернатору¹²⁸.

Часть пленных испанцев до конца зимы 1813 г. жила в Ковне. 11 марта в ответ на требование Римского-Корсакова от 6 марта ковенский комендант подполковник Кемпен прислал список находившихся в городе пленных испанских обер-офицеров и нижних чинов. Он сообщил, что только один пленный испанец в январе был отправлен в Минск, когда еще не имелось «на это никакого предварительного предписания». По словам коменданта, находившиеся в Ковне испанцы были «крайне ободраны, так что для обмундирования оных все вещи необходимо нужны, на каковые, а равно и на отпуск им кормовых денег» соответствующих сумм в распоряжении Кемпена не имелось. В приложенном списке значились двое поручиков (Жан Жуне и Бернар Араугус), один унтер-офицер и 40 рядовых (шестеро из них были в госпитале). Кроме того, в Кайданах имелось еще некоторое число пленных испанцев, точно коменданту неизвестное¹²⁹.

Важнейшее событие для пленных испанцев и португальцев произошло 20 апреля (2 мая) 1813 г., когда идея формирования из них отдельной воинской части получила свое окончательное оформление. Согласно рапорту Горчакова императору, в этот день после молебна в придворной церкви по случаю взятия Торна испанцы и часть португальцев, расположенные в Царском Селе (всего 1100 чел), были приведены прибывшим в Петербург в декабре 1812 г. испанским посланником Бардахи Азара (так писалась в русских документах XIX в. фамилия Э. де Бардахи-и-Азара, иногда даже с переменной местами частей или усечением до Бардахи) и уполномоченным в делах Зеа Бермудесом к присяге. Испанцы присягали Фердинанду VII, а португальцы принцу регенту Иоанну.

¹²⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 35.

¹²¹ Там же. Л. 67.

¹²² Кудринский Ф. А. Вильна в 1812 г. Вильна, 1912. С. 145.

¹²³ Томилин С. В. Отголоски войны 1812–1813 гг... С. 159–162.

¹²⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 13.

¹²⁵ Там же. Л. 22.

¹²⁶ Там же. Л. 28.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 48.

¹²⁸ Томилин С. В. Отголоски войны 1812–1813 гг... С. 163.

¹²⁹ Там же. С. 184–186.

Предварительно они все были обмундированы согласно образцам формы, представленным Горчакову дипломатами. День для торжественной церемонии был избран не случайно — это была годовщина начала Мадридского восстания 1808 г., ознаменовавшего начало борьбы испанского народа против французских оккупационных войск. Рано утром в Царском Селе в присутствии всех испанцев и португальцев на Софийской площади аббат Цезари отслужил торжественный молебен. Вскоре затем прибыл управляющий Военным министерством, присутствия которого на церемонии желал испанский посланник. Среди приглашенных были также посланники короля Обеих Сицилий А. Серра-Каприола и сардинского короля Ж. де Местр, а также чиновники английской миссии, португальский поверенный в делах и придворные особы.

Бардахи Азара прочел торжественную речь¹³⁰. В ней он обосновал избранную для присяги дату — «достопамятный день <...> напоминающий нам вероломство мерзкого Наполеона Бонапарте, день, ознаменованный кровью первых страдальцев верности, свободы и независимости испанской, составляющий отныне эпоху в летописях нашего народа». Затем посланник напомнил своим соотечественникам, что они, «увлечены быв насилием, принуждены были служить под святотатственными знаменами наивеличайшего изверга, какого природа когда-либо произвела». И лишь божественная воля избавила их от «поноснейшего рабства» и позволила соединиться на берегах Невы «под благотворным покровительством великого Александра, императора всероссийского, избавителя Европы и особенно благодетеля нашего». И именно в знак благодарности за многочисленные благодеяния российского самодержца испанский полк будет именоваться «Императорским Александра» (d'Impérial Aléxandre). Бардахи Азара заявил, что испанцы должны быть счастливы принести присягу, которую он требует от них как представитель Фердинанда VII, и сражаться затем на берегах Эбро для защиты своей «святой религии <...> короля и отечества». Посланник напомнил о подвигах испанского народа в борьбе против наполеоновских войск и о том, какой большой труд еще предстоит совершить для освобождения родины. «Ступайте, спешите и довершайте изгнание неприятеля, попирающего еще часть прекрасной вашей земли», — призвал он своих соотечественников¹³¹.

После торжественной речи, согласно рапорту Горчакова, вновь было совершено молебенствие с многолетием Александру I, российскому императорскому дому и, наконец, Фердинанду VII. Затем началась присяга.

Первым присягнул Зеа Бермудес, затем испанские офицеры (полковник Александр Одонель, капитаны дон Мануил Баланжер и дон Томас Передз, поручики дон Жуан Деспланс (Демблан) и дон Антонио Миранда), и, наконец, нижние чины. После присяги Бардахи Азара троекратно провозгласил виват российскому императору и «радостное восклицание всех гишпанцев и португальцев, бывших в параде, привело в живейшее чувство все многочисленное собрание зрителей». «Таковое же провозглашение вивата было и Фердинанду VII». После общих «виватов» построенные повзводно испанцы и португальцы прошли мимо выставленного портрета Фердинанда, при этом каждый взвод тоже по отдельности провозглашал «виват». Таким образом «в увеселительном замке Вашем, — резюмировал свой рапорт царю Горчаков, — близ Вашей резиденции возвращены на истинный путь и приведены к присяге с самого юга пришедшие, победоносным оружием Вашим покоренные гишпанцы и португальцы на верность законным их государям»¹³². Рапорт Горчакова с некоторыми сокращениями лег и в основу публикации в «Северной почте», текст которой, как видно из документов, готовился в канцелярии Военного министерства¹³³.

Описание присяги оставил в письме, адресованном А. А. Аракчееву, Н. Е. Касторский. Ему запомнился выставленный портрет Фердинанда VII, распятие и Евангелие. «Читали молитвы, прежде их поминали нашу императорскую фамилию, потом провозглашали: “Ferdinand Septimo!”, затем встали на колени, после кричали “Да здравствует император Александр, спаситель Европы!”». После сего пошли повзводно мимо портрета и салютовали»¹³⁴. В частном письме императору Александру от 21 апреля, приложенном к рапорту, Горчаков отмечает, что ощущение от всей церемонии было «столь сильно, что не токмо» российские «верноподданные, но и посторонние люди тронуты были до слез». Здесь управляющий Военным министерством упомянул и о речи Бардахи Азары. Особо обратил внимание князь на то, что желание сделать бессмертным имя русского царя «при наименовании сего полка <...> есть дар, приносимый Александру I». «Довольно только подумать, что он восстановитель Европы», — передавал слова посланника Горчаков. «И титул сей небо даровало Вам», — видимо, добавлял он от себя. Если быть точным, испанский дипломат назвал императора Александра «освободителем Европы» (libérateur de l'Europe). В письме управляющий Военным министерством отметил также, что все эти слова не являются лестью,

¹³⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 719. Ч. 5. Л. 40–41.

¹³¹ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 447–449; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 719. Ч. 5. Л. 44.

¹³² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 719. Ч. 5. Л. 41.

¹³³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 39–41.

¹³⁴ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 449.

а исходят от сердца, «которое славу свою поставляет в верноподданнической любви» к монарху¹³⁵.

После завершения церемонии испанский посланник устроил торжественный обед «в комнатах Бетанкура», где присутствовало до 60 человек (среди них А. Л. Нарышкин и граф Ю. П. Литта, Серра-Каприола и Горчаков). Упомянутый Августин Бетанкур — выдающийся инженер, испанец по происхождению, находившийся на русской службе. «Пили здоровье раз 20 и более за всех отсутствующих, от которых уверены получить свое спасение», — писал Касторский¹³⁶. По мнению Горчакова, Бардахи Азара и Зеа Бермудес определенно заслужили орден¹³⁷.

Впрочем, русская официальная версия описанных событий не совсем полна. Это становится ясным при прочтении речи Бардахи Азары. Помимо естественного в той ситуации высокого патриотического накала, в ней отразились и некоторые фактические обстоятельства. Согласно этому документу, испанцы давали присягу не только «законному королю Фердинанду VII», но и конституции, которая упомянута впереди королевского имени. Посланник особо отметил, что день 2 мая является общегосударственным праздником, который постановили отмечать генеральные и чрезвычайные кортесы. Отдельная часть речи была посвящена особенностям политического строя Испании. Установленный генеральными и чрезвычайными кортесами, он обеспечивал испанцам «гражданскую свободу — величайшее для людей благо в сем мире». «Никто из вас, — обращался дипломат к бывшим воинам Наполеона, — не будет исключен от соучастования в необычных благоденствиях, которые должны процветать от благоразумной свободы, основанной на религии, законе и добродетели». За «столь драгоценное уложение» следовало воздать благодарность Богу, «а потом кортесам». Бардахи Азара призывал воинов нового полка сделать все от них зависящее для утверждения этой «политической <...> конституции на незыблемых основаниях» и выражал надежду, что после освобождения короля Фердинанда от рабства испанцы сделаются «наисчастливейшим на земле народом»¹³⁸. Все эти упоминания об элементах конституционного строя отсутствуют в русских документах. О них не было упомянуто ни в рапорте Горчакова царю (хотя к нему прилагался текст речи испанского посланника на французском языке¹³⁹), ни в его частном письме императору, ни в письме Н. Е. Касторского графу Аракчееву, где говорится о присяге

испанцев исключительно «природному своему королю»¹⁴⁰. В авторской части заметки, помещенной «Северной почтой», сказано только о принятии присяги королю и регенту. Присяга же конституции упомянута только в цитате из речи Бардахи Азара, равно как и тот факт, что праздник 2 мая был учрежден кортесами¹⁴¹.

В большей степени «конституционалистские» мотивы при описании присяги присутствуют на страницах журнала «Сын отечества». В отношении последовательности событий имеется полное совпадение с официальной версией, однако в журнале Н. И. Греча написано, что испанцы приводились к присяге «в верности политической конституции и законному королю», сказано, что праздник 2 мая был учрежден кортесами, сохранен пассаж из речи испанского посланника о гражданской свободе как величайшем благе. Однако «Сын отечества» сообщил и некоторые другие подробности. Оказывается, что после речи Бардахи Азары непосредственно перед совершавшейся присягой Зеа Бермудес зачитал перед испанцами текст конституции, после же присяги посланник, а за ним и все прочие, провозгласил: «Да здравствует Фердинанд VII! До здравствует конституция!». Журнал Греча указал также, что португальцев, принявших присягу регенту, было 70, а торжественный «завтрак» после присяги состоялся в императорском дворце». На завтраке произносили тосты за царствующими особ и полководцев, а Бардахи Азара предложил выпить за «истребление» Наполеона и восстановление всех законных государей. Граф Д. И. Хвостов прочитал специально к этому случаю сочиненные стихи патриотическо-монархического содержания¹⁴². К моменту принесения присяги испанский полк уже состоял из двух батальонов¹⁴³.

Присяга стала важной вехой, ознаменовавшей перемену положения пленных испанцев, ставших полноправными союзниками. Руководители Испанского Александровского полка стали персонами грата при дворе. 18 мая 1813 г. в Павловске полковник Одонель после литургии в картинной галерее был представлен егермейстером графом П. Г. Головкиным вдовствующей императрице Марии Федоровне. В этот же день он присутствовал на обеде у вдовствующей императрицы, проходившем в галерее перед церковью. В числе приглашенных на этот обед (сервированный на 31 персону) был и А. Бетанкур¹⁴⁴. 22 мая 1813 г. полковник Одонель в числе 12 персон обедал у Елизаветы Алексеевны в Царском

¹³⁵ Там же. С. 446–448; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 719. Ч. 5. Л. 43.

¹³⁶ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 449.

¹³⁷ Там же. С. 447.

¹³⁸ Там же. С. 447–448.

¹³⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 719. Ч. 5. Л. 42–43.

¹⁴⁰ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 449

¹⁴¹ Северная почта. 1813. 26 апреля.

¹⁴² Присяга испанцев в России // Сын Отечества. 1813. С. 301–312.

¹⁴³ Там же. С. 301.

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 103. Л. 244 и об.

Селе¹⁴⁵. А 25 мая 1813 г. Елизавете Алексеевне в Бильярдной комнате Царскосельского дворца представлялись офицеры испанского полка шеф 1-го батальона Беланжеро, шеф 2-го батальона Перец, старший полковой адъютант Демблан, прапорщик Иах и шеф португальского отряда Иариа¹⁴⁶ (написание фамилий приведено по камер-фурьерскому журналу).

После присяги власти вновь переключились на решение текущих проблем, связанных с довольствием, обмундированием, транспортировкой и размещением пленных, превращавшихся по ходу дела в союзников.

Уже на следующий день после присяги, 3 мая, Зеа Бермудес пожаловался Горчакову, что 25 коп. в сутки «по дороговизне» пленным испанцам не хватает. Дипломат предложил либо увеличить их денежное содержание на 5 коп., либо, уменьшив на такую же сумму, выдавать печеный хлеб натурой. Однако Горчаков поддержал первое предложение, поскольку опасался, что плохо испеченный хлеб может вызвать неудовольствие союзников — по поводу качества работы своего ведомства управляющий Военным министерством иллюзий не испытывал. 12 мая он сделал соответствующее предписание провиантскому департаменту об увеличении денежного содержания испанцев в Царском Селе¹⁴⁷.

Одновременно власти продолжали предпринимать усилия по обмундированию пленных, число которых постепенно увеличивалось. 12 мая, ссылаясь на императорский указ от 25 октября 1812 г., Горчаков предписал комиссариатскому департаменту отпустить для всех находящихся в Царском Селе испанцев и португальцев фламское сукно на холщевые панталоны. Таким образом, по мнению управляющего министерством, удалось бы сберечь выданную им ранее суконную амуницию, а сами воины испанского полка «предохранятся от многих болезней, коим в летнее время от нечистоты подвергнуться могут»¹⁴⁸. В тот же день Горчаков предписал комиссариатскому департаменту снабдить испанский полк в Царском Селе ранцами и построить четыре офицерских мундира, «подобных совершенно тем, кои прежде сего для гишпанских офицеров делаемы были»¹⁴⁹. Постройку панталонов (по 3 руб. 50 коп.), ранцев с ремненным прибором для пленных в Царском Селе, а также 600 мундиров для испанцев в Мемеле (о чем речь пойдет ниже) взял

на себя все тот же купец Патюков, о чем свидетельствует его подписка от 24 мая¹⁵⁰. Вместе с тем еще 21 мая комиссариатский департамент сделал предписание об отпуске имевшихся ранцев из комиссии петербургского комиссариатского депо, а для постройки четырех офицерских мундиров также решил «пригласить» Патюкова¹⁵¹. Тогда же комиссии было сделано и аналогичное предписание об отпуске сукна на панталоны¹⁵². 1 июля Горчаков предписал комиссариатскому департаменту изготовить полную амуницию (включая шинели, рубашки и сапоги) еще на 300 чел. рядовых¹⁵³, а также мундиры для 12 музыкантов по ранее данным Зеа Бермудесом образцам¹⁵⁴. Поставка этой партии обмундирования также была возложена на Патюкова¹⁵⁵.

Согласно предписаниям комиссариатского департамента от 1 и 5 июля, комиссия петербургского комиссариатского депо должна была отпустить для испанского полка 300 португеев с медными пряжками, об исполнении чего она донесла 24 июля¹⁵⁶. 12 июля комиссариатский департамент сообщил комиссии о необходимости пошить обмундирование для тамбур-мажора и штаб-лекаря испанского полка, что согласился исполнить все тот же Патюков¹⁵⁷.

Непосредственно перед отправкой испанцев в Кронштадт Горчаков 19 июля потребовал от комиссариатского департамента срочно поставить мундиры, панталоны, шинели, сапоги и рубашки для 300 только что пришедших из внутренних губерний бывших солдат Наполеона. Все это, по мнению комиссариатского департамента, снова должен был изготовить Патюков¹⁵⁸. И, наконец, 25 июля, когда испанцы уже направлялись в Кронштадт для погрузки на суда, комиссариатский департамент поручил Патюкову (в соответствии с требованием Горчакова) «построить» парадный мундир на одного испанского офицера¹⁵⁹.

В связи с этим интересны сохранившиеся данные об уплате Патюкову денег за выполненные заказы. 4 июня Горчаков предписал комиссариатскому департаменту оплатить выставленные купцом два счета (майский и апрельский) за амуницию для 290 нижних чинов и 7 офи-

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 54.

¹⁵¹ Там же. Л. 60.

¹⁵² Там же. Л. 63.

¹⁵³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 101; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 76.

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 102; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 75.

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 77.

¹⁵⁶ Там же. Л. 88.

¹⁵⁷ Там же. Л. 79.

¹⁵⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 132; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 82.

¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 86.

¹⁴⁵ Там же. Д. 102. Л. 170.

¹⁴⁶ Там же. Л. 172 об. –173.

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 60.

¹⁴⁸ Там же. Л. 61; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 62.

¹⁴⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 63; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 58.

церов на общую сумму в 27518 руб. 95 коп.¹⁶⁰ А 17 июля комиссия петербургского комиссариатского депо сообщила об уплате за сшитые согласно майской подписке 4 комплекта офицерского обмундирования 3390 руб.¹⁶¹

Проявлялась забота и о вооружении испанцев. Так, по требованию Зеа Бермудеса Горчаков предписал 1 июля отпустить для них 200 тесаков «с перевязями и всем прибором сообразно тому, как и прежде оные выдаваемы были», а 5 июля еще 100 тесаков с перевязями¹⁶². 16 июля управляющий Военным министерством потребовал отпустить для союзников в Царском Селе снова 100 тесаков с перевязями, а на следующий день — еще 200. Все их следовало выдать под расписку состоящего при Горчакове камер-юнкера князя И. А. Лобанова-Ростовского¹⁶³.

В связи с увеличением численности испанского полка встал вопрос о дополнительных помещениях для него. 26 мая канцелярия Военного министерства предписала исправляющему должность дежурного генерала полковнику И. Л. Трунину использовать под эти цели еще две казармы в Царском Селе, в которых ранее помещались больные¹⁶⁴.

Заботились власти и о командных кадрах Испанского Александровского полка. Так, 29 июня Горчаков предписал отправить в Царское Село из Мемеля испанского офицера Жуана де Ортица¹⁶⁵. Однако, как оказалось, он уже успел отплыть из Мемеля на английском корабле¹⁶⁶.

Для обеспечения внутреннего порядка среди испанцев весьма важным было удаление случайно оказавшихся среди них французов — потенциальной «пятой колонны». 26 апреля 1813 г. военный комендант Мемеля Шрейдер сообщил Горчакову, что среди прибывших к нему из Вильны пленных испанцев оказался и поручик 19-го линейного французского полка Иоганн Бинет. Этот офицер был взят в плен под Кёнигсбергом и объявил себя испанским офицером, но другими испанскими офицерами «признан не был», к тому же не знал испанского языка. Бинет заявлял, что он родился в Испании, в полуторогодовалом возрасте вывезен во Францию и теперь желает поступить в испанскую службу. До выяснения всех обстоятельств дела его отправили к рижскому коменданту генерал-лейтенанту И. Ф. Эмме¹⁶⁷.

¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 73–74 об.

¹⁶¹ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 80.

¹⁶² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 100 об., 108.

¹⁶³ Там же. Л. 124–125.

¹⁶⁴ Там же. Л. 65.

¹⁶⁵ Там же. Л. 94.

¹⁶⁶ Там же. Л. 122.

¹⁶⁷ Там же. Л. 66.

Однако бывали и противоположные случаи. Как сообщил Горчаков Вязмитинову 6 июля 1813 г., среди испанцев и португальцев, расположенных в Царском Селе, оказались 2 французских офицера и 40 нижних чинов «других наций», служившие «в гишпанских полках». Бардахи Азара попросил отделить этих лиц от испанцев и португальцев, которых они могли политически «развратить». В итоге, «принимая во уважение вред, произойти могущий от совместного жительства французов с верными законному своему государю гишпанцами», Горчаков просил Вязмитинова отправить потенциальных «развратителей» в Новгород или в другое место¹⁶⁸. 9 июля Вязмитинов сообщил об исполнении этой просьбы, а также предписал Санкт-Петербуржскому гражданскому губернатору подобным же образом поступать и впредь¹⁶⁹.

Внимание русского правительства было оценено пленными. 18 (30) мая испанские офицеры обратились к императору Александру с письмом, в котором они выразили ему «чувства живейшей признательности и преданности <...> за все щедро на них излитые милости». Это пересланное Горчаковым письмо государь читал 13 июля¹⁷⁰.

Представление о численности испанцев дают ведомости денежных выплат. Так, на май и июнь под расписку Одонеля было выдано на «удовлетворение гишпанских чинов» 8996 руб. Полковник в ведомости значился 1, капитанов 2, поручиков 2, кадетов 3, лекарь 1, сержантов 66 и капралов 152 чел.¹⁷¹ В июле деньги уже отпускались на 96 сержантов и 230 капралов¹⁷².

Царское Село продолжало оставаться пунктом назначения для испанских и португальских пленных. Об этом свидетельствуют многочисленные распоряжения местных властей. 25 мая нарвский комендант Ефимович сообщил Горчакову, что накануне он отправил в Царское Село 79 испанцев, находившихся среди пленных, прибывших на четырех кораблях из Пиллау¹⁷³. Впрочем, затем их было решено почему-то «возвратить до Ямбурга», и 31 мая Вязмитинов предписал эту партию остановить. Но 2 июня он предложил Санкт-Петербуржскому гражданскому губернатору вновь отправить их в Царское Село¹⁷⁴.

29 мая Горчаков предписал Трунину организовать отправку из Петербурга в Царское Село двух пленных испанцев, которые сперва нахо-

¹⁶⁸ Там же. Л. 112 об. — 113.

¹⁶⁹ Там же. Л. 118.

¹⁷⁰ Там же. Л. 84–86.

¹⁷¹ Там же. Л. 82–83.

¹⁷² Там же. Л. 127.

¹⁷³ Там же. Л. 91.

¹⁷⁴ Там же. Л. 87–88.

дились в «выборгских госпиталях», а затем были помещены в Петровских казармах столицы¹⁷⁵.

2 июня управляющий Военным министерством просил главнокомандующего в Москве Ф. В. Ростопчина отправить в Царское Село испанцев, еще находящихся, по его сведениям, в Первопрестольной¹⁷⁶. На это 23 августа Ростопчин ответил, что в Москве лишь четверо больных испанцев, из которых двое выздоровели, а двое продолжают находиться в московском военном госпитале¹⁷⁷.

15 июня Горчаков потребовал от нарвского коменданта отчета, сколько испанцев находилось в трех партиях, прибывших в его распоряжение из Риги (по данным испанского полномочного министра их было до 250 чел.), и спрашивал, не отправлены ли они вместе с прочими пленниками в Новгород¹⁷⁸. 17 июня Ефимович рапортовал, что доставленные к нему из Риги 248 чел. испанских и португальских пленных отправлены в Царское Село. Из них было 231 чел. испанцев (9 сержантов, 19 капралов, 197 рядовых и 6 солдатских жен) и 17 португальцев (поручик Нарвио Прусиана с женой и дочерью, 9 сержантов и 5 рядовых)¹⁷⁹. Но, видимо на всякий случай управляющий Военным министерством обратился к новгородскому гражданскому губернатору с просьбой выслать этих пленных в Царское Село, если они окажутся в его распоряжении¹⁸⁰.

2 июля 1813 г. предписание о немедленной отправке пленных испанцев в Царское Село было направлено Вязмитиновым в Архангельск. А 3 июля такое же распоряжение туда было отправлено и относительно португальцев¹⁸¹.

Иногда представители местной и центральной власти подолгу не могли найти взаимопонимания относительно движения пленных после запретительного циркулярного предписания 24 декабря 1812 г. Так, 18 апреля 1813 г. курский гражданский губернатор запросил Вязмитинова, следует ли ему останавливать испанцев и пруссаков, следующих соответственно в Петербург и в Ригу. Дороги к апрелю уже просохли и отправление было возможно. Но это был не первый запрос такого рода. То же самое курский губернатор спрашивал еще 20 февраля, однако ответа не получил¹⁸². 6 мая Вязмитинов, наконец, отреагировал, пред-

писав эти категории пленных отправлять по назначению немедленно¹⁸³. Скорее всего, именно в результате этого распоряжения и был отослан в Петербург капитан Р. де Льянса, которому, судя по собственным его воспоминаниям, удалось добиться отправки из Курска после долгих проволочек лишь 17 июня н. ст. (5 июня ст. ст.)¹⁸⁴. Он прибыл в Софию 2 (14) июля¹⁸⁵.

Как следует из отношения Горчакова к министру морских сил И. И. Траверсе от 3 июля 1813 г., на этот момент численность испанцев и португальцев в Царском Селе достигала 2500 чел.¹⁸⁶

К этому времени казармы там оказались переполненными, и Ризенкампф отказался даже принимать прибывших из Москвы и временно расквартированных в Ижорской слободе 53 испанцев. Он ждал, пока «исправятся починкою казармы в Павловске». Кроме того, 118 испанцев прибыли из Витебска и находились в селе Рождествено, а на подходе были еще несколько партий испанцев и португальцев. Обо всем этом Санкт-Петербургский гражданский губернатор сообщил 2 июля Вязмитинову, отметив, что размещать пленных в селениях вдоль большой дороги «будет для жителей обременительно и неудобно»¹⁸⁷. 4 июля управляющий Министерством полиции выразил в связи с этим Горчакову свою обеспокоенность. Однако управляющий Военным министерством 6 июля заверил своего коллегу, что благодаря сделанным им распоряжениям для испанцев и португальцев не только имеется достаточное количество казарм в Царском Селе и Павловке, «но и еще заготовляются таковые на случай прибытия вновь некоторого количества оных»¹⁸⁸. Для присмотра за пленниками с берегов Эбро и Тахо в Павловске туда в конце июня был откомандирован поручик Санкт-Петербургского ополчения Трапезников, доставивший из Пиллау на кораблях большую партию пленных французов и сопроводивший их в Новгород¹⁸⁹.

6 июля Горчаков предписал Трунинну скорейшим образом отправить в Царское Село 50 чел. испанцев, приведенных накануне в столицу из внутренних губерний.¹⁹⁰ Трунин незамедлительно выполнил это рас-

¹⁷⁵ Там же. Л. 70.

¹⁷⁶ Там же. Л. 72.

¹⁷⁷ Там же. Л. 190–191.

¹⁷⁸ Там же. Л. 81.

¹⁷⁹ Там же. Л. 95–96.

¹⁸⁰ Там же. Л. 93.

¹⁸¹ Голубцов Н. А. 1812 год в Архангельской губернии. Архангельск, 1912. С. 50–51.

¹⁸² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 770. Л. 51.

¹⁸³ Там же. Л. 52.

¹⁸⁴ Сагомонян А. А. Война 1812 года глазами испанского офицера. С. 109.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 103.

¹⁸⁷ Там же. Л. 105.

¹⁸⁸ Там же. Л. 104, 111.

¹⁸⁹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 88. Л. 3.

¹⁹⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 112.

поражение и эти прибывшие, как оказалось, из Вятки пленные испанцы и португальцы были отправлены к Ризенкампфу¹⁹¹.

8 июля нарвский комендант Ефимович донес об отправлении в Царское Село капитана Примо Шарла и 18 нижних чинов, которые прибыли в его распоряжение на кораблях из Пиллау и сухим путем из Риги¹⁹².

В это же время Горчакову стало известно, что испанцы и португальцы есть в Орловской губернии, и 12 июля он потребовал от гражданского губернатора направить их в Царское Село¹⁹³.

14 июля в Царское Село во исполнение вышеупомянутого предписания Вязмитинова были отправлены 35 испанцев и португальцев из Архангельска. Это были испанский капитан полка «Жозеф Наполеон» Антонио Мина, а также нижние чины из 1-го пехотного полка (16 рядовых испанцев и 5 португальцев) и из 2-го пехотного (1 унтер-офицер и 11 рядовых испанцев и 1 унтер-офицер португалец)¹⁹⁴. Однако в связи с переводом Испанского Александровского полка в Кронштадт Горчаков 27 июля уведомил управляющего Царскосельским дворцовым правлением графа Ф. Ожаровского о необходимости впредь туда отправлять и всех вновь прибывающих из губерний уроженцев Иберийского полуострова¹⁹⁵.

Параллельно с концентрацией пленнх испанцев и португальцев в Царском Селе они продолжали сосредотачиваться и в Мемеле. 8 мая 1813 г. Вязмитинов запросил Горчакова о том, является ли Царское Село единственным пунктом, куда следует отправлять пленнх испанцев. Эту проблему поставил рижский военный губернатор Ф. О. Паулуччи, отправивший незадолго перед тем несколько таких пленнх в Нарву. Вязмитинов считал возможным впредь до отправления на родину оставлять часть их в Ревеле и Риге¹⁹⁶. А 12 мая, узнав, что в Митаве находятся будто бы до 50 пленнх испанцев, Горчаков написал Паулуччи, что их следует отправлять в Мемель, отпуская на продовольствие в пути по 25 коп. (управляющий Военным министерством «соображался» в данном вопросе с содержанием, высочайше определенным на тот момент испанцам в Царском Селе)¹⁹⁷. Однако 29 мая Паулуччи ответил, что в Лифляндии пленнх испанцев нет, за исключением нескольких человек, которые пребывали на излечении в митавском военном вре-

менном госпитале, и которых он предписал по выздоровлении отослать, куда указал управляющий Военным министерством¹⁹⁸.

Принцип, по которому следовало отправлять испанцев в Царское Село или в Мемель, четко был сформулирован Горчаковым только в отношении к Вязмитинову от 4 июня. Он полагал нужным всех испанцев и португальцев из отдаленных губерний империи собирать в Царском Селе, а из Лифляндии и Литовских губерний — в Мемеле. В соответствии с этим глава Военного ведомства просил Вязмитинова дать предписания губернаторам¹⁹⁹. Однако Вязмитинов 17 июня издавать такое предписание отказался, сославшись на то, что Мемель находится на территории Пруссии, куда власть Министерства полиции не распространяется. Главнокомандующий в Санкт-Петербурге готов был издать соответствующий документ, если Горчаков назначит пунктом сбора испанцев и португальцев какой-либо из российских остзейских портов²⁰⁰. В итоге, судя по всему, никакого циркулярного предписания по этому поводу Вязмитинов так и не издал.

12 мая 1813 г. со ссылкой на «высочайше утвержденные пункты» от 25 октября 1812 г. Горчаков предложил комиссариатскому департаменту построить для находящихся в Мемеле испанцев 600 мундиров «со всею принадлежностью, шинелями, сапогами и рубашками». Мундиры следовало шить на три разные роста по тем же образцам, по которым делались они для испанцев в Царском Селе. Постройку этих вещей, как уже говорилось, взял на себя купец Патюков²⁰¹. А 26 июня генерал-майор Аникин сообщил Горчакову, что уполномоченный испанского короля требует отпустить на испанцев в Мемеле 600 киверов и 4 трубы²⁰².

Российским властям приходилось решать и проблемы с поведением испанцев, сосредоточенных в Мемеле. Один из них, Михель Вергия (в русских документах он и Михайла Банья, и даже Вагнера), убил свою жену. Испанских офицеров для организации военного суда в городе было недостаточно, а оставлять преступление без наказания Зеа Бермудес считал опасным, поскольку это могло оказать разлагающее влияние на нравственность испанских солдат. В связи с этим дипломат обратился к Горчакову с просьбой провести процесс в соответствии с российским законодательством. Управляющий Военным министерством поддержал эту мысль и 8 мая 1813 г. дал соответствующее приказание мемельскому

¹⁹¹ Там же. Л. 120.

¹⁹² Там же. Л. 121.

¹⁹³ Там же. Л. 123.

¹⁹⁴ Там же. Л. 137–138.

¹⁹⁵ Там же. Л. 134.

¹⁹⁶ Там же. Л. 64.

¹⁹⁷ Там же. Л. 58.

¹⁹⁸ Там же. Л. 89.

¹⁹⁹ Там же. Л. 76.

²⁰⁰ Там же. Л. 97.

²⁰¹ Там же. Л. 62; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 53–54.

²⁰² РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 74.

коменданту, предписав придерживаться подобной практики и в дальнейшем. Однако «в уважение дружбы и доброго союза между державами» приговоры над испанскими солдатами Горчаков потребовал приводить в исполнение только с согласия «начальника гишпанских войск»²⁰³. Впрочем, еще до получения этого предписания преступник по приказу военного губернатора Кёнигсберга графа К. К. Сиверса был этапирован в Ригу для содержания в тамошнем ордонансгаузе²⁰⁴. Военно-судное дело на него было отправлено маркизом Паулуччи в канцелярию Военного министерства и 25 сентября 1814 г. передано на заключение к чрезвычайному посланнику и полномочному министру Бардахи Азара. Однако тот уехал за границу, и его мнения по дипломатическим каналам добиться так и не удалось, так что дело 15 июня 1815 г. было доставлено на заключение Зеа Бермудесу²⁰⁵.

Важным шагом по превращению Испанского Императорского Александровского полка (он насчитывал уже 1800 чел., составляющих три батальона) в полноценную воинскую единицу стало освещение 7 июля на Софийской площади его знамен. День был выбран также не случайно — это была годовщина победы испанцев под Байленом. На церемонии освящения знамен присутствовали обе российские императрицы — вдовствующая Мария Федоровна и царствующая Елизавета Алексеевна. Освященные знамена были вручены командиру полка полковнику Александру Одонелю и двум офицерам, после чего полк, как сказано в «Сыне Отечества», присягнул королю Фердинанду и конституции, совершилось богослужение, раздались крики «да здравствует Фердинанд VII!» и испанцы прошли церемониальным маршем мимо его портрета. Дело кончилось, как и 20 апреля, обедом, во время которого опять произносились тосты²⁰⁶. Надо отметить, что на этот раз о присяге конституции упомянуто не только в «Сыне Отечества», но и в официальном рапорте Горчакова императору Александру от 8 июля. В остальном описания церемонии также совпадают²⁰⁷.

В рассказе об этой церемонии, оставленном капитаном Р. де Льянсой, также упоминается о присутствии обеих императриц, которые находились в шатре, украшенном персидскими коврами. Императриц сопровождали великие князья и придворные. Службу, которая длилась три часа, по словам мемуариста, проводил «римский епископ», причем Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна все это время «провели стоя».

²⁰³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 54.

²⁰⁴ Там же. Л. 92.

²⁰⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 4. Л. 24.

²⁰⁶ Из Царского Села от 7 июля 1813 г. // Сын Отечества. 1813. № 29. С. 120–123.

²⁰⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 115–116.

А освященное знамя полка с изображением Андреевского креста будто бы было вышито самой вдовствующей императрицей. Торжественное прохождение полка перед императрицами и портретом Фердинанда VII сопровождалось музыкой «в исполнении оркестра императорской гвардии». «Испанский посол находился среди царствующих особ, он провозглашал многочисленные здравицы в честь монархов, кортесов, армий, за процветание обоих народов». После окончания церемонии Льянса будто бы был принят императрицей Елизаветой Алексеевной, «которая поинтересовалась его здоровьем», а также представлен Марии Федоровне. После завершения торжественной части в саду состоялся огромный банкет на 180 персон. На банкете «звучали многочисленные тосты, и каждый из них все сильнее горячил кровь». Один из них был «за уничтожение тирана». «После окончания шумного застолья, — пишет мемуарист, — мы пошли прогуляться по саду <...> Императрица, стоя на балконе дворца, глядела на наши разгоряченные головы»²⁰⁸.

Имеется и еще одно свидетельство об этой церемонии — в камер-фурьерских журналах. Согласно им, на торжестве присутствовали великие князья Николай и Михаил Павловичи, принцесса Амалия Баденская (сестра Елизаветы Алексеевны) и герцогиня Антуанетта Вюртембергская (жена принца Александра Вюртембергского). Освещение знамен происходило в специально построенном деревянном здании на Софийской площади. Все торжество продолжалось около трех часов, и в половине второго часа пополудни Мария Федоровна отбыла в Павловск. Представление Льянсы и вообще кого-либо из испанцев императрицам в камер-фурьерских журналах не зафиксировано²⁰⁹. Зато на следующий день, 8 июля, среди присутствующих на обеде у Елизаветы Алексеевны значатся испанский посланник Бардахи Азара, состоящие на испанской службе полковник Одонель и некто Загер, а также генерал-лейтенанты князь А. И. Горчаков и А. Бетанкур. Причем после обеда уже в восьмом часу вечера Елизавета Алексеевна, Амалия Баденская, ряд придворных, а также Бардахи и Одонель «выезд имели к Таицким ключам, где имели полдник, а оттуда возвратились 40 минут 10-го часа». А о Льянсе опять ни слова²¹⁰.

Летом 1813 г. вновь встал вопрос о перемещении испанцев и португальцев из Царского Села в Кронштадт для последующей отправки на английских судах за границу. Отчасти, видимо, это было вызвано переполнением казарм в Царском Селе. Но главная причина крылась все же в другом. Как следует из рапорта Горчакова Александру I

²⁰⁸ Сагомонян А. А. Война 1812 года глазами испанского офицера. С. 109–110.

²⁰⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 102. Л. 212–214; Д. 103. Л. 326–328.

²¹⁰ Там же. Л. 214–215.

от 8 июля, испанский посланник Бардахи Азара сообщил, что в самом скором времени он ожидает прибытия английских кораблей. «Для выигранья времени» при погрузке бывших воинов Наполеона на союзные суда управляющий Военным министерством и решил заранее перевести их в Кронштадт²¹¹.

В связи с этим Горчаков предписал полковнику Трунину выбрать в Кронштадте подходящие казармы. По итогам поездки Трунин донес, что в казармах сухопутного ведомства можно разместить только 1200 чел. и что необходимо задействовать для указанных целей также казармы морского ведомства, где предстояло сделать лишь незначительные «исправления» в кухнях. 3 июля Горчаков обратился к министру морских сил И. И. Траверсе с просьбой выделить для испанцев и португальцев в казармах его ведомства один двор на 1500 чел., произведя там необходимый ремонт и предоставив для будущих постояльцев кровати и посуду²¹².

18 июля Горчаков сообщил Вязмитинову о том, что он отдал все необходимые распоряжения по выводу испанцев и португальцев из Павловска и Софии в Кронштадт. Первый батальон должен был выступить 20 июля, второй 23-го, а третий 25-го. В связи с этим управляющий Военным министерством просил своего коллегу сделать предписание о выделении для испанского полка обывательских подвод — для первых двух батальонов по 16, а для 3-го — 26²¹³. В тот же день Траверсе сообщил, что накануне в Кронштадт прибыли семь английских транспортов, которые, однако, могут взять на борт только 2000 чел. Адмирал приказал направить для перевозки бывших солдат Наполеона все гробные суда, но вместе с тем предложил Вязмитинову оптимизировать этот процесс, т. е. переправлять испанцев из Ораниенбаума прямо на суда союзников, минуя Кронштадт²¹⁴. Идею транспортировки испанского полка не из Кронштадта, а из Ораниенбаума или Петергофа поддержал и испанский посланник. В связи с этим (очевидно для сокращения маршрута) Горчаков предписал 19 июля Трунину назначить для первого батальона ночлег 21 июля не в Ораниенбауме, а в Петергофе²¹⁵. 20 июля после обеда императрица Мария Федоровна с великими князьями Николаем и Михаилом Павловичами, а также великой княжной Анной Павловной смотрела в Павловске с балкона, как мимо них из казарм к назначенному месту сбора двигался «батальон гишпанских солдат, которые по командованию их капитана, построясь перед тем балконом во фронт,

восклицали неоднократно» «виват!» вначале самой вдовствующей императрице, затем Александру I, Елизавете Алексеевне, императорской фамилии «и вся Россия»²¹⁶.

Капитан Р. де Льянса, командовавший в тот момент, как можно понять из его мемуаров, 1-м батальоном, вспоминал, что он перед отправкой в Кронштадт был приглашен к Елизавете Алексеевне для прощания. В мемуарах он датирует эту встречу 31 июля н. ст. (т. е. 19 по ст. ст.). Императрица приняла его в кабинете и говорила с бывшим пленником «продолжительное время», расспрашивая о родине, о семье и т. п. «Я вышел, воодушевленный уважением и интересом, проявленным этой госпожой, — пишет Льянса, — и навсегда сохраню это в моей памяти». Более того, затем Льянсу пригласил на специально устроенный прием в свой «летний дворец» обер-камергер А. Л. Нарышкин — «один из влиятельнейших магнатов России, связанный родственными узами с императорским домом». Стол был накрыт в прекрасном павильоне с видом на сад, играли несколько оркестров, «езде бросались в глаза невиданное изобилие и роскошь», тосты сопровождались стрельбой пушек. Льянса сидел за столом между супругой Нарышкина и дочерью А. В. Суворова. Но этим дело не ограничилось. На следующий день Льянса прибыл в Ораниенбаум и был принят княгиней Голицыной (родственницей генерала, которому он сдался под Красным). Пленника поразила скромность, образованность и естественность княгини. За обедом испанец рассказывал собравшемуся небольшому обществу о военных событиях и неслестно отозвался об адмирале П. В. Чичагове, позволившего Бонапарту обмануть себя²¹⁷. Надо сказать, что по камер-фурьерскому журналу у Елизаветы Алексеевны за обедом (и то 20-го, а не 19 июля) были Одонель и Бетанкур. Обед был всего на 10 персон, а Льянса вновь не был упомянут²¹⁸. Нет его фамилии и в камер-фурьерском журнале Марии Федоровны, отразившим гостей, бывших на обеде на 45 персон, который вдовствующая императрица 13 июля давала в Тронном зале Павловского дворца. Из пленных испанцев туда приглашен был Одонель. Присутствовали также Зеа Бермудес, Бардахи Азара и Бетанкур²¹⁹. Лишь двое испанцев, Одонель и Бетанкур, были приглашены и на торжественный обед на 107 персон, состоявшийся 22 июля 1813 г. в день тезоименитства Марии Федоровны в Павловске, где присутствовали обе императрицы²²⁰.

²¹¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 116 об. — 117.

²¹² Там же. Л. 103.

²¹³ Там же. Л. 128.

²¹⁴ Там же. Л. 129.

²¹⁵ Там же. Л. 130; РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 88. Л. 1.

²¹⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 103. Л. 345 об. — 346.

²¹⁷ Сагомонян А. А. Война 1812 года глазами испанского офицера. С. 110–111.

²¹⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 102. Л. 229 об.

²¹⁹ Там же. Д. 103. Л. 334 об. — 335 об.

²²⁰ Там же. Л. 349 об. — 351 об.

Заметим, что Льянса, описывая, как его принимали императрицы, об Одонеле тоже не упоминает. И это отнюдь не случайно. В ходе кампании 1812 г. они оба были шефами батальонов полка «Жозеф Наполеон». Но сам Льянса по какой-то причине полагал, что командовать Испанским Императорским Александровским полком Одонель был назначен только потому, что его собственные письма из Курска не дошли до испанского посланника. Очевидно, в мемуарах он решил постфактум свести счеты с конкурентом и повисить в глазах потомства собственное значение, заменяя при описании приемов его фамилию на свою²²¹.

План, предложенный Траверсе, осуществлен не был, и Испанский Александровский полк перевозили на английские суда через Кронштадт. 24 июля кронштадтский военный губернатор Ф. В. фон Моллер донес, что в этот день 1-й батальон испанцев прибыл в Кронштадт. В батальоне, состоявшем из гренадерской и четырех мушкетерских рот, насчитывалось 676 чел. (1 штаб-офицер, 3 обер-офицера, 5 сержантов 1-го класса, 15 сержантов 2-го класса, 22 капрала 1-го класса, столько же 2-го класса, 14 музыкантов и 598 рядовых). На следующий день прибыл и 2-й батальон (1 штаб-офицер, 1 обер-офицер и 668 нижних чинов). При батальоне состояли 4 женщины²²². Наконец, 27 числа прибыл 3-й батальон. Согласно ведомости о «чинах и служителях», он насчитывал 923 чел. (в т. ч. 1 штаб-офицер и 5 обер-офицеров). При батальоне также было 8 женщин²²³. Цифры, приведенные в ведомости кронштадтского коменданта фон Клюгена, отправленной Горчакову 28 июля, отличаются от данных Моллера. Согласно этому документу в 1-м батальоне было 2 штаб-офицера, 1 обер-офицер, 68 унтер-офицеров, 18 музыкантов и 593 рядовых, во 2-м 1 штаб-офицер, 1 обер-офицер, 65 унтер-офицеров, 12 музыкантов и также 593 рядовых, а в 3-м — 1 штаб-офицер, 64 унтер-офицера, 13 музыкантов и 596 рядовых. Всего 4 штаб-офицера, 2 обер-офицера, 197 унтер-офицеров, 43 музыканта и 1782 рядовых²²⁴. Вероятно, разница обусловлена тем, что подсчеты фон Клюгена не учитывали «служителей». К цифрам Моллера близки данные отвечавшего за состояние казарм в Кронштадте майора Ширванского пехотного полка Дьячкова. Согласно им, к 27 июля из Ораниенбаума в Кронштадт прибыло 2146 испанцев (4 штаб-офицера, 9 обер-офицеров, 157 унтер-офицеров, 40 музыкантов и 1936 рядовых) и 135 португальцев (1 обер-офицер, 8 унтер-офицеров, 5 музыкантов и 121 рядовых), всего

²²¹ Сагомонян А. А. Война 1812 года глазами испанского офицера. С. 110.

²²² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 135–136.

²²³ Там же. Л. 142.

²²⁴ Там же. Л. 141.

2281 чел.²²⁵ Прибывший в Кронштадт Испанский Александровский полк был готов к погрузке уже 29 июля, но за отсутствием уехавшего в Петербург капитана Джона Гиля, командовавшего английскими судами, ее отложили до полудня следующего дня. Испанцы в ожидании этого момента были размещены в казармах, по словам Трунина, «удобно», и в отношении жителей города вели себя «хорошо»²²⁶. Наконец, 30 июля в два часа пополудни большая часть полка погрузилась на суда. Россию покидали 2 штаб-офицера, 7 обер-офицеров, 115 унтер-офицеров, 42 музыканта, 1866 рядовых и 9 женщин, всего 2041 чел. Больше союзники взять не могли²²⁷. 3 августа английские суда вышли в море²²⁸. Наконец, 9 августа Горчаков подал об этом на высочайшее имя доклад. В нем говорилось, что оставшиеся чины Испанского Александровского полка размещены в Кронштадте, куда впредь будут также отправляться прибывавшие в столичный регион испанцы и португальцы. Здесь им предстояло ждать прихода британских транспортов²²⁹.

Русские власти не оставляли попыток отправить испанцев на родину и из Мемеля. 10 мая военный комендант Мемеля генерал-майор П. П. Шрейдер сообщил в Военное министерство, что командующий английской эскадрой в Балтийском море прислал транспортное судно, которое готово было взять на борт для доставки в Англию до 300 чел. Шрейдер передал англичанам 12 обер-офицеров, 36 унтер-офицеров, 7 музыкантов и 262 рядовых. Помимо этого, в Мемеле осталось 5 обер-офицеров, 16 унтер-офицеров, 2 музыканта и 142 рядовых, из которых несколько человек были больны²³⁰. Следующая партия была отправлена на английскую эскадру 26 июня. Это были 279 чел. (5 обер-офицеров, 32 унтер-офицера, 3 музыканта, 235 рядовых и 4 женщины), т. е. все находившиеся на тот момент в Мемеле испанцы²³¹. Через месяц, 25 июля, на присланном англичанами транспортном судне были отправлены из Мемеля еще 189 чел. (3 обер-офицера, 21 унтер-офицер, 3 музыканта, 158 рядовых и 4 женщины)²³².

С отплытием к началу августа большей части Испанского Александровского полка из Кронштадта и значительной части испанцев из Мемеля закончился второй этап пребывания пленных испанцев и порту-

²²⁵ Там же. Л. 144.

²²⁶ Там же. Л. 145.

²²⁷ Там же. Л. 146–148, 154.

²²⁸ Там же. Л. 152.

²²⁹ Там же. Л. 155.

²³⁰ Там же. Л. 67.

²³¹ Там же. Л. 119.

²³² Там же. Л. 153.

гальцев в России — формирование воинской части из новых союзников завершилось, и ее большая часть была отправлена из России. Содержание следующего, третьего этапа сводится к дальнейшим мерам по сосредоточению пленных с берегов Эбро и Тахо в назначенных для этого местах и отправлению их на родину.

Согласно ведомости, представленной кронштадтским военным губернатором вице-адмиралом Ф. В. фон Моллером управляющему Военным министерством генерал-лейтенанту А. И. Горчакову, в Кронштадте остались 3 обер-офицера, 152 испанских нижних чина, рота португальцев (138 чел.) и 6 женщин²³³. Вместо Царского Села основным местом сбора и пребывания оказавшихся в плену уроженцев Пиренейского полуострова стал Кронштадт.

Оставшимися в Кронштадте испанцами и португальцами по-прежнему заведовал майор Кексгольмского пехотного полка Ризенкампф, который сдал казармы в Софии обратно инженерному ведомству²³⁴. Командовал испанскими и португальскими воинами испанский капитан Т. Передз. Заведовавшему же казармами в Кронштадте майору Дьячкову Горчаков поручил 4 августа отправиться в Царское Село, принимать там вновь прибывающие партии и отсылать их в ведение Ризенкампфа. В связи с этим 5 августа Горчаков просил Вязмитинова предписать гражданским властям оказывать Дьячкову при транспортировке пленных от Царского Села до Ораниенбаума всяческое пособие²³⁵. Дьячков сдал казармы Ризенкампфу и поутру 7 августа отправился в Софию. Там он принял от полковника Бикбулатова предназначавшиеся для испанцев и португальцев квартиры и казармы с посудой, а заодно узнал, что в деревне Кузьмине еще квартируют пленные испанцы. Дьячков потребовал от земского суда сдать их ему, но дело затянулось из-за отсутствия земского исправника до 11 августа. Партия эта, прибывшая 4 августа, состояла из 48 чел. (4 офицера, 39 рядовых, 3 женщин и 2 малолетних мальчика). Их Дьячков препроводил в Кронштадт 12 августа с коллежским регистратором Залевским, присоединив к ним прибывших накануне из Минска (1 офицер, 157 рядовых и 5 женщин)²³⁶.

14 августа Дьячков отправил через Красное Село и Ораниенбаум в Кронштадт с чиновником Слабицким партию численностью 31 чел., прибывшую накануне из Житомира. В ней оказался один итальянец, который был отослан в царскосельский земский суд²³⁷. 17 августа в Цар-

ское Село прибыло сразу две партии испанцев и португальцев. Одна из Орла с подпоручиком Черниковым (1 штаб-офицер, 7 обер-офицеров, 83 рядовых и 1 женщина), а другая из Калуги при унтер-офицере Кузьмине (5 рядовых, 1 женщина и трое малолетних). В первой партии 1 обер-офицер и 10 рядовых оказались вестфальцами, которых Дьячков также отправил в земский суд. Остальные же 19 августа двинулись в Кронштадт²³⁸. Кроме того, 21 августа в Софию были приведены унтер-офицером новгородского внутреннего гарнизонного батальона Нестеровым пруссаки (31 чел.), которых Дьячков временно до решения исправляющего должность дежурного генерала полковника Трунина разместил в местных казармах²³⁹. Этим пруссаков, прибывших из Оренбурга, Вязмитинов 25 августа предписал сдать в ведомство Санкт-Петербургского гражданского губернатора²⁴⁰.

18 августа тамбовским дворянином Петровым была доставлена в Кронштадт партия в 150 чел. (130 испанцев и 20 португальцев)²⁴¹. Как сообщил Горчакову Моллер, 15 августа в Кронштадт из Ораниенбаума прибыли испанцы и португальцы из Минска (3 обер-офицера, 28 унтер-офицеров, 199 рядовых и 10 женщин)²⁴². 21 августа прибыла партия, которую конвоировал упомянутый выше Черников — она насчитывала 1 штаб-офицера, 6 обер-офицеров, 88 нижних чинов, 2 женщины, 2 мальчика и 1 девочку²⁴³.

Впрочем, о перемене места сбора испанцев и португальцев не были своевременно поставлены в известность даже власти Санкт-Петербургской губернии. О том, как поступать с вновь прибывающими пленными, петербургский гражданский губернатор запрашивал Горчакова 29 июля, 5 и 8 августа. К этому времени в Царскосельский уезд были доставлены четверо пленных испанцев, вышедших 26 июля из Нарвы (их прислал туда рижский гражданский губернатор). Туда же прибыла и группа испанцев и португальцев из Смоленска (4 обер-офицера, 33 нижних чина, 3 женщины и 2 ребенка)²⁴⁴. Когда Вязмитинов передал губернатору содержание отношения Горчакова, неизвестно. Но 11 августа управляющий Военным министерством сам сообщил Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору о перемене места назначения ставших союзниками пленников²⁴⁵.

²³⁸ Там же. Л. 7.

²³⁹ Там же. Л. 9.

²⁴⁰ Там же. Л. 11.

²⁴¹ Там же. Л. 8; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 160.

²⁴² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 157.

²⁴³ Там же. Л. 164; РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 89. Л. 10.

²⁴⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 140, 150, 151.

²⁴⁵ Там же. Л. 156.

²³³ Там же. Л. 148.

²³⁴ Там же. Л. 143.

²³⁵ Там же. Л. 149; РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 89. Л. 4.

²³⁶ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 89. Л. 4.

²³⁷ Там же. Л. 6.

Еще 19 августа нарвский комендант генерал-майор Ефимович, сообщая об отправлении доставленных в Нарву сухим путем из Риги и на кораблях из Пиллау испанцев (6 мужчин и одна женщина с дочерью), указывал в качестве конечного пункта их движения Царское Село²⁴⁶.

Следует отметить, что для властей более отдаленных мест все эти нюансы были неважны. Местом отправления пленных для них (согласно прежним предписаниям Вязмитинова) был Петербург. В таком же ключе давал распоряжения и сам Горчаков, предписавший витебскому гражданскому губернатору 24 июля доставить в столицу испанцев и португальцев, входивших в отряд подполковника В. И. Дибича. В итоге 26 августа 4 офицера и 162 нижних чина, служивших у Дибича, двинулись из Витебска в Петербург. Впрочем, еще двое нижних чинов остались в госпитале, но зато к партии были присоединены трое выздоровевших испанцев, бывших в партии, которая ранее двигалась из Чернигова²⁴⁷. Очевидно, на тот случай, если строптивый Дибич не выполнит приказ об исключении испанцев и португальцев из своего отряда и отошлет их в Орел, его формальному начальнику, командовавшему орловскими легионами из пленных генералу К. М. Герздорфу, было предписано в любом случае отправить их в столицу²⁴⁸.

Орловский губернатор, отвечая на требование Горчакова от 12 июля о доставлении пленных испанцев и португальцев в Царское Село, писал 30 июля, что в соответствии с предписаниями Вязмитинова от 15 ноября 1812 г. он отправлял испанцев в Петербург 2 января 1813 г. с дворянским чиновником Сомовым (одного обер-офицера, 162 нижних чина и двух женщин) и 13 июля с подпоручиком Черниковым (о них упоминалось выше). Теперь же губернатор обещал, что остающихся больных испанцев он отошлет по выздоровлении именно в Царское Село²⁴⁹.

8 сентября в Кронштадт были доставлены прибывшие 4 сентября в Царское Село из Архангельска под присмотром унтер-офицера расположенного там гарнизонного полка Топоркова 33 рядовых испанца и португальца. 4 сентября прибыли к Дьячкову и трое вестфальцев из Новгорода, которые, как и прежние, были переданы в земский суд²⁵⁰. 19 сентября из Царского Села пришла в Кронштадт партия из 74 пленных, приведенных из Новгорода унтер-офицером тамошнего гарнизонного батальона Кузьмой Ивановым²⁵¹. 3 октября Дьячков отправил

в Кронштадт прибывшую с прапорщиком Козловским из Витебска партию из 4 обер-офицеров (поручики Карлос Мшено и Петр Гернандец и подпоручики Пауль Вегш и Иозеф Саншес) и 166 нижних чинов²⁵². 4 ноября А. И. Горчаков просил И. И. Траверсе отправить в Кронштадт по воде 34 прибывших испанцев, временно расквартированных «около Невского монастыря»²⁵³. Они были переданы в распоряжение Дьячкова 3 ноября от петербургского гражданского губернатора, 5 ноября к нему же был доставлен один испанец от петербургского земского суда, а 7 ноября прибыли при унтер-офицере витебского внутреннего гарнизонного батальона Гордееве 5 испанцев и 1 женщина из Витебска. Все они также были 9 ноября доставлены в Кронштадт²⁵⁴.

Во время нахождения испанцев и португальцев в Кронштадте власти по-прежнему продолжали заниматься снабжением вновь прибывших обмундированием. Так, 21 августа Горчаков предписал комиссариатскому департаменту озаботиться заготовлением 300 комплектов, включая сапоги, шинели и рубашки²⁵⁵. В рамках этого заказа согласно требованию Зеа Бермудеса нужно было пошить 266 солдатских и 34 унтер-офицерских мундиров, 300 панталон, 300 шинелей, 300 шаровар плотного фламского сукна, заготовить волосяные перья для 34 унтер-офицеров и 50 гренадеров, эполеты на 34 унтер-офицеров, 600 сапог, а, кроме того, на каждого из 300 человек бант из красного канцелярного сукна, фуражку, галстук, рукавицы, ранец и по три рубашки²⁵⁶. 12 октября управляющий Военным министерством приказал изготовить еще 200 комплектов обмундирования²⁵⁷. 24 сентября Горчаков предписал отпустить на оставшихся в Кронштадте испанцев и португальцев 3 барабана и 3 флейты, а 4 ноября еще 6 барабанов и 4 флейты²⁵⁸. 26 ноября последовало его предписание артиллерийскому департаменту отпустить для испанцев 100 «инфантерийских тесаков»²⁵⁹. 12 декабря Горчаков приказал построить мундиры «со всеми принадлежностями» для 4 находящихся в Кронштадте испанских офицеров и 1 тамбур-мажора. Об исполнении этого приказа «на прежнем основании» было дано предписание комиссии петербургского комиссариатского депо²⁶⁰. Такая формулировка

²⁴⁶ Там же. Л. 163.

²⁴⁷ Там же. Л. 182–186.

²⁴⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 498. Л. 130 об. –132.

²⁴⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 189.

²⁵⁰ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 90. Л. 6; РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 197.

²⁵¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 90. Л. 7–8; РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 199.

²⁵² РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 91. Л. 2–3; РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 206.

²⁵³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 210.

²⁵⁴ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 92. Л. 3–5; РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 211.

²⁵⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 159.

²⁵⁶ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 91.

²⁵⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 208.

²⁵⁸ Там же. Л. 200, 209.

²⁵⁹ Там же. Л. 214 об.

²⁶⁰ Там же. Л. 216; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 96.

предполагала, что исполнителем будет строивший ранее мундиры купец В. Патюков. 3 февраля 1814 г. комиссия донесла комиссариатскому департаменту об уплате Патюкову за 5 офицерских мундиров 3648 руб.²⁶¹

Отправка бывших пленных из Кронштадта продолжалась вплоть до окончания навигации. 26 августа Моллер сообщил Горчакову о прибытии двух английских транспортных судов под командованием капитана Гиля, которым предстояло забрать оставшихся в Кронштадте испанских и португальских подданных²⁶². 5 сентября 3 обер-офицера, 56 унтер-офицеров, 17 музыкантов, 693 рядовых и 19 женщин покинули русскую землю и на следующий день вышли в море²⁶³. Как была организована присяга этой части Испанского Александровского полка, нам неизвестно.

Очевидно, английских судов более не предвиделось, и испанский полномочный министр обратился с просьбой разрешить генеральному консулу Зеа Бермудесу отправлять испанцев и португальцев на купеческих судах. Горчаков дал согласие и сообщил об этом 24 сентября Моллеру²⁶⁴. Впрочем, оперативно воспользоваться такими возможностями удавалось не всегда. Так, 2 октября Зеа Бермудес попросил отправить на отплывающем в Лондон фрегате четверых испанцев, находившихся под арестом «заслушивание начальства». В британской столице их предполагалось передать испанскому министру. Однако 5 октября Траверсе сообщил Горчакову, что фрегат, о котором писал испанский дипломат, вышел из Кронштадта две недели назад²⁶⁵. В итоге испанский полномочный министр Бардахи Азара попросил перевести арестантов из Кроншлотского замка в городскую тюрьму Кронштадта и содержать там под надзором «начальника гишпанских войск Томаса Переза» до тех пор, пока он не «найдет их исправившимися в поведении своем и сочтет достойными возвращения в отечество»²⁶⁶.

Хотя португальцы и составляли вместе с испанцами одну категорию пленных, тем не менее, имели свои особенности, и о них следует сказать несколько слов отдельно. Среди них были даже высокие военные чины. Так, 21 марта 1813 г. Горчаков запросил графа К. К. Сиверса о том, где находится «и в каком положении» взятый русскими войсками в плен около Кёнигсберга дивизионный генерал португальской службы

д'Алорне²⁶⁷. Имелся в виду Педру Алмейда маркиз д'Алорна, умерший «от изнурения» в Кёнигсберге 21 декабря 1812 г. (2 января 1813 г.).

Далеко не всегда португальцы стремились присоединиться к Испанскому Александровскому полку. Португальский подполковник М. де Кастро, командовавший в кампании 1812 г. 3-м португальским полком, сформированным из пленных испанцев «по принуждению французского правительства», во время отступления Великой армии «явился к нам и объявил желание возвратиться в свое отечество через Санкт-Петербург и Англию». Император согласился исполнить эту просьбу, о чем П. М. Волконский сообщил А. М. Римскому-Корсакову 17 января 1813 г., с тем, чтобы тот отправил де Кастро к Вязмитинову для передачи португальскому министру²⁶⁸. Согласно отношению литовского военного губернатора к курляндскому гражданскому от 7 февраля, для безостановочного проезда португальского подполковника де Кастро-Перейра в столицу ему был выделен в Вильне унтер-офицер, которого по приезде пленника в Митава следовало вернуть обратно, сменив на другого сопровождающего — до Риги или Петербурга²⁶⁹.

Следует отметить, что португальцы были настроены в целом более пронаполеоновски, чем испанцы. Например, по донесению тамбовского гражданского губернатора, при отправлении в Царское Село пленных португальцев бригадный генерал Ф. А. Фрейр-Пего, подполковник М. ди Суза, капитан Дасис и поручик Родригез объявили, что они не желают возвращаться в отечество, а «остаются в России французскими военнопленными, потому что они присягнули на подданство Франции и что затем якобы не могут быть подданными Португалии». Их соответствующее письмо тамбовскому губернатору датировано 10 августа 1813 г. по новому стилю. Вязмитинов 23 августа направил донесение императору Александру I, который 4 сентября повелел содержать этих лиц «как военнопленных французов, дав знать о сем обстоятельстве через канцлера португальскому поверенному в делах»²⁷⁰.

Строптиво вели себя и другие португальские офицеры. Так, Горчаков узнал, что «начальство над португальцами в Кронштадте» самовольно, без разрешения Военного министерства и испанского полномочного министра Бардахи Азара, принял на себя португальский офицер Миранда. В связи с этим 26 августа 1813 г. управляющий Военным министерством предписал Моллеру немедленно выслать его к португальскому

²⁶¹ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 100.

²⁶² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 177.

²⁶³ Там же. Л. 179.

²⁶⁴ Там же. Л. 200.

²⁶⁵ Там же. Л. 203–204.

²⁶⁶ Там же. Л. 215.

²⁶⁷ Там же. Л. 34.

²⁶⁸ Томилин С. В. Отголоски войны 1812–1813 гг... С. 177.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ РГИА. Ф. 1261 Оп. 9. Д. 85. Л. 1; Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 56. Тамбов, 1915. С. 178–179.

поверенному и, «дабы впредь не могло быть подобного <...> самоуправства», доставить именной список всем испанским и португальским офицерам²⁷¹. Через два дня Моллер сообщил об исполнении приказа. В представленном им списке насчитывалось 14 офицеров (в т. ч. 9 португальских), но только трое из них (испанцы поручик Томас Передз, подпоручик Антоний Мена (Мина) и прапорщик Франциско Дифорой) были признаны в своих чинах испанским министром²⁷². К Миранде никаких санкций применять не стали. Конфликт решили не раздувать, и ему было выдано разрешение отправиться на родину на одном из купеческих судов, следовавших из Кронштадта в Лиссабон²⁷³.

Как следует из отношения Горчакова к главнокомандующему в Санкт-Петербурге от 10 сентября, в Кронштадте на тот момент остались «несколько португальских офицеров и других людей разного звания и чинов», которые не присягнули на верность принцу-регенту. Управляющий Военным министерством предлагал передать их полиции, перевести на положение военнопленных и отправить, куда Вязьмитинов рассудит «за благо», пока португальский поверенный в делах не получит согласия своего правительства на возвращение этих лиц на родину²⁷⁴. 12 сентября управляющий Министерством полиции сообщил, что отправит не присягнувших португальцев в Вологду²⁷⁵.

Наступление нового 1814 года не принесло особых перемен для оставшихся в России испанцев и португальцев.

В ответ на запрос Вязьмитинова от 22 января, куда следует отправить присланных в Ригу из Гродненской губернии пленных испанцев (1 офицера и 19 нижних чинов), Горчаков в качестве места сосредоточения всех прибывающих из внутренних губерний пленников, родившихся на берегах Тахо и Эбро, указал Кронштадт²⁷⁶. 28 января дворянский чиновник Левский доставил туда из Орла и сдал Ризенкампфу еще 1 обер-офицера и 19 нижних чинов испанцев и португальцев²⁷⁷. И в тот же день из петербургского ордонансгауза в распоряжение Трунина был передан привезенный из Новгорода испанец Дио Рок²⁷⁸. 15 февраля из Пскова в Софию в распоряжение майора Дьячкова прибыли 12 испанцев-мужчин и одна женщина, на следующий день ему были переданы также

два человека из Царскосельского земского суда, а 21 марта еще 3 испанца, доставленные из Смоленска. Всех их отправили в Кронштадт²⁷⁹. А 13 марта пришли, наконец, упомянутые выше пленные из Риги, правда число нижних чинов, вероятно с учетом заболевших в пути, было на два человека меньше²⁸⁰.

Главными вопросами, которыми приходилось заниматься российским властям в связи с расквартированием испанцев и португальцев в Кронштадте, были соблюдение режима и снабжение пленников, ставших союзниками, денежным довольствием и одеждой. Так, Горчаков 3 марта 1814 г. обратился по ходатайству испанского полномочного министра к Моллеру с просьбой, чтобы тот выдавал билеты на проезд в Петербург и обратно на четыре дня тем офицерам, которым Т. Передз разрешит подобный вояж. То же касалось и нижних чинов, которых Передз мог отправлять в столицу с различными поручениями²⁸¹.

16 марта Зеа Бермудес обратился к Горчакову с просьбой выдать содержание испанским офицерам по 1 апреля в сумме 2147 руб., а также сделать предписание о пошиве 1 офицерского и 20 солдатских мундиров «со всею к ним принадлежностью» (т. е. с шинелями, сапогами и рубашками)²⁸². А 13 мая 1814 г. Горчаков на основании сношения с испанским полномочным министром предписал построить для испанцев еще 1 обер-офицерский и 40 солдатских мундиров²⁸³. О выполнении этого заказа купцом Патюковым и уплате ему 3954 руб. 40 коп. комиссия комиссариатского депо донесла 10 июля 1814 г.²⁸⁴

Сконцентрированных в течение зимы в Кронштадте испанцев перед отправкой на родину следовало привести к присяге. Чрезвычайный посланник и полномочный министр Бардахи Азара и генеральный консул Зеа Бермудес предложили Горчакову провести эту церемонию 18 мая. В связи с этим 16 мая управляющий Военным министерством попросил подготовить в Ораниенбауме для перевозки дипломатов в Кронштадт два катера, а также рекомендовал Ризенкампфу снестись по поводу организации присяги с Передзом. Процедура присяги «законному государю Фердинанду VII» должна была проходить таким же образом, как в предшествующем году. А для облегчения взаимодействия испанского министра с местными властями в Кронштадт особо были откомандированы

²⁷¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 162.

²⁷² Там же. Л. 170–171.

²⁷³ Там же. Л. 196.

²⁷⁴ Там же. Л. 195.

²⁷⁵ Там же. Л. 198.

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 1–2.

²⁷⁷ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 99. Л. 1; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 3.

²⁷⁸ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 98. Л. 22.

²⁷⁹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 99. Л. 7, 9.

²⁸⁰ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 100. Л. 14; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 27.

²⁸¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 11.

²⁸² Там же. Л. 14.

²⁸³ Там же. Л. 41; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 102.

²⁸⁴ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 103.

камер-юнкер князь И. А. Лобанов-Ростовский и поручик Темяшев²⁸⁵. 19 мая Лобанов-Ростовский отправил Горчакову рапорт о состоявшейся накануне церемонии присяги. «Отряд, до 400 чел. простирающийся, поставлен был в 10 утра во фронт на площади против казарм и где устроен был на сей случай алтарь». По прибытии Бардахи Азары состоялось католическое богослужение, затем Зеа Бермудес прочел «некоторые из важнейших статей новой конституции гишпанского народа», после чего посланник спросил испанцев, желают ли они присягать Фердинанду VII. «Троекратное “Клянемся!” обнаружило восторг их о возвращении к законной власти». А после этого Бардахи Азара говорил «к войску речь об обязанностях истинных сынов отечества к государю своему и к властям, от него поставленным». Затем весь отряд колено-преклоненно произнес присягу и, построившись повзводно, продефилировал перед алтарем с криками «Да здравствует Фердинанд VII!», «Да здравствует гишпанская конституция!», «Да здравствует великодушный Александр!»²⁸⁶. Монархический крен в описании церемонии очевиден, конституция упомянута лишь мельком.

После торжественной церемонии присяги вновь потянулись будни. В мае в артиллерийском госпитале выздоровел испанский солдат Пипедо, и Зеа Бермудеу пришлось хлопотать о присоединении его к соотечественникам, находящимся в Кронштадте²⁸⁷. 15 июня туда была доставлена партия в 15 испанцев из Витебска²⁸⁸. 9 июля Горчаков предписал отпустить 2147 руб. на жалование испанским и португальским офицерам по 1 июля²⁸⁹. 9 сентября он повелел выплатить офицерам такую же сумму по 1 сентября²⁹⁰. 14 июля Моллер сообщил о выданном им разрешении отправиться на 4 дня в Петербург из Кронштадта капитану «Испанско-Александровского полка» Микелю Кастро и рядовому Фернандесу Франциско²⁹¹.

11 ноября Вязмитинов проинформировал Горчакова о прибытии в столицу из Оренбурга партии пленных испанцев и португальцев (5 обер-офицеров и 97 нижних чинов) под присмотром прапорщика Уфимского гарнизонного батальона. Временно пленники были размещены в фуражном дворе Лейб-гренадерского полка за Калинкиным

мостом²⁹². В тот же день управляющий Военным министерством предписал Ризенкампу принять эту партию под свое командование и разместить в Кронштадте, а министра морских сил просил срочно — поскольку опасались внезапного ледостава — предоставить для перевозки пленных судно²⁹³. Однако Траверсе к этому времени уже велел прекратить с Кронштадтом сообщение по воде и вытащить суда на берег, объясняя это «противным ветром» и опасностью вмерзания кораблей в лёд. Он предложил отправить партию пленных в Ораниенбаум, откуда доплыть до Кронштадта «по краткости расстояния» было еще возможно²⁹⁴. Согласившись с предложением Траверсе, Горчаков просил его приготовить суда в Ораниенбауме к 15 ноября²⁹⁵.

Неожиданно возникла еще одна проблема. 12 ноября Зеа Бермудес сообщил Горчакову о том, что между прибывшими испанцами и португальцами «водворился дух несогласия», и просил, заручившись поддержкой португальского поверенного в делах, не отправлять португальцев в Кронштадт, а разместить их в Царском Селе или в Ораниенбауме²⁹⁶. Как видно из написанного на следующий день отношения управляющего Военным министерством к управляющему Министерством полиции, португальцы «от известной преданности их к Наполеону, неоднократно в продолжении пути изъявленной», могли оказать вредное влияние на испанцев. Поэтому Горчаков просил Вязмитинова предписать полиции, чтобы та по приводе партии в Ораниенбаум сдала португальцев командиру лейб-гвардии Гарнизонного батальона полковнику А. Д. Гордееву, под надзором которого они должны были оставаться до открытия навигации. Испанцев же следовало сдать в Кронштадте Ризенкампу²⁹⁷. Соответствующее предписание Горчаков 13 ноября дал и Гордееву (речь шла о 3 португальских офицерах, 2 унтер-офицерах и неназваном числе рядовых)²⁹⁸. Как сообщил 16 ноября Ризенкампф, накануне в Кронштадт были переправлены 86 испанских нижних чинов²⁹⁹. Португальцев же, оставленных в Ораниенбауме, согласно рапорту Гордеева от 19 ноября было 5 офицеров (т. е. все офицеры оренбургской партии) и 11 нижних чинов. Такое же число португальцев приводится и в рапорте Моллера

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 41–43.

²⁸⁶ Там же. Л. 44.

²⁸⁷ Там же. Л. 47.

²⁸⁸ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 103. Л. 7; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 54.

²⁸⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 57–59.

²⁹⁰ Там же. Л. 73.

²⁹¹ Там же. Л. 60.

²⁹² Там же. Л. 105.

²⁹³ Там же. Л. 106, 108.

²⁹⁴ Там же. Л. 109.

²⁹⁵ Там же. Л. 125.

²⁹⁶ Там же. Л. 119–120.

²⁹⁷ Там же. Л. 123–124.

²⁹⁸ Там же. Л. 126.

²⁹⁹ Там же. Л. 134.

от 16 ноября³⁰⁰. Однако Горчаков 18 ноября предписал комиссариатскому департаменту отпустить жалование лишь на трех португальских поручиков³⁰¹. Только от трех офицерах идет речь и в предписании Горчакова Гордееву от 26 ноября. В этом же документе сообщалось и об отданном предписании инженерному департаменту по поводу отопления и освещения помещений для пленных³⁰².

Прибытие партии из Оренбурга и наступление холодов вновь поставило вопрос об одежде пленных. 12 ноября Зеа Бермудес сообщил Горчакову, что для них, а также для находившихся в Кронштадте, необходимо 120 мундиров, 300 шинелей, 200 пар суконных панталон и 600 пар сапог. По мнению испанского уполномоченного, испанцы в Кронштадте имели в теплой одежде «крайнюю нужду»³⁰³. 14 ноября Горчаков отдал комиссариатскому департаменту предписание об отпуске по согласованию с Ризенкампом требуемых вещей³⁰⁴. Однако немедленно поставить все необходимое не удалось. 26 ноября князь Лобанов-Ростовский сообщил начальнику 1-го отделения комиссариатского департамента генерал-майору Аникину, что Зеа Бермудес просит ускорить доставку мундиров, ибо «мороз настанет русский, и гишпанцам не по нутру»³⁰⁵. 3 декабря после дополнительного объяснения с испанским уполномоченным комиссариатский департамент предписал петербургской комиссариатской комиссии отпустить испанцам шинели, которые имелись в наличии, и «как можно поспешнее» приготовить прочие вещи³⁰⁶.

5 декабря Вязмитинов запросил Горчакова, на каких основаниях следует довольствоваться размещенных в Ораниенбауме 11 португальских нижних чинов.³⁰⁷ Горчаков сообщил, что этих людей как не присягнувших законному государю следует считать военнопленными «до размену», и содержать их должно петербургское гражданское начальство³⁰⁸. Вязмитинова, однако, такая позиция Военного ведомства смутила, поскольку он счел ее противоречащей высочайшему повелению от 10 апреля 1814 г., объявленному А. А. Аракчеевым, о возвращении всех пленных в отечество.³⁰⁹ В ответе, датированном 16 декабря, управляющий

Военным министерством напомнил историю появления португальцев в Ораниенбауме, отметив, что они принадлежат к отряду, находящемуся в Кронштадте, и могут быть отправлены на родину только на транспортных судах по согласованию с Зеа Бермудесом. Впрочем, Горчаков выражал готовность взять их на содержание своего ведомства³¹⁰. Воспользовавшись этим, Вязмитинов предпочел, дабы не нарушать волю императора, снять с себя ответственность за содержание португальцев, передав этот вопрос военному начальству. И 24 декабря Горчаков дал соответствующее предписание провиантскому департаменту о выплате португальцам по 25 коп. в сутки. Свою позицию он подкреплял ссылкой на императорскую волю, согласно которой содержание пленных испанцев и португальцев было поручено именно его попечению³¹¹. Надо напомнить, что предписанием самого же Горчакова от 12 мая 1813 г. содержание пленных испанцев было увеличено с 25 до 30 коп. в сутки.

В течение 1814 года постепенная репатриация испанцев и португальцев продолжалась. 11 июня Горчаков по просьбе португальского поверенного и с согласия испанского посланника дал разрешение двум португальским офицерам отправиться из Кронштадта на португальских судах «Гранте» и «Амизаде»³¹². 25 июля английский вице-консул в Кронштадте получил предписание английского посла (точнее, исполнявшего его обязанности секретаря посольства) лорда Г. Уолпола посадить на прибывший английский фрегат 70 испанцев. Помощь в переправке пленников из карантина на судно должен был оказать Моллер³¹³ и, как информировал 28 июля Ризенкампф полковника Трунина, 1 обер-офицер и 70 нижних чинов покинули Россию³¹⁴. 6 августа Моллер сообщил, что на судне «Амизаде», очевидно, вновь вошедшем в русские воды, по согласованию с португальским экспедитором в Кронштадте Фигаредо он разрешил отправиться трем португальским рядовым (Жоакимо Жозе, Жоао до Кармо и Жоао Антонио)³¹⁵.

Однако англичане предоставить необходимое число судов для отправления всех испанцев и португальцев не смогли. В связи с этим 8 сентября Бардахи Азара попросил Горчакова для отправления испанцев на родину выделить одно или два русских судна. Управляющий Военным министерством лично снесся с министром морских сил, который, однако, заявил, что снаряжение и вооружение двух судов потре-

³⁰⁰ Там же. Л. 135–136.

³⁰¹ Там же. Л. 138.

³⁰² Там же. Л. 137.

³⁰³ Там же. Л. 121–122; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 108.

³⁰⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 127–128; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 106.

³⁰⁵ РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 111.

³⁰⁶ Там же. Л. 114.

³⁰⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 143.

³⁰⁸ Там же. Л. 144.

³⁰⁹ Там же. Л. 147.

³¹⁰ Там же. Л. 148–149.

³¹¹ Там же. Л. 152–153.

³¹² Там же. Л. 48–50.

³¹³ Там же. Л. 61.

³¹⁴ РГВИА. Ф. 29. Оп. 14. Д. 104. Л. 7.

³¹⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 3. Л. 69.

бовало бы слишком больших издержек со стороны казны, в связи с чем просьба испанского дипломата была отклонена³¹⁶. В этих условиях единственным способом возвращения испанцев на родину была отправка их незначительными партиями на частных судах. Именно с этим связано и отношение Горчакова к Моллеру от 27 октября, в котором управляющий Военным министерством просил кронштадтского военного губернатора не возражать против отправления пленных на купеческих союзных судах при наличии соответствующих представлений Передза³¹⁷.

В 1814 г. сохранял свое значение в качестве пункта сосредоточения пленных испанцев и португальцев также Мемель. 18 января 1814 г. принц А. Вюртембергский сообщил А. И. Горчакову, что находившиеся в сдавшемся данцигском гарнизоне испанцы отправлены в Мемель «в тамошнее учрежденное депо»³¹⁸. А позднее, 9 марта, генерал от инфантерии А. С. Фенш сообщил Горчакову, что еще 13 января эти испанцы были отправлены в Кёнигсберг при отношении к тамошнему военному начальнику К. К. Сиверсу, далее их следовало отправить в Мемель, а оттуда по открытию навигации — в Испанию³¹⁹. Согласно приложенному списку, из-под Данцига было отправлено 393 испанца³²⁰. Тем не менее, 7 февраля 1814 г. в ответе на отношение Вюртембергского Горчаков, видимо на всякий случай, подтвердил решение об отправке их в Мемель³²¹ и в тот же день предписал мемельскому коменданту Шрейдеру остановить в Мемеле партию пленных испанцев из Данцига, а если она уже прошла, то вернуть ее, послав нарочного³²². 1 марта Шрейдер сообщил, что испанцы из Данцига в Мемеле остановлены и довольствуются там «вследствие высочайшего повеления по заграничному положению провиантом и порцией», а также должны получать жалование³²³. В качестве основания Шрейдер привел недатированное предписание П. М. Волконского, из которого следует, что отправленные из Главной квартиры в Мемель военнопленные испанцы должны получать по высочайшему соизволению на путевое продовольствие следующие суммы: генералы 3 руб., полковники и подполковники по 1 руб. 50 коп., обер-офицеры по 50 коп. серебром, а нижние чины по 10 коп. в сутки, «из которых последним производится и провиант». Эти же нормы снабжения должны

³¹⁶ Там же. Л. 79–83.

³¹⁷ Там же. Л. 101.

³¹⁸ Там же. Л. 88.

³¹⁹ Там же. Л. 19.

³²⁰ Там же. Л. 20–24.

³²¹ Там же. Л. 7.

³²² Там же. Л. 8.

³²³ Там же. Л. 29.

были сохраняться и в дальнейшем³²⁴. Однако генерал-интендант армии Е. Ф. Канкрин, несмотря на неоднократные требования Шрейдера, денег не присылал, что и побудило мемельского коменданта обратиться с соответствующей просьбой к Горчакову. Как следует из приложенной ведомости, в это время в Мемеле находились 1 обер-офицер и 87 нижних чинов, прибывшие из госпиталей, а также 2 обер-офицера и 442 нижних чина из данцигского гарнизона, всего 532 чел. Раньше чем 1 мая отправить их морем не представлялось возможным, и общая сумма на выплаты до этого времени (для вышедших из госпиталей с 1 ноября 1813 г., а для данцигских пленников — с 1 февраля 1814 г.) составляла 5670 руб. серебром, или 22 680 руб. ассигнациями. Особо Шрейдер отметил, что все пленные имели крайний недостаток в амуниции³²⁵.

Рапорт Шрейдера от 1 марта был получен в Военном министерстве только 3 мая³²⁶. Уже 5 мая Горчаков отдал предписание комиссариатскому департаменту об отпуске в Мемель просимых средств, обратив внимание Шрейдера, что если тот раньше получит деньги для пленных испанцев из «другой не требующей возврата суммы», то отправленные по его приказу 22 680 руб. следует вернуть³²⁷. Вероятно, в связи с долгим отсутствием реакции на мартовский рапорт Шрейдера начальник мемельского отряда испанцев обратился за поддержкой к Зеа Бермудесу, который 6 мая направил Горчакову ноту, где обратил внимание на «недостатки в пособиях» пленникам³²⁸. При этом обращении была приложена ведомость о численности испанцев в Мемеле на 2 апреля. Их было уже 534 чел., в т. ч. 3 офицера, из них 42 чел. находились в госпитале.³²⁹ 5 августа Горчаков сообщил Шрейдеру, что по доходящим до него сведениям испанцы в Мемеле «не удовлетворены сполна по высочайше утвержденному положению» и потребовал немедленно исправить это, расследовав возможные злоупотребления³³⁰.

24 августа Шрейдер донес Горчакову о криминальном происшествии с участием испанских пленных. Как показало трехстороннее русско-пруско-испанское расследование, матросы с русских купеческих судов в одном из питейных домов Мемеля избили до крови и выгнали испанца, который обратился за поддержкой к своим соотечественникам, что привело к массовой драке. В ходе этой драки был смертельно ранен

³²⁴ Там же. Л. 30.

³²⁵ Там же. Л. 29, 31.

³²⁶ Там же. Л. 29.

³²⁷ Там же. Л. 32–33.

³²⁸ Там же. Л. 37–38.

³²⁹ Там же. Л. 38 об.

³³⁰ Там же. Л. 68.

ножом подданный Пруссии. Виновных найти не удалось, хотя в преступлении подозревались четверо рядовых испанцев (Мануель Лопец, Юзеф Марене, Роман Кост и Вицентий Бутасани). Шрейдер предлагал за участие в драке на основании повеления Горчакова от 8 мая 1813 г. упомянутых четырех, а также еще 11 испанцев, «предать законному суждению». Пруссаки считали, что судить подданных Фердинанда VII нужно по прусским законам (ибо преступление произошло на территории Пруссии, и жертвой стал ее подданный). Вместе с тем в дело об убийстве в 1813 г. одним из испанцев своей жены, о чем речь шла выше, пруссаки не вмешивались. Окончательное решение об участии арестованных Шрейдер оставлял за Горчаковым³³¹, который 18 сентября 1814 г. запросил мнение Зеа Бермудеса³³².

Как следует из рапорта начальника мемельского отряда от 10 (22) августа 1814 г., в Мемеле находились 3 офицера и 592 нижних чина. В качестве жалования за майскую треть офицерам причиталось 720 руб., а солдатам 29 144 руб. ассигнациями³³³. Получив рапорт, Бардахи Азара обратился к Горчакову, который 29 сентября предписал отпустить эти деньги из комиссариатского департамента³³⁴.

Что касается отправки выходцев с Пиренейского полуострова из Мемеля, то 5 августа 1814 г. Горчаков по согласованию с испанским посланником рекомендовал Шрейдеру в случае прихода туда английских судов осуществлять за них посадку пленных испанцев немедленно и в максимальном количестве без согласований со столичными властями³³⁵.

5 декабря 1815 г. Шрейдер сообщил Горчакову, что по предписанию главнокомандующего, сообщенному ему начальником Главного штаба генерал-лейтенантом И. В. Сабанеевым, он, сдав оставшихся испанцев прусским властям для репатриации сухим путем, отправился из Мемеля к своему месту службы в 4-ю пехотную дивизию³³⁶.

В 1815 г. испанцы с португальцами еще продолжали находиться в Кронштадте. Так, 14 января 1815 г. Зеа Бермудес попросил о выдаче испанским офицерам вновь 2147 руб., что свидетельствует о неизменности их численности. Однако из-за отсутствия денег в комиссариатском департаменте Горчаков приказал произвести эту выплату только 31 марта³³⁷.

³³¹ Там же. Л. 85.

³³² Там же. Л. 94–95.

³³³ Там же. Л. 87–88.

³³⁴ Там же. Л. 86, 96.

³³⁵ Там же. Л. 67.

³³⁶ Там же. Л. 151.

³³⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 4. Л. 1, 11.

8 мая 1815 г. Горчаков удовлетворил просьбу Зеа Бермудеса отпустить из Кронштадта и позволить «употребить на две недели 15 человек гишпанцев на даче графини Коломби», находившейся под Петербургом у села Мурино³³⁸. Просьба эта, кажущаяся на первый взгляд необычной, на самом деле таковой не являлась — речь шла о помощи вдове умершего в 1811 г. генерального консула Испании в Петербурге Антонио Коломби.

Некоторые испанцы покидали Кронштадт и без санкции российских властей. Например, Ризенкампф донес Горчакову 8 мая 1815 г., что накануне двое нижних чинов (Сильвестр Берга и Юган Солер) отлучились из казарм. Поиски их результатов не дали, и военное начальство решило, что они отправились на родину на купеческих кораблях³³⁹. Согласно другим данным, скрылись четыре человека. В связи с этим кронштадтский военный губернатор отдал строжайшее предписание командирам внутренней и дальней брандвахты следить за тем, чтобы беглые испанцы не могли покинуть на иностранных судах русские воды. В случае обнаружения их следовало немедленно задержать. Кроме того, по требованию Горчакова Моллер предписал полиции объявить английскому вице-консулу и «экспедиторам других наций», чтобы они не осмеливались брать на суда испанских солдат без разрешения властей и соответствующего билета под угрозой штрафа в 50 ефимков за человека³⁴⁰.

6 августа Зеа Бермудес направил Горчакову ноту, в которой он сообщил о безуспешности попыток добиться от англичан присылки судов, а также невозможности прибытия их из Испании. В связи с этим генеральный консул предложил отправить своих соотечественников на родину на купеческих судах за собственный счет, и просил лишь выплатить им на путевое продовольствие 26 тыс. руб. Эта сумма, по словам дипломата, не составляла даже трети расходов, которые понесла бы российская сторона, если бы находившиеся в Кронштадте 400 испанцев остались там на зиму (это была бы уже их четвертая зима в России!). Отдельным пунктом Зеа Бермудес просил выплатить жалование начальнику отряда³⁴¹. Горчаков согласился с таким предложением и уже 9 августа предписал комиссариатскому департаменту выделить испанцам, уже помещенным в карантин, 25 тыс. руб. ассигнациями, обещав также решить вопрос о выдаче жалования офицерам³⁴². 12 августа генеральный консул представил расчет на выплату жалования Передзу и состоявшему

³³⁸ Там же. Л. 12.

³³⁹ Там же. Л. 13.

³⁴⁰ Там же. Л. 22.

³⁴¹ Там же. Л. 30–32.

³⁴² Там же. Л. 33–34.

при отряде лекарю. Всего им за период с 1 января по 1 ноября 1815 г. (включая двухмесячное жалование на путевые издержки) причиталось 2500 руб.³⁴³ Обещанные 25 тыс. отпускались по предписаниям управляющего Военным министерством двумя траншами: 10 тыс. 18 августа и 15 тыс. 23-го. Предписание о выдаче Передзу и лекарю обещанного жалования датировано 27 августа³⁴⁴.

3 сентября Горчаков сообщил Моллеру о скором отправлении испанцев на родину, просил обеспечить их свободный отъезд и принять меры для «удобнейшего посажения на суда»³⁴⁵. По донесению Ризенкампа от 13 сентября, испанцы в количестве 2 обер-офицеров, 32 унтер-офицеров, 12 барабанщиков и 337 нижних чинов (всего 383 чел.) были размещены на трех прусских купеческих судах³⁴⁶. Кронштадский комендант в рапорте от того же числа привёл несколько иную цифру (меньше на 1 унтер-офицера и 2 нижних чинов)³⁴⁷. И, наконец, Моллер в рапорте Горчакову от 15 сентября сообщал, что на прусское судно «Фридрих Вильгельм» посажен Передз и 127 нижних чинов, на прусское судно «Астреа» — лекарь Гернандес и 132 нижних чина, а на мекленбургское «Клейн София» — 119 нижних чинов, т. е. всего 379 чел. Все три судна отплыли 14 сентября в Испанию, оставив в кронштадтском госпитале трех больных нижних чинов, один из которых в день отплытия его товарищей умер³⁴⁸. Другой больной, рядовой Франциско Саншев, выписался из госпиталя 30 сентября. 13 декабря Моллер сообщил Горчакову, что он довольствуется сухопутным провиантом, получает из личных денег кронштадтского коменданта по 25 коп. в сутки, жалуется на недостаток средств и просит отправить его в Петербург к Зеа Бермудесу. Военный губернатор предлагал выплачивать Саншеву деньги из казны, а потраченные комендантом средства возместить. Третий больной на момент подачи Моллером рапорта оставался в госпитале³⁴⁹. Дальнейшая судьба этих бывших солдат Наполеона нам неизвестна.

Несколько слов следует сказать о размещенных в Ораниенбауме португальцах. Власти вынуждены были заниматься всем кругом вопросов, связанных и их денежным содержанием, вещевым довольствием и режимом передвижения. Так, 1 февраля 1815 г. командир лейб-гвардии Гарнизонного батальона сообщил Горчакову, что португальский капитан

Антонио Гамыш де Сильва Вилар просит разрешить ему поездку в Петербург к португальскому министру³⁵⁰.

3 марта португальский поверенный в делах Годес (Гедеш, А. J. de Guedes) обратился к Горчакову с просьбой о назначении пяти находящимся в Ораниенбауме португальским офицерам (капитан и 4 подпоручика) и солдатам содержания наравне с испанцами, размещенными в Кронштадте (устная договоренность об этом была достигнута еще раньше). Тогда же поверенный просил и о постройке двух офицерских мундиров. Соответствующие предписания управляющий Военным министерством отдал комиссариатскому департаменту и Гордееву уже на следующий день³⁵¹. Однако в предписании Горчакова от 6 июля 1813 г. оклад жалования испанским подпоручикам указан не был, в связи с чем комиссариатский департамент предложил платить находящимся в Ораниенбауме подпоручикам наравне с поручиками, т. е. 86 руб. в месяц. Соответствующая санкция управляющего Военным министерством была получена 24 марта 1815 г.³⁵² Однако мартовское распоряжение Горчакова об уравнении в содержании испанцев и португальцев своевременно выполнено не было и 16 мая 1815 г. португальский поверенный обратился к нему повторно. В итоге управляющий Военным министерством предписал в июне комиссариатскому департаменту доплатить португальским нижним чинам деньги, приняв в расчет полагавшиеся испанцам дополнительные 5 коп. в сутки, и выдать португальским офицерам за тринадцать с половиной месяцев такое же жалование, как и испанским³⁵³.

16 июня Годес обратился к Горчакову с просьбой разрешить отправку португальцев на родину на частных купеческих судах и получил на это согласие³⁵⁴. Договоренности с купцами, очевидно, были достигнуты, и в соответствующем предписании комиссариатскому департаменту от 31 июля Горчаков говорил об отъезде за границу капитана и одного поручика, предлагая трём оставшимся офицерам выплатить жалование за полтора месяца с 1 июня по 15 июля. Однако Годес 3 июля обратился, ссылаясь на предшествующую практику, к управляющему Военным министерством с просьбой о выплате отъезжающим месячного жалования на дорогу³⁵⁵. Имеется расписка португальского офицера в получении им и его товарищами жалования по 15 июля (387 руб.), датированная

³⁴³ Там же. Л. 35, 36.

³⁴⁴ Там же. Л. 37–41.

³⁴⁵ Там же. Л. 42.

³⁴⁶ Там же. Л. 47.

³⁴⁷ Там же. Л. 48.

³⁴⁸ Там же. Л. 49.

³⁴⁹ Там же. Л. 51.

³⁵⁰ Там же. Л. 3.

³⁵¹ Там же. Л. 4; РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 20. Л. 114.

³⁵² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 4. Л. 9–10.

³⁵³ Там же. Л. 17–18.

³⁵⁴ Там же. Л. 21, 25.

³⁵⁵ Там же. Л. 26–27.

27 августа³⁵⁶. А 8 сентября Гордеев донес Горчакову, что все находившиеся в его ведении португальцы (5 обер-офицеров и 11 нижних чинов) были отправлены из России «в разные месяцы и числа» на купеческих судах³⁵⁷. Подпоручику Киселеву, осуществлявшему непосредственный надзор за португальцами, в связи с прекращением его функций Горчаков предписал выразить свою «истинную признательность»³⁵⁸.

Солдатам и офицерам Испанского Императорского Александровского полка не суждено было воевать против Наполеона в России. Но часть испанских пленников вступила в отряд партизана А. С. Фигнера. Они были в его составе в 1813 году во время заграничного похода и оказались участниками роковой экспедиции против Вестфальского королевства, закончившейся гибелью и отряда, и его легендарного командира на левом берегу Эльбы близ Дессау 1 (13) октября³⁵⁹.

24 июня 1813 г. начальник главного штаба соединенных армий генерал-лейтенант И. В. Сабанеев сообщил начальнику главного штаба русской армии генерал-майору Ф. Ф. Довре по поручению главнокомандующего, что по высочайшему повелению «лейб-гвардии полковнику Фигнеру позволено формировать из пленных итальянцев и гишпанцев войски под названием Мстительный легион, для чего и нужно, чтобы в том не только не было сделано ему никакого препятствия, но и оказываемо всенужное содействие со стороны воинских начальников»³⁶⁰. В тот же день документ аналогичного содержания Сабанеев направил и великому князю Константину Павловичу. Последний наложил резолюцию: «Дать знать начальникам корпусов»³⁶¹. А. В. Фигнер, племянник партизана, добавляет к этому, что легион был сформирован А. С. Фигнером «на счет добыч от неприятеля»³⁶².

Хотя официальных данных о Мстительном легионе Фигнера крайне мало, но свидетельства современников позволяют вполне определенно говорить, что испанцы и итальянцы играли в нем немалую роль. Д. В. Давыдов вспоминал, что видел Фигнера во время перемирия в 1813 г. в Главной квартире в форме двух батальонов, сформированных им из пленных испанцев и итальянцев; на эполетах у них были литеры

МЛ — Мстительный легион. «Он мне говаривал во время перемирия, — пишет Давыдов, — что намерение его, когда можно будет от успехов союзных армий, пробраться через Швейцарию в Италию и объявить себя вице-королем Италии на место Евгения»³⁶³. Н. В. Неведомский, чрезвычайно компетентный автор, находившийся в 1813 г. в отряде Фигнера сообщает, что знаменитый партизан во время последнего похода тщательно изучал карты Вестфальского королевства и намеревался доказать, что царствование Жерома Бонапарта будет недолгим. Таким образом, Фигнер хотел со своим отрядом освободить Вестфалию, победив если не самого императора Наполеона, то хотя бы его младшего брата³⁶⁴.

Участник последнего сражения Фигнера ротмистр Н. Депрейс в письме к матери, уже после освобождения из плена, описал случившееся с ним, в частности, приведя состав и численность отряда — 56 чел. гусар, 180 чел. украинских казаков, 90 чел. донских казаков и 270 чел. пехоты, состоящей из испанцев и итальянцев³⁶⁵.

И. Т. Радожицкий, знавший Фигнера и интересовавшийся его биографией, писал о пленных из Мстительного легиона, что «эти люди не могли быть надежны. Фигнер, думавши делать с ними чудеса так <же>, как в России, принужден был для приобретения любви от них и доверенности позволять им разные своевольства; вместо того, чтобы нанести вред неприятелю он разорял с ними Саксонию и тем вооружал против себя начальство»³⁶⁶.

Племянник партизана сообщал, что Мстительный легион состоял из представителей разных родов оружия: артиллерии, кавалерии и пехоты. Значительная часть отряда состояла из бывших наполеоновских солдат, преимущественно итальянцев и испанцев. Описывая последнее сражение дяди, А. В. Фигнер писал, что сам командир с передовой частью легиона бросился в атаку, «но вскоре увидел, что остальной его отряд повернул назад в беспорядочном отступлении»³⁶⁷. В. И. Левенштерн также заметил, что отряд этот «не оправдал надежд, которые возлагал на него Фигнер. Все его старания пропали даром. При первом же серьезном деле солдаты покинули своего командира»³⁶⁸.

³⁵⁶ Там же. Л. 28.

³⁵⁷ Там же. Л. 43.

³⁵⁸ Там же. Л. 29.

³⁵⁹ См. подр.: *Миловидов Б. П.* Партизан А. С. Фигнер и военнопленные Великой армии в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2007. С. 157–176.

³⁶⁰ РГВИА. Ф. 103. Оп. 3 (209 б). Д. 114. Л. 48.

³⁶¹ РГВИА. Ф. 25. Оп. 2 (161 а). Д. 27. Л. 25.

³⁶² Партизан Фигнер. Из семейного архива Н. Н. Фигнера // Военный мир. 1911. № 8/9. С. 79.

³⁶³ *Давыдов Д. В.* Сочинения Т. 3. СПб., 1895. С. 175–176.

³⁶⁴ *Неведомский Н.* Последнее сражение Фигнера // Русский инвалид. 1838. № 91. С. 364.

³⁶⁵ Партизан Александр Самойлович Фигнер. Последняя боевая его схватка с французами в 1813 г. Письмо к матери участника-очевидца ротмистра Депрейса // Русская старина. 1886. № 6. С. 612.

³⁶⁶ *И. Р.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. М., 1835. Ч. 3. С. 239.

³⁶⁷ *Фигнер А. В.* Партизан Фигнер (Из семейных воспоминаний) // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 10. С. 142.

³⁶⁸ Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 7. С. 207.

Знавший Фигнера инженерный офицер А. И. Мартос сообщил в своих оконченных к 1818 г. записках, вероятно со слов очевидцев, о последнем бое Фигнера: «Сей отряд, состоявший из итальянцев, поляков, немцев и разного звания людей, вдруг кидает оружие и кричит „пардон“»³⁶⁹. Еще один мемуарист, Г. П. Мешетич, сослуживец Фигнера по 11-й артиллерийской бригаде, также писал о весьма неоднозначном поведении легионеров во время рокового сражения на Эльбе. Впрочем, воспоминания Мешетича являются хотя и ранним (около 1818 г.), но крайне ненадежным источником, сведения, содержащиеся в них — во всяком случае относительно отряда Фигнера — почерпнуты явно из вторых рук, текст содержит многочисленные фактические ошибки. Тем не менее и Мешетич, сообщает, что отряд вместо «Ура!» закричал вдруг «Виват император Наполеон!» и сложил оружие³⁷⁰. Несмотря на невысокую достоверность источника, это свидетельство, во всяком случае, является отражением разговоров, ходивших в армейской среде.

Автор, скрывшийся за инициалами И. О., в статье о Фигнере писал про пленных, входивших в его отряд, «преимущественно испанцах и немцах», что «подобный сброд один сам по себе не мог представлять чего-либо надежного для имевшихся в виду партизанских действий», поэтому Фигнеру были приданы люди из гусарских и казачьих полков. Он же писал, что две роты испанских волонтеров играли в отряде роль пехоты. При изложении последнего этапа биографии Фигнера он опирается в основном на Неведомского и при описании его последнего боя об итальянцах ничего не упоминает³⁷¹.

Сам же Неведомский, рассказывая о составе отряда и о последнем сражении на Эльбе, про предательство ничего не пишет. Он упоминает только испанцев, но ни слова не говорит об итальянцах³⁷². Возможно потому, что их поведение не укладывалось в создаваемую им героическую легенду.

Работа Неведомского, плохого поэта, но талантливого очеркиста, с ее романтически-патриотической характеристикой Фигнера вообще имеет принципиальное значение. Она появилась впервые в 1838 г. в послепушкинском «Современнике», тут же была перепечатана в офицюз-

ном «Русском инвалиде» и стала первой более или менее пространной биографией Фигнера (во всяком случае, в отношении последнего этапа его жизни), многократно переиздавалась, цитировалась, способствуя в значительной степени формированию в общественном и историческом сознании легенды о герое-партизане.

Неведомский, как и другие источники, указывает, что испанцы, входившие в отряд Фигнера, были пехотинцами³⁷³. Это были две роты, сформированные в Силезии из примерно 250 испанцев (большая часть артиллеристов) и 30 португальцев, перебежавших к союзникам во время перемирия 1813 г.³⁷⁴ Неведомский рисует их яростными противниками Наполеона, рвавшимися в бой и при промедлении командира выражавшими сомнения, «уж не заключен ли мир с собакой Малапартом»³⁷⁵. Во время сражения испанцы редко просили пощады и никогда ее не давали, после сражения прикалывали, а чаще прирезывали ножами раненых, крича при каждом ударе «Смерть французу! Смерть собаке!». «Испанскому muerto русские солдаты дали русское окончание и говорили: “Мусьи шпанцы муертуют”. Редко удавалось отогнать испанца от раненого, отнять у них пленного; штыком, ножом они готовы были защищать свою добычу, обреченную смерти, и часто случалось, что казак, гусар переставал обирать пленного, когда прибегали испанцы со своим вечным muerto. Совершив убийство, они оставляли деньги и вещи убитого тому, кому они принадлежали по правам войны»³⁷⁶. Ножи, в основном добытые у немецких хозяек, были непременным оружием испанцев, которое давало им преимущество не только в бою с французами, но и в стычках за дрова и припасы с казаками и гусарами³⁷⁷.

Тем не менее, на испанцах лежит часть ответственности за разгром Мстительного легиона и гибель его командира. Неприятельской кавалерии удалось неожиданно напасть на спавший отряд Фигнера именно благодаря «обыкновенной беспечности» испанцев³⁷⁸. Больше половины их взвода, расположившегося на ночлег в деревне, была переколота польскими уланами. Другая их часть, построенная Фигнером в колонну перед лесом, в ходе боя оказалась отрезана от леса, с трудом затем пробилась к нему и продолжала под его прикрытием долго отстреливаться³⁷⁹. Правда, около 40 чел. вернулись из леса к Фигнеру, оттесненному

³⁶⁹ Записки инженерного офицера А. И. Мартоса // Русский архив. 1893. № 8. С. 510.

³⁷⁰ Мешетич Г. П. Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 г. 1818 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии: Из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991. С. 87.

³⁷¹ И. О. Александр Самойлович Фигнер // Русская старина. 1887. № 8. С. 327, 329–331.

³⁷² Неведомский Н. Последнее сражение Фигнера // Современник. 1838. Т. IX. С. 1–31; То же // Русский инвалид. 1838. № 91–99.

³⁷³ Неведомский Н. Последнее сражение Фигнера // Русский инвалид. 1838. № 92. С. 367.

³⁷⁴ Там же. № 98. С. 392.

³⁷⁵ Там же. № 91. С. 363.

³⁷⁶ Там же. № 98. С. 392.

³⁷⁷ Там же. № 99. С. 396.

³⁷⁸ Там же. № 93. С. 372.

³⁷⁹ Там же. № 94. С. 376; № 95. С. 380.

с остатками отряда к берегу Эльбы, и, действуя штыками и ножами, оказывали яростное сопротивление противнику, что придавало сражению «особую свирепость»³⁸⁰.

Следы Мстительного легиона, точнее его итальянской части, существование которой проигнорировал Неведомский, неожиданно обнаружили в 1814 г. В частности, 12 июня 1814 г. генерал Ф. Ф. Эртель, генерал-полицеймейстер действующих армий, направил рапорт М. Б. Барклаю де Толли, в котором излагалось содержание рапорта майора Курляндского драгунского полка де Давино, командовавшего итальянцами в легионе Фигнера и попавшего в плен. По освобождении в начале 1814 г. он прибыл в Дрезден, где получил от саксонского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина словесное приказание воссоздать легион из итальянцев. Предполагалось туда включить и освобожденных из плена солдат Фигнера³⁸¹.

Согласно рапорту коменданта Базеля, батальон «Итальянского легиона» под командованием де Давино прибыл туда 8 марта, о чем Эртель доносил Барклаю-де-Толли еще 16 марта³⁸². В апреле же легион уже должен был находиться в Фор-Луи. Для его инспектирования дежурный генерал всех армий генерал-майор К. Ф. Ольдекоп отправил штабс-капитана Аллера, который о результатах своей поездки составил 3 мая рапорт. В Фор-Луи итальянцы следовать не хотели, и их смотр состоялся 28 апреля в Базеле. Аллер обнаружил, что в легионе, «именуемом Итальянский», состоит налицо 21 офицер, 2 врача и 440 нижних чинов, «здоровых и видных людей». Выяснилось, что при формировании легиона в Дрездене в нем было более 700 чел, «из коих многие разбежались». Из оставшихся 440 человек, по данным Аллера, 100 было неаполитанцами, 115 итальянцами, 61 пьемонтцами, 37 тосканцами, 32 римлянами и 20 генуэзцами. И, что важно для нас, там было 37 испанцев. В целом часть оказалась небоеспособной³⁸³. И на очередном рапорте Эртеля о легионе от 20 мая 1814 г. Барклай де Толли наложил резолюцию: «До получения еще сего рапорта предписано уже удовлетворить жалованием и распустить»³⁸⁴.

Имеются данные об использовании испанских солдат и в российских частях. Так, согласно мемуарному свидетельству, понесшая большие потери под Борисовым конно-артиллерийская № 23 рота штабс-капитана Маркова по приказу П. Х. Витгенштейна была частично укомплектована нестроевыми чинами из пленных испанцев и немцев. «Почти все они

были в лаптях, при мундирах, но в русской каске. Замечательно, что ни один из них не бежал»³⁸⁵.

Отметим, что из всех военнопленных Великой армии выходцы с далекого Пиренейского полуострова вызывали в России чуть ли не наибольшее сочувствие и симпатию. Тут играло свою роль и сострадание к уроженцам юга, оказавшимся в условиях суровой российской зимы, и героическая борьба испанского народа против Наполеона, находившая отклик в душах россиян, сражавшихся с тем же врагом, и то, что испанские войска поневоле были вынуждены участвовать в Русском походе и, наконец, то, что они из неприятелей превратились в союзников.

М. А. Волкова, уехавшая из Москвы в 1812 г., в своих письмах весьма резко отзываясь о пленных французах, которых видела в Тамбове. Вместе с тем она писала (в декабре 1812 г.), что испанцы и португальцы выглядят жалко, «они на свободе и ежедневно приходят просить милостыни». По ее словам, «они Россию превозносят до небес, а Наполеона ненавидят и радуются его падению». Особую жалость вызывал у Волковой один старый португальский генерал, потерявший в ходе кампании двух сыновей: «Несчастный старик слова не может сказать без слез»³⁸⁶. Очевидно, имелся в виду 57-летний генерал Ф. А. Фрейр-Пего, который, кстати, как уже упоминалось выше, нарушать присягу, данную Наполеону, отказался.

Фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны Р. Эдлинг вспоминала, что пленные, размещенные по окрестностям столицы и страдавшие от нищеты и болезней, вызывали сострадание императрицы, «которая ничем не могла помочь им, кроме денег». По просьбе Елизаветы Алексеевны Эдлинг «покупала им одежду, распределяла пищу» и таким образом многие были спасены. К сожалению, фрейлина не говорит, что это были за пленные³⁸⁷. Возможно, речь идет о немецких пленных, направлявшихся на Петербург для определения в Русско-немецкий легион, в том числе о вестфальцах, гессенцах и ганноверцах, препровождавшихся в столицу в соответствии с упомянутым отношением от 1 октября 1812 г. коменданта Главной квартиры С. Х. Ставракова, первоначально адресованным калужскому губернатору и затем распространявшимся между руководителями губерний по цепочке³⁸⁸. Кроме того, это могли

³⁸⁰ Там же. № 95. С. 379.

³⁸¹ РГВИА. Ф. ВУА. Л. 543. Л. 12.

³⁸² Там же. Л. 1, 12 об.

³⁸³ Там же. Л. 2–3.

³⁸⁴ Там же. Л. 10.

³⁸⁵ Некоторые сведения о конно-артиллерийской роте Маркова // *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. III. Вильна, 1904. С. 216.

³⁸⁶ Частные письма 1812 г. М. А. Волковой к В. И. Ланской // *Русский архив.* 1872. № 12. Стб. 2432.

³⁸⁷ *Эдлинг Р.* Записки // *Тайны царского двора (из записок фрейлин).* М., 1997. С. 124.

³⁸⁸ *Бессонов В. А.* Военнопленные 1812 года в России // *Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. Мемуары. Исследования.* СПб., 2012. С. 90.

быть и пленные, которых с весны 1813 г. предписывалось доставлять на кораблях в Нарву, откуда они распределялись преимущественно по северным губерниям Европейской России³⁸⁹.

О расквартированных же в Царском Селе пленных испанцев и португальцев Эдлинг пишет как об исключении, явно им симпатизируя: «Из них образовали так называемый Королевско-Александровский полк под начальством одного пленного полковника, брата графа Лабисбала. Устройством этого полка занимался Зеа-Бермудец <...> Я близко знала этого превосходного человека, — вспоминала фрейлина. — Если бы все испанцы имели его душу и добродетели поистине классические, эта прекрасная страна, конечно, наслаждалась благоденствием. Романтическое воображение императрицы горячо настроилось в пользу испанцев, и можно было наверно прогневить ее, позволив себе какое-либо неблагоприятное замечание о солдатах Королевско-Александровского полка»³⁹⁰.

Во время пребывания в Курске зимой 1812–1813 гг. Р. де Льянса был хорошо принят местным обществом: «Многие господа оказывали мне честь, приглашая на прекрасные банкеты, музыкальные вечера и особенно часто — балы. Большинство господ говорило по-французски, и поэтому мы их понимали», — писал он. Особенно подружился испанский капитан с неким Полозовым, «полковником и адъютантом великого Суворова»³⁹¹. Впрочем, подобным образом русское провинциальное общество принимало большинство пленных офицеров Великой армии.

В завершение приведем историю, в которой, пожалуй, наиболее ярко отразилось гуманное отношение российского государства и общества к испанцам, да и вообще к пленным Великой армии. 20 декабря 1812 г. секретарь императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламов сообщил Горчакову, что великий князь Константин Павлович прислал к матери трех пленных испанских детей. Это был мальчик 13 лет по имени Лаврентий и две девушки — старшая Жозефина и младшая Юстина. Вдовствующая императрица, приняв детей под свое покровительство, просила найти их отца Иосифа Оноре, служившего музыкантом в полку «Жозеф Наполеон» и попавшего в плен под Москвой³⁹². Детей же императрица повелела принять в Санкт-Петербургский воспитательный дом пансионерами на ее собственном иждивении под фамилией Осиповых³⁹³.

³⁸⁹ Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 411, 427.

³⁹⁰ Эдлинг Р. Записки. С. 124–125.

³⁹¹ Сагомонян А. А. Война 1812 года глазами испанского офицера. С. 108.

³⁹² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 1. Л. 122.

³⁹³ РГИА. Ф. 758. Оп. 1. 1812. Д. 1435. Л. 340. Приношу благодарность Т. Г. Фруменковой за предоставление этой информации.

До прибытия в Петербург эти малолетние жертвы войны находились некоторое время у генерал-майора И. Д. Цыбульского, который был оставлен осенью 1812 г. с бригадой 27-й пехотной дивизии в Красном для устройства в Смоленской губернии военного порядка³⁹⁴. По словам генерала, он нашел детей в Красном «без всякого призрения» и, несмотря на все старания, у отправлявшихся оттуда пленных (таковых было более 14 тыс. чел.) о родителях невольных участников похода Наполеона в Россию ничего узнать не смог³⁹⁵. Вилламов по повелению Марии Федоровны просил 24 декабря Горчакова затребовать у Цыбульского сведения о матери этих детей — Жозефине Ариксаине и об их семилетнем брате Иосифе. Тогда же просила Горчакова помочь в розысках матери и маленького Иосифа и сама Мария Федоровна³⁹⁶. В связи с этим 31 декабря управляющий Военным министерством направил запросы о матери Цыбульскому, а об Оноре-отце ярославскому гражданскому губернатору князю М. Н. Голицыну и адъютанту Константина Павловича А. А. Жандру³⁹⁷. 7 января Жандр сообщил, что среди пленных испанцев в столице музыканта Иосифа Оноре нет³⁹⁸. Не оказалось его и в Ярославле. Впрочем, Голицын 15 января 1813 г. сообщил, что все пленные, кроме больных, отправлены из губернии в дальнейший путь; покинули Ярославль и те, кто вступил в Русско-немецкий легион³⁹⁹. Все эти неутешительные сведения 11 февраля Горчаков сообщил Вилламову для передачи императрице⁴⁰⁰. Ничем не смог помочь и Цыбульский, он лишь сообщил 20 февраля, что взятые между Вязьмой и Красным пленные отправлялись через несколько пунктов и советовал информацию об Оноре запросить у губернаторов Калужской, Тверской, Орловской и Курской губерний⁴⁰¹. В связи с этим Горчаков 14 марта и попросил направить губернаторам этих губерний соответствующие циркулярные предписания о розыске музыканта Оноре⁴⁰². Но розыски, по-видимому, ничего не дали.

С учетом того, что большинство испанцев и португальцев, выживших в русском походе и оказавшихся в плену, согласилось вступить

³⁹⁴ Бездосный В. М. Цыбульский Иван Денисович // Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 602–603.

³⁹⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2599. Ч. 2. Л. 29.

³⁹⁶ Там же. Ч. 1. Л. 124.

³⁹⁷ Там же. Л. 126–128.

³⁹⁸ Там же. Ч. 2. Л. 3.

³⁹⁹ Там же. Л. 8.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 16.

⁴⁰¹ Там же. Л. 29.

⁴⁰² Там же. Л. 30.

в Испанский Александровский полк и сражаться против императора французов, создание этой части было весьма успешной акцией российского правительства по привлечению пленных Великой армии на сторону антинаполеоновской коалиции. Однако практический военный эффект от этого был нивелирован тем, что трудности невольного путешествия по России и отсутствие должного количества судов привели к тому, что отправку бывших пленных из Кронштадта удалось начать только в августе — сентябре 1813 г., т. е. в большинстве сражений на Пиренейском полуострове они принять участия уже не могли. Кроме того, отплывшие в 1813 г. из Кронштадта 2829 чел. составляли примерно 86%, от покинувших берега Невы 3296 чел., чье отправление документально подтверждено. Репатриация остальных затянулась до сентября 1815 года.

Похожая ситуация сложилась и в Мемеле — еще одном пункте сбора испанских и португальских пленных. В течение мая — июля 1813 г. на родину оттуда отплыли 785 чел., и на август 1814 г. оставалось еще 595 чел., из которых более 400 составляли данцигские пленные. В этих условиях эффект от создания Испанского Императорского Александровского полка был все же в большей степени пропагандистского и дипломатического, нежели военного свойства. Нельзя сбрасывать со счетов и гуманитарное значение этой истории. Сбор рассеянных по Европейской России пленных испанцев и португальцев, их обмундирование, повышенное по сравнению с другими пленными денежное содержание и жизнь в столичном регионе под присмотром центральных властей и дипломатов, несомненно, способствовали сохранению жизни и здоровья многих из пленников.

Хотя в отличие от Русско-немецкого легиона Испанский Александровский полк не участвовал в активных боевых действиях против наполеоновской армии, некоторым пленным испанцам, поступившим в Мстительный легион В. И. Дибича, довелось совместно с русскими сражаться против общего врага.

У сформированного же в России из уроженцев Пиренейского полуострова, служивших до того в рядах Великой армии, Александровского полка оказалась долгая история. Сразу же после высадки в Сантандере Испанский Александровский полк был направлен в отдаленный гарнизон в Галисии, а затем сокращен до 4 рот, вошедших в состав батальона командующего резервной армии. Позднее офицеры полка попали под действие королевского декрета 30 мая 1814 г., который запрещал пребывание в стране лицам, сотрудничавшим с французами. Офицеров, принявших присягу своему королю на берегах Невы, спасло лишь вмешательство российского посланника в Мадриде Д. П. Татищева. Полк носил имя Александра I до 1823 г., позднее был переименован в 28-й пе-

хотный полк «Лучана», в 1943 г. стал 56-м пехотным полком «Эбро» и был расформирован в 1960 г.⁴⁰³

Ключевые действующие лица описанной нами долгой эпопеи и в эпоху 1812 г., и позднее активно участвовали в формировании внутренней и внешней политики Испании, что, очевидно, способствовало выстраиванию российско-испанских отношений. Э. Бардахи-и-Асара был в 1810–1812 гг. государственным секретарем Регентского совета, в 1809, в феврале — июне 1812, в 1821–1822 и в 1837 г. — министром иностранных дел Испании, а в 1821–1822 гг. — главой ее правительства. Ф. Зеа Бермудес, подпись которого стоит под русско-испанским союзным договором 1812 г., прибыл в Петербург с дипломатическим поручением от Регентского совета еще в 1810 г. и оставался поверенным в делах в России до 1820 г. В 1824 и 1832–1834 гг. он также был главой правительства Испании. Брат А. О’Доннелла — Э. О’Доннелл (граф Лабисбаль) в 1812–1813 гг. был членом Регентского совета, а в 1820 г. испанская армия под его командованием перешла на сторону революции, в результате чего Фердинанд VII восстановил конституцию 1812 г.

Помнили о связях с Россией и офицеры Александровского полка. Так, группа офицеров, служивших в полку, в связи с прибытием в Кадис в феврале 1818 г. русской эскадры в изъявила желание «торжественно отметить день рождения императора», о чем А. О’Доннелл сообщил Д. П. Татищеву⁴⁰⁴. В России же пленные испанцы, судя по немногочисленным мемуарам, также оставили добрые и весьма сочувственные воспоминания.

Список литературы

- Безотосный В. М.* Цыбульский Иван Денисович // Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М., 1996 С. 602–603.
- Бессонов В. А.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды Государственного исторического музея. Вып. 132. М., 2005. С. 167–187.
- Бессонов В. А.* Потери Великой армии в Отечественной войне 1812 года (к вопросу определения численности военнопленных) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 1 / Труды Государственного исторического музея. Вып. 147. М., 2002. С. 49–80.
- Бессонов В. А.* Военнопленные 1812 года в России // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. Мемуары. Исследования / Отв. ред. Б. П. Миловидов. СПб., 2012. С. 69–114.

⁴⁰³ *Российский М. А.* Испанские солдаты в русских мундирах // Русская Испания (электронный источник). URL: <http://www.russianspain.com/blog/kultura/6952.html> (дата доступа: 09.09.2018 г.).

⁴⁰⁴ *Додолеев М. А.* Россия и Испания. 1808–1823: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984. С. 133.

- В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Обзор событий и сборник документов. Сост. В. И. Асонов. Калуга, 1912.
- Васильев А. А.* Испанский полк «Жозеф Наполеон» в русской кампании 1812 г. // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 20–24.
- Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814. Мемуары. Исследования / Отв. ред. Б. П. Миловидов. СПб., 2012.
- Голубцов Н. А.* 1812 год в Архангельской губернии. Архангельск, 1912.
- Додолев М. А.* Россия и Испания. 1808–1823: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984.
- Кудринский Ф. А.* Вильна в 1812 г. Вильна, 1912.
- Мередих В. Ф.* 165 лет Кексгольмского гренадерского императора австрийского полка. 1710–1875. Варшава, 1876.
- Миловидов Б. П.* Испанские военнопленные Великой армии в России: на пути в Царское Село // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов. Бородино, 2015. С. 397–416.
- Миловидов Б. П.* Испанские военнопленные Великой армии в России: долгий путь на родину // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2016. С. 197–213.
- Миловидов Б. П.* Партизан А. С. Фигнер и военнопленные Великой армии в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2007. С. 157–176.
- Сагомоян А. А.* Война 1812 года глазами испанского офицера // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 99–111.
- Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. (Рефераты, статьи, документы). Тамбов, 1914.
- Терентьев А. С.* Военно-учебный лагерь цесаревича Константина Павловича в Стрельне накануне Отечественной войны 1812 г. // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов. Бородино, 2015. С. 163–170.
- Терентьев А. С.* Французские военнопленные в Стрельне в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012. С. 337–345.
- Томилини С. В.* Отголоски войны 1812–1813 гг. в Северо-Западном крае. Сборник документов из архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления. Вильна, 1912.
- Pertz G. H.* Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. Bd. III. Berlin, 1851.
- Venzky G.* Die Russisch-Deutsche Legion in den Jahren 1811–1815. Wiesbaden, 1966.

Boris Pavlovich MILOVIDOV

Independent scholar (St. Petersburg, Russia)

E-mail: milbp@yandex.ru

Spanish prisoners of war from the Grand Armée in Russia (1812-1815)

The article is devoted to Spanish prisoners of war in Russia in 1812–1815 and attempts to use them in the fight against Napoleon. After the signing of a union treaty between Russia and Spain in 1812, the Spanish Imperial Alexander Regiment was formed from captured Spaniards. It was provided with uniforms and shipped to Spain in parts. A small group of Spaniards was also part of the partisan detachment under the command of A. S. Figner.

Keywords: Patriotic War of 1812, Russian-Spanish relations, prisoners of war, Spanish Imperial Alexander Regiment.

УДК 94 (47).073.5

ББК 63.3 (2) 47

Сергей Сергеевич МИГУНОВ

младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, аспирант института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sergejsumigunov@gmail.com

ВООРУЖЕНИЕ БАЛТИЙСКОГО ПОРТА И РЕВЕЛЯ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1853–1856)

В статье рассмотрена работа Лифляндского артиллерийского округа над повышением обороноспособности крепостей Ревель и Балтийский Порт в период Крымской войны с учетом возможных боевых действий в южной части акватории Финского залива.

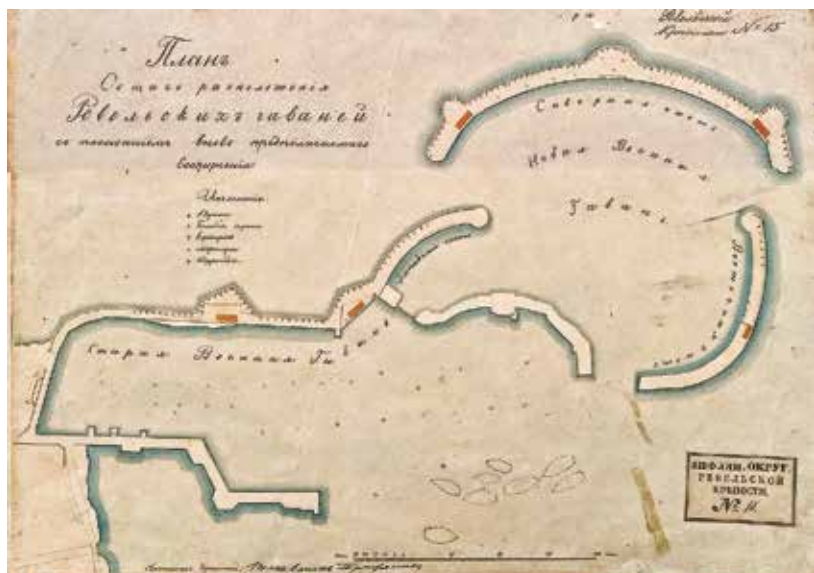
Ключевые слова: Крымская война, материальная часть артиллерии, Прибалтийские губернии, Ревель, Балтийский порт.

Одной из главных задач внутренней политики России в царствование Николая I было обеспечение стабильности на ее западных рубежах. Важнейшей причиной, подвигшей власть к этому, было Польское восстание (1830–1831). В связи с этим была проведена модернизация существующих и начато строительство новых крепостей в западных губерниях империи. Однако при переходе приоритета в строительстве крепостей от Прибалтийских губерний к Западным балтийское направление не утратило своего значения.

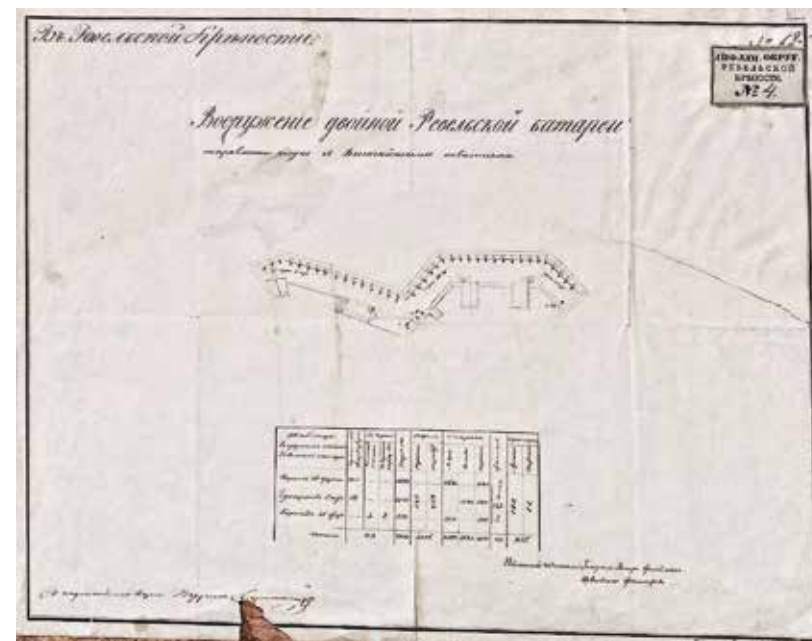
В период Крымской войны (1853–1856) важное значение имел не только Крымский театр военных действий, но и Прибалтийский. Задача защиты имперской столицы была неотложна даже с учетом того, что основная часть военных действий шла в Крыму.

В Балтийском регионе шли серьезные подготовительные работы к возможному отражению агрессии со стороны англо-французского флота. Хотя основная часть боевых действий заключалась в блокировании Балтийского флота в Кронштадте и Свеаборге, русским командованием рассматривалась также возможность нападения союзников на укрепления в Эстляндии и Лифляндии. С целью предотвращения подобного сценария был разработан план усиления обороноспособности крепостей и портов в Лифляндском военном округе, в том числе Ревеля и Балтийского порта.

В начале 1854 г. после осмотра укреплений Ревеля были вскрыты недостатки в их вооружении: по сравнению с предыдущими отчетами, признано ветхими гораздо большее число крепостных лафетов и плат-

Ил. 1. План общего расположения Ревельских гаваней с показанием вновь предполагаемого вооружения. Ок. 1854 г. ВИМАИВиВС. Ф. 27. Картотека «Крепости и укрепления». Ч. 1. Д. 483

Ил. 2. Вооружение двойной Ревельской батареи. Ок. 1854 г. ВИМАИВиВС. Ф. 27. Картотека «Крепости и укрепления». Ч. 1. Д. 482

форм к ним. Было предложено модернизировать материальную часть крепостной артиллерии в Ревеле доставкой туда:

- лафетов низких казематных к 36-фунтовым пушкам сухопутным — 14;
- поворотных платформ к этим платформам — 18;
- лафетов высоких крепостных к 24-фунтовым пушкам сухопутным — 3;
- поворотных платформ к этим лафетам — 3;
- единорогов пудовых длинных — 10¹.

Было выявлено, что в наличии на 20 февраля 1854 г. в Ревельском гарнизоне состояло:

- 16 пушек трехпудовых бомбовых 1838 года выпуска;
- 4 таковые же пушки 1849 года и 20 бомбовых лафетов с платформами к трикам 1838 года.

Притом бомбовых пушек на вооружение Ревеля было положено 18, а в наличии оказалось всего 4. В связи с этим было предложено до-

ставить две пушки обр. 1838 г. или два лафета к пушкам обр. 1849 г. Также было обнаружено недостающее число шкворней для прикрепления стрел поворотных платформ, и самих стрел. Стрелы были заказаны в Санкт-Петербургском арсенале, шкворни же были заказаны известному в Ревеле предпринимателю по части деревообработки купцу Лютеру. Он изготовил на своей фабрике 72 шкворня по заказу Морского ведомства, которое строило северную часть военной гавани. Позже оплату изготовления шкворней было поручено произвести Артиллерийскому сухопутному ведомству, поэтому Морское ведомство отказалось от их приобретения. Каждый шкворень, по словам Лютера, стоил 8 рублей 25 копеек серебром, при этом купец был согласен на их продажу за любую цену, названную Артиллерийским департаментом.

Для успешного проведения работ по вооружению Ревельской крепости было признано нужным назначить десять человек для приготовления зарядов и снаряжения бомб и восьми плотников с четырьмя кузнецами для переделки и починки лафетов и платформ. Также к имеющимся трем лошадям для перевозки снарядов и орудий с лафетами было добавлено

¹ ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 509. Л. 49 об.

еще шесть. Пороховые склады находились за пределами городской черты, и эти лошади использовались для перевозки пороха в лабораторию.

В районе Екатерининтальского парка (ныне — Кадриорг) были построены две батареи (по документам — Старая и Новая), прикрывавшие город с моря. В районе Екатерининтальского парка располагался рейд Ревельского порта. Новую Екатерининтальскую батарею начали строить специально в целях повышения обороноспособности в период Крымской войны. Вооружение же Старой Екатерининтальской батареи было признано несоответствующим с технической точки зрения.

Ненадежными были признаны лафеты и на других батареях Ревельской крепости: Шау-бастионе, Штуарте и Штрикберге.

Горожане в панике покидали свои дома и при наличии возможности бежали в поместья подальше от города, учитывая вероятность бомбардировки Ревеля с моря.

Балтийский порт было предложено вооружить 60 орудиями. Их предлагалось взять в Ревеле, где неожиданно появился переизбыток орудий, в противоположность сведениям из ведомости о числе вооружения Ревеля на январь 1854 г.

К марту 1854 г. вооружение Ревельской крепости в основном было завершено, причем переброска орудий в Ревель производилась из Кронштадта. Проблемным к этому времени оставался только Шау-бастион. Снабжены новыми орудиями были Северная и Восточная части Новой военной гавани и Старая военная гавань, двойная батарея, оборонительная казарма, редут Стюарт, две Екатерининтальские батареи и батареи у острова Карлос (нынешний полуостров Пальяссааре)².

В Балтийском порте (ныне город Палдиски) имелось нужное количество снарядов, лафетов и прочих принадлежностей к орудиям. Таким образом, произошло грамотное перераспределение материальной части артиллерии между двумя близко расположенными крепостями.

По смете 1854 г. Артиллерийскому департаменту на транспортировку орудий из Ревеля в Балтийский порт было выделено 130 800 рублей. Переброска всех орудий была осуществлена в феврале 1854 г. до открытия навигации по водам Финского залива.

Артиллерийский департамент сделал все для того, чтобы строительством крепостных лафетов для Ревельской крепости занимались компетентные работники. Для этого сюда были направлены двое «самых лучших мастеровых»³. Командир Виленского артиллерийского

гарнизона подполковник Минквиц 6 мая 1854 г. подтвердил отправку из числа 31 мастерового, прикомандированных к Виленскому гарнизону от Лифляндского окружного арсенала, в Ревель для построения каретных лафетов двух мастеровых — Ивана Антонова и Федора Мякишева⁴.

Таким образом, задача по укреплению крепостей Ревеля и Балтийского порта была выполнена: они были приведены в боевую готовность на случай боевых действий в южной части Финского залива в период Крымской войны. Однако, несмотря на большие финансовые и материально-технические вливания в данные крепости непосредственно в период Крымской войны, дальнейшего развития их деятельность не получила. В связи с итогами Крымской войны для России в среде военного руководства империи постепенно пришли к выводу о нецелесообразности содержания крепостей на южном берегу Финского залива, и к 1864 г. крепости Балтийский порт и Ревель, а также Нарва были упразднены.

Sergei Sergeievich MIGUNOV

Junior Researcher of the Military Historical Museum of artillery, engineer and signal corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: sergejsumigunov@gmail.com

Artillery of the Reval and Baltiyskiy Port fortresses during the Crimean War (1853-1856)

The article examines the role of the Livland artillery district in the defense of the Gulf of Finland's south coast in the Crimean War time, especially Reval and Baltiyskiy Port fortresses.

Keywords: Crimean war, artillery, Baltic provinces, Tallinn, Paldiski.

² В советскую эпоху пролив между островами Малый Карлос и Большой Карлос был засыпан и образовался полуостров. Отсылка к прежним названиям бывших островов имеется в названии частей острова Пальяссааре (Suur-Paljassaare и Väike-Paljassaare).

³ ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 4/1. Д. 509. Л. 296 и об.

⁴ Там же. Л. 311 и об.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)

Ирина Александровна АРХИПЧЕНКО

доктор биологических наук, профессор микробиологии ФГБНУ
«Всероссийский НИИ сельскохозяйственной микробиологии»

E-mail: arkhipchenkoirina@mail.ru

УЧАСТНИК РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1877–1878) И ТУРКЕСТАНСКИХ ПОХОДОВ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ИОСИФ ИВАНОВИЧ ГОРСКИЙ И СУДЬБЫ ЕГО ПОТОМКОВ*

Статья посвящена одному из заслуженных генералов русской армии — Иосифу Ивановичу Горскому (1850–1905), участнику Русско-турецкой войны (1877–1878) и кампаний в Средней Азии, командиру 28-го пехотного Полоцкого полка и начальнику 1-й Кавказской стрелковой бригады, награжденному семью орденами и золотой саблей «За храбрость». Обсуждается судьба его потомков — детей и внуков, показана историческая преемственность патриотизма, гражданственности и высоких нравственных основ.

Ключевые слова: Русская императорская армия, Русско-турецкая война, Первая мировая война, Гражданская война, офицерство, сестры милосердия, эмиграция.

Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно.
Не знать оной есть постыдное малодушие.
А. С. Пушкин

Мой прадед Иосиф Иванович Горский родился 24 февраля 1850 г. в дворянской семье с давними традициями военной службы. Наиболее известный из его родственников — двоюродный брат Павел Иванович Мищенко, принадлежавший к числу наиболее заслуженных генералов Русской императорской армии начала XX в. (ил. 1, 2). Начальное образование И. И. Горский получил в Новгородском кадетском корпусе, переведенном в 1866 г. в Нижний Новгород и ставшем военной гимназией. 8 августа 1868 г. Горский был зачислен в 1-е военное Павловское училище в Санкт-Петербурге. 21 июня 1870 г. он был выпущен из него подпоручиком в стрелковые батальоны на Кавказ. 7 мая 1871 г. произведен в поручики, 26 марта 1876 г. получил чин штабс-капитана,

* Благодарю заведующего отделом информатики ФГБНУ ВНИИСХМ к. т. н. Н. И. Воробьева за помощь в подготовке фотоматериалов и презентации.

Ил. 1. Генерал Павел Иванович Мищенко.
Из семейного архива И. А. Архипченко

Павел Иванович Мищенко (22.1.1853–1918) командовал войсками Туркестанского военного округа, был наказным атаманом Войска Донского, Туркестанским генерал-губернатором, командующим корпусом в годы Первой мировой войны. Участвовал в Брусиловском сражении. Вошел в историю как блестящий кавалерийский генерал, непревзойденный мастер глубинных рейдов по тылам противника. Среди его однополчан можно упомянуть М. Д. Скобелева и А. И. Деникина, который был его начальником штаба. Был неоднократно ранен. Награжден одиннадцатью боевыми орденами, в том числе орденом Св. Георгия 4-й ст. и золотой шашкой «За храбрость». В феврале 1917 г. получил предложение принять командование одной из армий Юго-Западного фронта, но отказался, заявив: «Генерал-адъютанту государя неуместно служить прохиндеям, как бы они себя ни называли». В апреле 1917 г. генерал от артиллерии П. И. Мищенко, не принявший «демократизацию» армии, в возрасте 64 лет был уволен с военной службы. Проживал в родном городе Темир-Хана-Шура в Дагестане (современный Буйнакск). За год ему удалось создать в усадьбе прекрасный парк площадью 1,5 га, посадить розы, лилии, пионы, развести пчел и поставить электростанцию. В 1918 г. П. И. Мищенко отказался сняться по требованию красноармейцев погоны и боевые награды и застрелился¹.

Ил. 2. Генерал Павел Иванович Мищенко. Из семейного архива И. А. Архипченко

а 11 сентября того же года стал капитаном 4-го Кавказского стрелкового батальона, где командовал ротой.

Молодой офицер принял участие в Русско-турецкой войне (1877–1878). За отличия в ней он был награжден орденами Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, а также золотой саблей с надписью «За храбрость». 24 апреля 1878 г. за отличие

¹ Марченко Г. В. Российское офицерство в годы революционных потрясений Гражданской войны: моральный и политический выбор // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 143.

Ил. 3. Подполковник Иосиф Иванович Горский с супругой Юлией Александровной (урожденной фон Кавер). Тифлис. 1885–1891 гг. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 4. Юлия Александровна фон Кавер. До 1885 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 5, 6. Юлия Александровна Горская. После 1885 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

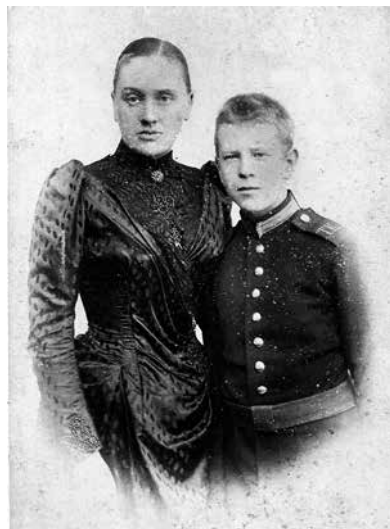

Ил. 7. Владимир, Александра, Мария Горские. Тифлис. 1890-е гг. Из семейного архива И. А. Архипченко

при штурме османской крепости Карс И. И. Горский был награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. В приказе говорилось: «4-я рота батальона под командой капитана Горского, имея впереди себя охотничью команду, ворвалась с фронта в укрепление Сувари и, несмотря на сильный неприятельский артиллерийский и ружейный огонь, завладела укреплением, причём два орудия, заряжающиеся с дула, были сброшены за укрепление, а от прочих орудий, заряжающихся с казны, были вынуты замки и частью брошены в р. Карс-чай, а частью зарыты в землю. Затем при дальнейшем движении по Карс-чаю с целью атаковать укрепление Чим капитан Горский, несмотря на сильный огонь с этого укрепления, а также из домов и кладбища, занятых турками, во главе своей роты бросился на кавалерийский лагерь, выбил оттуда штыками неприятеля,

Ил. 8. Владимир, Александра, Мария Горские. Самарканд. 1890-е гг. Из семейного архива И. А. Архитченко

Ил. 9. Юлия Александровна Горская с сыном Александром Горским, кадетом Тифлисского кадетского корпуса. Ок. 1890 г. Из семейного архива И. А. Архитченко

Ил. 10. Полковник, герой Русско-турецкой войны и туркестанских походов Иосиф Иванович Горский (1850–1905). 1890-е гг. Из семейного архива И. А. Архитченко

переправился по пояс в воде вброд через речку и подошёл к самому укреплению Чим».

28 августа 1879 г. Горский был произведён в майоры, а 6 мая 1884 г. — в подполковники. С 1879 по 1885 г. он находился в Закаспийском отделе и принимал участие в кампаниях в Средней Азии против туркмен, за отличие был награждён орденом св. Станислава 2-й ст. с мечами. В этот период он в первый раз женился. Семейное предание не сохранило имени его супруги, которая рано скончалась, оставив Иосифу Ивановичу малолетнего сына Александра.

В 1885 г. подполковник И. И. Горский вторично женился на Юлии Александровне фон Кавер (1869–1920), происходившей из семьи немцев, приглашенных Петром I в Россию для организации горнорудного производства

Ил. 11. Семья Горских в Варшаве. 1900-е гг. Из семейного архива И. А. Архитченко

(ил. 3, 4). Юлия Александровна была широко образованной женщиной, обладала прекрасным голосом, была очень музыкальна, знала оперные партии (ил. 5, 6). Семья проживала в Тифлисе, потом в Самарканде. У Горских родилось трое детей: Александра (1889 г.), Мария (1890 г.) и Владимир (1892 г.) (ил. 7, 8). Александр Горский, сын от первого брака, утонул в 14-летнем возрасте (ил. 9).

В 1888 г. Иосиф Иванович был награждён орденом Св. Анны 2-й ст. 3 февраля 1890 г. его назначили командиром 2-й Кавказской туземной стрелковой дружины, и 21 апреля 1891 г. он получил чин полковника (ил. 10). С 25 января 1892 г. он состоял в распоряжении командующего войсками Кавказского военного округа. 30 июля 1894 г. И. И. Горского назначили командиром 6-го Туркестанского линейного батальона. В 1896 г. он был награждён орденом Св. Владимира 3-й ст. 16 августа 1898 г. полковник Горский получил в командование 28-й пехотный Полоцкий полк, в связи с чем семья переехала в Варшаву.

Произведённый 11 мая 1901 г. в генерал-майоры, И. И. Горский возглавил 1-ю бригаду 5-й пехотной дивизии, но уже через полтора месяца (28 июня) был перемещён на должность командира 2-й бригады 7-й пе-

Ил. 12. Александра Горская. Варшава. 1900-е гг. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 13. Раздумье. А. Горская. Масло. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 14. Кавказ. А. Горская. Акварель. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 15. Дама с собачкой. А. Горская. Акварель. Из семейного архива И. А. Архипченко

хотной дивизии (в которую входил 28-й пехотный Полоцкий полк). 30 ноября 1904 г. его назначили начальником 1-й Кавказской стрелковой бригады и наградили орденом Св. Станислава 1-й ст.²

28 мая 1905 г. генерал-майор Иосиф Иванович Горский скоропостижно скончался на месте службы — в Ольтах (сейчас в Турции)³. Отпевание состоялось в Александро-Невской церкви в Тифлисе (ныне Тбилиси в Грузии). Генерал был похоронен на Кукийском кладбище в Тифлисе⁴.

Несмотря на то, что семья потеряли отца и кормильца, средств хватало, дом выглядел вполне достойно (ил. 11). Дочери были хорошо образованы, знали несколько языков, музицировали, увлекались теннисом и верховой ездой (ил. 12). Александра и Мария успешно закончили гимназию в Варшаве. Впоследствии Мария стала стоматологом, а Александра прекрасно рисовала (ил. 13–16). Их брат, Владимир Иосифович Горский, пошёл по стопам отца и получил военное образование.

Став офицером, он служил в одном из полков «варшавской гвардии» — лейб-гвардии Кексгольмском.

Когда началась Первая мировая война, Александра и Мария закончили курсы медсестер Красного Креста и помогали выхаживать больных в госпитале вместе со своей матерью Ю. А. Горской (ил. 17, 18). Владимир в рядах своего полка участвовал в боях (ил. 19). В 1915 г. с приближением немцев Горские навсегда покинули Варшаву. Дом был оставлен на попечение денщика-поляка, к которому они относились как к родственнику. Через некоторое время он сообщил им, что дом сгорел, хотя

Ил. 16. Дама с обезьяной. А. Горская. Акварель. Из семейного архива И. А. Архипченко

² Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. I. С. 386.

³ Кавказ (Тифлис). 1905. 30 мая.

⁴ Кавказ (Тифлис). 1905. 2 июня.

Ил. 17. Сестры милосердия Горские. 1915 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

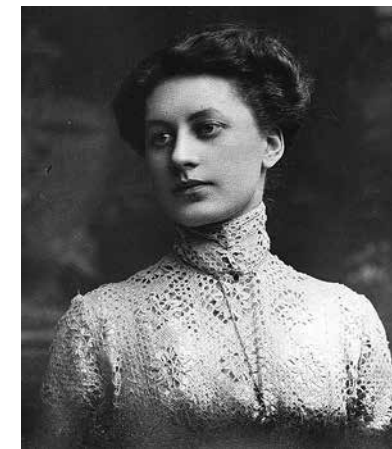

Ил. 18. Раненые солдаты в госпитале. 1915 г. Стоит слева А. Горская. Из семейного архива И. А. Архипченко

этого не произошло, но все свое имущество семья утратила. Горские переехали в Петроград, поселившись в квартире на Гагаринской улице (ил. 20, 21). Мать и дочери продолжали работать сестрами милосердия.

Ил. 19. Владимир Иосифович Горский. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 20. Александра Горская. Петроград. 1915–1917 гг. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 21. Мария и Александра Горские. Петроград. 1915–1917 гг. Из семейного архива И. А. Архипченко

В 1916 г. Мария Горская вышла замуж за генерала Ивана Поливанова. 19 октября 1917 г. у неё родилась дочь Алла Поливанова, первая внучка И. И. Горского. В 1918 г. Александра вышла замуж за военного врача Бориса Скворцова (ил. 22). В 1918 г. в Петрограде начался «крас-

Ил. 22. Александра Горская и ее супруг Борис Скворцов. 1918 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

ный террор», и мужа сестёр Горских были расстреляны, также были расстреляны и другие родственники-мужчины, большинство из которых было офицерами. Остались одни женщины. В Петрограде начались проблемы с продовольствием. Население вымирало или бежало из города. В 1919 г. семья Горских приняла решение ехать на юг, чтобы соединиться с Владимиром, воевавшим в Добровольческой армии. Им удалось добраться до Ростова-на-Дону, где Александра 28 ноября 1919 г. родила дочь, как гласит семейное предание, в каком-то сарае. Ее назвали Никой в надежде, что Гражданская война скоро закончится победой и вернется мирная жизнь. Немного позже у Марии родилась вторая дочь Ия.

Жизнь была очень тяжелая, они скитались, связи с Владимиром не было. Моя бабушка Александра сочинила к рождеству 1920 г. сти-

Ил. 23. Ю. А. Горская с внуками Аллой (стоит), Никой и Ией (в центре). Ростов-на-Дону. 1920 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 24. Стихи А. Горской «Поздравления с Рождеством Христовым бабушке». Ростов-на-Дону. 1920 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

хи от имени трех маленьких внучек в утешение Юлии Александровне (ил. 23, 24). В начале 1920 г. в Ростове установилась советская власть. В 1921 г. Юлия Александровна и маленькая Ия умерли.

Владимир Горский, который в Гражданскую войну воевал на Юге России под руководством М. Г. Дроздовского и дослужился до чина полковника, в 1920 г. вместе с основными силами Вооруженных сил Юга России эвакуировался в Галлиполи, а позднее эмигрировал во Францию. В 1925 г. был в составе Гвардейского отряда. Основал строительное предприятие в Пиренеях, занимавшееся строительными, монтажными, земляными работами, руководил работами по укреплению бетонных опор для линий электропередач на железных дорогах. В начале 1930-х годов В. И. Горский работал в Алжире, возглавил мест-

Ил. 25. Мария Горская с дочерью Аллой. Житомир. 1921 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 26. Александра Горская с дочерью Никой. Житомир. 1922 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

ную группу Русского общевойскового союза. Женился на русской дворянке, но детей у них не было⁵.

В начале 1920-х гг. сестры с двумя маленькими дочерьми оказались в Житомире (ил. 25, 26). Здесь они сняли жилье в Немецкой слободке у одинокого немца Эмилия Ричардовича Зельтмана, который занимался производством колбас и мясных изделий. Через год Александра стала его женой, сменила фамилию и стала указывать в анкетах, что она из мещанского сословия. 3 марта 1924 г. у них родилась дочь Юлия Зельтман. Нику удочерили, и она также стала носить фамилию Зельтман. В 1928 г. Э. Р. Зельтман умер от туберкулеза. К этому времени «красный террор» ослабел, поэтому дом был продан и сестры с детьми вернулись в Ленинград.

Они поселились на Гагаринской улице у тетушек — вдовы генерала П. И. Мищенко и его сестер. Александра стала работать чертежницей в Государственном оптическом институте, а Мария стоматоло-

⁵ Мнухин А., Лосская В. Российское зарубежье во Франции (1919–2000). Биографический словарь. М., 2008. Т. 1. С. 406.

гом. Дочери учились в школе, а Ника еще и в музыкальной (ил. 27).

По окончании школы Алла два года отработала на заводе, зарабатывая «пролетарский стаж», потом поступила в Горный институт, который закончила с отличием в 1940 г. и была распределена в Баку. В войну в 24 года она стала главным инженером Бакинских нефтяных промыслов (ил. 28).

Ил. 27. Ника — учащаяся музыкальной школы при Консерватории. Ленинград. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 28. Алла после окончания Горного института. Ленинград. 1940 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

Мария в 1941 г. эвакуировалась в Пятигорск, где попала в оккупацию. И ей, и её дочери Алле удалось после войны вернуться в Ленинград. Ника сумела сделать им вызов после снятия блокады и предоставить проживание на своей площади, так как до 1954 г. для возвращения в город требовалось особое разрешение. Марию несколько раз вызывали в органы, она подвергалась проверкам, но всё благополучно обошлось.

Александра решила, что эвакуация слишком тяжела, помня скитания во время Гражданской войны, и осталась с дочерьми в Ленинграде. Вместе с Никой она поступила медсестрой в Институт скорой помощи, находившийся на Большом пр. Петроградской стороны, д. 100, который возглавлял И. И. Джанелидзе.

В блокаду умерла вся семья П. И. Мищенко и его сын Миша, талантливый студент Кораблестроительного института, которого выделял основатель современной русской школы кораблестроения академик А. Н. Крылов. Они похоронены на Пискаревском кладбище.

В 1942 г. в дом на Гагаринской попала бомба, и квартира Горских была разрушена, но вещи и даже пианино, на котором занималась Ника, удалось перевезти в квартиру к родственникам, жившим на Мойке (скульптор Ф. Ф. Бернштам). Александра Иосифовна Горская-Зельтман скончалась 23 марта 1943 г. Ника отвезла ее тело на саночках в Московский район, где был крематорий, а сейчас парк Победы. Она захоронена в могиле № 2 на Пискаревском кладбище. Младшая дочь Юлия слу-

Ил. 29. Внучка И. И. Горского Ника Зельтман в геологической экспедиции в Сортавале (Карелия). 1946 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 30. Ника с дочерьми Ириной и Марией, правнучками И. И. Горского. Ленинград. 1953 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

Ил. 31. Юлия Эмильевна Зельтман. Ленинград. 1946 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

жила медсестрой и всю войну провела на Ладожском озере. Ника и Юлия были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

После окончания войны Ника и Юлия вышли замуж. Мужем Ники стал А. С. Архипченко, уроженец Стрельнинской немецкой колонии, основанной в 1810 г. Александром I. Он с отличием окончил Горный институт, участвовал в Советско-финляндской и Великой Отечественной войнах, дошел до Берлина, а с 1945 г. работал во ВНИГРИ начальником геологических поисковых экспедиций, которые продолжались по восемь месяцев в году, открыл несколько нефтяных месторождений на Сахалине, на Камчатке и в Тюмени.

Ника воспитала двух дочерей (ил. 29, 30), работала геофизиком по поиску месторождений урана, коллектором на Сахалине в геологической экспедиции, музыкальным руководителем

в детском саду, секретарем во ВНИИМ. Юлия жила в Подмоскowie в городке космонавтов, где служил её муж, а затем вернулась в Ленинград (ил. 31).

Алла стала крупным ученым-геологом, работала на кафедре геохимии МГУ, сделала научное открытие в области законов движения подземных вод. Её мужем был известный геолог профессор А. В. Данов, который открыл газовое месторождение в Туркмении. Их сын Я. А. Данов в 1992 г. решил посвятить свою жизнь Богу и ушел в монастырь, где служит до сих пор.

Я, правнучка И. И. Горского, стала доктором биологических наук, лауреатом Премии Правительства России. С благодарностью вспоминаю свою маму Нику Эмильевну Архипченко, которая сумела в столь тяжелые и сложные годы своей жизни сохранить семейные архивы и подписать все фотографии с подробными разъяснениями (ил. 32).

Потомки генерал-майора И. И. Горского отличались высокой нравственностью, большим трудолюбием и глубокой любовью к своей стране, были добрыми отзывчивыми людьми и пользовались уважением в обществе. Линия Горских — потомков генерал-майора И. И. Горского — продолжается, хотя их вклад в развитие и историю страны значительно меньше по сравнению с их прославленным предком.

Список литературы

- Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. I. М., 2009.
- Марченко Г. В. Российское офицерство в годы революционных потрясений Гражданской войны: моральный и политический выбор // Управленческое консультирование. 2017. № 11.
- Мнухин А., Лосская В. Российское зарубежье во Франции (1919–2000). Биографический словарь, Т. I. М., 2008.

Ил. 32. Ника Эмильевна Архипченко. Ленинград. 1970 г. Из семейного архива И. А. Архипченко

Irina Aleksandrovna ARKHIPCHENKO

Professor in Microbiology, Head of Laboratory of the All-Russian Research Institute for Agricultural Laboratory (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: ArkhipchenkoIrina@mail.ru

Participant of the Russian-Turkish War (1877–1878) and Turkestani Campaigns Major General Joseph Ivanovich Gorsky and the Destiny of his Descendants

The paper is dedicated to one of the most distinguished generals of the Russian army J. I. Gorsky (1850–1905). He was an active participant of the Russian-Turkish War, participant of campaigns in Middle Asia against the Turkmen, officer of the Turkestan line battalion, officer of the 1st Caucasian rifle brigade, awarded with seven war decorations and the For Bravery golden sabre. The paper discussed the destiny of his descendants — children and grandchildren and shows the historical continuity of patriotism, civic consciousness and high moral principles.

Keywords: Russian imperial army, Russo-Turkish War, First World War, Civil War, officers, sisters of mercy, emigration.

УДК 94 (47).08

ББК 63.3 (2) 5

Алексей Владимирович АРАНОВИЧ

доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, президент Санкт-Петербургского военно-исторического общества (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: aaranovitch@yandex.ru

Владимир Александрович БЕЗРОДИН

старший научный сотрудник Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: bezrodin@mail.ru

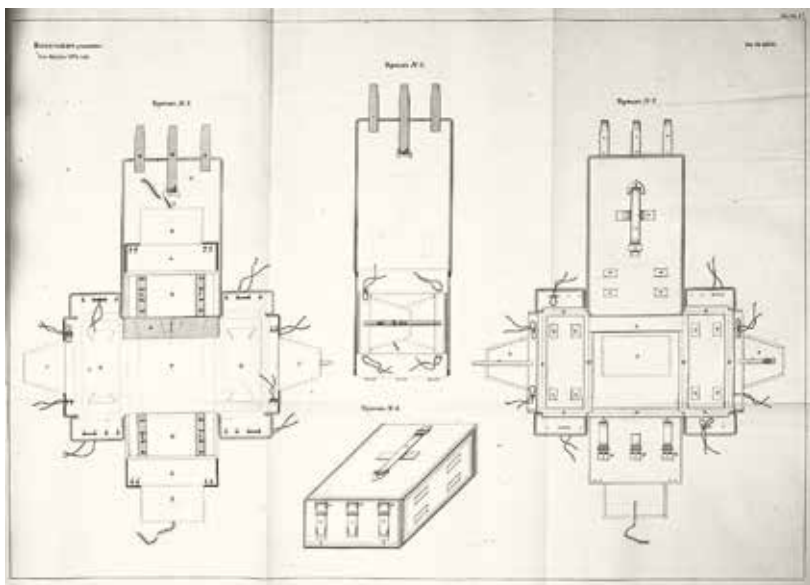
К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ РАНЦЕВОГО СНАРЯЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Статья основана на отзывах офицеров российской армии последней четверти XIX — начала XX в. о военном снаряжении. В частности, показывается необходимость изменений военного снаряжения и процесс его упрощения.

Ключевые слова: армия, снаряжение, ранец, вещевой мешок.

Российская армия вступила в Первую мировую войну, имея два различных типа пехотного снаряжения: ранцевый и мешочный. Ранцевый, в свою очередь, делился на гвардейский пехотный и артиллерийско-инженерный типы. В основе своей эта система сложилась в ходе армейских преобразований Александра III и к 1914 г., несмотря на многочисленные предложения, проекты и эксперименты в войсках, мало изменилась.

Реалии Русско-турецкой войны (1877–1878) показали неудобства существовавшей в ту пору системы снаряжения. При надетом и наполненном ранце с пристёгнутым котелком, с шинельной скаткой поверх всего солдат оказывался слишком «широк», что мешало соблюдать уставные промежутки в строю. К тому же традиционный ранец оказался достаточно дорогим. В конце 70-х гг. XIX в. на довольствии в Русской императорской армии стояли ранцы образца 1862 г. с изменениями 1864 г. В 1874 г. произошла замена основного материала пехотного ранца: вводился новый образец ранца из чёрной, пропитанной водонепроницаемым раствором парусины (*ил. 1*). Особая конструкция ранца позволяла приводить его в компактный вид для хранения на складах. Кроме того, новый материал удешевлял итоговую стоимость.

Ил. 1. Парусиновый ранец обр. 1874 г. Полное собрание законов Российской империи. Т. 49. 1874. [В 3-х отд-ниях]. 1876. Отд 3: Приложения. СПб., 1876. Л. 47

Но введённые в 1874 г. ранцы нового образца, по всей видимости, не успели широко распространиться в армейских пехотных частях к началу войны на Балканах. Оставался большой запас кожаных ранцев, у которых ещё не вышел срок эксплуатации. Комплекс походного снаряжения в 70-х годах предусматривал сухарную сумку, которая носилась на перевязи через плечо и использовалась для переноски продуктов. Ранец, включая все пристёгивающиеся к нему принадлежности вплоть до запасных сапог или сапожного товара, оказывался слишком тяжёл, что негативно сказывалось на пеших переходах войск сухим жарким летом. Бои и походы выявили необходимость разгрузки, которая могла быть произведена распределением носимых предметов по разным хранилищам, помещаемым на теле солдата.

Во время войны во многих частях некоторые элементы обмундирования использовались не по прямому назначению. Так, во время боя выявилась необходимость солдату иметь при себе увеличенный запас патронов. Многие части самостоятельно вводили увеличенные сухарные сумки, вмещающие запас сухарей на достаточно большой срок, необходимый для длительных маршей в отрыве от обозов. Военные реалии показали необходимость изменения системы походного снаряжения.

Гвардейский ранец, введённый в 1894 г., состоял из четырехугольного мягкого корпуса с крышкой и пришитыми к нему ремнями. Он был удобен своей конструкцией поясных подхватов (ил. 2, 3). С их помощью он плотно прилегал к пояснице, переноса на неё основную тяжесть груза, при этом на плечи приходился вес гораздо меньший, что не сильно стесняло солдата. Во время похода и движения уставшие части тела с разрешения начальства можно было облегчать на ходу:

а) при усталости в крестце или тяжести на животе возможно было отстегнуть поясной ремень и поясные клапаны, отчего основная тяжесть приходилась на плечи;

б) при боли в плечах можно было отпустить плечевые ранцевые ремни, при этом носка ранца

Ил. 2, 3. Парусиновый ранец гвардейской пехоты обр. 1894 г. ВИМАИВиВС

производилась посредством застёгнутых поясного ремня и поясных клапанов, и

в) при сильном согревании спины возможно было отстегнуть плечевые ранцевые ремни и откинуть ранец несколько назад¹.

Возможным неудобством являлось то, что при отсутствии откосных ремней без поясного ремня гвардейский пехотный ранец носить было невозможно. Поскольку же поясной ремень пропускался сквозь глухие кожаные петли, нашитые на нижней части спинки, снять сам ранец без других элементов снаряжения также было нельзя.

В 1882 г. (ПВВ № 111) для чинов армейской и гренадерской пехоты вводился новый вещмешок гораздо более простой конструкции, по внешнему виду напоминавший «мешки богомольцев». Изготавливался он из неокрашенной парусины, пропитанной непромокаемым составом. В 1889 г. вещмешок претерпел некоторые изменения и в этом виде дошёл до последней реформы снаряжении Русской императорской армии в начале XX в. К мешку полагалось два холщёвых мешочка для сухарей.

В 1898 г. артиллерийские и инженерные части получили ранцевое снаряжение, состоящее из ранца, сухарного мешка и сапожного чехла.

В общих чертах новый ранец несколько походил на прежний, образца 1874 г., но, в отличие от него, полностью сшивался. Система ремней, плечевых и откосных, позволяла носить ранец за плечами, не полагаясь только на крепление плечевых ремней к поясу с помощью подхватов. Этот тип ранца был дальнейшим продолжением идеи пехотного ранца второй половины XIX в. Он был самодостаточным элементом снаряжения: его можно было снимать отдельно от прочих вещей. С другой стороны, при помощи плечевых ремней с подхватами он мог спереди поддерживать поясной ремень с находящимися на нём патронными сумками и прочим имуществом.

Сухарная сумка также походила на сумку образца 1874 г., но имела некоторые отличия, в частности — чёрный цвет. В Туркестанском военном округе ещё в 1869 г. в силу местных условий взамен ранцев нижним чином войск были присвоены вещевые мешки, изготавливаемые из неокрашенной холстины. Мешок был крайне прост и дешёв в изготовлении и состоял из собственно мешка и носильной перевязи. Благодаря простоте и дешевизне этот тип вещевого мешка с незначительными изменениями до сих пор состоит на вещевом довольствии армии.

Поскольку солдату в походных условиях полагались запасные сапоги, был установлен специальный мешок для их хранения и переноски. Он вводился приказом по Военному ведомству от 1882 г.

¹ Пехота. Учебник для рядового в первый год службы. Пг., 1916. С. 41–49.

за № 111 и в 1889 г. претерпел изменения. Сапожный чехол закрывался с помощью шнуровки и специальным ремнём (ПВВ 1889 г.) пристёгивался к скатке шинели. С 1898 г. для артиллерии и инженерных войск вводились получехлы, рассчитанные на один сапог каждый. Эти получехлы полагалось носить, прикрепляя дополнительными ремнями по обеим сторонам артиллерийского ранца.

Военные условия показали необходимость для солдата постоянно иметь с собой запас воды. В 1885 г. вводилась деревянная баклага (в 1889 г. она была незначительно изменена). Баклага представляла собой цилиндрический несколько уплощенный бочонок, закреплённый обручами. Для переноски баклаги предусматривалось тесёмочное приспособление. Позднее приказом по Военному ведомству от 1899 г. за № 365 вводилась алюминиевая фляга. Соответственно изменялся и чехол на неё.

В 1870-х гг. для войск, участвовавших в Русско-турецкой войне (1877–1878), было приобретено 60 тыс. лопат Линнемана. В дальнейшем они практически без изменений производились для нужд российской армии предприятиями Шодуара, Гривеза, Павловской кустарной артели и пр. Поскольку лопата относилась к носимому шанцевому инструменту, в 70-х же гг. был введён кожаный чехол, позволяющий её переносить на поясном ремне. Чехол 1878 г. представлял собой прямоугольный корпус, полностью закрывающий штык лопаты, с пришитыми ремешками с пряжкой, которые удерживали лопату снизу. В 1882 г. (ПВВ № 111) кожаный чехол был изменен. Теперь лопатка в него вставлялась сверху, а не снизу, и чехол имел вид четырёхугольного короба с клапаном для закрывания. В таком виде чехол для лопаты просуществовал до начала XX в.

В 1878 же году был введён и получехол на шанцевый облегченный топор. Он имел вид коробчатой насадки на лезвие топора с застёжкой внизу на кнопку. Топор в получехле крепился к поясу солдата с помощью отдельного специального ремешка с металлическим зацепом.

В 1870 г. на вооружение русской армии взамен винтовки Крнка и иных остававшихся на вооружении образцов была принята скорострельная малокалиберная винтовка Бердана № 2, хотя в войне 1877–1878 гг. применялись и более ранние системы, стоявшие в тот момент на вооружении частей. В 1870 г. был введён двухсумочный патронташ на поясном ремне. Обе сумки были рассчитаны на 16 металлических патронов, располагаемых в отдельных внутренних гнездах, и пришивались к поясному ремню. Таким образом, две сумки и ремень представляли собой единую систему. С принятием на вооружение трёхлинейной винтовки образца 1891 г. (Мосина) изменились и патронные сумки. Сумка, описанная в приказе по Военному ведомству от 1893 г. за № 135,

представляла собой трапециевидный короб, закрывающийся крышкой с наугольниками. Солдату полагалось две поясные патронные сумки.

Для переноски большего количества патронов вводились дополнительные приспособления. ПВВ 1889 г. №365 описывал запасную патронную сумку. Кроме того, ПВВ 1893 г. № 51 (с изменениями согласно ПВВ 1900 г. № 425) вводил новый образец нагрудного пехотного патронташа. В отличие от предыдущих типов, рассчитанных на переноску отдельных патронов большего калибра, а поэтому внутри разделённых на патронные гнёзда, новый образец нагрудного патронташа предназначался для переноски патронов в обоймах.

К трёхлинейной винтовке полагался штык изменённой формы. Для его переноски вводились кожаные ножны (ПВВ 1893 г. № 135).

В 1895 г. на вооружение в Русской императорской армии был принят револьвер Нагана. Это, конечно, привело к изменению револьверной кобуры. Её описания содержатся в ПВВ 1899 г. № 365 и ПВВ 1901 г. № 133.

Пригонка мешочного снаряжения нижних чинов армейской пехоты и укладка полагающихся при нем предметов, установленная в 1889 г., производилась следующим образом.

На поясной ремень надевались:

а) чехол с малой шанцевой лопатой, или за этот ремень зацеплялся крючком топор в чехле; и

б) две тридцатипатронные сумки (у унтер-офицеров одна сумка). Лопата или топор в чехле пригонялись с правой стороны, на боку (на ребре), а сумки — спереди, ближе к бляхе поясного ремня. Если сумка одна, то она носилась с правой стороны.

Через правое плечо надевались вещевой мешок с полной укладкой и деревянная водоносная баклага на тесемочном приспособлении. Мешок пригонялся так, чтобы верхний его край был несколько выше поясного ремня, за который мешок застегивался имеющимся при нем клапаном, причем мешок должен был лежать на левом боку и быть подвинутым настолько назад, чтобы не мешал движению левой руки. Тесемочное приспособление баклаги пригонялось по перевязи вещевого мешка. Баклага помещается на мешке, один конец ее приспособления пропускаясь в тесемочную гайку на клапане мешка. Тесемочные приспособления для носки баклаг в войсках пригонялись по баклагам. В случае потери пробки к баклаге разрешалось заменять ее простой деревянной или обыкновенной корковой пробкой.

Через левое плечо надевались скатанная шинель, полотнище походной палатки с одной или двумя веревками, одной полустойкой и одним или двумя приколышами, сапожный чехол с сапогами и котелок.

Шинель стягивалась туго, по возможности плоско, по росту носящего так, чтобы, будучи надета через плечо, не подпирала под подбородок

и давала возможность делать свободно ружейные приемы, не стесняя в то же время груди. Затем она завертывалась в полотнище походной палатки, и концы ее стягивались ремнем вместе с полотнищем палатки. Если шинель в скатанном виде получалась длиннее полотнища походной палатки, то концы шинели стягивались ремнем, а концы полотнища палатки закреплялись веревкой палатки. Поверх стягивающего ремня пропускаясь дужка круглого котелка без крышки, концы шинели запускаясь внутрь котелка, причем дужка котелка сильно подтягивалась кверху, чтоб котелок не слезал вниз. При котелке с крышечкой старого образца концы шинели опирались на крышечку котелка, а дужка его подтягивалась туго кверху палаточной веревкой, чтоб котелок не болтался. На заднюю часть скатанной шинели с полотнищем походной палатки пригонялась полустойка и один или два приколыша палатки, так чтобы один конец полустойки входил в котелок или помещался около его края. Они привязывались к шинели палаточной веревкой, которую плотно оборачивали по шинели, снизу вверх, чтобы полустойка и приколыши не потерялись при носке. Запасная пара сапог с длинными голенищами укладывалась в сапожный чехол, по возможности аккуратно, для чего сложенные вместе сапоги каблуками наружу, в обратном направлении один к другому, предварительно связывались шнурком. Чехол с сапогами специальным ремнём пригонялся к шинели, сзади, ближе к концам шинели, так, чтобы клапаны чехла приходились к шинели, а не наружу. Если шинель надета на человека, то котелок, полустойка, приколыши и чехол с сапогами пригонялись к полотнищу походной палатки, надеваемому через плечо в свернутом виде.

Запасная пара сапог с длинными голенищами в военное время при походе летом и когда по обстоятельствам это признавалось полезным могла с разрешения начальства обращаться в укороченные сапоги, для чего голенища обрезают наполовину вышины и приспособивали затяжные ремешки к укороченным голенищам, в которых могли делаться разрезы для удобства затягивания голенищ ремешками.

В вещевой мешок укладывались две рубахи, одни исподние брюки, две пары портянок, одно полотенце, одна пара рукавиц с варежками, 2 кг сухарей в двух холщевых мешочках, 50 г соли в особом мешочке, ружейные принадлежности в мешочке, принадлежности для содержания чистоты и опрятности в мешочке², медная луженая чарка и четыре пачки патронов по 6 патронов в каждой. Укладка этих вещей производилась

² Ружейные принадлежности: отвертка, промывальник, шпилька, пузырек с маслом, сало, завернутое в тряпку, суконка, небольшой кусок тряпки, несколько заостренных палочек и перышек и дульная накладка. Унтер-офицеров — нажимы, большой и малый. Принадлежности для содержания чистоты и опрятности: гребенка, мыло,

в следующем порядке: вниз мешка клался холщевый мешочек с 0,8 кг сухарей, на него рубахи, исподние брюки, портянки, принадлежности для чистки оружия и для соблюдения чистоты и опрятности, рукавицы с варежками, соль, чарка и холщевый мешочек с 0,8 кг сухарей. В карманы мешка укладывались патроны.

Башлык носили на шинели, обертывая его кругом внизу скатанной шинели спереди.

Русско-японская война показала несовершенство российской системы пехотного снаряжения. Современники и очевидцы отмечали, в первую очередь, чрезмерную тяжесть вещей, которые должен переносить на себе солдат в процессе обычного дневного перехода в 25–30 км по пересечённой местности, не говоря уже о форсированных маршах. «Поразила нас также легкость снаряжения японского солдата, которое состоит из винтовки, патронов и маленькой корзиночки с дневной дачей риса, — вот и все. Обмундирование — легкое хаки; на ногах — легонькие башмаки и краги. Все способствует большой подвижности и облегчает до крайности быстроту движения по горам. Не угодно ли тут соперничать нашему солдату, на которого хомутом навьючена толстая шинель с палаткой и котелком, с одной стороны болтается мешок, набитый сухарями, с другой — мешок с вещами»³. Офицеры отмечали, что на переходах солдаты выбивались из сил и под конец марша не могли двигаться, не говоря о ведении боевых действий. Эти обстоятельства стали причиной продолжения начавшегося ещё во второй половине XIX века спора о необходимости преобразования системы пехотного снаряжения и, по возможности, его облегчения.

Ещё в ходе Русско-японской войны высказывались предложения облегчения вещевого груза пехотинца (не изменяя существующей системы переноски грузов), которые можно свести к двум типам.

1) Во время марша часть солдатской ноши (шинельные скатки с ранцами) перекладывать на ротные подводы, солдату оставляли винтовку с патронами, а также небольшую сумочку для чашки, ложки, табака и других мелких вещей, вес которых вместе с сумкой не должен превышать 2–3 фунта (примерно 1 кг). При этом автор предложения ссылался на опыт последних манёвров французской армии, во время которых испытывались новый пехотный ранец и система распределения вещей. Вдали от неприятеля солдат вещи несёт на себе, а патроны берутся

в ротных повозках. Перед боем пехотинец забирает из повозки патроны и складывает туда лишние в бою вещи⁴.

2) Изменить номенклатуру предметов снаряжения, которые нижний чин должен носить на себе. Самым тяжёлыми, неудобными и малополезными на марше участниками войны назывались шинель и вторая пара сапог. Критике подвергались и основная пара сапог, да и сам армейский вещевого мешок. Причём указывалось, что достаточно часто для облегчения ноши солдаты сами избавлялись от «лишнего» снаряжения. Это, в частности, приводило к подрыву дисциплины в деле сохранения материальной части, поскольку офицеру на марше было довольно трудно пресечь все попытки нижних чинов избавиться от груза. Предлагалось из носимых вещей изъять шинель, при необходимости заменив её лёгкой непромокаемой накидкой от дождя и влажной погоды и спальным мешком. Запасную пару сапог предлагалось заменить более лёгкой обувью. Видимо, используя опыт войны 1877–1878 гг., некоторые офицеры останавливались на опанках. Да и основную пару сапог, по мнению современников, тоже следовало бы облегчить и укрепить в швах⁵.

Параллельно военная служба на местах изобретала новые способы носки штатного снаряжения. К примеру, чины Заамурского округа пограничной стражи изменили способ пригонки вещевого мешка. Во время решения пограничниками своих задач мешок при носке сбоку под рукой был неудобен и мешал при ходьбе. Солдаты команды, отправляясь в разведку или на охоту, приспособляли свои мешки на спине и привязывали их веревочками. Такое положение мешка сзади, в виде ранца, освобождало руки, переносило тяжесть ноши с одного плеча на поясницу. Впоследствии, когда выяснилась существенная необходимость в изменении пригонки мешка, было отдано распоряжение приспособить все вещевые мешки в команде для носки за плечами на спине. Для носки его на спине свободный конец тесьмы перекидывался через правое плечо, и левая пряжка перешивалась вниз, к правому углу мешка, левую тесьму могла заменить холщевая полоса, подшитая армейским сукном и пришитая к месту, где была прежде пряжка, снизу можно было пришить такую же пряжку из проволоки. Спереди, чтобы тесьмы не сползали с плеч, они соединялись ремешком на высоте груди (ил. 4)⁶.

В действующей армии были и другие формы подгонки пехотного снаряжения. Поступали предложения поднять вещевого мешок

иглы, нитки и платяная щетка, одна на 4 человек, не более 13,3 см длиной и шириной 17,8 см.

³ Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб.: Изд. В. Березовского, 1908. С. 203–204.

⁴ Коченгин П. Снаряжение и вооружение пехоты // Разведчик. 1907. № 839. С. 857–858.

⁵ Бутков. Изменение и уменьшение веса солдатского снаряжения // Разведчик. 1904. № 724. С. 906–910; Соловьёв Л. З. Указания опыта текущей войны на боевые действия пехоты; впечатления ротного командира. СПб., 1905. С. 34–35.

⁶ Байков. Маньчжурия // Разведчик. 1907. № 879. С. 504.

Ил. 4. Способ носки на спине вещевого мешка для армейской и гренадерской пехоты
обр. 1889 г. Байков. Маньчжурия // Разведчик. 1907. № 879. С. 504

Ил. 5. Один из способов подгонки снаряжения в действующей армии в Маньчжурии. Н. А. Пригонка снаряжения // Разведчик. 1905. № 789. С. 919

на поясицу и тем приблизить его пригонку к пригонке ранца. Устранить болтание около ног лопаты приторочкой её к шинели под чехлом с сапогами. Скатывать полотнище походной палатки отдельно от шинели, чтоб уменьшить толщину скатки, а главное иметь возможность пользоваться палаткой как дождевой накидкой, причём раскатывать её, не трогая скатанной шинели с притороченными к ней вещами, что особенно применимо будет тогда, когда все нижние чины будут снабжены полотнищами палаток с прорезью в середине и с колпаком, заменяющими дождевые накидки (ил. 5)⁷.

Другая система пригонки снаряжения, появившаяся ещё до войны, предусматривала следующие

отклонения от приказной: чехол с запасной парой сапог приторачивался к шинели палаточной веревкой в два креста, такая привязка считалась надежнее; чехол с сапогами поднимался на высоту плеч — на такой

высоте носить сапоги легче; носимая на поясе и бьющая головкой черенка по ноге шанцевая лопата (или топор) приторачивалась во время похода между шинелью и сапожным чехлом, под которым и находился ее лоток в кожаном чехле, по бокам лотка лопаты располагались приколыш и полустойка палатки, притороченные, как и лопата, в двух концах той же палаточной веревкой. Такой способ носки лопаты во время продолжительных походных движений не исключал возможности её носки во время боя на поясном ремне.

От алюминиевой фляги тесемочные приспособления снимались, и фляга пришивалась с суконным её чехлом на переднем боку вещевого мешка, подобно тому, как приторачивалась водоносная фляга на санитарной сумке, при этом она не болталась и свободно могла быть вынута из своего чехла.

Запасная патронная сумка и поясной ремень не надевались, взамен этого патронташ сделан вдвое толще, т. е. на 60 патронов вместо 30, и надевался вместо пояса, не стягивая туго талию. Впереди, на ремне патронташа, надевались две патронные сумки. Чтоб тяжесть патронов не давила исключительно на живот или бока, через правое плечо перебрасывалась тесьма от алюминиевой баклаги, а к её концам прикреплялись два крючка, при помощи которых подтягивались к плечу патроны с двух сторон. Тесьма эта имела спереди подвижную пряжку для увеличения или уменьшения её длины. Патроны поворачивались свободно вокруг талии при удлинении этой тесьмы или при отстегивании её крючков.

Но при таком способе носки патронов необходимо было ремень патронташа сделать шире, вроде драгунского, и не пришивать его наглухо к патронташу или же уничтожить этот ремень, а подсумки и патронташ надевать на существующий поясной ремень.

Такой способ носки патронов, практикуемый всеми охотниками, признавался удобнее существующего. Принятый в войсках патронташ, находясь под скатанной шинелью, давил грудь, особенно в то время, когда на солдате надета летняя рубашка, а не мундир или шинель в рукава.

Вещевой мешок поднимался, насколько возможно, к плечу, а клапан на оборотной его стороне снимался как не имеющий значения.

Казалось практичным перевязь вещевого мешка в том месте, где она облегалась правое плечо, делать вдвое шире, пропуская поверх неё тесьму, подтягивающую к плечу патроны, через петлю.

Во время продолжительных походных движений было полезно требовать от нижних чинов обязательного ношения ружей на ремне по-драгунски⁸.

⁷ Н. А. Пригонка снаряжения // Разведчик. 1905. № 789. С. 919.

⁸ Абрежо Ав. Пехотное армейское снаряжение // Разведчик. 1902. № 622. С. 839–840.

Эксперименты с формой ношения штатных вещмешков не отменяли необходимости предоставить солдату более удобную систему переноски грузов. Для устранения неудобств существующего вещевого мешка в начале 1907 г. был объявлен конкурс на новое пехотное снаряжение. В его рамках работало несколько комиссий, оценивавших различные проекты, наиболее интересные передавались для опробования в войска. Главным вопросом, стоявшим перед всеми участниками, был: какой системе снаряжения отдать предпочтение — ранцевой или мешочной. Каждая система имела свои положительные и отрицательные стороны. Опыт эксплуатации различных моделей вещевых мешков и ранцев в 121-м пехотном Пензенском полку дал возможность сравнения основных типов снаряжения и выделения их достоинств и недостатков.

Ранцевое снаряжение

Удобства: дает воинственный вид солдату; плечевые ремни одинаково распределяют тяжесть ранца на обоих плечах; руки стрелка остаются все время свободными; на походе удобен для носки.

Неудобства: сильно перемещает центр тяжести солдата, оттягивает назад пояс и давит на плечи; в положении лежа сильно давит на спину солдата, не давая ему отдыха; трудно в походах пользоваться содержимым ранца без посторонней помощи; притороченная к ранцу шинель значительно увеличивает вес ноши, причем ремни врезаются в плечо, ранец тянет назад и пояс подымается; шинель, надетая через ранец, теснит дыхание и давит грудь; скоба ружья, положенного на ранцевый ремень, давит в плечо; при беге ранец болтается, а в штыковом бою бьет по спине; работа с шанцевым инструментом затруднительна; лежащего стрелка при перебежках в бою обнаруживает ранец; заряжая винтовку, стрелок каждый раз должен преодолевать тяжесть ранца, стреляя — тоже; раненый с трудом избавляется от ранца; ранец дает большую площадь нагрева; поесть в походе при ранцевой системе можно только сняв ранец; запасные патроны нельзя вынуть из ранца, не снимая его (когда они в ранце); бросая ранец, с ним приходится бросать все (или иметь всегда особые мешочки для носки хлеба, сухарей и пр.); сложность пригонки.

Мешочное снаряжение

Удобства: легко перемещается по корпусу стрелка и дает возможность отдохнуть уставшим частям тела; в положении лежа (которое могло быть очень продолжительным) стрелок имеет полный отдых, так как мешок сразу ложится на землю; мешок при случае можно приспособить без труда, как ранец; на походе удобно пользоваться содержимым мешка без помощи другого, во всякое время удобно достать запасные патроны

Ил. 6. Ранец полковника Буткова. Бутков. Изменение и уменьшение веса солдатского снаряжения // Разведчик. 1904. № 724. С. 906–910

(если они в мешке); мешок можно подтянуть и надеть на клапаны; легко собирается и пригоняется по росту, сложные приспособления и ремни отсутствуют; не мешает действию ружьем и шанцевым инструментом; шинель свободно лежит на корпусе и не стесняет дыхание; простота починки.

Неудобства: с полной укладкой сильно тянет в сторону привеса (т. е. также оказывает воздействие на центр тяжести стрелка); при беге бьет его по ногам; узкая тесьма натирает плечо; некрасив и быстро пачкается; вещи и продукты хранятся вместе⁹.

Снаряжение полковника Буткова предполагало эксплуатацию идеи коромысла, при которой основной груз ранцевой системы располагался бы не на плечах, а распределён по хребту между ними. Для этого плечевые ремни дополнялись специальным ранцевым наплечником, выкроенным по форме кокетки обыкновенной мужской рубахи. Таким образом, груз ранца распределялся по всему плечевому поясу, а спереди имел противовес в виде подсумков с патронами. Кроме того, груз ранца облегчался за счёт изъятия некоторых элементов снаряжения и замены их более компактными и лёгкими эрзацами. В общем виде снаряжение представляло собой ранец, сверху к нему приторочен спальный мешок, в загибе его — котелок, внутри которого полотнище походной палатки, а сверх всего — накидка. С правой стороны — шанцевая лопата, с левой — водоносная баклага в чехле и полустойки палатки, внутри ранца запас 60 патронов, 5 фунтов сухарей, 1 рубаха, 2 пары портянок, опанки, смазочные материалы для ружья и сапог, — все это вместе с ружьем и всем надетым на себя бельём, платьем и обувью весит около 60 фунтов (24 кг, *ил. 6*)¹⁰.

⁹ Г. Ранец или мешок // Разведчик. 1910. № 1025. С. 367–369.

¹⁰ Бутков. Изменение и уменьшение веса солдатского снаряжения // Разведчик. 1904. № 724. С. 906–910.

Еще в конце 1890-х годов был предложен проект ранца поручика л.-гв. Волынского полка Смердова.

Ранец имел вид продолговатой вещевой сумки, которая носится на спине на особом ремне через правое плечо к левому бедру. Сумка слегка изогнутой формы, снабжена деревянной пластинкой для поддержания своей изогнутости у спины. У нижнего конца сумки пришивалась обтянутая кожей скоба для крепления за пояс. Благодаря этому большая часть тяжести ранца передавалась на бедро. Вещевая сумка открывалась во всю длину ранца, причем крышка застегивалась 4 ремешками. На верхнем конце сумки имелась вторая крышка малая, которая также застегивалась ремешком. В ранце (вещевой сумке) помещалось все, что было положено солдату. Два мешочка с принадлежностями и полотенце рекомендовалось изобретателем помещать в верхнем конце сумки у крышки. Ближе к ним укладывалась пара портянок. Таким образом, благодаря этой малой крышке, указанные вещи, которые требовались чаще всего на походе, можно было достать из ранца, не снимая его.

Узкая форма ранца и его изогнутость давали приток воздуха к спине, отчего она не нагревалась и солдат меньше потел. Центр тяжести переносился на бедро, на более сильную часть корпуса, не заставлял сгибаться человека вперед, не давил на грудь и давал свободу действовать руками. Кроме того, изобретатель допускал широкий простор манипуляций: вещи могли быть вложены в сухарный мешок, а сухари в вещевой (ранец), отчего выигрывала целостность сухарей. Вместимость ранца и сухарного мешка одинакова. Наконец, сухарный мешок, наполненный бельем, мог заменить подушку.

Шинель надевалась крест-накрест с ранцем, который по своей форме был похож на нее и, когда шинель была надета в рукава, уравнивал тяжесть, распределяя общий груз ровно на плечи. В карманы шинели помещались рукавицы, варежки и наушники. Нагрудный патронташ на 30 патронов носился на груди на ремне ранца. Сухарный мешок (с перевязью через левое плечо) имел скобу для крепления его пояс. На наружной стороне мешка пришивался карман для фляги, что не давало фляге болтаться во время бега. По сторонам этого кармана пришивались 2 клапана для помещения до 15 патронов в каждом. Они заменяли запасную патронную сумку. Сапоги поручик Смердов рекомендовал закатывать в шинель особым способом, не утолщая её у котелка, когда же шинель одета, то в полотнище палатки.

Две кожаные поясные сумки носились спереди на поясе, который поручик Смердов рекомендовал иметь не с бляхой, а с пряжкой и без подпояска. От такой замены вес пояса уменьшался вдвое, пояс стоил дешевле, был более удобен при надевании. Кроме того, с уничтожением бляхи появилась возможность на место, занимаемое бляхой, поместить еще одну сумку и этим увеличить число носимых патронов.

Полотнище палатки и полустойка носились на скатке, но можно было их носить и на ранце, пропуская под ремешки у крышки.

Лопата у левого бедра на поясе.

Итак, все снаряжение поручика Смердова — только четыре предмета: ранец, сухарный мешок, скатанная шинель (или полотнище палатки), пояс с разными вещами¹¹.

Ранец, предлагавшийся поручиком Кишевским, по внешнему виду представлял собой обыкновенный ранец образца 1874 г. из непромокаемой ткани, но после снятия крышки, которую свободно можно было отделить от ранца, получал вид двух сумок, соединенных посредством четырех пряжек с ремешками.

Снятая крышка представляла собой мешок с гнездами для обойм с патронами и имеющимся внутри последнего запасным поясом. Ею было возможно заменить патронташ на 120 патронов. Она могла носиться и в качестве обыкновенного сухарного мешка. Посредством сочетания двух сумок ранцу можно было придавать семь видоизменений по форме. Кроме того, ранец можно было развернуть в виде непромокаемой подстилки с подушкой, а также возможно было пользоваться им как носилками. Устройство ранца давало возможность солдату носить его как обыкновенный ранец или как вещевой мешок. Ранец можно было подтянуть к пояснице, надеть в виде скатки, а при надетой в рукава шинели можно было разделить тяжесть ранца на две части, из которых одна сумка могла быть спереди на груди, а другая на спине.

Кроме удобства носки ранца в походе, он мог иметь и другие преимущества в бою: ранец состоял из двух частей (сумок). Одну часть — полезную (как называл ее изобретатель), содержавшую вещи, необходимые в походе, но лишние в бою, солдат мог отделить от ранца перед боем и оставить, а вторую (необходимую), содержащую сухари и патроны, солдат обязан был бы брать всегда. Добавив перед боем в «необходимую» часть ранца до 160 патронов и наполнив крышку ранца до 190 штук, его можно было обратить в патронташ (*ил. 7*)¹².

Несмотря на заявленные преимущества, комиссия затягивала с ответом на данный проект, что заставило поручика Кишевского обратиться с жалобами в военную прессу. По поводу ранца Кишевского рассматривавшая его подкомиссия № 7 генерал-майора Каннабаха пришла к следующим заключениям:

«Ознакомившись с этим ранцем-мешком, подкомиссия находит, что поручик Кишевский задался достижением многих целей для разнообразных способов носки. Стремление удовлетворить 8-ми способам но-

¹¹ Ранец поручика Смердова // Разведчик. 1904. № 725. С. 932–933.

¹² Петухов. Ранец поручика Кишевского // Разведчик. 1903. № 666. С. 652–654.

Ранец поручика Кишевского.

Ил. 7. Ранец поручика Кишевского (Разведчик. 1903. № 666. С. 652–654)

ски настолько осложнило ранец, что для пользования им нужен большой навык; масса ремешков и пряжек и всевозможные сочетания их мало доступны пониманию заурядного солдата. Ранец этот как вещевой мешок не нужен, так как от него уже отказалась вся армия. Собственно же ранец имеет большие неудобства: он очень сложен; выделение вещей для облегчения груза перед боем возможно, но при этом удаляется и однодневная дача сухарей, и фуфайка; давление всего груза — на плечи; вследствие высокого положения ранца равновесие неустойчиво»¹³.

Решить проблему выбора между ранцем и мешком предлагал капитан 121-го Пензенского пехотного полка Брайков через распределение тяжести по всему телу.

Поскольку, по мнению автора, солдату в походе приходится иметь мало вещей, бессмысленно снабжать его ранцем, а поэтому для одной смены белья, полотенца и портянок достаточно мешочка, который помещается на спине (его можно сделать отстегивающимся), причем на лен-

те, к которой он пришит, крепятся ещё два мешка: один с сухарями и патронами впереди, другой с хлебом и вещевыми продуктами сзади.

Широкая лента ложится по всей поверхности плеча, и потому плечо не испытывает той усталости, которую дает узкая тесьма при старом мешке. Кроме того, нижние мешки поддерживаются клапанами. Снаряжение из мягкого материала, не дает потертостей, так как между задними мешками существует свободное пространство (углубление), куда ложится скатанная шинель. Такое расположение скатки не стесняет дыхания, и стрелок сохраняет свободу движения. Кроме того, снаряжение уравновешено, перемещение центра тяжести стрелка почти отсутствует.

В качестве положительных сторон своего изобретения капитан Брайков выделял следующие: простота изготовления и починки, снаряжение не стесняет движения и представляет свободу действия оружием, мешки поднимаются высоко, при движении не бьют по ногам и не трут их, сложные приспособления отсутствуют, пригонка и размещение частей снаряжения на теле удобно, приспособлено для носки шанцевого инструмента, при стрельбе стоя передний мешок дает хороший упор для ружья и руки, солдат лежа получает полный отдых, так как мешки лежат на земле, шинель свободно лежит на новом снаряжении и прилегает к телу, сложенное снаряжение дает возможность пользоваться им как подушкой, ружье удобно носить на обоих плечах, снаряжение дешевле других, непроницаемо для воды, достаточно красиво, удобно регулировать длину ремня даже во время марша, запасная патронная сумка удобна и всегда под рукой, перемычки по внутренней стороне ленты позволяют быстро уложить туда скатанное полотно палатки или плащ, толщина их исключает возможность потертостей¹⁴.

После проведения реформы обмундирования и снаряжения российской армии основы системы переноски грузов остались прежние. Как и при Александре III, снаряжение делилось на ранцевое (артиллерия, инженерные войска, гвардейская пехота) и мешочное (армейская и гренадерская пехота).

Основные элементы артиллерийско-инженерного и гвардейского ранцевого снаряжения оставались прежними. Предметы снаряжения для гвардейской пехоты по состоянию на 1894 г. полагались следующие: ранец, сапожный чехол, сухарный мешок, ремень для стягивания скатанной шинели, деревянная водоносная баклага с приспособлением для ее носки, с 1909 г. — алюминиевая фляга в чехле, чехол на малую шанцевую лопату Линемана, два патронохранилища. Но-

¹³ Бердяев В. Ранец г. Кишевского // Разведчик. 1906. № 836. С. 793.

¹⁴ Г. Ранец или мешок // Разведчик. 1910. № 1025. С. 367–369.

Ил. 8. Вещевой мешок обр. 1914 г. ВИМАИВиВС

вые, введённые после 1907 г. образцы снаряжения были однотипны армейским.

Мешочное армейское снаряжение, по сравнению с прежним комплексом, было несколько изменено. Вещевой мешок для нижних чинов гренадерской и армейской пехоты обр. 1909 г. по внешнему виду походил на мешок обр. 1889 г., но претерпел определённые изменения: он стал изготавливаться из окрашенной в защитный цвет непромокаемой парусины, не стало внутренних перегородок, клапана-погона на задней стенке. Мешок выкраивался из трёх кусков непромокаемой паруси-

ны, из которых один служил его передней стенкой, другой — задней, а третий — боковыми стенками и дном, которое имело закруглённую форму. Таким образом, серьёзно была изменена система плечевых ремней. Длинными делались оба ремня, в верхней их части, у плеч, пришивались пряжки. С помощью этих ремней мешок можно было носить и через плечо, и на спине, как ранец (ПВВ 1909 № 175 и 1910 № 125). Кроме того, с помощью специального ремешка можно было прикреплять низ мешка к поясному ремню, поддерживая таким образом последний. Этим достигалась универсальность и удобство эксплуатации мешка образца 1909–1910 гг. По сути, обе модели однотипны, в мешке 1910 г. были только уточнены размеры некоторых деталей.

Армейский сухарный мешок изготавливался из окрашенного в защитный зеленовато-серый цвет непромокаемого равентуха, того же типа, что и материал для летней одежды нижних чинов. Сухарный мешок состоял из сумки с клапаном и плечевой перевязи (ПВВ 1909 № 175). Тот же приказ вводил новый образец суконного чехла на алюминиевую флягу. От предыдущего он отличался способом застёгивания разреза — с помощью крючков. Кроме того, на чехол нашивался дополнительный ремешок, с помощью которого к фляге снизу пристёгивалась алюминиевая кружка для чая. К чехлу этого типа полагалась перевязь в виде кожаного ремня, застёгивавшегося на одношпильковую пряжку.

Однако, несмотря на ряд интересных и рациональных предложений, важную роль играли экономические вопросы. Мешочное снаряжение было практичнее и дешевле, что позволяло в короткий срок заготовить запас вещевых мешков для многомиллионной армии и затем в допустимые сроки его возобновлять (*ил. 8*).

Список литературы

- Абрежо Ав.* Пехотное армейское снаряжение // Разведчик. 1902. № 622. С. 839–840.
Байков. Маньяжуря // Разведчик. 1907. № 879. С. 504.
Бердяев В. Ранец г. Кишевского // Разведчик. 1906. № 836. С. 793.
Бутков. Изменение и уменьшение веса солдатского снаряжения // Разведчик. 1904. № 724. С. 906–910.
Г. Ранец или мешок // Разведчик. 1910. № 1025. С. 367–369.
Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб.: Изд. В. Березовского, 1908. С. 203–204.
Коченгин П. Снаряжение и вооружение пехоты // Разведчик. 1907. № 839. С. 857–858.
Н. А. Пригонка снаряжения // Разведчик. 1905. № 789. С. 919.
Петухов. Ранец поручика Кишевского // Разведчик. 1903. № 666. С. 652–654.
Пехота. Учебник для рядового в первый год службы. Пг., 1916. С. 41–49.
Ранец поручика Смердова // Разведчик. 1904. № 725. С. 932–933.
Соловьёв Л. З. Указания опыта текущей войны на боевые действия пехоты, впечатления ротного командира. СПб., 1905. С. 34–35.

Aleksei Vladimirovich ARANOVICH

Doctor of History, Professor, Department of History and Theory of Art, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, President of St. Petersburg Society of Military History (St. Petersburg, Russia)

E-mail: aaranovitch@yandex.ru

Vladimir Aleksandrovich BEZRODIN

Senior Researcher, State Museum of History of Religion (St. Petersburg, Russia)

E-mail: bezrodin@mail.ru

To the question of simplification of knapsack equipment of the Russian army in the late XIX–early XX century

The article is based on reviews of Russian army officers last quarter of the XIX — early XX century about military equipment. In particular, it shows the need for changes in military equipment and the process of its simplification.

Keywords: Russian army, equipment, backpack, duffel bag.

УДК 94 (47)

ББК 63.3 (2) 6–4

Валерия Вадимовна НЕЗГОВОРОВА

старший научный сотрудник, хранитель Инженерно-документального фонда Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: nezvaleria@yandex.ru

ДОЛГ ПАМЯТИ.

МОГИЛА ВОЕННОГО ИСТОРИКА Г. С. ГАБАЕВА В ПОСЁЛКЕ БУДОГОЩЬ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассказывается о восстановлении памятного места — могилы известного военного историка и архивиста Георгия Соломоновича Габаева и его жены Софии Григорьевны Розен.

Ключевые слова: Будогощь, кладбище, Г. С. Габаев, С. Г. Розен.

Георгий Соломонович Габаев (1877–1956) — военный историк и архивист, признанный авторитет в области знаменоведения, мундироведения и «полковых родословий»; коллекционер, знаток батальной живописи, военной иконографии. Он родился в Симферополе в семье штабс-ротмистра Соломона Захаровича Габаева (1842–1886), происходившего из знатного грузинского рода Габашвили. Его мать, Лидия Викторовна Руссет (1857–1877), принадлежала к обрусевшему старинному роду французских гугенотов.

Георгий Соломонович обучался в Киевском кадетском корпусе (1888–1895), Николаевском инженерном училище (1895–1898), начал службу в гренадерском сапёрном батальоне (1898–1900, *ил. 1*). В 1900 г. он был прикомандирован к л.-гв. Сапёрному батальону, в 1901 г. переведён в батальон подпоручиком (*ил. 2*). В 1901 г. он поступил вольным слушателем в Санкт-Петербургский археологический институт, который окончил в 1903 г. В 1907 г. С. Габаев был «избран действительным членом-учредителем» Русского военно-исторического общества. Он вспоминал: «Я принял деятельное участие в работе разряда полковых и корабельных историй и выступал с рядом докладов»¹, много публиковался в издаваемом обществом журнале. Продвигаясь по службе, Габаев

¹ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33 (*Габаев Г. С.* Отчет перед Родиной о работе и жизни и об испытаниях военного историка Георгия Габаева). Л. 11

Ил. 1. Г. С. Габаев — подпоручик Гренадерского сапёрного батальона. 18 августа 1898 г. Фотография из семейного альбома. Публикуется с разрешения Н. С. Габаевой

Ил. 2. Г. С. Габаев — подпоручик, прикомандированный к лейб-гвардии Сапёрному батальону. 1900 г. ВИМАИВиВС, ФФ 7/4799–14

получил чины гвардии поручика (1901), штабс-капитана (1905), капитана (1909), полковника (1915).

Участвовал в 1-й Мировой войне, в августе 1917 г. С. Габаев был утверждён командиром гвардии Сапёрного полка², а в декабре избран на эту должность и состоял в ней до расформирования полка в 1918 г. (ил. 3). Участвовал в организации военных архивов Петрограда (1918–1919), руководил работой ленинградских военных музеев (1921–1926).

В 1926 г. С. Габаев был арестован по «делу Мебеса» и обвинён «в создании антисоветских масонских организаций»³, в связи с чем выслан «в Коми область сроком на три года»⁴. С октября 1928 г. он проживал в Курске, работая в Курском военном музее. В 1930 г. он был арестован по «Академическому делу», осужден по ложному обвинению за контрре-

² Батальон был развёрнут в полк в 1915 г.

³ Архив УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-84116. Т. 2. Л. 654 (Следственное дело 188/296 Мебес Григория Оттоновича).

⁴ Там же. Л. 790.

Ил. 3. Г. С. Габаев в чине полковника гвардии Сапёрного полка. 1916 г. ВИМАИВиВС, ФФ 7/688–8

Ил. 4. Г. С. Габаев. Май 1935 г. Фотография из семейного альбома. Публикуется с разрешения Н. С. Габаевой

волюционную деятельность, заключён в концлагерь сроком на десять лет⁵ (ил. 4). В 1937 г. бывший полковник был освобожден и с тех пор находился, по собственному грустному замечанию, на положении «инвалида-иждивенца»⁶. Жил он сначала в Талдоме, затем в Калязине.

В 1944 г. дочь Г. С. Габаева, Ольга Георгиевна, попыталась взять больного отца к себе в Ленинград, но прописка была аннулирована, Г. С. Габаеву разрешили жить только «на 101-м километре» от Ленинграда. С того времени он проживал в посёлке Будогощь Ленинградской области, где и был похоронен. В 1989 г. он был официально реабилитирован.

Интерес к незаурядной личности Г. С. Габаева возник у автора этих строк в ходе исследовательской работы по выявлению, атрибуции и введению в научный оборот материалов собрания музея л.-гв. Сапёрного батальона, хранящихся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

⁵ Там же. Д. П-82333. Т. 7. Л. 295.

⁶ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

Ил. 5. Табличка на могиле Г. С. Габаева. Сентябрь 2017 г. Фотография автора статьи

Стоит упомянуть, что в 1907 г. штабс-капитан Г. С. Габаев выступил инициатором создания «Юбилейного музейно-исторического комитета гвардейских сапёр»⁷. Будучи избранным в Юбилейный комитет как «составитель истории», он собирал материалы и для музея. Эта масштабная работа завершилась к 100-летию батальона: в 1912 г. «был полностью развёрнут музей, напечатан I том подробной истории и краткая история и готовы в рукописи ещё два тома подробной истории»⁸.

Желание посетить могилу военного историка укрепилось после прочтения в журнале «Звезда» очерка «Из записок»⁹ его внучки Натальи Сергеевны Габаевой. В «Записках» содержатся воспоминания о коротких встречах с «дедушкой Габаевым» в Ленинграде и позже в Будогищи. Есть там и строки о смерти Г. С. Габаева:

Получив телеграмму о дедушкиной смерти, я поехала в Будогищи. Он скончался скоростно от сердечного приступа поздно вечером. Открытый гроб стоял на табуретках между кроватью и столом в их маленькой

⁷ Там же. Л. 8 об.

⁸ Там же. Л. 9

⁹ Наталья Габаева. Из записок // Звезда. 2012. № 11. С. 136–139.

Ил. 6. Могила Г. С. Габаева и С. Г. Розен. Будогищи. Сентябрь 2017 г. Фотография автора статьи

комнатке. Дедушкино лицо показалось очень красивым, помолодевшим, морщинки исчезли. Меня оставили наедине с ним <...> Похоронили дедушку на местном кладбище, в глубине, с правой стороны у ограды <курсив мой — В. Н.>. В этот раз, как и потом при смерти самых близких, как-то особенно горько сжалось сердце при виде родного имени на могильной надписи¹⁰.

Первая поездка в Будогищи состоялась в сентябре 2017 г. Ориентиры, указанные в «Записках» Н. С. Габаевой, в конечном итоге и помогли разыскать на старом кладбище могилу Георгия Соломоновича. Глазам открылось печальное зрелище: над земляным холмиком, покрытым травой, возвышался крест из гнутого металлического профиля. Чудом сохранилась коричневая от ржавчины табличка с полустёртой надписью жёлтой краской: «Георгий Соломонович Габаев. 1877–1956» (ил. 5). Рядом такой же крест без таблички. Это могила Софии Григорьевны Розен, второй жены Г. С. Габаева (ил. 6).

Баронесса С. Г. Розен — выпускница Смольного института. В 1928 г. окончила школу медицинских сестёр. Замужем за Г. С. Габаевым с 1927 г. (долгое время это был гражданский брак, дата официального

¹⁰ Там же. С. 139.

Ил. 7. Г. С. Габаев и С. Г. Розен. Май 1937 г. Фотография из семейного альбома. Публикуется с разрешения Н. С. Габаевой

бракосочетания неизвестна, ил. 7). В Будогощи С. Г. Розен работала медсестрой в поселковой больнице, где оставила по себе добрую память. Обратимся к тексту «Записок» Н. С. Габаевой: «После смерти дедушки я два-три бывала в Будогощи у Софии Григорьевны. Быт ее стал совсем непритязателен и еще менее благоустроен, чем при дедушке. Всегдашней радостью были две приبلудные кошки, временные исчезновения которых постоянно волновали и огорчали ее <...> Скончалась она в Киришской больнице вскоре после перелома шейки бедра <...> Могила ее рядом с дедушкиной»¹¹.

15 декабря 2017 г. в ВИМАИВиВС состоялось открытие выставки, посвящённой 140-летию Г. С. Габаева. Для названия выставки была выбрана цитата из его воспоминаний о счастливом времени работы по составлению истории л.-гв. Салёрного батальона и созданию батальонного музея: «Я положительно кипел в исторической и музейной работе». На открытии присутствовали почётные гости: внучка Георгия Соломоновича, Наталья Сергеевна Габаева — замечательный светлый человек, и её дочь Анна Алексеевна Милорадович (ил. 8).

Наталья Сергеевна родилась в 1930 г. в семье второго сына Г. С. Габаева, Сергея Георгиевича Габаева (1902–1942), учёного-биолога, ученика Н. И. Вавилова. Мать Наталии Сергеевны — художница Мария

¹¹ Там же.

Ил. 8. На открытии выставки, посвящённой 140-летию Г. С. Габаева. 15 декабря 2017 г. Слева направо: А. А. Милорадович, Н. С. Габаева, директор ВИМАИВиВС В. М. Крылов. Фотограф В. Шмитке

Георгиевна Коэнте. В начале Великой Отечественной войны Наташа с матерью были эвакуированы в Омскую область, вернулись в Ленинград в 1946 г. Оставшийся в блокадном городе Сергей Георгиевич умер в 1942 г.

Наталья Сергеевна окончила биологический факультет Ленинградского государственного университета, специализировалась на кафедре эмбриологии, где была оставлена для научной и педагогической работы. В 1963 г. защитила диссертацию и была утверждена в степени кандидата биологических наук. В 1964 г. вышла замуж за архитектора-реставратора Алексея Николаевича Милорадовича (1934–1993). Их дочь Анна, правнучка Г. С. Габаева — художница, окончила высшее художественно-промышленное училище имени В. И. Мухомой.

Вторая поездка в Будогощ была запланирована в истекающем году с целью установки новых памятных табличек на могиле Г. С. Габаева и С. Г. Розен. Фотографии для них были согласованы с Натальей Сергеевной Габаевой. Трудности возникли с установлением даты смерти Г. С. Габаева: её не удалось найти ни в одном из известных источников.

Ил. 9. Е. П. Каткова (слева) и В. В. Незговорова очищают ограду от остатков краски. Фотография автора статьи

Ил. 10. У могилы Г. С. Габаева. Слева направо: М. А. Дымчаков, А. С. Монаенков, С. И. Строкин, В. О. Бочаров. Фотография автора статьи

В июле Анна Милорадович направила запрос в архив отдела ЗАГС Киришского района. Трудность заключалась в том, что у Натальи Сергеевны не нашлось требуемых документов — метрик отца и деда. В сентябре пришёл ответ: Г. С. Габаев скончался 3 мая 1956 г.

К сожалению, табличка С. Г. Розен осталась без дат рождения и смерти: у Натальи Сергеевны Габаевой не оказалось документов, подтверждающих родство с Софией Григорьевной, без чего оказалось невозможно получение справки.

Экспедиция сотрудников ВИМАИВиВС отправилась в Будогощь 10 октября. Кроме пишущей эти строки, в экспедиции приняли участие начальник отдела фондов С. И. Строкин, младший научный сотрудник того же отдела Е. П. Каткова, младший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела А. С. Монаенков, художник-реставратор М. А. Дымчаков. К сотрудникам музея присоединился участник нашей первой поездки в Будогощь историк В. О. Бочаров (ил. 9, 10). Каждый внёс свою лепту: кто кистью и краской, кто лопатой и умелыми руками. В итоге могила Г. С. Габаева и С. Г. Розен была приведена в порядок и приобрела ухоженный вид (ил. 11, 12).

В тот же день все участники экспедиции посетили Киришский историко-краеведческий музей. Оказалось, что у заведующей музеем Марии Викторовны Белоглазовой хранится папка, в которой собраны документы о Г. С. Габаеве и С. Г. Розен: записанные музейщиками воспоминания жителей Будогощи, знавших эту семейную чету, несколько газетных статей разных лет, машинописный текст с родословной баронов Розенов...

Жители Будогощи вспоминают, что Габаев и Розен были «колоритной парой», причём Георгий Соломонович держался отстранённо, «казался недостижимым». Было известно, что «он бывший военный историк, изучал декабристское движение»¹². Вспоминают также, что он хорошо рисовал, даже писал иконы. София Григорьевна — спокойная, уравновешенная, умевшая в различных ситуациях не терять самообладания. Эти качества в полной мере проявились зимой 1945–1946 гг., когда в посёлке вспыхнула эпидемия сыпного тифа и София Григорьевна ухаживала за больными в инфекционном отделении¹³.

* * *

Когда статья была почти готова, неожиданно пришло письмо от заведующей Киришским музеем. Мария Викторовна сообщила, что Киришский ЗАГС предоставил музею информацию о Софии Григорьевне

¹² Леонова Л. В зиму 1875-го... // Киришский факел. 1992. № 38.

¹³ Воспоминания жителей пос. Будогощь о Габаеве Г. С., Розен-Габаевой С. Г. // Киришский историко-краеведческий музей. Рукопись. Л. 2.

Ил. 11, 12. Так выглядят теперь могилы Г. С. Габаева и С. Г. Розен. Фотография автора статьи

Розен: она родилась 23 августа 1887 г., умерла 27 января 1977 г. Эта новость обрадовала и укрепила в мысли, что проделанную работу нельзя считать окончательно завершённой. Кресты из металлического профиля со временем должны быть заменены на достойный памятник. Уверена, это вполне возможно. Надеюсь на помощь отделения Военно-исторического общества в Петербурге и Ленинградской области, всех неравнодушных, кому дорого имя Г. С. Габаева, кто истинно проникся пушкинской «любовью к отеческим гробам»...

Список литературы

Наталья Габаева. Из записок // Звезда. 2012 г. № 11. С. 136–139.
Леонова Л. В зиму 1875-го... // Киришский факел. 1992. № 38.

Valeria NEZGOVOROVA

Senior Researcher, Curator of the Dept. of Documents on the History of Engineer Corps, Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops (St. Petersburg, Russia)

E-mail: nezvaleria@yandex.ru

The grave of military historian G. S. Gabaev at the village of Budogosh, Leningrad region

The article narrates about renovation the grave of military historian G. S. Gabaev and his wife S. G. Rosen.

Keywords: Russian Army, Budogoshch, G. S. Gabaev, S. G. Rosen.

Станислав Александрович ВОРОБЬЁВ

хранитель форта «Риф», главный редактор альманаха «Фортовед»
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: stas-vorobiev2005@yandex.ru

ФОРТ «РИФ»: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФОРТИФИКАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА¹

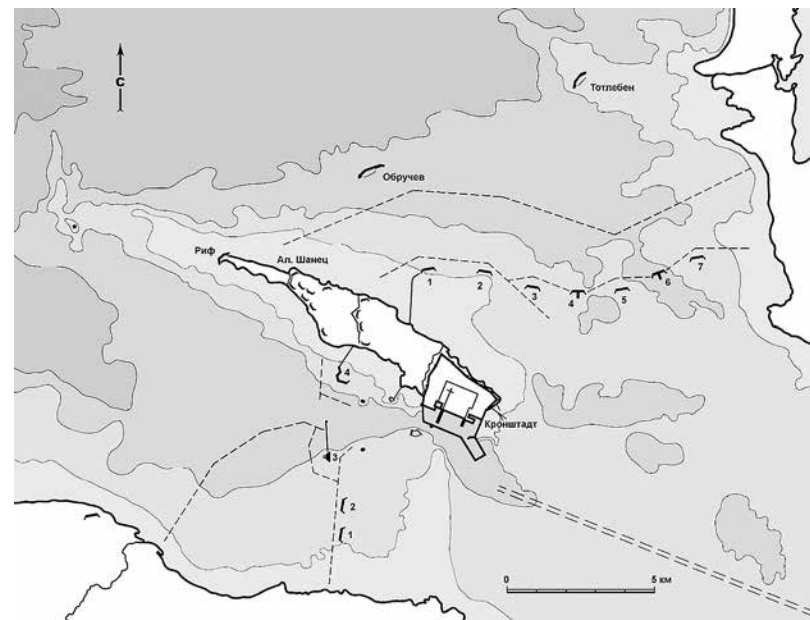
В составе Кронштадтской крепости имеется немало интереснейших укреплений, представляющих собой выдающиеся примеры воплощения военно-инженерного искусства. Достойное место в их ряду занимает форт «Риф» — мощнейшее укрепление крепости на острове Котлин, включающее в свой состав уникальные опытные сооружения инженерного полигона 1889–1909 годов. В настоящее время форт «Риф» обладает наилучшей сохранностью из всех укреплений наиболее значительной за всю историю Кронштадтской крепости строительной программы 1909 года.

Ключевые слова: Кронштадтская крепость, форт «Риф», фортификация.

Благодаря своему исключительно важному стратегическому положению Кронштадтская крепость занимает особое место в истории военно-инженерного искусства России. С момента её основания Петром Великим и до второй половины XX в. Кронштадт являлся важнейшим центром развития отечественной фортификации, именно здесь осуществлялись наиболее грандиозные проекты, опробовались самые передовые идеи и решения. Можно сказать, что Кронштадт являлся своего рода инженерным полигоном для выявления основных принципов устройства укреплений, которые затем распространялись по всем крепостям государства.

История Кронштадта насчитывает несколько продолжительных периодов, каждый из которых оставил нам свои характерные памятники. Сооружения разных эпох зачастую очень не похожи друг на друга, и именно эта многоликость придаёт Кронштадтской крепости особую историческую ценность.

Наивысшим периодом развития крепости стал период бетонного строительства. Именно в этот относительно короткий временной промежуток — с 1890 по 1917 г. — в крепости были созданы наиболее

Ил. 1. Схема Кронштадтской крепости по состоянию на 1910 год (без передовых фортов «Ино» и «Красная Горка»)

трудозатратные фортификационные сооружения, как морские, расположенные посреди акватории залива, так и береговые. В этот период крепость достигла наибольшего территориального развития, частью которого стало строительство на западной оконечности острова Котлин форта «Риф».

В настоящее время форт «Риф» представляет собой, возможно, лучший пример позднего берегового укрепления Кронштадтской крепости, поскольку другие современные ему форты, такие как «Ино» и «Красная Горка», в результате трагических событий первой половины XX в. в значительной степени утратили свой первоначальный облик (ил. 1).

Само по себе место будущего форта было задействовано в истории Кронштадтской крепости с самого начала её существования. В 1704 и 1705 г. здесь происходили кровопролитные бои со шведскими десантами, пытавшимися овладеть островом Котлин с целью последующей атаки на главную оборонительную позицию русского флота в районе Кроншлота. Эти события наглядно показали важность безусловного удержания западной части острова Котлин в общей системе обороны будущей Кронштадтской крепости. Поэтому не случайно после боевых

¹ Автор выражает глубокую признательность Сергею Бару (Ораниенбаум), Олегу Балашову (Санкт-Петербург) и Владимиру Андрееву (Донецк) за предоставленные сведения по истории форта «Риф».

действий вице-адмирал К. И. Крюйс предложил возвести здесь сильный шанец с гарнизоном до 1500 человек. Спустя год это предложение было реализовано, и на острове появилась небольшая бастионная крепость Св. Александра, впоследствии получившая устойчивое наименование «Александр-шанец».

Крепость располагалась не на самой западной оконечности косы, а несколько восточнее — в более широкой части острова, чем достигалась более надёжная связь с тылом. Тем самым более чем на два века был обозначен главный рубеж обороны на Котлине. К западу же от этой крепости никаких более или менее значимых укреплений не возводилось вплоть до начала Русско-японской войны. Причины этого более или менее понятны: с одной стороны, эта часть острова представляла собой наименее удобное место для организации обороны — очень узкая, простреливаемая со всех сторон и практически оторванная от тыла, к тому же заболоченная коса создавала тяжелейшие условия для обороны. С другой стороны, в безусловном удержании столь удалённого участка долгое время не было большой необходимости: положение крепости св. Александра вполне позволяло контролировать западную часть Котлина.

В некотором роде отступлением от этого правила стала постройка в 1788 г. нескольких полевых укреплений к западу от Александр-шанца². Это строительство стало частью более обширной программы по усилению всего острова Котлин, проводившемуся под руководством инженер-подполковника Прево де Лумилиана во время очередного обострения отношений со Швецией. Наиболее значительными сооружениями на западной оконечности Котлина стали шанец Св. Екатерины (метрах в 300–500 к западу от нынешнего форта) и редут Св. Петра (примерно на месте ныне сохранившихся опытных построек). Уже к началу царствования Павла I эти укрепления находились в ветхом состоянии, а в 1801 г. и вовсе были скрыты в связи с обострением отношений с Англией (с этого времени укоренилось мнение о бесполезности и даже вредности сильно выдвинутых вперёд укреплений, т. к. последние могут быть легко захвачены неприятелем и использованы в качестве плацдармов)³.

Интересно, что, несмотря на столь короткую жизнь шанца Св. Екатерины, память о нём в несколько искажённом виде сохранили многие отечественные и западные карты вплоть до начала XX в. Как отмечалось в одном из документов времен Русско-японской войны, на западных разведкартах на оконечности рифа помещался ни много ни мало «форт Екатерины II», в реальности никогда не существовавший⁴.

² РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 1.

³ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 266, 267.

⁴ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 595. Л. 48 об.

* * *

История ныне сохранившегося на рифе оборонительного комплекса чётко делится на два периода, практически не связанных друг с другом по своему характеру.

Хотя к концу XIX в. Кронштадтская крепость значительно расширилась, всё же вышеназванные недостатки западной оконечности острова Котлин для организации обороны продолжали оставаться актуальными. С другой стороны, в это время назрела необходимость проведения широкомасштабных опытов с фортификационными конструкциями из бетона, и вот для этой-то цели участок к западу от Александр-шанца оказался очень подходящим. Здесь недостатки местности обернулись достоинствами. С одной стороны, для организации инженерного полигона требовалось место, удалённое от объектов жизнедеятельности человека, изолированное и легко охраняемое. С другой стороны, расположение полигона в непосредственной близости от Кронштадта позволяло воспользоваться ресурсами самой крепости как в части организации строительства опытных сооружений, так и в части практической стрельбы артиллерии. Во всех этих отношениях риф Кронштадтской косы представлял собой исключительные удобства для организации инженерного полигона; возможно, также сказалась и близость Кронштадта к Петербургу, в котором располагалось Главное инженерное управление, осуществлявшее общее руководство опытами.

Непосредственной причиной проведения опытов стало качественное развитие артиллерии в связи с появлением фугасных снарядов, начинённых новыми взрывчатыми веществами, такими как мелинит или пироксилин, значительно более мощными по сравнению с прежде использовавшимся порохом. Перед лицом новой угрозы прежние кирпичные и каменные фортификационные постройки, обсыпанные землей, оказались практически беззащитными, что и предопределило переход к новому, более прочному, строительному материалу — бетону на основе портландцемента.

Проведение инженерных опытов началось в 1889 г. в Николаеве, где подрывами зарядов и артиллерийской стрельбой были испытаны старые каменные сооружения, усиленные бетонными туюфьяками. В том же году строительные работы начались и на рифе Кронштадтской косы, где было решено произвести основную часть опытов, в основном уже с бетонными сооружениями. Инженерные и артиллерийские испытания в Кронштадте представляют собой чрезвычайно обширную самостоятельную тему, которую невозможно сколько-нибудь полно раскрыть в формате настоящей работы, поэтому мы ограничимся здесь лишь перечнем основных этапов этого масштабного предприятия, а также некоторыми наиболее важными выводами, сделанными на их основе.

Ил. 2. Военный инженер Леонид Петрович Капица, производитель работ на рифских опытных постройках в 1892–1909 гг.

Непосредственно опыты начались в 1890 г., причём изначально их программа рассчитывалась, по всей видимости, только на пять лет, до 1894 г. включительно. На это указывает выпущенная в 1895 г. серия материалов по николаевским и кронштадтским опытам, включающая в себя обширный текстовый отчёт⁵, атлас чертежей⁶ и альбом фотографических снимков⁷. Перечисленные взаимосвязанные издания представляют собой важнейший источник по истории не только оборонительного комплекса на рифе Кронштадтской косы (а следовательно, и форга «Риф»), но и развития военно-инженерного искусства России в целом. Вместе с этим они охватывают период проведения опытов только

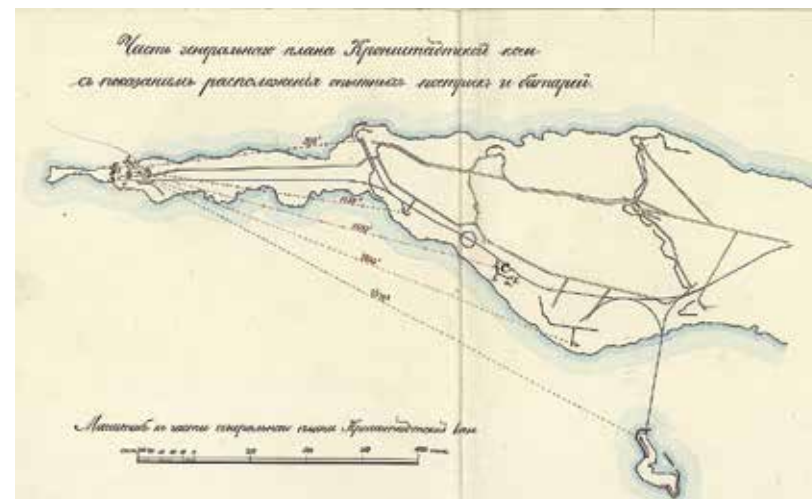
до 1894 г. включительно, а между тем опыты на рифе с той или иной интенсивностью продолжались вплоть до начала 1909 г.

Строительство опытных построек было возложено на Кронштадтское крепостное инженерное управление, непосредственным руководством в первые годы занимался производитель работ военный инженер штабс-капитан (с августа 1890 г. капитан) Владимир Александрович Кухарский (1859–1916). Затем, со второй половины 1892 г., производителем работ стал военный инженер штабс-капитан (с 1895 г. капитан, с 1904 г. подполковник, с 1908 г. полковник за отличие) Леонид Петрович Капица (1864–1919), который занимался этим делом вплоть до завершения работы инженерного полигона в 1909 г. При этом в начале 1897 г. руководство строительными работами было реорганизовано и передано вновь учреждённому управлению строителя Кронштадтских укреплений, в состав которого вошёл и Л. П. Капица (ил. 2).

⁵ Отчет о николаевских и кронштадтских опытах 1889–1894 гг. СПб., 1895.

⁶ Атлас чертежей к отчету о николаевских и кронштадтских опытах 1889–1894 гг. СПб., 1895.

⁷ Альбом фотографических снимков к отчету о николаевских и кронштадтских опытах 1889–1894 гг.

Ил. 3. Схема острова Котлин, показывающая положение опытных построек на рифе Кронштадтской косы и батарей, с которых производился их обстрел. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 597

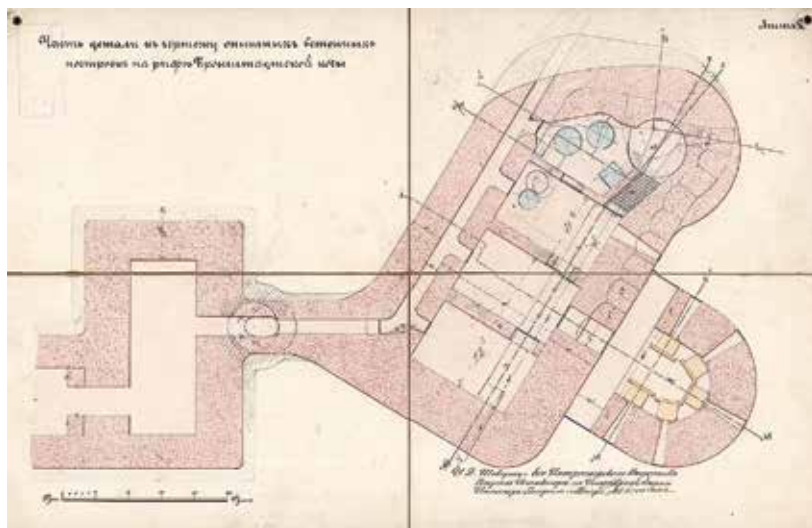
Возводившиеся на полигоне сооружения не планировалось включать в состав боевых объектов крепости, поэтому в этом смысле они располагались на местности произвольно. С другой стороны, эти сооружения должны были имитировать боевые, поэтому они обладали собственным фронтом и тылом. Поскольку обстреливать полигон планировалось с боевых укреплений крепости, расположенных восточнее, построенные на рифе опытные сооружения были ориентированы фронтом на восток и, соответственно, тылом на запад (ил. 3).

Для удобства производства работ на риф Кронштадтской косы протянули однопутную железнодорожную ветку. Первые опытные постройки на рифе возвели в 1889 г., это был небольшой бетонный каземат и бетонная же орудийная платформа с брустверной стенкой⁸. В следующем году эти сооружения были дополнены рядом новых бетонных построек, при этом выявился принципиальный характер комплекса в целом — сооружения располагались не обособленно друг от друга, а в компактной группе, имеющей общую земляную обсыпку. Наиболее интересной постройкой этой группы стал построенный в 1891 г. каземат «Ж» с пристроенным к нему капониром «З»⁹. В целом это была многофункцио-

⁸ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 171.

⁹ Там же. Д. 271, 272.

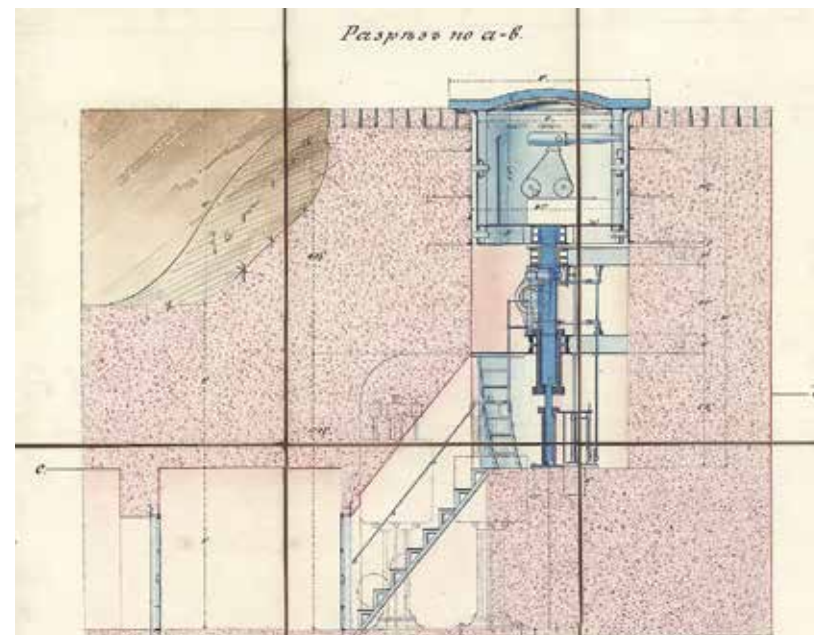
Ил. 4. Проектный план каземата «Ж» с гидравлической башней и капониром «З». 1891 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 272

нальная постройка, в общих чертах имитирующая горжевую часть сухопутного пехотного форта. В её состав была включена скрывающаяся броневая башня с гидравлическим устройством подъёма, вооружённая одной капонирной 57-мм пушкой Норденфельда¹⁰. Ещё одна башня несколько меньших размеров, наблюдательная, с гидравлическим устройством подъёма, была возведена поблизости от каземата «Ж»¹¹. Уже в ходе обстрелов 1891 г. малая башня была повреждена настолько, что её решили не восстанавливать и вскоре полностью разобрали. Большая броневая башня, напротив, особых повреждений за всю историю опытов не получила и даже частично сохранилась до наших дней (ил. 4, 5).

Во второй половине 1892 г. к востоку от ранее возведённой группы опытных сооружений была возведена ещё одна обособленная группа в основном кирпичных построек. В основу этой группы были положены так называемые «пруссские казематы» — точная копия немецкого фортсооружения конца 1880-х — начала 1890-х гг. Эта постройка в основе своей имела кирпичные стены и своды, затем по сводам насыпался слой песка и укладывался бетонный тьюфак.

¹⁰ Там же. Д. 268.

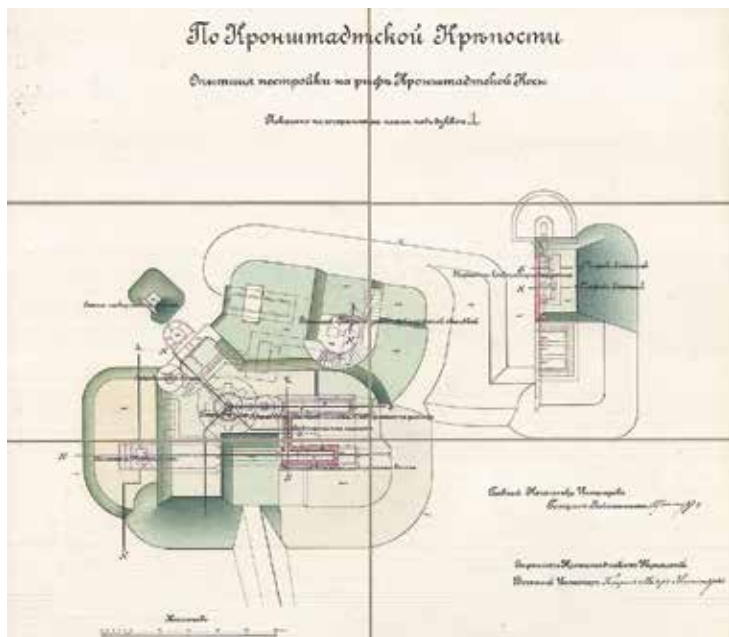
¹¹ Там же. Д. 267.

Ил. 5. Проектный чертёж скрывающейся броневой башни с гидравлическим устройством подъёма. 1891 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 268

В 1896 и 1897 г. значительное развитие получила первая группа опытных построек, при этом она увеличилась почти вдвое¹². Основным и наиболее значительным за всё время функционирования инженерного полигона сооружением из вновь построенных стал бетонный блок для двух скрывающихся броневых башен французского производства. В отличие от более ранних башен, упомянутых выше, две новые башни имели устройства подъёма на основе противовесов. В целом эти конструкции являлись несопоставимо более надёжными и получили в те годы значительное распространение в Европе. Потому-то и было принято решение испытать их в России. Несмотря на принципиальное сходство типа установок, они существенно отличались друг от друга размерами, вооружением и деталями устройства. Большая башня изготавливалась заводом общества «Фив-Лиль» и предназначалась для установки двух 57-мм пушек Норденфельда, малая башня изготавливалась заводом Шнейдера и Ко в Крезе и вооружалась одной 57-мм пушкой Гочкиса.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 580.

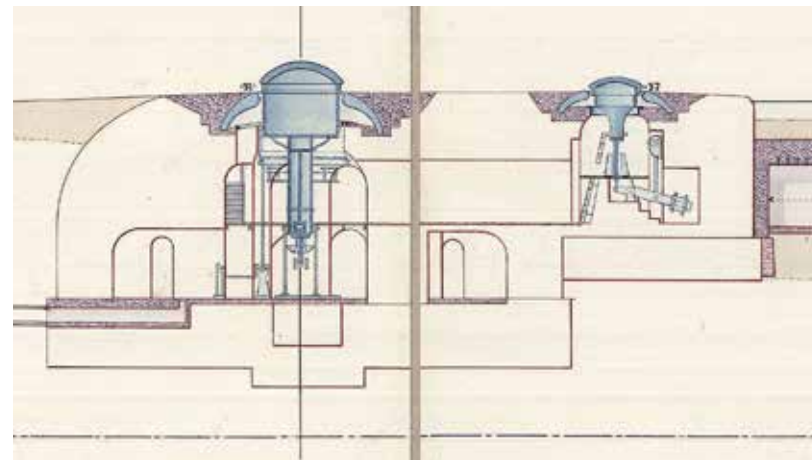

Ил. 6. Общий план опытных построек на рифе Кронштадтской косы к отчёту о работах в 1897 г. Справа — восточная группа сооружений с прусскими казематами. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 580. Л. 2

К сожалению, на данный момент сведений об испытаниях этих башен не выявлено (ил. 6, 7).

Произведённые на рифе опыты предоставили богатейший материал для развития отечественной фортификации бетонного периода. Здесь были определены основные параметры защитных конструкций, составы бетона, различные конструктивные элементы и строительные приёмы (ил. 8). Например, здесь был получен такой характерный для русской фортификационной школы объёмно-планировочный элемент, как *сквозник* — защитная галерея перед наружным входом в казематы. В ходе опытов выяснилась необходимость защиты фундаментов сооружений от глубокого проникновения в грунт тяжёлых снарядов, вызывавших сотрясение постройки. Также выяснилась польза облицовки бетонных поверхностей железом, что в значительной степени уменьшало осколочное действие взрывов. По итогам опытов в русских крепостях получили значительное распространение лёгкие броневые будки для наблюдателей.

Полученные в ходе опытов данные активно использовались для проектирования крепостей Российской империи и в первую очередь, ко-

Ил. 7. Фрагмент отчётного чертежа по работам 1897 г. РГА ВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 580. Л. 1

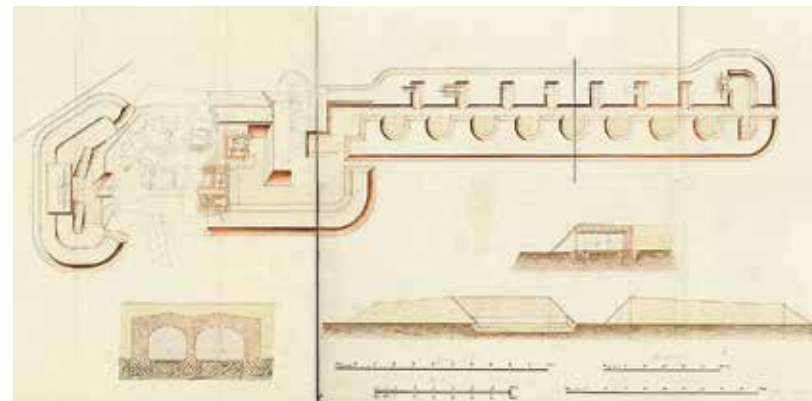
Ил. 8. Фото бетонного каземата «А» после обстрелов. Фото 1890 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 588. Л. 3

нечно же, Кронштадтской крепости. Поэтому значение кронштадтских опытов в истории развития военно-инженерного искусства Российского государства невозможно переоценить.

В 1896 г. был принят новый план усиления крепости Кронштадт, разработанный особой комиссией под председательством генерал-адъютанта Н. Н. Обручева. Но и в этом плане позиция на рифе оставалась незанятой. Примечательно, что в 1893 г., в самом начале работы комиссии, эта позиция рассматривалась, но от неё отказались из-за большой удалённости от остальных укреплений, и главный опорный пункт обороны на Котлине был перенесён обратно к Александр-шанцу¹³.

Время шло, и прогресс в артиллерийском деле продолжал сказываться на развитии фортификации. Наибольшее значение играл неуклонный рост дальности стрельбы артиллерийских орудий. Особенно ярко эта проблема проявилась в начале Русско-японской войны, когда в очередной раз выяснилось, что укрепления Кронштадтской крепости недостаточно отстоят от ядра крепости, из-за чего не вполне обеспечивают город и порт от безнаказанной бомбардировки со стороны моря. В этих условиях требовалось принять срочные меры, и тогда-то позиция на рифе Кронштадтской косы, как наиболее удалённая от города точка острова Котлин, оказалась востребованной для нужд обороны крепости.

Общая обстановка на тот момент была такова, что местные инженеры предложили вновь упразднить инженерный полигон, а имеющимися опытными постройками воспользоваться для усиления обороны крепости. В этой связи был составлен чрезвычайно интересный проект, по которому на основе существующих опытных построек предполагалось соорудить единое передовое укрепление, совмещающее в себе элементы ближней и дальней обороны¹⁴. Основной огневой мощью укрепления становилась временная батарея на восемь 9-дюймовых мортир. Опытные постройки с некоторыми построенными вновь светлыми казематами предполагалось использовать для нужд батареи как пороховые погреба и помещения для гарнизона. И, наконец, в разных частях комплекса предполагалось возвести несколько пехотных позиций для ближней обороны, причём наиболее сильная из них, западная, выполнялась с барбетами для выкатных противотанковых орудий и новым бетонным убежищем. В таком развитии элементов ближней обороны ясно сказывается стремление обезопасить от ближних атак сильно выдвинутое вперёд укрепление. Надо сказать, что эта особенность позиции всегда вызывала повышенное внимание инженеров к ближней обороне укреплений на рифе, подтверждение чему мы ещё не раз увидим (ил. 9).

Ил. 9. Проект передового укрепления на рифе Кронштадтской косы с временной батареей на восемь 9-дюймовых мортир. 1904 г. РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 1912. Л. 3, 8

Однако в 1904 г. инженерное руководство посчитало невозможным упразднить инженерный полигон¹⁵, поэтому проект был реализован лишь частично. В 1904 г. силами Кронштадтского крепостного инженерного управления была построена временная батарея для восьми 9-дюймовых мортир. Фронт батареи ориентировался параллельно оси острова. С северной и южной сторон позиция защищалась земляными валами, причём в северном валу располагались в общей сложности восемь помещений. Четыре из них выполнялись в виде бетонных казематов, а остальные четыре сооружались по временной схеме в форме цилиндрических труб из гофрированного железа. Сооружения двух типов располагались внутри вала, чередуясь. Вдоль всей позиции проходил широкий ход сообщения — военная улица (ил. 10).

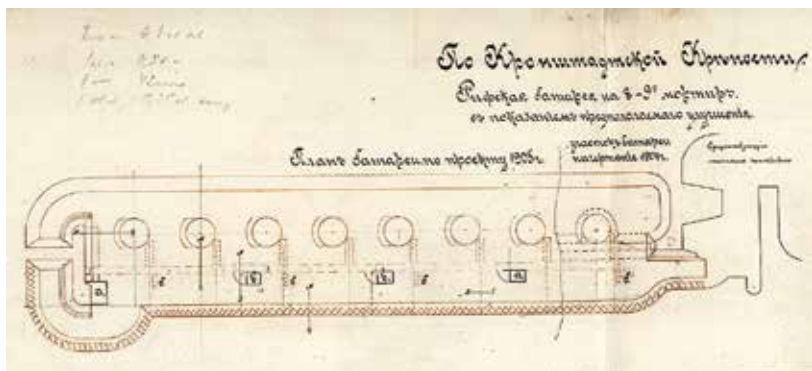
В 1905 г. батарея была усовершенствована. По всей видимости, осознание сильной уязвимости боевого укрепления на рифе привело к тому, что защитные качества батареи были ещё увеличены, правда, только средствами временной фортификации. Главным усовершенствованием стало полное перекрытие военной улицы, проходящей вдоль орудийной позиции, превращённой в крытый ход сообщения. Причём участки орудийных дворики, выходящих прежде на военную улицу, были засыпаны землей, так что сами дворики были превращены в кольцевые и сообщение с ними происходило по крытым ходам, отходящим от перекрытой

¹³ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 279. Л. 110–111 об.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 1912. Л. 3, 8.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 749. Л. 1.

Ил. 10. План Рифской mortarной батареи с учётом модернизации в 1905 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 367

военной улицы. Нижняя часть вала, обращённого к северу, ввиду близости береговой черты была укреплена каменной вымосткой¹⁶.

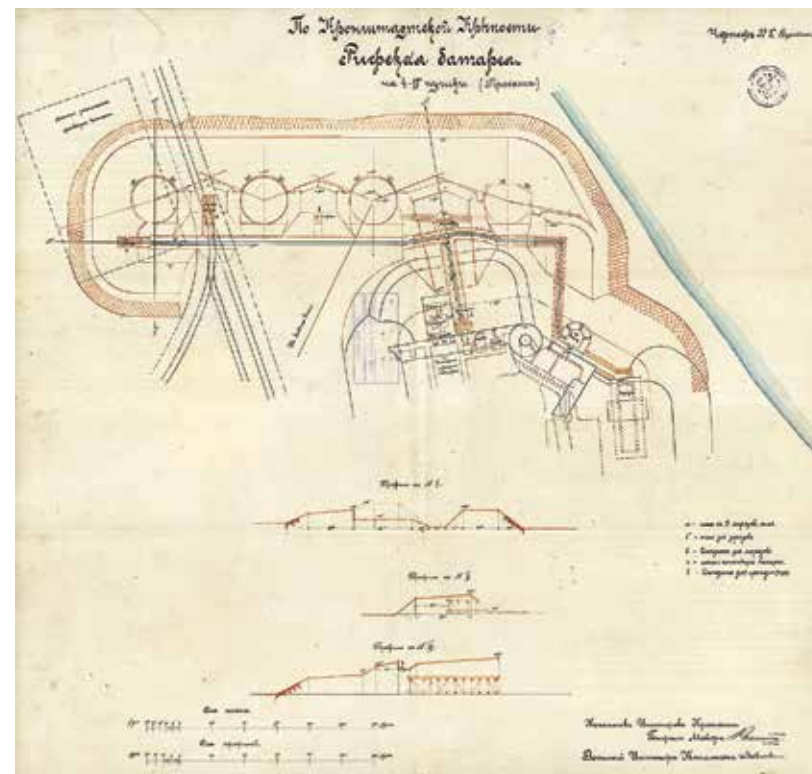
Однако 9-дюймовые мортиры по тем временам считались устаревшими орудиями, главным образом из-за крайне незначительной дальности стрельбы (6–6,5 км), довольно распространено было даже мнение о полной их бесполезности в береговой обороне. Поэтому уже с начала 1905 г. стали предприниматься дальнейшие попытки усилить передовую позицию на рифе. Первым делом было предложено построить здесь ещё одну временную батарею на четыре 11-дюймовые пушки¹⁷. Батарея располагалась вплотную к насыпи опытных построек с западной стороны, ориентируясь фронтом на северо-запад (ил. 11). Тогда же, в феврале, крепостная комиссия и комендант рассматривали варианты строительства на рифе долговременной батареи 11-дюймовых пушек или мортир, причём для последних военный инженер капитан Н. П. Юденич разработал оригинальный тип кольцевого бетонного дворика, перекрытого лёгким броневым щитом¹⁸.

Довольно быстро эти планы переродились в проект долговременной батареи на восемь 11-дюймовых пушек, который был разработан и одобрен Главным инженерным управлением к середине июля. Этот проект представлял собой развитие предыдущего проекта батареи на четыре 11-дюймовых пушки — позиция осталась на том же месте и была

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 367.

¹⁷ Там же. Д. 371.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 593, Л. 258–266.

Ил. 11. Проект временной батареи на четыре 11-дюймовые пушки на рифе Кронштадтской косы. Начало 1905 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 371

удлинена по числу орудий. Батарея выполнялась в бетоне, важнейшей её чертой являлось наличие капитальной эскарпной стены, окружающей укрепление с фронта и флангов. Стена имела двойное назначение: во-первых, она обеспечивала защиту укрепления от стихии, а, во-вторых, она являлась препятствием штурму. Для усиления ближней обороны укрепления на его флангах были устроены большие открытые площадки для выкатной противотанковой артиллерии, при этом ближняя оборона укрепления планировалась в целом значительно более надёжной, чем в предшествующем проекте 1904 г.¹⁹ На реализацию нового проекта были оперативно изысканы 294 тыс. руб., однако делу помешал новый грандиозный план строить на Толбухиной отмели морской форт,

¹⁹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 16. Д. 5029.

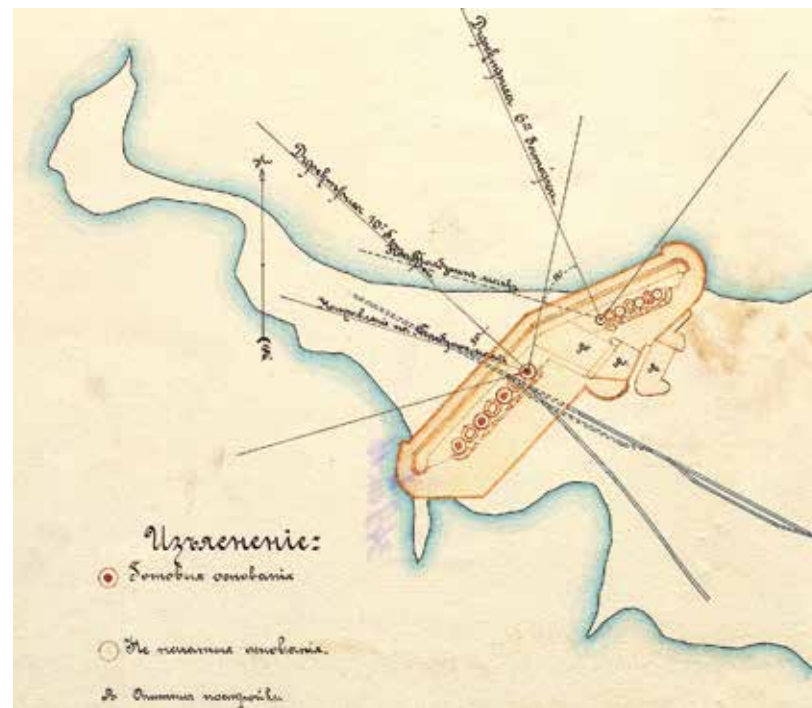

вооружённый 12-дюймовыми пушками в башнях и 11-дюймовыми мортирами под броневыми блиндажами²⁰. Впрочем, с окончанием войны вся эта активность сошла на нет, а все упомянутые предложения так и остались на бумаге.

Следующий этап развития планов, связанных с рифом, приходится на 1909 г. В марте этого года Кронштадтское крепостное инженерное управление по указанию главного начальника Кронштадта генерал-лейтенанта Леонида Константиновича Артамонова (1859–1932) разработало проект экстренного выноса вперёд обороны Кронштадтской крепости. Согласно этому проекту, на рифе Кронштадтской косы располагалась временная батарея на восемь 10-дюймовых пушек и четыре 6-дюймовые пушки Канэ²¹. При этом и здесь ощущается полная преемственность по отношению к предыдущим нереализованным проектам: по сути, 10-дюймовая батарея осталась на месте запланированной в 1905 г. 11-дюймовой батареи, то есть в этом отношении поменялся только тип орудий. При этом дополнительная позиция на четыре 6-дюймовые пушки Канэ примыкала к левому флангу 10-дюймовой батареи, будучи повернутой к югу. Примечательно также и то, что в новом проекте полностью был сохранён принцип защиты от стихии и атак открытой силой в виде капитальной эскарпной стены и площадок для противостурмовой артиллерии²².

Упомянутый проект выноса обороны крепости на запад послужил отправной точкой для активных обсуждений в Главном крепостном комитете (ГКК), результатом которых стало принятие нового, наиболее значительного за всю историю плана усиления Кронштадтской крепости. Этот план разрабатывался в комиссии под председательством Л. К. Артамонова и в декабре был утверждён Крепостным комитетом. В основу этого плана были положены два передовых форта — «Ино» и «Красная Горка». Третьим ключевым опорным пунктом новой огневой схемы крепости становилась батарея «Риф»²³.

Здесь необходимо заметить, что традиционное словосочетание «форт Риф» появилось уже в советский период, а ранее укрепление на рифе официально именовалось исключительно термином «батарея» — батарея «Риф» или Рифская батарея. При этом термин «батарея» в те годы имел двойное значение — инженерное и артиллерийское (тактическое). С инженерной точки зрения под батареей понималось укрепление, занятое артиллерией, при этом оно могло иметь несколько фасов и значи-

Ил. 12. Чертёж батареи «Риф» на четыре 10-дюймовые пушки и четыре 6-дюймовые пушки Канэ согласно проекту, утверждённому 3 сентября 1909 г. РГВИА. Ф. 349. Оп. 16. Д. 5168

тельное число орудий разных систем. С артиллерийской точки зрения под батареей понималась воинская часть до 4–6 орудий одной системы под началом одного лица. Таким образом, официальное наименование укрепления — батарея «Риф» — подразумевало фортификационный тип сооружения, при этом это укрепление состояло из нескольких тактических батарей.

Согласно предварительным решениям общего собрания ГКК, принятым в мае 1909 г., батарея «Риф» рассчитывалась на четыре 10-дюймовые пушки и четыре 6-дюймовые пушки Канэ. Проект батареи разработал военный инженер подполковник Николай Васильевич Баранов. 3 сентября 1909 г. инженерный комитет ГИУ журналом № 32 утвердил проект общего расположения батареи. Детальные планировки также рассматривались в этот день, однако они по разным причинам утверждены не были. Например, требовалось уточнить размеры оснований

²⁰ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 593. Л. 375.

²¹ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 386.

²² РГВИА. Ф. 349. Оп. 16. Д. 5237.

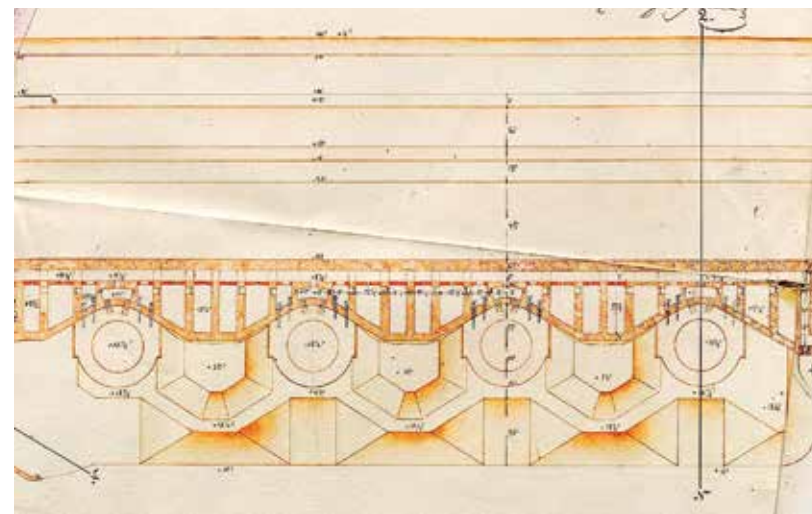
²³ РГАВМФ. Ф. 1360. Оп. 1. Д. 826. Л. 62 об. — 64.

для 10-дюймовых орудий и высоту бруствера при них²⁴. 17 сентября эти вопросы были обсуждены повторно, и журналом инженерного комитета № 35 детальный проект батареи на рифе Кронштадтской косы был утверждён (ил. 12)²⁵.

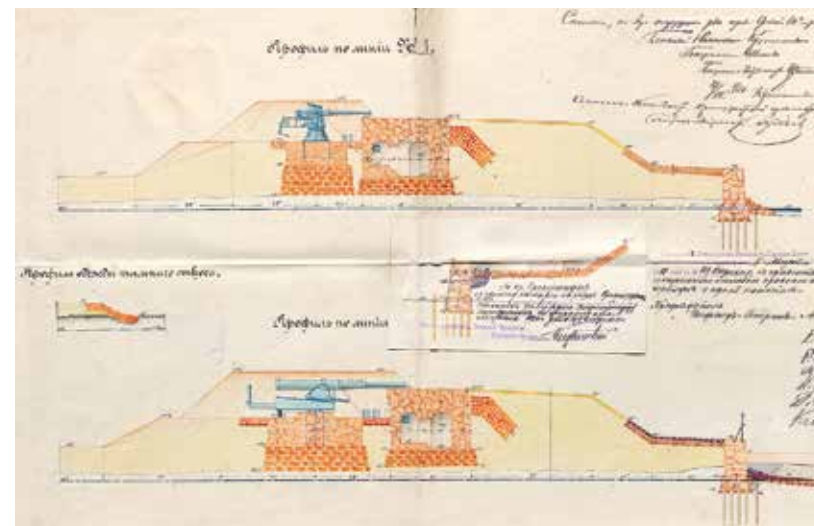
По вновь утверждённым проектам батареи представляли собой единые бетонные массивы, вдоль которых у напольной стены устраивалась протяжённая подбрустверная галерея, соединяющая все помещения батареи. Помимо этого галереи предназначались для размещения личного состава батарей во время боевой обстановки, для чего к их напольным стенам крепились откидные нары. Из подбрустверной галереи устраивались защищённые небольшими коленчатыми сквозниками выходы во все орудийные дворики. Данный планировочный тип бетонного массива с этого времени становится характерным для долговременных батарей отечественной береговой обороны (ил. 13).

По принятому проекту на рифе строилось две тактические батареи: батарея на четыре 10-дюймовые пушки примыкала к насыпи опытных построек с юго-западной стороны. Её фронт ориентировался на северо-запад. Батарея же на четыре 6-дюймовые пушки Канэ располагалась к северу от опытных построек, также фронтом на северо-запад, чуть более развёрнуто к северу. Назначение 10-дюймовой батареи сводилось к поддержке передовых фортов, а 6-дюймовая правогофланговая батарея предназначалась для охранения минного заграждения между Толбухиным маяком и м. Инонием, закрывающего вход на северный рейд. В новом проекте по-прежнему присутствовала эскарпная стена, совмещающая в себе функции препятствия штурму и берегоукрепительного сооружения. На флангах батареи были устроены площадки для выкатных противоштурмовых орудий. С целью фланкирования бетонной эскарпной стены площадки для артиллерии были несколько выдвинуты вперёд и по этой причине именовались в документах полукапонирами. Работы по строительству батареи начались 14 августа, то есть ещё до окончательного утверждения проектов²⁶.

Но ещё раньше получила развитие идея добавить на риф ещё одну тактическую батарею. На заседании местной комиссии по вооружению Кронштадтской крепости 20 мая 1909 г. было предложено добавить на левый фланг Рифской батареи ещё четыре скорострельные пушки Канэ для охранения южного минного заграждения²⁷. Это предложение было одобрено, и последующие несколько месяцев активно обсужда-

Ил. 13а. Детальный план 10-дюймовой батареи на рифе Кронштадтской косы. РГВИА. Ф. 349. Оп. 16. Д. 5266

Ил. 13б. Профили по орудийным дворикам с 6-дюймовыми (вверху) и 10-дюймовыми орудиями. РГВИА. Ф. 349. Оп. 16. Д. 5267

²⁴ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 678. Л. 19.

²⁵ Там же. Л. 20, 33.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 664. Л. 171.

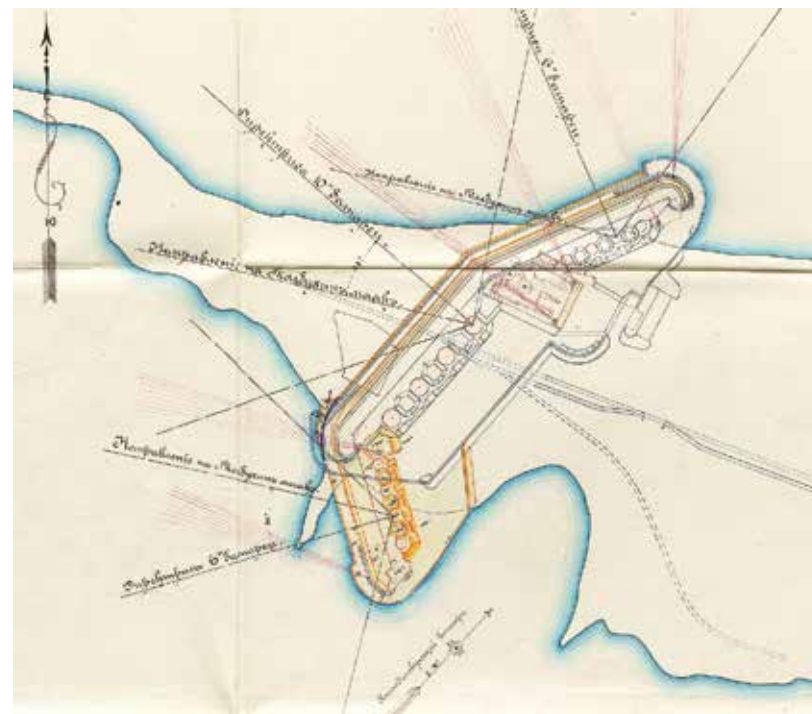
²⁷ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 668. Л. 105–107 об.

лось в инстанциях всех уровней. Правда, до окончательного решения по нему к составлению проектов не приступали, а укрепление на рифе продолжало строиться 8-орудийным. Окончательное решение этого вопроса последовало в самом конце года, когда 15 декабря 1909 г. состоялось заседание общего собрания ГКК, на котором был утверждён общий план усиления крепости.

В начале января 1910 г. крепостная комиссия определила положение дополнительной левофланговой батареи. Затем к 8 февраля военный инженер управления строителя полковник Иосиф Александрович Савримович составил необходимый проект, который уже 11 февраля был рассмотрен и утверждён на заседании инженерного комитета ГИУ²⁸. По сути, данный проект стал развитием предыдущего, причём это касалось не только добавления левофланговой 6-дюймовой батареи, но и целого ряда вопросов, касающихся устройства укрепления в целом. В частности, данным проектом предусматривалось существенное развитие фланговых оконечностей бетонного массива, на которых появились просторные сквозники-убежища для противоштурмовой артиллерии, а при них отдельные помещения для выкатных прожекторов-искателей и пулемётов. Также на правом фланге появился колодец для скрывающейся прожекторной вышки. Второй такой же колодец появился в стыке левофланговой 6-дюймовой и центральной 10-дюймовой батарей. И наконец, ещё две аналогичных прожекторных установки было решено поместить в составе бетонной казармы, пристраиваемой с восточной стороны к насыпи опытных построек. Однако этот вопрос отразился в февральском проекте лишь эскизно, поскольку детальная разработка упомянутой казармы, равно как и приспособления к новым нуждам бывших опытных построек, была отложена на будущее (ил. 14).

Окончательное решение всех вопросов по батарее на рифе Кронштадтской косы произошло только летом 1910 г. К 27 июля полковник Савримович подготовил большой проект, объединяющий как уже утверждённые части укрепления, так и те, разработка которых ранее откладывалась. В частности, проектом предполагалось строительство двух казематированных казарм — офицерской и для нижних чинов (ил. 15)²⁹.

Форт «Риф» оказался единственным укреплением программы 1909 г., на котором возвели бетонные казармы. Очевидно, это связано с повышенной уязвимостью рифа, из-за которой здесь так долго опасались возводить укрепления. В самом деле, насквозь простреливаемая длинная и узкая заболоченная коса — даже трудно представить более неблагоприятные для обороны условия, особенно учитывая необычай-

Ил. 14. Проект левофланговой 6-дюймовой батареи на рифе Кронштадтской косы, утверждённый 11 февраля 1910 г. РГВИА. Ф. 349. Оп. 16. Д. 5255

ные успехи развития корабельной артиллерии после Русско-японской войны. Поэтому строительство надёжных безопасных помещений для гарнизона именно здесь, а не на более важных передовых фортах, выглядит вполне обоснованным.

Каждая из казарм располагалась под защитой насыпей бывших опытных построек, которые в большинстве своём сохранялись и включались в состав укрепления. Наиболее оригинально решался вопрос приспособления восточной группы опытных построек, позади которой располагалась казарма для нижних чинов. Непосредственно казарму Савримович расположил вплотную к бывшей напольной стене прусских казематов. Правее этих казематов, под защитой опытной кирпичной контрэскарпной стены, разместились помещения кухни и провиантского склада. По сути, все опытные сооружения этой части полигона включались в состав казармы.

5 августа этот проект был доложен инженерному комитету, который и утвердил его с некоторыми изменениями. Наибольшие изменения ка-

²⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 16. Д. 5255.

²⁹ Там же. Д. 5265–5269.

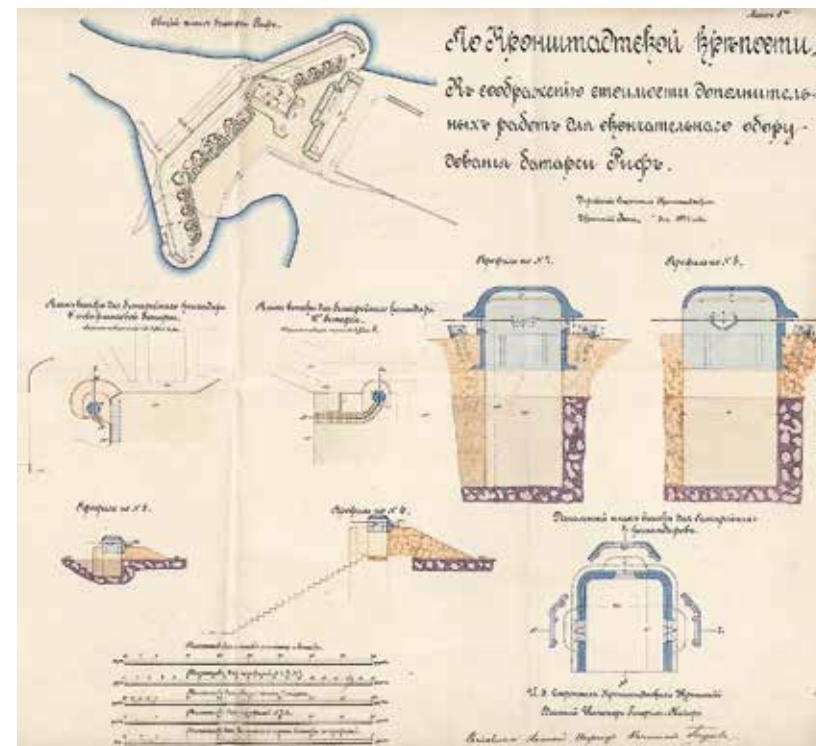

Ил. 15. Окончательный проект батареи «Риф», утверждённый 5 августа 1910 г. РГВИА. Ф. 349. Оп. 16. Д. 5265

сались как раз устройства казармы нижних чинов, которая, по сути, была разработана заново. При этом от оригинальной идеи использования помещений восточной группы опытных построек решили полностью отказаться, впоследствии все эти сооружения были просто поглощены napольной обсыпкой казармы. Собственно казарма по новому варианту заметно удлинилась и получила предельно простые очертания в плане, без каких-либо выступающих частей.

Офицерская казарма осталась практически без изменений, хотя инженерный комитет решил сдвинуть её влево для оптимизации сообщения с западной группой бывших опытных построек. С этими изменениями комплекс батареи «Риф» сложился окончательно и впоследствии каких-либо существенных изменений не получил. Хотя, строго говоря, и на этот раз проект не закрыл всех вопросов, некоторые из них в очередной раз отложили на будущее. Поэтому в середине следующего года потребовалось составить ещё один проект — дополнительных работ для окончательного оборудования батареи «Риф»; его автором стал военный инженер капитан Гнучев³⁰. Наиболее важными элементами этого проекта стали два индикаторных павильона для приборов горизонтально-баз-

Ил. 16. Фрагмент проекта дополнительных работ на батарее «Риф», составленный в июне 1911 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 375

ных дальномеров на насыпи опытных построек (ранее один подобный павильон был включён в состав проекта середины 1910 г.) и несколько наблюдательных будок для батарейных командиров (ил. 16).

Отдельно следует уделить внимание ходу строительства нового укрепления, которое велось параллельно вышеописанному процессу проектирования. Уже в августе 1909 г., то есть до утверждения каких-либо проектов, на рифе началась кипучая деятельность. Работы проводились силами управления строителя Кронштадтских укреплений, на первых порах ими руководил производитель работ подполковник Сергей Филиппович Собин, а также полковник Л. П. Капица. Первым делом разбирались временная мортирная батарея: грунт из её валов использовался на новом строительстве, все временные укрытия разбирались; однако эта батарея времён Русско-японской войны не исчезла полностью — четыре бетонных каземата до сих пор находятся на своих местах.

³⁰ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 3. Д. 375, 376, 377, 379.

Ил. 17. Процесс установки 10-дюймового орудия на батарее «Риф». Декабрь 1909 г. Фото из семейного архива потомков Л. П. Катицы

На новых батареях первым делом строились бетонные основания для четырёх 10-дюймовых пушек и восьми 6-дюймовых орудий Канэ. Это было новое слово в организации строительства батарей, вызванное желанием максимально ускорить ввод береговых орудий в строй. Уже в декабре 1909 г. четыре 10-дюймовые пушки стояли на своих местах (ил. 17).

Как только в феврале 1910 г. инженерный комитет утвердил проект левофланговой 6-дюймовой батареи, сразу же приступили к её строительству (ил. 18).

При строительстве новых кронштадтских укреплений широко практиковался метод зимнего бетонирования в теплушках. Не стала исключением и батарея «Риф», наглядным подтверждением чему служит фотография северной 6-дюймовой батареи, сделанная в начале 1910 г. (ил. 19).

В конце 1909 г. приступили к строительству бетонной эскарпной стены. Строительство укрепления велось небывало высокими темпами, и уже в 1910 г. все три тактические батареи на рифе были полностью построены и вооружены. С восточной стороны от опытных построек возвели офицерскую казарму, а увеличенных размеров казарму для

Ил. 18. Начало работ на левофланговой 6-дюймовой батарее. Фото марта 1910 г. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 6088

Ил. 19. Процесс бетонирования оснований северной 6-дюймовой батареи. Фото марта 1910 г. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 6090

нижних чинов забетонировали примерно на две трети от общего объёма. По итогам 1910 г. генерал-лейтенант Л. К. Артамонов писал: «Весь форт надо признать вполне боеспособным»³¹. Работами по постройке укреплений в этом году руководил полковник И. А. Савримович, автор описанных выше проектов.

В следующем году все запланированные работы были окончены и, таким образом, все строительство заняло не более двух лет, что, учитывая весьма немалые объёмы работ, стало значительным достижением. Строительство форта обошлось примерно в полтора миллиона рублей.

После завершения строительства новое укрепление постоянно развивалось. Например, в 1912 г. 10-дюймовые пушки получили усовершенствованные т. н. высокие лафеты ген. Дурлахера, благодаря которым при максимально допустимом угле возвышения в $27^{\circ}30'$ дальность стрельбы из 10-дюймовых пушек возросла до 18 вёрст, что позволило максимально эффективно использовать потенциал этих далеко ещё не старых систем. Следующей модернизации эти системы подверглись уже во время Первой мировой войны — в 1915 г. под руководством известного инженера Ф. Ф. Лендера начались работы по электрификации лафетов, которые растянулись на несколько лет и были закончены уже после 1917 г.

Согласно высочайшему повелению от 27 декабря 1911 г. батарея «Риф» была переименована в «Александровскую» в честь императора Александра III.

После завершения строительных работ Александровская батарея представляла собой весьма внушительный оборонительный комплекс повышенной автономности и живучести. На укреплении имелось большое число казематов, в основном связанных безопасными сообщениями в единую коммуникационную систему. Сооружения были раскиданы по значительной площади, артиллерия располагалась достаточно свободно.

Укрепление обладало сильным основным вооружением, а также мощной ближней обороной: современные 3-дюймовые скорострельные пушки в совокупности с высоким бетонным эскарпом делали любые попытки высадки десанта на укрепление совершенно безнадежными. Здесь же можно упомянуть, что две французские броневые башни с 57-мм пушками вошли в состав вооружения форта, хотя их артиллерия и считалась уже устаревшей и малоценной в обороне. Батарея была оборудована различными сооружениями для управления огнём орудий — командирскими будками, индикаторными павильонами горизонтально-базных дальномеров, а также построенными уже в годы

³¹ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 388. Л. 139 об.

Первой мировой войны дальномерными постами для оптических внутрибазных дальномеров.

Ввиду постигших страну политических потрясений 13 апреля 1917 г. были отменены наименования некоторых кронштадтских укреплений в честь членов императорской семьи, и Александровская батарея вновь стала батареей «Риф». Впрочем, ненадолго.

* * *

Изначально заложенный высокий оборонительный потенциал укрепления позволил использовать его по прямому назначению и без каких-либо существенных реконструкций вплоть до середины 1970-х гг. Причём 10- и 6-дюймовые пушки оставались на вооружении как минимум до окончания Великой Отечественной войны. Примечательно, что до 1941 г. батареи форта «Риф» являлись единственными на всём острове Котлин (все остальные батареи, построенные на острове до 1917 г., в это время по прямому назначению не использовались, *ил. 20*).

В советское время форт несколько раз менял своё наименование. После 1917 г. он стал фортом Зиновьева, в 1926 г. его наименование было изменено на литеру «Р». Следующее переименование произошло 21 января 1933 г. в связи с десятилетием шефства комсомола над Рабоче-крестьянским флотом СССР, когда форту присвоили имя «Комсомольский», а день 21 января установлен его годовым праздником³². Но и после этого переименования прежнее название «Риф» и литера «Р» продолжали использоваться в документах.

Важные изменения произошли по части организации. С 1925 г. береговая оборона была подчинена флоту, с этого времени на форту обновились моряки³³.

В отличие от дореволюционного периода, в новую эпоху форт неоднократно участвовал в боевых действиях. Так, в ночь с 17 на 18 августа 1919 г. орудия форта приняли участие в отражении нападения английских торпедных катеров во время знаменитой «Кронштадтской побудки». Расход снарядов составил для батареи № 3 (правофланговая 6-дюймовая) 19 штук и для батареи № 4 (76-мм) — 4 штуки³⁴.

Не обошли стороной форт и трагические события внутриросийской междоусобицы. В марте 1921 г. части гарнизона крепости, расположенные на Котлине, а также экипажи базировавшихся здесь кораблей Балтийского флота подняли восстание против политики «военного коммунизма». Выступление сильнейшей крепости страны всерьёз обес-

³² ЦВМА. Ф. 183. Оп. 3. Д. 1.

³³ РГАВМФ. Ф. р-428. Оп. 1. Предисловие к фонду.

³⁴ РГАВМФ. Ф. р-1669. Оп. 1. Д. 4.

Ил. 20. 6-дюймовые пушки Канэ на форту «Комсомольский». Фото 1944 г. ЦВМА. Ф. 473. Оп. 8. Д. 19

покило политическое руководство, однако восстание довольно скоро было подавлено. Предвидя неминуемое поражение, гарнизон форта «Риф» ещё до начала решающего штурма крепости ушёл по льду залива в Финляндию. Вскоре их примеру последовали другие восставшие. Всего в Финляндию ушло около 8 тысяч человек, большая их часть покинула остров с рифа...

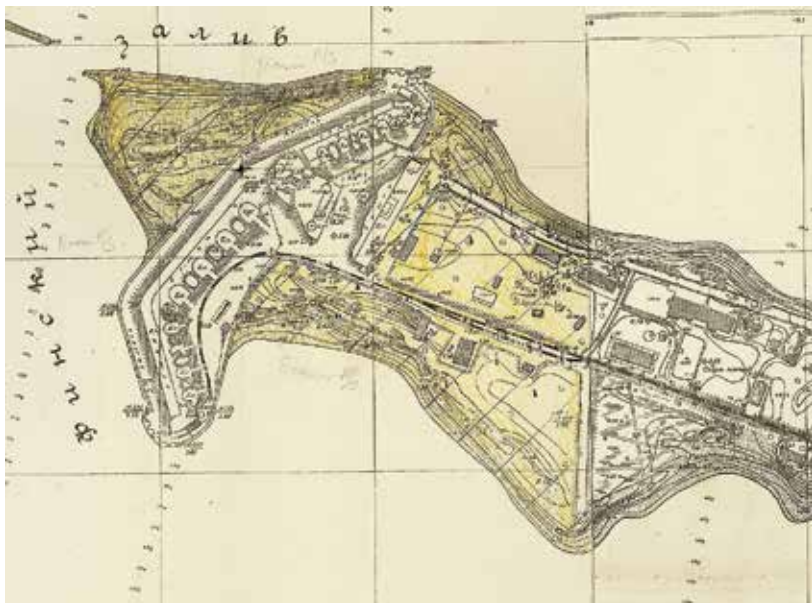
Более или менее серьёзные строительные работы по усилению обороны форта начались в 1930-е гг. Так, в 1932 г. здесь построили три дота, для обслуживания которых сформировали пулемётный взвод. Затем в конце 1930-х гг. на каждом фланге форта построили по одной противокатерной батарее на четыре 45-мм пушки каждая³⁵. Батареи располагались на дореволюционных площадках для противострелковой артиллерии (ил. 21) и вооружались новейшими полуавтоматическими универсальными 45-мм пушками 21-К. На каждой батарее возвели железобетонный КП с двориком для небольшого оптического дальномера. Это строительство стало частью реализации обширной программы по усилению ближней обороны Кронштадтской крепости; такие же батареи возводились на «Обручеве», «Тотлебене», «Константине» и некоторых других укреплениях.

С началом Великой Отечественной войны на форту начинается бурная жизнь. Почти каждый месяц происходили различные изменения — переформирования, изменения штатов и переименования частей, изменения состава вооружения, оборудования, постройки новых (в основном, конечно, временных) сооружений и т. п. Однако активно участвовать в боевых действиях форту не пришлось из-за большой удалённости его от всех фронтов. Пожалуй, наиболее значимая глава боевой истории форта связана с переносом двух его 10-дюймовых орудий в центральную часть Котлина — к Немецкому кладбищу, где для них была построена новая батарея (ил. 22)³⁶.

Батарея № 665 стала «главным калибром» вновь созданного 16-го особого артиллерийского дивизиона. 10-дюймовые пушки устанавливались на бетонные основания. Первое орудие было введено в строй 22 декабря 1941 г., и 1 января оно уже вело боевую стрельбу по противнику в районе Петергофа. Второе орудие установили на основание 25 марта 1942 г. С января 1943 г. батарея находилась на консервации, а осенью того же года вновь введена в строй и в январе 1944 г. приняла участие в операции «Январский гром» по полному снятию блокады Ленинграда. Однако век 10-дюймовых орудий подходил к концу, и в 1948 г. они были разделаны на металл. А вот оба

³⁵ ЦВМА. Ф. 183. Оп. 3. Д. 1

³⁶ Балашов О., Лукин В. Загадка одной фотографии // Фортвед. 2010. № 2.

Ил. 21. Топографическая съёмка 1940 г. (на флангах форта показаны позиции для 45-мм установок 21-К). РГАВМФ. Ф. р-2165. Оп. 1. Д. 187. Л. 1, 2

Ил. 22. Командир батареи № 665 капитан Сурен Сетракович Айлоян на фоне 10-дюймового орудия своей батареи. Фото Б. Б. Васютинского. Май 1942 г.

бетонных основания батареи № 665 сохранились и поныне являются своеобразным «филиалом» исторического наследия форта «Риф».

Вскоре после окончания войны форт «Риф» сменил своё вооружение. Как минимум, два 6-дюймовых орудия Канэ с форта перевезли

на крейсер «Аврора», где они и находятся до сих пор. На место отслуживших орудий начала века пришли более современные 130-мм морские пушки Б-13. Эта система, разработанная в 1930-е гг. для флота, ещё в годы войны наилучшим образом зарекомендовала себя в береговой обороне, а в последующие 2–3 десятилетия она стала наиболее массовой стационарной береговой установкой советской береговой обороны.

В мае 1950 г. в центральной части форта начинается строительство 130-мм батареи³⁷. Все четыре 10-дюймовых дворика были капитально реконструированы: вокруг существующих бетонных оснований соорудили кольцевые галереи с нишами для хранения боезапаса. В таком виде эти дворики сохранились и поныне. В двориках были помещены 130-мм установки Б-13-3С. Для сообщения вдоль позиции использовалась подбрустверная галерея бывшей 10-дюймовой батареи. Новая батарея получила № 235.

В 1952 г. началось строительство командного пункта для батареи³⁸. Для его размещения была выбрана северная часть большой казармы. Здесь для его нужд были перепланированы некоторые существующие помещения, в которых разместили приборы управления стрельбой системы «Москва». На покрытии казармы возвели высокую железобетонную вышку для установки РЛС «Редан-3». Эти постройки завершили формирование фортификационного комплекса форта «Риф» — в таком виде он в основном и сохранился до наших дней.

Однако эра главенства ствольной артиллерии в береговой обороне клонилась к своему закату. Уже в начале 1960-х гг. матчасть батареи № 235 была законсервирована, а в 1973 г. батарея и вовсе прекратила своё существование.

* * *

Дошедший до нашего времени фортификационный комплекс форта «Риф» обладает значительной и разносторонней историко-культурной ценностью. Во-первых, расположенный здесь комплекс опытных построек 1889–1897 гг. является уникальным в своем роде памятником развития отечественного военно-инженерного искусства в целом. Тут же располагаются бетонные казематы временной мортирной батареи — единственное в своём роде в крепости материальное свидетельство Русско-японской войны. Основная часть комплекса — три батареи проектов 1909 и 1910 г. — являются наилучшим по сохранности примером долговременных сооружений периода наивысшего развития Крон-

³⁷ ЦВМА. Ф. 183. Оп. 3. Д. 1

³⁸ Там же.

штадтской крепости. И наконец, разнообразные примеры строительства в 1930–1950-е гг. дают хорошее представление о развитии береговой фортификации в советский период.

Список литературы

Балаиов О., Лукин В. Загадка одной фотографии // Фортвед. 2010. № 2.

Stanislav VOROBYOV

keeper of the *Rif* Fort, Chief Editor of the Almanac *Fortoved* (St. Petersburg, Russia)

E-mail: stas-vorobiev2005@yandex.ru

Fort *Rif*: development of the fortification complex

Being a part of the Kronstadt fortress, Fort *Rif* is an outstanding example of military engineering. This was a powerful fortification on the island of Kotlin, which included the unique experimental facilities of 1889–1909. Currently, the Fort *Rif* has the best preservation of all the fortifications of the most significant in the history of the Kronstadt fortress construction program of 1909.

Keywords: Kronstadt fortress, *Rif* Fort, fortification.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 52

Владислав Юрьевич СОБОЛЕВ

старший научный сотрудник, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПИСЬМА (ПИСЬМА А. И. НИКИФОРОВА К Л. Н. ЦЕЛЕПИ)

Статья посвящена публикации писем одного из выпускников Петербургского археологического института, доктора медицины, полковника А. И. Никифорова его соученику и товарищу Л. Н. Целепи, историку, археологу, собирателю древностей, коллекционеру и издателю рукописных и старопечатных книг и древних актов.

Ключевые слова: история науки, персоналии, Русско-китайская война, Русско-японская война, Манчжурия.

Биографические изыскания в последние годы приобрели необычайную актуальность в самых различных областях науки. Хранящиеся в архивах материалы играют первостепенную роль в такого рода исследованиях. Работа с музейными коллекциями из раскопок погребальных памятников населения средневековой Новгородской земли, проводившихся в последней четверти XIX — первом десятилетии XX в., вызвала мой интерес к персонам исследователей, ставших пионерами древнерусской археологии¹ и заложивших основы как современных знаний, так и музейных собраний. Оказалось, что за редким исключением и археологическому сообществу, и более широким кругам биографии этих

¹ В. Ю. Соболев. Русские офицеры в археологии Северо-Запада Российской Империи // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции. СПб., 2016. С. 99–114; Vladislav Sobolev. People and fates. Pioneers of medieval archaeology in North-Western Russia (1870–1914) // Adalbert Cserni and his Contemporaries. The Pioneers of Archaeology in Alba Iulia and Beyond. Cluj-Napoca, 2017. P. 153–166; Соболев В. Ю. История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX — начале XX в. / Е. Н. Носов (отв. ред.) // Археологические вести. Т. 22. СПб., 2016. С. 238–245; М. В. Медведева, В. Ю. Соболев. Жизнь В. Н. Глазова — судьба русского офицера в конце XIX — начале XX в. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы X Международной военно-исторической конференции. СПб., 2017. С. 210–224.

людей неизвестны вовсе, в лучшем случае объем информации о них не превышает размера энциклопедической статьи.

Один из них — Леонид Николаевич Целепи², выпускник юридического факультета Петербургского университета, судебный следователь, рано оставивший государственную службу и посвятивший себя истории, археологии, коллекционированию древностей, широкой общественной деятельности. Работая над его биографией, в коллекции личных бумаг Л. Н. Целепи, хранящихся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, я ознакомился с письмами, полученными Л. Н. Целепи от однокурсника по Санкт-Петербургскому археологическому институту (ПАИ) А. И. Никифорова. Стоит отметить, что Санкт-Петербургский археологический институт в силу специфики образования объединял в своих стенах людей, интересующихся историей и археологией в широком толковании этого термина³, ранее обучавшихся в различных, чаще всего вовсе не связанных с историей и академической наукой учебных заведениях. Среди студентов ПАИ были военные, священнослужители, выпускники различных факультетов столичного и других университетов. Многих из преподавателей и выпускников на долгие годы связала взаимная привязанность и искренняя дружба.

Александр Иванович Никифоров, выпускник Медицинской академии, доктор медицины, полковник, обучался в ПАИ в 1898–1900 гг., с 1900 г. — действительный член ПАИ (выпуск XVII, 1900 г.)⁴. В 1900 г. он в составе группы военных врачей был отправлен на Дальний Восток, где оказался свидетелем многих событий и участником Русско-китайской (1900), а позднее и Русско-японской войн (1904–1905). Его письма — взгляд современника и очевидца на общеизвестные события, взгляд изнутри, непосредственно из гущи этих событий, чем он и интересен теперь, спустя более чем сто лет.

№ 1⁵

(л. 1) Хабаровск Приамурского округа. Окружное Военно-Медицинское Управление

² В. Ю. Соболев. История семьи Целепи. Архивные источники. В печати.

³ А. И. Алексеев. Профессора Санкт-Петербургского археологического института глазами слушателя 1904–1906 гг. гвардейского офицера В. С. Савонько // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 13. М., 2015. С. 338–362.

⁴ П. С. Яковлев. Памятная книжка Императорского археологического института в С.-Петербурге. 1878–1911 гг. СПб., 1911.

⁵ Написано на листе почтовой желтоватой бумаги с тисненым гербом. Чернила, рукопись. 25/VIII 1900. Письма пронумерованы автором публикации, описания почтовых конвертов не приводятся.

Дорогой Леонид Николаевич!

Во-первых⁶, сердечное Вам спасибо за письмо, меня находящегося вдали от родины оно сильно порадовало. Шло оно ровно месяц: ох как далеко: чуть ли. 10000 верст; велика Россия, а порядка нет. вот уже две почти недели как живу в Хабаровске, но назначения еще не получил; нагнали нас врачей, но ввиду неприбытия из России войск, а может быть из-за предполагаемой приостановки военных действий (Манчжурию все же займут) — нас около 40 человек сидят буквально без дела; мне же поручено привести в некоторый порядок архив; про [ч]⁷ их за этого можно бы было не посылать сюда.

Теперь можно перейти к европейско-китайской резне. Нас русских бранят за варварство, я сперва думал, что Европа преувеличивает, но побывав в Сибири, убедился, насколько грубы здесь нравы и как некультурно ведет резню Россия. Чтобы не быть голословным (л. 1 об.) укажу один факт, может быть Вы о нем читали в газетах, хотя и глухо⁸. Начальник Амурской области, наказной атаман ген.-лейт. Грибский⁹, когда китайцы из Сахалина, лежащего против Благовещенска, начали бомбардировать город, отдал приказ избавиться от китайцев. А говорят, что живущие в Благовещенске китайцы в числе около 4 тысяч обращались к атаману за советом, не уйти ли им вовсе (из города ввиду службы в Китае, но получили ответ, что их мирных жителей никто трогать не будет. Они послушались и остались. Надо заметить, что всю черную работу несут китайцы: они дровосеки, водоносы, ис[...], слуги и т. п. Они же исключительно доставляют овощи, мясо и др. продукты. И вот, когда началась бомбардировка Благовещенска, откуда ушли войска, то все жители испугались и обратились к командующему буд-то бы с просьбою, избавить город от китайцев, тогда был отдан приказ переп[ра]вить их за Амур на китайскую сторону. Полиция выискивала по всему городу китайцев, сго- (л. 3) няла их в одно место выше Благовещенска и велела плыть на ту сторону. Китайцы не верили, думали, что с ними плохо шутят, но полиция подгоняла их шашками. Картина

⁶ Текст публикуется по правилам современной орфографии с сохранением особенностей авторского стиля, пунктуации, подчеркиваний. Собственные имена и географические названия даются в написании подлинника.

⁷ Неразборчиво написанные, неуверенно читающиеся и реконструируемые по смыслу буквы даны в квадратных скобках, многоточия заменяют нечитающиеся части слов.

⁸ Благовещенская «утопия» // Вестник Европы. 1910. № 7; см. также: В. Дятлов. Евразия. Люди и мифы (Сборник статей из журнала «Вестник Евразии») / Сост. отв. ред. С. А. Панарин. М.: Наталис, 2003. С. 123–141.

⁹ К. Н. Грибский (08.09.1845–30.03.1918), военный губернатор Амурской области, командующий войсками и наказной атаман Амурского казачьего войска (с 06.1897 г.), генерал-лейтенант (12.1899 г.).

была достойная кисти Репина. Бедные матери не рискуя переплыть на ту сторону вместе с малолетними детьми бросали их с плачем на берегу, жены тонули на глазах мужей, а полиция все гнала их в Амур. Амур — широк, течение быстрое — мало кто переплыл на ту сторону потонуло около 3 с половиной тысяч; потопление в Амуре производилось по всему берегу. Отдан был приказ [с]оста[вить] из казаков отряды, переезжать на китайскую сторону и предавать все огню и мечу. Мародерство пошло страшное, истребление китайцев считалось самым обычным делом, проезжаем мы станицу, рыбаки вытаскивают сети, спрашиваем о том, о сем, о китайцев нет ли поблизости, говорят много их был, но теперь мало стало, хотя сегодня ехало на лодке 3 китайца, но мы (л. 3 об.) их живо «приложили» (потом подразумевается ограбили) и затем зарыли. А Грибский поощряет подобную резню; впрочем носится слух, что его вызвали в Петербург. А китайцы добродушнейший народ, на меня они производят приятное впечатление; здесь, в Хабаровске их много; немало и корейцев, японцев, гольдов. Разнообразности китайцев, каковы манчжуры, манегры и др. — я еще отличать их не умею; [...] изучение типов и других вещей.

Покамест заканчиваю письмо. Пишите очень буду рад получать Ваши письма, пишите Вы своим порядком, я своим [—] на обмен писем нужно около 3 месяцев, а из Петербурга [...] — два.

Археологам — мой низкий привет, если увидите, когда вернетесь кланяйтесь. В археологич. отношении здесь мало интересного. Видел музей в Иркутске, Хабаровске; антропологический материал, особенно по буддизму и шаманству в частности, богатый. Всего лучшего. Пишите в Хабаровск, если буду, что вероятно в Манчжурии, то письмо перешлю. Ваш Александр.

СПБИН РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 2¹⁰

(л. 4) Г. Гирин Пятнадцатый полевой запасной госпиталь.
Дорогой Леонид Николаевич!

Только на днях установилось почтовое сношение с Россией и я получил Вашу открытку из Рима, сердечно благодарю за весточку, вдаль от родины все весточки особенно ценны. Скоро ждут здесь большую почту, вероятно, будет там более подробное описание Вашего путешествия.

Газеты здесь не получают, так что ничего не знаешь, что происходило в Европе с Октября месяца, живешь подобно китайцам, отсталой жизнью. Посланных из Академии врачей возвращают всех, за исключе-

нием... докторов медицины, которые остаются здесь на неопределенное время. Как бы ни желал возвратиться в Россию, а все же сиди здесь. Стараюсь вообще всегда подчинять себя превратностям судьбы, все же надеюсь к лету вернуться, но как о том думают в Петербурге, мне покамест неизвестно. На телеграмму относил (л. 4 об.) тельно откомандирования еще ответа не получил. Имея свободное время и чтобы заткнуть пустоту жизни принялся за изучение китайского языка, кажется напрасно делаю, что запоминаю их иероглифы, сами же китайцы изучают их десятки лет и то всех их не знают, лучше бы ограничиться разговорным языком. А тут как раз русский полицмейстер г. Гирина просит меня обучать русскому языку детей одного китайского генерала, я согласился, чтобы иметь возможность познакомиться с китайской жизнью, для этой цели хожу к ученикам в их фанзу, но дальше [...] не пускают, лишь генерал приходит поболтать о том, о сем, конечно через переводчика. Тем не менее думаю попасть на китайский обед и познакомиться больше с их жизнью. Как известно у китайцев положение женщины такое же приблизительно как у нас в Допетровской Руси. На улицах их встречаешь мало, идут они с непокрытыми головами, лишь в сильный мороз надевают капюшон. (л. 10) Характерна их мода ходить с растопыренными руками, при приближении иностранца они стараются скорее стушеваться. Познакомиться с ними поближе мне до сих пор не удалось: настолько строго у китайцев семейная жизнь, хотя все же еще не теряю надежды. Не смотря на высокую половую нравственность, нецензурные изображения говоря простым языком похабные картины на разных предметах продаются довольно свободно. Лубочные китайские картины, напечатанные довольно аляповато, самого неприличного свойства я покупал даже в Хабаровске. Имеете ли Вы понятие, что такое китайские дома *fensa* (произнесите по французски). Может быть фанза представляет собой продукт тысячелетней исторической культурной жизни и включает в себе особые прелести и удобства, но с нашей точки зрения фанза — весьма неудобное жилище особенно в холодное (л. 10 об.) время года. Стены фанзы делаются из кирпича (это у богатых людей) затем из глиняных широких кирпичей, высушенных на солнце и, наконец, просто из глины таким образом, что ставятся две параллельные деревянные стены, промежуток забивается глиной, когда последняя засохнет, то стенки деревянные отнимаются. Фанзы всегда небольшие, конечно, одноэтажные. Вход устраивают посередине, направо и налево по одной или по две комнаты в ряд а то и больше, в зависимости от числа перегорожек. Вдоль 2х противоположащих стен тянутся почти сплошные оконные отверстия с рамами мелкопереплетчатыми различного рисунка. Под окнами вдоль всей стены часто с двух сторон, устраиваются кани? (широкие лежанки-печи), если каны с двух сторон, то между ними остается узкий проход. Кани отапливаются снаружи, требуют за собой

¹⁰ Написано на листках почтовой желтоватой бумаги. Чернила, рукопись. 20/XII 1900.

большого ухода и частого (*л. 6*) ремонта; в противном случае начинают при топке дымить, кроме того они требуют известной топки, при сильном нагреве лежащие¹¹ вещи могут загореться, при слабой же — они быстро остывают и нисколько не греют. Китайцы спят на канах, покрытой лишь циновкой совсем голыми, укрываются сверху одеждой; я пробовал подражать китайцам, получается сухая горячая ванна: хорошее потогонное средство, но нельзя же всю ночь обливаться потом. Несколько фанз обносится высоким забором так что можно проехать целый город и кроме стен и ворот ничего не увидеть. Лишь в торговой центральной части города устраиваются лавки в виде наших торговых открытых ларей, которые на ночь заделываются досками. Самые настоящие товары находятся внутри ларей или же за заборами, на что указывает красноречивая вывеска (*л. 6 об.*) в виде поло[сы] куска шелковой материи. Хотел я купить себе что-нибудь интересное, вернее кое что характерное для Гирина, все же столица Манчжурии, но ничего особенного не нашел. Шелковые материи не дешевле чем у нас на Кавказе, тонко исполненные шелковые вышивки годятся лишь для подарка дамам, завести же себе шелковую вышитую мебель было бы излишней роскошью, а к халатам я не привык, да еще рано. Серебряные вещи можно приобрести как ориги [...]. Китай, как известно, славится чаем, но здесь можно приобрести цветочный чай, смешанный с жасмином, некоторые его не выносят, тем более что он действует как сердечное средство, черный же чай посредственного качества сливет за русский, поговорка оправдывается, что хорошие продукты производства нельзя найти на месте производства. Европейские продукты здесь встречаются (*л. 7*) лишь самого низшего качества. Сахар китайский скверный песок или пресловутый подобно пиленному. Есть водка смирновская № 21 по три рубля.

Коньяк, ликеры, шампанское [...] преотвратительные, даже удивляешься, откуда такие вина берутся, все заграничного производства. Единственное, что можно было пить, это виски по 2–24 р. бутылка и то в городе нет ни одной бутылки, а подвоз вследствие военных действий и отчасти хунхуз — весьма незначителен, потребление европейских товаров возросло, потому цены повышаются не по дням а по часам. Удельное красное № 22 уже больше 3х рублей. Молочных продуктов нет, ибо китайцы коров не доят, масло коровье я как то встретил на базаре по 90 к. за фунт. Единственное что здесь не дорого это фазаны по 15 к. мясо 10 к. и сазан (карп) по 10 к. за фунт. Так как здесь нет хороших поваров, то и все (*л. 7 об.*) кушанья сильно надоели. С каким бы я удовольствием поужинал бы с водкой, кофе ликером, хотя бы на углу Невского и Садовой. Вы даже и этого удовольствия не лишены; уже я не говорю про разную ум-

¹¹ Вставлено под строкой — на них

ственную духовную и другие разные пища. Что же поделаться лучше обо всем этом ровно приятнополезном лучше не мечтать. Что здесь раздражает на улицах это толпа народа, которая от нечего делать глазет на тебя, но особенно сердят нищие, которые встречаются на каждом шагу. Они забегают вперед и бросаются под Ваши ноги и никак их не отгонишь. Я теперь научился, как только подобный субъект или субъектриса падет у ног, сейчас же схватываюсь за шашку, как будто желаю ее вытащить тогда они [...] оставляют в покое, но удаляются на почтительную дистанцию и начинают жалобно гнусаить одну и ту же песню, которую (*л. 8*) бог их знает кто научил: «копи так шангоу-ля, манза тенге мей но манза кум кум» т. е. капитан, под чем подразумевается всякий военный русский, даже каждый русский (солдат называется мало-мало капитан), хороший, денег очень много, у китайца денег нет, китаец хочет есть.

Интересно слово «шанго» китайцы уверены, что это русское слово, русские же считают его китайским и все употребляют это слово, оказывается, что «шанго» слово корейское значит хорошо, хороший, по-китайски это слово «хао». Есть еще слово «шибко», положительно оно русское слово, но любопытно, кто его пустил в оборот, употребляется сплошь и рядом: «шибко шанго», «шибко знаком». Своеобразный здесь вырабатывается язык! (*л. 8 об.*)

О военных событиях и о всем том, что происходит здесь Вы скорее и больше знаете меня. Но вся китайская война не стоит того, чтобы о ней много говорить, китайцы отличаются как войска способностью 1) не выдерживать штурма и 2) бежать без оглядки настолько быстро, что усталые казачьи лошадки их не в силах догнать, поэтому все победы легки и все Георгии дешевы.

Помните, Н. П. Лихачев¹² в своей дипломатике говорит, что особенно нельзя доверять реляциям с театра военных действий. Не знаю, описана ли экспедиция трех генералов: Каульбарса¹³, Ренненкампа¹⁴ и Фока¹⁵, бывшая с 13 ноября по 7 декабря? Ни одного китайского сол-

¹² Николай Петрович Лихачев (12/24.04.1862–14.04.1936) — русский и советский историк, специалист в области источниковедения, дипломатики и сфрагистики. Преподаватель Санкт-Петербургского археологического института, где читал лекции по дипломатике.

¹³ Барон Александр Васильевич Каульбарс (11/23.05.1844–25.01.1929) — русский военный деятель и учёный-географ, исследователь Китая, Тянь-Шаня и Амударьи. В 1900 г. — командир II Сибирского армейского корпуса, лично руководил операциями на севере Манчжурии.

¹⁴ Павел Карлович фон Ренненкампф (17/29.04.1854–01.04.1918). В 1900–1901 гг. генерал-майор, участник подавления боксерского восстания, автор кавалерийского рейда на Цицикар и Гири. За китайскую кампанию награждён орденом Св. Георгия 4-й и 3-й ст.

¹⁵ Александр Викторович Фок (25.08/06.09.1843–02.12.1926), в 1900 г. — командир 4-й восточносибирской стрелковой бригады.

дата они не видели, даже не попался какой-нибудь появляется лядящий хунхуз, но за то было поголовное мародерство, грабеж и разбой, так говорят участники, всякого сорта вещей каждый навез массу. Мне стыдно за [...] культурных людей. Лучше об этом не писать.

Напишите мне о своем путешествии, о житье-бытье, об милем Археологическом институте, пожалуйста засвидетельствуйте мое почтение Н. В. Покровскому¹⁶, А. К. Маркову¹⁷, Н. П. Лихачеву, С. Н. Перемерскому, В. И. Успенскому¹⁸, [...] Васильевне¹⁹, П. Л. Гусеву²⁰, Погодину²¹ Гольдштейну²², С. М. Середонину²³, А. И. Соболевскому²⁴, Н. И. Весе-

¹⁶ Николай Васильевич Покровский (20.10.1848–08.03.1917) — русский археолог и общественный деятель, специалист по церковной археологии и древнехристианскому искусству, директор Санкт-Петербургского археологического института (с 1898 г.), где читал лекции по христианской археологии, профессор Санкт-Петербургской духовной академии. Краткая биограф. справка: С. А. Жебелев. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Приложение. Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). С. 489.

¹⁷ Алексей Константинович Марков (1858–01.08.1920) — русский археолог и нумизмат. Преподаватель Санкт-Петербургского археологического института, где читал лекции по нумизматике и метрологии. Краткая биограф. справка: С. А. Жебелев. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Приложение. Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). С. 419–420.

¹⁸ Василий Иванович Успенский (1870 — ?) — русский историк и писатель, собиратель древностей, издатель рукописных и старопечатных книг. Выпускник Санкт-Петербургского археологического института XV выпуска (1898 г.).

¹⁹ В тексте имя написано неразборчиво, с исправлениями. Вероятно, речь идет о письмоводительнице Археологического института Аделаиде Васильевне Чичковой.

²⁰ Петр Гусев, историк, автор трудов по исторической топографии Новгорода.

²¹ Александр Львович Погодин (15/27.06.1872–16.05.1947) — филолог и историк-славист. Преподаватель Санкт-Петербургского археологического института, где читал лекции по славянским древностям. Краткая биограф. справка: С. А. Жебелев. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Приложение. Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). С. 486.

²² Сальвиан Маврикийевич Гольдштейн (1855–1926) — писатель, общественный деятель. Преподаватель Санкт-Петербургского археологического института, где читал лекции по польско-литовским древностям.

²³ Сергей Михайлович Середонин (1860–1914) — историк, преподаватель Санкт-Петербургского археологического института, где читал лекции по исторической географии и этнографии России. Краткая биограф. справка: С. А. Жебелев. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Приложение. Биобиблиографический словарь членов РАО (1846 — 1924). С. 535.

²⁴ Алексей Иванович Соболевский (26.12.1856/07.01.1857–24.05.1929) — филолог-русист. Преподаватель Санкт-Петербургского археологического института, где читал лекции по славяно-русской палеографии. Краткая биограф. справка: С. А. Жебелев. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования.

ловскому²⁵ и всем слушателям Археологического Института. Может быть что нибудь надо приобрести здесь. Ку [...] че [...] (китайские (л. 9) медные монеты с дырочкой), е [...] о старые. Можно купить старые зеркала и другие вещи по-видимому не дорого, но я мало, понятно, понимаю в них толку.

Может быть Археологич. Комиссии надо кое-что. Я насколько могу постараюсь быть полезным. Раньше Апреля — Мая вряд ли отсюда выпустят.

Поздравляю с наступившим во время получения письма Нового Столетия, желаю всего всего лучшего

Позвольте обнять Вас Ваш Александр Н.

20 Декабря 1900

СПБНИИ РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 3²⁶

(л. II) Гуньчжулин Кит. В. ж. д. Адрес для посылок и зак. корресп.

Ст. Куан-чен-дзы Кит. В. ж. д.

Дорогой Леонид Николаевич!

Очень был рад получить Ваше письмо, хотя оно блуждало благодаря тому, что госпиталь получил иную нумерацию т. е. не 124, а стал полев. подвижн. № 45 и в тоже время был двинут из Харбина верст на 300 южнее в Гунчжулин (на старых картах Кундулэн), который теперь стал крупным железнодорожным и госпитальным пунктом, здесь расположились 1, 13 запасные и мой 145 подвижной отряды, Евангелический, Болгарский, (л. II об.) Финляндский, Марии Федоровны²⁷ проф. Целе-фон-Мантейфель²⁸ и теперь прибыли 8 запасных военных,

1897–1921. Исторический очерк. Приложение. Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). С. 542.

²⁵ Николай Иванович Веселовский (12/24.11.1848–12.04.1918) — русский археолог, востоковед, тюрколог, исследователь истории и археологии Крыма, Кавказа, Средней Азии, Персии и Китая. Преподаватель Санкт-Петербургского археологического института, где читал лекции по первобытной археологии. Краткая биограф. справка: С. А. Жебелев. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Приложение. Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). С. 237–238.

²⁶ Написано на листке желтоватой нелинованной почтовой бумаги с тисненым гербом, аналогичным письму № 1. Чернила, рукопись. 20/XII 1900.

²⁷ Очевидно, полевой госпиталь, организованный, оснащенный и содержащийся на средства Ведомства учреждений императрицы Марии.

²⁸ По тексту не ясно, о каком из представителей рода идет речь.

каждый по 210²⁹, прибывает 8 подвижных где они все поместятся Аллах про то ведаёт.

В Харбине, куда наши госпитали прибыли, пришлось простоять довольно долго, жили в поле, где мы себе повырывали землянки. Затем пришло предписание идти в разные места и на долю моего госпиталя вышло последнее место. Так как помещений можно сказать нет, о чем я телеграфировал Трепову³⁰, то вышел ответ добыть юрты и развернуться. Из Забайкалья выписали много юрт, в общем житье в них поганое. (л. 13) Если сделать двойные войлочные стены, хорошо обить воилоком дверь и повесить полог, построить печи, которые и [...], то температура может держаться сносная, в большую юрту можно поместить [...] 7 больных, а в малую 4 на кроватях, весь материал и припасы за малым исключением пришлось добывать в Харбине, но благодаря сильному движению несчастные 300 верст поезд идет от 2–4 суток, понятно, что потеря времени громадная и неудобств много. Но ввиду ожидания сильного наступления и согласно телеграммы Куропаткина — 75 тысяч раненных из всех лечебных заведений идет быстрая эвакуация больных [...] что места [...] в настоящее время пусты (л. 13 об.) а то во время боев при Шахэ³¹ в Харбине в товарных вагонах, не в теплушках скопилось столько раненных, что они по несколько суток ожидали очереди быть перевязанными. Что касается настроения китайцев, то по линии верст на 20–30 они боясь русских довольно услужливы, но вне полосы железной дороги можно сказать враждебны. О том, что происходит на театре действий, Вы больше знаете из газет. Вы предлагаете купить очень Вам благодарен. Если не затруднительно, то вышлите фунт или два лучшего чернильного порошка (цена приблизительно рубль или больше) в русском обществе торг. англ. тов. на Казанской хороших два перочинных ножа с пробочниками (широкий винт, а то пробки рвутся) и еще что сами придумаете, здесь все нужно. Деньги сейчас же верну. Посылайте на Куанченцзы. Будьте здоровы. Пишите что делаете как пурпуровое

²⁹ Мест для раненных.

³⁰ Фёдор Фёдорович Трепов (1854–1938) — русский военный и государственный деятель. Во время Русско-японской войны главноуполномоченный Российского общества Красного Креста и начальник санитарной части Маньчжурской армии.

³¹ В боях при Шахэ «ружейной пулей в левое колено навyleт» был ранен В. Н. Глазов, археолог, подпоручик 147-го Самарского полка (о нем см.: М. В. Медведева, В. Ю. Соболев. Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. Вып. 20. С. 395–426. СПб., 2014; М. В. Медведева, В. Ю. Соболев. В. Н. Глазов и его исследования на Северо-Западе России // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 7. Липецк, 2015. С. 163–178).

евангелье?³² Привет знакомым. Позвольте расцеловать Ваш Александр Никифоров.

1/14 Декабря 1904

СПБНИИ РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 5³³

(л. 14) Действующая армия

Главный врач Полевого Подвижного № 45 госпиталя
Дорогой Леонид Николаевич!

Сегодня получил Ваше заказное письмо с квитанцией о посылке, сердечно Вас благодарю за любезное исполнение моей просьбы, напрасно не хотите, голубчик, взять деньги; помню, что, когда Вы раз просили меня в Ревеле выслать книгу и я не захотел брать деньги, то Вы были недовольны. Все же поэтому сообщите, что я Вам должен. Посылки я не получал до сего времени, но моментально написал о наведении справок о месте (л. 14 об.) нахождении посылки.

Судя по первым строкам Вашего письма, Вы давно не имели писем от меня, хотя я Вам писал и описывал Мукденское отступление в Марте³⁴ когда все это ярко стояло в памяти. Если это длинное письмо не дошло, жалко, после этого вскоре я посылал открытку на американской карте³⁵. Хотя вкратце но все же постараюсь представить Вам свое *cuticulum vitae*.

В Январе госпиталь работал почти исключительно с ранеными, в конце Января вследствие телеграммы, выехал (л. 20) в полном составе на Север на ст. Цойдзягау, но еще до выгрузки получил телеграмму отправиться в Мукден, куда я давно стремился и даже теперь не жалею. Быстро стал развертываться в бараках и госпитальных шатрах устроив печки и приспособив их, а тут начались Мукденские бои, работы было много, хотя собственно говоря это была не госпитальная деятельность, а вернее перевязочного пункта, раненных только успевали покормить, перевязать основательно и эвакуировать на поездах, а в это время опять (л. 20 об.) госпиталь переполнялся, операций делали мало, времени не хватало, ни рабочих рук, я несколько не смущаясь, задерживал случайно попавшихся врачей и сестер, привлекая к работе, да кроме того отходившие госпиталя

³² Адресат письма был собирателем и историком рукописной и старопечатной книги. По всей вероятности, имеется в виду одно из изданий из его коллекции.

³³ Написано на листке желтоватой нелинованной бумаги с тисненым гербом и двух «те-традных» листах в клетку. Чернила, рукопись. 17/V 1905.

³⁴ Упоминаемое письмо в коллекции отсутствует.

³⁵ Упоминаемая открытка в коллекции также отсутствует.

с позиций с удовольствием уделяли³⁶ врачебный персонал. Произошедший потом *débaclé*, вследствие поздно данного приказа об отступлении Вам известен из газет. Ведь передовые части японской кавалерии уже 23 Февраля вечером заняли самый город Мукден, отстоящий (*л. 16*) от станции, Гуе мы все действовали, в 3 верстах, а 24 мы работали лишь вечером (а канонада кругом гремела больше [...] и все вокруг пылало) я наконец отправился за окончательным ответом, а до того времени давались самые разнообразные приказания (начальство мое: Трепов и Горбачевич³⁷) то уходить, то оставаться и лишь в ночь с 24–25 Февр. получил приказание еще не эвакуированных 200 раненых, сдать на поезда, оставалось еще 50 раненых из них 30 тяжелых японцев, (*л. 16 об.*) узнаю, что оставляем госпиталь, сдаю последних раненых, укладываю обоз и 6 ч. утра 25 Февр. трогаюсь среди пожаров и грохота орудий. Сперва благополучно избегали обстрела, но попав на большую Мандаринскую дорогу, благодаря прорыву японцев у Киуваня все обозы подвергались фланговому обстреливали с обеих сторон японскими батареями. Произошла знаменитая паника, я сам удивляюсь тому насколько я был спокоен, наблюдая как посторонний зритель, как ли [...] падали [...], рвались над головами шрапнели, как (*л. 17*) обезумели люди, особенно артиллерийские передки, которые неслись сплоченной лентой, давя все на пути разбивая обозы, еле-еле удалось спасти несколько повозок, у меня погибло почти все госпитальное имущество, 20 лошадей, 6 человек команды и весь свой личный багаж, равно и служебного персонала. Тяжело было отступление, вернее бегство, не спавши, не евши, разве что досто [...] две недели [...] до Гуижумина, где стоит сейчас свои [...] т. е. составлял акты о потерях одним словом канцелярию, благо (*л. 17 об.*) спас денежный ящик и канцелярию. Но интендантству столько запасов в Харбине не хватает, до сих пор имущество, кроме аптеки, не пополнено. Дали покаместь вместо форменных повозок арбы с китайскими лошадками и мулами, только и слышно на коновязях «и» «о» «чэ и ши» и т. п., иначе не понимают и солдаты учатся разговаривать с лошадьми. В это время мне предложило начальство принять заразный госпиталь, хотя я и указывал на недостаток имущества, (*л. 18*) обещали помочь. Кое что насобирал то в складах Ел. Ф.³⁸ и Ал. Ф.³⁹, то там

³⁶ Переправлено — **своих или своей**

³⁷ Эраст Леон Фелицианович Горбачевич (20.10.1849 — ?? 11.1911), доктор медицины. Полевой военно-медицинский инспектор Маньчжурской армии, с ноября 1904 г. — главный полевой военно-медицинский инспектор при главнокомандующем.

³⁸ Ведомства великой княгини Елизаветы Федоровны, супруги великого князя Сергея Александровича.

³⁹ Под августейшим председательством императрицы Александры Федоровны, жены последнего императора Николая II, состояли комитеты помощи раненым, по приисканию

попросил и все же согласился взять заразных больных. Помещение было отвратительное. Приехал ленивый старый ворчун папашка, всем досталось, а больше всего, кажется, мне, хотя я меньше всех виноват, дали после этого более сносные бараки, теперь несколько устроился.

На всех, не знавших Линевича⁴⁰, но знакомых с Куропаткиным⁴¹, первый произвел самое невыгодное впечатление, сразу почему-то упало сердце, не смотря на Мукден- (*л. 18 об.*)скую катастрофу, я верил Куропаткину, а при Линевиче ждите только самый скверный Седан. Линевич — злое неприятное лицо, брюзга, ограничен, как-будто бы мстителен ко всем ставленникам Куропаткина, упрям «я так желаю», не желает слышать никаких объяснений — одним словом меня потянуло скорее домой, во избежание крупного позора. Чего японцы медлят у нас армия покамест слаба. Возни с заразным госпиталем порядочно, теперь не много больных с/о с чем то: сыпным тифом 50 чел; а прочих самых разнообразных больных (*л. 19*) разные категории: рожа, оспа, корт, сибирская язва, неопределенный тиф (смешанный с брюшным — для последних особый госпиталь) компания собралась солидная пропустишь кровавый понос (покамест немного) и столбняк.

Не строевое начальство нас боится, даже Куропаткин (в армию которого переведен мой госпиталь только недавно, а то состоял при Штабе Главнокомандующего) при объезде Гунжунских госпиталей не удостоил посещением — редко пове [...] и медицинское начальство, хотя письменно очень внимательно следит, по... (*л. 19 об.*) был только Линевич и тот только ругался.

Боюсь хорошо устраиваться так как возможно отступление и если оно произойдет и быстро, то вероятно, придется заразному госпиталю сдаваться в плен, но если это произойдет, то Вы узнаете.

Еще раз спасибо за посылку и письмо. Надеюсь, что это письмо не пропадет, записал в книгу когда послал. Позвольте обнять Вас, до

места воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, и другие гуманитарные организации.

⁴⁰ Николай Петрович Линевич (24.12.1838/05.01.1839–10/23.04.1908) — русский военный деятель, генерал-адъютант (1905). Герой Кавказской, Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской войн. Руководитель подавления Боксёрского восстания. Главнокомандующий сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии.

⁴¹ Алексей Николаевич Куропаткин (17/29.03.1848–16.01.1925) — русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, Командующий Маньчжурской армией, Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, командующий 1-й Маньчжурской армией. Командовал русскими войсками в сражениях при Ляояне, Шахэ, Сандепу и Мукдене.

рогой Леонид Николаевич, Ваши поручения постараюсь насколько возможно выполнить. Любящий Вас Александр

17 Мая 1905 г.

СПБИН РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 6⁴²

(л. 21) Действующая армия

Дорогой Леонид Николаевич!

Сейчас получил дорогую для меня посылку, предвкушаю сладость открытия ее, вскрыл и к своему огорчению увидел напиханную бумагу и только 3 куска мыла и баночку с кусочками сухих чернил, с горя развел в баночке (л. 21 об.) чернила и стал писать Вам о своем огорчении, вместе с тем посылаю жалобу Главному Начальнику Почт в СПб и жалобу здешнему местному начальству, с которым я знаком. Что за безобразие! какое всюду идет воровство! Если Вам не лень, то пришлите за деньги (я Вам вышлю) опять хорошие перочинные ножи с хорошим широким винтовым пробочником, опять бенидинсин (чернил не (л. 23) надо, хватит), для вскрытия консервов нож, лучше с ножиком или отдельно, хорошо бы несколько новых книг по беллетристике или истории, Бенедиктина в Харбине нет и больше значит достать нельзя.

Разгром Балтийской эскадры страшно тяжело отозвался на всех здесь, мне особенно тяжело, так как я все же люблю моряков и на эскадре много знакомых, между прочим муж Васильевой, которую Вы видели у меня, пла- (л. 23 об.) вал на «Ослябе» старшим врачом, не известно, жив ли он⁴³. И вам флот, должен быть, не чужд⁴⁴.

Говорят, что на днях предполагается наступление, Линевиц настаивает, но другие командующие против этого. Неудачный выбор Линевица! На днях он осматривал беспроволочный телеграф, командир указал на аппарат, где вырабатываются волны, и Линевиц начал требовать показать ему эти волны.

Будьте здоровы. Всего лучшего. Позвольте обнять Вас

Любящий Вас Александр Никифоров

⁴² Написано на листке желтоватой бумаги в линейку с угловым чернильным штампом в 7 строк <ГЛАВНЫЙ ВРАЧ / ПОЛЕВОГО / ПОДВИЖНОГО / № 45 / ГОСПИТАЛЯ / № ____ / Мая 25 дня 1905>. Чернила, рукопись.

⁴³ Старший судовой врач коллежский советник Г. С. Васильев погиб на эскадренном броненосце «Ослябя» 14.05.1905 г.

⁴⁴ Дед Л. Н. Целепи по отцовской линии, М. Д. Целепи, вышел в отставку капитаном 2-го ранга, отец — Н. М. Целепи, обучался в Морском корпусе, младший брат, В. Н. Целепи, уволился от службы лейтенантом в 1886 г.

На случай жалобы на кражу содержимого: Кн 7 Ник. ж. д. № 561928 Дек 1904 и т. д.

Если будете посылать, упакуйте лучше и запечатайте

СПБИН РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 7⁴⁵

(л. 21) Гунжулин

Дорогой Леонид Николаевич!

Вот опять пишу Вам и беспокою своими поручениями, злоупотребляя Вашей добротой, полнотой и временем.

Как Вам известно, я лишился почти что всего имущества, разве что было на мне и отчасти (л. 24 об.) постель не попали в руки японцев или даже наших солдат, которые все же при отступлении занимались по просту грабежом во время произошедшей паники и к [...] повозок.

Если для Вас не представит затруднений, то не откажите выслать:

1) две пары погон докторских, чина коллежского советника с вензелями столетия Медицинской Академии. Погоны желательны короткие; стоимостью 2р25–2р50 за пару (л. 28) в Апраксином дворе (так кажется он называется, это на Садовой по левой руке пройдя Пажеский корпус и Чернышев переулок) видите как подробно описываю, как будто бы Вы в первый раз приехали в СПб. Там есть магазины офицерских вещей Семенова, Васильевы и др. Можно, конечно, в другом месте, но они дороже. Вряд ли есть в Гвардейском, но там Вы найдете или у кого другого 2) можно бронзовые вызолоченные знаки доктора медицины. (л. 28 об.) действ. члена Археологического института и столетия Академии. Когда здесь сошьют мундир или сюртук, то можно даже должно, надеть прецендалы.

Если ко времени получения письма произойдет «ломайло» как говорят китайцы и мы отступим к Харбину или, если еще хуже, попадемся в плен или будем убиты, то в первом случае все же вышлите, а в последних не стоит. Посылайте в Гунжулин, здесь много почтовых контор. Недавно я получил посылку из России от 23 Апреля и 22го Мая (л. 26) она была уже у меня. На пропажу и на неправильное доставление теперь обращено строгое внимание и некоторые почтовые чиновники поплатились за свои безобразия.

На всякий случай хорошенько опечатайте посылку, чтобы опять не выкрали части содержимого.

⁴⁵ Написано на листках желтоватой бумаги в линейку с угловым чернильным штампом в 7 строк <ГЛАВНЫЙ ВРАЧ / ПОЛЕВОГО / ПОДВИЖНОГО / № 45 / ГОСПИТАЛЯ / № ____ / Мая 27 дня 1905>. Чернила, рукопись.

Не знаю, где Вы находитесь, какие предположены у Вас планы в нынешнем году? Вероятно, Вы опять куда-нибудь уедете. Надеюсь, что Вы сами опишите то настроение (*л. 26 об.*) после гибели эскадры Рождественского.

Здесь газета «Вестник Манчжурской армии» печатает только то, что поддерживает дух воинов, а печальные события сообщаются в искаженном виде и в сильно смягченном. Петербургские и московские газеты приходят в общем поздно. Сегодня например я получил «Новое Время» от 7 Мая (*л. 27*) т. е. через 20 дней, это хорошо, но поздно, всякие соображения об эскадре положительно тяжело читать, да, кроме того, они обсуждают будущие события.

Погода здесь в общем скверная, с ужасом ожидаем прихода дождей помещения скверные протекают, чинить трудно, а все боишься хорошо устраивать каждую минуту может (*л. 27 об.*) японец прогнать как к Сунгари, хотя Линевиц по упрямству не желает отступить, даже одно время не приказывал строить мосты через Сунгари, но его убедили. Приехал командующий эскадрой Бирилев⁴⁶, ему еще меньше дела чем Скрыдлову⁴⁷.

Будьте здоровы. Обнимаю. Любящий Вас Александр
СПБ ИИ РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 8⁴⁸

(*л. 29*) Дорогой Леонид Николаевич!

Обрадовавшись, что Вы отозвались я в Мае послал 3 письма одно за другим 19; 25 и 27 Мая с поручениями. Эти письма, вероятно, дошли, но Вы, вероятно, поехали жуировать и они или ждали Вашего возвращения или может были даже брошены. Или Вы обиделись на мою неделекатность, что я дал Вам столько поручений и решили (*л. 29 об.*) плюнули на них и, откровенно говоря, следовало бы это сделать, а по меньшей мере выругаться вслух веским словом. Но я нисколько не претендую на это, если бы достать и выслать все то, что я просил, но на это ушло бы много времени, а главное причинило бы массу беспокойства. А все же хорошо бы, если бы Вы откликнулись на мои послания и поведали бы о том, где были, что видели и слыша-

⁴⁶ Алексей Алексеевич Бирилев (16.03.1844–06.02.1915) — русский военно-морской и государственный деятель, в 1905 г. командующий флотом Тихого океана.

⁴⁷ Николай Илларионович Скрыдлов (01.04.1844–04.10.1918) — русский военно-морской и государственный деятель, командующий Тихоокеанской эскадрой (1900) и Тихоокеанским флотом (1904).

⁴⁸ Написано на листке желтоватой почтовой бумаги в линейку. Чернила, рукопись.

ли, что поделываете и поделывали. (*л. 31*) А, кажется, пахнет миром. Тогда можно рассчитывать к началу весны, а то и зимой быть у себя. Как видно надоела всем эта несимпатичная война. АБВ. (Абаза, Алексеев, Безобразов, Балышев, Вердеревский или Вонляралянский, Вочак) а тут теперь идет период дождей с половины Июля бывают дни без дождей, но грязь невозможная, благодаря суглиняковой почве. Наш госпиталь расположен в низменной части Гунжулина и потому кругом море и добраться куда-нибудь счи- (*л. 31 об.*) тается подвигом. Интересного теперь ничего нет. Больше главным образом брюшно-тифозные и с кровавыми поносами, остальных заразных болезней мало. Благодаря главным образом дождям и работе, я нигде не бываю, как и все наши, живя исключительно госпитальной жизнью. Будьте здоровы, желаю всего лучшего. Пишите, у Вас много интересного по разным вопросам. Обнимаю Вас Александр

Гунжулин
8 Августа 1905
I армия
Полевой Подв. 45 госпиталь
СПБ ИИ РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 9⁴⁹

(*л. 32*) Дорогой Леонид Николаевич!

Писал я Вам не так уж давно (8^{то}); сейчас же отвечаю на Ваше письмо; получил и заказное, и в отдельном конверте и печатный маршрут⁵⁰; напрасно меня соблазняет, ведь сами знаете, должен только обливаться. Кажется, мирные условия будут приняты и нас, невольных ссыльных, вернут на родину, хотя и с некоторым позором, а может быть и большим, хотя по единодушному признанию всей армии (*л. 32 об.*) врачи оказались на высоте своего призвания.

Сердечное спасибо за посланное, ожидаю с нетерпением, надеюсь, что придет нерасхищенной, постараюсь на почте ее вскрыть, когда она будет получена или, по крайней мере, предварительно ее взвесить.

Я Вам послал через одного офицера глиняную фигуру китайского бога, куплена она в кумирне около Гунжулина. Может быть, как ком-

⁴⁹ Написано на листке желтоватой почтовой бумаги в линейку. Чернила, рукопись.

⁵⁰ Вероятно, Л. Н. Целепи посылал А. И. Никифорову маршрут запланированного европейского путешествия с предложением совместной поездки. Подробный план поездки с расчетом времени, необходимого на переезды и осмотр достопримечательностей, сохранился в бумагах Л. Н. Целепи (архив СПБ ИИ РАН. Ф. 233. *Целепи Л. Н. Оп. 1. № 46. Л. 119*).

натная вещь она несколько велика. Я старался упаковать ее, как можно лучше, надеюсь, что она не побьется.

Относительно разных реликвий (*л. 34*) делаю попытки доставать, но это не легко, думаю, что существует поверье, что имеющие эти остатки снарядов будут или убиты или ранены, таковой предрассудок я слышал от одного трусливого офицера.

Кое какие безделушки, характерные для Китая, постараюсь приобрести в ближайшем городе Куанченцзах. На Вашу долю достал фальшивый рубль (кредитка) японского приготовления. Может быть с заключением мира и с развитием торговых сношений можно будет найти порядочные вещи. Попытки в этом направлении (*л. 34 об.*) конечно, буду стараться делать. Полагаю, что нас отпустят домой спустя только несколько месяцев. Я бы желал да так по приблизительным расчетам, должны уволить в ноябре, все только теперь и стремишься к родным пенатам от прекрасных здешних мест.

Будьте здоровы. Пишите.
Любящий Вас Александр
I армия.
Пол. Подв. 45 госп.
Гунжулин.
20 Авг. 1905

СПБИН РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 10⁵¹

(*л. 35*) Дорогой Леонид Николаевич!

Вашу посылку получил, за что приношу свою сердечную благодарность, ровно и за маршруты путешествий. Прочел с завистью, тут изволь сидеть и терпеть всякого рода неприятности, а Вы себе разъезжаете в свое удовольствие. Хотя скоро и будет по всей вероятности, ратифицирован мир, но вряд ли нам удастся скоро уехать отсюда. Надо полагать, что эвакуация войск начнется не раньше конца октября. Если госпиталь, прибывшие вместе с корпусом, будут отправляться одновременно- (*л. 35 об.*) менно, то тогда мы бы должны отправиться вместе с I^{ым} армейским корпусом, который пойдет из первых, но, по соглашению, госпиталь могут задержаться, пока не пройдет армия. Ежедневно будет отходить 5–7 эшелонов в сутки, т. е. в среднем 3 тысячи. Войска здесь 850 т. если оставят 250 тысяч, то для эвакуации с имуществом и обозами 600 тысяч потребуется около 7 месяцев и по этому расчету лишь к Маю можно будет предполагать быть на месте, но все же я полагаю,

⁵¹ Написано на листке желтоватой почтовой бумаги в линейку. Чернила, рукопись.

что по мере отхода ~~воински~~ строевых частей по немногу будут (*л. 37*) отпускать и госпиталь.

Еще здесь ничего не известно, план расформирования должен прийти из СПб. ожидают его на днях. Вероятно, будет опубликован после ратификации договора; по крайней мере в штабе Главнокомандующего еще не известно или он хранится в большом секрете.

Получили ли Вы китайского глиняного бога, я его послал Вам в посылке с фельдегером или офицером? Взят был в кумирне. Погода здесь начинает портиться наступают холода, вероятно, здесь не придется долго пробыть. Вопрос о Куанчендзах для нас особенно важен. Есть перево [...] (*л. 37 об.*) у Чантофу южнее нас и город и станция севернее Гунжулина, если последний тупик — граница, то мы должны скоро очистить Гунжулин. Кусок этот важен и плодороден. На днях это станет известно.

Будьте здоровы. Пишите, надеюсь, через некоторое время увидимся. Обнимаю Вас Алекса..

I армия
45 пол. подв. госп.
19 Сент. 1905

P. S. А радости, по случаю заключения мира, не очень заметно. Разве будут только веселы когда придут домой.

СПБИН РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 11⁵²

(*л. 38*) Дорогой Леонид Николаевич!

От Вас целую вечность не имел известий, вероятно, Вы увлечены борьбой политических партий, а тут назло партия народной свободы всюду одерживает верх. Как это правительство не додумалось по выражению Рененкампа «убрать» Милюкова, Родичева, Гессена, Струве, Петрушкевича и некоторых других несносных для него людей или увидело что эта гидра слишком многоголовая и ему не под силу справиться с этими господами даже при помощи черносотинцев и те [...] (*л. 38 об.*) Я меня гонят с места на место. После Бугульминского полка, откуда я Вам писал, меня назначили в 209 п. Николаевский полк, он должен уйти в Мае в г. Николаев откуда я должен возвратиться домой. Благодаря этим гонкам, при полной демобилизации частей в которых пришлось служить, и закрытием почтовых контор, я не получаю писем более 2 месяцев, может быть я напрасно упрекаю Вас, письма где-либо лежат, но до меня не доходят. Получили ли Вы глиняного бога китайско-

⁵² Написано на листке желтоватой почтовой бумаги в линейку. Чернила, рукопись.

го, посланного с курьером, он писал сестре, что был у Вас, но не застал (л. 40) дома.

Относительно оттиска с печати, то здесь разобрать не могут, так как буквы манчжурские, а не китайские, скорее это разберут в университете, где синологи изучают манчжурское наречие.

Когда дойдет это письмо не знаю, боюсь что Вы в настоящее время путешествуете, вернее к времени прибытия этого письма будете находиться в отсутствии.

Скука здесь страшная, дела почти никакого, особенно с уходом запасных и превращением 53 дивизии в резервную бригаду осталось в полку 500 человек и работы мало. (л. 40 об.) погода теплая даже жаркая, к сожалению в [...] ветры при отсутствии дождей поднимают временами такую пыль, что сиднем сидим в своей землянке и злимся на все и на вся, более взяться за перо, и ду [...] всех только поглощает желание скорее вернуться в Россию, где ожидается продолжение [...] или во всяком случае усиленная работа.

Будьте здоровы, надеюсь, летом увидеться, если Вы будете в СПб.

Целую Ваш Александр

25 Апр. 1906 г.

Ст. Таолайчжао

209 Николаевский полк

СПБНИИ РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

№ 12⁵³

(л. 41) Дорогой Леонид Николаевич!

С грустью читаю Ваше повествование о бывшей болезни.

Нельзя же строго судить людей, а в частности врачей: *errare humanum est*. Надо быть специалистом, чтобы отличить всякую сыпь, хотя и должен согласиться с Вами, что краснуха с очень высокой температурой (39.7) не бывает, а обыкновенно протекает при нормальной температуре, если и встречается повышение, то не больше 38.5. Тоже надо очень критически отнестись (л. 41 об.) к высокой температуре с эр [...] мой. Вы пишете, что появились красные пятна, вероятно, на них были пузырьки и некоторые с вдавлением? так? Вероятно эти господа никогда не видели оспы, хотя в деревнях нередко бывают сильные эпидемии как это мне приходилось наблюдать (хотя я [...] все время живу в городах) в Минской губ. Но все же для Вас хорошо, что хорошо окончилось, если и имеются вдавления кожи, то это не суть важно, ибо за молодыми

барышнями Вы не собираетесь приударять, а если кто любит, тот будет продолжать любить.

А что касается Вашего за- (л. 43) мечания, что Вы собирались летом в Кисловодск, а не в Ессентуки, то это суть не важно, ибо жил я в Ессентуках, но это не мешало мне ежедневно последнее время ездить в Кисловодск брать нарзан.

Не собираетесь ли Вы в Москву? Может быть купили рукопись с припиской князя Мстиславского⁵⁴ и кого [...], а то про [...] проветрить-ся Вы упоминали о Н. И. Привалове⁵⁵ помните как его отец жаловался, что сын увлекается музыкой и не хочет поступать в Археологический. Кстати где его отец, жив ли он. (л. 43 об.)

Когда увидите, кланяйтесь ровно и другим знакомым; особенно Н. В. Покровскому Н. И. Веселовскому и др.

Будьте здоровы и больше не болейте.

Всего лучшего желает

Ваш Александр

2 Ноября 1908

Москва

2ой кадет. корпус

Любящий Вас Александр

СПБНИИ РАН. Ф. 233. Целепи Л. Н. Оп. 1. № 27.

Список литературы

- А. И. Алексеев. Профессора Санкт-Петербургского археологического института глазами слушателя 1904–1906 гг. гвардейского офицера В. С. Савонько // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 13. М., 2015. С. 338–362.
- Благовещенская «утопия» // Вестник Европы. 1910. № 7.
- В. Дятлов. Евразия. Люди и мифы (Сборник статей из журнала «Вестник Евразии») / Сост. отв. ред. С. А. Панарин. М.: Наталис, 2003. С. 123–141.
- С. А. Жебелев. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Приложение. Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / И. В. Тункина (отв. ред.). М.: Индрик, 2017.

⁵⁴ По всей вероятности, в одном из писем Л. Н. Целепи сообщал о планах или перипетиях приобретения изданий из своей коллекции.

⁵⁵ Николай Иванович Привалов (03.06.1868–29.09.1928) — горный инженер, дирижер, композитор, музыкант-исполнитель, исследователь и реставратор старинных русских народных инструментов, лектор, автор музыкальных сочинений, этнограф. Организатор любительского оркестра народных инструментов. В 1908–1919 гг. доцент Санкт-Петербургского археологического института. Краткая биограф. справка: С. А. Жебелев. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Приложение. Библиографический словарь членов РАО (1846–1924). С. 499–500.

⁵³ Написано на листке желтоватой почтовой бумаги в линейку. Чернила, рукопись.

- М. В. Медведева, В. Ю. Соболев.* Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. Вып. 20. С. 395–426. СПб., 2014.
- М. В. Медведева, В. Ю. Соболев.* В. Н. Глазов и его исследования на Северо-Западе России // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 7. Липецк, 2015. С. 163–178.
- М. В. Медведева, В. Ю. Соболев.* Жизнь В. Н. Глазова — судьба русского офицера в конце XIX — начале XX в. // Военная история России XIX–XX веков. Материалы X Международной военно-исторической конференции. СПб., 2017. С. 210–224.
- В. Ю. Соболев.* Русские офицеры в археологии Северо-Запада Российской империи // Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции. СПб., 2016. С. 99–114.
- Соболев В. Ю.* История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX — начале XX в. / Е. Н. Носов (отв. ред.) // Археологические вести. Т. 22. СПб., 2016. С. 238–245.
- П. С. Яковлев.* Памятная книжка Императорского археологического института в С.-Петербурге. 1878–1911 гг. СПб., 1911.
- Vladislav Sobolev.* People and fates. Pioneers of medieval archaeology in North-Western Russia (1870–1914) // Adalbert Cserni and his Contemporaries. The Pioneers of Archaeology in Alba Iulia and Beyond. Cluj-Napoca, 2017. P. 153–166.

Vladislav Yurievich SOBOLEV

Senior Researcher. G. S. Lebedev Laboratory of Archaeology, Historical Sociology and Cultural Heritage, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

Far Eastern letters (Letters of A. I. Nikiforov to L. N. Tselepi)

The article is the publication of the letters from one of the graduates of the St. Petersburg Archaeological Institute, Doctor of Medicine, Colonel A. I. Nikiforov to his fellow practitioner and friend L. N. Tselepi, historian, archaeologist, collector of antiquities, collector and publisher of handwritten and old-printed books and ancient documents.

Keywords: history of science, personalities, Russian-Chinese war, Russian-Japanese war, private correspondence.

УДК 94 (47) 083.4

ББК 63.3 (2) 521

Александр Владимирович ЛЫСЁВ

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: lysevalex@mail.ru

А. Н. КУРОПАТКИН: ШТРИХИ К ИСТОРИИ ВЗЛЁТА И ПАДЕНИЯ

Личность главнокомандующего русской сухопутной армией в Русско-японскую войну (1904–1905), генерала Алексея Николаевича Куропаткина связывается в отечественной и зарубежной историографии, как правило, с отступлениями и поражениями. Его называют одним из основных виновников проигрыша японской кампании. Выделяют среди его характерных черт, прежде всего, осторожность и нерешительность. При этом удивительная и насыщенная событиями боевая биография этого человека, свидетельствующая как раз об обратном, отходит на второй план, равно как и его многочисленные труды и заслуги перед Родиной. Признавая всю трагичность событий, постигших Россию и Куропаткина лично на Дальнем Востоке, составим краткий обзор основных его дел и достижений. При этом попытаемся взглянуть на этого, безусловно, яркого военного и государственного деятеля через призму его личных качеств.

Ключевые слова: Русская императорская армия, А. Н. Куропаткин, Русско-японская война.

Я сделал себе имя <...> храброго, честного, преданного государю солдата <...> Это имя составляет всё моё достоиние.

А. Н. Куропаткин

В истории часто складываются ситуации, когда об одних людях, бывших в своё время в центре внимания всего общества, говорят и пишут ещё долгие годы и после их кончины. Пишут много, подробно освещая весь их жизненный путь от начала до конца. Стараются разобрать их взлёты и падения — восторгаются, спорят, критикуют. Тем самым несколько сглаживается односторонность оценок, расширяется кругозор восприятия. О других же, бывших не менее значимыми в своей эпохе, практически ничего не известно. В истории масса «белых пятен». Без них она не была бы сама собой. И это вполне естественно. Неестественно другое — сознательное забвение. Более всего печальным выглядит оно на фоне избирательного изображения некоторых фактов из людских биографий. А, значит, и самой эпохи. Если эти факты носят трагический отпечаток, получается гипертрофированная и даже порой жуткая общая картина. Хотя зачастую эти факты всего лишь цитаты, у которых украдено продолжение. Нередко в этом продолжении —

их главный смысл. Из сказанного следует только один вывод: попытаться, насколько возможно, приводить цитаты целиком. Тогда многое проясняется. Причём не только в фактах, но и в побудительных мотивах участников событий, в человеческой психологии.

В судьбе Алексея Николаевича Куропаткина избирательно освещённым и бесспорно трагическим фактом является Русско-японская война. Как правило, лишь в связи с ней вспоминают ныне эту интересную личность, чья биография чрезвычайно насыщена и представляет собой своеобразное зеркало эпохи. Позволю себе сместить акценты и не ставить в центр статьи период 1904–1905 гг. Об этом периоде в жизни генерала и так написано больше всего. Не преследуя задач вступать в дискуссии по спорным вопросам, касающимся деятельности Куропаткина как командующего на Маньчжурском театре боевых действий, приведу лишь некоторые факты, оценки и мнения современников. Таким образом, попытаемся просто увидеть, каким он был человеком в рамках своего времени. Разумеется, в рамках данной статьи получится нарисовать далеко не полную картину, увы, также весьма фрагментарную, что называется, крупными мазками. Но факты и цитаты получаются весьма любопытными. И уж совершенно точно не совпадающие со стереотипным изображением человека, в вину которому долгое время ставили и до сих пор многие ставят проигрыш войны на Дальнем Востоке...

Внук крепостного крестьянина и сын заслужившего вместе с офицерами эполетам право на дворянство нижнего чина, будущий военный министр Российской империи родился в селе Шешурино Холмского уезда Псковской губернии в 1848 г. Кстати говоря, отнюдь не редкое происхождение для целого ряда известнейших военных и государственных деятелей России второй половины XIX — начала XX в. Шешурино — отправная точка биографии Куропаткина. Отсюда он шестнадцатилетним юношей уехал поступать в Павловское военное училище. В Шешурино вернулся по прошествии почти 60 лет. Здесь же была поставлена последняя, возможно, загадочная точка в его жизни...

По окончании училища, будучи произведён в подпоручики, осенью 1866 г. Куропаткин попал в один из линейных туркестанских батальонов. До 1871 г. он успел принять участие в нескольких среднеазиатских походах, в штурме Самарканда под начальством генерала Кауфмана. «За отличие в делах» и личную храбрость получил ордена Св. Станислава и Св. Анны с мечами и бантом. С 1871 по 1874 г. проходил курс академии Генерального штаба. Как лучший из окончивших курс был причислен к Генеральному штабу. Снова вернулся в Туркестанский военный округ. Оттуда с научными целями был командирован в Германию и Францию. Затем — продолжение командировки уже в Алжир, где он участвовал во многих французских экспедициях.

За поход в Большую Сахару маршал Мак-Магон наградил Куропаткина кавалерским крестом ордена Почётного легиона. По итогам поездки в 1877 г. в свет вышел первый труд Куропаткина — «Алжирия», содержавший сведения по организации французских войск в условиях пустынного театра боевых действий. Особое внимание уделялось вопросам снабжения, в частности, при помощи верблюжьих обозов. Полученный опыт был в 1875–1877 гг. использован им на практике в Туркестане при покорении Кокандского ханства в составе 1-го Туркестанского стрелкового батальона.

Нетрудно догадаться, с какими целями посылались в такие командировки русские офицеры: к концу 1870-х гг. Куропаткин был великолепным специалистом по ведению войны в пустыне. При взятии крепости Уч-Курган во главе полуроты охотников и сотни казаков он первым ворвался в неприятельские укрепления, за что был удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст. В Туркестане молодой офицер обратил своими талантами и храбростью на себя внимание Скобелева и вскоре стал его незаменимым помощником. В Русско-турецкую войну (1877–1878) он был неразлучен с легендарным «белым генералом». Попав на театр боевых действий в качестве обер-офицера для поручений, в бою с турками под Ловчей Куропаткин — уже начальник штаба колонны генерала Скобелева. Затем под Плевной — начальник штаба знаменитой 16-й пехотной «скобелевской» дивизии. При изоляции Плевны в районе Горного Дубняка лично повёл в атаку в полный рост пехотные цепи под убийственный огонь противника. Русские войска понесли значительные потери, сам Куропаткин был ранен, но поставленная задача выполнена. В результате этих действий последовало падение сильнейшей турецкой крепости.

С Балкан дважды раненый (один раз тяжело) и оба раза возвращавшийся в строй Алексей Николаевич уехал в чине подполковника, с пожалованной саблей с надписью «За храбрость», с сербскими боевыми наградами. В 1878 г. последовали производство в полковники, недолгая преподавательская деятельность в качестве адъюнкт-профессора Николаевской академии Генерального штаба. Стремительное, но абсолютно заслуженное потом и кровью продвижение к 30 годам! Затем — снова Азия.

Бытует легенда (впрочем, появившаяся в печати уже после 1905 г.), будто бы сам Скобелев заметил те черты, которые впоследствии проявились у Куропаткина в Русско-японскую войну, и сказал своему помощнику: «Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси тебя Бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника; тебе не хватает решительности и твёрдости воли... Какой бы великолепный план ты ни разработал, ты никогда его не сумеешь довести до конца»¹. Одна-

¹ *Теммай Э.* Куропаткин и его помощники. СПб., 1913–1914. Ч. 1–2. С. 6.

ко, вся совместная боевая деятельность Скобелева и Куропаткина как до, так во время и после Русско-турецкой войны опровергает такую характеристику. Факты из турецкой и среднеазиатских кампаний свидетельствуют как раз об обратном — «белый генерал» ценил Алексея Николаевича именно как самостоятельного начальника и доверял ему чрезвычайно ответственные и трудные операции. Вот выдержки из депеши, которую послал Скобелев находившемуся в Изгенте Куропаткину. Кстати, документ проливает свет и на то, как сам Скобелев относился к разумной осторожности, излишек которой ставят в вину Куропаткину во время Японской войны.

23 января 1881 г. Асхабад, 9 ч. 35 м. Скобелев — Куропаткину

Не скрою от вас <...>, что движение отряда с вами в глубь песков в центре столь многочисленного и озлобленного населения, хорошо вооружённого и имеющего дальнобойные ружья, при обстоятельствах, далеко не выясненных, и имея при вас сомнительных проводников, без подвижного резерва, который мог бы во всякую данную минуту действительно идти к вам на помощь (хотя бы для этого пришлось бы сделать от 90–120 вёрст в 3 дня), положительно плохо вяжется с моими убеждениями об осторожности в степной войне. <...> Вот, дорогой полковник, мой взгляд на наиболее безопасный образ действий ввиду предстоящего вашего степного движения на Кизыл-Сакаль или Илек-Салешь. Заключаю — мною высказанное даже не совет, ибо вам на месте, при вашей боевой опытности, гораздо удобнее щупать пульс обстановки².

Во время Ахалтекинской экспедиции (1880–1881) полковник Куропаткин — начальник туркестанской стрелковой бригады. Скобелев стягивал свои части от побережья Каспийского моря к Бами, где производил сосредоточение для действий против туркменской крепости Геок-Тепе. Куропаткин шёл на соединение с ним из Туркестанского округа. Его отряд должен был переправиться через Амударью у Петро-Александровска и, оставив Хивинский оазис, совершить переход через безводную пустыню. При этом на 535 км маршрута имелось всего два колодца. Вот где в полной мере пригодился африканский опыт и раскрылся талант Алексея Николаевича! Несмотря на ужасные условия, средняя величина переходов составила у него 38 км. Пехота перевозилась на верблюдах. Не менее блестящим был и обратный поход в марте 1881 г. Пали верблюды. Провиант и питьевую воду везли на казачьих лошадях. Спешенные казаки шли рядом. И всё же средняя величина перехода была не менее 32 км. Темпы передвижения, сопоставимые с темпами передвижения моторизованных соединений вермахта в 1941 г. при не идущих ни в какие сравнения технических средствах! Это к слову...

² Чанцев И. А. Скобелев как полководец. СПб., 1883. С. 58.

Во время самой осады и штурма Геок-Тепе Куропаткин со своей колонной (11½ рот, 4 орудия, 2 ракетных станка) также действовал блестяще. 9 января 1881 г. текинцы во время вылазки захватили русское знамя и пушку. В ответ на это дерзкое предприятие Скобелев 10 января приказал Куропаткину штурмом овладеть туркменским укреплением — калой — находящимся всего в 150 м от основных строений неприятельской крепости. С распущенными знамёнами и под звуки музыки колонна Куропаткина двинулась вперёд и стремительным штурмом овладела укреплением. Русские потери составили 61 человека. Оборонявшийся неприятель потерял на порядок больше. Впоследствии из калы (круглой башни) провели минные галереи и пробили брешь в стене крепости. 24 января во время главного штурма колонна Куропаткина первая взойшла на стены крепости и водрузила знамя Ширванского полка. Без помощи резервов Куропаткин укрепился в городе. Умело организовав преследование, он без боя взял Асхабад. Поход против текинцев закончился победоносно. При этом русских войск при штурме крепости было всего 7500 штыков. Неприятель же только убитыми потерял свыше 20 000 человек. За взятие Геок-Тепе Алексей Николаевич был удостоен ордена Св. Георгия 3-й ст.

Понятно, что время, обстоятельства, да и сами люди меняются. Но всё равно не вяжется как-то это с обвинениями в том, что наши неудачи спустя четверть века на Дальнем Востоке случились из-за личностных характеристик главнокомандующего...

С 1882 г. начался длительный мирный период. На протяжении восьми лет Алексей Николаевич, получивший чин генерал-майора, служил в Генеральном штабе, принимал участие в различных проектах по укреплению обороноспособности страны, написал ряд военных и научных работ. Отметим два любопытных факта: совместно с министром иностранных дел М. Н. Муравьевым Куропаткин готовил международную конференцию с лидерами европейских держав по сокращению вооружений. Конференция состоялась по инициативе России в Гааге 18 мая — 29 июля 1899 г. Итогом её работы стали конвенции о мирном решении международных споров, о законах и обычаях войны на суше и на море. Были приняты декларации о запрещении применения разрывных пуль, бомбардировок с воздуха, снарядов с удушливыми газами (т. е. химического оружия). Всё это были инициативы российского императора Николая II. Поражает, насколько поднятые тогда темы сохраняют актуальность по сей день...

Затем ещё восемь лет Куропаткин, уже генерал-лейтенант, трудился на посту начальника Закаспийской области. В 1898 г. Алексей Николаевич достиг пика в своей карьере — стал военным министром. В 1901 г. он получил чин генерала от инфантерии, в 1902 г. — генерал-адъютанта.

Помимо огромной и разносторонней работы на министерском посту, отметим любопытный факт: по его инициативе в 1903 г. при Главном штабе было образовано разведочное отделение, положившее начало формированию центрального органа русской военной разведки и контрразведки.

Между тем сгущались тучи на дальневосточных рубежах Российской империи. Следует заметить, что Куропаткин был принципиально и последовательно против надвигающегося столкновения с Японией. Приведём несколько цитат из его дневника:

<7 ноября 1903 г.>: Если бы <я> не любил царя и родины, а был бы только солдат, любящий войну и военную славу, то радовался бы нынешнему ходу вещей и смуте.

<28 ноября 1903 г.>: Написал <Государю>, что война с Японией будет крайне непопулярна в России, что противоправительственная партия воспользуется этою войною, чтобы увеличить смуту <...> Писал с полною откровенностью»³.

Между тем оперативные планы по борьбе с Японией разрабатывались в Генеральном штабе с 1895 г. Главная их стратегия всякий раз оставалась неизменной: отступление к Харбину с целью измотать противника арьергардными боями и обеспечить прибытие подкреплений из России. Войну предполагалось начать с отступательной обороны. Порт-Артуру сознательно заранее отводилась роль осаждённой неприязнелю крепости. Предполагалось, что он сможет выдержать осаду на протяжении от одного года до полутора лет. Генерал Драгомиров приводел вкратце тезисы одного из таких планов:

Борьба флота за господство на море. Воспрепятствование высадке японцев. Оборонительные действия и широкое развитие действий малой войны до сосредоточения достаточных сил. Переход в наступление, а именно вытеснение японцев из Маньчжурии, затем вытеснение японцев из Кореи. Высадка наших войск в Японии. Подавление территориальных японских войск. Овладение главными городами Японии и взятие в плен микадо⁴.

Зная, как всё случилось в реальности, заключительная часть плана выглядит сегодня весьма фантастически. Впрочем, уже к концу 1904 г., после ряда наших неудач на суше и на море, в российском обществе с раздражением иронизировали над изначальными намерениями Куропаткина взять шёлковыми верёвками японского императора. Однако до начала боевых действий подобные операционные планы отнюдь не выглядели какой-то фантазмагорией. Их разработка для каждого потенциального региона боевых действий была предметом обычной

рутинной деятельности русского Генерального штаба. Как и всех штабов основных мировых держав, обладавших значительными армиями и флотами. И вполне логично, что во главу угла ставилась полная победа над любым вероятным противником. Военные просто делали свою работу. Принятие тех или иных решений — это уже удел политиков. В частности, к 1902 г. наряду с оборонительным существовал также наступательный план боевых действий для русского флота на Тихом океане. Он предусматривал превентивный удар по японским кораблям в их базах. В основу плана была положена идея «второго Синопа».

27 января 1904 г. война на Дальнем Востоке всё-таки разразилась. Как само собой разумеющееся, с большим восторгом было воспринято в российском обществе последовавшее 7 февраля назначение главнокомандующим генерала Куропаткина. Очень любопытное и в высшей степени показательное описание последнего свидания перед отъездом Алексея Николаевича на фронт можно найти в воспоминаниях В. Н. Коковцова. Оно настолько поразительно, что позволю себе привести его почти целиком:

Я жил ещё на Литейном в квартире государственного секретаря, так как квартира министра финансов была ещё в полном беспорядке. Генерал Куропаткин только что получил назначение. Печать встретила его назначение с величайшим восторгом. Куропаткин стал меня просить вообще поддержать его в трудном положении, говоря, что со своим отъездом вдаль он остаётся без всякой поддержки, а между тем чувствует, что может в ней очень нуждаться, в особенности в первое время своего вынужденного отступления и тяжёлого приготительного периода. При этом он взял с моего стола лист чистой бумаги, провёл на нём горизонтальную черту и в левом углу поставил довольно высоко над чертою звёздочку, прося, чтобы я следил за его изображением. «Вот, — говорил он, — эта звёздочка над горизонтом — это я в данную минуту. Меня носят на руках, подводят мне боевых коней, подносят всякие дары, говорят приветственные речи, считают чуть ли не спасителем отечества, и так будет продолжаться и дальше до самого моего прибытия к войскам моя звезда будет всё возвышаться и возвышаться. А когда я приеду на место и отдам приказ отходить к северу и стану стягивать силы, поджидая подхода войск из России, те же газеты, которые меня славословят, станут недоумевать, почему же я не бью “макак”, и я начну всё понижаться и понижаться в оценке, а потом, когда меня станут постигать небольшие неизбежные неудачи, моя звезда станет всё ниже и ниже спускаться к горизонту и затем зайдёт совсем за горизонтальную черту. Вот тут-то Вы меня и поддержите, потому что тут я начну переходить в наступление, стану нещадно бить японцев, моя звезда снова перейдёт за горизонт, пойдёт всё выше и выше, и где и чем я кончу, этого я и сам не знаю». . . Этот рисунок долго сохранялся у меня и пропал вместе со всеми моими бумагами, когда нам пришлось покинуть наш дом и родину. Не дожил бедный Куропаткин до восхождения его звезды, а за горизонт он успел сойти⁵.

³ Куропаткин А. Н. Дневник 1904–1905 гг. // Красный архив. 1922.

⁴ Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. 1895–1905. СПб., 1909. Кн. 2. С. 327.

⁵ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. М, 1992. С. 102.

В этом описании — вся трагедия, постигшая Алексея Николаевича в японскую кампанию. Причём, как ни парадоксально это прозвучит, несмотря на многие фатальные неудачи русского оружия в ту войну на суше и на море, протекала она, по большому счёту, согласно заранее разработанному изначально именно с русской стороны плану. Россия была обречена на победу, которая была всего лишь вопросом времени. Этого времени, как известно, нам отпущено не было...

По пути на фронт Куропаткин внимательно изучал труд профессора Харкевича из войны 1812 года «Барклай-де-Толли» и записки Хрущева об обороне Севастополя. Весьма символично и даже, пожалуй, провидчески...

Русско-японская война на суше и на море описана, разобрана и изучена со всех сторон, наверное, как ни одна другая. Остановлюсь лишь на одном эпизоде — ранении главнокомандующего, которое он получил... в собственном штабе, далеко от линии фронта. Случай описан в дневнике Плансона, начальника дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке адмирале Алексееве. При штабе Куропаткина состоял великий князь Борис Владимирович.

Куропаткин, говорят, встретил его холодно и вообще не хочет иметь у себя. Узнаю, что в Ляояне в к. Борис Владимирович ухаживал за сестрой милосердия княжной Гагариной. Она дала ему пощёчину и пожаловалась Куропаткину. Он призвал его и сделал замечание. Тот обиделся: «Вы забываете, генерал, что разговариваете с великим князем». Куропаткин рассердился: «Молчать, руки по швам!». Тогда великий князь выстрелил в него из револьвера, ранил в руку легко. Куропаткин запросил государя, как поступить. Государь ответил: по закону. Следовало расстрелять. Составили комиссию-экспертизу умственных способностей. Признали ненормальным, увезли в Россию⁶.

Случай, безусловно, из ряда вон выходящий. Оставляя дальнейшую судьбу Бориса Владимировича в стороне, заметим, что вся замыкавшаяся на главнокомандующего вертикаль власти поддерживалась Куропаткиным твёрдо и жёстко.

Итоги Русско-японской войны общеизвестны. Для Куропаткина это был крах. Получив после заключения Портсмутского мира предписание возвращаться в Россию, Алексей Николаевич писал Николаю II:

В великой справедливости Вашей не откажите, государь, начальнику армии, не давшему России победы, но сохранившему и укрепившему армию, представить подробное объяснение своих действий вашему императорскому величеству или лицу, вами назначенному, или судилищу, вами избранному⁷.

⁶ Плансон. Дневник // Красный архив. XLI–XLII.

⁷ Куропаткин А. Н. Дневник 1904–1905 гг. // Красный архив. 1924–1925.

Но никакого суда не было. Думается, потому, что в компетентных кругах прекрасно понимали — за исключением отдельных неудачных распоряжений (что также на момент их отдания было весьма спорно) обвинить Куропаткина было не в чем. Генеральная линия, выбранная им для ведения боевых действий, была известна и согласована задолго до начала войны. Её он и придерживался — чего, собственно, никогда ни от кого и не скрывал. Даже заменённый после Мукденского сражения генералом Линевицем Куропаткин просит оставить его — и остаётся в действующей армии на низшей должности. Случай беспрецедентный. Очень вероятно, что причиной такой просьбы была внутренняя убеждённость Алексея Николаевича в правильности выбранной стратегии ведения войны и уверенность, что она приведёт к конечной победе. Да и не изменилось ничего принципиально в русской стратегии со сменой главнокомандующего. Судя по всему, согласен был с прежним образом действий и Линевиц. Виновным за поражение в войне генерала Куропаткина сделало скорее общественное мнение. В условиях охватившей в то время страну внутренней бури общество и власть волновали уже совсем другие заботы.

Для Алексея Николаевича начался период забвения. Он возвратился на свою малую родину, писал и публиковал военно-исторические и географические труды.

В действующую армию он вернулся уже во время Первой мировой войны. В 1915 г. получил в командование Гренадерский корпус, затем 5-ю армию. В 1916-м командовал Северным фронтом. Осмелюсь предположить, что эти назначения вряд ли последовали бы, если к Куропаткину существовали действительно объективные претензии за неудачно проведённую японскую кампанию именно в высших военных кругах и у самого государя.

Точно также ждёт объективного исследования история летнего наступления 1916 г. А, точнее то, что за ним на самом деле скрывалось вдали от непосредственной линии противостояния войск. Как известно, блестящий прорыв Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова был задуман в качестве отвлекающего маневра. Основной удар в кампании того года должны были наносить русские Западный и Северные фронты, куда и были переданы основные стратегические резервы. Не думается, что причину пассивных действий этих фронтов следует сводить исключительно к личностям их командующих — генералов Эверта и Куропаткина. Слишком высоки были ставки.

Можно без преувеличения сказать, что на кону тогда стоял весь исход мировой войны со всеми вытекающими геополитическими и внутриполитическими последствиями. Накопленные к тому моменту Российской силы и средства позволяли решить его именно на Русском фронте.

Или как минимум предрешить. И вдруг задуманный сокрушительный удар по австро-германскому блоку ограничивается хоть резонансными и успешными, но всё-таки локальными действиями Брусилова. Монархистов Эверта и Куропаткина спешат выставить в глазах общественного мнения нерешительными и неспособными руководителями, благо последнему всегда можно припомнить на страницах газет японскую кампанию. Но глобального наступления в 1916 г. так и не состоялось, а подготовившаяся к нему с ещё большим размахом императорская армия в 1917 г. прекратила своё существование. При этом большинство оставшихся за полгода до этого на фронте на высших командных должностях генералов в следующем феврале, по сути, предали своего государя. Впрочем, повторяюсь, эти сюжеты требуют отдельных и очень тщательных исследований...

В июле 1916 г. Алексей Николаевич Куропаткин получил срочное назначение в так хорошо знакомый ему Туркестан, где разгорелась кровавая резня русскоязычного населения в ходе Среднеазиатского восстания. И опять, что бы ни говорили по поводу причин его отзыва с фронта, в Туркестан направляют человека, чей опыт и знания как нельзя более всего соответствуют месту и сложившимся обстоятельствам. На должности туркестанского генерал-губернатора Куропаткин в кратчайшие сроки взял ситуацию под контроль. Он действовал жёстко и решительно, но при этом умело используя свои огромные знания нравов и обычаев данного региона. В результате порядок был наведён в кратчайшие сроки. Он не утопил восстание в крови (хоть и без колебания использовал вооружённую силу, а ко многим его зачинщикам была применена высшая мера наказания по действовавшим тогда законам), а именно устранил причины, приведшие к массовым беспорядкам.

Генерал-губернатором Туркестанского края Куропаткин пробыл до рокового февраля 1917 г., когда его арестовывало Временное правительство. Излишне говорить, что эта национальная окраина, как и многие другие, незамедлительно погрузилась в кровавый хаос. В течение нескольких недель нахождения под стражей на Куропаткина усиленно ищут компрометирующие материалы и... ничего не находят. Снова ни обвинений, ни дела, ни суда. Уже весной 1917 г. Алексея Николаевича отпустили на свободу. Он уехал в родное Шешурино, теперь уже навсегда...

31 января 1925 г. в региональной газете «Псковский набат» появилась заметка, в которой сообщалось о смерти Куропаткина:

Шешурино — красивая глушь. От Холма — 60, до Торопца — 50 вёрст. Успококом оставил старику его небольшой домик, наполовину занятый книгами и громадным архивом. Куропаткин имел хорошую привычку — снимать копии со всех бумаг... Если иметь в виду, какие должности он за-

нимал, можно себе представить, какие ценности хранятся в этом архиве... Старик с гордостью рассказывал, что при временном правительстве одно американское книгоиздательство предлагало ему громадные деньги, но что он отверг это предложение, желая, чтобы они были напечатаны в России. Куропаткин тихо жил в Шешурино на берегу живописного Наговского озера, в котором часто ловил рыбу. Занимался сельским хозяйством, читал, приводил в порядок архив, писал изо дня в день «заметки», заведовал одно время читальней (в неё он передал дубликаты своей богатой библиотеки), оборудовал в Холме недурной музей, читал там же лекции по географии, а, в сущности, делился своими интересными воспоминаниями о «днях минувших», когда ему приходилось жить и в Турции, и в Сахаре, и в Туркестане, и в Японии. К Куропаткину хорошо относились крестьяне, помня, что он и при царе не зазнавался и всегда был прост и благожелателен... В 20-м году, весной, когда в России всё бурлило, беспокойно было и в одной из волостей Холмского уезда — Лучанской. Брожение замечалось и в других, смежных с нею волостях. «Зелёные» просили Куропаткина стать во главе восставших, но он горячо убеждал их бросить опасную и вредную затею... Это дало повод говорить некоторым <...> что Куропаткин «красный». Со смертью его сошёл в могилу последний из могикан дореволюционной России, отошла целая эпоха⁸.

С последней фразой невозможно не согласиться. А вот всё остальное было отнюдь не так идиллично, как пишет советская пресса. Достоверных сведений об участии Куропаткина в Гражданской войне действительно не имеется. Возможно, хотя бы по той одной причине, что, несмотря на всю масштабность его фигуры, было ему к тому времени уже далеко за семьдесят. Но личной трагедии он не избежал. Большевиками был арестован и расстрелян его сын, причём без объяснения каких-либо причин, к сожалению, типичная ситуация для того времени. По некоторым данным, в отчаянии Алексей Николаевич даже писал письмо Ленину, чтобы спасти сына. Судьба этого письма, впрочем, как и сам факт его существования, остаются неизвестными. Сиротами остались внуки отставного генерала — причём совсем маленькие, на тот момент двух лет и десяти месяцев.

Пропал подлинник дневника Куропаткина, который он вёл всю свою сознательную жизнь. Такая же участь постигла многие материалы из его огромного архива. По официальной советской версии, из дневниковых записей сохранились лишь копии дневника за 1902–1906 гг. Учитывая, что основной фокус на личности Куропаткина делался именно в связи с событиями Русско-японской войны, выглядит это достаточно странно. Именно по копиям дневника за этот период лидер новой советской исторической науки М. Н. Покровский начал публиковать в 1920-е годы записи генерала в журнале «Красный архив». И, наконец, тот же Покров-

⁸ Псковский набат. 1925. 31 января.

ский стал источником информации о последней загадке Куропаткина: по данным советского историка бывший генерал отнюдь не скончался тихо на 77-м году жизни, как пишет цитируемое выше периодическое издание, а был убит бандитами в своём родном селе. Так ли это было, и если да, то каковы были мотивы, обстоятельства и кто в действительности стоял за этим убийством — на данный момент достоверной информации обнаружить не удалось.

Список литературы

Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. 1895–1905. СПб., 1909. Кн. 2. 558 с.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. М, 1992. 456 с.

Куропаткин А. Н. Дневник 1904–1905 гг. // Красный архив. 1922, 1924–1925, 1935.

Плансон. Дневник // Красный архив. XLI–XLII.

Теттау Э. Куропаткин и его помощники. СПб., 1913–1914. Ч. 1–2. 93 с.

Чанцев И. А. Скобелев как полководец. СПб., 1883. 168 с.

Alexander Vladimirovitch LYSEV

Independent Scholar (St. Petersburg, Russia)

E-mail: lysevalex@mail.ru

A. N. Kuropatkin: strokes to the history of his rise and fall

The personality of the commander-in-chief of the Russian land army in the Russian-Japanese war of 1904–1905, General Alexei Nikolaevich Kuropatkin is associated in domestic and foreign historiography, as a rule, with retreats and defeats. He is called one of the main culprits of the loss of the Japanese campaign. Distinguish among its characteristic features, first of all, caution and indecision. At the same time, the amazing and eventful military biography of this man fades into the background. As well as his many works and services to the Motherland. Recognizing all the tragedy of the events that have befallen Russia and Kuropatkin personally in the Far East, we will make a brief overview of his main affairs and achievements. At the same time, we will try to look at this certainly bright military and statesman through the prism of his personal qualities.

Keywords: Russian Imperial army. Kuropatkin, Russian-Japanese war.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 522

Николай Равильевич СЛАВНИТСКИЙ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Государственного музея истории Санкт-Петербурга

(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: slavnitski@bk.ru

КОМЕНДАНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ А. В. ЭЛЛИС В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905–1907)

Статья посвящена одному из комендантов Санкт-Петербургской крепости — А. В. Эллису, которому пришлось в 1905–1907 гг. командовать ее гарнизоном и в целом отвечать за состояние дел в ней. Комендантами крепости зачастую становились пожилые генералы, и А. В. Эллис не стал исключением. В то время ему уже исполнилось 80 лет, и на подчиненных он порой производил впечатление самодура, который плохо понимает, что происходит в столице, однако анализ документальных материалов позволяет сделать вывод, что А. В. Эллис старался в меру своих сил вникать во все детали того, что происходило во вверенной ему крепости, при этом особенную активность проявил при размещении в Трубецком бастионе военно-полевых судов.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Петропавловская крепость, революция 1905–1907 гг., военно-полевые суды, А. В. Эллис.

Александр Вениаминович Эллис (1825–1907) родился и вырос в семье английских дворян, живших в России. Он учился в Павловском кадетском корпусе, в 1845 г. был выпущен оттуда в л.-гв. Семёновский полк, через четыре года принял участие в Венгерском походе, а в 1854 г., когда разразилась Крымская война, принял решение стать подданным Российской империи¹. В тот период он находился в составе войск, «охранявших побережье Санкт-Петербургской и Выборгской губерний»².

Затем — обычная строевая служба, постепенное продвижение по «карьерной лестнице», и к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Александр Вениаминович являлся командиром гвардейской бригады в чине генерал-майора. С этим соединением он принимал участие во многих сражениях, был награжден орденом Св. Анны, в конце войны стал генерал-лейтенантом. В 1888 г. он стал командиром 7-го армейского корпуса с зачислением по гвардейской пехоте, однако через год

¹ Русский инвалид. 1907. 28 ноября.

² Там же.

был фактически отправлен на пенсию (стал при этом членом Военного совета).

В мае 1896 г. император принял решение назначить его комендантом Санкт-Петербургской крепости. Назначение это совпало с 50-летним юбилеем службы А. В. Эллиса, в связи с чем он был награжден орденом Св. Александра Невского и удостоен «высочайшего рескрипта», в котором говорилось о назначении: «Преданная и усердная служба ваша, а также особая распорядительность и заботливость по командованию и управлениюверяемыми вам частями всегда обращала на себя внимание в Бозе почивших деда и родителя наших и побудили нас к избранию вашему на должность коменданта Санкт-Петербургской крепости, в священном соборе коей в Бозе почивают наши предки»³.

То есть назначение было скорее почетным. Тем не менее, Александр Вениаминович, которому исполнился 71 год, первоначально стремился вникнуть во все мелочи своих служебных обязанностей. Естественно, в той мере, в какой ему хватало сил.

К 1905 г. он, конечно, постарел еще более. В нашем распоряжении имеется один любопытный источник — пьеса «Манифест 17 октября в Петропавловке», написанная Г. А. Иванишиным⁴. Автор в 1905 г. являлся адъютантом коменданта крепости в тот же период фактически стал выполнять функции заведующего арестантскими помещениями (в следующем году он был утвержден в этой должности и занимал ее вплоть до весны 1917 г.). Конечно, необходимо учитывать, что это художественное произведение, написанное к тому же в 1926 г., однако все факты, которые поддаются проверке, в ней совпадают с тем, что происходило в действительности. Имена вымышленные, однако за ними легко угадываются реальные лица.

Вот что он писал о коменданте крепости генерале Деллисе:

Он до сих пор живет моментом прошлого года: по его мнению, в России никакой революции нет. Газет он никаких не читает и мне советовал не читать, чтобы себя не расстраивать. <...> Равных себе и выше стоящих ненавидит, так как им завидует, а поставленных ниже его — подчиненных — гнет в дугу: боится, что без этого начальственный престиж померкнет. В семье своей такой же деспот⁵.

Иванишин также описал, как комендант подписывал бумаги:

— Есть у вас бумаги на подпись?

— Так точно, бумаг сегодня немного.

— Вот уж я устал (читает бумаги). Почему вы ставите так мало запятых?

За вас я должен всегда запятые расставлять. Это дело не мое, а секретаря. Я вам не раз уже приказывал, чтобы перед «о» вы всегда ставили запятую, например как в этом случае: «Прошу о назначении комиссии...», здесь перед «о» обязательно нужно ставить запятую. Далее у вас длинный период и всегда в середине одна запятая, это трудно читать, нужно запятыми разбить его на три части, через три слова, вот так (ставит запятые и читает дальше молча. Подписывая бумагу, засыпает)⁶

То есть вырисовывается портрет типичного состарившегося карьериста. При этом он старался внимательно следить за всем, что происходило в крепости. Г. А. Иванишин приводит пример, когда комендант респекта своего помощника за то, что тот осматривал Трубецкой бастион (место, где находились политические заключенные) и проверял пищу (по мнению Деллиса, помощник не имел право входить в тюремные помещения)⁷. Со слов Г. А. Иванишина также видно, что он регулярно принимал командиров частей, находившихся в крепости, и слушал их доклады.

Из приказов по гарнизону крепости следует, что комендант в целом был в курсе тех событий, что происходили в столице. Так, 7 апреля он потребовал: «Предписывается к точному исполнению безотлагательно сообщать в комендантское управление телеграммами тотчас по выступлении каждый раз частей для содействия гражданским властям, безразлично, по чьему бы то ни было вызову, а также обязательно по возвращении в казармы немедленно доносить о всяком случае, обо всех подробно и в чем именно выразилось участие в прекращении беспорядков. Сведения эти необходимо иметь к 8 часам утра для своевременного внесения в ежедневно представляемый всеподданнейший государю императору рапорт»⁸.

В то же время следует подчеркнуть, что гарнизон крепости весной 1905 г. жил своей обычной жизнью — в приказах коменданта постоянно встречаются указания о производстве артиллерийских салютов в праздничные дни, церковных служб в Петропавловском соборе и т. п. Много внимания занимал вопрос о вывозе строительного мусора с территории Заячьего острова — в то время шло строительство здания великокняжеской усыпальницы⁹.

Возникали и несколько пикантные ситуации. В приказе по гарнизону 2 сентября 1905 г. комендант отмечал: «Начальник инженеров крепости

³ Русский инвалид. 1896. 17 мая.

⁴ *Иванишин Г. А.* Манифест 17 октября в «Петропавловке» (публикация Н. К. Дубовой) // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С. 33–67.

⁵ Там же. С. 35–36.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 4. Д. 537. Л. 138 об.

⁹ Там же. Л. 277 об.; Д. 536. Л. 60.

донес мне, что в настоящее время производятся работы по устройству сквера внутри Алексеевского рavelина, но что, к сожалению, куры, принадлежащие нижним чинам наблюдательной команды и чинам, проживающим во флигелях в Алексеевском рavelине, ежедневно раскапывают куртины. Вследствие сего предлагаю всем живущим в крепости и строжайше предписываю нижним чинам гарнизона, имеющим для своих надобностей кур, отнюдь не выпускать их бродить по крепости»¹⁰.

А 18 октября частям гарнизона было объявлено следующее: «Его императорское величество государь император собственноручным рескриптом от 18 сего октября на мое имя высочайше повелеть соизволил: объявить войскам вверенного мне гарнизона свою горячую благодарность за беззаветно верную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах. О вышеписанном почитаю себя счастливым объявить войскам вверенного мне гарнизона»¹¹.

Таким образом, в целом складывается впечатление, что революционные события того года действительно никак не затронули крепость и ее гарнизон.

Крепость являлась важным стратегическим объектом в столице империи и, судя по пьесе Г. А. Иванишина, командование округом придавало ей важное значение. В своем произведении Г. А. Иванишин упоминает помощника коменданта Дашкевича, который был назначен на эту должность осенью 1905 г. О нем он писал:

Этот зато все видит и наведет порядки, недаром Георгия имеет! Не кабинетный генерал: везде сам и всюду поспекает. Погибнет сам, а крепости не сдаст. Человек он прямой, без лукавства, солдат в душе и высказывает то, что думает¹².

И адъютант несколько раз приводил сведения, что помощник коменданта высказывался о необходимости политических свобод и с воодушевлением принял манифест от 17 октября. На этой почве у него, естественно, были натянутые отношения с комендантом, который при этом одобрял все распоряжения помощника относительно поддержания боеготовности гарнизона крепости. К сожалению, в документах это никак не отражено, поэтому в данном случае приходится полагаться исключительно на сведения мемуариста.

По всей видимости, это был генерал Душкевич, который оставался помощником коменданта и после кончины А. В. Эллиса и неоднократно выполнял обязанности коменданта, причем порой давал довольно рез-

кие ответы Департаменту полиции, когда тот обращался к нему за помощью в выяснении личностей арестованных¹³.

Приведем диалог Деллиса и Дашкевича, состоявшийся, по словам Г. А. Иванишина сразу после объявления манифеста:

Деллис. Я нахожу, что никакого так называемого серьезного положения нет, что оно раздуто газетами, а беспорядки делают десятка два буянов — переловить их, и делу конец!

Дашкевич. Но нет, я с этим не согласен: положение весьма серьезное! Я даже нахожу, что конституцию дать запоздали, и она уже не удовлетворила левых, правые же недовольны тем, что конституцию дали. Отсюда и разыгралась борьба, идет штурм конституции¹⁴.

И далее — реплика коменданта на этот разговор, высказанная адъютанту:

Выдумал серьезное положение и носится с ним. Какой грубый, невоспитанный генерал! Сейчас видно армиута, вышедшего из мешан. С ним невозможно ни о чем говорить. Он, видите ли, в восторге от манифеста и свобод. Вообще он подозрителен, красный. Не понимаю, как могли его назначить заведующим охраной крепости. И такого-то гуся пусти в Трубецкой бастион! Да ни за что на свете! Пока я в силах, туда его не допущу. Воображаю, какие разговоры повел он с арестованными!¹⁵

Из этой реплики, во-первых, видно отношение потомственного дворянина к выходцам из среды разночинцев, а также обратим внимание на внимание коменданта к Трубецкому бастиону, то есть к политическим заключенным. Надо сказать, что он и до революции пристально относился к соблюдению всех пунктов инструкций, касающихся порядка в арестантских помещениях, и неоднократно подписывал приказы на этот счет¹⁶.

Вообще по правилам надзор за политическими заключенными, содержащимися в крепости, возлагался именно на коменданта. Заведующий арестантскими помещениями, при следовании инструкциям, являлся лишь помощником и в большей степени канцеляристом. И, судя по всему, А. И. Эллис весьма добросовестно относился к этой части своих обязанностей.

В следующем году это внимание еще более усилилось. В первую очередь, это было связано с военно-полевыми судами. 19 сентября 1906 г. командующий войсками Петербургского военного округа сообщил А. В. Эллису:

¹³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 999. Л. 87.

¹⁴ *Иванишин Г. А.* Указ. соч. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 46.

¹⁶ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2 доп. Д. 370. Л. 5.

¹⁰ Там же. Д. 536. Л. 92 об.

¹¹ Там же. Л. 171.

¹² *Иванишин Г. А.* Указ. соч. С. 37.

Препровождая при сем секретный отзыв штаба округа от 18 сентября, уведомляю ваше превосходительство, что военно-полевой суд в городе Санкт-Петербурге будет заседать в Трубецком бастионе вверенной вам крепости как единственном месте, обеспечивающем безопасность заседания. Приведение же смертных приговоров в исполнение будет производится в местах по соглашению с Санкт-Петербургским губернатором. Сообщая об изложенном для зависящих распоряжений, прошу уведомить, какие еще меры желательно принять для безопасности заседания суда и помещения подсудимых¹⁷.

23 числа он получил письмо от командующего округом, в котором говорилось:

Вполне соглашаясь с соображениями вашего высокопревосходительства, изложенными в письмах от 20 и 21 сентября, я признаю, однако, необходимым ввиду особых обстоятельств настоящего времени, дабы не нарушать порядков общего плана нарядов на случай вызова в помощь полиции, уже установленного по петербургскому гарнизону, оставить распоряжения о вызове войск за штабом округа, куда и прошу вас обращаться по этому поводу в дни заседаний военно-полевых судов, когда расположенный в крепости батальон лейб-гвардии Стрелкового полка находится в наряде. Ввиду огромных нарядов, которые несет петербургский гарнизон, вызов целого батальона в крепость я признаю невозможным, и для определения минимального числа командированных войск мною будет послан Генерального штаба подполковник Богаевский, которого прошу допустить к осмотру крепости¹⁸.

Из этого следует, что сразу после получения предписания о военно-полевых судах А. В. Эллис лично продумал принципы охраны крепости и изложил их начальству. Отчасти это могло быть связано с тем, что полковник Н. Н. Веревкин, являвшийся заведующим арестантскими помещениями вплоть до конца 1906 г.¹⁹, еще в октябре 1905 г. фактически отошел от дел из-за состояния здоровья²⁰.

Еще раз отметим, что вся переписка о содержании политических заключенных в крепости всегда проходила через коменданта. Департамент полиции (или Санкт-Петербургский градоначальник) предупреждал заблаговременно о доставлении каждого узника, и о каждом из них А. В. Эллис обязательно докладывал императору (как о прибытии заключенного в крепость, так и об исключении его из списка содержащихся в Трубецком бастионе).

За 1905 год через тюрьму Трубецкого бастиона прошло 72 человека. Для сравнения — в 1904 г. таковых было всего 36, в 1903 г. — 38 человек. А в 1906 г. в камерах тюрьмы побывало 95 человек (и столько же в следующем году), причем среди них были и те, кого доставляли в крепость за день-два до заседания военно-полевого суда и сразу после этого отправляли на казнь. А. В. Эллис о каждом из таких случаев составлял (точнее — подписывал) соответствующий доклад, поэтому имел представление если не о размахе революционного движения, то о масштабах репрессий.

В связи с казнями А. В. Эллису и его помощникам пришлось также заниматься вопросом, связанным с размещением палача. Таковым стал крестьянин Фома Христофорович Сейн. Он в то время был осужден Красноярским окружным судом к отдаче в арестантское отделение на 2 года и 9 месяцев за кражу пальто. В октябре 1906 г. Ф. Х. Сейн находился в Московской пересыльной тюрьме, затем был доставлен в Санкт-Петербургскую пересыльную тюрьму, а 30 октября командующий войсками Петербургского военного округа распорядился о переводе его в Санкт-Петербургскую крепость. Это возлагалось на столичного градоначальника, который 31 октября послал соответствующую бумагу начальнику Санкт-Петербургской тюрьмы, а 1 ноября уведомил об этом коменданта Санкт-Петербургской крепости А. В. Эллиса²¹.

На следующий день он же сообщил, что «арестант Фома Сейн будет доставлен из Санкт-Петербургской тюрьмы в крепость сего числа в сопровождении состоящего при мне для особых поручений коллежского секретаря Артемия Константиновича Болдырева». На этом документе имеется отметка: «Прибыл в Трубецкой бастион 2 ноября 1906 г. и помещен в камере № 46 с зачислением за Санкт-Петербургским градоначальником»²². Любопытно, что это время Ф. Х. Сейн именовался «политическим арестантом»²³.

20 ноября для выдачи Ф. Х. Сейну было прислано коменданту крепости 300 руб.²⁴ Это были деньги за первые совершенные им казни. Когда надобность в услугах Ф. Х. Сейна отпала, стали думать, что с ним делать дальше. По всей видимости, палач поднял также вопрос о сокращении срока наказания. В делах комендантского управления крепости сохранилось письмо Санкт-Петербургского градоначальника Д. В. Драчевского 15 января 1907 г., в котором тот просил коменданта крепости «объявить № 46, что о сокращении назначенного судебным приговором срока на-

¹⁷ Там же. Оп. 9. Д. 34. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 13.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 968. Л. 103–104.

²⁰ *Иванишин Г. А.* Указ. соч. С. 44.

²¹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 940. Л. 1.

²² Там же. Л. 3.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ Там же. Л. 10–11.

казания ему надлежит обратиться со всеподданнейшим прошением»²⁵. Из переписки градоначальника с министром внутренних дел известно, что В. Ф. фон дер Лауниц еще 12 декабря 1906 г. обратился в министерство с таким предложением, отмечая что «Сейн в настоящее время своим добронравным поведением и исполнительностью заслуживает поощрения», и к тому времени, видимо, получил ответ.

В тот же день Д. В. Драчевский направил А. В. Эллису еще одну записку с просьбой сообщить Ф. Х. Сейну, что Главное тюремное управление не решает перевести его в тюрьму города Тима «в виду вероятной опасности для его жизни в вышеозначенной тюрьме» и предполагает перевести его в течение недели в одну из тюрем северных губерний²⁶. 18 числа комендант переслал исполняющему должность градоначальника прошение о помиловании, написанное под диктовку Ф. Х. Сейна старшим унтер-офицером жандармского управления. Отметим здесь любопытную деталь — письмо градоначальнику было напечатано на пишущей машинке, а вот фамилия Сейна вписана от руки²⁷. Так же оформлены и многие другие документы, связанные с палачом, которого чаще всего называли «номером 46». Очевидно, что А. В. Эллис не хотел, чтобы фамилия палача стала известной в комендантском управлении.

28 января 1907 г. Ф. Х. Сейн был переведен в Санкт-Петербургскую одиночную тюрьму, где должен был содержаться «впредь до распоряжения Главного тюремного управления»²⁸, то есть решение о его дальнейшей судьбе в то время еще не было принято, но из крепости палача решили уже удалить. В середине апреля 1907 г., когда он находился в Санкт-Петербургской одиночной тюрьме, ему было объявлено о помиловании²⁹.

А коменданту тем временем пришлось готовить помещение в Трубецком бастионе для заседаний военно-окружного суда. 15 января он получил предписание Департамента полиции «не отказать в распоряжении о перечислении политических заключенных в высочайше вверенной вам крепости Надежды Терентьевой и Наталии Климовой содержанием за военным прокурором Петербургского военно-окружного суда, которому передано дело о взрыве 12 августа минувшего года на Аптекарском острове на даче министра внутренних дел»³⁰.

²⁵ Там же. Л. 17.

²⁶ Там же. Л. 21.

²⁷ Там же. Л. 23.

²⁸ Там же. Л. 24–27.

²⁹ Там же. Д. 972. Л. 29.

³⁰ Там же. Д. 971. Л. 25.

Это были женщины, входившие в состав группы, готовившей покушение на П. А. Столыпина. Руководитель группы был осужден военно-полевым судом 1 декабря 1906 г. за участие в ограблении казначея санкт-петербургской таможни, которое состоялось 14 октября³¹, а женщин арестовали позднее, поэтому они оказались единственными, кто предстал перед судом по обвинению в том преступлении. 29 января 1907 г. военно-окружной суд приговорил их к смертной казни, которая была заменена бессрочной каторгой³².

Н. С. Климова после этого оставалась в крепости вплоть до конца марта. Отметим один момент — ее перевод в дом предварительного заключения состоялся по инициативе А. В. Эллиса, который обратил внимание на ухудшение ее здоровья и направил письмо директору Департамента полиции М. И. Трусевичу с просьбой «перевести ее из крепости хотя бы временно»³³. Однако в июле того же года ее вернули обратно в тюрьму Трубецкого бастиона, и Александр Вениаминович все последующие месяцы регулярно обращался по инстанциям с той же просьбой³⁴. Такая забота об осужденной государственной преступнице может показаться странной, однако из документов известно, что А. В. Эллис и ранее обращал внимание на состояние здоровья заключенных³⁵.

Естественно, при этом он ежедневно подписывал необходимые приказы по гарнизону, который, как и в 1905 г. продолжал жить в том же режиме, что и до начала революционных событий.

Подытоживая сказанное, отметим, что хотя некоторые подчиненные и считали его самодуром, который занимается лишь тем, что подписывает бумаги, но все же А. В. Эллис в довольно сложный и напряженный для гарнизона крепости период старался в меру своих сил выполнять все необходимые функции. При этом получилось так, что львиную долю своего времени ему приходилось посвящать вопросам, связанным с политическими противниками правительства. И отметим, что в верхах ему, по всей видимости, не очень доверяли, так как в наиболее напряженный для столицы период к нему в помощники был назначен боевой генерал.

³¹ Там же. Оп. 9. Д. 33. Л. 28–29.

³² *Климова В. О., Кан Г. С.* Максималистка Н. С. Климова — узница Трубецкого бастиона Петропавловской крепости // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 20. СПб., 2010. С. 130.

³³ Там же. С. 131–132.

³⁴ Там же. С. 132–133.

³⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 885. Л. 105.

Список литературы

- Иванишин Г. А. Манифест 17 октября в «Петропавловке» (публикация Н. К. Дубовой) // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С. 33–67.
- Климова В. О., Кан Г. С. Максималистка Н. С. Климова — узница Трубецкого бастиона Петропавловской крепости // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 20. СПб., 2010. С. 114–139.

Nikolay Ravilyevich SLAVNITSKIY

Ph. D. in History, Senior Research Fellow of State Museum of History of St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

E-mail: slavnitski@bk.ru

Commandant of the St. Petersburg Fortress A. V. Ellis in the years of the First Russian Revolution (1905-1907)

The article is dedicated to one of the commandants of the St. Petersburg Fortress, A. V. Ellis, who commanded its garrison in 1905–1907. The commandants of the fortress often became elderly generals, and A. V. Ellis was no exception. At that time he was already 80, and he sometimes looked like a petty tyrant who poorly understands what is happening. Analysis of documentary materials suggests that A. V. Ellis tried to delve into all the details of what was happening in the fortress entrusted to him, to the best of his ability, and he was particularly active when military courts were raised in the Trubetskoy bastion.

Keywords: Peter and Paul Fortress, Revolution of 1905–1907, military field courts, A. V. Ellis.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 521

Сергей Николаевич ЕМЕЛЬЯНОВ

кандидат исторических наук, доцент Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sergeje@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ АРМИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье характеризуется эволюция института военного духовенства Русской императорской армии. Рассматривается проблема законодательного регулирования деятельности военных священников. В XX в. на долю России выпало участвовать в двух крупномасштабных войнах. Опыт, полученный в Русско-японскую и Великую (Первую Мировую войну), послужил причиной дальнейшего совершенствования института военного духовенства.

Ключевые слова: Военное духовенство, протопресвитер, благочинный, война, мобилизация, съезд военного духовенства.

Институт военного духовенства Русской императорской армии прошел длительный период эволюции с момента его организационного оформления в царствование императора Павла I. В течение XIX в. в русской армии де-факто сложилась некое подобие отдельной военной епархии со своей спецификой. В первую очередь это выражалось в двойном подчинении военного духовенства высшим церковным и военным властям.

Свой законченный вид ведомство военного духовенства получило на рубеже XIX–XX в. С незначительными изменениями в области служебных обязанностей и правовых форм институт военного духовенства просуществовал до весны 1918 г., времени окончательной демобилизации русской армии и флота. Во главе института военного духовенства находился протопресвитер армии и флота, в подчинении которого находилось полковое, гарнизонное и флотское духовенство. Промежуточное руководящее звено составляли благочинные дивизий, главные священники армий и т. д. Основной задачей военных священников являлась воспитательная работа и духовное окормление чинов армии и флота.

В книге VII Свода военных постановлений 1869 г. (изд. 1907 г.) мы находим общие обязанности военных священников, состоящие из 19 пунктов. Основными из них являлись:

— в строго назначенное время совершение в полковой церкви богослужений во все воскресные и праздничные дни;

— по соглашению с полковым начальством подготовка военнослужащих к исповеди и принятию святых таинств, поучениям и внебогослужебным беседам;

— совершение таинства и молитвословия для военнослужащих в церкви и их домах;

— подготовка церковного хора для пения при богослужениях;

— ведение бесед, поучение воинов истинам православной веры и благочестия, назидание и утешение больных в лазаретах;

— преподавание Закона Божия в полковых школах, солдатским детям, учебным командам. С согласия военного начальства они могли устраивать внебогослужебные беседы и чтения;

— во время проведения мобилизации и во время военных действий военные священники обязаны были следовать по назначению с воинскими частями и находились в безусловном подчинении военному командованию¹.

Начавшийся XX век с его милитаризацией и двумя судьбоносными для России войнами стал вносить свои коррективы в организационную и практическую деятельность военного духовенства. Неудачная Русско-японская война привела к реформированию Русской армии, как следствие, реформы коснулись и военно-духовного ведомства.

Так, Русско-японская война и дальнейшая милитаризация ведущих мировых держав послужили к увеличению некоторых полномочий протопресвитера, которые ранее находились в ведении Св. Синода. В связи с возросшим количеством дел по формированию новых полков Св. Синод предоставил протопресвитеру право входить с прошениями о назначении приходских священников к архиереям тех мест где формируется полк, напрямую без посредников².

В 1909 г. в Военном ведомстве началось обсуждение нового положения о полевом управлении войск в военное время. Война внесла много новшеств в правила управления войсками. Протопресвитер военного и морского духовенства был привлечен к разработке нового положения, т. к. военные священники также накопили ранее не имевшийся богатый опыт участия в боевых действиях. В годы войны на территории военных действий находилось около 400 священников, в том числе более 50 благочинных³. Это при том, что во всей армии в мирное время служило менее 1000 священников и диаконов.

¹ Голов Г. В. Прохождение службы по Военному ведомству. Кн. VII Свода военных постановлений 1869 года. Изд. 1907. Пг., 1917. С. 9.

² РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 70. Л. 133.

³ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 6713. Л. 16.

По опыту Русско-японской войны были составлены более четкие правила, регламентирующие обязанности военных священников, находящихся на театре военных действий.

Начавшаяся Великая (1-я мировая) война с ее небывалым размахом вновь потребовала доработки законодательства касающегося военного духовенства. Для службы во вновь формируемые части и замещения ушли в первоочередных полках регулярно проводилась мобилизация приходских священников. За период с 1914 по 1917 г. через армейские ряды прошли свыше 5 тыс. священников. При этом, учитывая все возрастающую численность армии, ведомство протопресвитера считало количество военного духовенства недостаточным. Военные священники вводились в штаты тех воинских подразделений и родов войск, где ранее их не было.

Изначально чинов запасных полков окормляли приходские священники. С приближением театра военных действий непосредственно к границам или на территорию военных округов необходимо было пересмотреть правовое положение приходских священников, служащих в т. ч. в армейских частях.

Так, приказом верховного главнокомандующего от 24 июня 1915 г. за № 503 штатные священники запасных батальонов пехоты, находившиеся на театре военных действий, были уравниены в правах со священниками пехотных полков. С этого времени такие священники должны были получать жалование и полевые порции (по СВП 1869 г.) как полковые священники и наделяться теми же льготами⁴.

При командировании приходского священника в запасной батальон, расположенный в тылу, епархиальные власти были обязаны выдавать ему прогонные деньги до нового места службы на три смены лошадей и суточное довольствие, равное 3 руб. в сутки⁵.

Учитывая многочисленность чинов в запасных батальонах, для совершения богослужений священникам запасных батальонов в помощь гарнизонным благочинным должны были выделяться госпитальные священники⁶.

Приказом Св. Синода № 26 от 28 мая 1916 г. священники запасных батальонов в случае их переформирования в запасные полки освобождались от занимаемых ими должностей по епархиальному ведомству с прекращением выдачи содержания⁷. Жалование проценты с причтового капитала, рента от недвижимости и т. д. полностью переходили к их заместителям по епархиальным местам службы. Однако за такими

⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10582. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Руководственные указания действующей армии. М., 1917. С. 27.

⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10582. Л. 22.

священниками сохранялось право после окончания войны вернуться на прежнее место службы⁸. Духовенство запасных полков во многих отношениях было уравнено в правах с штатным духовенством ведомства протопресвитера.

В 1914 г. были введены должности гарнизонных благочинных и их заместителей. Заместитель в случае перехода благочинного в другое место занимал его место. Заместитель благочинного избирался на общем собрании священников гарнизона⁹.

Специальным указом 1915 г. было уточнены принципы назначения гарнизонных благочинных. Им мог стать старший по рукоположению из гарнизонных священников. Протоиерей получал преимущество перед священником¹⁰.

Тогда же, в 1915 г. был решен вопрос замещения выбывших священников в действующей армии. На место заболевших, погибших или выбывших по другим причинам священников до назначения новых (1 месяц) временно на их место должны были назначаться госпитальные священники¹¹.

В 1916 г. были составлены инструкции о поведении военных священников, оказавшихся на чужой канонической территории. Последнее было актуально для священников Кавказской армии. В Закавказье русские войска смогли продвинуться на часть турецких территорий, где «встречаются православные греческие и другие епархии, управляемые православными митрополитами и епископами. Предлагаю духовенству армии при совершении богослужений в пределах той или иной православной епархии поминать после Святого Синода и местного православного преосвященного <...>, а при вступлении в города, служащие местопребыванием православных архиереев, представляться последним и принимать у них благословение»¹², рекомендовал протопресвитер армии и флота Г. И. Шавельский.

Большие надежды руководство военно-духовного ведомства возлагало на съезд военного духовенства. На съезде предполагалось обобщить накопленный за годы войны опыт службы военных священников и выработать уточнения и дополнения к существующим положениям, регламентирующим службу полковых и госпитальных священников.

Съезд военного духовенства состоялся в июне 1917 г. Это был период высокой активности в российском обществе, вызванный революционными событиями и отречением императора. Однако созыв съезда

военного духовенства не был связан с новыми революционными свободами, подготовка к нему начала вестись за долго до революции. Скажем так, это было плановое событие.

Главным продуктом работы съезда стало создание «Руководственных указаний действующей армии». «Указания» представляли собой внутреннюю инструкцию для военных священников, составленную на основе опыта службы военного духовенства в текущей войне.

В «Указаниях» отмечалось, что «в круг обязанностей священника на войне входит: 1) кроме молитвы келейно, совершение богослужения в воскресные и праздничные дни и накануне их. Местом богослужения может служить: церковь, палатка, жилой дом, открытое поле и т. д. Отсутствие большого числа молящихся не должно служить препятствием к совершению в положенные дни богослужения.

2) Совершение торжественных молебнов перед началом боя и панихид об убитых — после боя.

3) Во время боя место священника на перевязочном пункте, где всегда скопляется множество раненых <...>, но священник должен быть готов во всякую минуту пойти и вперед, где потребует его участие. <...> Во время боя и по окончании его священник заботится, чтобы убитые не оставались без погребенья. <...>

5) Благочинные наблюдают, а священники госпитальные позаботятся о поддержании библиотек <...> Книга — лучший друг в часы досуга и выздоровления.

6) Вовремя сделанная перевязка нередко спасает жизнь раненому <...> Желательно, чтобы каждый священник умел перевязывать раненого.

7) Желательно, чтобы священники извещали родственников убитых чинов своей части о смерти и погребении их.

8) Каждый священник должен быть готов послужить и чинам другой части, если позволяют сделать это его силы»¹³.

Для священника «возможно частое богослужение на войне — его великий долг»¹⁴. В военное время богослужение не может и не должно быть продолжительно <...> пропуски и сокращения неизбежны»¹⁵.

Большое внимание было уделено проповеди. Здесь уже приходилось учитывать и политические изменения 1917 г. Про проповедь говорилось, что в ней «резких обличений надо всячески избегать. Обличенья причиняют страдания. Воинам же достаточно и тех страданий, какие они переносят на поле брани — в окопах и бою»¹⁶.

⁸ Там же. Л. 121.

⁹ Руководственные указания действующей армии. М., 1917. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Там же. С. 3.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 11.

Были сделаны дополнения, касающиеся внутреннего распорядка несения службы. Например, был затронут вопрос отпусков. «Одновременно увольнение в отпуск двух священников в одной дивизии не должно допускаться. Совершенно недопустимы отпуска в дни боев, а также в большие праздники <...> и Великий пост, пока не отговели все чины части».

Протопресвитер армии и флота также призвал военное духовенство вести летопись героических событий своего подразделения. От военных священников требовалось «сообщать мне <протопресвитеру — С. Е.> возможно обстоятельные сведения о совершаемых на поле брани подвигах: солдата, офицера, священника, сестры ли милосердия и прочее <...> Для воспитания нашего потомства, для истории нужны эти сведения»¹⁷.

Можно констатировать, что институт военного духовенства в начале XX в. обрел четкую отлаженную структуру. Накопленный опыт предыдущего периода и войн начала века позволил выработать должную юридическую базу, регламентирующую службу священников военного ведомства.

Дальнейшее развитие института военного духовенства стало невозможным после прихода к власти в стране большевиков. В наши дни идет процесс возрождения службы военных священников, создается новая законодательная база в этой сфере. Обращение к уже имеющемуся опыту может оказать существенную пользу современному законодателю.

Список литературы

Голов Г. В. Прохождение службы по Военному ведомству. Кн. VII Свода военных постановлений 1869 года. Изд. 1907. Пг., 1917.

Руководственные указания действующей армии. М., 1917.

Sergey Nikolaevich EMEL'YANOV

Ph. D. in History, Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia)

E-mail: sergeje@mail.ru

Improvement of legislation regulating the legal status of the military clergy of the Russian army in the early XX century

The article describes the evolution of the Institute of military clergy of the Russian Imperial army. The problem of legislative regulation of the activity of military priests is considered. In the early XX century, Russia had to participate in two large-scale wars. The experience gained in the Russian-Japanese and Great (World war I), was the reason for further improvement of the Institute of military clergy.

Keywords: Russian Imperial army, military clergy, proto-presbyter, war, mobilization, Congress of military clergy.

¹⁷ Там же. С. 15.

УДК 94 (47).083+94 (450).09

ББК 63.3 (2) 522+63.3 (4Ита)

Антон Юрьевич ФОМИН

магистр исторических наук, аспирант, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a.fomin1511@gmail.com

ОФИЦЕРСКИЙ ВОПРОС В ИТАЛИИ В ДОНЕСЕНИЯХ ПОЛКОВНИКА Е. К. МИЛЛЕРА: БОРЬБА ЗА ОТМЕНУ ПРИВИЛЕГИЙ В РОССИЙСКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИЯХ

В статье предпринимается попытка проанализировать проблемы, с которыми столкнулись российская и итальянская армии в начале XX столетия. Отправной точкой исследования служит обнаруженный в Российском государственном военно-историческом архиве рапорт полковника генштаба Е. К. Миллера, с 1901 по 1907 г. являвшегося российским военным агентом в Риме. Рапорт Миллера посвящен столкновениям интересов различных групп итальянского офицерства, а также влиянию этих конфликтов и разногласий на общее состояние армии. Приводимые Миллером данные получают подтверждение в научной литературе и позволяют провести немало параллелей между особенностями развития вооруженных сил России и Италии на рубеже XIX–XX столетий.

Ключевые слова: Е. К. Миллер, итальянская армия, Русская императорская армия, генеральный штаб, гвардия, «Военный голос», «Il pensiero militare».

Осенью 1907 г. внимание Совета государственной обороны (далее — СГО) привлек рапорт русского военного агента в Риме полковника Е. К. Миллера на тему «морального состояния» итальянской армии и, главным образом, ее ядра — офицерского корпуса. Будущий командующий Северной армией писал в Петербург о вызванной тяжелыми и несправедливыми условиями несения службы глубокой фрустрации итальянского офицерства:

Крайне медленное производство, ничтожное содержание при непомерном вздорожании жизни за последние 10–15 лет, отсутствие всякой возможности выделиться, отличиться и тем добиться ускорения производства, невозможность вследствие этого достигнуть высших чинов — для большинства нынешних строевых офицеров карьера кончается чином капитана и увольнением по предельному возрасту с более нежели скромной пенсией, заполнение всех высших командных должностей почти исключительно офицерами генерального штаба, имеющими некоторые (хотя и весьма небольшие) преимущества по службе, позволяющие им своевременно еще попасть в майоры — все это создало для строевых младших офицеров итальянской

армии безысходное, беспросветное положение, ухудшающееся из года в год, породило уныние и апатию в офицерской среде¹.

Создавшееся «беспросветное положение» стало вызывать ропот массы «угнетенных» обер-офицеров и раскололо итальянскую офицерскую корпорацию на две неравные части. Те немногие, кому удалось удовлетворить свои карьерные амбиции, оказавшись на верхних ступенях военной иерархии, за редким исключением, принадлежали к партии «охранителей», не видевших необходимости в переменах. Большинство же разочаровывалось в службе, с завистью смотрело на привилегированную прослойку, которой доставались высокие чины и командные должности, с нарастающим нетерпением ожидало изменения критериев отбора и системы чинопроизводства. Между двумя группами нарастало взаимное отчуждение. Низшее офицерство теряло доверие к своему начальству и военному ведомству, игнорировавшему его нужды.

В основе столь неприемлемой для массы офицеров кадровой политики лежало негласное правило, согласно которому обязательным и едва ли не единственным условием успешного продвижения по службе и назначения на командные должности было окончание Высшей военной школы (*Scuola Superiore di Guerra*) — аналога российской Николаевской академии Генерального штаба. Те, кто не имел диплома о ее окончании, упирались в своего рода непробиваемый «стеклянный потолок». Из выпускников Высшей военной школы формировалась чрезвычайно небольшая элитная прослойка. С 1900 по 1910 г. их численность на действительной службе (помимо генералов) колебалась от 119 до 161 человека, что составляло немногим более 1% от общего числа итальянских офицеров². Миллер с негодованием критиковал этот порядок, воспроизводя и развивая аргументы итальянских сторонников обновления

Логически эта система тоже не выдерживает критики, так как ни знания, удостоверенные дипломом 30 лет тому назад, ни вся последующая служба, проведенная почти исключительно в канцеляриях, не могут являться ручательством за выдающийся командный талант; наконец, с точки зрения общих интересов армии этот порядок оказался вреден, так как он способствовал распространению уныния, апатии и неудовольствия в массе офицеров. Афоризм Суворова о плохом солдате, не надеющемся быть генералом, нашел себе яркое подтверждение в итальянских офицерах. Справедливости предоставления офицерам генерального штаба некоторых преимуществ по службе никто не оспаривает, но реформаторы желают поставить дело так, чтобы

каждый офицер, и не служивший в генеральном штабе, мог быть уверенным, что достигнет высоких и даже высших ступеней военной иерархии, ежели докажет, что он этого достоин, так как успешное окончание академии не может считаться необходимым, а тем более единственным условием для этого. Поэтому производство в офицеры и назначение командирами частей от полка и выше должно быть для всех офицеров равно обусловлено известными испытаниями, практическими и теоретическими, которые бы воочию доказали и убедили всех, что данный офицер имеет основание считаться достойным занять столь высокую и ответственную должность³.

По мнению Миллера, устранение жестких искусственных барьеров в продвижении по службе вернет офицерам профессиональную мотивацию и поднимет дух армии: им

останется только работать и работать, если они желают двигаться по службе и чувствуют себя способными занимать ответственные должности; одновременно восстановится утраченное доверие младших к старшим, так как они в них будут видеть не случайно, вследствие академического диплома, назначенных начальников, а действительно всеми признанных лучших офицеров армии; исчезнет рознь между офицерами, так как младшие будут видеть в старших не привилегированных людей другой отдельной касты, а будущих самих себя. Наконец, что самое важное, действительно будет больше гарантий, что на высших командных должностях будут всесторонне знающие свое дело и умеющие с ним справиться. Конечно, и при этих условиях большинство высших командных должностей будет очевидно занято бывшими офицерами генерального штаба, но никто не в праве будет претендовать на это, так как высокое положение в армии даст им не диплом, а те знания, которые они вынесли из академии и которые они за свою продолжительную службу сумели сохранить и развить вместе с другими качествами, необходимыми для начальника⁴.

По словам Миллера, большой популярностью среди младших офицеров стал пользоваться капитан Фабио Ранци — редактор основанной в 1903 г. частной газеты «*Il pensiero militare*» («Военная мысль») ⁵. В газете жестко критиковалась политика военной администрации, на ее страницах доказывалась необходимость скорейших реформ в армии, одной из главных тем обсуждения Ранци избрал офицерский вопрос. О популярности и востребованности «*Pensiero militare*» в военной среде говорит то, что к 1907 г. на нее было подписано порядка двух тысяч офицеров — т. е. приблизительно 1/6 часть от их общей численности в итальянской армии⁶.

¹ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 126 (Переписка с канцелярией военного министерства, Главным военно-медицинским управлением, Главным штабом). Л. 72 об.

² *Cristante M, Lorenzini J. Planned War and Actual War: General Staff Officers, Junior Officers and Non-Commissioned Officers of the Italian Royal Army // The First World War: Analysis and Interpretation. Newcastle upon Tyne, 2015. P. 242.*

³ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 126. Л. 73–74.

⁴ Там же. Л. 74 об.

⁵ Там же. Л. 75.

⁶ *Gooch J. Army, State and Society in Italy, 1870–1915, New York, 1989. P. 125. Примечательно, что Ранци принялся издавать газету такого направления, находясь на дей-*

С именем Ф. Ранци связан эпизод, который Миллер преподносит в качестве кульминации противостояния вокруг реформ. В 1907 г. Ранци посетил большие маневры итальянской армии. Присутствовавшие на них журналисты решили устроить банкет в честь гонимого коллеги. В мероприятии, носившем характер политической демонстрации, приняли участие многие офицеры и в их числе капитан генштаба Лодовико Амброзини, которому было поручено сопровождать представителей прессы на маневрах. После этого в одной из крупнейших итальянских газет — «Il Giornale d'Italia» — было опубликовано открытое письмо Амброзини, в котором он разъяснил свое отношение к деятельности Ранци и реформаторской повестке. Полковник Миллер перевел письмо Амброзини и поместил важнейшие выдержки из него в приложении к своему отчету. Амброзини безапелляционно высказался в пользу скорейших преобразований:

Мое личное убеждение насчет настоящего положения вещей, поскольку <так в тексте — *А. Ф.*> оно касается духа армии, души армии — *l'âme de l'armée* — звучит ясно: «Или радикально преобразоваться, или погибнуть»⁷.

Амброзини описывал проблему в терминах борьбы между старым (традиционным) и новым (современным) порядком. Традиции итальянской армии, уходящие корнями в историю Пьемонта, вступали в противоречие с требованиями новой эпохи:

Большая сила, сознательная, не скрытая, как раньше, пробивается особенно с младших ступеней иерархии, сила, знающая, чего она хочет, не допускающая компромиссов в тех переменах, которых она добивается и которыми новое современное общество — *la sociale moderne* — должно наделить свое органическое детище — народную армию. <...> В военных сферах все резче проявляются два течения, к сожалению, противоположные, причины известны: глубокое различие в культуре, чувствах, программе парализует самые элементарные командные и иерархические отношения, подрывает дисциплину в ее основе, уничтожает то единство усилий, без которого наша армия перестает быть организмом. Между обоими течениями идет естественно ожесточенная борьба: с одной стороны, старинная система, действующая

ствительной службе. В 1904 г. за свои публичные высказывания он подвергся преследованиям со стороны начальства и был выдворен из армии. Предлогом послужил его отказ принять вызов на дуэль от старшего офицера. Закон был на стороне Ранци — он не имел права участвовать в поединке с вышестоящим лицом, но военный суд признал его поступок несовместимым с офицерской честью. Ранци был отстранен от службы с лишением чина. Однако итальянские законы давали возможность обжаловать приговор в высшем судебном учреждении — Государственном совете. Через четыре года Ранци выиграл апелляцию и был восстановлен на службе. (Ibid).

⁷ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 126. Л. 77 об.

до сих пор; с другой — новые утопические вожелания все возрастающего числа офицеров. Холодность и недоверие вселились между обоими лагерями: против старинных традиций, непреклонно упорствующих, встает разум; против привилегий, больших и малых, грозно встает образ необходимого обновления и вера в него; из сострадания к отечеству необходимо, чтобы этот конфликт был разрешен возможно скорее, как острая болезнь. Без сердечного расположения, без полного взаимного доверия нет дисциплины, нет сильного организма, нет армии такой, какой страна ее любит и хочет видеть, тратя на нее такие большие средства⁸.

Амброзини выразил сочувствие публичной деятельности Ранци и назвал программу преобразований, которую отстаивала его газета «здоровой, приемлемой и возвышенной»⁹.

Как рассказывает Миллер, этот случай вызвал большой резонанс. Итальянские военные власти незамедлительно и жестко отреагировали на выступление в печати капитана Амброзини. Он был освобожден от занимаемой должности и отправлен в бессрочный отпуск с половинным содержанием. По мнению Миллера, наложенное на Амброзини взыскание свидетельствовало о том, что итальянское военное министерство «не только не желает считаться с настоящим острым положением офицерского вопроса, но и не допускает, чтобы офицер мог публично высказываться о нем»¹⁰. В свою очередь, столь радикальный демарш офицера, которому военное начальство доверяло настолько, чтобы поручить ему общение с прессой, с точки зрения Миллера, служил ярким показателем глубины кризиса, охватившего итальянскую армию¹¹.

Российский военный агент несколько упрощал ситуацию, сводя требования недовольных к установлению в армии подлинной меритократии: «Последние два месяца не было газеты в Италии, где бы ни обсуждался вопрос о “модернизме в армии”»; это, конечно, вовсе не содействовало разъяснению вопроса, что же именно нужно понимать под словом “модернизм”; но, в конце концов, ежели откинуть всю массу праздной болтовни и несуразных громких фраз за и против, то модернизм в области офицерской неурядицы сведется к разрешению вопроса о наилучшем способе отбора действительно достойных лиц»¹². Прямолинейно отбрасывая «праздную болтовню», полковник Миллер как бы схватывал суть явления, однако в действительности он игнорировал широкий со-

---

⁸ Там же. Л. 78 и об.

⁹ Там же. Л. 79.

¹⁰ Там же. Л. 74 об. — 75.

¹¹ Там же. Л. 75.

¹² Там же. Л. 73 об.

циально-политический контекст происходивших процессов. Во многом это заметно уже по приводимому им посланию Амброзини.

Поражение от войск абиссинского императора Менелика в битве при Адуа в 1896 г. послужило началом тяжелого периода в истории итальянской армии. Не меньшим был негативный эффект от участия армии в подавлении внутренних беспорядков, всплеск которых пришелся на последние годы XIX столетия. Неоправданно жестокие и некомпетентные действия войск под командованием генерала Бава-Бекариса в ходе разгона демонстраций в Милане в 1898 г. привели к распространению массовых антивоенных настроений. Взаимное отторжение армии и населения лишь усиливалось в последующие годы, по мере того, как войска все чаще привлекались для содействия полиции¹³.

Отправление полицейских функций отвлекало армию от решения первоочередных задач, понижало и без того невысокий уровень подготовки личного состава, а, главное, уничтожало престиж профессии в глазах самих военных, вынужденных открывать огонь по безоружным демонстрантам вместо защиты международных интересов государства. В свою очередь, требовавшее колоссальных затрат и растянувшееся на долгие годы перевооружение артиллерии скорострельными орудиями рельефно продемонстрировало чрезвычайную неэффективность аппарата военного ведомства и обернулось большим скандалом, когда выяснилось, что чины министерства получали взятки от представителей фирмы Круппа¹⁴. Общественное доверие было окончательно подорвано. И в мае 1907 г. в связи с новыми требованиями генералов об экстраординарных финансовых вливаниях для ревизии военных расходов и изучения положения дел в армии была создана парламентская «Комиссия 17-ти». Через полгода результатом ее работы стала беспрецедентная мера — назначение на пост военного министра гражданского лица, члена комиссии сенатора Северино Казана. В столь радикальном шаге как нельзя лучше отразилось отношение политиков и их избирателей к военной верхушке¹⁵.

На этом фоне при крайне неблагоприятной внешней обстановке в военной среде развивались множественные внутренние конфликты. Все далеко не ограничивалось борьбой с привилегированным положением «касты» генштабистов. Призывы к модернизации затрагивали самые различные стороны военной жизни. К примеру, в Италии продолжало действовать архаичное правило, согласно которому офицеры могли вступать в брак, лишь имея определенную установленную законом сумму годового дохода. Нормы были таковы, что обзаведение семьей

фактически стало привилегией начальства — для большинства младших офицеров женитьба была по закону недоступна. Они массово заключали браки, невзирая на предусмотренные дисциплинарные взыскания, но неуступчивые военные власти смягчали «брачный ценз» медленно¹⁶.

Еще со времен Рисорджименто итальянская армия испытывала дефицит квалифицированных кадров. Для пополнения широко применялось производство унтер-офицеров. Профессиональный уровень этих офицеров — выходцев из солдатской массы, не получавших даже минимальной подготовки в специализированных заведениях — мягко говоря, не соответствовал требованиям времени. При этом они стабильно заполняли около трети (а затем четверти) офицерских вакансий в пехотных и кавалерийских частях¹⁷.

Вместо изыскания способов повышения уровня подготовки личного состава и привлечения в армию представителей образованных слоев, военное министерство проводило политику дискриминации получавших офицерские звания бывших «унтеров». Они как бы не считались полноценными членами офицерской корпорации. Если выпускники немногочисленных военных училищ имели хотя бы минимальные шансы занять должность выше батальонного командира, то для бывших унтер-офицеров они приближались к нулю. Наглядным показателем дискриминации являлось отсутствие у выслужившихся из низов избирательных прав наравне с рядовыми, тогда как их товарищи — кадровые офицеры могли свободно голосовать¹⁸.

Все это раскалывало офицерский корпус изнутри, приводило к недовольству и многочисленным столкновениям, оставлявшим интересы службы на заднем плане. Дисциплина дополнительно расшатывалась тем, что по итальянским законам военнотружущие имели право оспаривать многие решения командования в гражданских судебных инстанциях.

Даже более серьезной проблемой, чем низкий уровень профессионализма и служебной мотивации офицерства, было отсутствие общенационального гражданского патриотизма и представлений о воинском долге у большей части рядового состава. Военная служба воспринималась населением бедной аграрной страны как тяжелая повинность. Призывная кампания 1904 г., вопреки заведенному порядку пришедшаяся на разгар сельскохозяйственных работ, была отмечена массовыми волнениями¹⁹. Антимилитаристская пропаганда социалистических партий ложилась на благодатную почву. В том же году мобилизованные на маневры ре-

¹⁶ Ibid. P. 62, 124.

¹⁷ Cristante M., Lorenzini J. Op. cit. P. 240.

¹⁸ Ibid. P. 244.

¹⁹ Herrmann D. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1997. P. 104.

¹³ Cristante M., Lorenzini J. Op. cit. P. 243.

¹⁴ Gooch J. Op. cit. P. 119–121.

¹⁵ Ibid. P. 129.

зервисты устраивали демонстрации с пением «Интернационала». Беспорядки в лагере резервистов в 1906 г. едва не закончились линчеванием офицеров²⁰.

Помимо этого, координация действия между военным ведомством и иными правительственными инстанциями находилась на очень низком уровне. Военное руководство фактически не принимало участия в выработке внутре- и внешнеполитического курса государства. Как следствие, армия оказалась дважды (в Эфиопии, а затем в Ливии) вовлечена в колониальные авантюры, к которым она была совершенно не подготовлена.

Все это в большей степени отражало военную отсталость Италии, нежели недостаток стратегических коммуникаций и нехватка новейших вооружений. Модернизаторская повестка включала в себя требования профессионализации и унификации офицерского корпуса, замены устаревших норм и принципов организации, унаследованных от времен господства аристократии, выработки единой военно-стратегической доктрины государства. Важнейшим пунктом был также переход к территориальной системе комплектования войск, который позволил бы значительно ускорить мобилизацию и (в теории) повысить боевой дух частей. Однако в итальянских условиях эта мера вызвала обоснованные опасения.

Парламентская «Комиссия 17-ти» на протяжении нескольких лет изучала положение дел в армии, собирая данные в том числе через опросы офицеров различного ранга. Выработанные ей рекомендации легли в основу реформ, осуществленных военным министром Спингарди в 1909–1913 гг. Был увеличен размер жалования офицеров; лейтенантов, прослуживших 15 лет, стали автоматически производить в капитаны; постепенно внедрялась процедура экзаменации кандидатов на занятие командных должностей²¹. Реформы Спингарди стали шагом вперед, поскольку на протяжении многих лет не делалось практически ничего, но, в целом, они носили скорее паллиативный характер. Консерватизм, инертность и мешающая проведению четкого единого курса разобщенность итальянской военной элиты привели к тому, что даже весьма ограниченные реформы смогли осуществиться лишь после масштабного вмешательства парламента. К началу Первой мировой войны положение итальянских вооруженных сил радикально не изменилось. При сохранении массы внутренних проблем не было преодолено отчуждение между армией и населением, между военным руководством и политической элитой.

Примечательно, что российский военный агент явно сочувствовал итальянским сторонникам реформ, тогда как, например, его французский коллега, комментируя дело Ранци, писал, что итальянцы «по расовым при-

чинам» лишены дисциплины и всего того, что французы называют «военным духом», а их офицеры напоминают обыкновенных чиновников²².

С высокой долей уверенности можно утверждать, что копия рапорта Миллера оказалась среди бумаг СГО, поскольку описываемые в нем явления были во многом свойственны и Русской армии. К сожалению, неизвестно, обсуждалось ли содержание рапорта на заседаниях Совета. Однако едва ли могут быть сомнения в том, что полковник Миллер, говоря о проблемах итальянской армии, держал в уме хорошо знакомую российскую ситуацию.

Офицерский корпус российской армии страдал от схожих проблем. Неоднократно ставился вопрос о недостаточности жалования офицеров от подпоручика до командира батальона. Ober-офицерские оклады в российской армии (во всяком случае, до повышения 1909 г.) были одними из самых низких в Европе²³. И в России нормальное течение армейской жизни нарушалось тем, что на войска в колоссальных масштабах возлагались полицейские функции²⁴. «Он <военный министр — А. Ф.> не хозяин у себя дома, в армии, в военном ведомстве. Его генералами, его офицерами, судами и войсками распоряжается министерство внутренних дел»²⁵ — в 1905–1907 гг. были основания для таких заявлений. Воинские части, хотя и в меньших масштабах, но систематически привлекались для содействия полиции и в последующие годы.

В свою очередь, преимущества гвардейцев и выпускников Академии Генерального штаба (как причисленных к генштабу, так и окончивших академию «по второму разряду») ограничивали карьерные возможности строевых офицеров. По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, офицер генштаба в мирное время мог получить полк в среднем через 15–17 лет службы, тогда как строевому офицеру без академического диплома для этого требовалось никак не менее 25 лет²⁶. Согласно П. А. Зайончковскому, служба в ober-офицерских чинах иногда могла продолжаться более 30 лет²⁷.

²² *Herrmann D.* Op. cit. P. 104.

²³ В Италии увеличение жалования было одним из главных требований низшего офицерства, хотя там проблема однозначно стояла не так остро, как в России. По размерам денежного содержания офицеров Италии опережала не только Россию, но также Францию и Австро-Венгрию, уступая лишь Германии (*Gooch J.* Op. cit. P. 175).

²⁴ *Fuller W.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, 1985. P. 129–169.

²⁵ Военный голос. 1906. 4 июля.

²⁶ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 183.

²⁷ *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903 гг. М., 1973. С. 187.

²⁰ Ibid.

²¹ *Gooch J.* Op. cit. P. 135–136.

По его же данным, доля лиц с высшим военным образованием на должностях, начиная с командира полка, постепенно увеличивалась²⁸.

Однако академический диплом еще не являлся гарантией высокого профессионализма и наличия адекватных эпохе навыков управления войсками. Офицеров генштаба часто упрекали в том, что они превращались в канцеляристов, военных чиновников и за бумажной работой забывали то, чему их учили. «Сердце болит, когда видишь Божий дар, тонущий в чернилах, растворяющийся в канцеляриях», — сокрушался по этому поводу генерал Н. Д. Бутовский²⁹.

После Русско-японской войны возникли вопросы и к качеству образования в Николаевской академии генштаба. Основные претензии заключались в том, что слушатели академии получали неудовлетворительную тактическую подготовку. Как потому, что в академии преподавались принципы стратегии и тактики, выработанные еще в наполеоновскую эпоху, так и в силу неразвитости системы практической отработки и закрепления полученных навыков³⁰. Отмечено в литературе и отсутствие у российских солдат-крестьян представлений о национальных интересах, воинском долге населения и патриотизма в современном понимании — принципиально важных факторов морали армии XX в.³¹

Если «академические» привилегии все же обозначали движение в сторону профессионализации, то сторонником ликвидации гвардейских привилегий был даже военный министр А. Ф. Редигер. Однако, по его словам, поставить этот вопрос перед императором было абсолютно невозможно³². Между тем, все сильнее давало о себе знать раздражение непривилегированного офицерства. В 1905 г. обсуждение военных проблем вылилось на страницы гражданской печати. В частности, «Русь» А. А. Суворина силами публициста Н. Кириллова развернула кампанию за реформу генштаба и устранение всяких служебных привилегий в армии³³. «Привилегии, которые дает значок академии — <...>

²⁸ Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 44.

²⁹ Русский инвалид. 1905. 3 июня.

³⁰ Steinberg J. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, 2010. P. 159–163.

³¹ Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Vol. I. Princeton, 1980. P. 36–41.

³² Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. Т. 2. М., 1999. С. 62.

³³ Под псевдонимом Николай Кириллов в «Руси» печатался А. Н. Острогорский — военный педагог, многолетний редактор «Педагогического сборника», издававшегося при Главном управлении военно-учебных заведений. Однако то, что Острогорский служил по Военному ведомству и носил генеральские погоны не мешало оппонен-

большое зло, привлекающее в ряды академиков людей карьеры и личной выгоды, а не любви и преданности делу», — писал Кириллов³⁴.

Ему вторил автор, подписавшийся «Ген. шт. ген-от-инф. А.», претендуя на статус авторитетного эксперта: «Всякое преимущество <...>, приобретаемое на школьной скамейке, само по себе нерационально и вредно. Такое предположение вопроса о степени годности молодого человека для практической деятельности в гражданском быту смешно и вредно, а в военной жизни убийственно глупо»³⁵. Еще один привлеченный Кирилловым эксперт — «генерал-майор Н.» — повторял весьма спорную мысль: для того, чтобы привлечь в академию генштаба действительно достойных претендентов, ее выпускников следует лишить всяких служебных преимуществ³⁶.

В «Русском инвалиде» появился ответ Кириллову и его единомышленникам. Автор защищал привилегии и полагал, что их прочным обоснованием станет попадание в гвардию и генштаб действительно лучших офицеров, однако не указывал способов достижения этой цели: «Что в гвардию и Генеральный штаб попадают не самые выдающиеся офицеры — возможно. Поэтому можно обсуждать, как изменить комплектование как первой, так и второго, как лучше разрешить этот вообще очень трудноразрешимый вопрос. Но проповедовать о совершенном уничтожении гвардейского и академического преимуществ неосновательно и опасно»³⁷.

Но активнее всего против гвардейских привилегий выступала газета «Военный голос», близкая по функции к итальянской «Pensiero militare». Российская газета с самого начала также стала площадкой для критики военных властей по самым разным вопросам. Анонимный автор поставил проблему следующим образом:

У нас продолжают делить офицеров на белую и черную кость: первой почет и быстрое восхождение по служебной лестнице, второй же — печальное прозябание у подножия этой лестницы. Одним из главных факторов такого во всех отношениях ненормального положения вещей является громадное и, при том, ничем необоснованное преимущество, в виде лишнего против своих армейских сверстников чина, которым пользуются гвардейские офицеры <...> Таким образом, гвардия является как бы кастой, члены которой цепко держатся за свои традиции, воспрещающие им принимать в свою

там по вопросу о военных реформах считать его дилетантом, не знающим ни строя, ни службы офицеров генштаба. См.: Русский инвалид 1905. 22 марта; 3 июня.

³⁴ Русь. 1905. 4 апреля.

³⁵ Там же. Под «преимуществами, приобретаемыми на школьной скамье», он, помимо академического диплома, имел в виду и «гвардейские баллы».

³⁶ Там же.

³⁷ Русский инвалид. 1905. 13 апреля.

среду «посторонних» офицеров, и за свою привилегию — делать карьеру «не в пример прочим»³⁸.

Другой автор верно объяснял невозможность ликвидации гвардейских привилегий при тогдашнем строе тем, что гвардия являлась опорой трона и в очередной раз доказала свою приверженность монархии во время революции: «“заслуги” гвардии таковы, что ими можно вполне *объяснить* <выделено в тексте — *А. Ф.*> сохранение и преувеличение гвардейских прерогатив, но никогда нельзя эти прерогативы *оправдать* <выделено в тексте — *А. Ф.*>, а, следовательно, нельзя доказать ими право на сохранение в будущем различий и преимуществ, столь обидных для нашей армии, столь несвойственных ее демократическим тенденциям»³⁹. В еще одной статье была обозначена тема негативного политического влияния гвардии на армию: «Теперь, когда в тяжелое переживаемое родиной время из рядов гвардии раздается голос, что она является политической партией, стоящей на страже одного лишь монархизма, да и то из-за личных выгод, пора признать, что гвардия вредна для армии не только своими привилегиями, но и политическими стремлениями, вносимыми в ряды “великой молчаливицы”»⁴⁰.

В «Военном голосе» не раздавалось призывов к ликвидации привилегий «академиков», но это совсем неудивительно — ядро сотрудников газеты составляли молодые генштабисты. Если «*Pensiero militare*», несмотря на раздражение итальянских военных властей, продолжала выходить долгие годы, то издание «Военного голоса» было прекращено в административном порядке уже через восемь месяцев после начала. В этом наглядно обнаруживается разница между российскими и итальянскими политическими реалиями.

В завершение следует сказать, что практика назначения генштабистов на строевые должности (помимо отбытия ценза) получила распространение как в России, так и в Италии по причине низкого образовательного уровня обер-офицеров и армейских строевых начальников. Офицеры генштаба рассматривались, в первую очередь не как специалисты с конкретными задачами, а как профессионалы и знатоки военного дела вообще, проводники прогресса и достижений военной науки. Такой подход препятствовал консолидации усилий корпуса офицеров генштаба и адекватному применению их навыков, затрудняя появление в обеих армиях структур, по функциям, а, главное, значению сопоставимых с германским Большим генеральным штабом.

³⁸ Военный голос. 1906. 19 февраля.

³⁹ Там же. 16 мая.

⁴⁰ Там же. 29 июня.

Недовольству строевых офицеров, обусловленному узостью карьерных перспектив и неприязнью к элитным группам, в обоих случаях сопутствовало требование повышения профессионализма личного состава и модернизации военных институтов. И в России, и в Италии оно не столько исходило от самих «строевиков», сколько было вызвано их невысоким относительно современных требований уровнем подготовки и профессиональной мотивации. В целом представляется возможным говорить о том, что итальянская и российская армия переживали во многом схожие явления кризиса модернизации.

Список литературы

- Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903 гг. М., 1973.
- Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998.
- Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики советов 1917–1920 гг. М., 1988.
- Cristante M, Lorenzini J. Planned War and Actual War: General Staff Officers, Junior Officers and Non-Commissioned Officers of the Italian Royal Army // The First World War: Analysis and Interpretation. Newcastle upon Tyne, 2015.
- Fuller W. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, 1985.
- Gooch J. Army, State and Society in Italy, 1870–1915. New York, 1989.
- Herrmann D. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1997.
- Steinberg J. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, 2010.
- Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Vol. I. Princeton, 1980.

Anton Yurevich FOMIN

M. A. in History, graduate student, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: a.fomin1511@gmail.com

Officer question in Italy in the Reports of Colonel E. K. Miller: Struggle for the Abolition of Privileges in the Russian and Italian Armies

The article attempts to investigate issues, which both Russian and Italian armies faced at the beginning of the twentieth century. The report made by colonel of the general staff E. K. Miller, who has been serving as a Russian military agent in Rome from 1901 to 1907, found in the Russian State Military History Archive, is a starting point of my research. Miller's report observes major conflicts of interest inside Italian officer corps, which affected the whole army's condition. The works of contemporary scholars support Miller's observations, thus they might be used to draw some parallels between distinctive features of development of the Russian and Italian armed forces at the turn of XX century.

Keywords: E. K. Miller, Italian army, Russian army, general staff, guards, *Voennyi golos*, *Il pensiero militare*.

УДК 94 (47).083
ББК 63.3 (2) 523

Анатолий Евгеньевич САФАЕВ

библиотекарь, отдел газет Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: safaev.ae@gmail.com

НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ АВИАЦИИ. 1910–1911 гг. ХРОНИКА СОБЫТИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ¹

Статья посвящена начальному периоду истории российской авиации — с 1910 по середину 1911 г. Предметом рассмотрения является материал, содержащийся в публикациях отдела хроники ведущих российских газет. Анализ этого материала позволяет увидеть, что интерес к авиации был продиктован, главным образом, возможностью ее применения в военных целях.

Ключевые слова: отдел воздушного флота комитета по усилению флота на добровольные пожертвования, Императорский всероссийский аэроклуб, Первая международная воздухоплавательная выставка, Первая показательная выставка, Первый всероссийский воздухоплавательный съезд, Всероссийский воздухоплавательный союз, 2-я международная авиационная неделя, московская авиационная неделя, перелет Петербург-Москва, авиационная разведка, авиация в военных маневрах.

В 1904 году в России был создан и высочайше утвержден комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования. За время существования комитета с его основания до середины 1909 года на собранные средства было построено 18 минных крейсеров и 4 подводные лодки. К июлю 1909 г. в распоряжении комитета оставалось около 3 миллионов рублей, которые было решено направить на строительство 36-узлового турбинного минного крейсера и подводной лодки. Но так как «тип лодки не был ещё окончательно выработан, то заказ в то время не состоялся»².

В том же июле случилось знаковое событие, давшее толчок развитию в России авиации: французский авиатор Луи Блерио на моноплане своей конструкции перелетел пролив Ла-Манш. Председатель комитета по усилению флота на добровольные пожертвования его императорское высочество великий князь Александр Михайлович об этом сказал так: «С этой минуты то, к чему стремились в продолжение столетий и что считалось достижимым в далеком будущем, совершилось на наших гла-

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

² Воздушный флот // Вечерний Петербург. 1910. 4 февраля.

зах; не могло быть сомнений, что воздух побежден, что будущее принадлежит воздушным кораблям. <...> Следя за поразительными успехами полетов аппаратов тяжелее воздуха, я пришел к глубокому убеждению, что не в далеком будущем та страна, которая первая будет обладать воздушным флотом, будет непобедима в будущей войне»³.

Великий князь решил «предложить комитету обсудить вопрос о возможности ассигновать на воздушный флот сумму, предназначенную на постройку подводной лодки»⁴, и в сентябре поручил своему заместителю, ввиду собственного отсутствия в Санкт-Петербурге, провести на общем собрании голосование «об употреблении оставшихся в распоряжении комитета 880 000 рублей на постройку воздушного флота»⁵.

Несмотря на то, что данная сумма не являлась собственно пожертвованием, а была всего лишь остатком от процентов, образовавшихся от хранения собранных денег в банках, комитет посчитал себя не в праве использовать эти средства иначе как на постройку военных судов. В голосовании, состоявшемся в октябре того же года, принимало участие всего 20 членов комитета из 100, предложение было отклонено 13-ю голосами. Тогда Александр Михайлович решил вынести этот вопрос повторно на обсуждение комитета, на котором будет присутствовать большее количество его членов, но прежде он обратился через газеты к жертвователям: «Я прошу всех жертвовавших на усиление флота — войсковые и морские части, учреждения, общества, дворянские собрания, земства, городские управления и частных лиц — высказать в двухнедельный срок письмами на мое имя в Петербург, признают ли они соответствующим нуждам нашей родины использовать в настоящее время имеющиеся в распоряжении комитета суммы на создание русского воздушного флота»⁶.

30 января 1910 года под председательством великого князя Александра Михайловича состоялось историческое общее собрание особого комитета по усилению военного флота России на добровольные пожертвования. Александр Михайлович произнес речь, в которой, в частности, сказал: «Я слышал, что создание воздушного флота есть дело правительства, что пожертвования на флот шли в годину войны, когда каждый был рад принести посильную жертву на престол отечества. Господа, но разве вы считаете, что мы живем в мирное время? Посмотрите на Запад и Восток. Никогда ещё так лихорадочно не готовились к войне. <...> Горе той стране, которая не готовится к войне, которая не прилагает всех усилий

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ В. кн. Александр Михайлович. Создание воздушного флота // Вечерний Петербург. 1910. 13 января.

⁶ Там же.

стать сильнее внешних врагов. <...> Посмотрите, что отвечают на мое обращение: все ответы за немногими исключениями — за воздушный флот; некоторые просят открыть подписку, готовы жертвовать. Слава Богу, русское общество вполне сознает необходимость воздушного флота. Нельзя медлить ни минуты»⁷.

Далее были представлены результаты ответов на обращение через газеты великого князя к жертвователям. После чего большинством голосов 30 против 3 инициатива председателя была одобрена.

«Общее собрание комитета приняло следующие положения: 1) оставшиеся в распоряжении комитета средства в сумме около 900 000 рублей обратить безотлагательно на создание воздушного флота; 2) испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на открытие повсеместного сбора пожертвований на указанную выше цель; 3) ныне же образовать в составе комитета отдел воздушного флота. При этом Его Императорскому высочеству благоугодно было изъявить согласие принять на себя председательствование в названном отделе, к работам в коем будут приглашены, кроме членов нынешнего состава комитета, и другие компетентные в деле воздухоплавания лица на правах членов комитета»⁸.

Великий князь действовал в духе идей докладов, прочитанных на собрании членов Совета министров, Государственного совета и Государственной думы по вопросам воздухоплавания, состоявшегося 13 декабря 1909 года в большом конференц-зале Академии наук в присутствии премьер-министра П. А. Столыпина. Всего было прочитано 4 доклада по обсуждаемой теме. Самым ярким стал доклад профессора Николаевской морской академии, академика, князя Б. Б. Голицына «Об общих директивах для правильной постановки дела воздухоплавания в России». «Основным тезисом доклада являлась мысль, что правительство само должно стать во главе дела воздухоплавания, в виду его важного государственного значения, для чего должен быть учрежден особый “комитет воздухоплавания”, с премьер-министром в качестве председателя во главе»⁹.

Надо заметить, что в то время Александр Михайлович не имел четкого представления о наиболее перспективном направлении развития воздухоплавания. В той же речи 30 января он сказал: «Воздушные корабли делятся на три типа: управляемые шары или дирижабли (легче воздуха), аэропланы (тяжелее воздуха) и, наконец, корабли, которые представляют нечто среднее между дирижаблем и аэропланом. Вероятно, этим последним и принадлежит будущее»¹⁰. Сейчас даже не представить, что

⁷ Воздушный флот // Вечерний Петербург. 1910. 4 февраля.

⁸ Там же.

⁹ Библиотека Воздухоплавания. 1909. Декабрь. №2. С. 3–5.

¹⁰ Воздушный флот // Вечерний Петербург. 1910. 4 февраля.

из себя представляет этот «третий тип». Вот ещё одно ошибочное его суждение: «Я глубоко убежден, что не пройдет и десяти лет, как водяной флот станет ненужным; бороться ему с воздушным не под силу, смысл его существования пропадет»¹¹.

Тем ни менее важный шаг был сделан. Ещё двумя годами раньше был сделан другой не менее важный шаг. Речь идет о создании Императорского всероссийского аэроклуба, который в дни, когда Александр Михайлович ещё только готовил свою речь для выступления на общем собрании комитета по усилению военного флота, а именно 16 января, уже праздновал вторую годовщину своего основания¹². Взаимодействие этих двух структур в дальнейшем станет залогом будущего успеха. И первым таким настоящим успехом стал прошедший на Комендантском поле в Санкт-Петербурге 8 сентября — 1 октября 1910 года Всероссийский праздник воздухоплавания, подробно описанный в другой статье¹³.

Нельзя не упомянуть и ещё об одной структуре, сыгравшей важную роль в направлении военного развития воздухоплавания. 10 января 1910 года по инициативе подполковника генерального штаба Одинцова был организован воздухоплавательный отдел при Обществе ревнителей военных знаний. Председателем отдела был избран член военного совета генерал от кавалерии Ставровский. Причина создания воздухоплавательного отдела очевидна: цели аэроклуба не вполне отвечают запросам военного общества. «Задачи аэроклуба широки, его деятельность обширна, но для военного общества он не может дать того, что ему всего необходимо, а именно практического изучения воздухоплавания применительно к военному делу»¹⁴. Задачи нового отдела были сформулированы следующим образом: «1) собирать и разрабатывать вопросы, связанные с практическим применением воздухоплавания для военных целей, и 2) предоставить возможность членам общества ревнителей военных знаний практически знакомиться с современными воздухоплавательными аппаратами и совершения на них подъемов и полетов»¹⁵.

К весне следующего года комитет воздушного флота сумел проделать огромную работу. 4 апреля 1911 года во дворце Великого Князя Александра Михайловича состоялось пленарное заседание комитета

¹¹ Там же.

¹² Со дня на день // Вечерний Петербург. 1910. 15 января.

¹³ Сафаев А. Е. Всероссийский праздник воздухоплавания 1910 г. по материалам российских газет // Военная история России XIX–XX веков: Материалы X Международной военно-исторической конференции 24–25 ноября 2017 г. СПб., 2017. С. 270–287.

¹⁴ Открытие воздухоплавательного отдела при обществе ревнителей военных знаний // Русский инвалид. 1910. 13 января.

¹⁵ Там же.

по усилению военного флота на добровольные пожертвования, на котором был утвержден доклад комитета воздушного флота. Из доклада видно вполне удовлетворительное для мирного времени финансовое положение комитета. Каждый месяц в него поступает около 17 000 рублей. На поступившие средства приобретено 38 аэропланов различных систем. Собрание утвердило положение о воздушных школах в Севастополе и Гатчине: «В севастопольской школе по-прежнему будет проходить общий курс. Офицеры, окончившие эту школу, получают звание летчиков-наблюдателей. В Гатчине главное внимание будет обращать на лучшую тренировку в управлении аппаратами. Окончившие эту школу офицеры получают звание военных летчиков»¹⁶.

1 мая на гатчинском аэродроме состоялось открытие нового авиационного отдела офицерской воздухоплавательной школы. После торжества открытия инструкторы отдела, подполковник С. А. Ульянин и штабс-капитан Григорьев, «в присутствии начальствующих лиц», приступили к обучению управлением аэропланами на аппаратах Фармана «10-ти прикомандированных к отделу офицеров переменного состава школы»¹⁷.

Большинство аппаратов, использовавшихся в этот период в России, представляли собой различные варианты конструкций монопланов Блерио и бипланов системы Фармана. Это было легко объяснимо. Во-первых, Франция являлась ведущей державой в плане конструирования и производства аппаратов тяжелее воздуха. Луи Блерио, например, начал строить аэропланы ещё в 1900-м году, постоянно совершенствуя свою систему, что позволило ему после неудачных первых десяти конструкций получить, наконец, удачный аэроплан №11, на котором он и совершил свой знаменитый перелет через Ла-Манш¹⁸.

Во-вторых, французам была предоставлена возможность проходить обучение русским авиаторам, в том числе и военным, в своих школах, одной из лучших которых была школа Блерио. В 1910 году во Франции из 354 выданных пилотских свидетельств 27 было выдано русским поданным¹⁹.

В-третьих, Франция не рассматривалась как потенциальный противник в возможной войне. Кроме того, почти все авиационные рекорды в 1910 г. установлены на аэропланах этих двух типов. Так, наибольшей

дальности непрерывного полета достигли во Франции Фарман на своем биплане с двигателем «Гном» (50 л.с.) — 463 км за 8 ч. 12 мин. 54 сек. и Табюто на «Фармане» с двигателем «Рено» (50 л.с.) — 584,2 км за 7 ч. 45 мин.; Леганье на моноплане «Блерио» с двигателем «Гном» (50 л.с.) сделал 575,9 км за 5 ч. 59 мин. Леганье на «Блерио» (двигатель «Гном» 50 л.с.) достиг наибольшей высоты — 3 250 м, уступив лишь показателю в Америке Хоксея на биплане «Райт» (двигатель «Райт» 30 л.с.) — 3 474 м. Самый высокий показатель скорости показал авиатор Барьер в Америке на «Блерио» с двигателем «Гном» (100 л.с.) — 140 км в час. Кроме того, один из рекордов с пассажирами так же принадлежал Блерио, который на своем моноплане (двигатель «Гном» 50 л.с.) с двумя пассажирами продержался в воздухе 1 ч. 38 мин. 20 сек²⁰. В России возможности Фарманов и Блерио великолепно продемонстрировали наши авиаторы на вышеупомянутом Всероссийском празднике воздухоплавания, где практически все полеты проходили на аэропланах этих систем.

И ничего удивительного нет в том, что на международной воздухоплавательной выставке, проходившей в Михайловском манеже в Санкт-Петербурге 10–27 апреля 1911 года, 8 золотых медалей из 18-и были получены Луи Блерио и братьями Фарман или производителями аэропланов на основе их систем. Так экспертная комиссия под председательством профессора Санкт-Петербургского политехнического института Поклевского присудила большие золотые медали Луи Блерио и Анри Фарману за труды по воздухоплаванию и конструкцию самолетов выдающихся качеств; малые золотые медали были присуждены: фирме «Режи» в Париже за исполнение самолетов системы Анри Фарман и за широкую постановку их производства, обществу завода «Альбатрос» (Германия) и английскому обществу «Бристоль» за прекрасное исполнение самолетов системы Анри Фармана и за широкую их постановку, петербургскому воздухоплавательному обществу «Пта» за конструкцию военного складного самолета системы Анри Фармана и за производство в России винтов для летательных аппаратов, товариществу «Авиата» за прекрасное исполнение самолетов системы Фармана и за широкое их распространение и, наконец, Морису Фарману в Париже за изготовление и оригинальное изменение конструкции самолетов системы Фармана²¹.

20 апреля 1911 года Луи Блерио приехал в Россию «для сдачи военному ведомству и отделу воздухоплавательного флота приобретенных

¹⁶ Хроника: В комитете по усилению воздушного флота // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 6 апреля.

¹⁷ Хроника: Открытие новой школы авиации // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 3 мая.

¹⁸ Г. Луи Блерио на воздухоплавательной выставке // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 23 апреля.

¹⁹ О дирижаблях и аэропланах // Газета для всех. 1911. 14 января.

²⁰ Иностранная военная хроника: Германия: Успехи авиации в 1910 году // Русский инвалид. 1911. 4 января.

²¹ Хроника: Награды на воздухоплавательной выставке // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 29 апреля.

у него монопланов, а также для переговоров об открытии в Петербурге отделения его школы авиации»²². Выдающегося конструктора и авиатора, приурочившего свой визит к проходившей воздухоплавательной выставке, организаторы выставки попросили прочесть лекцию о современном положении авиации и о задачах авиаторов в ближайшем будущем²³. 22 апреля Луи Блерио с эстрады, устроенной на выставке, поделился с собравшимися, а их набралось более трех тысяч человек, сведениями о своих работах по воздухоплаванию. Затем, перейдя с эстрады к своему экспонируемому аппарату, Блерио познакомил публику с его деталями и, сидя в моноплане, закончил свою лекцию некоторыми практически вопросами управления аэропланом в полете. Авиатор был удостоен восторженных оваций²⁴. На следующий день в помещении Императорского всероссийского аэроклуба состоялся банкет в честь Луи Блерио и его супруги. Присутствовали деятели российского воздухоплавания и члены совета аэроклуба во главе с председателем аэроклуба графом И. В. Стенбок-Фермором и его заместителем членом Государственной думы П. А. Неклюдовым²⁵.

Часть сбора с выставки в день выступления на ней Луи Блерио пошла в пользу семьи штабс-капитана Бронислава Витольдовича Матыевича-Мацеевича, погибшего 18 апреля вместе с братом Станиславом, мичманом эскадренного миноносца «Мощный», при крушении моноплана «Блерио» в Севастополе. Надо отметить, что Б. В. Матыевич-Мацеевич был в числе первых шести офицеров, отправленных во Францию для приемки приобретенных отделом воздушного флота аэропланов и обучению полетам на них. Практическое обучение управлению аэропланами он прошел как раз в По в школе авиации Луи Блерио. После возвращения из Франции штабс-капитан Матыевич-Мацеевич стал одним из героев первого Всероссийского праздника воздухоплавания, по окончании которого получил назначение инструктором севастопольской школы авиации отдела воздушного флота²⁶.

Особая комиссия севастопольской школы авиации во главе с ее начальником полковником С. И. Одинцовым, произведя исследование разбитого моноплана Блерио, пришла к заключению, что вероятной

причиной гибели авиатора и его брата был «разрыв стального троса, соединяющего крыло моноплана с аппаратом, посредством которого производится скашивание крыльев», вследствие чего «под влиянием порыва ветра летательный аппарат принял вертикальное положение»²⁷.

Таким образом, смерть братьев Матыевич-Мацеевич на моноплане «Блерио», как и в случае с гибелью семью месяцами ранее капитана Л. М. Мацеевича на «Фармане», явилась следствием конструктивных недостатков, а не ошибки пилотирования при планирующем спуске, как это предполагалось вначале. Действительно, много авиаторов гибли при выполнении планирующего спуска. Известен факт, что в день гибели братьев Матыевич-Мацеевич на заседании отдела воздушного флота обсуждались причины ряда катастроф, происшедших за минувшую зиму в Севастополе. «Собрание пришло к заключению, что главной причиной аварий является злоупотребление летчиков планирующими спусками. Поэтому, немедленно по окончании заседания отдела, начальнику севастопольской школы авиации полк. С. И. Одинцову была послана телеграмма о категорическом воспрещении всем военным летчикам совершать планирующий спуск, если в этом не оказывается крайней необходимости. Эта телеграмма из Петербурга разошлась в пути с другой из Севастополя, сообщавшей о гибели братьев Матыевич-Мацеевич»²⁸.

Статистика смертей на аэропланах по всему миру за 1910 год такова: при полетах на бипланах погиб 21 авиатор, в том числе в России капитан Мацеевич, на монопланах — 11 авиаторов²⁹.

Вопрос выбора оптимальной в смысле безопасности и надежности конструкции аэроплана в 1911 году стоял остро. Рассуждая на эту тему, газета «Русский инвалид» предполагает: «Форму аэроплана, как летательного прибора, нужно считать окончательно установившейся. Быть может в отдаленном будущем его и вытеснит какая-нибудь новая летательная машина, но теперь долго ещё человечество будет занято лишь усовершенствованием существующего материала. <...> Моноплан, по-видимому, приходится считать одной из самых устойчивых форм, причем все наиболее известные системы весьма похожи друг на друга, отличаясь только более или менее талантливыми деталями, характеризующими конструктора. Ньюпор, Моран, Блерио, Депердюссен, Реп, Этрих — имеют одинаковое расположение частей, что и может служить

²² Хроника: Приезд Блерио // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 апреля.

²³ Хроника: Блерио в Петербурге // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 22 апреля.

²⁴ Г. Луи Блерио на воздухоплавательной выставке // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 23 апреля.

²⁵ Хроника: Банкет в честь Луи Блерио // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 26 апреля.

²⁶ Шт.-кап. Б. В. Матыевич-Мацеевич // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 20 апреля.

²⁷ Хроника: К катастрофе с шт.-кап. Матыевичем-Мацеевичем // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 23 апреля.

²⁸ Хроника: К гибели шт.-кап. Матыевича-Мацеевича // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 апреля.

²⁹ Иностранная военная хроника: Германия: Успехи авиации в 1910 году // Русский инвалид. 1911. 4 января.

доказательством их продуманности. Корпус, обеспечивающий наименьшее сопротивление прониканию в воздух, мотор, расположенный впереди, а органы управления сзади. <...> Различные составляют органы для спуска (шасси) и конструкция крыльев»³⁰.

У бипланов вопрос с оптимальностью конструкции сложнее. Некоторые модели имеют расположение мотора и винта позади несущих поверхностей (как у «Фармана»), другие, как «Бреге», «Гупи», последняя модель «Реп», «Зодиак» — впереди. У последних «корпус обладает меньшим сопротивлением, а мотор, расположенный впереди, при неудачном спуске не обрушивается всей тяжестью на пилота, уменьшая этим число несчастных случаев»³¹. Открытым остается вопрос с расположением рулей высоты. Фарман использует только задние, Соммер — только передние, возможно и их сочетание. «Шасси у бипланов тоже весьма разнообразны, хотя большинство имеет прототипом конструкцию Фармана»³². Монопланы с винтом, расположенным сзади, тоже разрабатывались. Наиболее успешный — торпедообразный моноплан Татэна. Он интересен тем, что мотор у него скрыт в корпусе, а вращение передается винту при помощи кардана³³.

Автор статьи не указывает конкретно, на какую модель следует делать ставку, но делает несколько правильных выводов. Обеспечить безопасность полетов может внедрение технических новшеств, таких как, например, автоматические стабилизаторы, делающие полет более устойчивым. «Из появившихся недавно систем, нужно отметить стабилизатор Дутра, который автоматически управляет рулем высоты, пользуясь сопротивлением встречной струи ветра на особую пластинку. Увеличение или уменьшение давления на эту пластинку вызывает действие особого вспомогательного мотора, который при помощи сжатого воздуха перекладывает соответствующим образом руль высоты. На практике расчет оказался верным и аэроплан М. Фармана, снабженный этим стабилизатором, получил много преимуществ в смысле легкости управления»³⁴.

Сообщалось в прессе и об изобретении у нас подобного автоматического стабилизатора продольной устойчивости Н. А. Бенуа. Стабилизатор, состоящий из «добавочного крылышка, которое поднимается и опускается в зависимости от изменения встречного ветра <...>, связан тягами с рулем высоты, автоматически поворачивает последний для

моментального противодействия внезапным наклонам летательного аппарата», а «в случае остановки мотора сразу переводит аппарат на планирующий спуск»³⁵.

Возвращаясь к воздухоплавательной выставке, отметим, что, несмотря на непрерываемый авторитет братьев Фарман и Луи Блерио, а так же преобладание в авиапарке России их аэропланов, устроители выставки не стали делать из нее «праздник двух имен», убеждая себя и других в очевидности выбора, а попытались заполучить всё лучшее, что на тот момент было создано конструкторской мыслью разных производителей.

Россию на выставке представляли Русско-балтийский вагоностроительный завод, фирма «Ломач», объединенная с Петербургским товариществом авиации (ПТА) и варшавская фирма «Авиата». Русско-балтийский вагоностроительный завод экспонировал собранный в собственных мастерских биплан Соммера, успешно испытанный в Риге авиатором Смитом, гидроаэроплан инженера Гаккеля, не прошедший на тот момент испытания, и аэроплан инженера князя Кудашева, сильно напоминающий «Блерио»³⁶.

Варшавской фирмой «Авиата» было выставлено два аппарата — биплан «Авиата», построенный по типу «Фармана» и уже знакомый петербургской публике по Всероссийскому празднику воздухоплавания, и моноплан Этриха «Голубь» («Этрих-Таубе»). На родине в Австрии аппарат Этриха показал превосходные результаты³⁷ и принят австрийским, германским и итальянским правительствами как «нормальный тип»³⁸. Фирма «Ломач» взяла на себя представительство иностранных аэропланов и аппаратов «ПТА» русского производства. Биплан «ПТА» №1, составленный по чертежам полковника Ульянина, внешне напоминает «Фарман», но, благодаря переработке всех соединений, он стал портативным. «Разбирается аэроплан довольно просто — отстегиваются растяжки и, пользуясь шарнирным соединением стоек с плоскостями, эти последние складываются вроде гармонии. Этим достигается возможность в небольшой промежуток времени уменьшить все размеры аэроплана настолько, что он может быть помещен в любой просторный сарай»³⁹. Помимо того, что биплан «ПТА» быстро собирается и разбирается, он имеет на себе беспроволочный телеграф⁴⁰. Станция беспроволочного

³⁰ Эн-Ве. Итоги воздухоплавания за 1911 год (Авиация) // Русский инвалид. 1912. 1 января.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ На воздухоплавательной выставке // Газета для всех. 1911. 19 апреля.

³⁶ Antoinette. Воздухоплавание // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 17 апреля.

³⁷ Antoinette. Воздухоплавание // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 апреля.

³⁸ Внутренние известия // Русский инвалид. 1911. 11 мая.

³⁹ Antoinette. Воздухоплавание // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 апреля.

⁴⁰ На воздухоплавательной выставке // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 15 апреля.

лочного телеграфа функционирует, но в полете ещё не испытана⁴¹. Рядом экспонировался оригинальный биплан «Гупи», главной особенностью которого было вынесение верхней несущей поверхности несколько вперед, что дало возможность аппарату легко подниматься и прекрасно планировать, и это было подтверждено на практике.

Представлял интерес ещё один биплан — Луи Бреге. Конструктор постарался минимизировать лобовое сопротивление, в результате чего возросли скоростные возможности аппарата. Это было достигнуто благодаря металлической конструкции — всего 4 стойки и очень небольшое количество растяжек. Внешне он похож на моноплан, к которому приделана добавочная верхняя поверхность. Управление простое, благодаря особому штурвалу, и не теряется даже на земле, так как одно из трех колес может по желанию авиатора поворачиваться. А «это очень важно, так как много несчастных случаев происходит именно от потери управления после момента соприкосновения с землей, когда аэроплан, вследствие недостаточной скорости и вредных трений, перестает слушаться рулей»⁴². Помимо того, что биплан Бреге развивает скорость до 80 км/ч, он поднимает 6–7 пудов веса. «Во время одного из последних полетов на нем поднято было до 12 человек»⁴³.

Следующий экспонат, представленный фирмой «Ломач» — моноплан «Ньюпор». Особенность его конструкции в том, что авиатор вынесен значительно вперед, что увеличивает ему обзор, особенно при спуске, а специальный щит впереди несколько отклоняет струю воздуха от пропеллера в сторону от пилота⁴⁴.

Из аэропланов, присланных иностранными фирмами, самое почетное место занимает, естественно, последняя модель Блерио. Помимо своих летных качеств, этот аппарат обладает красотой форм и чистотой отделки. Рядом выставлен приз, который Блерио получил от французского президента — орел изящной работы с надписью: «Лучшему конструктору»⁴⁵.

Немецкие модели на выставке были представлены аэропланом Фармана, построенном на заводе «Альбатрос», и монопланом Harlan. Последний имел оригинальное шасси, двойное управление и механическое управление боковой устойчивостью⁴⁶. Эсло-Пельтри (REP) прислал 2 своих моноплана: «один не вполне собран и не обтянут материей, другой представлен в окончательном виде». К достоинствам монопла-

нов «РЕП» относят то, что ни одна из тяг, идущих к рулям, нигде не изгибается и не испытывает трения, что, как считается, предотвращает возможную катастрофу вследствие их разрыва.

Английская фирма «Бристоль», у которой наше Военное министерство купило несколько аппаратов, выставляла на выставке биплан Фармана собственного производства и моноплан, «имеющий сходство с Antoinette», но с другим шасси.

Отделом воздушного флота был выставлен моноплан Телье. Аппарат был не плохой, но рассматривать его подробно нет смысла, потому что на момент проведения выставки фирма уже не существовала, прогорев по экономическим причинам⁴⁷.

Важно, что после окончания выставки многие экспонировавшиеся аэропланы были перевезены на аэродром товарищества «Крылья», где авиатор В. А. Лебедев и некоторые другие авиаторы могли испытать их в полете. Большая часть выставившихся аппаратов осталась в России, будучи проданными «военному ведомству, отделу воздушного флота, а так же частным лицам»⁴⁸. 6 аэропланов, приобретенных военным ведомством, было отправлено в Гатчину для офицерской воздухоплавательной школы⁴⁹.

Выставка имела большой успех. В 2 часа дня 16 апреля её почтили своим посещением император Николай II и великие князья Кирилл Владимирович и Дмитрий Павлович. При входе в манеж их встречали великий князь Александр Михайлович, помощник военного министра генерал-лейтенант Поливанов, начальник главного инженерного управления инженер-генерал Александров, члены военного совета генералы от кавалерии Каульбарс и Ставровский, начальник офицерской воздухоплавательной школы генерал-майор Кованько и др. члены комитета выставки. Гости около трёх часов знакомились с экспонатами выставки, слушая пояснения Великого Князя Александра Михайловича, полковников Найдёнова и Ульянина, авиатора Лебедева, после чего, выразив своё удовольствие организаторам выставки, отбыли в Царское Село⁵⁰.

Интерес к воздухоплавательной выставке оказался настолько велик, что окончание выставки, которое должно было состояться 18 апреля, было перенесено на 27 апреля. Ради продления выставки организаторы выплатили 10 000 рублей отступного устроителям выставки собак,

⁴¹ Antoinette. Воздухоплавание // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 апреля.

⁴² Там же.

⁴³ Воздухоплавательная выставка // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 14 апреля.

⁴⁴ Antoinette. Воздухоплавание // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 апреля.

⁴⁵ Antoinette. Воздухоплавание // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 27 апреля.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Хроника: Присуждение наград на воздухоплавательной выставке // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 28 апреля.

⁴⁹ Хроника: Новые аэропланы // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 3 мая.

⁵⁰ Посещение Его Величеством воздухоплавательной выставки // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 17 апреля.

которые перенесли свою выставку на октябрь.⁵¹ Воздухоплавательная выставка дала русскому техническому обществу при валовом приходе 82 тысячи рублей около 25 тысяч рублей чистого дохода⁵².

А уже 7 мая там же в Михайловском манеже открылась Первая показательная выставка последовательного хода работ в различного рода производствах, устроенная Императорским всероссийским аэроклубом в пользу комитета по сбору пожертвований на создание воздушного флота. Посетители выставки, в частности, могли «ознакомиться с отдельными частями аэропланов в разобранном и собранном видах, а так же со всеми последовательными работами по их производству». Открывая выставку, председатель Императорского аэроклуба граф Стенбок-Фермор сказал: «Будучи в состоянии затратить несколько миллионов на покупку военных аэропланов, мы можем фактически оказаться не в состоянии купить их тогда, когда они нам понадобятся. Чтобы не оказаться лицом к лицу с таким фактом, мы должны развивать отечественную промышленность в деле постройки аэропланов, чтобы быть в состоянии самим строить их у себя дома и исправлять в случае поломки. В этом смысле только что открытая выставка, показывая все стадии производства аэроплана, заслуживает самого серьезного внимания»⁵³.

«Русский инвалид» о выставке написал так: «Не говоря уж про патристическую задачу самого аэроклуба, стремящегося создать необходимый для обороны Государства воздушный флот, устроенная им выставка должна способствовать твердой постановке дела выработки всего необходимого для постройки воздухоплавательных аппаратов в пределах нашего отечества; из русских материалов, русскими руками для русских летчиков должен строиться воздушный флот»⁵⁴.

Выставка проработала до 27 июня. В списке экспонентов, удостоившихся наград, большую золотую медаль от военного министерства получило «Первое российское товарищество воздухоплавания С. С. Щетинин и Ко»⁵⁵.

Параллельно с Первой международной воздухоплавательной выставкой с 12 по 17 апреля в Петербурге проходил Первый всероссийский воздухоплавательный съезд. Первоначально съезд имел своей главной целью ознакомление с современным состоянием науки и техники

в воздухоплавательном деле и выработку ближайших задач для научно-технических сил России в этой области⁵⁶. Открывал съезд великий князь Александр Михайлович, прибывший в сопровождении сыновей, заведующего дворцом капитана 1 ранга Шателена и адъютанта капитана 2 ранга Фогеля. На торжественном открытии в большой аудитории Соляного Городка присутствовали высшие чины военного, морского и др. ведомств, представители различных войсковых частей, всероссийского аэроклуба, ряда провинциальных воздухоплавательных и научных организаций, различных высших учебных заведений, военные и частные авиаторы. Всего прибыло около 600 делегатов. Председателем съезда был избран профессор московского университета Н. Е. Жуковский, товарищем председателя — полковник В. Ф. Найденов, секретарем — инженер Л. А. Розенцвейг. Было образовано 5 секций. Первая секция — летательные аппараты тяжелее воздуха (председатель инженер Н. А. Рынин). Вторая секция — аэростаты (председатель генерал А. Н. Кованько). Третья — двигатели и винты (председатель военный инженер С. А. Немченко). Четвертая — применение воздухоплавания в различных областях техники (председатель генерал К. Н. Ставровский). И пятая секция — организационные, административные и юридические вопросы (председатель генерал барон А. В. Каульбарс)⁵⁷.

Самым главным вопросом, обсуждавшимся на съезде, стал вопрос организации Всероссийского воздухоплавательного союза. Проект союза был разработан незадолго до начала съезда совещанием представителей русских воздухоплавательных организаций под председательством генерала барона Каульбарса. Инициатива исходила от Одесского аэроклуба и Московского воздухоплавательного общества. Предполагалось, что союз станет высшей воздухоплавательной инстанцией страны. Целью его будет, «не стесняя самостоятельности отдельных входящих в его состав организаций, оказывать возможное содействие развитию их деятельности, а так же защищать права союзных организаций и их членов в России и за границей. Во главе союза стоит совет, который ведет сношения с правительственными и общественными учреждениями, а так же с международной воздухоплавательной федерацией, избирает представителей России в состав бюро федерации, заведует выдачей пилотских дипломов и имеет контроль над устройством воздушных состязаний, национального и международного характера»⁵⁸.

⁵¹ Хроника: Воздухоплавательная выставка в Михайловском манеже // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 апреля.

⁵² Хроника: Итоги воздухоплавательной выставки // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 5 мая.

⁵³ 1-я показательная выставка // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 7 мая.

⁵⁴ Внутренние известия: Выставка аэроклуба // Русский инвалид. 1911. 8 мая.

⁵⁵ Хроника: Закрытие первой показательной выставки // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 29 июня.

⁵⁶ Хроника: Воздухоплавательная выставка и съезд // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 8 апреля.

⁵⁷ Всероссийский воздухоплавательный съезд // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 14 апреля.

⁵⁸ Хроника: Всероссийский воздухоплавательный союз // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 9 апреля.

Дебаты проходили 14 апреля. Было прочитано несколько докладов. Докладчик В. Ф. Найденов, выбирая между жесткой централизацией, как в Германии, и частичной централизацией, как во Франции, настаивал на немецком типе. А делегат С. С. Усов наоборот предлагал создать российский общий воздухоплавательный союз на начале децентрализации, на передаче части прав и полномочий на места. Все выступавшие в прениях признали объединение в союз желательным. Но некоторыми членами съезда было высказано мнение, что «проектируемая организация стремится умалить некоторые права, предоставленные аэроклубу», а, учитывая заслуги аэроклуба и его авторитет, предлагали объединение «воздушных обществ около аэроклуба, в виде особых делегаций»⁵⁹. Представители всероссийского аэроклуба ещё до съезда выражали «согласие на осуществление идеи союза лишь при условиях, если последнему будет принадлежать регламентация воздухоплавания только внутри страны. <...> Представительство же России в международных федерациях и конгрессах, а также право выдачи пилотских дипломов должны, по их мнению, по-прежнему принадлежать всероссийскому аэроклубу»⁶⁰. Хотя это публично не озвучивалось, но, в большой степени, это был вопрос перераспределения финансовых потоков.

Возвращаясь к вопросу создания воздухоплавательного союза все последующие дни съезда, делегаты приняли решение придать деятельности союза характер «подготовительного кадра летчиков на случай войны» и привязать выборы в союзное собрание к мобилизационным округам. Смешанная комиссия с учетом этого решения переработала проект устава и 17 апреля, в день закрытия съезда, он был в целом принят с признанием его действительным в течение 3-х лет. «Для осуществления проекта организации всероссийского союза избран особый комитет, в состав которого вошли: генерал барон Каульбарс, член Государственной думы П. А. Неклюдов, полковник В. Ф. Найденов и П. Н. Лебедеenko»⁶¹.

Из других итогов работы съезда отметим основные принятые резолюции: «об ускорении устройства сети метеорологических станций» по всей территории России, об объединении усилий «всех русских техников и ученых для разработки ко второму съезду рационального типа русского аэроплана», «о необходимости немедленного издания воздухоплавательных <...> карт», «о признании желательным обязательного

страхования воздухоплателей с участием в этом деле общества и правительства», «об организации воздухоплавательных курсов и аэродинамических лабораторий» при учебных заведениях, о популяризации воздухоплавания и ряд других резолюций⁶².

Как будто выполняя одну из резолюций съезда, «18-го мая Высочайше утвержден одобренный Государственным Советом и Государственной Думой законопроект об учреждении при кораблестроительном отделении Санкт-Петербургского политехнического института Императора Петра Великого курса по воздухоплаванию и об отпуске из государственного казначейства средств на его содержание»⁶³. А отдел воздушного флота комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования на одном из своих заседаний выразил пожелание с осени учредить для офицеров отдела воздушного флота, распоряжением и на средства отдела, теоретические и практические курсы по воздухоплаванию при политехническом институте, и предположил для данной цели в течение лета построить в районе расположения института лаборатории для воздухоплавательных двигателей и различные мастерские⁶⁴.

Отзвуками разногласия интересов воздухоплавательных обществ на съезде является так же призыв организовать военную воздухоплавательную лигу. Суть идеи в том, чтобы расположить школы летчиков вдоль границ вблизи вероятных театров будущих военных действий. Отделения лиги могут быть везде, где есть большие гарнизоны и количество офицеров достигает 300–400 человек. Это позволит авиаторам летать на хорошо знакомой местности. Проект предполагает изготовление аэропланов собственными силами, для чего на обучение в центральный пункт будут направляться по 2 человека, которые под наблюдением мастера будут строить аппарат, а, возвратясь через 2–3 месяца, смогут строить аэроплан сами. В пример приводился одесский аэроклуб, который собственными средствами построил 4 аэроплана типа Фармана и 2 — Блерио. «Работы произведены четырьмя нижними чинами морского батальона. На одном из этих аппаратов Уточкин совершил полеты в Египте над пирамидами»⁶⁵.

Настрой офицеров учиться авиаторскому делу, действительно, был серьезным в разных уголках страны. 30-го апреля 1911 года главнокомандующим войсками Кавказского военного округа был утвержден устав Кавказского военного аэроклуба. Инициатива создания аэроклуба

⁵⁹ Всероссийский воздухоплавательный съезд // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 15 апреля.

⁶⁰ Хроника: Всероссийский воздухоплавательный союз // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 9 апреля.

⁶¹ Закрытие всероссийского воздухоплавательного съезда // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 19 апреля.

⁶² Там же.

⁶³ Разные известия // Русский инвалид. 1911. 21 мая.

⁶⁴ Внутренние известия: Программа деятельности отдела воздушного флота // Русский инвалид. 1911. 9 июня.

⁶⁵ *Статьев Х.* Военно-воздухоплавательная лига // Русский инвалид. 1911. 28 мая.

исходила от офицеров 15-го гренадерского Тифлисского его императорского высочества великого князя Константина Константиновича полка, расквартированного в Тифлисе. Во многом интересу к авиации в этом регионе способствовали удачные полеты авиатора Васильева на Кавказе в декабре предыдущего года⁶⁶.

8 мая 1911 года в Петербурге на коломяжском аэродроме «Крылья» должна была начаться 2-я международная авиационная неделя, устраиваемая Императорским аэроклубом. Биплан Фармана военного типа, купленный к мероприятию аэроклубом на средства комитета по созданию русского воздушного флота во Франции, прибыл вовремя, так что было решено начать соревнования в ранее установленные сроки⁶⁷. Но погода внесла свои коррективы. Получив от физической обсерватории сведения о возможности неблагоприятной погоды в ближайшие дни, организационный комитет весенней недели авиации принял, буквально накануне, решение отложить начало недели авиации на 14 мая. «Комитет решил воспользоваться отсрочкой для приглашения к участию нескольких новых иностранных авиаторов»⁶⁸. Вероятно, это стало следствием запрета отделом воздушного флота принимать участие в неделе авиации военным летчикам. Своё распоряжение отдел мотивировал тем, что «аэродромные полеты не имеют никакого значения для развития военного воздухоплавания»⁶⁹.

Понятно нежелание Военного ведомства рисковать жизнями офицеров ради спортивных рекордов и денежных призов, притом что от морского министра 6 мая Императорским всероссийским аэроклубом получено разрешение морякам-летчикам участвовать в предстоящей авиационной неделе⁷⁰, а ранее Морское ведомство учредило специальный приз на точность приземления: «авиаторы, участники этого состязания, должны будут совершить спуск на особый устанавливаемый на аэродроме помост, изображающий палубу военного судна»⁷¹.

Возможно, что учреждение морским ведомством этого приза, стало следствием доклада о применении авиации в морской войне, сделанного инженером Яцуком 25 апреля в Российском морском союзе. В частности, он сказал: «Существенную пользу в морском деле аэропланы могут принести лишь в том случае, если возможно ими пользоваться

и на суше, и на море, как в смысле взлета аэроплана с судна и с воды, так и в отношении опускания его на судно. В Америке уже производился ряд опытов взлета аэроплана с судна, где для этой цели была устроена особая наклонная платформа, служившая для разбега аппарата перед полетом. Некоторые военные суда могли бы быть и у нас приспособлены для взлета и опускания на них аэропланов, так как платформы, устраиваемые для разбега аэропланов, не отличаются особой громоздкостью»⁷².

Яцук, скорее всего, имел в виду полеты американского авиатора Эли в Сан-Франциско, о которых некоторые газеты писали в январе и марте. Так, в январе сообщалось о том, что Эли поднялся с палубы крейсера «Пенсильвания», полчаса летал над рейдом вблизи маневрирующего крейсера, затем без аварии спустился на переднюю часть палубы, после чего снова взлетел и отправился в город в казармы пехотного полка⁷³. А в начале марта сообщалось о другом его полете, когда Эли взлетел на биплане Кёртиса с берега, а опустился на корму «Пенсильвании», шедшей в заливе Сан-Франциско. При спуске у аэроплана были слегка помяты некоторые второстепенные части, что не помешало авиатору после непродолжительного отдыха снова подняться в воздух и вернуться к месту отправления — на Сельфридж-Филд⁷⁴. Самое удивительное, что оба эти полета проходили в условиях сильного тумана.

Если в Петербурге неделя авиации 8-го мая не открылась, то в Москве не стали переносить открытие авиационного сезона. Сезон открыли в этот день на ходыньском поле авиаторы Маслеников и Габрен-Влынский. Авиаторы успешно летали на аэропланах системы Фармана: «один — на построенном московским заводом “Дукс”, а другой — на лично сконструированной машине»⁷⁵. Программа предстоящей московской недели, выработанная военным комитетом Московского общества воздухоплавания, была интересна тем, что помимо обычных призов на скорость, высоту и продолжительность полета предусматривались три необычных соревнования: «обстрел аэроплана с автомобиля, бросание разрывных бомб с аэроплана и взрыв железнодорожного пути»⁷⁶. В первом соревновании задача авиатора состоит в том, что, летая в течение определенного времени, не подпускать к себе близко автомобиль, на котором будут находиться два стрелка в сопровождении офицера-судьи. Во вто-

⁶⁶ Кавказский военный аэроклуб // Русский инвалид. 1911. 2 июня.

⁶⁷ Хроника: К предстоящей авиационной неделе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 1 мая.

⁶⁸ Хроника: Ко 2-й авиационной неделе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 11 мая.

⁶⁹ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 1 мая.

⁷⁰ Ко второй авиационной неделе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 7 мая.

⁷¹ Хроника: Международная неделя авиации. 1911. 4 мая.

⁷² Авиация в морской войне // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 27 апреля.

⁷³ Смесь: Самолет на крейсере // Газета для всех. 1911. 16 января.

⁷⁴ Авиация: Спуск аэроплана на открытом море // Газета для всех. 1911. 4 марта.

⁷⁵ Внутренние известия: Московская жизнь: Авиация // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 12 мая.

⁷⁶ Внутренние известия: Неделя воздухоплавания // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 5 мая.

ром соревнования будет происходить метание «бомб» в бруствер или модель броненосца на приз В. П. Рябушинского в 500 рублей. Третье соревнование состоит «в состязании авиаторов в более быстром производстве взрыва пироксилиновой шашки, которая должна быть заложена под рельсы самими же авиаторами, спустившимися на землю»⁷⁷.

Пока в Петербурге шла подготовка к открытию 2-й авиационной недели, во Франции случилось событие, которое ошеломило всех. Речь идет о трагедии в Исси-ле-Мулино. 8 мая на аэродроме в Исси-ле-Мулино под Парижем должен был состояться старт состязательного перелета Париж-Мадрид на приз газеты «Petit Parisien» в 100 000 франков. Для поддержания порядка в толпе зрителей, которых собралось до 200 000 человек, были вызваны пехотный полк и эскадрон кирасир. В середине первой десятки должен был взлетать авиатор Луи-Эмиль Трэн с пассажиром на моноплане собственной конструкции. В этот момент поле пересекал рысью эскадрон кирасир, а на середине его находились почетные гости. Взлетев на 10 метров, авиатор почувствовал колебание и неуравновешенность аппарата и решил спуститься. Как вдруг увидел перед собой кирасир. Чтобы не налететь на них авиатор круто повернул направо, но на высоте двух метров аэроплан не смог снова подняться и на скорости 60 км/ч врезался в группу почетных гостей. Под лопастью винта погиб военный министр Морис Берто, тяжелые ранения получил министр-президент Эрнест Монис, еще несколько человек было ранено⁷⁸.

Это происшествие заставило весь мир посмотреть на аэроплан как на предмет представляющий опасность не только для авиатора и его пассажиров, но и для людей на земле, особенно при массовом их скоплении. Изменилось настроение и в прессе. Сразу после событий во Франции А. Вакуловский в статье, посвященной последним авиационным несчастьям, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» пишет: «И вот в толпе восхищение геройством уступает место сетованию на отсутствие мер предосторожности при полетах, на излишние риски, на преждевременную спортивность воздухоплавания, заслонившую научную работу поступательного завоевания воздуха человеком. <...> Жертвы — святое дело. Но в авиации наступил момент, когда говорят: довольно жертв! Против этого настроения не попрешь, и очень жаль, что, обесценив деловую сторону авиации спортивным увлечением, допустили нас так быстро до этого момента. <...> Во всяком случае, на воздухоплавание стали смотреть, как на опасную игрушку»⁷⁹.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Подробности катастрофы в Исси-ле-Мулино // Русский инвалид. 1911. 12 мая.

⁷⁹ Вакуловский А. наброски // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 12 мая.

Некоторые меры безопасности предприняли и организаторы 2-й авиационной недели. Под угрозой штрафа авиаторам запрещено вылетать за пределы аэродрома на маленькой высоте. На большой — можно, когда у аэроплана появляется возможность «в случае внезапной порчи и остановки мотора, спуститься где-нибудь за городом скользящим полетом»⁸⁰. Кроме того, был воспрещен доступ в круг аэродрома всем, за исключением спортивных комиссаров, авиаторов и механиков. Так же с аэродрома было решено убрать ряд столбов и вышек, которые могли помешать полетам⁸¹.

К сожалению, первый же день авиационной недели был омрачен гибелью авиатора В. Смита. Поднявшись на «Соммере» (мотор «Гном» 70 лс), постройки Русско-балтийского завода, Смит через некоторое время начал спуск с высоты около 500 метров; спускаясь плавно, прошел около $\frac{3}{4}$ круга и, пройдя четвертый поворот, стал спускаться круче. На высоте порядка 40 метров аппарат резко наклонился и с работающим мотором стал падать вертикально носом вниз. При падении, у земли, аппарат перевернулся через руль высоты. «Соммер» превратился в груду обломков, авиатор скончался на месте. Комиссия в составе генерала Каульбарса, полковника Найденова, летчиков Ефимова и Лебедева и еще 5-и человек, осмотрев обломки аппарата, пришла к заключению и изложила в официальном протоколе, что вероятные причины катастрофы следующие: «1) конструкция аппарата, не имеющего заднего руля высоты, и то обстоятельство, что при 70-сильном моторе, работавшем во время крутого спуска, авиатор не мог выровняться; 2) крутой спуск авиатора с работающим полным ходом мотором на аппарате, не имеющем второго руля высоты сзади; 3) спуск произошел в той части аэродрома, где порывистый ветер дул сзади по направлению движения аэроплана, что могло способствовать нарушению равновесия (опрокидыванию) аппарата»⁸².

Самое удивительное, что катастроф в момент падения Смита могло быть две, причем вторая катастрофа могла случиться по причине аналогичной той, что случилась в Исси-ле-Мулино. Когда аэроплан Смита врезался в землю, ни у кого не было сомнения, что авиатор погиб, поскольку падение было очень стремительным. «К месту аварии бросились находившиеся в кругу и у вышки люди. Часть конной полиции остановилась в нерешительности на гоночной дорожке и затруднила летавшему в это время Лебедеву спуск»⁸³. К счастью, всё обошлось.

⁸⁰ Ко 2-й авиационной неделе // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 14 мая.

⁸¹ 2-я авиационная неделя // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 15 мая.

⁸² 2-я авиационная неделя // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 17 мая.

⁸³ Далматов А. Вторая международная авиационная неделя // Русский инвалид. 1911. 17 мая.

Во второй соревновательный день Лебедев опять чуть было не попал в катастрофу. На сей раз из-за пуска другого аэроплана со старта без соблюдения, необходимого по правилам, расстояния между летательными аппаратами. Лебедев попал в струю другого аэроплана, его стало бросать из стороны в сторону. Он вынужден был поспешно спуститься, причем при спуске чуть не врезался в публику. В связи со случившимся Лебедевым был подан жюри аэроклуба протест на действия спортивных комиссаров⁸⁴.

Ил. 1. Авиатор А. А. Васильев. Новое время. 1911. 12 июля

Кроме уже вышеупомянутых Смита (биплан Соммера) и Лебедева (биплан ПТА) в списке записавшихся на 2-ю авиационную неделю были: Ефимов (моноплан «Блерио»), Васильев (ил. 1, моноплан Блерио), Срединский (биплан Анри Фармана), Делялович (моноплан Кудашева), Кампо Сципио (ил. 2, моноплан Морана), Сегно (моноплан Этриха), Волков (биплан Анри Фармана), Шевалье (моноплан «Ньюпор»), Кузьминский (моноплан «Блерио»), князь Кудашев (моноплан собственной конструкции) и Стеглау (биплан собственной конструкции)⁸⁵. Последний умудрился совершить аварию на своем аэроплане накануне начала авиационной недели и в соревнованиях участия не принимал.

Соревнования запомнились тремя всероссийскими рекордами и посещением соревнований эмиром бухарским со свитой в 5-й день полетов⁸⁶. «Ньюпор», на котором при перелете Шалон — Реймс был установлен мировой рекорд скорости в 162 км/ч⁸⁷, ожидаемо отличился и в России. Шевалье на «Ньюпоре» показал скорость 98 верст в час, установив новый всероссийский рекорд. Авиатор Лебедев установил всероссийский рекорд продолжительности полета с пассажиром — 1 час 29 мин. 16,2 сек. И, наконец, Васильев поднял планку высоты отечественного полета до 1 650 метров⁸⁸. Что касается соревнования на точность при-

⁸⁴ А. Г-нь. 2-я авиационная неделя: 2-й день // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 17 мая.

⁸⁵ 2-я авиационная неделя // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 15 мая.

⁸⁶ А. Г-нь. 2-я авиационная неделя: 5-й день // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 мая.

⁸⁷ А. Г-нь. 2-я авиационная неделя: 6-й день // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 21 мая.

⁸⁸ Итоги недели авиации // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 26 мая.

земления на нарисованную перед комитетской трибуной палубу военного корабля, то результаты удачными признать нельзя. Лучшим оказался Ефимов, опустившийся в 5,8 метрах от середины палубы. Он и получил первый приз в 400 рублей⁸⁹. Больше всех призовых заработали авиаторы Васильев — 10 660 руб. и Ефимов — 9 375 руб. Всего выдано призов на сумму 30 800 руб. и ок. 10 000 рублей остались не разыгранными из-за отмены состязаний в предполагавшиеся дополнительные дни⁹⁰. Финансовые результаты недели оказались «довольно плачевными»: значительные убытки потерпели и аэроклуб, и общество «Крылья». Было всего выручено от продажи билетов 39 тыс. рублей, а на одни только призы, не говоря о других расходах, ушло свыше 30 тыс.⁹¹

Ещё до окончания 2-й авиационной недели русско-балтийский вагоностроительный завод сообщил, что «в связи с гибелью своего пилота В. Ф. Смита, а так же отзывами многих компетентных лиц относительно дефектов системы бипланов Соммера, являющихся, по мнению большинства наших военных авиаторов, ухудшенной системой Фарманов, решил прекратить производство бипланов Соммера»⁹².

Первую московскую авиационную неделю решили начать сразу после окончания петербургской, с тем, чтобы в ней смогли принять участие некоторые освободившиеся известные авиаторы, что должно было повысить интерес к соревнованиям. Московским обществом воздухоплавания запланированы призы на 25 тыс. руб. Организаторы решили принять требования к безопасности пилотов и зрителей, аналогичные петербургским⁹³. В полетах, проходивших с 29 мая по 7 июня, приняли

Ил. 2. Авиатор Кампо-Сципио. Новое время. 1911. 13 июля

⁸⁹ А. Г-нь. 2-я авиационная неделя: 4-й день // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 18 мая.

⁹⁰ Далматов А. Итоги авиационной недели // Русский инвалид. 1911. 29 мая.

⁹¹ Хроника: Материальные итоги авиационной недели // Санкт-Петербургские ведомости. 1911 1 июня.

⁹² Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 22 мая.

⁹³ Московская хроника: Воздухоплавание // Московские ведомости. 1911. 12 мая.

участие такие известные авиаторы как Ефимов («Блерио» и «Фарман» военного типа) и Васильев («Блерио»), а так же Масленников («Фарман»), де Кампо-Сципио («Моран»), Габер-Влынский («Фарман» военного типа), и Россинский («Блерио»). Рекордов установлено не было. Неделя запомнилась некоторыми необычными номерами программы и пролетом Кампо-Сципио над Кремлем⁹⁴.

Что касается необычных номеров, то кроме метания «бомб» в «броненосец», взрыва порохового погреба и преследования аэростата аэропланом зрителям точно запомнится соревнование с пулеметом. «Летчик должен был подняться с пулеметом, имея пассажиром офицера, и спуститься в определенном месте. Офицеру затем надлежало сойти с аэроплана и произвести стрельбу из пулемета по указанной цели, после чего летчик должен был улететь без посторонней помощи»⁹⁵. Это задание выполнил Габер-Влынский. Больше всего призовых заработали Ефимов — 4 747 руб., кубок великого князя Михаила Александровича и золотая булава для галстука с бриллиантом и Васильев — 4 149 рублей и два кубка (вел. кн. Михаила Александровича и Автомобильного общества). Сами устроители соревнований, выручив от продажи билетов 21 034 руб., заработали, после вычета призовых и расходов, всего около 500 руб.⁹⁶

Ещё одно важное авиационное событие 1911 года — перелет Петербург — Москва (10–15 июля). Перелет организован с целью «выяснения пригодности современных летательных аппаратов для военных целей, испытания прочности и выносливости их и проверки успехов русских летчиков». Участвовать могли только русские подданные, в том числе офицеры-летчики. Сумма призов достигала 75 тыс. руб. Помимо призов за наискорейшее достижение Москвы (с пассажиром и без), за наидлиннейший перелет без спуска (с пассажиром и без) и приз за совокупность пройденных расстояний, был учрежден приз «за полеты аппаратов, построенных на русских заводах, согласно особым требованиям, предъявляемым к военным аппаратам»⁹⁷. Для получения конструкторского приза аэроплан должен развивать скорость не менее 70 верст в час, поднимать не менее двух человек плюс запас топлива на три часа полета, быть портативным и иметь двойное управление, позволяющее попеременно управлять аппаратом летчику и пассажиру⁹⁸. Забегая вперед, скажем, что

⁹⁴ Неделя авиации // Московские ведомости. 1911. 7 июня.

⁹⁵ Неделя авиации // Московские ведомости. 1911. 3 июня.

⁹⁶ Итоги авиационной недели // Московские ведомости. 1911. 10 июня.

⁹⁷ Перелет С.-Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 11 июня.

⁹⁸ Хроника: Состязания на конструкторский приз // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 12 июня.

конструкторский приз не был никому присужден. Военные летчики могли принимать участие в перелете только на аэропланах частных лиц⁹⁹.

Особый комитет при Императорском всероссийском аэроклубе подошел очень серьезно к подготовке этого мероприятия. В начале апреля были утверждены правила и этапы перелета¹⁰⁰. 5 апреля депутация от комитета по организации перелета в составе генерала Каульбарса и члена Государственной думы П. А. Неклюдова была принята председателем совета министров П. А. Столыпиным. Премьер-министр «отнесся весьма сочувственно» к организации перелета и сказал, что «правительство вполне разделяет мнение о громадном значении предстоящего перелета, как для развития воздухоплавания вообще, так и для государственной обороны, в частности»¹⁰¹. «П. А. Столыпин выразил согласие удовлетворить ходатайство комитета о принятии на счет казны всех расходов по организации перелета в размере 100 тыс. руб. (65 тыс. руб. на призы и 35 тыс. руб. на подготовительные работы) и обещал по возобновлении сессии внести в Государственную думу соответствующий законопроект»¹⁰².

Около 1 мая группа членов комитета выехала на автомобилях в рекогносцировочную поездку с целью детального обследования пути и установления контрольных пунктов, а также для ведения переговоров с местными администрациями¹⁰³. Вечером 2 мая группа прибыла в Москву. Контрольными пунктами, мимо которых обязательно должны были пролететь авиаторы, определены Тосно, Чудово, Новгород, Валдай, Крестцы, Вышний Волочек, Тверь и Клин. Сложным участком маршрута организаторы посчитали отрезок пути между Новгородом и Валдаем, где почти совершенно нет места, удобного для спуска¹⁰⁴. На этом участке протяженностью ок. 160 верст было решено обустроить ряд удобных площадок для спуска. «По соглашению между отдельными организациями, участвующими в устройстве перелета, решено образовать две исполнительные комиссии: петербургскую и московскую,

⁹⁹ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 25 июня.

¹⁰⁰ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 7 апреля.

¹⁰¹ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 9 апреля.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 3 мая.

¹⁰⁴ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 5 мая.

Ил. 3. Победитель воздушных состязаний А. А. Васильев у своего «Блерио». Новое время. 1911. 16 июля

причем первая будет заведовать подготовительными работами на протяжении от Петербурга до Валдая, а вторая — от Валдая до Москвы»¹⁰⁵.

6 июня группа членов организационного комитета во главе с генералом Каульбарсом и авиатором Срединским выехала на двух автомобилях в Москву во вторую рекогносцировочную поездку. В поездке участвовали военные авиаторы и топографы. Главной целью второй поездки являлось составление окончательной карты всего пути перелета¹⁰⁶. Это позволило к началу перелёта издать для участников первую в России воздухоплавательную карту, составленную под руководством военного топографа капитана Напалкова. На ней в масштабе 2–3 версты в дюйме было нанесено шоссе между столицами с прилегающей местностью, а также отмечены места, удобные для спуска. Для лучшей ориентировки авиаторов нанесены церкви, заводы и другие постройки¹⁰⁷. На главных контрольных пунктах в Новгороде, Валдае, Вышнем Волочке и Твери организованы помещения для аэропланов с охраной и небольшие ремонтные мастерские. На остальных контрольных пунктах приготовлены

¹⁰⁵ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 7 мая.

¹⁰⁶ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 8 июня.

¹⁰⁷ Хроника: Воздухоплавательная карта // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 7 июля.

места для спуска и запасы бензина и масла¹⁰⁸.

Организована также телефонно-телеграфная связь, продумана эстафетная служба и врачебная помощь. Так как пилотам было запрещено лететь над Петербургом и им придется огибать город со стороны залива, «Морское министерство согласилось взять на себя установку в первый день перелета на взморье цепи судов для подачи помощи авиаторам, в случае падения их в воду»¹⁰⁹. Морское ведомство также предоставило накануне вылета миноносец «Кит», с борта которого авиаторы — участники перелета могли осмотреть путь, над которым на рассвете 10 июля им предстояло пролетать¹¹⁰.

«Организационный комитет вынес постановление, что он не принимает на себя никакой ответственности за несчастные случаи, которые могут произойти до, во время или после перелета с самими пилотами, их механиками, помощниками, пассажирами, аппаратами, а равно и со всеми теми третьими лицами. За все причиненные такими несчастными случаями последствия и убытки несут полную ответственность только сами участники состязания»¹¹¹. Следует отметить, что, несмотря на проделанную подготовительную работу, это постановление не казалось организаторам лишним. Видимо, ожидалось, что перелет мог закончиться как триумфом, так и трагедией. Случилось и то, и другое.

С одной стороны, нельзя перелет Петербург — Москва назвать неудачным, потому что есть победитель — человек, который единственный долетел до Москвы. Это — А. А. Васильев на Блерио (ил. 3). Но, с другой стороны, погиб молодой авиатор К. Н. Шиманский, летевший пассажиром у В. В. Слюсаренко (ил. 4). «Фарман» Слюсаренко из-за не-

Ил. 4. Авиатор В. В. Слюсаренко. Новое время. 1911. 13 июля

¹⁰⁸ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 6 июля.

¹⁰⁹ К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 8 июля.

¹¹⁰ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 10 июля.

¹¹¹ Хроника: К перелету Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 9 июля.

ожиданной остановки мотора упал со значительной высоты в районе деревни Московская Славянка¹¹². В протоколе врача К. К. Свионтецкого было написано, что смерть 26-летнего авиатора Шиманского «произошла от перелома черепа в области левого виска — от ушиба мотором во время падения». У Слюсаренко перелом левой голени, многочисленные ушибы и ссадины¹¹³.

Разбился и знаменитый С. И. Уточкин. Вылетев на очередном этапе из Новгорода, его «Блерио» из-за порывов ветра вынужден был пытаться сесть вблизи села Зайцево Крестецкого уезда. Чтобы не врезаться вместе с аэропланом в обрыв у реки, авиатор выпрыгнул из аппарата в реку. Повезло, что проходивший мимо крестьянин увидел случившееся и, бросившись с риском для жизни в реку, вытащил уже потерявшего сознание авиатора. В земской больнице у Уточкина были констатированы переломы правой ключицы, вывих левой надколенной чашки, травмы груди и явления, характерные при сотрясении мозга¹¹⁴.

Еще одним пострадавшим стал авиатор фон Лерхе. Он отлично стартовал на моноплане Этриха и первым сел в Новгороде, за что ему был поднесен серебряный кубок с надписью: «1911 г. Первому спустившемуся в Новгороде летчику от новгородского спортивного общества»¹¹⁵. Но, взлетев в Новгороде, чтобы продолжать перелет, сделав два круга, по какой-то причине он вынужден был спуститься, при этом получил ушиб головы и кровоизлияние в мозг¹¹⁶. Остальные участники перелёта тоже побывали в авариях, но обошлись без серьезных травм.

По итогам перелета разгорелось несколько скандалов. Во-первых, ряд газет («Речь», «Биржевые ведомости», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Русское слово», «Голос Москвы» и др.) обвинил организаторов перелета в том, что аэроклубом был предоставлен Слюсаренко (к тому же за 30% призовых) неисправный «Фарман», на котором ранее отказался лететь Срединский. Во-вторых, Васильев рассказал сотруднику «Биржевых ведомостей», «с какой преступной небрежностью был обставлен перелет». «Его рассказ — сплошной обвинительный акт устроителям»¹¹⁷. Претензии Васильева к этапам после Новгорода: в Новгороде никаких запчастей на старте, свечей нет, некому завести пропеллер, механиков нет, никакой помощи. Выручил Уточкин, потерпевший аварию в десяти верстах от старта: он

отдал свечи из своего мотора и запустил пропеллер. У Васильева разбилась одна из стекол в очках, ветер слепил глаз, поэтому пользоваться картой не было возможности. Никакие сигналы сверху не видны, путь нигде не обозначен. Над некоторыми пунктами приходилось делать по несколько кругов, чтобы выбрать правильный путь, да и то уверенности не было, что дорога верная. Васильев, утомленный поиском сигналов по пути, дает телеграмму: пусть зажгут костры. Но на старте, куда дана телеграмма, посчитали это излишним. Попросил флаги красного цвета, так как белые не видны, но ему ответили, что генерал Каульбарс разрешил только белые. У Валдая из-за расхождения дорог Васильев сел во ржи в трех верстах от пункта. Сначала не заметили, потом примчался автомобиль. Среди людей множество любопытных, но механика нет, пропеллер запустить опять некому. Повсюду на этапах — никакой помощи, даже чаю не могли дать. В Подсолнечном, где пришлось сесть, нет бензина. Через час привезли — оказался автомобильный¹¹⁸. Васильев назвал перелет «каторжным перелетом». Сразу после последнего приземления он заявил, что не были приняты все меры, чтобы обеспечить летчикам более или менее благоприятные условия. Более того, Васильев сказал: «Этот перелет — обречение на смерть, и, если он не окончится смертью кого-нибудь из авиаторов, то нужно благодарить лишь Бога»¹¹⁹. Отдавая должное смелости авиаторов, в газетах, освещавших перелет, появились жесткие статьи с требованием проведения расследования, смысл которых сводился к призыву «К ответу!»¹²⁰.

Президиуму спортивного комитета аэроклуба и генералу Каульбарсу пришлось оправдываться. По поводу неисправного «Фармана» комитет сообщил, что 11 июля Слюсаренко не только отрегулировал аэроплан, но и поставил на него собственный мотор «Гном». При испытании мотора на аппарате он дал прекрасную тягу, а пробные полеты с пассажиром подтвердили полную готовность аэроплана к полетам. 13 июля Слюсаренко заявил представителю спортивного комитета: «Аппарат был отрегулирован мною настолько хорошо, что при пробном полете я выпускал из рук рычаг управления, отчего ровный ход несколько не изменялся»¹²¹. Что касается 30% призовых, то аэроклуб опроверг коммерческий интерес, мотивируя свои действия тем, что, помогая авиаторам, не имеющим своих аппаратов, аэроклуб не может безвозмездно предоставлять аэро-

¹¹² Перелет Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 13 июля.

¹¹³ Перелет Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 14 июля.

¹¹⁴ Перелет Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 13 июля.

¹¹⁵ Базанкур О. Летуны прилетели // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 12 июля

¹¹⁶ Перелет Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 12 июля.

¹¹⁷ Перелет Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 14 июля.

¹¹⁸ Кутчинский Ф. Горе-устроители: Рассказ Васильева о перелете // Биржевые ведомости. 1911. 14 июля. Утренний выпуск.

¹¹⁹ Рассказ Васильева // Биржевые ведомости. 1911. 12 июля. Утренний выпуск.

¹²⁰ Осендовский А. К ответу! // Биржевые ведомости. 1911. 15 июля. Утренний выпуск.

¹²¹ Перелет Петербург — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 16 июля.

планы, приобретенные на народные пожертвования в тех случаях, когда «пилоты выступают на состязаниях с крупными призами»¹²².

Генерал Каульбарс на аэродроме в Москве в окружении представителей Московского общества воздухоплавания и корреспондентов газет признал, что в некоторых местах пути действительно были недостатки. Что касается отсутствия специальных инструментов и масла, то генерал сослался на то, что каждый авиатор привык к особому маслу и своему специальному инструменту, а комитет завести специальный инструмент не мог. Нехватка же кое-где бензина объясняется тем, что запасом пользовались некоторые автомобилисты из obsługi соревнований. Упреки, касающиеся неудачной сигнализации белыми флагами, Каульбарс отменил, так как этот вопрос решался комитетом в присутствии самих авиаторов и не встретил с их стороны возражений. По мнению генерала Каульбарса, причин неудачи перелета две: отсутствие опыта у большинства авиаторов полетов вне аэродрома и неблагоприятная погода¹²³.

В начале июня на заседании Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования было «постановлено, чтобы авиационные отряды отдела воздушного флота, начиная с текущего года, принимали участие в маневрах войск; с этой целью командированы из севастопольской воздухоплавательной школы в Гатчину 12 офицеров-летчиков, для подготовки к воздухоплавательной службе на маневрах совместно с войсками»¹²⁴. Чуть позже было принято решение, что в больших маневрах Петербургского военного округа примут участие 10 опытных офицеров-летчиков, руководить которыми будет заведующий гатчинской офицерской воздухоплавательной школой подполковник С. А. Ульянин; в маневрах войск Варшавского военного округа примут участие, под началом руководителя севастопольской офицерской школы авиации подполковника Одинцова, 11 военных летчиков, сдавших пилотский экзамен при севастопольской воздухоплавательной школе¹²⁵.

Первое применение в русской армии воздушной разведки на аэропланах состоялось 8 августа. На рассвете с гатчинского военного поля в сторону Красного Села, в окрестностях которого проходили маневры гвардейской кавалерии и пехоты, вылетели поручик Данилевский на «Фармане» и поручик Бродович на биплане «Бристоль», оба

с пассажирами-наблюдателями. Разыскав нужные отряды и произведя предписанные наблюдения, летчики вернулись в Гатчину. Данилевский поручил своему пассажиру сделать доклад о разведке, а сам тут же вместе с ещё тремя офицерами отправился в качестве пилота на военном сферическом аэростате с целью проведения рекогносцировки. В районе красносельских маневров в то же время производили воздушную рекогносцировку корнет Бахмутов и подпоручик Макаров. Оба летчика несколько раз доставляли сведения руководителям маневров, после чего опять отправлялись с новыми поручениями. Успех превзошел ожидания. Вечером того же дня авиатор М. Н. Ефимов на военном биплане Фармана произвел опыт полета в полной темноте. Он взял с собой на аппарат прожектор (автомобильный фонарь), с помощью которого освещал с высоты 100 м окружающую местность и бросал вниз снаряды в виде баллонов с водой. Пробыв в воздухе около 45 мин., авиатор благополучно опустился¹²⁶.

13 августа в больших маневрах войск петербургского гарнизона, которые проходили «в присутствии высоких особ» в районах Красного Села, Пулковки и Царского Села, наряду с гвардейской пехотой, кавалерией и артиллерией принимал участие отряд воздушных разведчиков. Около 9 часов утра с гатчинского аэродрома на «Фармане» отправились для наблюдения за работой военных летчиков старший инструктор отдела воздушного флота М. Н. Ефимов с начальником авиационного отдела офицерской воздухоплавательной школы С. А. Ульяниным. От отдела воздушного флота капитан Александров, поручики Линно и Макаров с наблюдателями на «Фарманах», выполняя указания руководителей маневров, в чье распоряжение они временно поступили, отыскивали воинские отряды, скрытые окопы, передавали донесения. От офицерской воздухоплавательной школы для участия в маневрах был отправлен «Бристоль» с пилотом поручиком Дацкевичем и наблюдателем подполковником генерального штаба Гатовским. Уже совершив разведку в районе Киргофа, при возвращении в Гатчину у «Бристоля» остановился мотор, и Дацкевичу пришлось с высоты 600 м спускаться планирующим спуском на невспаханное поле. К счастью, аварии не случилось¹²⁷.

31 августа и 1 сентября на двухсторонних маневрах войск Киевского военного округа присутствовал император Николай II. О масштабах маневров можно судить по количеству и составу участников: наряду с семью пехотными дивизиями, стрелковой бригадой, семью артилле-

¹²² Там же.

¹²³ Объяснения генерала Каульбарса // Биржевые ведомости. 1911. 16 июля. Утренний выпуск.

¹²⁴ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 9 июня.

¹²⁵ Хроника: Воздухоплавание на больших маневрах // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 4 августа.

¹²⁶ Хроника: Воздушная разведка и полеты // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 9 августа.

¹²⁷ Хроника: Воздушная рекогносцировка // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 14 августа.

рийскими бригадами, девятью артиллерийскими дивизионами, тремя кавалерийскими дивизиями, Сводной казачьей дивизией, Полевым жандармским эскадром, Киевским военным училищем, четырьмя саперными батальонами и др. в маневрах участвовали 7-я воздухоплавательная рота и авиационный отряд отдела воздушного флота¹²⁸.

В августе «отдел воздушного флота комитета по усилению флота на добровольные пожертвования решил приступить к организации первого в России отряда воздушных разведчиков специально для обслуживания военного флота. Для изучения постановки этого дела в других странах командирована за границу группа военных летчиков во главе с капитаном Кедриним и лейтенантом Дорожинским. Первый опыт применения аэропланов к морскому делу решено предпринять в черноморском флоте»¹²⁹. В том же решении было предложено организовать морские воздушные станции в Кронштадте, Либаве, Владивостоке и др. городах, а также «учредить при Морском министерстве специальный воздухоплавательный отдел»¹³⁰.

Anatoly SAFAEV

Librarian, Department of Newspapers, National Library of Russia
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: safaev.ae@gmail.com

The beginning of Russian aviation. 1910–1911. Chronicle of events according to Russian newspapers

The main focus of this article is an early period of Russian aviation history. The subject matter of the study are Chronicles of top-spread Russian Newspapers. The analysis of these materials makes it possible to distinguish an actual motivation to build aviation in Russia. This is connected with potential for aviation to utilize in military ends. The developments occurred since the beginning of 1910 up to the middle of 1911 are captured of newspapers publications.

Keywords: The Department of Air Fleet under The Committee of Free-will Contributions for added Fleet Force; The Imperial All-Russian Air Club; The First International Aviation Exhibition; The First Impactful Exhibition; The First All-Russian aviation Meeting; The All-Russian aviation Union; The Second International Aviation Week; The Moscow Aviation Week; The St. Petersburg-Moscow Flight; The Air Reconnaissance; The Air-operations during army manoeuvres.

¹²⁸ Дополнения к Высочайшим приказам, отданным Сентября 1-го дня // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 8 сентября

¹²⁹ Хроника: Организация воздушных разведчиков // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 25 августа.

¹³⁰ Там же.

УДК 930.1 (470) +316 (091)

ББК 63.1 (2) 5–8+60.51 (2) 52

Николай Юрьевич НИКОЛАЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института (Волжский, Россия)

E-mail: nikcam@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ВОЙНЫ И МИРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. М. КОВАЛЕВСКОГО В 1914–1916 гг.

В статье рассмотрена публицистика известного историка, социолога и правоведа М. М. Ковалевского в период 1914–1916 гг. Зачинщиками Первой мировой войны ученый называл исключительно Центральные державы и прежде всего Германию, которую он обвинял в национал-шовинизме, агрессивном экспансионизме и неумеренном милитаризме. Политической расплатой за развязывание конфликта, по его мнению, станет военное поражение Четверного союза и значительные территориальные потери его участников. Ковалевский считал неизбежной победу стран Антанты, а для России участие в войне означало не только большие жертвы, но и сулило новые перспективы на пути развития правового и демократического государства.

Ключевые слова: М. М. Ковалевский, публицистика, война, мир, милитаризм, миротворчество, пацифизм.

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) — видный российский историк, юрист и социолог — получил известность не только своими научными достижениями, но и активной миротворческой позицией. К сожалению, этот немаловажный аспект общественной деятельности ученого практически не представлен в исследовательской литературе¹.

Между тем Ковалевский был не только энергичным пропагандистом идей всеобщего мира, но являлся также одним из организаторов антивоенного движения в России. В 1909 г. он возглавил Петербургское отделение общества мира, безуспешно пытаясь вовлечь в его работу выскопоставленных современников². По воспоминаниям самого ученого,

¹ Можно отметить лишь две работы общего характера: *Матиева А. Х.* Петербургский пацифист М. М. Ковалевский // *История Петербурга.* № 6 (16). 2003. С. 22–24; *Николаев Н. Ю.* Миротворческие взгляды М. М. Ковалевского в начале XX в. // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 6–15.

² *Свищев Д. А.* Идеи ненасилия в образованных слоях Германии и России накануне Первой мировой войны // *Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс).* М., 2000. С. 132–133.

большинство приглашенных им в общество политиков ограничивалось либо внесением членского взноса (благо он был невелик, всего один рубль), либо цинично отписывалось³.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает изучение публицистики Ковалевского в период Первой мировой войны. В этот период четко проявилась двойственность его позиции, сочетавшей как негативное отношение к вооруженным конфликтам, так и доказательство необходимости участия в войне до победного конца.

Миротворческая деятельность Ковалевского снижала ему международную известность. В качестве представителя Государственной Думы он участвовал в работе Межпарламентской конференции мира. На XIX Всеобщем конгрессе мира в Женеве (1912 г.) Ковалевский был избран его вице-президентом⁴. По приглашению правительства Великобритании он участвовал в работе Верховного трибунала, созданного для разрешения территориальных споров между США и Канадой. По словам современника, Ковалевский являлся «принципиальным противником войны и сторонником разрешения различными мирными способами всевозможных международных конфликтов и недоразумений»⁵. Однако это не мешало ему одновременно выступать за повышение обороноспособности страны и увеличение военных расходов накануне Первой мировой войны⁶.

Уже в период балканских войн Ковалевский «отметился» высказываниями, весьма далекими от миролюбия. Первое столкновение на Балканах он встретил с энтузиазмом, призывая российское правительство и общественные круги помочь братским народам в их национально-освободительной борьбе. Простая человечность, единство крови и веры требовали, чтобы русский народ не оставался «молчаливым зрителем завершительного акта героической борьбы за права человека и свободу народного самоопределения»⁷. Предвидя возможные обвинения в идейной непоследовательности, Ковалевский говорил о примате гуманизма над пацифизмом. Не дело миротворцев, считал он, убеждать жертвы турецкого произвола в необходимости их мученичества ради мнимо-

го спокойствия Европы. «Преданность идеи мира, — утверждал ученый, — не требует от нас того, чтобы мы, заботясь о его сохранении, жертвовали человеческими правами. Ведь при их нарушении никакой прочный мир немислим»⁸.

С началом Второй балканской войны отношение Ковалевского к конфликту, по сути, не изменилось. Ученого возмущал не столько сам факт кровопролития, сколько отсутствие славянского единства⁹. Приветствуя в принципе мирный вариант разрешения региональных противоречий, он одновременно в русле «Realpolitik» энергично «раздавал» европейские провинции побежденной Турции членам Балканского союза¹⁰.

Стоит отметить, что антитурецкие настроения были характерны для многих отечественных либералов-миротворцев (П. Н. Милоков, С. А. Котляревский, А. Л. Камаровский), рассматривавших Османскую империю как давнего оппонента России на Балканах и Ближнем Востоке. Для Ковалевского важным фактором, повлиявшим на его негативное отношение к Порте, стал армянский вопрос. В 1915 г. он прямо требовал фактического отделения от Турции населенной армянами и курдами Северной Анатолии (от Эрзерума до Трапезунда). Эту территорию, объединенную под власть генерал-губернатора, по мнению ученого, следовало «привязать» к России протекторатом или каким-либо иным образом¹¹.

Начало Первой мировой войны стало для Ковалевского отчасти ожидаемым, но от того не менее неприятным сюрпризом. По словам ученого, он предчувствовал, что российское правительство «готовит войну с членами Тройственного союза», однако полагал, что обострение отношений придется на 1917 г., в связи с окончанием масштабного перевооружения отечественной армии и флота¹². В результате Ковалевский неожиданно для себя оказался в положении интернированного в австрийском Карлсбаде, куда приехал на лечение. «Привычка думать, что разум управляет миром, — с горечью вспоминал он, — ввела меня в заблуждение, последствием которой было то, что я сижу в настоящее время в Карлсбаде в положении какого-то не то гражданского пленного, не то поручителя, с отобранным паспортом и обязательством еженедельно являться в полицию»¹³.

Вызволненный из фактического плена благодаря широкой общественной поддержке, Ковалевский погрузился в кипучую научную и обще-

³ Ковалевский М. М. *Моя жизнь: Воспоминания*. М., 2005. С. 415.

⁴ Илюхина Р. М., Савицков С. Д. *Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX в. (Становление и деятельность российских обществ мира) // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России*. М., 1997. С. 193.

⁵ Ковалевский Е. П. *Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сб. ст. Пг., 1917. С. 39.*

⁶ Там же.

⁷ Ковалевский М. М. *Освободительное движение на Балканах // Вестник Европы*. 1912. № 11. С. 328.

⁸ Там же. С. 329.

⁹ Ковалевский М. М. *Вторая балканская война // Вестник мира (Le Massager de la Paix). Орган международного права и культуры*. 1913. № 5. С. 1–8.

¹⁰ Ковалевский М. М. *Судьбы Балкан // Вестник Европы*. 1913. № 1. С. 207–222.

¹¹ Ковалевский М. М. *Армянский вопрос // Вестник Европы*. 1915. № 6. С. 268–269.

¹² Ковалевский М. М. *Моя жизнь: Воспоминания...* С. 418.

¹³ Там же.

ственно-политическую деятельность, читал лекции, участвовал в работе многочисленных совещаний¹⁴. Сразу же став на патриотические позиции, он активно выступал в печати с научно-популярными статьями, призванными подчеркнуть оборонительный характер конфликта для стран Антанты. Центральные державы ученый обвинял в нарушении принципов международного права, несоблюдении моральных норм и правил цивилизованного поведения. Восстановление прежнего порядка (и прежде всего нейтралитета Бельгии) он считал важнейшим условием сохранения европейского мира¹⁵.

Негодование у Ковалевского вызывало желание немалой части немецкой общественности обвинить в развязывании мировой войны союзника России Англию. Напротив, он отмечал настойчивое желание Лондона после сараевского убийства сохранить мир и не допустить вооруженного конфликта. В то же время Германия, отказавшись принимать миролюбивые предложения Великобритании и не пожелав успокаивающе воздействовать на союзницу, стала истинной виновницей разразившейся катастрофы¹⁶. «Где же искать причин того, — задавался вопросом Ковалевский, — что Германия — страна Канта и Гете, — страна великодушных романтиков и идеологов, страна, мечтавшая о свободе и вечном мире, — превратилась в тот очаг реакции и милитаризма, каким она является в настоящее время?»¹⁷

Ответ, по его мнению, лежал в самой природе созданной в 1871 г. германской государственности, объединенной Пруссией «железом и кровью». Таким образом, традиции прусского милитаризма не только впитались в политическую и общественную культуру Германской империи, но стали в ней доминировать. Если идеалом английского политического устройства было создание правового государства («Rechtsstaat»), то для немцев эталоном являлось создание государства военизированного («Kriegsstaat»). Свою печальную лепту в формирование у германской молодежи психологии, основанной на силе и видящей в ней единственный источник права, внесли современные философы (Ф. Ницше) и историки (Г. Трейчке), проповедовавшие идеи немецкого первенства

и рассматривавшие войну как необходимое условие прогресса. При этом идеология германской экспансии была напроць лишена принципов «демократических порядков, народного самоуправления, свободы самоопределения и, еще менее, свободы самоопределения для отдельных этнических групп, свободы усовершенствования и развития их культурных особенностей»¹⁸. В лучших традициях «военной пропаганды» ученый обвинял немцев в культурном высокомерии, национальной нетерпимости, стремлении проводить экспансию лишь посредством завоевания и уничтожения («огнем и мечом»). Германия, заявлял Ковалевский, готовит славянским племенам судьбу «вендов и ободритов», культурную ассимиляцию и экономическое порабощение¹⁹.

Неспособность к конструктивной мирной колонизации, считал ученый, обрекала немцев на грядущее поражение. Крайне сомнительно, что Германия выйдет из «ею вызванного столкновения народов и государств Европы» той великой державой, что она рассчитывала. И хотя разговоры о возвращении Эльзаса и Лотарингии Франции были преждевременными, немецкому засилью в северо-восточной Польше, по мнению Ковалевского, «вскоре настанет конец». Не менее печальная судьба, по его прогнозам, ожидала двуединую монархию. По результатам войны Австро-Венгрия лишится значительных территорий, а политическая власть в стране перейдет в руки венгерской элиты²⁰.

Резкой критике ученый подвергал завоевательные планы, высказанные немецкими политиками и учеными. Особенное негодование вызывало у Ковалевского нежелание «просвещенных варваров» видеть в России равное им демократическое государство с собственной политической и правовой культурой²¹. Можно предположить, что подобное высокомерие западных коллег возмущало ученого даже больше, чем их настойчивое желание расчлнить в случае победы российскую территорию. От победившей Германии, считал ученый «ни русскому либерализму, ни идее народного самоуправления» не приходилось ждать ничего хорошего. В свою очередь, победа стран Антанты означала торжество либеральных

¹⁴ Послесловие. Последние дни М. Ковалевского. Смерть. Похороны. Отклики общества и прессы // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сб. ст. Пг., 1917. С. 253. Среди тех, кто ходатайствовал об освобождении Ковалевского, были американский президент В. Вильсон, испанский король Альфонс XIII и многие другие видные общественные и политические деятели.

¹⁵ *Ковалевский М. М.* Судьбы Бельгии // Великая война в образах и картинках. Вып. VIII. 1915. С. 367–370.

¹⁶ *Ковалевский М. М.* Германцы против англичан // Вестник Европы. 1915. № 5. С. 265–271.

¹⁷ Там же. С. 284.

¹⁸ Там же. С. 284–288. Очевидно, что российское правительство заслужило подобные обвинения в не меньшей степени, проводя активную русификацию национальных окраин и проживавших внутри страны малых народов. Однако, по мнению Ковалевского, Россия активно защищала небольшие народности и их самобытное национальное существование (Там же. С. 296).

¹⁹ Там же. С. 288–290.

²⁰ Там же. С. 291.

²¹ *Ковалевский М. М.* Национальный вопрос и национализм // Вопросы мировой войны: Сборник комитета по устройству этапного лазарета имени высших учебных заведений Петрограда / Под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 557–559.

ценностей, поддержку отечественного парламентаризма, защиту принципов политической свободы и прав «мелких национальностей»²².

Можно согласиться с оценкой А. Х. Магиевой, указавшей, что взгляды ученого на Первую мировую войну отличались непоследовательностью. Ковалевский одновременно рассматривал начавшийся конфликт и как чудовищную катастрофу, и как позитивный импульс к социально-экономическому и политическому развитию России²³. Даже привлечение новых союзников (США и Японии) ученый рассматривал через призму «водворения в мире порядка, основанного на признании принципа равенства государств и права народов на самоопределение своих политических судеб»²⁴.

Ковалевский призывал к общему единению и политической солидарности перед нависшей над Россией угрозой потери национально-государственной целостности. Предостерегал ученый и от преступных призывов заключить сепаратный мир с Центральными державами. Единственным ответом подобным заявлениям, по его мнению, должно было стать «единение государя с народом в отстаивании общего наследия предков, готовность понести все жертвы, каких может потребовать сохранение для нации свободы управлять собственными судьбами»²⁵.

Публично Ковалевский демонстрировал безусловную веру в то, что «с каждым месяцем наши шансы на успех растут»²⁶. Однако в частных беседах он был настроен не столь оптимистично. По словам его личного секретаря Н. Д. Кондратьева, ученый накануне смерти достаточно скептически оценивал послевоенные перспективы повсеместного установления мира и благоденствия. «Все почему то верят <...>, что после войны начнется всеобщий расцвет. Пусть верят. Но я не вижу оснований для этого...».

В заключение отметим, что публицистика М. М. Ковалевского в 1914–1916 гг. отличалась определенной двойственностью. С одной стороны, ученый оценивал любую войну как проявление человеческого варварства, однако при анализе конкретных причин и последствий конфликта он становился на позиции государственника и патриота. По этой причине Ковалевский возлагал вину за развязывание войны исключительно на Центральные державы, а также требовал для них соответствующего наказания в виде территориальных потерь и снижения геополитического влияния. Для России мировой конфликт, по его

мнению, благодаря союзу с передовыми демократическими странами станет мощным стимулом для социально-экономических преобразований и дальнейшей либерализации.

Список литературы

- Илюхина Р. М., Сдвижков С. Д.* Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX в. (Становление и деятельность российских обществ мира) // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 179–201.
- Ковалевский Е. П.* Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сб. ст. Пг.: Агист. заведение т-ва А. Ф. Маркс, 1917. С. 5–47.
- Ковалевский М. М.* Армянский вопрос // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 256–274.
- Ковалевский М. М.* Вторая балканская война // Вестник мира (Le Massager de la Paix). Орган международного права и культуры. 1913. № 5. С. 1–8.
- Ковалевский М. М.* Германцы против англичан // Вестник Европы. 1915. № 5. С. 265–296.
- Ковалевский М. М.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 342–350.
- Ковалевский М. М.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 346–360.
- Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
- Ковалевский М. М.* Национальный вопрос и национализм // Вопросы мировой войны: Сборник комитета по устройству этапного лазарета имени высших учебных заведений Петрограда / Под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Пг.: Право, 1915. С. 549–561.
- Ковалевский М. М.* Освободительное движение на Балканах // Вестник Европы. 1912. № 11. С. 321–330.
- Ковалевский М. М.* Судьбы Балкан // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 197–223.
- Ковалевский М. М.* Судьбы Бельгии // Великая война в образах и картинках. Вып. VIII. Изд. Д. Я. Маковского. Тов. изд. А. И. Мамонтова, 1915. С. 367–370.
- Кондратьев Н. Д.* М. М. Ковалевский как учитель // Вестник Европы. 1916. № 5. С. 183–188.
- Матиева А. Х.* Петербургский пацифист М. М. Ковалевский // История Петербурга. № 6 (16). 2003. С. 22–24.
- Николаев Н. Ю.* Миротворческие взгляды М. М. Ковалевского в начале XX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 6–15.
- Послесловие. Последние дни М. Ковалевского. Смерть. Похороны. Отклики общества и прессы // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сб. ст. Пг.: Агист. заведение т-ва А. Ф. Маркс, 1917. С. 253–263.
- Сдвижков Д. А.* Идеи ненасилия в образованных слоях Германии и России накануне Первой мировой войны // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). М.: ИВИ РАН, 2000. С. 131–153.

²² Там же. С. 560.

²³ *Матиева А. Х.* Указ. соч. С. 23.

²⁴ *Ковалевский М. М.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 350–351.

²⁵ *Ковалевский М. М.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 343–344.

²⁶ *Ковалевский М. М.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 351.

Nikolay Yuryevich NIKOLAEV

Ph. D. in History, Assistant Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Volzhsky Politechnical Institute (Volzhsky, Russia)

E-mail: nikkam@mail.ru

The issue of war and peace in the journalism of M. M. Kovalevsky in 1914–1916

The article reviewed the journalism of the famous historian, sociologist and lawyer M. M. Kovalevsky in the period 1914–1916. The scientist called the instigators of the First World War exclusively the Central Powers and, above all, Germany, which he accused of national-chauvinism, aggressive expansionism and immoderate militarism. Political payment for the outbreak of the conflict, in his opinion, will be the military defeat of the Fourth Union and the significant territorial losses of its participants. Kovalevsky considered the victory of the Entente countries to be inevitable, and for Russia participation in the war meant not only great sacrifices, but also promised new prospects for the development of a legal and democratic state.

Keywords: M. M. Kovalevsky, journalism, war, peace, militarism, peacemaking, pacifism.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 524

Татьяна Николаевна ИЛЬИНА

Заслуженный работник культуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (хранитель фонда) Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: tat. i54@yandex.ru

«ЧТОБЫ ПОМНИЛИ»: ФОТОГРАФИИ ПОХОДНОЙ ЖИЗНИ 14-ГО ГРЕНАДЕРСКОГО ГРУЗИНСКОГО И ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПЕТРОГРАДСКОГО ПОЛКОВ (1916)

В собрании Военно-исторического музея, инженерных войск и войск связи хранятся два уникальных альбома с фотографиями, сделанными в 1916 г. на позициях Первой мировой войны. Они представляют два полка Русской армии с давними традициями — 14-й гренадерский Грузинский и л.-гв. Петроградский. Фотографии публикуются впервые.

Ключевые слова: Русская императорская армия, 14-й гренадерский Грузинский полк, л.-гв. Петроградский полк, Первая мировая война, военная повседневность,

В 2018 г. мир отметил 100-летие окончания Великой войны народов (1914–1918). Четыре года назад в память 100-летия со дня её начала вышел из печати первый том издания «Герои Великой войны 1914–1918» (М.: Кучково поле, 2014), содержащий материалы Трофейной комиссии из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Трофейная комиссия была создана в 1911 г. по инициативе П. И. Белавенца для сбора и описания старых русских знамен, реликвий российского воинства. В годы Первой мировой войны главным содержанием деятельности Трофейной комиссии стал сбор материалов о георгиевских кавалерах¹.

Сотрудники Трофейной комиссии ездили по фронтам, фотографировали, записывали краткие биографии, рассказы самих героев и их однополчан. Привлеченные к работе комиссии художники зарисовывали эпизоды боев, за отличие в которых герои были награждены, писали их портреты. Святым для себя делом и главной задачей члены Трофейной комиссии считали сбор таких материалов о героях войны,

¹ В годы войны была создана вторая Трофейная комиссия под руководством генерала Скалона. Её основная задача — сбор трофеев: вооружения, обмундирования, снаряжения, наград, знамен и т. п.

чтобы «донести их живое слово» до будущих поколений. Результатом всей этой работы стало издание плакатов, которые назвали «Георгиевскими памятками». Каждая «Георгиевская памятка» была посвящена одному из георгиевских кавалеров, содержала его фотографию, описание подвигов, краткие биографические сведения. «Георгиевские памятники» получили большую популярность. Их отправляли не только в полки, где служили герои, но и их родителям, семьям, в школы, училища, где они учились, для вечного хранения в Артиллерийский музей и архивы.

После революционных потрясений новой власти оказались не нужны собранные Трофейной комиссией материалы о героях императорской армии. Ценнейшие фотографии, воспоминания фронтовиков, рисунки оказались раскиданными по разным городам, музеям, архивам, частным коллекциям. Не все материалы Трофейной комиссии сохранились, многое погибло. На некоторых георгиевских кавалеров удалось выявить в фондах музея полные комплекты собранных Трофейной комиссией в 1914–1917 гг. материалов: фото, рисунок, анкета, воспоминания самого героя или его однополчан. На других — только часть из перечисленных документов, а иногда только фамилию на листочке полкового донесения.

Работа по выявлению, изучению и систематизации сохранившихся разрозненных и перепутанных за годы бытования материалов Трофейной комиссии продолжается. В данной публикации представляем два блока важнейших исторических источников — фотодокументов 1916 г. Первый — это альбом с фотографиями 14-го гренадерского Грузинского наследника цесаревича полка, второй — комплект фотографий, присланных в Трофейную комиссию л.-гв. Петроградским полком.

14-й гренадерский Грузинский полк — один из старейших полков Русской армии со старшинством с 25 июня 1700 г.; до 1914 г. дислоцировался в урочище Белый ключ Тифлисской губернии. Носил имя великого князя Константина Николаевича, затем генерала П. С. Котляревского, с 1912 г. — его императорского высочества наследника цесаревича Алексея Николаевича. Кавказские полки, как известно, отличались отменной боевой подготовкой, ибо десятилетиями основу службы составляли не парадные смотры, а боевая практика, участие в военных действиях, постоянная высокая боевая готовность. Полк содержал кордоны между Георгиевском и Екатеринодаром, принимал участие в штурме Анапы. В Русско-турецкой войне (1828–1829) участвовал во взятии Карса, Ахалкалаки, Ахалциха. Во время Крымской войны вместе с Эриванским полком сыграл выдающуюся роль в сражении и разгроме турецкой армии при Кюрюк-Дара. В Русско-турецкой войне (1877–1878) отличился в сражении на Аравартинских и Аладжинских

высотах². Во время Первой мировой войны входил в состав 1-й гренадерской бригады Кавказской гренадерской дивизии³ 2-го Кавказского армейского корпуса Западного фронта.

Альбом «Из походной жизни 14-го гренадерского Грузинского полка и гренадерской дивизии. Фотоэтюды штабс-капитана А. В. Мартынова». 1916 г. ВИМАИВиВС. Инв. №18/204

В музей альбом поступил в 1937 г. с коллекциями Военно-историко-бытового музея (ВИБМа), созданного в 1930 г. на основе собраний бывших музеев полков русской гвардии и армии, военно-учебных заведений, музея великого князя Михаила Николаевича (так называемый Михайловский фонд), Главного интендантского управления, а также предметов, взятых из Артиллерийского исторического музея (АИМ) и Государственного Эрмитажа. В составе Михайловского фонда оказались и сохранившиеся материалы Трофейной комиссии. В 1937 г. ВИБМ вошел в Артиллерийский музей, до Великой Отечественной войны на правах отдела, после Победы и возвращения из эвакуации бывшие экспонаты ВИБМа были распределены по фондам. В альбоме 21 лист, 33 фотографии. Фотографии на листах пронумерованы, пропуски в номерах говорят о том, что не все листы альбома к 1937 г. сохранились. Авторские подписи приводим в кавычках.

Фотографии сделаны в 1916 г. под Сморгонью, в то время, когда батальоны полка были отведены на 8 км от линии фронта. Чины полка они получили возможность прийти в себя после тяжелых боев, поэтому большинство фотографий отражает относительно спокойную обстановку.

² *Казбек Г.* Военная история Грузинского гренадерского его императорского высочества великого князя Константина Николаевича полка в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865 (переиздан: СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.); *Грулев.* Юбилейная памятка 14-му гренадерскому Грузинскому генерала Котляревского полку. В день 200-летнего юбилея (для солдатского чтения). Тифлис, 1900. 27 с.; *Махлаюк.* Боевая жизнь 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка в турецкую войну 1877–1878 гг. Тифлис, 1898. 246 с.; *Махлаюк.* Грузинцы в Закавказье. Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка. Второе столетие. Тифлис, 1900. 464 с.; *Козлов А. В.* 14-й гренадерский Грузинский полк в Великой войне. 1916 год. М., 2018.

³ В составе Кавказской гренадерской дивизии 1-я и 2-я гренадерские бригады и Кавказская гренадерская артиллерийская бригада. В составе 1-й гренадерской бригады 13-й лейб-гренадерский Эриванский и 14-й гренадерский Грузинский полки. В составе 2-й гренадерской бригады 15-й гренадерский Тифлисский и 16-й гренадерский Мингрельский полки.

ку: бивуак полка, чистка оружия, раздача хлеба, медицинский осмотр, починка обуви, даже сцена солдатского спектакля.

Но, кроме этого, фотографии запечатлели последствия атаки в ночь с 19 на 20 июля 1916 г. отравляющими газами, которую пришлось испытать и отведенным от передовой батальонам. Газовая атака у Сморгони началась около часу ночи в то время, когда 15-й гренадерский Тифлиссский полк менял на позициях 14-й гренадерский Грузинский полк. К началу газовой атаки 2-й батальон грузинцев уже успел смениться и подходил к деревне Белая. За ним шел 4-й батальон, успевший отойти от Сморгони более чем на километр. 1-й батальон гренадер Грузинского полка только выходил из Сморгони, и 3-й батальон еще находился в окопах. На место отведенных батальонов Грузинского полка заступили четыре батальона Тифлиссского полка. Русское командование допускало возможность газовой атаки на этом участке фронта. Расстояние до немцев было около 2200 шагов, местность открытая и ровная. Метеослужба дивизии прогнозировала ровный западный ветер в сторону русских позиций. Предпринимали меры безопасности: высылали наблюдателей, проводили звонки оповещения, готовили средства защиты.

В начале первого ночи немцы начали артиллерийский обстрел, а затем выпустили удушливые газы. Первая волна накрыла позиции Тифлиссского полка и 1-го батальона Мингрельского, захватила всю Сморгонь и к двум часам ночи накрыла станцию Залесье и деревню Ветхово. Газы пускали в пять-шесть волн с 2.30 до 5.30 утра. Цвет газа был молочно-сероватый со слабым зеленоватым отливом, а по краям был более темного цвета. Около 6.00 выпустить седьмую волну газов немцам не позволило изменившееся направление ветра.

Офицеры и нижние чины утверждали, что первоначально запах газового облака был приятным: «Пахло яблоками, фруктами, скошенным сеном». Но вскоре запахло дезинфекционной хлоркой. Начинало щипать в горле, при дальнейшем вдыхании без противогаза наступало удушье, мучительный кашель, изо рта шла зеленовато-желтая пена. Листва и хвоя на деревьях и кустарниках побурели. В результате газовой атаки к 27 июля во 2-м Кавказском гренадерском корпусе умерли 4 офицера и 282 нижних чина, в тыл были эвакуированы 20 офицеров и 2646 нижних чинов.

Особенно значительные потери понес 2-й батальон грузинцев, хотя находился более чем в 8 км от передовой. Офицеры и нижние чины надели противогазы только минут через 7–10 после того, как появились признаки отравления. Жертв могло быть еще больше, если бы не мужество и самопожертвование офицеров полка: во время газовой атаки, увидев беспорядок и замешательство сменявшихся подразделений,

Ил. 1. «В атаку»

Обращают на себя внимание густые цепи наступающих.

Ил. 2. «Ход сообщения под м. Сморгонью»

Белорусский город Сморгонь офицеры в подписях назвали «м.» — местечком, вероятно, потому, что за время боев с сентября 1915 г. город с 16-тысячным населением был разрушен и обезлюдел.

командир 3-го батальона полковник А. Д. Отхмезури, а также ротные командиры прапорщики Лапшин, Криворученко и Шамжа, сняв противогазы, стали подавать команды голосом. Ценой собственной жизни они спасли десятки чинов полка⁴. Траурные церемонии похорон героев запечатлел штабс-капитан Мартынов. Приводим фотографии 14-го гренадерского Грузинского полка 1916 года.

⁴ Материал о газовой атаке изложен по: Гужва Е. Г. «Пахло яблоками, фруктами и скошенным сеном...». Газовая атака немцев против русских войск под Сморгонью в ночь с 19 на 20 июля 1920 года // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 13–17.

Ил. 3. «На полковом празднике у Эриванцев»
Первый полк 1-й гренадерской бригады — 13-й лейб-гренадерский Эриванский.

Ил. 4. «Офицерское собрание на позиции»
Все заняты делом: слева у походной кухни режут хлеб, справа разбирают котелки. На крышах землянок сушится белье.

Ил. 5. «Телесный осмотр»

Ил. 6. «Станция Залесье на период газовых атак 20 июля 1916 года»

Ил. 7. «За госпиталем». Затишье, солдатик снял сапоги, давая отдых натруженным ногам

Ил. 8. «Раздача хлеба»

На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой —
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой*

Ил. 9. «Бивуак полка»

* Твардовский А. Т. Василий Теркин. Книга про бойца. М.: Советская Россия, 1980. С. 86.

Ил. 10. «Солдатский спектакль»

Ил. 11. «Походная ружейная мастерская»

Ил. 12. «Блиндаж». Дымится труба. Два гренандера решили покурить махорку, у одного за сапогом по фронтовому обычаю ложка (Лист с фото №20 утрачен. Сохранилась подпись: «Разрыв снарядов во время атаки /снято телеобъективом/»)

Ил. 13. «Походный лагерь в лесу под Сморгонью»

Ил. 14. «В окопах. Снято в 100 шагах от германцев»

Ил. 15. «Стрелок в окопе»

Ил. 16. «Похороны полковника Отхмезури после газовой атаки 20 июля 1916 года»

Ил. 17. «Похороны г. офицеров, погибших 20 июля 1916 года под м. Сморгонью»

Ил. 18. «М. Сморгонь, где были газовые атаки 20 июля 1916 года»

*Ил. 19. «Блиндаж под Сморгонью отдельной батареи 120»
(Лист с фото № 29 утрачен. Сохранилась подпись: «Лазарет графини А. Л. Толстой и пострадавшие грузинцы и тифлисцы после газовой атаки 20 июля 1916 года).*

Ил. 20. «Палатка командира Грузинского полка». Вероятно, крайний слева сидит командир полка полковник Г. Е. Вишняков

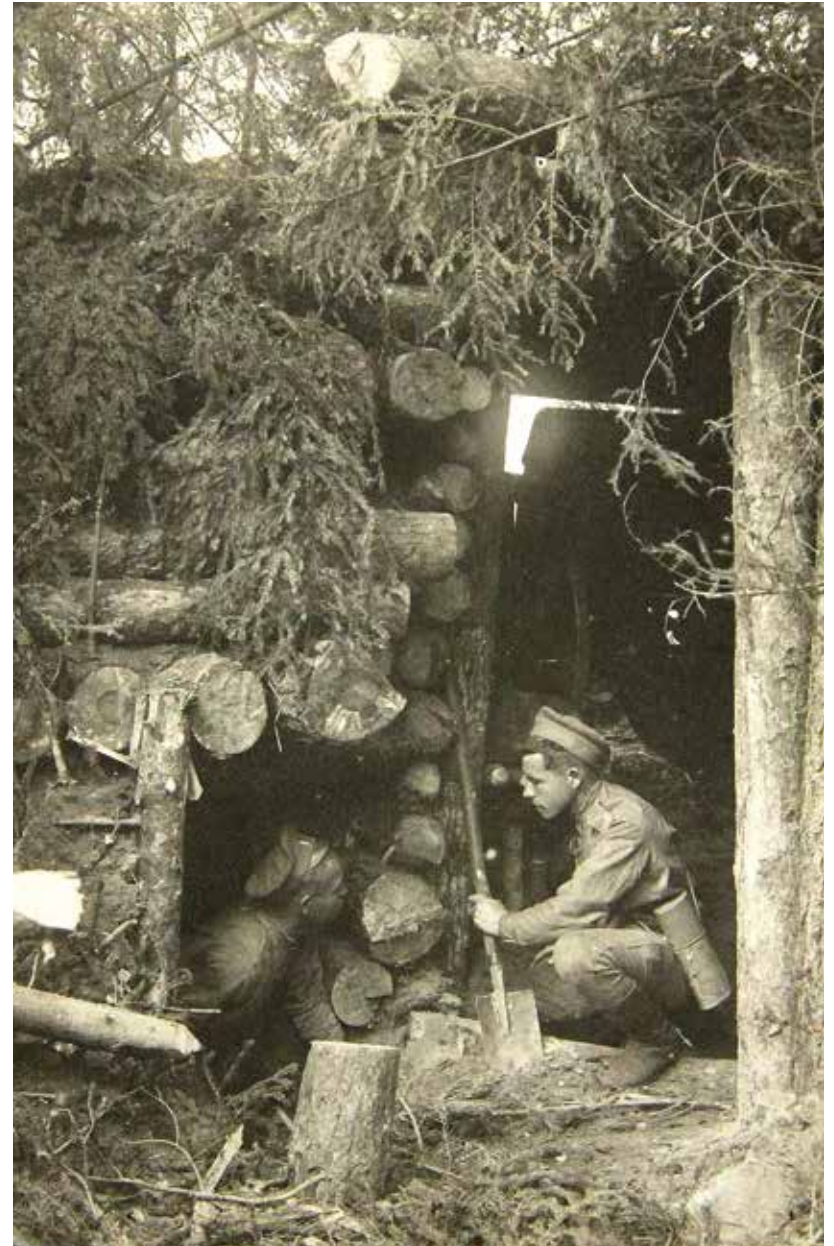

Ил. 21. «Георгиевские кавалеры Грузинского полка». Гордость полка — brave унтер-офицеры, награжденные Георгиевскими крестами и медалями. У многих на погонах хорошо читается вензель наследника

Ил. 22. «После газовой атаки. Умирающим облегчают страдания кислородом (Лист с фотографией № 33 утрачен. Сохранилась подпись: «Атака грузинцев под Криво 12 сентября 1915 года. Снято телеобъективом и увеличено в три раза»).

Ил. 23. «Во время обстрела аэропланов в блиндаже»

Ил. 24. «По аэроплану». Установлена 3-дюймовая полевая пушка образца 1900 года. Хорошо виден каучуковый накатник

Ил. 25. «Телесный осмотр»

Комплект фотографий, присланных в Трофейную комиссию лейб-гвардии Петроградским⁵ полком. 1916 год. ВИМАИВиВС. Инв. №19/1824 (1-22)

22 фотографии сняты в июле — сентябре 1916 года, сшиты шнурком, скреплены металлической кнопкой с двумя антабками, опечатаны гербовой полковой печатью лейб-гвардии Петроградского полка. На оборотной стороне каждой фотографии перед отправкой в Петроград карандашом были сделаны короткие подписи. Фотографии рассказывают о Великой войне, об участии в ней полка, о боях июля — сентября 1916 г., в которых фактически погибла русская гвардия⁶. На фотографиях офицерами полка проставлены даты: 15 июля и 3–7 сентября 1916 года.

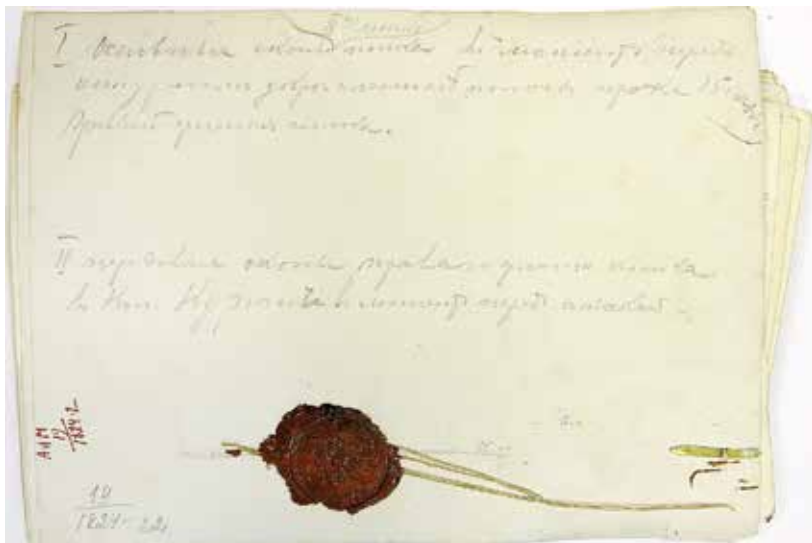
В боях 1914 г., тяжелом отступлении 1915 г. гвардия потеряла около 75% состава, была отведена в резерв «для восстановления в духе и силе» и находилась в резерве с октября 1915 г. до начала июля 1916 г. Войска гвардии объединили в Особую армию, состоящую из двух Гвардейских корпусов. 1-й корпус состоял из 1-й и 2-й Гвардейских пехотных дивизий, 2-й корпус — в составе 3-й Гвардейской пехотной и Гвардейской стрелковой дивизий. Командовал Особой армией генерал В. М. Безобразов⁷.

⁵ В 1894 г. полку были пожалованы права старой гвардии и до начала Первой мировой войны он назывался так: лейб-гвардии Санкт-Петербургский короля Фридриха-Вильгельма III полк.

⁶ Керсновский А. А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 78–79.

⁷ Строчков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974.

Ил. 26. Комплект фотографий л.-гв. Петроградского полка. 1916 г. Обратная сторона с полковой печатью

Летняя кампания 1916 г. должна была начаться наступлением Западного фронта при содействии Северного фронта при демонстративном наступлении войск Юго-Западного фронта южнее Полесья раньше других, чтобы отвлечь на себя силы противника и облегчить задачу войскам Западного фронта. Демонстрация Юго-Западного фронта обратилась в знаменитый прорыв (т. н. Брусиловский) и наступление, вызвавшие постановку новых задач. Одной из таких задач явилось овладение Ковельским железнодорожным узлом с форсированием линии реки Стоход⁸.

Главные усилия ставка перенесла на Юго-Западный фронт, куда и направили гвардию — стратегический резерв верховного главнокомандующего. В середине июля войска прибыли на Юго-Западный фронт.

Безобразов Владимир Михайлович (1857–1932). С 1913 генерал от кавалерии. Участник Русско-турецкой (1877–1878), Русско-японской (1904–1905), Первой мировой войн. С ноября 1915 г. командующий Гвардейским отрядом, в 1916 — командующий Особой армией. Награжден Георгиевским оружием (1914). См.: Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2009. С. 127.

⁸ Адамович Б. В. Трыстенъ 15–28. VII. 1916. Ко дню 225-летия л.-гв. Кексгольмского полка 1710–29/VI-1935. Париж, 1935.

В состав 3-й Гвардейской пехотной дивизии 2-го Гвардейского корпуса входили полки лейб-гвардии Литовский, Кексгольмский, Петроградский, Волынский. Участок 3-й Гвардейской пехотной дивизии на левом фланге войск гвардии был «ударным», направленным на переправы через реку Стоход.

Противник прекрасно понимал значение Ковеля. Австрийцы создали сильные укрепленные позиции с несколькими линиями укреплений, насыщенные полевой и тяжелой артиллерией, проволочными заграждениями в 4–8 рядов, множеством пулеметных точек. Для отражения русского наступления немцы стягивали резервы, перебрасывали австрийские корпуса с итальянского фронта. В районе Ковеля был сосредоточен 10-й армейский корпус немцев. В ковельском районе противник сосредоточил авиацию, активно используя ее в боях за переправы через реку Стоход. Враг превратил Ковельский укрепленный район в неприступную крепость.

Л.-гв. Кексгольмский полк занял позиции на правом участке позиции дивизии против деревни Трыстенъ. Л.-гв. Петроградский полк находился на левом участке — напротив укрепленного редута противника. Была поставлена задача сбить противника и, развивая успех, на его плечах форсировать переправы через Стоход. 15 июля, в день первого Ковельского сражения, войска Юго-Западного фронта перешли в наступление по всему фронту от Припяти до Прута. Петроградский полк получил приказ нанести лобовой удар.

Атакуя сильно укрепленные позиции, гвардейцы продвинулись на 10 км, взяли в плен более 20 000 солдат и офицеров противника, 56 орудий, но дальнейшее продвижение было остановлено. Штурмовать приходилось по болотам русла реки Стоход. Её высокий левый берег, кроме естественных преград, был сильно укреплен противником. Атаковать приходилось с низкого, простреливаемого правого берега. Сказывался недостаток тяжелой артиллерии. Враг вел ураганный огонь по наступающим. Петроградцы вышли из своих окопов в атаку под огнем, как один человек, но попали под такой сильный огонь с флангов, что не смогли продвинуться вперед, неся большие потери. Между Петроградским и Кексгольмским полками образовался опасный разрыв.

На помощь л.-гв. Петроградскому полку выдвинули из резерва л.-гв. Литовский полк, и вместе они справились с задачей: редут, его гарнизон и пулеметы были взяты. Но дальнейшие попытки наступать приводили к огромным потерям. «С наступлением темноты поле боя буквально стонало, так много раненых не было убрано», — вспоминал генерал А. Е. Кушакевич. За один день боя выбыла более половины состава полков. Раненых было в восемь раз больше, чем убитых.

16–21 июля русские войска не смогли продвинуться вперед. Гвардия атаковала в полный рост, густыми цепями. Наступали по болотам,

Ил. 27. Помощь отравленным газом. 3/IX 1916 г.

Первый раз немцы применили газ на Сморгонском участке боев против 3-й Гвардейской пехотной дивизии 12 октября 1915 г. С апреля 1916 г. газовые атаки вошли в разряд обычных боевых действий.

Ил. 28. Неприятельский опорный пункт, взятый 15-го июля 1916. Вид сбоку

Ил. 29. Кладбище убитых 15-го июля 1916 г. в бою у колонии Курган

Над самой землей скромная вывеска: «Братское кладбище». На некоторых крестах установлены иконки, таблички из срезов березовых стволов. На табличке креста на переднем плане надпись: «Здесь покоятся 16 чел. ниж. чин. л.-гв. Петроградского п., убит. в бою 15 июля 1916 г. Вечная память героям»*.

Ил. 30. Убитый австриец у своего проволочного заграждения

* Здесь покоятся 16 человек нижних чинов л.-гв. Петроградского полка, убитых в бою 15 июля 1916 г.

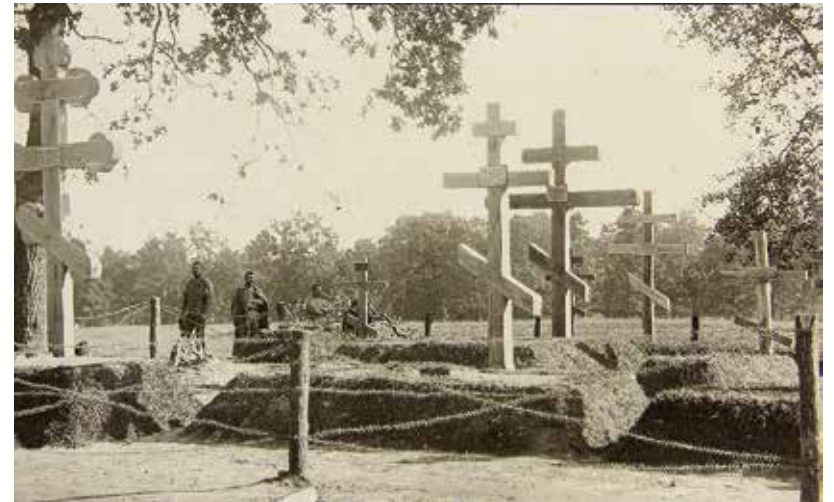
Ил. 31. Передовая линия неприятеля, захваченная полком 15 июля 1916 года

Ил. 33. Панихида по убитым героям. 7-го IX 1916 г.

Ил. 32. Братское кладбище и могила фельдшера Раскова у колонии Винторовка 16 июля 1916 г. На кресте табличка с надписью: «Здесь похоронен фельд. л.-гв. Петрогр. п. Алексей Расков»

Ил. 34. Вид кладбища под д. Шельвов, где похоронены герои полка, павшие в бою 16-го июля 1916 г.

Ил. 35. Братское кладбище героев у д. Вицентов, павших в бою 15 июля 1916 г.

Ил. 37. Шесть германских и один австрийский пулеметы, взятые полком 7 сент. 1916 г. при атаке высоты 109,4. Пулеметы получили большое распространение в годы войны, имели большое значение. Вражеский пулемет — почетный трофей полка.

Ил. 36. Убитый на поле сражения 15-го <июля — Т. И.> рядовой л.-гв. Петрог. полка»

Ил. 38. Пленные австрийцы и германцы, взятые полком в бою 15 июля 1916 г.». В левом верхнем углу полу стертая надпись чернилами: «Пленные германцы, взятые в бою 7 сентября л.-гв. Петр. полком»

протокам, где вода доходила по шее. «Движение цепей шло очень медленно, ноги так засасывались болотом, что люди падали или вытягивали ноги из тины с помощью рук, дабы не оставить в болоте сапоги. Рукава реки оказались такими глубокими, что офицеры и солдаты в них тонули. Не хватало санитаров для оказания помощи раненым и выноса их из боя, а здоровые расстреливались немцами как куропатки. Из полка осталось приблизительно около роты. Здесь для русской гвардии наше командование вырыло могилу»⁹.

Ю. В. Зубов писал, что только за день 15 июля потери гвардии составили 12 тыс. нижних чинов. Незначительное пространство в дуге реки Стохода от деревни Райместа до деревни Киселена было захвачено 16 и 17 июля ценой 30 тыс. убитых и раненых, т. е. потерей 50% личного состава гвардейской пехоты¹⁰.

В результате боев между 15 и 25 июля потери гвардии превысили 45 тыс. нижних чинов, т. е. 70% личного состава пехоты, особенно пострадали 2-я и 3-я гвардейские пехотные дивизии.

«О действиях гвардии вместе с 1-м и 30-м армейскими корпусами под Ковелем с 8 по 27 июля 1916 года» генерал Безобразов докладывал императору: «Общая атака армий Юго-Западного фронта была назначена на рассвете 10 июля. Однако наша готовность была внешняя, так как ставшие на позицию войска лишь 10-го начали получать сведения от своей собственной разведки — пехотной и артиллерийской. Разведки эти выяснили, что полоса болот, за которыми стала гвардия, на фронте Райместа — Кияж проходила на весьма тесном для атаки участке — колония Переходы до колонии Фишко (всего около 3 верст). Провлинные дожди ухудшили дело, увеличив труднодоступность болот, разделявших нас от противника». Атаку перенесли на 15 июля. «Штурм начался 15 июля ровно в 13 часов после семичасовой артиллерийской подготовки. В согласии с 8-й армией гвардия прорвала укрепленный фронт неприятеля, взяла 46 орудий, около 5000 пленных, из них 150 офицеров. 16 июля бой продолжался, но трудные условия проходимости реки Стохода задержали дальнейшее продвижение гвардии»¹¹.

Далее генерал объяснял, что к утру 24 июля закончил перегруппировку войск. 26 июля войска двинулись в атаку, но уже 28-го перешли к активной обороне. В заключение генерал от кавалерии Владимир Ми-

хайлович Безобразов «по долгу службы доносил», что вверенные ему войска «с полным самоотвержением исполнили свой долг». Он указал при этом потери в боях 15–27 июля: 30-й армейский корпус убитыми и ранеными — 10048 человек, 1-й армейский корпус — 8111, 1-й гвардейский корпус — 12755, 2-й гвардейский корпус — 17721¹².

В августе наступление возобновилось, но безрезультатно. Наступление на Ковель окончилось неудачей.

3 сентября началось новое ковельское наступление. 2-я Гвардейская пехотная дивизия наступала на лес Сапог. Короткая артиллерийская подготовка атаки не дала желаемых результатов, позиции противника не были достаточно изучены, войска при незначительном успехе несли большие потери. Вторая линия обороны противника останавливала поредевшие цепи атакующих. Контратакой противник остановил продвижение войск в лесу Сапог. Скромный успех сентябрьских боев обошелся очень дорого. До 30000 гвардейцев выбыло из строя. Особенно пострадала 3-я гвардейская пехотная дивизия. Из 180 офицеров четырех полков в строю осталось 26.

Ковель — ключ ко всему Полесью. Его штурм не мог свершиться иначе, как в лоб через болотистую долину реки Стоход. Гвардия могла наступать по фронту не более чем десятью ротами. Остальные войска шли колоннами в затылок друг другу, что облегчало дело вражеской артиллерии. В сражениях июля — октября 1916 г. победы мая — июня были утоплены в крови громадных потерь¹³.

Рассмотрим фотографии 1916 г. — весточки событий столетней давности, присланные л.-гв. Петроградским полком для потомков в память о тех героических и трагических событиях. Сохраняем орфографию сделанных офицерами полка подписей, взятых в кавычки.

Список литературы

- Адамович Б. В.* Трыстенъ 15-28.VII. 1916. Ко дню 225-летия л.-гв. Кексгольмского полка 1710-29/VI-1935. Париж, 1935. 63 с.
- Волков С. В.* Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2009.
- Грулев.* Юбилейная памятка 14-му гренадерскому Грузинскому генерала Котляревского полку. В день 200-летнего юбилея (для солдатского чтения). Тифлис, 1900. 27 с.
- Гужва Е. Г.* «Пахло яблоками, фруктами и скошенным сеном...». Газовая атака немцев против русских войск под Сморгонью в ночь с 19 на 20 июля 1920 года // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 13–17.

¹² Там же. С. 178.

¹³ Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 3. Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918). М.: Кучково поле, 2015. С. 76.

⁹ *Пронин А.* Гибель русской гвардии // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба (электронный ресурс). URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/09/08/gibel_russkoj_gvardii (дата доступа: 10.10.2018 г.).

¹⁰ *Зубов Ю. В.* Лейб-гвардии Преображенский полк. С полком прадедов и дедов в великую войну 1914–1917 гг. М.: Изд-во «ФИБ», 2014. С. 163–164.

¹¹ Там же. С. 176.

Ил. 39. Три германских и один австрийский пулеметы, захваченные полком после прорыва укрепленной полосы противника в бою 15 июля

Ил. 40. Убитые в бою 15-го наши солдаты под отдельным дубом, находящимся перед опорным пунктом. На этой площади работало два неприятельских пулемета и еще один слева

Ил. 41. Вверху: II линия полка в момент перед штурмом укрепленной полосы противника 15 июля. Правый фланг полка. Внизу: Передовые окопы правого фланга полка в колонии Курган в момент перед атакой

Зубов Ю. В. Лейб-гвардии Преображенский полк. С полком прадедов и дедов в великую войну 1914–1917 гг. М.: Изд-во «ФИВ», 2014.

Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского его императорского высочества великого князя Константина Николаевича полка в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865 (периздан: СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.).

Керсновский А. А. История русской армии. М., 1994. Т. 4.

Козлов А. В. 14-й гренадерский Грузинский полк в Великой войне. 1916 год. М., 2018.

Махлаюк. Боевая жизнь 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка в турецкую войну 1877–1878 гг. Тифлис, 1898. 246 с.

Махлаюк. Грузинцы в Закавказье. Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка. Второе столетие. Тифлис, 1900. 464 с.

Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 3. Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918). М.: Кучково поле, 2015.

Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974.

Твардовский А. Т. Василий Теркин. Книга про бойца. М.: Советская Россия, 1980.

Tatiana Nikolaievna ILYINA

Honored Culture Worker, Ph. D. in History, Senior Research Fellow (fund curator),
Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: tat. i54@yandex.ru

“To make them remember”: Photos from the field life of the 14th Grenadier Georgian and Life Guards Petrograd regiments (1916)

Two unique albums with photos taken in 1916 on the positions of the First world war are held in the collection of the Military History Museum of engineering and communication troops. They represent two regiments of the Russian army with long traditions. Photos are published for the first time.

Keywords: Russian Imperial army, 14th Georgian Grenadier regiment, Petrograd Life Guards regiment, World War I, military everyday life.

УДК 94 (47).084.1

ББК 63.3 (2) 611

Антон Викторович РЕШЕТОВ

ведущий библиотекарь, отдел газет Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: reszetow@gmail.com

«У ТЕВТОНСКОЙ НАЦИИ, ПОНУКАЕМОЙ КНУТОМ ПРУССКОГО ДЕСПОТА, НЕТ ШАНСОВ НЕ ПОБЕДУ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ В МАРТЕ 1917 г.

Победа Февральской революции в 1917 г. вызвала серьезные изменения в российской прессе. Многие правые издания были закрыты, но стали выходить десятки новых газет. В новых реалиях отечественные журналисты обращались к историческим сюжетам, рассмотрение которых до этого, особенно в условиях военной цензуры, было невозможно. Проводились параллели с Великой французской революцией, Английской революцией XVII в. и другими сопоставимыми масштабными европейскими потрясениями. Кроме того, внимание уделялось и истории демократии в самой России — традициям русского парламентаризма в средневековом Новгороде и Пскове, земским соборам XVII в., реформам Александра II. Столичная пресса в первые недели после революции отмечала, что Россия имеет давние демократические традиции. Это был один из важнейших факторов легитимизации новой власти.

Ключевые слова: Февральская революция, 1917 год, исторический дискурс, российская пресса.

Давно отмечено, что март — месяц революций и переворотов. Нынешняя Великая русская революция произошла в марте. Юлий Цезарь был убит в марте месяце. Революция 1848 года произошла в Германии и Австрии в марте. Парижская коммуна 1871 года была провозглашена 18 марта. Александр II был убит революционерами 1 марта 1881 года

*Биржевые ведомости (утренний выпуск).
1917. 14 марта*

Победа Февральской революции в марте 1917 г. вызвала кардинальные изменения в российской печати. Были закрыты многие правые издания (в том числе крупнейшие — «Русское знамя» и «Земщина»), при этом стали выходить десятки новых газет. Основное внимание российская печать в марте 1917 г. уделяла общественно-политической жизни ситуации на фронте. При этом в новых реалиях отечественные журналисты достаточно активно стали обращаться к историческим сю-

жетам, рассмотрение которых до этого, особенно в условиях военной цензуры, было невозможным.

Ожидаемо, что среди всех исторических сюжетов наибольшее внимание уделялось Великой французской революции. При этом российские журналисты выделяли как общие черты, которые роднили Февральскую революцию (или, как писали современники, «Великую русскую революцию») с произошедшим в 1789 г., так и коренные различия этих судьбоносных событий.

В либеральных газетах подчеркивались общие черты двух революций (борьба за свои права, требование представительства, наличие внешних противников и пр.), а в социалистических, напротив, различия в самой сути революций 1789 и 1917 г. Великая французская революция «ничего не изменила в отношениях между рабочим классом и классом предпринимателей», а Русская революция, напротив, призвана «расширить все проявления человеческой личности для уничтожения всех классовых и сословных перегородок общества», писала меньшевистская газета «День»¹.

Говоря о перспективах войны с Центральными державами, отечественные журналисты также часто обращались к опыту революционной Франции. Весьма характерны следующие строки, опубликованные в одной из ведущих российских газет — «Новом времени»: «В 1793 году на границах молодой французской республики стояли наёмные войска первой великой противореспубликанской коалиции Питта <...> Нужно было победить или умереть. Иного исхода не было. 23 августа 1793 года конвент обратился к французскому народу с горячим призывом о защите и спасении страны <...> Пламенная энергия конвента вдохновила всю Францию, и французский народ вышел победителем: спас конституцию и страну»².

Далее автор отметил, что несмотря на то, что Россия находится не в такой тяжелой ситуации и Временное правительство признано на международной арене, обстановка всё равно крайне тревожная — поражение в войне не только уничтожит молодую русскую демократию, но и может привести к воцарению династии Гогенцоллернов на русском престоле³. Развивая эту тему, другой публицист указывал на ещё один интересный аспект — революция в России превратила Антанту в союз демократических свободных государств⁴. И теперь у «тевтонской нации, понукаемой кнутом прусского деспота», нет шансов не победу»⁵:

Французская революция 1789 г. громом прокатилась по всей Европе, дойдя до пределов России — царства Польского <...> Французская революция 1848 г. вызвала немедленные отклики в Германии, Австрии, Италии, Венгрии и привела в этих странах к установлению конституционного строя. И едва ли можно сомневаться, что оглушительное известие о русских событиях <...> не подействует на немцев отрезвляющим образом⁶.

Ещё одна тема, обсуждая которую авторы обращались к опыту революционной Франции, была связана со смертной казнью. В то время как Великая французская революция, «провозглашая свои высокие принципы прав человека и гражданина, не гнушалась, тем не менее, насаждать эти принципы при помощи палача», то «Русская революция XX века во имя тех же принципов начинает с того, что берет человеческую жизнь под свою охрану»⁷.

Проводились параллели и с Французской революцией 1848 г. Мы бы хотели на примере двух публикаций показать, как различные политические силы по-разному интерпретировали одни и те же события. «Биржевые ведомости», которые после революции были близки к либеральным кругам, 11 марта опубликовали большую статью о событиях 1848 г. Издание провело несколько параллелей между 1848 и 1917 г., в том числе указав, что выступление стало возможно благодаря сотрудничеству умеренных и крайних политических элементов, на попытки спасти династию с помощью отречения, а также на схожие лозунги революции. Что касается расхождений, то во Франции между «трёхцветными» и «красными» республиканцами сразу начались трения, а в России между Думой и Советом рабочих и солдатских депутатов было сразу заключено соглашение⁸.

Через несколько дней «Известия» (орган Петроградского совета) обратились к этим же событиям, представив их немного в другом свете. Издание указывало, что французский пролетариат в 1848 г. допустил ошибку, доверившись буржуазии. Учитывая этот печальный опыт, «Известия» призывали к созданию красной (рабочей) гвардии, которая сможет защитить завоевания революции (и предотвратить резню, аналогичную июньским событиям 1848 г.)⁹.

«Известия» в марте 1917 г. неоднократно писали, что революция ещё не закончена, приводя при этом примеры из отечественной и мировой истории. Уже в начале марта орган Петросовета публикует большой

¹ Загорский С. Социальные задачи русской революции // День. 1917. 12 марта.

² Свобода в победе // Новое время. 1917. 10 марта.

³ Там же.

⁴ Демократизация Европы // Раннее утро. 1917. 15 марта.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Смертная казнь в России отменяется // Новое время. 1917. 18 марта. С. 13.

⁸ Бутенко В. Две февральские революции // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1917. 11 марта.

⁹ Неотложная необходимость // Известия. 1917. 19 марта.

материал, посвященный революции в Китае в начале XX в.¹⁰ Издание отметило, что несмотря на победу первой китайской революции, в лагере победителей оказался сторонник императорской власти Юань Шикай, который впоследствии совершил переворот. Потребовалась ещё одна революция, чтобы отстранить его от власти. Завершая статью, «Известия» предлагали читателя ответить на вопрос, возможно ли повторение аналогичных событий в России и призывали к устранению всех лиц, связанных со старой властью¹¹.

Николая II часто сравнивали с Людовиком XVI. Подчеркивалось сходство демократических реформ, которые пытались воплотить оба монарха на фоне революционных событий. Также указывалась схожесть трагедии на Ходыньском поле и давкой на свадьбе Людовика с Марией-Антуанеттой¹². Из российских императоров Николая сравнивали с Павлом I (из-за неуравновешенной психики: «Павел — помешанный с буйного отделения сумасшедшего дома, а Николай — опасный неврастеник, может быть, даже параноик, которому место под хорошим врачебным присмотром»¹³) и Петром III («Петр III был добровольным шпионом прусского Фридриха, Николай II был данником берлинского Вильгельма»)¹⁴.

При этом на страницах периодических изданий неоднократно отмечалось, что в истории Российской империи были и передовые лидеры. К таковым обычно относили Петра I, Екатерину II (но её сильно критиковали за разделы Польши), Александра I (в первые период его царствования, до того, как он попал под «власть Аракчеева и шайки его палачей»), Александра II, который также хорошо начал, но попал под влияние жандармов, за что и был убит¹⁵. Вообще, для социалистов убийство (вернее, «казнь») последнего была важнейшей вехой революционной истории России, а себя они рассматривали как прямых наследников народовольцев: «Между единоборством маленькой, но сильной героизмом группы революционеров и победоносным массовым восстанием, которое мы теперь переживаем, есть прямая и непосредственная связь»¹⁶.

В марте на страницах петроградских газет публиковались многочисленные призывы к изданию полного собрания сочинений Герцена,

причём максимальным тиражом и с минимальной ценой, чтобы сделать его доступным для каждого¹⁷. Также предлагалось рассмотреть вопрос установки памятников Герцену, декабристам и др. «борцам за свободу», а также уничтожения ряда монументов (прежде всего, Николаю I в Петрограде, Столыпину в Киеве, Екатерине II и Паскевичу в Польше и Литве)¹⁸.

Другой вопрос, обсуждая который отечественные журналисты активно обращались к истории, был связан с местом проведения Учредительного собрания (в Москве или Петрограде). В пользу Москвы говорили доводы о её «народности» и «историчности» (в отличие от «немецкого Петербурга»), а также то, что именно там проводились Земские соборы (которые часто называли Учредительным собранием)¹⁹. Сторонники созыва Учредительного собрания в столице указывали, что именно Петроград является центром революционной жизни, тут сосредоточены основные силы, поддерживающие новую власть. Весьма характерны следующие строки: «Если Москва выбирала самодержавных царей, то пусть Петроград в лице Учредительного собрания выберет ту новую свободную форму правления, которую продиктует ему воля народа»²⁰. Любопытно, что и тут авторы обращались к опыту Китая: «В революционном Китае велась упорная борьба, где проводить учредительное собрание, в революционном ли Нанкине или “историческом Пекине”. Победил Пекин и принёс с собой сначала ограничения прав демократии, а потом и контрреволюционный переворот Юань Шикая»²¹.

После революции отечественные журналисты активно обращались к опыту средневековой русской демократии — Пскову, Новгороду и Вятке. Вообще, как либеральные («Биржевые ведомости»)²², так и центристские («Новое время»)²³ и социалистические («Известия»)²⁴ издания старались показать деятельность демократических институтов (вече) в Новгороде и Пскове в весьма выгодном свете. Отмечалось, что во много благодаря контролю веча над деятельностью князя этим республикам удалось достигнуть выдающихся успехов в экономическом развитии,

¹⁰ Пойдём ли мы за Китаем? // Известия. 1917. 5 марта.

¹¹ Там же.

¹² Знаменский И. Николай II // День. 1917. 5 марта.

¹³ Амфитеатров А. Знаменательная годовщина // Русская воля. 1917. 12 марта.

¹⁴ Тань. Красный лебедь // Русская воля. 1917. 12 марта.

¹⁵ Слонимский Л. Начало новой эпохи // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1917. 9 марта.

¹⁶ Роковая дата (1 марта 1881–1 марта 1917) // Известия. 1917. 2 марта.

¹⁷ В-ский А. Памяти Герцена // Петроградские ведомости. 1917. 12 марта.

¹⁸ Амфитеатров А. Идол самодержавия // Русская воля. 1917. 22 марта.

¹⁹ Меньшиков М. Кто кому изменил // Новое время. 1917. 18 марта.

²⁰ Суворин М. Москва или Петроград // Новое время. 1917. 15 марта.

²¹ Василенко К. Москва или Петроград? // Киевская мысль. 1917. 24 марта.

²² Приселков М. Народовластие в русской истории // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1917. 9 марта.

²³ Меньшиков М. Кто кому изменил // Новое время. 1917. 18 марта.

²⁴ Республика // Известия. 1917. 15 марта.

а также успешно отразить натиск тевтонцев и шведов²⁵. Неоднократно и вспоминали успехи начала XVII столетия, когда на фоне деятельности Земского собора удалось отстоять независимость России.

Подводя итог, можно отметить, что в марте 1917 г. отечественные журналисты весьма активно обращались к памятным датам российской и мировой истории. Ожидаемо проводились параллели с Великой французской революцией, Английской революцией XVII в. и другими сопоставимыми масштабными европейскими потрясениями. Кроме того, внимание уделялось и истории демократии в самой России — традициям российского парламентаризма в средневековом Новгороде и Пскове, Земским соборам XVII в., реформам Александра II. Столичная пресса (особенно либеральная) в первые недели после победы революции отмечала, что Россия имеет давние демократические традиции. На наш взгляд, это был один из важнейших факторов легитимизации новой власти. Активно обсуждался вопрос об издании новых исторических сочинений, открытии памятников, учреждения новых памятных дат.

В целом же исторический дискурс весьма органично вписывался в общий позитивный тон (особенно если сравнивать с более поздними публикациями) российской прессы марта 1917 г. Это связано с предполагаемыми успехами на фронте (как это было в начале XVII в. во время войны со шведами и полякам или во время французских революционных войн); хорошими перспективами в экономике (в этой связи либеральные издания обращались к опыту США, а социалисты — Швейцарии); созданию крепкой демократической политической системы. Безусловно, в наши дни, учитывая дальнейшие события, подобные взгляды представляются весьма наивными, но всё-таки картина будущего, которую российские журналисты создавали в первый послереволюционный месяц сквозь призму прошлого, кажется весьма позитивной.

Список литературы

- Амфитеатров А.* Знаменательная годовщина // Русская воля. 1917. 12 марта.
Амфитеатров А. Идол самодержавия // Русская воля. 1917. 22 марта.
Бутенко В. Две февральские революции // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1917. 11 марта.
Василенко К. Москва или Петроград? // Киевская мысль. 1917. 24 марта.
В-ский А. Памяти Герцена // Петроградские ведомости. 1917. 12 марта.
Демократизация Европы // Раннее утро. 1917. 15 марта.
Загорский С. Социальные задачи русской революции // День. 1917. 12 марта.
Знаменский И. Николай II // День. 1917. 5 марта.
Меньшиков М. Кто кому изменил // Новое время. 1917. 18 марта.
Неотложная необходимость // Известия. 1917. 19 марта.

²⁵ Меньшиков М. Указ. соч.

- Пойдём ли мы за Китаем? // Известия. 1917. 5 марта.
Приселков М. Народовластие в русской истории // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1917. 9 марта.
Республика // Известия. 1917. 15 марта.
Роковая дата (1 марта 1881—1 марта 1917) // Известия. 1917. 2 марта.
Свобода в победе // Новое время. 1917. 10 марта.
Слонимский Л. Начало новой эпохи // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1917. 9 марта.
Смертная казнь в России отменяется // Новое время. 1917. 18 марта.
Суворин М. Москва или Петроград // Новое время. 1917. 15 марта.
Тань. Красный лебедь // Русская воля. 1917. 12 марта.

Anton Viktorovich RESHETOV

Leading Librarian, Department of Newspapers, National Library of Russia
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: reszetow@gmail.com

«Teutonic nation, urged on by the whip of the Prussian despot had no chance of winning»: historical discourse on the pages of Russian newspapers in March 1917

The February Revolution in March 1917 caused major changes in the Russian press. Many right-wing publications were closed (including the largest, *Russkoe Znamya* and *Zemshchina*), while dozens of new newspapers began to emerge. Facing a new reality, domestic journalists actively addressed historical subjects, of which the consideration had been impossible especially under military censorship. Parallels were drawn with the French Revolution, the English Revolution and other major European upheavals. Attention was paid to the history of democracy in Russia itself, to parliamentary traditions in medieval Novgorod and Pskov, the *Zemskii Sobor*, or the Great Reforms. During the first weeks after the Revolution, the general echo and apparently a major factor to legitimize the new government in the metropolitan, and especially the liberal, press was that Russia had longstanding democratic traditions, preserved in society despite all adverse actions of the tsarist regime.

Keywords: February Revolution, 1917, historical discourse, Russian press.

УДК 94 (47).084.1

ББК 63.3 (4) 611

Алексей Викторович ОРЛОВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mobus@mail.ru

КОРНИЛОВ, ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ, АВГУСТ 1917 г. (ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ ДО ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА)

Статья посвящена вопросу о политической борьбе в русской армии летом 1917 г., противостоянию верховного главнокомандующего генерала Корнилова Временному правительству и революционным силам. Статья рассматривает взаимоотношения солдат и офицеров на фронте и в тылу, вопрос о смертной казни, о войсковых комитетах и движении генерала Корнилова к установлению в России военной диктатуры. Выясняются цели и анализируются причины неудачи этого движения.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская армия, Государственное совещание, Временное Правительство, большевики, Петроград, Керенский, Ставка, офицеры, смертная казнь, Совет рабочих и солдатских депутатов.

После июльского выступления 1917 г. в Петрограде пробольшевицких солдат и матросов политическая борьба в России не ослабла, а только на время потеряла прежнюю остроту. Все проблемы и вопросы этой борьбы остались неразрешёнными. Первой и главной из них, конечно, была проблема продолжения войны. Революция принесла на фронт совершенно новое состояние. Между офицерами и солдатской массой произошёл глубокий разрыв и возникло такое недоверие, которое невозможно было преодолеть одними приказами и наказаниями. Солдаты получили широкие права и создали собственные организации — полковые и армейские комитеты, куда офицеры не имели доступа и прав быть выбранными. Солдаты в своей массе смотрели на офицеров и, особенно, на высший генералитет (командующих армиями, фронтами и штабных) как на людей старого режима, обязанных своей карьерой и убеждениями царской власти и требовавших восстановления прежних порядков и подчинения.

Попыткой переломить положение было введение (восстановление) смертной казни на фронте 12 июля 1917 г., после известного Тарнопольского прорыва немцами на Юго-Западном фронте, совершённого 6 июля. Причиной такого шага было массовое дезертирство солдат и отказ выполнять распоряжения командования.

Илл. 1. Генерал Корнилов. 1917 г.

Государственное совещание в Москве (12–15 августа 1917 г.) продемонстрировало это противостояние ещё раз и достаточно резко. В центре внимания на этом совещании были речи генералов Л. Г. Корнилова и А. М. Каледина. Оба они признавали положение совершенно разрушенных фронта и армии совершенно недопустимым. Главными проблемами назывались: отсутствие дисциплины и дезертирство, отказ выполнять полученные приказы, самовольный уход с позиций, братание с противником, оспаривание распоряжений военного начальства, недоверие к офицерам, изолированность офицерского корпуса, самосуды солдат над неугодными им офицерами, политическая деятельность на фронте, понижение боевой выучки (отказ от военных занятий), очень плохое снабжение фронта и слабая работа тыла в интересах войны и фронта. Большой проблемой было пополнение фронта новыми формированиями. Кроме того назывались угроза голода на фронте и крайне неудовлетворительная работа транспорта. Между прочим, в этих речах подчёркивалась глубокая связь фронта и тыла и невозможность продолжать успешную войну без «наведения порядка в тылу». В своём выступлении 14 августа 1917 г. Каледин прямо потребовал: «1) Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой и распрями. 2) Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу. 3) Декларация прав солдата должна быть пересмотрена. 4) Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами. Тыл и фронт — единое целое»¹.

¹ Биржевые ведомости. 1917. 15 (28) августа.

Корнилов заявлял: «Необходимо поднять престиж офицеров. Офицерский корпус, доблестно сражавшийся во всё время войны, в громадном большинстве сразу ставший на сторону революции и оставшийся верным её делу, теперь должен быть вознаграждён нравственно за все понесённое им не по его вине унижение и за систематическое издевательство»².

В своей речи Корнилов ставил задачу «восстановления армии во что бы то ни стало», а для этого необходимо «восстановление дисциплины», поднятие престижа офицеров «путем предоставления соответствующей власти начальникам — офицерам и унтер-офицерам», ограничение прав армейских комитетов кругом «хозяйственных интересов и внутреннего быта армии, пределы которых должны быть указаны законом». Ещё существенней было то, что Корнилов требовал в отношении тыла, тех же мер: «Меры, принятые на фронте, должны быть приняты также и в тылу». Особо им подчёркивалось недопустимая работа железнодорожного транспорта. По убеждению Корнилова, если продовольственную проблему решить в близком времени нельзя, то «если суждено не доедать, то пусть не доедает тыл, а не фронт»³.

По существу речь Корнилова в её программной части содержала достаточно требований для установления в стране военной диктатуры. Однако нельзя было не замечать совершенно другого рода признаний со стороны тех же военных. Так, бывший главком, знаменитый генерал М. В. Алексеев в беседе с сотрудником газеты «Утро России» размышлял:

Раньше до марта, было очень скверно. Теперь, по справедливости, ещё хуже; раньше мы, как у нас ни плохо шло дело внутри страны и в армии, наделись на наше спасительное «авось»: теперь и на него надеяться нельзя! <...> Где та власть, которая законодательствует и распоряжается? Мы её не видим! <...> Солдат не хочет идти на смерть, когда ему говорят: «Эта война на пользу наших буржуев, англичан и французов, а не бедного человека; что тебе, во имя чего умирать? Иди домой и отними лучше от помещиков принадлежащую тебе по праву землю». <...> Весьма опасен и серьёзен для обороны вопрос транспорта; осталось только два месяца чинить большие паровозы, потом транспорт от естественных причин только ухудшится: чем подвезут хлеб, фураж и военное снаряжение? Ещё страшнее то, что крестьяне не дают хлеба взамен обесцененных денег и неправильно расцениваемых других предметов потребления. Всё это страшные и стихийные вопросы, разобраться и разрешить их может только исключительное напряжение⁴.

На совещании общественных деятелей 8–10 августа в Москве М. В. Алексеев

² Воля народа. 1917. 15 августа.

³ Там же.

⁴ Утро России. 1917. 10 августа.

нарисовал потрясающую картину развала армии. Он напомнил август 1914 года, занятие Галиции и гибель армии Самсонова, далее — невероятно тяжёлый 1915 год, когда русские войска, не поддержанные союзниками, без пушек, ружей и патронов, голой грудью всё-таки, в конце концов, выдержали натиск врага, затем — наступление на Юго-Западном фронте в 1916 году. И после этих, бегло сделанных напоминаний само собой ясно определилась причина июльского позора 1917 года. В дореволюционный период войны у нас не было материальных факторов успеха в бою: пушек и патронов, умения окапываться и сильно оборудованных позиций. Не на высоте стоял и командный состав⁵.

Воевать «голой грудью» приходилось в условиях 1917 года. На собрании офицеров Московского гарнизона его командующий полковник А. И. Верховский 10 августа так оценивал положение:

Наша трагедия в том, что Россия не была подготовлена к войне в таком грандиозном мировом масштабе. А война длится четвёртый год. Народ переутомлён и говорит: «Как я буду воевать, когда я получаю 1½ фунта хлеба в сутки?» Поэтому неизбежны реформы и в области экономической. <...> Коснувшись вопроса о создании новой и крепкой дисциплины, полковник Верховский заявил, что для этого необходимо, чтобы люди, посылаемые и идущие на смерть, знали и понимали, во имя чего они это делают. <...> Оценив политический момент, полковник Верховский указал, что раньше намечался некоторый политический центр, ядро которого составляли совершенно определённые политические группы. Но теперь произошло резкое расхождение вправо и влево. Правые круги предъявили свои требования, подготавливают тот взрыв, от которого они могут погибнуть сами. Левые же слои отошли от советов. За советами теперь уже не идёт, как прежде, большинство. Но весь ужас в том, что масса вообще ни за кем не пойдёт. И достаточно бросить в неё искру, чтобы возгорелся пожар анархии. А положение армии между этими уклонившимися слишком вправо и слишком влево таково, что она должна быть вне их влияний. Если она слишком близко коснётся крайне правого крыла или крайне левого, то это грозит гибелью. <...> Те впечатления, которые он вынес после своей поездки в Петроград, говорят, что Петроград утонул в резолюциях и словопрениях, и что сама Россия брошена на произвол судьбы⁶.

Можно с очевидностью заметить расхождения между заявлениями на Московском совещании Корнилова и Каледина. Если Каледин требовал безусловной ликвидации войсковых комитетов, то Корнилов признавал их пользу или необходимость. Вот как сообщалось об этом в печати в самый канун выступления генерала Корнилова:

Б. В. Савинков является категорическим защитником войсковых организаций. Как комиссар, прошедший школу сотрудничества комиссариата и войсковых организаций, он понял, что голос комиссара не может проникнуть

⁵ Утро России. 1917. 12 августа.

⁶ Утро России. 1917. 11 августа.

в армию без содействия организаций, и поэтому управляющий военным министерством не может быть сторонником взгляда, что при войсковых организациях нельзя восстановить дисциплины и боеспособность армии. И генерал Корнилов в своей докладной записке «Временному правительству» определённо и категорично стоит за упрочение и утверждение армейских организаций. «...» Корнилов пишет: «Комитеты обеспечивают своим существованием, символизирующим в глазах масс бытие революции, спокойное отношение к тем мероприятиям, которые необходимы для спасения армии и страны на фронте и в тылу». В совещании при ставке, открывающемся 24-го августа структура войсковых организаций будет окончательно поставлена в определённое законом положение в связи с обсуждением положения о комиссарах «...» По выработанному политическим управлением положению о комитетах им отводится вся полнота хозяйственных функций, культурно-просветительной деятельности и вопросов политически-бытовой жизни войск⁷.

Таким образом, и от «политики» армия не устранилась. Армия в условиях революции быть «вне политики», как того требовал Каледин, не могла. Это замечание относительно роли войсковых организаций показывает, однако, насколько изменились условия в армии и на фронте в результате революции. Командный состав уже не мог быть единственным и достаточным авторитетом, чтобы руководить солдатами единолично. Доверия к офицерам не было.

В этом же смысле весьма показательна реакция самих солдатских представителей по вопросу о роли комитетов и их правах. В совещании в Бердичеве 24 августа 1917 г. была принята следующая резолюция исполнительного комитета юго-западного фронта и представителей армейских комитетов:

Ввиду медленности, с которой восстанавливается боеспособность армии, совещание исполнительного комитета Юго-Западного фронта с армейскими комитетами считает нужным подчеркнуть длительность этого процесса и положить этим предел надеждам восстановления боеспособности армии в короткий срок. Приветствуя принцип передачи дисциплинарной власти из рук одного лица в руки выборного коллегиального учреждения, как одно из могучих средств поднятия дисциплины, совещание признаёт для всех выборных воинских организаций юго-западного фронта обязательным самое деятельное участие в укреплении и немедленном проведении в жизнь развития коллегиальных учреждений — дисциплинарных судов. В связи со слухами о восстановлении дисциплинарной власти командного состава, совещание категорически высказывается против подобных опасных попыток и обращает внимание всех представителей революционной власти на продолжающуюся болезненность в отношениях офицеров и солдат и на нервно-напряжённое состояние солдатских масс. Призывая все войсковые организации к дружной и творческой работе, совещание высказывает твёрдую уверенность, что

при их деятельном участии прочный революционный порядок установится в рядах армии, которая станет тогда не только боеспособной, но и надёжным оплотом революции в борьбе против тёмных сил⁸.

На совещании комиссаров и армейских комитетов при Ставке 27 августа после доклада представителей военного министерства поручика Степуна и прапорщика Толстого, изложивших основные принципы нового организационного устава войсковых комитетов, организации комиссариата в армии,

солдат Дашевский возражал против предоставления комиссарам права роспуска комитетов и вообще против расширения прав комиссаров по отношению к комитетам, но настаивал на предоставлении комиссарам больших прав в отношении командного состава. Венгеров изложил принципы организации комитетов, принятые межфронтовым совещанием в Москве и указал, что регламентация прав войсковых комитетов не должна вести к уничтожению явочных комитетов советов рабочих и солдатских депутатов, существующих как в тылу, так и в прифронтовой полосе. Комиссар 6-й армии Ходоров возражает против предоставления комитетам права отвода и аттестации и против расширения прав комиссий в области боевого сотрудничества⁹.

Восстановление смертной казни на фронте и широко развернувшаяся в несоциалистической печати кампания поддержки Корнилова и его обещаний покончить с анархией в армии и в тылу усиливала подозрительность в солдатских и рабочих массах в отношении деятельности Ставки верховного главнокомандующего. Тем более, что одновременно речь шла не только о реабилитации офицерского корпуса, но и возвращении офицерам прежних командных прав над подчинёнными. Управляющий военным и морским министерством Б. В. Савинков получил на своё имя следующую телеграмму:

Обсудив 24-го сего августа секретное отношение Московского совета солдатских депутатов от 24 июля 1917 г. за № 5220, в котором президиум Совета солдатских депутатов требует чтобы комитеты частей московского гарнизона дали сведения о всех офицерах «нежелательных» для частей или «ведущих контрреволюционную пропаганду», а также «несоответствующих по своему поведению занимаемым ими должностям», московский отдел Союза офицеров армии и флота, московский отдел общеказачьей организации и московский отдел Военной лиги находят, что такое требование, и притом тайно от офицеров, противоречит всему демократическому строю революционной армии, ибо: 1) при ходячем обвинении в контрреволюционности каждого инакомыслящего стесняет свободу политической жизни; 2) ставит выборные органы революционной армии в положение охранных отделений старого режима, направляя их деятельность по ложному пути политического

⁷ Петроградский листок. 1917. 23 августа.

⁸ Биржевые ведомости. 1917. 26 августа (8 сентября).

⁹ Новое время. 1917. 28 августа (10 сентября).

сыска; 3) ставит офицеров частей в положение поднадзорных прежнего полицейского строя; 4) грубо нарушает политические права военнослужащих, установленные декларацией прав. Признавая, что при полной неустойчивости современного положения офицеров суждения комитетов о «желательности», «контрреволюционности» или «соответствия» офицеров ослабляют ещё более единение между офицерами и солдатами, в корне подрывают дисциплину в армии, и, считая указанные действия президиума московского Совета солдатских депутатов недопустимым, вышеозначенные отделы просят вас принять меры к производству законного расследования¹⁰.

Вопрос об отмене смертной казни на фронте не сходи<л с повестки всех социалистических партий. В этом вопросе видно влияние далеко не одних большевиков. Острота политической борьбы, усиление голоса офицерства в связи с требованиями обороны и даже самосохранения государства и революции делали вопрос о смертной казни вопросом победы именно правых сил, контрреволюционных в основе. И в первую очередь речь шла об офицерстве. Кроме того, консолидация правых сил накануне Государственного совещания в Москве становилась очевидной. В Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов (далее СРиСД) на заседании 9 августа 1917 г. от фракции социалистов-революционеров Каплан заявил, что его фракция считает необходимым поставить в первую очередь вопрос о смертной казни. Меньшевик Ю. О. Мартов заявил:

Со всех концов России от имени советов рабочих и солдатских депутатов, армейских и партийных организаций поступает целый ряд резолюций, протестов по поводу восстановления смертной казни на фронте. Из всех завоеваний русской революции больше всего мы считали себя вправе гордиться отменой смертной казни <...> Мартов указывает, что смертная казнь, как мера устрашения масс не достигает своей цели. Смертная казнь только развратит армию, которая привыкнет к убийствам и сделается склонной убивать и без суда. Смертная казнь развращает и всё население, в особенности детей. <...>

И. Г. Церетели: Только повинясь суровой необходимости, пришлось ввести смертную казнь. Больше месяца действует закон о смертной казни. <...> Разве вы уверены, что приняв это постановление <об отмене смертной казни> вы добьетесь реально чего-нибудь? <...> Разве вы уверены, что если бы вы бросили клич в армию бороться с оружием в руках против смертной казни, то армия пойдёт за вами? Я не уверен. Слишком много там пролито крови. Товарищи, надо опасаться, как бы это оружие смертной казни не попало в руки тех, кто против революции. Разве на фронте не было измены? Разве полки, пошедшие вперёд, не были преданы?

— Генералами, — кричат большевики.

— Да, генералами, — говорит Церетели, — и таких генералов надо казнить. Нужно добиваться, чтобы это оружие смертной казни было в руках революции, а не обращалось против сынов революции.

<Мартов:> — Мы не желаем, чтобы кто-либо в Европе или в России мог бы упрекнуть русских социалистов в том, что они молчали, когда восстанавливалась смертная казнь. Пусть нам ответят, в интересах революции или в других интересах требовал Корнилов введения смертной казни на фронте и в тылу¹¹.

По итогам прений большевики, интернационалисты и к ним примыкающие, отвергнув резолюцию Мартова, приняли резолюцию провинциального социалиста-революционера Яковенко, с мартовской очень схожую и гласящую, что «казнь на фронте, как и в тылу оказывает развращающее влияние на население, особенно на тех, кто является её исполнителем, поработает армию командному составу и служит контрреволюции; не смертною казнью, которую надлежит отменить, но последовательными демократическими мероприятиями возможно укрепить и вдохновить армию, убедивши её в том, что она защищает революцию, а не империалистические вождедения правительств». Резолюция, осуждающая смертную казнь, принята всеми, против Церетели и ещё троих его единомышленников¹². В солдатской секции Петроградского Совета РИСД 8 августа докладчиком по вопросу о смертной казни выступил большевик Кураев. «Отношение докладчика было крайне резкое к введению смертной казни на фронте и к тем социалистам, которые ввели эту казнь. После докладчика выступили представители фронта, которые также резко высказывались против смертной казни и требовали отмены её»¹³. В партии эсеров, крупнейшей по численности в то время революционной партии, не стихали те же сомнения. В резолюции VII-го совета партии социалистов-революционеров говорилось: «Кризис власти <...> поставил революцию в величайшую опасность. <...> Совет считает в данный момент настоятельно необходимым: 1) отмену при первой возможности, смертной казни и устранение административного произвола <...> 2) активную внешнюю политику, направленную к достижению мира на демократических началах, 3) немедленное издание и проведение в жизнь земельных законов». В резолюции меньшинства Совета партии эсеров говорилось: «То катастрофическое положение, в которое попала русская революция при коалиционном Правительстве настоящего созыва, характеризуется следующими основными чертами. Во внутренней политике поток репресс-

¹¹ День. 1917. 10 августа.

¹² Петроградский листок. 1917. 19 августа.

¹³ Биржевые ведомости. 1917. 9 (22) августа.

¹⁰ Русские ведомости. 1917. 26 августа (8 сентября).

сий и ограничительных законов, льющиеся на головы революционной демократии, ведёт за собой угашение духа»¹⁴.

Между тем, Военное министерство во главе с Б. В. Савинковым готовило куда более радикальный законопроект в духе главных настояний Корнилова и Каледина, законопроект о введении смертной казни и военно-полевых судов в тылу. Как раз в дни корниловского выступления особая комиссия при Военном ведомстве готовила внести во Временное правительство выработанный законопроект о принятии репрессивных мер в тылу и в частности о восстановлении смертной казни. В этом законопроекте говорилось:

Ввиду чрезвычайных обстоятельств Временное правительство считает себя обязанным для спасения России, свободы народа и охраны народного достояния безотлагательно принять на всей территории государства чрезвычайные меры, подобные тем, кои уже приняты на фронте и оказали там своё действие, распространив эти меры на всех граждан, забывших свой долг перед тяжко страдающей родиной. Смертная казнь, как высшее наказание будет установлена и для гражданских лиц, как на театре военных действий, так и на всём пространстве государства Российского. Смертная казнь, по проекту особой комиссии, устанавливается через расстреляние¹⁵.

Газета «Воля народа» 10 августа 1917 г. сообщала в частности, что

на сегодняшнем заседании Временного Правительства будет рассмотрен доклад управляющего военным министерством Б. В. Савинкова о положении армии и о тех мерах, какие Савинков находит необходимым провести для поднятия боеспособности армии. Доклад Б. В. Савинкова составлен на основании тех данных, которые им получены от верховного главнокомандующего генерала Корнилова. Если раньше центр тяжести реорганизации армии сосредотачивался на армейских организациях, то теперь Б. В. Савинков и генерал Конилов переносят этот центр и выдвигают институт комиссаров. <...> Этот доклад подробно останавливается на положении тыловых учреждений армии. Как Савинков, так и генерал Корнилов настаивают на том, чтобы те решительные меры, которые применяются на фронте, неукоснительно применялись и в тылу. Уже неоднократно отмечалось, что позиция генерала Корнилова не встречает сочувствия со стороны части Временного правительства. <...> Керенский соглашается с очень многими мерами, которые выдвинуты генералом Корниловым, но является решительным противником введения смертной казни в тылу¹⁶.

Государственное совещание окончательно показало ясное противостояние двух политических сил в стране: либералов и левых социалистов, между которыми оказались весьма разнородные общественные

и социальные группы¹⁷. В условиях войны это противостояние имело ещё и военно-патриотический оттенок. Те, кого социалисты именовали буржуазией и реакционерами, делали ставку на военную силу и общенационального военного вождя, каким и представляли фигуру Л. Г. Корнилова. Пресса несоциалистического толка, собственно традиционно буржуазная («Биржевые ведомости», «Петроградская газета», «Новое время», «Петроградский листок», «Русское слово», «Русские ведомости», «Утро России») самым активным образом афишировала имя Корнилова как военного вождя и героя вне политики. Успех Корнилова подкреплялся его казачьим происхождением и личным героизмом во время войны. Речь Корнилова, произнесённая на Государственном совещании, окончательно определила его роль и значение. Тяжёлое положение фронта и сама необходимость сильной власти делали в лице Корнилова не только военную, но и политическую фигуру. За Корнилова открыто высказывалась партия кадетов, Корнилова поддерживали землевладельцы, часть промышленников, особенно московских и банки. Главной военной опорой Корнилова было, несомненно, казачество. Но не менее важную роль играла офицерская организация — Союз офицеров армии и флота, в рядах которой числилось до 100 тыс. офицеров. Накануне Государственного совещания совет Союза казачьих войск вынес такую резолюцию:

В экстренном заседании совета казачьих войск, в связи с циркулирующими слухами об уходе верховного главнокомандующего генерала Корнилова, совет принял резолюцию, в которой заявляет, что «смена генерала Корнилова неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв, в виду колебания власти решительными мерами спасти родину, честь армии и свободу народа». Далее совет заявляет, что «он снимает с себя возложенную на него ответственность казачьих войск на фронте и в тылу при удалении генерала Корнилова». В заключение совет указывает на свою готовность оказать всемерную поддержку как генералу Корнилову, так и герою революции А. Ф. Керенскому¹⁸.

Конференция союза георгиевских кавалеров 8 августа в Ставке верховного главнокомандующего единогласно постановила всецело присоединиться к резолюции совета казачьих войск и твёрдо заявить Временному правительству, что если оно допустит восторжествовать клевете и генерал Корнилов будет смещён, то Союз георгиевских кавалеров немедленно отдаст боевой клич всем кавалерам в выступлении совместно с казачеством¹⁹.

С другой стороны, в своём очередном отчёте комиссар 5-й армии Ходоров сообщал:

¹⁷ Милуков П. Н. История второй русской революции. СПб.: Питер, 2014. С. 341–342.

¹⁸ Воля народа. 1917. 10 августа.

¹⁹ Утро России. 1917. 9 августа.

¹⁴ Дело народа. 1917. 11 августа.

¹⁵ Петроградская газета. 1917. 27 августа.

¹⁶ Воля народа. 1917. 10 августа.

Особенно вредно отзываются на настроениях солдат закрытые заседания офицеров, в большинстве случаев штабных, приписанных к Союзу офицеров армии и флота при Ставке. В настоящий момент опасны малейшие поводы к возбуждению солдат, и это учитывают многие офицеры, которые, однако, остаются в нерешительности, как им поступать, ввиду официальной пропаганды записи в указанный союз даже вопреки высказанного командующим армией отрицательного к союзу отношения.

О том же писал комиссар Северного фронта В. Б. Станкевич:

В офицерской среде проявляется крайне нежелательное явление отчуждения и замкнутости, что проявилось в устройстве тайных совещаний и проч. В какой плоскости идёт работа Союза, показывает резолюция 1-го стрелкового полка о недопущении в полк офицеров, не записавшихся в союз. Порождаемая этим замкнутость офицерства усиливает недоверие солдат и может крайне вредно отразиться на успехе работ по поднятию авторитета командного состава²⁰.

Против кого же направил свой заговор генерал Корнилов? Против Временного правительства, против его председателя А. Ф. Керенского или против Советов рабочих и солдатских депутатов? Был ли этот заговор контрреволюционным или только из патриотических побуждений, ради спасения России и её национального единства и достоинства? Наконец, на какие силы опирался и мог опираться Корнилов в том «революционном окружении», которое представляла из себя армия на фронте и в тылу в подавляющей солдатской массе? План Корнилова и его собственные суждения выясняют многие важные детали и мотивы.

Заговор был явно ускорен падением Риги, которую немцы заняли 20 августа 1917 г. Тем самым создавался прямой повод для выступления на Петроград под предлогом угрозы самой столицы от немецкого наступления. Главная угроза при этом виделась не в немцах, а в ожидаемом выступлении в той же столице большевиков. План Корнилова (а, точнее, план Ставки) заключался в том, чтобы заблаговременно стянуть к Петрограду несколько верных конных частей, объявить Петроград на военном положении и передать его в непосредственное подчинение самому главнокомандующему.

Даже если бы выступление вооружённых большевиков не состоялось, его можно было попытаться спровоцировать и в любом случае обвинить их в стремлении к захвату власти и сговору с Германией. На худой конец, восстание большевиков готовились даже инсценировать силами людей атамана А. Дутова в Петрограде²¹.

Было совершенно ясно, — писал П. Н. Милоков, — что протестовавший против смертной казни Петроградский совет не потерпит опубликования новых корниловских мер в случае принятия их правительством. Становилось вероятно, что он попытается именно к моменту их опубликования приурочить уличное движение, которое обещали большевики на заседании 16 августа и о подготовке которого имелись сведения в военном министерстве²².

Корнилов не скрывал цели своего выступления: разгром советов и удар по большевикам. В разговоре с начальником штаба Ставки генералом А. С. Лукомским, состоявшемся ещё в первые дни августа, Корнилов повторил, что «все донесения нашей контрразведки сходятся на том, что новое выступление большевиков произойдёт в Петрограде в конце этого месяца, указывают на 28–29 августа. Германии необходимо заключить с Россией сепаратный мир»²³. Временное правительство по его простоватому замыслу должно было оказаться на его, Корнилова, стороне и подчиниться ему. Его предполагалось полностью сменить. Причём, согласно его плану, весь состав Временного правительства должен был быть вызван в Ставку. Временному правительству Корнилов ни в коем случае не доверял и, более того, считал, что именно оно попустительствует анархии и большевизму.

Заговор большевиков виделся совсем фантастическим и абсолютно разрушительным. В многословном приказе по армии и флоту Корнилов объяснял своё выступление «для подавления большевистского движения в Петрограде»: 1) Взрыв в Казани, где погибло более миллиона снарядов и 12 000 пульмётов, произошёл при несомненном участии германских агентов. 2) На организацию разрухи рудников Донецкого бассейна и Юга России Германией истрачены миллионы рублей. <...> б) Подготовлено восстание в Финляндии. в) Предполагаются взрывы мостов на Днестре и Волге. Организуется восстание большевиков в Петрограде»²⁴. Всюду мерещилась неизменная германская рука и большевизм, орудовавший по немецким замыслам.

Такой план, однако, ставил Временное правительство само в положение заговорщика, который уступал мятежнику, признавая за ним право на законность его действий. В таком случае правительство, кроме того, противопоставлялось Петроградскому совету, который не пошёл бы на добровольное подчинение воле Корнилова.

Необходимость же ввода в Петроград конных частей генерала А. М. Крымова мотивировалась тем, что петроградский гарнизон недостаточно надёжен. Очевидно, что сам Корнилов рассчитывал на договорённость с Керенским, по сути, на сговор с ним в решении сформиро-

²⁰ Дело народа. 1917. 24 августа.

²¹ Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. С. 111.

²² Милоков П. Н. Указ. соч. С. 347.

²³ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 389.

²⁴ Там же. С. 403–404.

вать новый состав Временного правительства, где преобладали бы люди самого Корнилова (такие, как Савинков, Филоненко, Завойко). Но, кроме того, шантажировать Керенского и правительство угрозой гражданской войны и дальнейшим ослаблением фронта, вплоть до падения ненавистного Петрограда.

На что мог рассчитывать Корнилов, направляя дивизии на Петроград? Видимо, на то, что в Петрограде большевики сами выступят против Временного правительства, обвиняя власть в том, что она заодно с Корниловым. В таком случае у Керенского не осталось бы иного выхода, как поддержать Корнилова и просить у него помощи. Ведь Керенский принципиально не был против плана Корнилова начать борьбу в тылу за установления «дисциплины и порядка», как это называлось у Корнилова, а фактически на подавление любого противодействия власти со стороны революционных настроений.

Для Корнилова на первом месте стояла проблема Петрограда, откуда исходила главная и ведущая сила революции, петроградский гарнизон и огромная масса рабочих, которые следовали за большевиками. Как оздоровить тыл? — вот задача, волновавшая Корнилова, как и Керенского. Для Корнилова эта задача решалась однозначно введением смертной казни среди гражданских лиц.

Однако вряд ли имел место какой-нибудь сговор Керенского с Корниловым. Мы таких документов не имеем и сегодня. Другой вопрос, что интрига со стороны Керенского была, а Корнилов был, несомненно, заинтересован в том или ином соглашении с Керенским, опираясь на его авторитет законного представителя и главу государственной власти.

Итак, ошибки Корнилова и стоящих с ним, на мой взгляд, касались:

1) Позиции Керенского, который вопреки ожиданиям Корнилова не только не присоединился к нему, но и объявил всё выступление Корнилова мятежом и угрозой для России.

2) Просчёта в отношении предполагаемого военного выступления большевиков против Временного правительства, тогда как фактически большевики выступили в защиту правительства Керенского и против Корнилова.

3) Того, что в самом Петрограде офицерство в своей массе не решилось на вооружённую поддержку Корнилова и осталось верным Временному правительству, в том числе юнкерские школы и офицерские училища.

4) Того, что казачество оказалось расколотым на сторонников и противников Корнилова, а в Петрограде казацкие полки поддерживали Временное правительство.

5) Того, что буржуазная и несоциалистическая пресса не оказали движению Корнилова должной поддержки и оправдания.

Сводку настроений офицерства сделал представитель юнкеров-социалистов на частном совещании членов Петроградского совета 28 августа:

В Павловском военном училище большинство воспитанников — приверженцы генерала Корнилова, тем более, что командный состав училища остался дореволюционный. <...> Внешнее настроение воспитанников Михайловского артиллерийского училища за Временное правительство, но полной гарантии нет. <...> Настроение Константиновского артиллерийского училища определённо реакционное. <...> Петергофская школа прапорщиков несомненно пойдёт за Временным правительством и Советом РиСД. В Николаевском инженерном училище царит то же настроение, что и в Павловском военном училище. В Николаевском кавалерийском училище точных сведений нет. <...> Не получено сведений о настроении Ораниенбаумской школы прапорщиков, гардемарин и пажеского корпуса, но, по некоторым данным, учащиеся двух последних училищ — кадетствующие²⁵.

Несколько иное положение рисует другая сводка того же дня:

Михайловское артиллерийское училище: настроение большинства склонно к корниловцам. Константиновское артиллерийское училище: большинство юнкеров настроено реакционно. Николаевское инженерное училище: старший курс в большинстве контрреволюционен и вооружён, младший курс не вооружён и в большинстве социалистический. Павловское училище: большинство юнкеров настроено реакционно, большинство офицеров — ярые сторонники Корнилова²⁶.

Из этого можно предположить, что быстрое подавление корниловского выступления, как и аресты офицеров в гостинице «Астория» в Петрограде, вероятно, не дали возможности для организованного выступления многих юнкеров из училищ. Правда, прямых следов такой организации названо не было.

Силы поддержки Временного правительства оказались достаточно велики. О верности Временному правительству заявили уже 28 августа: 4-й Донской казачий полк, все юнкера Пажеского корпуса, школа прапорщиков инженерных войск, 2-я Петергофская школа прапорщиков, представители полковых комитетов Павловского, Московского, 1-го пулемётного полка, Кронштадтский гарнизон и Балтийский флот, 176-й, 125-й запасной полки, 1-я рота воздушной обороны Петрограда, прожекторный полк, красносельский гарнизон²⁷. Этот список далеко не полный, так как во множестве случаев сообщалось, что многие воинские части принимали резолюции с осуждением Корнилова, где фигурировали такие определения его действий как «измена», «контрреволюция», «преда-

²⁵ Воля народа. 1917. 29 августа.

²⁶ Там же.

²⁷ Дело народа. 1917. 29 августа.

тельство», «авантюра», «заговор». Петроградский гарнизон объявил себя полностью на стороне правительства. Точно также московский гарнизон во главе с Верховским. В прессе сообщалось, что «из 15 армий 14 сохраняют полную преданность и верность правительству. И лишь в одной армии настроение колеблющееся. Отдан приказ об отозвании и аресте командующего ею генерала Эрдели»²⁸. Сильный Выборгский гарнизон и 42-й армейский корпус, киевский гарнизон, Владимирское военное училище также объявили себя на стороне Временного правительства.

Характерна не только судьба 3-го конного корпуса генерала Крымова и его самого, застрелившегося в Петрограде, но и то, что кроме казаков расчёт делался на туземную «дикую дивизию» из чеченцев и ингушей, посланных на Петроград. Такие силы считались наиболее надёжными и закрытыми для пропаганды против исполнения приказов Ставки и Корнилова.

Армия не пошла за Корниловым. Не произошло и раскола в армии в пользу Корнилова. А. Ф. Керенский в своих показаниях по делу Корнилова приводил телеграмму, отправленную с санкции Корнилова 28 августа 1917 г. на имя министра иностранных дел:

При трезвой оценке положения следует признать, что весь командующий персонал, подавляющее большинство офицеров, и лучшая часть армии на фронте пойдёт за генералом Корниловым. В тылу на его стороне будет стоять всё казачество, большинство военных школ, равно как лучшие части войск. К их физической силе нужно добавить превосходство военной организации над слабостью правительственных органов, моральное сочувствие всех несоциалистических элементов населения, постоянно растущее недовольство существующим порядком среди низших классов и среди большинства народных и городских масс, которые одурманены во всех отношениях, и равнодушие, которое повинуется лишь удару хлыста. Бесчисленное множество тех, кто были социалистами в марте, без колебаний немедленно перейдут на их сторону²⁹.

Реалии, однако, оказались другими. При всей популярности имени Л. Г. Корнилова среди офицерства совсем иная оценка ему давалась в солдатской массе. Кроме того, объективно стремления Корнилова к подавлению «худшей» части армии «лучшей» её частью означало открытую гражданскую войну если не на фронте, так наверняка в тылу. Солдаты в своей массе вовсе не искали такого сценария для себя. Они тем более не собирались слепо идти за офицерами. Что касается социалистов, то их число не становилось меньше, поскольку главное разочарование было не в «социализме», а в политике и мерах Временного правительства. Что же оставалось? Во-первых, организация силы и физическое насилие со стороны идущих за Корниловым, во-вторых, то условие, в котором был

²⁸ Петроградская газета. 1917. 30 августа.

²⁹ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. М.: Центрполиграф, 2006. С. 192–193.

так уверен автор телеграммы князь Г. Н. Трубецкой, то есть «если немедленно не разразится кризис» и «картина полного банкротства» текущего положения вещей. Отсюда понятно, что в Ставке рассчитывали именно на неизбежность сильной власти, диктатуры, к которой будет симпатия массы населения, разуверившейся во Временном правительстве.

Приходится, однако, напомнить, что главной целью Корнилова и тех, кто всецело был на его стороне, было не Временное правительство и Керенский и даже не большевики и советы, хотя именно они назывались первыми. Главной целью для Корнилова была и оставалась война, продолжение войны и стремление «оздоровить» страну и армию ради этой решающей цели. Смертная казнь и сама военная диктатура должны были служить этой цели.

В этом смысле для Корнилова препятствием была революция, все её требования и народные массы, которые желали обратного, то есть прекращения войны и мира. Естественным для Корнилова было, даже признавая тяжёлое экономическое положение в стране, объяснять его подрывной деятельностью германской агентуры, то есть большевиков.

Заключение

Революция в феврале 1917 г. в России не окончилась падением старой власти. Это обстоятельство слишком важно, чтобы его только констатировать.

Важно иметь в виду ещё и то, что революция действительно «выросла» из войны и во многом благодаря войне. По этой же причине совершенно неудивительно, что война в новых условиях не могла оставаться войной прежней. Вопрос о войне был в центре политического противостояния и в обществе и в народных массах. И вопрос был поставлен самым радикальным образом: выход из войны, окончание войны, прекращение войны.

Вопрос о войне был далеко не чисто военным вопросом. Но будет ошибочно считать этот вопрос для России одним политическим вопросом по причине революции. Несомненно, что вопрос касался в огромной мере экономического положения и ресурсов. И, кроме того, вопрос войны или мира для России был в значительной мере вопросом внешней изоляции и изолированности страны.

Если в обычное время армия остаётся вне политики, то в революции 1917 г. в России армия, можно сказать, была заражена и пропитана политикой в том смысле, что принимала лозунги революции и высказывала классовый характер принимаемых решений. При этом, поскольку в армии были представлены разные классы и сословия, раскол в армии происходил по классовому и сословному признаку: солдаты против офицеров, изоляция высшего командного состава, обособление казачества, особая декларация прав солдата.

На что мог рассчитывать Корнилов, направляя дивизии на Петроград? Видимо, на то, что в Петрограде большевики сами выступят против Временного правительства, обвиняя власть в том, что она заодно с Корниловым. В таком случае у Керенского не останется иного выхода, как поддержать Корнилова и просить у него помощи. Ведь Керенский принципиально не был против плана Корнилова начать борьбу в тылу за установления «дисциплины и порядка», как это называлось у Корнилова, а фактически на подавление любого противодействия власти со стороны революционных настроений.

Для Корнилова на первом месте стояла проблема Петрограда, откуда исходила главная и ведущая сила революции, петроградский гарнизон и огромная масса рабочих, которые следовали за большевиками. Как оздоровить тыл? — вот задача, волновавшая Корнилова, как и Керенского. Для Корнилова эта задача решалась однозначно введением смертной казни среди гражданских лиц.

После мятежа Корнилова произошли глубокие сдвиги во всей политической борьбе в России:

1) военная контрреволюция в России и, в частности, роль Ставки и высшего генералитета определилась окончательно;

2) влияние большевиков среди рабочих и солдатских масс ещё более выросло;

3) вопрос о власти и Временном правительстве теперь исключал соглашение с партией кадетов, становилась невозможной в ближайшее время всякая комбинация военной диктатуры, направленной против Советов и партии большевиков. Сама идея коалиционной власти, где были бы представлены не социалистические партии и элементы становилась на деле невозможной;

4) большевики получали широкую возможность для легальной и свободной от цензуры деятельности в деле организации и пропаганды своих требований. Позиции большевиков в Советах усиливались, кроме того, Временное правительство вынуждено было освободить из заключения прежде арестованных большевиков и фактически негласно реабилитировать их вожаков, связанных с июльскими событиями;

5) для фронта и армии послекорниловское время означало дальнейшее ослабление, т. к. многочисленные аресты по делу Корнилова и тех, кто не осуждая его фактически или косвенно его поддерживал, давали такой результат. Подозрения в отношении офицерского корпуса в солдатской массе только усилились;

6) однако не было доверия и к Временному правительству, причём как слева, так и справа. Авторитет Временного правительства был подорван окончательно и бесповоротно.

Поражение корниловского выступления ещё больше дискредитировало политику продолжения войны и показало очевидную слабость России вести войну в условиях непрекращавшейся внутренней политической борьбы.

Стоит, конечно, говорить не только о личности Корнилова и его окружения, сколько о самом движении Корнилова, в котором сплетались весьма различные группы и социальные слои. Несомненно, что корниловское движение было предтечей гражданской войны в России. В этом отношении авантюра Корнилова не выглядит одной лишь авантюрой, а требует более широкого взгляда и многосторонней оценки. Корнилов и его окружение в Ставке наивно считали, что начини они действовать «от слов к делу» и сочувствие им будет обеспечено уже исходя из сознания катастрофы, которая ждёт Россию тем более, чем очевиднее угроза военного разгрома и гражданской смуты. Кроме того, у Корнилова были все основания рассчитывать на поддержку Антанты, в числе которой оказались и США.

Список литературы

Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989.

Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. М.: Центрполиграф, 2006.

Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2012.

Милюков П. Н. История второй русской революции. СПб.: Питер, 2014.

Aleksei Viktorovich ORLOV

Ph. D. in History, Research Fellow, Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: mobus@mail.ru

Kornilov, vojna i revolyuciya, avgust 1917 g. (ot Gosudarstvennogo soveshchaniya do vystupleniya generala Kornilova)

The article is devoted to the question of political struggle in the Russian army in the summer of 1917, the opposition of the Supreme commander General Kornilov to the Provisional government and revolutionary forces. The article examines the relationship between soldiers and officers at the front and in the rear, the question of the death penalty, the military committees and the movement of General Kornilov to establish a military dictatorship in Russia. The goals are clarified and the reasons for the failure of this movement are analyzed.

Keywords: War, Revolution, field army, State meeting, Provisional Government, bolsheviks, Petrograd, Kerensky general Kornilov, military rate, officer, death penalty, Council of deputies from workers and soldiers.

Борис Григорьевич КИПНИС

старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия)

**ПОСЛЕДНИЕ ГЕРОИ:
К ВОПРОСУ О БОЕСПОСОБНОСТИ
РУССКОЙ АРМИИ В ОКТЯБРЕ 1917 г.**

В статье противопоставляется традиционный взгляд на состояние Русской армии в конце 1917 г., подкреплённый мемуарными источниками, подлинным приказам той эпохи, из которых видно, что части Русской армии ещё сохраняли боеспособность.

Ключевые слова: Русская армия, воинская дисциплина, революционная пропаганда, боеспособность, мемуары, приказы.

Настоящая работа не претендует на крупное обобщение или на окончательный вывод. Но она опирается на документы: приказы по четырем армиям русского фронта, приказы, отданные в октябре и ноябре 1917 г., то есть в тот самый момент, когда партия большевиков захватила государственную власть в Петрограде и Москве и приступила к захвату её в бескрайней русской провинции. Десятки лет партийная пропаганда и государственная историческая наука повторяли тезис о том, что и народ России, и русская армия устали от войны, не хотели продолжать войну, не могли продолжать воевать. Таким образом, делался единственно допустимый вывод: декрет о мире, обнародованный сразу же после захвата власти в ночь на 26 октября на II Всероссийском съезде советов, был не столько ловким политическим ходом, сколько отвечал чаяниям всего народа и выражал искреннее желание всей армии.

Более того, утвердилось мнение, что армия находилась в состоянии такого организационного развала и такой потери способности к продолжению боевой деятельности, что объявление о выходе из войны и проведение сепаратных мирных переговоров были *единственной* возможностью избежать военной катастрофы, неминуемой при продолжении боевых действий в октябре — ноябре 1917 г.

Данная статья предлагает ознакомиться и проанализировать сначала мемуарные свидетельства участников мировой войны, которым вскоре предстояло оказаться по разные стороны линии фронтов войны гражданской, а потом обратиться к документам, сто лет пролежавшим под спудом и ныне вводимым в научный оборот и представляемым на суд читателей.

Первое свидетельство вышло из-под пера бывшего генерала от инфантерии А. М. Зайончковского, вступившего в 1919 г. в Красную армию

и состоявшего на командных должностях, штабной и военно-научной работе до самой своей кончины в 1926 г. Это вывод о состоянии русских армий в сентябре 1917 г. в итоговом труде историка «Первая мировая война». Он помещен в разделе пятом, «Кампания 1917 г.»:

Состояние же всех вооружённых сил в сентябре было следующее. В «неподлежащих оглашению» сводках донесений о настроениях армии, которые составлялись военно-политическим отделом штаба верховного главнокомандующего, мы находим такие выводы: «Общее настроение армии продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира, угнетающе действуют на настроение солдат и приводят к разочарованию».

В этой же сводке приводится донесение командующего 12-й армией, который, имея связь с другими командующими, пишет:

Армия представляет из себя огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием. Такая характеристика, без особой натяжки, может быть применена ко всему фронту вообще. 25 октября (7 ноября) 1917 г. Временное правительство было сброшено, государственная власть перешла в руки пролетариата¹.

Всё в этом выводе вполне солидно и академично, кроме одного существенного обстоятельства: ссылки на мнение командующего 12-й армией. Дело в том, что это был генерал Д. П. Парский, которого несколькими страницами ранее А. М. Зайончковский подверг жестокой критике за его командование войсками 12-й армии 1–5 сентября 1917 г., когда германские войска, прорвав нашу оборону, перешли Западную Двину и овладели Ригой:

Слабые успехи германцев 2 сентября привели русское армейское командование к неправильной оценке обстановки. Генерал Д. П. Парский едва ли имел верные сведения о событиях на Рижском плацдарме и о настроении резервов. Ничем иным нельзя объяснить то обстоятельство, что командующий армией со штабом с упорством оставался в Риге и оттуда отдавал приказы о фантастических контратаках, не обращая внимания на то, что уже были налицо грозные признаки крупной катастрофы².

¹ А. М. Зайончковский. Первая мировая война. М., 2000. С. 680.

² Там же. С. 675–676.

Согласитесь, довольно странный методологический прием: критиковать генерала Д. П. Парского за плохое командование армией и потерю Риги и одновременно использовать *его же* мнение для подтверждения тезиса о потере войсками, им же плохо управляемыми, способности и желания сражаться. Всё это вызывает больше вопросов к покойному автору, чем можно найти на них ответов.

Однако отвлечёмся от мнения бывшего генерала от инфантерии, ставшего профессором советской Военной академии, и прислушаемся к голосу с совершенно другого берега военно-исторической науки.

В 1935 г. в далёком Париже бывший в 13 лет бойцом Добровольческой армии, щедро наделенный природою талантом и страстью к истории и публицистике, А. А. Керсновский заканчивает свой пока ещё совсем, казалось бы, неклассический труд «История Русской армии». В конце четвёртого тома, завершая описание последних боевых дорог роковой осени 1917 г. овладением германскими войсками Моонзундским архипелагом, автор подводит итог последним неделям октября месяца:

От Двины до Дуная царил тишина на позициях и сумасшествие позади позиций. Растерянные штабы продолжали жить по инерции <...> Офицерство, раздробленное и обезглавленное, расплылось и сходило на нет. Офицер превратился в поднадзорного. Служить и даже жить становилось невозможным. Именовавшиеся ещё частями толпы отказывались сменить товарищей на фронте. А те, не ожидая смены, покидали постылые окопы... И часто в этих опустевших окопах маячили одинокие фигуры в офицерских погонах — последние птенцы гнезда Петрова оставались на посту, зная, что разводящим здесь может быть только смерть. Россия не сберегла своих офицеров³.

Казалось бы, историк-эмигрант пишет о том же, что и красный профессор, однако, если вчитаться в текст, то становится ясно, что картина разложения армии нужна ему, чтобы оттенить главную идею этого фрагмента: жертвенное служение русских офицеров среди ужасающего краха Русской армии. Понятно, что А. М. Зайончковский не мог, а, может быть, и не хотел, кто знает, сказать что-либо о русском офицерстве. А. А. Керсновский же, наоборот, смотрел на историю Русской армии глазами её офицеров, с которыми он подростком близко сошёлся в 1919 г. и от которых он должен был усвоить и принять всей своей пылкой душой трагический образ разлагающейся армии и офицерской жертвенности, которая стоит для него на первом месте в его системе взглядов и в палитре чувств. Однако же его взгляд и его оценка не являются оценкой свидетеля событий, ибо 11-летний мальчик из Одессы

³ А. А. Керсновский. История Русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 325.

просто не смог оказаться осенью 1917 г. в окопах ближайшего Румынского фронта и видеть всё собственными глазами.

Поэтому мы обратимся к свидетельству того, кто сам служил тогда на Румынском фронте. Дадим слово подпоручику 409-го пехотного Новохоперского полка 103-й пехотной дивизии 9-й армии А. М. Василевскому. Ему было почти 23 года, он с осени 1915-го находился на фронте, участвовал в боях и вовсе не подозревал, что через 30 лет станет маршалом Советского Союза.

Казалось бы, в своих мемуарах он должен был бы подробно и интересно рассказать о событиях переломного 1917 года, о том, что происходило в самой гуще армейской среды, в которой «варился» уважаемый полководец. Но нет, в своих воспоминаниях он уделил этим важнейшим месяцам нашей истории всего-навсего две странички, наполненных общими рассуждениями об успехах большевистской агитации. Размежеванию в среде офицерства маршал посвятил всего лишь один небольшой абзац, опять-таки состоящий из обтекаемых фраз. И ни слова о состоянии родного полка после тяжёлых боёв восточнее Дорна-Ватра⁴.

Между тем генерал-лейтенант М. Н. Герасимов, бывший в те же годы поручиком и так же, как А. М. Василевский, вступивший в 1918 г. в Красную армию, в своих воспоминаниях уделил 1917 году 42 страницы⁵. К ним мы ещё вернемся.

Может быть, столь скупым на слова заставила быть славного маршала привычка, приобретённая в сталинское время, особенно до 1941 г., когда он должен был особенно следить за тем, что говорит и пишет, ибо никогда не забывал о том, что происходил из семьи сельского священника. И не забывал до такой степени, что в 1940 г. на вопрос И. В. Сталина, «почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу», «ответил, что в 1926 году <...> порвал всякую связь с родителями. И если бы <Василевский> поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии и тем более в системе Генерального штаба»⁶.

После первой неудачи сделаем вторую попытку. Теперь дадим слово унтер-офицеру 10-го драгунского Новгородского полка георгиевскому кавалеру Г. К. Жукову. Увы, полководец уделил событиям 1917 г. ещё меньше места — всего полторы страницы в своих «Воспоминаниях и размышлениях». И снова общие фразы, нет, упомянуто об аресте любимого командира эскадрона в марте месяце солдатским комитетом.

⁴ А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1990. Т. 1. С. 30–31.

⁵ М. Н. Герасимов. Пробуждение. М., 1965. С. 215–253.

⁶ А. М. Василевский. Указ. соч. Т. 1. С. 9, 104, 105.

И это всё, никаких подробностей, никаких переживаний. И это становится уже странным⁷.

Но не будем отчаиваться и совершим третью попытку. Теперь слово старшему унтер-офицеру 18-го драгунского Северского полка, полному георгиевскому кавалеру С. М. Будённому. Надо отдать должное Семёну Михайловичу: в его воспоминаниях 1917 году посвящено 11,5 страниц — по сравнению с двумя первыми маршалами это уже немало. Его рассказ не в пример подробнее, изобилует событиями и окрашен переживаниями. Однако и его полк, как и полки Василевского и Жукова, весь 1917 год простоял в тылу и в боевых действиях не участвовал. Но, в отличие от двух первых маршалов-мемуаристов, С. М. Будённый отмечает, что до июля полк «занимался строевой и боевой подготовкой». Однако когда в июле полки Кавказской кавалерийской дивизии перебросили в Минск, они с головой погрузились в революционную борьбу на Западном фронте, и упоминаний о строевой и боевой подготовке более в воспоминаниях не встречается, вплоть до момента демобилизации дивизии в ноябре 1917 г. Напоследок отметим, что мемуарист честно признаётся, что три драгунских полка, входивших в дивизию, не горели желанием, несмотря на призывы большевиков, сражаться за советскую власть и предпочли демобилизоваться. Однако в тексте нет ни одного упоминания о дезертирстве осенью 1917 г.: солдаты оставались в строю до конца, хотя воевать уже не хотели⁸.

После столь минимальных результатов при анализе мемуаров знаменитых советских маршалов вполне закономерным представляется обратиться к воспоминаниям двух знаменитых деятелей Белого движения. Во-первых, это переписка генерала от инфантерии М. В. Алексева, приведенная в книге его дочери В. М. Алексеевой-Борель. Генерал М. В. Алексеев — настолько известная историческая фигура, что в особой рекомендации не нуждается. Скончавшись в сентябре 1918 г., в самый разгар Гражданской войны, тяжело больной, он до последних дней продолжал осуществлять политическое руководство Добровольческой армией, им же и созданной. Естественно, что никаких воспоминаний оставить после себя генерал не успел. Но богатое эпистолярное наследство, бережно собранное, хронологически систематизированное и подготовленное к публикации В. М. Алексеевой-Борель, даёт нам основание для понимания М. В. Алексеевым положения дел в русской армии в октябре 1917 г.⁹

⁷ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 39–40.

⁸ С. М. Будённый. Пройденный путь. М., 1958. С. 25–36.

⁹ В. М. Алексеева-Борель. Сорок лет в рядах Русской императорской армии: генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000.

Отстраненный от руководства войсками Временным правительством и лично А. Ф. Керенским ещё 22 мая, генерал не сложил рук. Вообще постоянная деятельность была главной составляющей его натуры. Генерал внимательно и с болью в сердце следил за положением дел в армии и... молчал, свято соблюдая долг дисциплины. Но после провала июньского наступления, вызванный на совещание 16 июля в Ставку Верховного главнокомандующего и услышавший выступления главнокомандующих Юго-Западным фронтом генерала А. И. Деникина и Северным фронтом генерала В. Н. Клембовского, он более молчать не мог, и 20 июля высказал свои мысли о состоянии армии: сначала в своих дневниковых записях, а потом и в письме к А. Ф. Керенскому. В дневнике он писал:

Погибла дисциплина, и на этой почве дали блестящие всходы усилия пропаганды. Солдат потерял совесть, честь, достоинство и обратился в негодного труса, жаждущего сохранения дрянной, а, по его мнению, драгоценной жизни. Так будет и впредь. Солдат, над которым нет власти, нет суда — бездельник, митингующий целыми днями, трус, мечтающий только о спасении своей жизни, не может быть доблестным воином-борцом за Родину, самое понятие о которой им утрачено под влиянием пропаганды¹⁰.

В письме министру-председателю М. В. Алексеев не только констатировал состояние дел, но и указал на способы их исправления:

С развращённым, забывшим долг и дисциплину солдатом начинать зимнюю кампанию трудно: утечка в тыл будет столь велика, что её невозможно будет своевременно пополнять <...> Окопы будут заниматься войсковыми частями в столь слабом численном составе, что удерживать позиции при частых и даже несерьёзных ударах дисциплинированного и настойчивого противника будет трудно. Если Вами будут проведены смелою и решительною рукою теперь же все меры, указанные военными членами совещания 16 июля, то в таком случае желанные результаты оздоровления армии и возрождения исчезнувшей дисциплины смогут получиться примерно через три месяца при спокойной, но неумолимо настойчивой работе начальников всех степеней <...> Только через такой приблизительно период (в лучшем случае) мы можем вернуть нравственную упругость солдата и некоторую боевую прочность армии. Конец этого периода совпадает с началом зимы. Следовательно, высшее благо Родины, необходимость её спасения настоятельно требуют, чтобы приказы, определяющие меры для воспитания солдата и восстановления дисциплины, безусловной отмены пресловутой декларации прав, были проведены без промедления и колебаний. Смелость сделает своё благотворное дело¹¹.

По прочтении этих строк становится предельно ясно, что для В. И. Ленина и иже с ним М. В. Алексеев — контрреволюционер, и именно потому, что он хочет спасти *армию* от распада. Но именно

¹⁰ Там же. С. 542.

¹¹ Там же. С. 543.

такая спасённая *армия* стала бы непреодолимой преградой на пути планов партии большевиков. Такая армия могла выиграть Первую мировую войну и обеспечить для России её законное место в ряду победителей, а значит, похоронить *все* надежды Ленина на мировую революцию и торжество коммунизма. Между генералом Алексеевым, мечтающим о победе России и её грядущем величии и славе, и большевиками примирения быть не может и не должно, ибо слишком по-разному смотрели они на Россию и её армию.

Естественно, что после подавления выступления генерала Л. Г. Корнилова взгляд М. В. Алексева на положение дел в армии стал окончательно трагичным, и он принял решение создать новые воинские части, может быть, новую армию, если улыбнётся удача. Строго на основе добровольчества из стремящихся к этому офицеров:

Наиболее твердые, прочные, надёжные, идейные — руководители пятерок. Подбор: Каждый офицер по возможности подбирает, вербует 10 солдат своей части, георгиевских кавалеров, добровольцев. Пятерка: 5 офицеров, 50 солдат. Кадр — рота, в крайности полурота. <...> Основные пятерки со своими пятерками — 5 рот и пулемётная команда. Из рот 5-я — штурмовая. Всего в полку 20 рот, 5 штурмовых рот, 5 пулемётных команд. Офицер берёт солдат под свою ответственность. Непрочные отчисляются, добровольцы исключительно <...> Подготовка: упорный бой в позиционной войне¹².

Последняя фраза является ключевой. Приведённый выше текст из записной книжки относится к октябрю месяцу, и без этой фразы может быть отнесен к созданию уже тогда прообраза белой Добровольческой армии, что должно, по смыслу, вытекать из размещённого автором на следующей странице отрывка из книги полковника В. Е. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг.»¹³.

Однако фраза о том, что цель боевой подготовки — «упорный бой в позиционной войне», лишена какого-либо смысла, если речь идет о создании армии для войны гражданской. Последняя в истории военного искусства всегда характеризуется как война маневренная: см. историю войн в Англии 1641–1651 гг., во Франции в 1793–1799 гг., в США 1861–1865 гг., в Бразилии 1927–1928 гг. и т. д. То есть, говоря об упорном бое в позиционной войне, о наличии в полку пяти штурмовых рот, генерал Алексеев ничего другого иметь в виду не мог, кроме создания армии для продолжения участия в Мировой войне.

¹² Там же. С. 610.

¹³ Там же. С. 611.

Конечно, *такая* постановка вопроса, как создание новой добровольческой армии из наиболее сознательных элементов старой «разлагающейся» армии говорит о том, что Михаил Васильевич перестал после неудачи генерала Л. Г. Корнилова верить, что армию, унаследованную от императорской России, армию, жаждущую демобилизации, уставшую от войны, армию, не верящую в свою необходимость для будущего Родины, *теперь* возможно будет возродить. Значит, следовало создать армию *новую* по качеству, и с нею довести войну до победного конца, «обеспечив России место, её достойное в послевоенном устройстве мира».

Вторым «свидетелем» от лица Белого движения выступает последний главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель. Назначенный 9 сентября 1917 г. приказом Верховного главнокомандующего командиром 3-го конного корпуса, генерал прибыл через двое суток в Петроград, но из-за своих монархических взглядов не был утверждён в этой должности А. Ф. Керенским. Вскоре по вызову начальника штаба Ставки генерал Н. Н. Духонина барон П. Н. Врангель прибыл в Ставку, в Могилев. Здесь он через несколько дней подал в отставку, но снова получил отказ и продолжал жить в Могилеве, не собираясь принимать никаких новых назначений¹⁴.

Он жил в вагоне В. В. Вырубова, состоявшего с 30 августа 1917 г. помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего. Они ежевечерне подолгу беседовали:

Как-то раз разговор зашел о том, что необходимо реорганизовать армию на новых началах, что без этого оздоровить армию не удастся <...> По моему мнению, для оздоровления армии, если ещё не поздно, необходимо прежде всего, чтобы правительство отказалось от так называемой «демократизации армии» и «революционной дисциплины», чтобы была приведена в жизнь так называемая «корниловская программа». При этих условиях я видел возможность начать в армии работу. Пользуясь зимним затишьем и оттяжкой германцами значительных сил на Западный фронт, можно было, оттягивая постепенно часть корпусов в тыл, выделить из частей наиболее слабый элемент; остающимся пополнить выделенные в дивизиях ударные батальоны, которые могли быть развернуты в полки и бригады. По этому расчёту число пехотных дивизий должно было уменьшиться, сколько мне помнится, вдвое, но зато дивизии эти были бы боеспособны <...> Служба в строю, по моей мысли, должна была быть обставлена рядом служебных и материальных преимуществ по сравнению с тыловой. Конечно, эти меры могли дать соответствующие результаты лишь при условии изменения общего порядка в армии¹⁵.

¹⁴ П. Н. Врангель. Главнокомандующий. М., 2004. С. 146, 149–150.

¹⁵ Там же. С. 151.

Эти идеи увлекли В. В. Вырубова, и он познакомил с ними генерал-квартирмейстера Ставки М. К. Дитерихса. Тот через несколько дней поручил генералу П. Н. Врангелю разработать этот вопрос. Приблизился октябрь 1917 г. 16 октября А. Ф. Керенский утвердил докладную записку Ставки, в основе которой лежал доклад генерала. Но времени на его реализацию история уже не оставила¹⁶.

Нам видно из приведенных свидетельств, что оба генерала на фронте в сентябре — октябре не находились, мнение, сложившееся у них, было результатом общего анализа существовавшей обстановки. Оба очень критически оценивали состояние армии в окопах, отсюда и сходная по духу идея коренной реформы, принявшая, однако, разную форму. Если П. Н. Врангель выражал слабую надежду на реконструкцию существующей армии, то М. Н. Алексеев считал необходимым создать армию заново. Общей у них являлась мысль о том, что можно использовать отдельные элементы старой армии — П. Н. Врангель, или использовать отдельных лиц — М. Н. Алексеев. Существующую распропагандированную и стремящуюся к демобилизации или дезертирующую армию, на тот момент существовавшую, дееспособной не считали оба.

Лишь в воспоминаниях поручика 4-го Неманского пограничного пешего полка М. К. Герасимова, уже упоминавшихся выше и целиком посвященных Первой мировой войне, есть подробный рассказ о событиях 1917 г. Полк, где служил автор, входил в 3-ю армию Западного фронта, в августе месяце он стоял на позициях в районе Пинских болот, с 1917 г. то занимая окопы, то уходя на отдых в тыл. Здесь его застали известия о выступлении генерала Л. Г. Корнилова и его неудаче. Последний раз автор упомянул о проведении занятий 27–28 августа: солдаты выполняли его приказы как ротного командира только потому, что он пользовался их уважением еще до Февральской революции и осудил действия генерала Л. Г. Корнилова. Впоследствии автор вступил в Красную армию и стал генерал-лейтенантом. Мемуары написаны с нарастающей симпатией к большевикам, но без признаков сервилизма. Автор постоянно отмечал острое желание солдат вернуться домой, так как они отрицают необходимость продолжать войну. Он не осуждал их, но и не одобрял ни нарушения дисциплины, ни дезертирства¹⁷.

Прекрасно отдавая себе отчет, что использованные воспоминания взяты наугад, автор, однако, осмеливается предположить, что содержащиеся в них свидетельства дают повод для интересных размышлений.

Во-первых, известные советские военачальники уклонились от конкретной оценки состояния боеспособности русских войск на фрон-

те в октябре 1917 г., предпочтя общие рассуждения о революционном влиянии большевистской пропаганды на нежелание простых солдат продолжать сражаться и их стремление к прекращению войны посредством заключения мира с Германией и ее союзниками. Лишь М. Н. Герасимов, которого, конечно же, нельзя отнести к высшему командному звену Красной армии, подробно описал события 1917 г., но и он скорее говорил о революционном разложении солдатских масс, чем о падении боеспособности прямо и откровенно. Отметим еще раз, что падению дисциплины он не симпатизировал и старался этого избегать во вверенной ему роте. В целом же воспоминания советских авторов написаны по прошествии 40–50 лет после скорбных месяцев 17-го года.

Во-вторых, мнение о полном развале и небоеспособности исходит со стороны «белых» авторов, при этом записная книжка генерала М. В. Алексеева — это документ исследуемого момента истории, а воспоминания генерала П. Н. Врангеля, написанные сразу же после катастрофы 1920 г., несут на себе еще дыхание только что «скончавшейся» эпохи. Оба автора сходятся в оценке тяжелейшего кризиса, охватившего армию в результате крушения монархии и разлагающего влияния большевистской пропаганды на солдатскую массу. Однако что примечательно, эти два столь разных по характеру и складу ума полководца солидарны в главном: в стремлении найти среди нарастающего хаоса и развала осколки еще здорового «строительного материала» для возрождения Русской армии как боеспособной национальной вооруженной силы.

В-третьих, как ни странно, этого последнего мотива нет в воспоминаниях советских мемуаристов, более того, С. М. Буденный откровенно пишет о нежелании драгунских полков Кавказской дивизии сражаться и за Советскую власть, о том, что они жаждали лишь одного: поскорее демобилизоваться.

Казалось бы, вывод напрашивается сам собой. Но не будем спешить и предоставим теперь слово документам.

Документ № 1

Приказ № 2884 по войскам III-й армии Западного фронта от 4 октября 1917 года.

В ночь на 1 октября сего года 8 человек «батальона смерти» 67-й пехотной дивизии и 6 матросов речной флотилии во главе с офицерами: начальником команды разведчиков прапорщиком Якушевым, речной флотилии поручиком Миртиным и 15-го инженерного полка подпоручиком Колесниковым, переплыв через озеро Нарочь, совершили десант на берег у деревни Кирпа.

¹⁶ Там же. С. 152.

¹⁷ М. Н. Герасимов. Указ. соч. С. 239, 247, 250–251.

Дружным и лихим ударом этой небольшой горстки храбрецов были сняты часовые, и в стыковой схватке нанесен врагу большой урон, разрушено несколько землянок и подорвана в нескольких местах полевая железная дорога, после чего лихие разведчики, воспользовавшись суматохой в расположении врага, захватили двух пленных, имея одного солдата раненым. Таким образом, была выполнена важная задача — захватить контрольных пленных, давших ценные сведения.

На донесении об этом поиске главнокомандующий армиями Западного фронта наложил резолюцию: «Благодарю всех. Всем разведчикам и матросам жалую Георгиевские кресты. Офицеров немедленно представить к наградам».

Всех участников лихого набега — офицеров, солдат и матросов — от лица службы благодарю за храбрость, вдумчивое отношение к делу и ту взаимную спайку, которая помогла этим молодцам так блестяще совершить отважное дело. Не сомневаюсь, что этот подвиг зажжет военные сердца и послужит всем примером самоотверженной работы во славу Родины.

Приказ этот прочесть во всех ротах, сотнях, батареях и командах.

Подлинный подписал

Временный командующий армией

Генерал-лейтенант И. З. Одишелидзе¹⁸

Документ № 2

Приказ главнокомандующего Кавказской армии № 869 от 12 декабря 1917 года.

Начальник 5-й Туркестанской стрелковой дивизии рапортом донес, что в ночь с 26 на 27 октября сего года в целях производства разведки позиций противника на высоте 2150 были назначены ударные роты полков, временно сведенные в батальон, причем для более успешных действий к нему была придана пулеметная команда Кольта 23-го Туркестанского стрелкового полка. Построив цепи и имея впереди себя разведчиков, ударники двинулись вперед, но турки вскоре обнаружили наступление их и открыли на расстоянии 400 шагов по ним сильный огонь при поддержке 6-ти пулеметов и 4-х орудий, освещая наступающих ракетами. Разведчики, однако, не дрогнули и, быстро подбежав к первому ряду заграждений, стали перерезать проволоку, а роты залегли и открыли огонь по окопам противника. Сделав проход в первом ряду заграждений, разведчики, несмотря на то, что треть их выбыла из строя убитыми и ранеными, бросились ко второму ряду проволоки,

¹⁸ Приказы по войскам III армии. Слуцк, 1917. Т. 1. Приказ № 2884.

но в это время турки усилили огонь, введя в бой еще 4 орудия. Командир батальона, получив сведения, что почти все офицеры и около 100 солдат ранены, видя полную невозможность под таким убийственным огнем прорвать ряд заграждений, не рискуя потерять весь состав батальона, приказал ему, подобрав раненых, отойти. Усматривая из этого доклада, что ударники — офицеры и солдаты — вели себя выше всяких похвал и, пренебрегая смертью, проявили храбрость, стойкость и мужество, доказав на деле свое предназначение, приказываю:

1) переименовать все эти ударные роты в роты смерти;

2) всем офицерам и солдатам, участвовавшим в этом бою, присвоить согласно приказу Верховного главнокомандующего от 27 июня сего года за № 547 установленные знаки отличия: красно-черный шеврон на правом рукаве и вместо кокарды на фуражке — адамову голову со скрещенными костями.

Подписал: генерал от инфантерии М. А. Пржевальский¹⁹

Документ № 3

Приказ № 679 по войскам II армии Западного фронта от 6 ноября 1917 года.

Еще с начала сентября месяца, по имеющимся в штабе армии сведениям, противник деятельно подготовлялся к наступлению на участке господских дворов Скробов — д. Заосье.

30-го октября около 15 часов артиллерия противника открыла ураганный огонь по нашим окопам и батареям на указанном выше участке, огонь велся главным образом химическими снарядами. Около 17 часов после двух с половиною часов сильнейшей артиллерийской подготовки противник силами около 2–3 полков атаковал наши передовые окопы на участке господские дворы Скробов — высота 97,5 — д. Заосье и потеснил, понеся значительные потери, 13-ю роту 8-го гренадерского Московского полка и 1-ю и 12-ю роты 6-го гренадерского Таврического полка. Атака противника на участке от господских дворов Скробов до высоты 97,5, занятой двумя ротами украинцев²⁰ Московского полка, успеха не имела, но вследствие больших потерь, понесенных украинцами, и отхода соседних рот Таврического полка остатки этих двух доблестных рот были отведены во вторую линию окопов, где и оставались до конца боя. Преследуя отходящие роты 6-го Таврического полка, противник занял и часть окопов нашей основной линии на высоте

¹⁹ Приказы главнокомандующего Кавказской армией. Тифлис, 1917. Т. 1. Приказ № 869.

²⁰ Имеются в виду подразделения, подвергшиеся украинизации на основании распоряжения Временного правительства.

94,6, но артиллерийским огнем и контратакой частей резерва был выбит из них и в беспорядке отошел в захваченные им окопы сторожевого охранения.

С началом артиллерийской подготовки противника 32-му сибирскому стрелковому полку, находившемуся в армейском резерве в районе Сацкая — Липа — Малево, было приказано срочно перейти в район Задвья — Савичи — Ишкольдзь для поддержки в случае надобности 2-й гренадерской дивизии. Через час по получении приказа полк уже передвигался по новому назначению.

Около 23 часов противник вновь открыл ураганный огонь по высоте 94,6, и пехота его повела атаку на эту высоту, но нашим огнем была отбита.

Около 6 часов 31 октября штурмовой батальон 2-й гренадерской дивизии после кратковременного обстрела ураганным огнем высоты 97,5, командовавшей над всей линией передовых окопов, занятых противником, во главе со своим командиром подполковником Тороповым штурмовал эту высоту, встреченный убийственным ружейным, пулемётным и артиллерийским огнем противника, принужден был отойти на исходное положение, потеряв убитыми и ранеными 8 офицеров и 114 солдат.

Общая цифра потерь 2-й гренадерской дивизии за бои 30–31 октября, считая убитых, раненых и отравленных газами, составляет 29 офицеров и 1185 солдат; 9 пулеметов, 6 бомбометов, 1 миномет, 2 легких, 5 тяжелых орудий, подбитых артиллерийским огнем противника.

В донесениях штаба Гренадерского корпуса о ходе боя и в описании самого боя видно доблестное поведение всех офицеров и солдат 2-й гренадерской дивизии, в минуту грозной опасности забывших политические раздоры и приложивших дружные усилия к отражению дерзких посягательств сильного врага.

С особым удовольствием отмечаю, как и всегда, отличные действия нашей артиллерии, своим огнем нанесшей противнику тяжелые потери и много содействовавшей остановке его дальнейшего продвижения.

Из числа отдельных частей, отличившихся в этом бою, не могу не отметить доблестное поведение двух рот украинцев 8-го гренадерского Московского полка, своим мужеством и упорством бывших на высоте своих славных предков — украинских казаков.

Истинное понимание обороны проявил славный штурмовой батальон 2-й гренадерской дивизии, под свинцовым дождем германских пуль и снарядов под командой своего доблестного командира храбро шедший на штурм захваченной противником высоты.

32-й стрелковый полк без всяких задержек выступил туда, где сражались и умирали его товарищи и где его помощь могла потребоваться каждую минуту.

В тех же донесениях, наряду с перечисленными выше примерами доблести, сознательного отношения к тяжелому и ответственному долгу гражданина-воина, я с грустью узнал и о недостойном отношении к Родине или Революции.

В то время как доблестные защитники изнемогали в неравной борьбе и умирали, защищая свободу, 9-я рота 8-го гренадерского Московского полка, 14-я рота 5-го гренадерского Киевского полка, 9-я рота 7-го гренадерского Самогитского полка, 16-я рота 1-го гренадерского Екатеринославского полка и 7-й взвод вьючной пулеметной команды отказались выполнить боевой приказ и подать помощь своим уставшим товарищам.

Но и среди этих частей были сознательные граждане — воины, выполнившие отданные в минуту грозной опасности боевые приказы. Несмотря на свою малочисленность, они двинулись вперед и подали посильную помощь своим товарищам. Имена их должны быть известны всей армии: 9-й роты 8-го гренадерского Московского полка поручик Спиоров, старший унтер-офицер Шевяков, младшие унтер-офицеры Мазуров и Яблочкин, ефрейтор Вышедкевич, гренадер Волосевцев, фельдшер Стогов, санитары Хмелевский и Воробьев; 9-й роты 7-го гренадерского Самогитского полка подпоручик Суерко, подпрапорщики Чернышев и Липко, ефрейтор Кошелев, гренадеры Парыгин, Елигин и Науменко; и 16-й роты 1-го гренадерского Екатеринославского полка прапорщики Капранов, Журба, Лазарев.

Стойкость, мужество и сознательное отношение к долгу позволили в боях 30 и 31 октября отбросить более сильного врага и ограничить продвижение его лишь занятием наших сторожевых окопов, не дающих ему существенных преимуществ.

Командиру Гренадерского корпуса приказываю безотлагательно представить всех отличившихся к наградам.

Командующий армией

Генерал от инфантерии М. П. Данилов²¹

Документ № 4

Приказ № 1928 по войскам VII армии Юго-Западного фронта от 31 ноября 1917 года.

Волонтер 1-го ударного революционного батальона Александр Король за то, что 24 октября сего года выслан штабом армии на разведку в тыл противника и, будучи захвачен противником, тем не менее, находясь в плену, собрал ценные сведения о неприятеле и бежал 11 ноября, откуда доставил в штаб армии добытые им сведения, причем увлек

²¹ Приказы по войскам II армии. 1917 г Т. 1. Приказ № 679.

с собою при побеге трех бывших в плену наших солдат, награждается Георгиевским крестом 4-й степени за №1193325.

Подписал: командующий армией генерал-лейтенант Я. К. Цихович²²

Прежде чем перейти к заключению, необходимо прокомментировать документ № 3. В 1958 г. были изданы мемуары генерал-лейтенанта Советской армии А. А. Самойло. В Русской императорской армии их автор дослужился до чина генерал-майора, долгое время служил в штабе Киевского военного округа, потом в разведывательном отделении Главного управления Генерального штаба, таким образом, с 1902 по 1914 г. он занимался военной разведкой против Австро-Венгрии. В 1914–1915 гг. служил в Ставке, в 1915–1917 гг. — в штабе Западного фронта, с конца сентября 1917 г. являлся генерал-квартирмейстером штаба 10-й армии Западного фронта. В ноябре 1917 г. он являлся председателем «военной комиссии по перемирию с немцами» в Брест-Литовске. Так началась его служба советской власти. Человек несомненно умный и хорошо информированный, он, тем не менее, в своих мемуарах, так характеризовал состояние Русской армии в октябре:

Эти 2 миллиона, разбросанные по всему громадному фронту, были совершенно небоеспособны. Конечно, ни о каком наступлении не могло быть и речи <...> Большевизация армии уже на моих глазах делала большие успехи. <...> На Западном фронте наиболее революционной была 2-я армия, а лучшую сознательность выказали быстро большевизировавшиеся родные мне гренадерские полки — Екатеринославский и особенно Ростовский²³.

Так как упорные бои 30–31 октября ведут именно части 2-й гренадерской дивизии 2-й армии, столь «лестно» охарактеризованной А. А. Самойло, то остается только в очередной раз признать, что далеко не всем мемуаристам, особенно советским, можно безоговорочно доверять во всем, что они пишут. Однако нет худа без добра: именно свидетельство уважаемого автора лишний раз показывает нам, чем оборачивается в условиях боевой обстановки большевистская агитация на линии фронта — забвением воинской чести и оставлением на произвол судьбы своих же товарищей, честно сражавшихся против нахраписто атакующих немцев.

Подводя итоги, необходимо отметить еще раз весьма поверхностную достоверность вышеприведенных советских мемуаристов, за исключением М. Н. Герасимова. Однако в свете приведенных документов становится ясно, что и их политические противники преувеличивали

степень развала на фронте. Объективнее всего сегодня было бы сказать, что надежды генералов М. В. Алексеева и П. Н. Врангеля имели под собою определенные основания. Ударные батальоны действительно представляли собою наиболее живую, то есть боеспособную часть действующей армии, а мужество, проявленное гренадерскими полками 2-й армии в боях 30–31 октября, говорит нам о том, что понятие воинской чести и способность вести упорные бои на тот момент были присущи не только ударным частям. Именно в этом, по существу вопроса, представляется нам более верной позиция будущих белых вождей, верной в том смысле, что «строительный материал» для возрождения русской армии пока что еще существовал. И если бы не захват власти большевиками, вернуть ей боеспособность, может быть, было бы еще возможно.

Список литературы

- В. М. Алексеева-Борель.* Сорок лет в рядах русской императорской армии: генерал М. В. Алексеев. М., 2000.
С. М. Буденный. Пройденный путь. М., 1957.
А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1990.
П. Н. Врангель. Главнокомандующий. М., 2004.
М. Н. Герасимов. Пробуждение. М., 1965.
Г. Н. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1971.
А. М. Зайончковский. Первая мировая война. М., 2000.
А. А. Керсновский. История Русской армии. М., 1994.
А. А. Самойло. Две жизни. М., 1958.

Boris Grigorievich KIPNIS

Senior Lecturer, St. Petersburg State University of Culture (St Petersburg, Russia)

The combat capability of the Russian armed forces in October 1917

The article contrasts the traditional view of the state of the Russian army at the end of 1917, supported by memoirs, to the authentic orders of the era, from which it is clear that the Russian army still maintained combat capability.

Keywords: Russian army, military discipline, revolutionary propaganda, combat capability, memoirs, orders.

²² Приказы по войскам VII армии. 1917. Т. 2. Приказ № 1928.

²³ *А. А. Самойло.* Две жизни. М., 1958. С. 176–177.

Петр Юрьевич МАЖАРА

кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: pmazhara@mail.ru

**ОККУПАЦИЯ НЕМЕЦКИМИ ВОЙСКАМИ
ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 г.
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУССКОЯЗЫЧНОГО
НАСЕЛЕНИЯ ПРИБАЛТИКИ
(по материалам устных рассказов,
записанных писателем Л. Ф. Зуровым)**

В статье, основанной на записях устных рассказов, сделанных в 1930-е гг. писателем Л. Ф. Зуровым, рассматриваются особенности исторической памяти о немецкой оккупации русскоязычного населения Прибалтики. Псков и юго-западная часть псковской губернии были оккупированы в 1918 г. в течение практически 9 месяцев, эти события не могли не запомниться жителям псковской губернии. Записи были сделаны накануне событий Второй мировой войны, которые в дальнейшем существенно повлияли на историческую память жителей региона и в значительной степени изменили её. Зурова можно назвать одним из первопроходцев жанра «устной истории», которому удалось зафиксировать состояние народной исторической памяти накануне очередного витка её изменений.

Ключевые слова: немецкая оккупация, Первая мировая война, Псков, Л. Ф. Зуров, историческая память, устная история.

В ночь с 27 на 28 февраля 1918 г. в ходе наступления 8-й армии германских кайзеровских войск ими был взят губернский город Псков. Таким образом создавалась угроза Петрограду, «столице трёх революций» — серьёзный аргумент для возобновления ведения переговоров о мире в Брест-Литовске на максимально выгодных для Германии условиях. Однако оккупация Пскова и юго-западной части Псковской губернии, включая город Остров, не прекратилась и после подписания договора о мире 3 марта 1918 г. Хотя 27 августа 1918 г. был заключен добавочный русско-германский мирный договор, согласно которому эти «временно оккупированные» территории должны были быть освобождены, это произошло лишь в ноябре 1918 г., когда война уже была проиграна Германией в целом¹.

¹ Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.) / Под ред. В. А. Шишкина. СПб., 1995. С. 98–102.

Одним из немаловажных последствий германской оккупации на Северо-Западе для российской истории стало создание белой Северо-Западной армии (первоначально называвшейся Северной). Немцам было необходимо создать противовес на случай наступления Красной армии, тактически их задачи совпадали со стремлениями антисоветски настроенного офицерства, стремившегося активно противостоять разрушившим старую армию большевикам. Одно из вербовочных бюро формируемой Северной армии было открыто в городе Остров. В октябре 1918 г. его порог переступил 16-летний воспитанник Островского реального училища Леонид Фёдорович Зуров (1902–1971). Для будущего литературного секретаря Ивана Алексеевича Бунина добровольно сделанный выбор в пользу Белого движения стал одним из узловых, переломных моментов биографии, к осмыслению которого он продолжал возвращаться всю свою последующую жизнь в эмиграции, и не только в литературном творчестве.

В архиве Дома русского зарубежья (далее — ДРЗ) им. А. И. Солженицына (Москва) хранится немалое количество материалов по истории Северо-Западной армии. Значительную часть из них собрал сам Александр Исаевич Солженицын, находясь в вынужденной эмиграции в США. Собрание писателя составило основу архивной коллекции, в число переданных им материалов входил и личный архив Л. Ф. Зурова². Был сформирован отдельный личный фонд Зурова (ф. 3), а собранные им источники по истории Северо-Западной армии были включены в состав фонда «Северо-Западная армия» (ф. 39).

В 1930-е годы интересовавшийся также историей русской старины Л. Ф. Зуров неоднократно принимал участие в археолого-этнографических экспедициях по русским районам Прибалтики. В 1928 г. он участвовал в экспедиции профессора Латвийского университета В. И. Синайского по изучению Псково-Печорского монастыря. В 1935 г. Зуров отправляется в Эстонию из Франции на собранные русскими эмигрантами во Франции пожертвования (определенную поддержку оказал также Музей человека в Париже). В 1937 г. он вновь выступил в качестве одно-

² После смерти Л. Ф. Зурова, согласно его завещанию, его личный архив и архив семьи Буниных, хранившийся у него, унаследовала его добрый друг, преподаватель Эдинбургского университета Милица Эдуардовна Грин. Архив Буниных и часть архива самого Зурова в 1980-е — начале 1990-х гг. были переданы в архив Лидского университета (Великобритания). См.: *Белобровцева И.* «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И. А. Бунина и Г. Н. Кузнецовой с Л. Ф. Зуровым (1928–1929) // И. А. Бунин: Новые материалы / Под ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. Вып. 1. С. 232–233. Значительная часть архива Л. Ф. Зурова (в первую очередь, материалы по истории Белого движения) через посредничество А. И. Солженицына попала в Москву.

го из организаторов экспедиции в Печорский край, на сей раз совместно с сотрудниками Института им. Н. П. Кондакова, выросшего из Семинария, занятия которого Зуров посещал в Праге в 1920-е гг. Еще одна экспедиция с участием Зурова состоялась уже в следующем, 1938 м, году.

Во время своих поездок Зуров выступал и как собиратель исторических свидетельств по истории Северо-Западной армии. Прибалтика стала одним из основных мест расселения бывших участников Белого движения на Северо-Западе России и пристанищем для самого писателя до конца 1920-х гг. Проживая в Риге, в 1920-х гг. Зуров был секретарем рижского отделения альманаха «Белое дело», издававшегося с одобрения генерала П. Н. Врангеля (главным редактором издания был будущий глава РОВС А. А. фон Лампе)³. В своих поездках по Прибалтике Л. Ф. Зуров не упускал возможности побеседовать с бывшими солдатами и офицерами, также как и с людьми, не участвовавшими в боевых действиях, но ставшими свидетелями той эпохи. Воспоминания этих людей дошли до нас в его записях, хранящихся в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Особенно ценно то, что Зуров записывал в основном свидетельства рядовых участников событий, нижних чинов, которые редко оставляли после себя мемуарное наследие. К тому же буквально через пару лет после последней экспедиции 1938 года Прибалтика вошла в состав СССР, что повлекло за собой новые преследования оставшихся там бывших белогвардейцев и сделало невозможным продолжение работ Зурова. Для нас сегодня важна фиксация исторической памяти о событиях окончания Первой мировой войны и начала Гражданской войны, сформировавшейся в среде русскоязычного населения Прибалтики в 1920–1930-е гг. В дальнейшем эта историческая память будет подвергнута серьезной корректировке и в каком-то смысле стёрта...

Записи Зурова в Доме русского зарубежья составляют 7 единиц хранения общим объемом в 1485 листов⁴. Писатель сам записывал рассказы своих респондентов, как правило, в школьных тетрадях или на отдельных листах бумаги чернилами или химическим карандашом. Зачастую текст записывался в спешке, поэтому почерк разбирается с большим трудом, а в некоторых местах, к сожалению, и вовсе не поддается прочтению. Зуров проставлял даты в некоторых рукописях, хотя далеко

не во всех. Наиболее часто встречаемая дата — 1938 год⁵, год последней экспедиции Зурова в Прибалтику, спонсированной Музеем человека в Париже⁶. Рукописи, датированные этим годом, объединены в одну архивную единицу хранения. Л. Ф. Зуров собрал свидетельства порядка 97 респондентов (точное число установить трудно, так как далеко не во всех случаях мы располагаем конкретными указаниями автора на личность опрашиваемого). 62 из них принимали участие в боевых действиях на стороне Белой армии, 35 — были очевидцами событий (среди очевидцев 11 респондентов женщин)⁷.

Воспоминания респондентов посвящены в основном событиям на территории Псковской губернии, где была сформирована Северо-Западная армия. Сам Зуров помечал свои записи указаниями на описываемую местность, в которой происходили события Гражданской войны: «Псков», «Изборск», «Остров»⁸, «Печоры», «Талабские острова» и т. д. Естественно, в них затрагивается и тема немецкой оккупации региона. Любопытны ощущения самого Л. Ф. Зурова, выраженные им в его собственном очерке «Формирование Северной армии», опубликованном в наши дни: «Многим русским был не по душе вежливый, но суровый тон прусского лейтенанта, умные реквизиции и редкие расстрелы неповинующихся немцам мужиков»⁹. Эта фраза передаёт восприятие германского присутствия на псковской земле как, с одной стороны, чего-то чуждого, а с другой — как рационально организованного (суровая вежливость, «умность» проводившихся реквизиций, не частое, но суровое в своей неотвратимости наказание за нелояльность к оккупантам). Это восприятие немцев как носителей начал рациональности, контрастно подчёркиваемой хаосом разгорающейся в России Гражданской войны, достаточно характерно для свидетельств респондентов Л. Ф. Зурова.

⁵ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 134. Л. 1, 41, 48, 60–62, 69, 74, 76, 81, 96, 104, 105, 117, 118, 124, 128.

⁶ *Зирин С. Г.* Голгофа Северо-Западной Армии. 1919–1920 гг.: Венок памяти соотечественникам. СПб., 2011. С. 144–145.

⁷ Более подробный источниковедческий разбор рассматриваемого в статье источника см. в наших публикациях: *Мажара П. Ю.* Л. Ф. Зуров как собиратель мемуаров о Белом движении на Северо-Западе России // *Русская литература.* 2013. № 2. С. 233–239; *Мажара П. Ю.* «Всё это преодоление отрыва от России...»: писатель Л. Ф. Зуров и сохранение исторической традиции в эмиграции // *Текст и традиция: альманах,* 4. СПб., 2016. С. 408–423.

⁸ У Л. Ф. Зурова была идея написать отдельную историю Островского полка Северо-Западной армии, в котором служил он сам. Но идея эта так и осталась не воплощенной.

⁹ *Зуров Л. Ф.* Формирование Северной армии // *Белое движение на Северо-Западе России.* М., 2003. С. 17.

³ Подробнее см.: *Базанов П. Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. С. 83–102. В составе фонда 39 архива ДРЗ входит опись № 2, в которую включены сохранившиеся у Зурова документы редакции «Белого дела».

⁴ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 129–135.

«Видели, как при немц[е] было и вдруг при красных ничего не ста[ло] и псковский наш мужик не мог смириться с этим»¹⁰, — весьма категорично формулировал в разговоре с Л. Ф. Зуровым некий ветеран Белого движения на Северо-Западе (предположительно, Иван Павлович Изменов¹¹). Можно привести и вовсе скорее одобрительные отзывы о немцах. «Немецкая оккупация прошла безобидно. Склады лесных материалов они раздавали бедным крестьянам для обстраивания своих домов»¹², — поведал Л. Ф. Зурову начальник железнодорожной станции «Новоизборск» (в 1918 г.), чья фамилия, к сожалению, не была зафиксирована в записях писателя. О том, что при немцах «было лучше», чем при большевиках, заявили также ветеран Талабского отряда¹³, сельский учитель из Изборска и попадья из церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Изборске, чьи имена, к сожалению, также не записаны писателем¹⁴. «Барышни с немцами танцевали, на них смотрели как на освободителей, на избавителей»¹⁵, — описывал жизнь псковского общества в 1918 г. ещё один респондент, чья личность, к сожалению, не идентифицирована. «Это была хорошая власть»¹⁶, — заявил о немецкой комендатуре некий Мирзинский («р» в рукописи можно прочитать и как «д»), в 1918 г. — житель Пскова.

С точки зрения сравнения белых и германской армии, любопытны записанные (по-видимому, во Франции, а не в Прибалтике) Зуровым свидетельства Александра Яковлевича Горюшина, служившего в 1918 г. в Псковской артиллерийской бригаде¹⁷. Горюшин вспоминал, что «у русских [т. е. в формировавшемся Псковском корпусе] не было нормальной

бухгалтерии»¹⁸, но представители германского командования не хотели наводить порядок в этой сфере, так как на это у них не было ни времени, ни желания. Впрочем, респонденты также отмечали и моменты разлагающего воздействия обстановки в революционной России на германскую армию: «во Пскове, у немцев пошло разложение. Началось, без погон ходят. <...> Я не видел лично, но, говорят, были случаи, что погоны срывали»¹⁹. О разложении немецкой армии вспоминал респондент, записанный Л. Ф. Зуровым как «Вирб»²⁰, утверждавший, что немецкие солдаты теряли уважение к собственному генералитету.

Однако, напомним, что помимо «порядка» германская армия, согласно Зурову, принесла на псковскую землю и «умные» реквизиции, и расстрелы нелояльного населения. Свидетельства о грабежах и насилии можно найти и среди зуровских записей. «Немцы старались всех обобрать, все увезти из запасов старой армии и охранять себя, себя уберечь, чтобы вернуться в Германию»²¹, — сообщал о «крохоборах»²² один из его респондентов. «При немцах были колокольня разграблена и барин был удавившись»²³, — поведал Зурову некий житель Печор по фамилии Царев. Барсова, учительница из Печор, жаловалась на то, что «ни немцы, ни красные не платили жалования учителям»²⁴. Другая респондент-женщина сообщала о трудностях с продовольствием²⁵. Офицерство, составившее костяк формирующейся белой армии, также было вынуждено выживать в условиях немецкой оккупации, берясь за любую работу²⁶. Сохранились и мемуарные свидетельства о стычках между германскими солдатами и крестьянами²⁷.

¹⁰ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 129. Тетрадь 2-я. Л. 13 об.

¹¹ Там же. Л. 1а.

¹² Там же. Д. 131. Тетрадь 1-я. Л. 1.

¹³ Отряд, сформированный из рыбаков с Талабских островов в Псковском озере, недовольных продразвёрсткой.

¹⁴ Там же. Тетрадь 1-я. Л. 20–52 об. См. также — тетрадь 2-я. Л. 182 об. Попадья — предположительно супруга протоиерея И. Н. Коведяева, служившего в церкви Рождества Пресвятой Богородицы с 1917 по 1935 г. С 1935 г. — настоятель церкви Сорока мучеников Севастийских в Печорах. В 1940 г. арестован НКВД и приговорен к расстрелу. Сайт «Русская Эстония» http://russianestonia.eu/index.php?title=%D0%9A%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8F%D0%B5%D0%B2_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 Состояние на 12.11.2018

¹⁵ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 132. Л. 27–28 об.

¹⁶ Там же. Л. 57.

¹⁷ *Бойков В. А.* Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.), Таллинн, 2009. С. 101.

¹⁸ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 131. Тетрадь 2-я. Л. 132 и об.

¹⁹ Запись рассказа некоего Александра Ильича, служившего в 1918 г. в 1-й батарее Псковской артиллерийской бригады // ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 132. Л. 13. Также см. Л. 19.

²⁰ Возможно, Алексей Людвигович Вирбелуэр (Вирбелуэр), служивший во 2-м дивизионе Псковской артиллерийской бригады. О нем см.: Сайт «Русская Эстония» http://russianestonia.eu/index.php?title=%D0%92%D0%B8%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%83%D1%8D%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9_%D0%9B%D1%8E%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 Состояние на 11.11.2018.

²¹ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 133. Л. 78. См. также — Д. 132. Л. 139–160.

²² ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 132. Л. 15 об.

²³ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 134. Л. 54 об.

²⁴ Там же. Л. 81.

²⁵ Там же. Д. 132. Л. 172–179.

²⁶ Интересны свидетельства о заработке офицерами перевозом жителей и грузов через реку Великую. ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 132. Л. 3 об.

²⁷ Там же. Д. 134. Л. 77–80.

В записанных Л. Ф. Зуровым рассказах есть примечательные описания разбоев, учинявшихся крестьянами села Сенно (рядом с Новым Изборском) под предводительством Василия Николахина во время отступления немцев, а за ними и русских белогвардейских частей от Пскова в конце ноября 1918 г. Николахинцы грабили и немецкие, и русские войска²⁸. При этом начальник станции «Новоизборск», в районе которой и происходили грабежи, рассказывал Л. Ф. Зурову, что если немцев грабившие «миловали», то «северников [от Северной армии] просто расстреливали»²⁹.

Помимо всего прочего у респондентов, принимавших участие в Гражданской войне на стороне Белого движения, были претензии к германской армии за то, что та практически без боёв сдала Псков 25 ноября 1918 г. Красной армии, не предупреждая о своих планах своих русских союзников. Были и случаи стычек между германскими частями и частями белых³⁰. Вообще при описании отступления германской армии (как, впрочем, и белой Северной армии) исчезают слова о «рассудительности»³¹ и рациональности немцев. Респонденты Зурова вспоминают о хаосе, царившем при оставлении Пскова, о запруженном немецкими подводами Ольгинском и Рижском железнодорожном мостах через Великую, растерянном немецком генерале Георге фон Штангене³².

Безусловно, нельзя забывать ни о казнях, ни о реквизициях, проводившихся на территориях, оккупированных Германией³³. Но при этом отметим, что последующие казни, репрессии и реквизиции, продолжившиеся на территории Псковской губернии в ходе взаимного ожесточения Гражданской войны, способствовали тому, что в исторической памяти населения период немецкой оккупации стал тесно связан с памятью о Гражданской войне. Опрашиваемые Зуровым жители Петсери (название района Печор в составе Эстонской республики) находились вне зоны активного влияния советской пропаганды, поэтому на фоне эксцессов белого и красного террора, сопровождавших неоднократную смену

властей в Пскове и его округе в 1919 г., и просто безыдейного бандитизма разного рода, период немецкой оккупации в исторической памяти оказался зафиксирован как время относительного порядка сравнительно с последующей эпохой, а потому тот уровень насилия, который был присущ ему, представлялся не переходящим, условно говоря, некоторый критический порог. Открытым, но, безусловно, интересным остаётся вопрос влияния на историческую память русской эмиграции идеологии авторитарного общества, каковым являлась Эстония 1930-х гг., влияния фашистской идеологии, которая пользовалась определенной популярностью в русскоязычной среде Прибалтики. В Эстонии действовало несколько русских фашистских организаций³⁴.

Ценность работы, проделанной Л. Ф. Зуровым, помимо того, что он собрал уникальные свидетельства по истории Белого движения, состоит ещё и в том, что он сумел зафиксировать состояние исторической памяти русскоязычного населения Прибалтики накануне очередных грандиозных перемен в её государственной и общественной жизни. В дальнейшем на историческую память о периоде немецкой оккупации 1918 г. наложились память об оккупации времен Великой Отечественной войны³⁵. В задачу настоящей статьи не входит сравнение оккупационных режимов времен Первой и Второй мировых войн, но представляется очевидным, что в дальнейшем образ немецкого оккупанта в историческом сознании приобрел намного более зловещие и отталкивающие черты.

Список литературы

- Базанов П. Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013.
- Белобровцева И. «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И. А. Бунина и Г. Н. Кузнецовой с Л. Ф. Зуровым (1928–1929) // И. А. Бунин: Новые материалы / Под ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. Вып. 1. С. 232–233.
- Бойков В. А. Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллинн, 2009.

²⁸ Там же. Д. 131. Л. 19, 155–156; Д. 132. Л. 164.

²⁹ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 131. Тетрадь 1-я. Л. 3.

³⁰ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Картон 2. Д. 131. Тетрадь 1-я. Л. 134 об.

³¹ Там же. Д. 130. Тетрадь 1-я. Л. 15 об.

³² Командующий 5-й эрзац-дивизией 8-й армии. (См. Боевое расписание войск на Востоке по состоянию на начало ноября 1918 года // Описание послевоенных боёв германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. с нем. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014. С. 225). Один из респондентов Зурова даже уверял, что фон Штангена застрелили собственные солдаты (в действительности отставной генерал от кавалерии фон Штанген скончался в преклонном возрасте в 1940 г.).

³³ См. подробнее: Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.) / Под ред. В. А. Шишкина. СПб., 1995. С. 107–112.

³⁴ Подробнее см.: Исаков С. Г., Бойков В. А. Русский фашизм в Эстонии в 1920–1930-е годы // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. ред. и сост. В. Ю. Жуков, науч. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 2011. С. 49–65; Базанов П. Н. Братство Русской Правды... С. 142.

³⁵ Этому способствовала в том числе и работа профессиональных историков. Уже в 1939 г. в Ленинграде увидел свет подготовленный А. Л. Фрайманом сборник документов «Крах германской оккупации на Псковщине» под редакцией Н. А. Корнатовского. В 1941 г. вышла монография А. Л. Фраймана «Разгром германских разбойников в 1918 г.».

- Зирин С. Г. Голгофа Северо-Западной Армии. 1919–1920 гг.: Венок памяти соотечественникам. СПб., 2011.
- Зуров Л. Ф. Формирование Северной армии // Белое движение на Северо-Западе России. М., 2003. С. 17–29.
- Интервенция на Северо-Западе России (1917–1920 гг.) / Под ред. В. А. Шишкина. СПб., 1995.
- Исаков С. Г., Бойков В. А. Русский фашизм в Эстонии в 1920–1930-е годы // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. ред. и сост. В. Ю. Жуков, науч. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 2011. С. 49–65.
- Мажара П. Ю. «Всё это преодоление отрыва от России...»: писатель Л. Ф. Зуров и сохранение исторической традиции в эмиграции // Текст и традиция: альманах, 4. СПб., 2016. С. 408–423.
- Мажара П. Ю. Л. Ф. Зуров как собиратель мемуаров о Белом движении на Северо-Западе России // Русская литература. 2013. № 2. С. 233–239.
- Описание послевоенных боёв германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. с нем. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014.

Piotr Yuryevich MAZHARA

Ph. D. in History, Chief Expert, Russian State Naval Archive (St. Petersburg, Russia)

E-mail: pmazhara@mail.ru

German occupation of the territories of the Pskov Governorate in 1918 in historical memory of the Russian-speaking people of the Baltic states (by the oral stories written-down by the writer L. Zurov)

The article based on the oral stories written-down by the writer L. Zurov in 1930-s surveys the specificity of the historical memory of the Russian-speaking people of the Baltic states about German occupation. The South-Western part of the territories of the Pskov Governorate and Pskov itself were occupied almost during 9 months in 1918, those events surely were imprinted in the memory of Pskov's people. Zurov had made his writings on the eve of World War II which strongly influenced the historical memory of the people and changed it fundamentally. We can consider Zurov as one of the pioneers in the genre "oral history" who succeeded in fixing the state of historical memory before its new changing.

Keywords: German occupation, World War I, Pskov, L. Zurov, historical memory, oral history.

УДК 94 (47).083: 94 (47).084: 94 (474.2): 796.071.4
ББК 63.3 (2) 61

Николай Николаевич ЖУРАВЛЁВ

независимый исследователь (Москва, Россия)

E-mail: Mgn256@yandex.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ БРАТЬЕВ УТЕХИНЫХ

Статья посвящена истории жизни братьев Утехиных, чья деятельность пришлась на годы Первой Мировой и Гражданской войн. В их судьбе отражается трагизм исторической эпохи становления советской власти в России. В статье приведено множество неизвестных фактов, свидетельствующих о вкладе братьев Утехиных в развитие спорта.

Ключевые слова: Сергей Утехин, Владимир Утехин, спорт, тренер, Белёв, Ленинград, Эстония.

Уже целое столетие прошло со времени, когда в России началась Гражданская война, разделившая её граждан на «белых» и «красных». В результате братоубийственной войны были понесены многочисленные жертвы, около миллиона русских стали изгнанниками, лишенными отечества. Многие семьи оказались разделены границами. Но, несмотря на искусственные барьеры, и те, что оказались за границей, и те, которые продолжали жить в Советской России, оставались русскими людьми, созидающими для будущего нашего Отечества.

Эта статья повествует о двух братьях Утехиных, в судьбе которых отразились все перипетии той сложной и неоднозначной эпохи. Сергей и Владимир Утехины родились в конце XIX в. Их жизненный путь начался на Тульской земле в семье Сергея Владимировича Утехина¹, являвшегося судебным приставом Тульского окружного суда. Мать, Антонина Прохоровна, была учительницей. По долгу службы отца неоднократно переводили на новое место службы в разные уезды Тульской губернии. Так, семейство некоторое время последовательно провело в Ефремове, Кашире, Белёве и Черни. Однако, большая часть их жизни начиная с 1892 г. пришлось на жительство в Белёве.

Известны два адреса проживания семьи Утехиных в этом городе. По сведениям 1899 г., большое семейство проживало в доме на углу

¹ С. В. Утехин, 1860 г. р., окончил Тульскую духовную семинарию, обучался в Демидовском юридическом лицее. Надворный советник, судебный пристав по Белевскому уезду на 1917 г. (Памятная книжка Тульской губернии на 1917 год. Тула, 1917). Умер ок. 1920 г.

Калужской (ныне Советской) и Мироносицкой (ныне С. Перовской)². По сведениям 1910 г., семья проживала в доме мещанина Василия Александровича Письменова на углу улицы Калужской (ныне Советской) и Пушкинской³. Этот дом сохранился и поныне, только пришёл в запустение.

Ил. 1. Владимир Сергеевич Утехин. 1930-е гг.

Учитель Владимир Сергеевич Утехин

Владимир Сергеевич Утехин родился в 1891 г. в городе Кашира, бывшем тогда частью Тульской губернии. Годы его школьной учебы прошли в Тульской гимназии. На это время родители устроили Владимира на жительство в семью Олимпа Куликова, управляющего Тульским чугунолитейным заводом. Там его другом по совместной учебе и товарищем по детским играм стал Владимир, сын Олимпа Куликова.

Здесь, в Туле, к Утехину пришло увлечение спортом, ставшее впоследствии профессиональным занятием. Интерес к спортивным упражнениям пришел к нему из цирка. В то время

в Туле существовал цирк под управлением Труцци. Он располагался на Киевской улице (ныне проспект Ленина). Особенно популярными были выступления борцов и состязания между ними. Туляки, среди которых было много потомственных мастеровых, ценили соревнования, где требовалась сила и выносливость. Была в Туле и своя историческая традиция: проведение ежегодно на масленицу кулачных боев на льду реки Упа между оружейниками и мещанами пригорода Чулково.

Анатолий Марков, ровесник Владимира, позднее, так вспоминал об этих годах, прожитых в Туле: «Как мы с братом, так и вся семья управляющего Куликова стали постоянными посетителями этих чемпионатов. Мы завели себе целую коллекцию фотографий борцов и по моей просьбе мама даже нам покупала какую-то специальную борцовскую газету, где давались сведения о всех состязаниях французской борьбы в России. Братья Куликовы и живший у них Володя Утехин сами занимались тяжелой атлетикой, и скоро в этой области достигли больших успехов, “развив” себе, как тогда говорили, целые груды мускулов»⁴.

² ЦГИА СПб. Ф. 990 Оп. 2. Д. 2180. Л. 13 об.

³ РГВА. Ф. 1198. Оп. 1. Д. 210. Л. 52.

⁴ Марков А. Л. Записки о прошлом. 1893–1920. М.: Традиция, 2015. С. 98.

После окончания Тульской гимназии Утехин избрал военную стезю и поступил в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге в 1909 г. В 1912 г. он был выпущен подпоручиком и направлен в 3-ю артиллерийскую бригаду в г. Калуга. Наступил 1914 г. и началась Великая война, получившая в советской историографии название Первой империалистической. Утехин был назначен командиром парка 57-й парково-артиллерийской бригады и отправлен на фронт. Там он принял участие в боях на Западном фронте и был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст.⁵, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость»⁶.

Октябрьский переворот 1917 г. застал его в звании капитана на должности командира батареи. Большевицкое правительство объявило о роспуске армии и в феврале 1918 г. остатки батареи Утехина прибыли в Калугу, где были демобилизованы. Перед ним, как и перед множеством других офицеров, встал вопрос, как начинать новую жизнь в разоренной стране и как искать средства для существования. Неожиданное решение пришло от его сослуживца — капитана В. В. Бранда⁷. Вместе с ним и другими знакомыми они арендовали 4 десятины земли в Ефремовском уезде, где посадили разные огородные культуры. Однако воспользоваться плодами своего труда им не пришлось. Местные советские органы отобрали урожай на том основании, что они использовали наёмных работников⁸.

В сентябре 1918 г. Утехин В. С. был мобилизован в ряды Красной армии. Его назначили начальником связи батареи, формировавшейся в селе Сергиевское (ныне г. Плавск) Тульской губ. Вскоре, в начале января 1919 г. артдивизион в составе 2-й бригады 8-й стрелковой дивизии был спешно отправлен на Западный фронт в г. Бобруйск, а затем в г. Гомель.

Весь офицерский состав и почти все солдаты 2-й бригады и артдивизиона были жителями Тульской губернии. В состав 2-й бригады входили 67-й и 68-й стрелковые полки. Как свидетельствуют архивные документы, с первых дней формирования бригада испытывала трудности в продовольственном и вещевом снабжении. Ещё более положение солдат усугубилось в Гомеле. Бывали дни, когда солдаты голодали, не имея даже хлеба. Из-за плохого состояния казарм, многие солдаты были размещены по частным домам. Не радовали их и письма из дома, приносящих вести о разгule продотрядов. «Приходится даже удивляться, что

⁵ Русский инвалид. 1915. 22 августа.

⁶ Русский инвалид. 1916. 6 января.

⁷ Владимир Владимирович Бранд (1891–1941), родился в с. Ушаково, Ефремовский уезд, Тульской губ. Видный деятель русской эмиграции в Польше. Поэт.

⁸ Филиал Государственного архива Эстонии ERAF Ф. 129SH. Оп. 1. Д. 524. Л. 74.

нам, работающим в гуще народной массы — Красной армии — ещё верят, ещё слушают нас»⁹, — так писал в докладе о состоянии бригады в январе 191 г. её комиссар Ильинский.

Ввиду наступления Украинской армии Петлюры на гомельском направлении для закрытия прорыва в район города Овруч была брошена 2-я бригада. В первом же бою туляки понесли потери, что послужило той самой искрой, от которой всеобщее недовольство быстро переросло в открытое возмущение. «Местное население нас не хочет!» — заявили солдаты, погрузились в эшелоны и потребовали отправки... в Тулу! Комиссар бригады А. И. Ильинский, командир артдивизиона Куманин и комиссар 67-го полка М. И. Сундуков пытались вернуть солдат на позиции, но озлобленные красноармейцы грозили им оружием. «Хорошо вел себя командир артдивизиона Куманин. Он выбился из сил, стараясь удержать артиллеристов; ему помогал в этом еще только один из командного состава дивизиона командир взвода т. Утехин. Только благодаря им я лично не был сброшен в Припять»¹⁰, — отмечал в своих показаниях комиссар бригады.

24 марта эшелоны прибыли в Гомель. Во главе восстания встал бывший штабс-капитан, также туляк, Владимир Владимирович Стрекопытов. Восставшие провозгласили «Вся власть Учредительному собранию!», «Долой правительство Троцкого и Ленина!». Последний оплот советской власти в Гомеле, гостиницу «Савой», обстреляли артиллерией и принудили капитулировать засевших там большевиков и чекистов с отрядом в 150 человек¹¹.

Впоследствии из числа задержанных большевиков и советских работников примкнувшие к восстанию матросы убили 12 человек, в том числе комиссара Сундукова. Под давлением Красной армии 29 марта повстанцы с боями оставили Гомель и пробились на территорию, занятую Украинской армией. Они перешли на их сторону в количестве около 3000 человек. Из них были сформированы 1-й и 2-й Тульские полки Украинской армии, которые затем приняли участие в боях с Красной армией. Однако у Петлюры им «шибко не показалось». Один раз их ошибочно обстреляли украинцы, приняв за красных, в другой раз им пришлось принять участие в параде местного атамана Оскилко, вдруг объявившего себя «верховным правителем Украины». В общем, через месяц, туляки ушли, теперь на сторону польской армии, воевавшей в то время и с украинской армией Петлюры, и с Красной армией.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 17. Л. 37.

¹⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 17. Л. 33 об.

¹¹ Г. Лелевич. Стрекопытовщина. Страничка из истории контрреволюционных выступлений в годы гражданской войны. М., 1923.

Поляки интернировали туляков в Брестскую крепость. Из польского заключения тулякам удалось перебраться через Латвию в белую Северо-Западную армию (СЗА). Первоначально к Юденичу их зачислили как отдельный Русско-тульский отряд. Любопытно, что туляки составили десятую часть СЗА. Воинам Тульского отряда были посвящены строки русского писателя Александра Куприна, оставившего воспоминания о боях под Петроградом в повести «Купол Святого Исаакия Далматского»:

Дрались они с несравненной, безумной храбростью. Вышибать неприятеля из деревень, брать молниеносной атакой мосты и другие узкие опасные проходы было точно их любимой специальностью. Побеждённым они никогда не давали пощады. В крепких, жёстких руках из Тульского батальона мог бы выработаться боевой материал... Однако подчинить туляков хотя бы первым, основным началам воинской дисциплины оказалось немислимым. Так они успели озвереть в долгом гуртовом бродяжничестве. Таких грабителей, мародёров, плутов и послушников свет не выдывал. Ни наказания, ни угловоры на них нисмало не действовали. Пришлось при основательной чистке С<еверо>-З<ападной> армии перед походом на Петербург распоститься с удивительным Тульским батальоном, т. е., вернее с его жалкими остатками, ибо большинство туляков погибло в боях. Жили грешно — умерли с честью.

Куприн как мастер художественного слова дал несколько преувеличенную оценку Тульскому отряду и высказал ошибочное мнение о гибели его воинов. На самом деле 2500 солдат и офицеров отряда были распределены по разным полкам СЗА, в составе которых они сражались до января 1920 г. Многие из них погибли, часть осталась в эмиграции и разъехалась по всему миру, другая часть вернулась в РСФСР.

Капитан В. С. Утехин проделал весь боевой путь с Тульским отрядом и также принял участие в боях с Красной армией под Петроградом как командир артиллерийской батареи. По собственным показаниям, он участвовал во взятии Стругов Белых и защите подступов к Гдову во время наступления армии Юденича на Петроград, за что был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом¹².

В конце 1919 г. тиф поразил Северо-Западную Армию, нанося ей урон не меньше, чем Красная армия. Не избежал этой участи и Утехин. Войну он закончил в госпитале, а поправившись остался работать санитаром, помогая другим больным. Так он оказался в эмиграции и остался жить в Эстонии.

Теперь, когда он оставил военную службу, он полностью отдался своему давнему спортивному увлечению, работая спортивным инструктором в школах и гимназиях. Его увлечённость и организаторские спо-

¹² Приказ по СЗА № 301 от 03.11.1919.

способности позволили ему активно вести большую общественную работу. Основным делом его жизни стало популяризация спорта в среде русских организаций. С 1921 по 1924 г. он работал преподавателем гимнастики в русской секции «Христианского союза молодёжи». Одновременно, с 1922 по 1924 г., он являлся руководителем «Русских скаутов», молодёжной организации, ставшей прообразом пионерской организации Советского Союза. В 1923 г. он вошёл в педагогический совет Ревельской (Таллинской) городской русской гимназии, той самой, которую позднее окончил Патриарх Всея Руси Алексей II.

Для получения педагогического образования он поступил в Русский педагогический институт в Праге, где учился с 1924 по 1926 г. С 1926 г. Утехин принял руководство спортивным кружком «Русь», а с 1930 г. был председателем русского комитета «Христианского союза молодёжи». В обществе «Витязь» он состоял преподавателем спорта с первого дня его основания в мае 1926 г. до 1927 г., когда был вынужден оставить общество ввиду внутренних раздоров¹³. В 1931 г. он был организатором спортивного отдела 1-й Русской выставки в Эстонии, демонстрировавшей достижения русских спортсменов. Это далеко не полный перечень всех организаций, где довелось сотрудничать Утехину.

Долгое время Утехин являлся тренером по гимнастике в еврейской спортивной организации «Маккаби»¹⁴. Он был приглашен туда в 1921 г., а со следующего года стал ещё и учителем гимнастики в Еврейской начальной школе в Таллине. Его тренерская деятельность в «Маккаби» продолжалась, по-видимому, вплоть до 1940 г., с некоторыми перерывами в работе. В юбилейном альбоме, посвященном пятнадцатилетней годовщине деятельности «Маккаби»¹⁵ в 1935 г., Утехин делился своими воспоминаниями и впечатлениями о работе в этой спортивной организации. Под его руководством началось становление будущей многократной чемпионки Эстонии по гимнастике и легкой атлетике Сары Тейтельбаум, тогда еще ученицы младших классов. Также его учениками были будущие многоборцы Л. Левитан, С. Бурас, Р. Шер, М. Кит и многие другие, которые в дальнейшем с честью представляли на соревнованиях Эстонскую республику. В Первых общегосударственных эстонских играх по гимнастике, проходивших летом 1934 г. в Таллине и собравших до 10 тыс. зрителей, «Маккаби» выставила 80 гимнастов всех возрастов.

¹³ Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Под ред. И. Белобровцевой. Рига: Даугава, 2000. Т. 6. С. 151.

¹⁴ Всемирная еврейская спортивная организация, основанная в 1921 г., имеющая отделения в разных странах мира.

¹⁵ Еврейский музей Эстонии. Eesti Juudi Muuseum. Таллин, ул. Кару, 16. Архив. Альбом «“Маккаби” 15. Таллинн, декабрь 1935».

О том, каким Утехин был преподавателем, лучше всего могут передать слова его учеников, сохранивших о нем прекрасные воспоминания по прошествии многих лет. Один из них, выпускник Таллинской городской русской гимназии, историк, профессор из Кембриджа, Н. Е. Андреев¹⁶ так писал о нем в книге своих воспоминаний «То, что вспоминается»¹⁷: «Учителем гимнастики и физкультуры сначала был Владимир Сергеевич Утехин, а после него два бывших офицера Русской армии, которые не произвели впечатления на наш класс. Владимир Сергеевич, сам бывший армейский офицер, получил педагогическое образование в Праге в Русском педагогическом институте имени Яна Амоса Каменского. Там же он, по-видимому, наблюдал и, может быть, участвовал в деятельности «соколов». «Сокола» — чешская организация, которая имела и русское ответвление в разных странах. Сокола сыграла важную роль в формировании национального движения в Чехословакии и стремилась не только к чисто гимнастическим достижениям, но преследовала также идеологические цели — пропаганду национальных интересов. Этот мотив Владимир Сергеевич воспринял. Он был высокого роста, приятный человек и, конечно, отличный гимнаст. Преподавали нам гимнастику в великолепном зале спортивного общества «Калев», в 5 минутах ходьбы от нашей гимназии. Зал был прекрасно оборудован: кобылы, кони, лестницы, параллельные брусья, и наша гимнастика перестала быть только маршем, а стала занятием на снарядах. Интересно, что Владимир Сергеевич поддерживал русскую линию — мы как можно лучше должны выступать на внешкольных состязаниях, именно потому что мы Русская гимназия. И мы усвоили это и охотно участвовали под его руководством в групповых движениях на гимнастическом празднике весной 1924 г. Когда он исчез из нашего класса, мы стали тяготиться гимнастикой, отлынивать от неё. Я без удовольствия ходил на занятия. Мне было неинтересно». Секрет привлекательности спортивных занятий под руководством Утехина, всё тот же Андреев видел в его особом подходе к спорту. «Что важно в спорте — это чувство команды, умение помочь друг другу, именно это надо было развивать. Это

¹⁶ Андреев Николай Ефремович (13.03.1908, под СПб. вблизи ст. Ржевка — 25.02.1982, Кембридж, Великобритания). В Эстонии с 1919 г.; семья Андреева оказалась в эмиграции вместе с отступавшими частями СЗА. Окончил Таллинскую городскую русскую гимназию (4-й выпуск, 1926/1927). Окончил Русский институт сельскохозяйственной кооперации и философский факультет Карлова университета в Праге (1927–1931). Доктор философии. В 1945 г. арестован органами «СМЕРШ» в Праге, провел два года под следствием в советской тюрьме в Германии, освобожден. С 1948 г. — преподаватель Кембриджского университета.

¹⁷ Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Таллин: Авенариус, 1996. Т. 1. С. 225–226.

лучше делал Владимир Сергеевич Утехин и совсем не понимал второй преподаватель»¹⁸.

О практических достижениях Утехина красноречиво говорят результаты его воспитанников. Количество членов общества «Витязь», например, к 1927 г. выросло до 200 человек. В 1928 г. его баскетбольной команде удалось выиграть чемпионат Эстонии. Тогда же «Витязь» занял первое место в эстафетном беге малых обществ вокруг Ревеля 10x500 метров. Впоследствии «Витязь» одерживал блестящие победы в велосипедной езде, стновясь чемпионом Таллина. В 1929 г. русские вновь стали чемпионами Эстонии по баскетболу. Примечательно, что в 1991 г. эстафету преемственности принял вновь образованный в Таллине баскетбольный клуб с легендарным названием «Витязь». В 1931 г. баскетбольная команда «Русь» в борьбе за кубок газеты «Чикаго трибюн» между Финляндией, Латвией, Литвой и Эстонией выиграла приз для Эстонии вместе со званием лучшей баскетбольной команды Прибалтики. Несомненно, такие победы стимулировали развитие баскетбола в Прибалтике, обеспечивая высокий уровень спортсменов региона и в наши дни.

Но сами по себе спортивные результаты не были самоцелью деятельности Утехина. Им двигало стремление гармоничного развития русской молодёжи через спортивную закалку, воспитывающую моральные и волевые качества характера. Об этом он писал в своей статье в «Вестнике Союза РПБО» в 1931 г.: «Сознательное отношение русистов к этой основной идее деятельности их общества выгодно выделяло русскую молодёжь из среды других спортсменов, в рядах которых не считается пороком грубость, куренье, алкоголь, алчность к денежным наградам. Русисты всегда остаются спортсменами-рыцарями, джентльменами спорта, добрым примером для идущего за ними следом младшего поколения поклонников спорта — увлечения модного в наше время и легко могущего принять нежелательные формы».

Хотя Утехин и проживал в маленькой Эстонии, однако это обстоятельство не помешало ему стать деятельным участником общественно-педагогического движения Русского Зарубежья. Об этом говорит его вклад в развитие русской педагогики за рубежом в виде его публицистических статей. В 1927–1928 гг. были опубликованы две его статьи в ведущем русском педагогическом журнале «Русская школа за рубежом»¹⁹. Этот журнал издавался в Праге с 1923 по 1931 г. и распространялся по многим странам русского сообщества за рубежом. Статьи были

посвящены близким ему темам. Одна из них рассказывает о системе народного образования в Эстонии²⁰, а другая посвящена физической культуре в СССР²¹. В них приводится подробный анализ состояния дел по заявленным темам. Кроме того, характер статьи о положении физического воспитания в СССР выказывает в Утехине не постороннего наблюдателя, а человека, искренно переживающего за положение дел на его родине. Статья была написана на основе материалов из советских периодических газет и советских официальных отчетов. Видимо, Утехин живо интересовался тем, что происходило в Советской России.

Деятельность Утехина не ограничивалась рамками спортивного зала. В нем воплотилось единство спортивного тренера и педагога. До нашего времени дошли некоторые работы Утехина, посвящённые проблемам развития спорта, как, например, статья «Кружок физического развития в деревне», опубликованная в 1928 г. Удивляет актуальность некоторых положений, высказанных им тогда и не потерявших свою значимость и в наши дни. Так, он предлагал стать инициаторами развития спорта на селе представителям сельской интеллигенции — учителям, врачам. Он видит в вовлечении молодёжи в спортивные занятия одну из ступеней к развитию духовных потребностей, к привлечению населения к общественной жизни, вытеснению из его жизни пьянства и других губительных привычек. «Нельзя закрывать глаза на то, что кружок физического воспитания очень легко при наличии желания у его руководителей превратится в кружок с более широкими культурными задачами», — отмечает он. Он видел трудности и не строил иллюзий в этом вопросе и советовал: «Повторяю ещё раз, что всякое начало трудно, а в русской деревне тем более, и всё время следует помнить, что косность и консервативность русского крестьянства, как и обилие предрассудков, требует самого осторожного подхода к этому в высшей степени ценному, но ещё новому и невиданному доселе в деревне начинанию».

Спорт стал одним из связующих звеньев, объединяющих русское сообщество, разбросанное по разным странам Европы после окончания гражданской войны. Заслугой Утехина стало воспитание в русской молодёжи, проживавшей в Эстонии и оторванной от своей родины, чувства любви к России и приверженности её традициям.

В 1934–1939 гг. издание было возобновлено под названием «Русская школа» (редактор проф. А. Павлов).

²⁰ В. С. Утехин. Народное образование в Эстонии // Русская школа за рубежом. Книга 26. 1927–1928 гг. С. 219.

²¹ В. С. Утехин. Физическое образование в Советской России // Русская школа за рубежом. Кн. 29–30. 1927–1928. С. 776–790.

¹⁸ Там же. С. 226.

¹⁹ Журнал «Русская школа за рубежом» издавался с января 1923 по 1931 г. под редакцией С. И. Гессена, С. И. Карцевского, Н. Ф. Новожилова, В. В. Руднева, Д. М. Сокольева.

Помимо участия в спортивных организациях, Утехин сохранил приверженность и к своим военным товарищам. Он состоял с 15 апреля 1927 г. в Обществе русских офицеров-артиллеристов, возникшем в Югославии²².

В августе 1940 г. Эстония вошла в состав СССР. НКВД начал поиск представителей Белой эмиграции. 1 декабря 1940 г. В. С. Утехин был арестован в Таллине, где он проживал со своей женой Ольгой Николаевной и дочерью Ольгой. Судебный процесс шёл одновременно с тремя другими участниками Гомельского восстания²³, вместе с которыми он был приговорён к высшей мере социальной защиты. Утехин был расстрелян в начале апреля 1941 г. в Эстонии (предположительно, местечко Пирита-Коже).

В силу исторических обстоятельств достижения В. С. Утехина оказались неизвестными на его родине в России. Время воздаёт должное каждому, и только сейчас для нас открылась история русского подвижника развития спорта, чей жизненный путь начался на Тульской земле.

Автор выражает свою признательность директору Белёвского музея Виктору Яковлевичу Грекову²⁴ за консультации, а также научному сотруднику Русского исследовательского центра в Эстонии Татьяне Кузьминичне Шор, эстонскому историку докторанту Тартуского университета Рейго Розенталь, краеведу из Таллина преподавателю Л. В. Шишкевич за предоставленные материалы.

Подвижник спорта Сергей Сергеевич Утехин

Сергей Утехин был первенцем в семействе Утехиных и положил начало спортивным достижениям семьи. Он родился 23 сентября (по ст. ст.) 1889 г. в городе Ефремов Тульской губернии, где его отец служил судебным приставом с 1885 г. Сергей был определен на учебу в Тульское реальное училище²⁵. В основном там учились дети купцов, мещан и дворян. Училище давало хорошую подготовку для поступления в технические институты России.

Начало нового XX века было отмечено ростом революционной стихии, охватившей всё российское общество. Революционные веяния не обошли

и школы. Пик революционной активности пришлось на 1905 г. По воспоминаниям Анатолия Львовича Маркова²⁶, учившегося вместе с Утехиным в Тульском реальном училище, «противником всех политических выступлений был семиклассник Николай Утехин²⁷. С первых дней беспорядков он открыто заявил, что революции не сочувствует и с небольшой группой единомышленников начал борьбу с беспорядками. Училищные революционеры во главе с Когеном хотя Утехина и ненавидели и желали ему всякого зла, но сделать с ним ничего не могли, так как он был первым силачом училища. Трогать его поэтому было небезопасно, и представители революции это хорошо знали». В данном случае А. Л. Марков за давностью лет перепутал имена братьев Утехиных, так как Николай Утехин (1895–1919) окончил Белёвское реальное училище в 1913 г.²⁸ и не соответствовал возрасту семиклассника для периода описываемых событий.

После окончания училища в 1907 г. Сергей Утехин в том же году поступил в Электротехнический институт императора Александра III в Санкт-Петербурге. Это был один из передовых технических институтов России, а в его студенческой среде активно культивировался спорт. В 1908 г. впервые в России в этом институте, а также в Политехническом институте и Санкт-Петербургском университете были созданы первые студенческие спортивные кружки. До революции 1917 г. Утехин занимался спортом в составе знаменитого «Кружка любителей спорта» (КЛС). В команде этого спортивного общества он принял участие в 9-м чемпионате России по легкой атлетике, состоявшемся 27–29 августа 1916 г. в Петрограде. Это была военная пора, второй год шла Великая война, поэтому на соревнования прибыли спортсмены только из четырех городов: Петрограда, Москвы, Ревеля и Риги. Чемпионат 1916 г. стал последним в истории старой России. Соревнования проводились в 17 дисциплинах. Утехин стал серебряным призером в соревнова-

Ил. 2. Сергей Сергеевич Утехин. 1920-е гг.

²² ГАРФ. Ф. Р-6798. Оп. 1. Д. 39. Л. 203 об.

²³ Имена лиц, осужденных вместе с Утехиным — Стрекопытов В. В., Белугин В. А., Жилин В. А.

²⁴ Виктор Яковлевич Греков (1940–2015) — писатель, публицист, член Союза писателей России, директор Белёвского музея им. П. В. Жуковского. Краевед и большой патриот города Белёва. Умер 2 мая 2015 г.

²⁵ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 459. Оп. 14. Д. 199. Л. 143.

²⁶ Марков Анатолий Львович (1893, Щигровский уезд, Курской губ. — 1961, Сан-Франциско, США). Дворянин. Его отец в доле с братьями владел Тульским чугунолитейным заводом до 1914 г. Писатель, публицист, участник 1-й Мировой и Гражданской войн. В эмиграции в Египте, а с 1958 в США.

²⁷ Марков А. Л. Записки о прошлом. 1893–1920. М.: Традиция, 2015. С. 81.

²⁸ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 459. Оп. 14. Д. 182. Л. 292.

ях по метанию молота²⁹. Его результат составил 27,09 м. Первое место с результатом 33,2 м занял заслуженный спортсмен России Александр Чистяков, представлявший спортивное общество «Санитас». Третье место досталось Харальду Таммеру — представителю общества «Калев» из Ревеля.

Во время Великой и последующей Гражданской войны Утехин, по собственному заявлению, работал по электрическим установкам в провинции и в Петрограде, служил в Комитете военно-технической помощи заведующим мастерской³⁰. По воспоминаниям родственников, Сергей Сергеевич не окончил Электротехнический институт и в 1922/23 г. оставил его, так и не получив диплома. Приверженность к спорту победила в нём инженера. Необходимо заметить, что занятия спортом в стране, только что пережившей Гражданскую войну, голод и разруху, были делом энтузиастов, всецело преданных своему увлечению. Утехин принимал деятельное участие во всех начинаниях по становлению и развитию спорта в Советской России. В 1923 г. он стал одним из первых тренеров в секции по легкой атлетике в только что образованном спортивном обществе «Динамо» в Петрограде. В 1927 г. женская команда легкоатлетов «Динамо» (тренер С. Утехин) выиграла первенство Ленинграда. В том же году легкоатлетки ленинградского «Динамо» выиграла чемпионат РСФСР среди общества «Динамо». Активными участниками всех легкоатлетических соревнований являлись динамовцы О. Шахова, В. Григорьева, Л. Гольдштейн, З. Иссурин, Я. Пятов, А. Максунев, Г. Семенов, М. Минина и другие.

Многие спортсмены в эпоху становления профессионального спорта нередко выступали в разных дисциплинах. Не был исключением и Сергей Утехин. В 1925 г. он стал преподавателем Государственного института физического образования имени П. Ф. Лесгафта, где проводил факультативные занятия со студентами по дисциплине «Тяжелая атлетика».

В 1927 г. он стал одним из 15 действительных членов коллегии судей по легкой атлетике, созданной в Ленинграде 31 мая³¹. Так называлось первое в СССР объединение судей легкоатлетической секции. В 1929 г. было опубликовано его учебное пособие «Основы легкой атлетики», вобравшее в себя описание техники и правила исполнения 16 легкоатлетических дисциплин. Цикл статей, послуживших основой будуще-

го пособия, был первоначально издан в 1926 г. на страницах журнала «Спартак»³², органе Ленинградского губернского совета физической культуры, Губпрофсовета и Губкома ВЛКСМ. Помимо этого спортивного издания, Утехин также сотрудничал с ленинградским журналом «Известия спорта». На страницах этих изданий довольно часто были представлены статьи Утехина, знакомившего широкий круг читателей с особенностями легкоатлетических дисциплин. Также он представил статьи, посвященные истории жизни и достижениям прославленных спортсменов.

Сергей Сергеевич Утехин рано ушел из жизни: он скончался в апреле 1930 г., по словам родственников, в результате неудачной операции по поводу удаления аппендицита. О том, каким он был человеком, дает представление некролог, посвященный его жизни и деятельности, опубликованный в журнале «Спартак»³³ в 1930 г.

Сергея Сергеевича, большого, кряжистого, представляем мы скорее все-го с чемоданчиком в руке. Таким он приходил к нам в редакцию. А бывал он часто. Он с большим знанием излагал все, что касается легкой атлетике, но его громадные теоретические познания позволяли ему, кроме того, участвовать во всех отделах журнала. Кто из читателей не помнит интересных статей Фриче (его псевдоним) по футболу, открывающих для футболистов новые области тренировки, кто не помнит технических монтажей на последней странице обложки «Спартак», составляемых из бесчисленных первых источников, которыми располагал только Сергей Сергеевич Утехин. Он умел популяризировать, не вульгаризируя; это его несомненная заслуга. Прекрасный образец этого редкого качества — его труд «Основы легкой атлетике». Сергей Сергеевич выпестовал не одну сотню учеников в никем не оплачиваемые часы. За своих учеников на всех соревнованиях он яростно боролся. Его женская легкоатлетическая группа была первой группой в Ленинграде, количество его учениц неисчислимо. Нелепые шаровары впервые были заменены трусиками именно в его группе, а это по тем (правда, очень недавним) временам было мероприятием революционного характера. Упорство в работе было основной его жизненной чертой. Самоучкой он постиг иностранные языки, ночи просиживал за книгами. Великим упорством прокладывал он себе путь. 25 апреля в манеже ВВППШ легкоатлетические соревнования. Конечно, там будет присутствовать и С. С. Утехин. Разве были в Ленинграде за последние двадцать лет легкоатлетические или тяжелоатлетические соревнования, где бы он не присутствовал?

Но сегодня он не придет ни в манеж, ни на площадку «Динамо», ни в ГИФК им. Лесгафта. Смерть оказалась противником, которого ему не удалось побить. Сотни, тысячи учеников, десятки тысяч читателей «Спартак» будут помнить Сергея Утехина — одного из лучших спортивных тео-

²⁹ Селезнев В., Хинчук-Михайлова Г. В начале века. В годы войны: Год 1916-й // Легкая атлетика. 1991. № 12 (439). С. 12–13.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 990. Оп. 2. Д. 2180. Л. 27.

³¹ Б. Вязнер (судья всесоюзной категории). Сообщение об истории коллегии судей С. Петербурга по легкой атлетике на юбилейном собрании 12 апреля 2009 г.

³² Спартак. 1926. № 5. С. 16.

³³ С. С. Утехин // Спартак. 1930. № 14. С. 6/№.

ретики — и работать по оставленным им указаниям. Те, кто выйдут сегодня на старт, не должны будут забывать о смертельном финише Утехина. Лен-точка финиша порвана. Но эстафета передана.

Этими замечательными словами подытожил статью неизвестный автор, подписавшийся «М. П.». Имя Сергея Утехина внесено в Зал славы Национального государственного университета им. П. Ф. Лесгафта, он является одним из чтимых основоположников легкоатлетической секции спортивного общества «Динамо» в Санкт-Петербурге³⁴.

Имя Сергея Сергеевича Утехина включено в энциклопедию «Легкая атлетика»³⁵. К сожалению, в соответствующей справке было указано множество неверных сведений. Это касается дат жизни: в статье указаны 1899–1980. Также в ней указано, что Сергей Утехин окончил Государственный институт физического образования (ГИФО, впоследствии ГДОИФК). Однако запрос, сделанный мной в архив ГДОИФК в ноябре 2017 г., не выявил сведений об обучении Утехина в указанном институте. Также неверно указано, что он принимал участие в Великой Отечественной войне.

Данная статья стала попыткой восстановить биографию и достижения одного из ведущих спортсменов и тренеров периода становления профессионального спорта в России. Благодаря знаниям и энтузиазму Сергея Утехина были заложены основы развития спорта в СССР в качестве сотен подготовленных спортсменов.

Nikolay ZHURAVLYOV

Independent Scholar (Moscow, Russia)

E-mail: Mgn256@yandex.ru

Civil war and the fate of Utekhin brothers

The article is devoted to the history of Utehin brothers' life. They lived in time of WWI and the Civil War in Russia. A lot of unknown facts of the Utehin brothers participation in sport development are presented.

Keywords: Sergey Utehin, Vladimir Utehin, Belyov (Tula gubernia), sport coach, Leningrad, Estonia.

УДК 94 (47).084

ББК 63.3 (2) 61

Вячеслав Олегович ТЕРЕНТЬЕВ

кандидат исторических наук, заведующий музеем ГУМиРФ, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: terehv@mail.ru

1-й ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ РАБОЧИЙ РЕЗЕРВНЫЙ ПОЛК И ФОРМИРОВАНИЕ 2-ГО ПЕТРОГРАДСКОГО ПОЛКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ В 1918–1919 гг.

В статье представлены результаты исследования начального периода боевого пути одного из воинских формирований РККА. 17-й стрелковый полк 2-й стрелковой дивизии был сформирован в сентябре 1918 г. как резервный для подготовки рабочих Василеостровского района, затем, в период возросшей угрозы революционному Петрограду был развернут в «особый» (особого назначения) для защиты от финнов и в дальнейшем от войск Юденича. Описываемый период истории полка особенно интересен тем, что он позволяет проследить проведение реформ в РККА на примере отдельной части.

Ключевые слова: Гражданская война, Василеостровский район, Василеостровский рабочий полк, 2-й полк особого назначения, ЧОН, 17-й стрелковый полк, 1918, 1919.

На основании декрета СНК РСФСР «Об обязательном обучении военному искусству» от 22 апреля 1918 г. с целью создания подготовленного мобилизационного резерва для Красной армии каждый трудящийся в возрасте от 18 до 40 лет должен был пройти курс военного обучения без отрыва от производства. Военный комиссариат Василеостровского района г. Петрограда с 15 августа 1918 г. приступил к организации Всевобуча рабочих и граждан Василеостровского района. 8 сентября 1918 г. в здании 1-го Кадетского корпуса (ныне Музей-дворец князя А. Д. Меншикова, 1714 г.) были собраны офицеры и унтер-офицеры царской армии, не запятнавшие себя контрреволюционными действиями. Согласившихся комиссар Василеостровского района назначил инструкторами всеобщего военного обучения. Они образовали кадр 1-го резервного Василеостровского полка. Командиром был назначен Е. Л. Перфильев.

Перфильев Евгений Леонидович (1890–1938) родился в Санкт-Петербурге, член РСДРП с 1907 г. В 1915 г. окончил Павловское военное училище, прапорщик. Участник Первой мировой войны. На фронте ранен 5 раз. В 1917 г. поручик, председатель полкового комитета. В сентябре 1917 г. участник установления советской власти в Туркестане,

³⁴ С эмблемой «Динамо» / Составитель Медведев В. А. Л.: Лениздат, 1987. С. 141.

³⁵ Легкая атлетика. Энциклопедия. Под ред. Балахничева В. Т. 2. М.: Человек, 2013. С. 391.

председатель первого ревкома Туркестана, командующий войсками Туркестанского военного округа, с ноября 1917 г. и до марта 1918 — военный комиссар Туркестанской советской республики, член Туркестанского СНК. В феврале 1918 г. руководитель разгрома «Кокандской автономии». Член РКП (б) с 1918 г. В РККА с сентября 1918 г. Участник Гражданской войны, комиссар бригады 49-й стрелковой дивизии, воевавшей на Оренбургском направлении. Награжден орденом Красного знамени. После войны — военный прокурор Ленинградского военного округа. С 1928 г. — диввоенюрист, военный прокурор Киевского военного округа. Арестован 22 января 1938 г. Расстрелян 2 октября 1938 г. Реабилитирован 18 сентября 1956 г.¹

14 сентября в казармах лейб-гвардии Финляндского полка 1-й резервный Василеостровский полк приступил к началу обучения. В этот момент численность кадра полка составляла 177 человек, а общее число обучающихся — свыше 6 тыс. человек². Первоначально Всевобуч занимался в основном начальной военной подготовкой рядовых бойцов. Для этого была разработана специальная 8-недельная программа объёмом 96 часов, по два часа ежедневных занятий без отрыва от производства. Бывшие офицеры и унтер-офицеры царской армии, прошедшие горнило Первой мировой войны, успешно справлялись с воинским обучением, а проверенные партией комиссары повышали революционный дух и проводили политическое воспитание добровольцев Василеостровского района. В основном контингент полка состоял из рабочих Балтийского завода, сталепрокатного завода ДЮМО, трубочного завода, радиотелеграфных мастерских «Сименс и Гальске», завода динамомашин «Сименс-Шукерт» и других. В отличие от остальных граждан России, рабочие проходили обучение без отрыва от производства.

В первую годовщину революции, 6–7 ноября 1918 г., бойцы полка выполняли свое первое боевое задание — патрулировали улицы и охраняли общественный порядок на Васильевском острове³.

24 ноября полк сформировал рабочий батальон, который во главе с Е. Л. Перфильевым был отправлен на фронт. Это было первое пополнение Красной армии василеостровскими резервистами. После недолго-

го командования 1-м резервным рабочим Василеостровским полком командира 1-го батальона товарища С. Д. Есипова часть возглавил старый большевик товарищ Церпицкий⁴. Помощником командира по хозяйству (начальником тыла) стал Р. Э. Лученберг. В это же время добровольно вступил в ряды Красной армии и был зачислен в разряд инструкторов бывший прапорщик царской армии, будущий генерал РККА Федор Павлович Судаков⁵. В декабре 1918 г. он вступил в командование взводом, а зимой 1919 г. — полком. За штурм Гатчины в октябре 1919 г. был награждён орденом Красного Знамени⁶.

Постановлением Президиума ВСНХ от 29 октября 1918 г. был национализирован кожевенный завод Товарищества кожевенных заводов «Н. М. Брусницын и сыновья». Василеостровский резервный полк передислоцировался на Кожевенную линию. Это позволяло сосредоточить подготовку прямо в центре заводского района и сэкономить время на передвижении рабочих. Кроме того, предполагалось существенное увеличение кадрового ядра, и прежняя дислокация уже не могла соответствовать новым требованиям. Управление и квартиры командного кадра полка разместились вместе с управлением государственного кожевенного завода в особняке Брусницыных (Кожевенная линия, 27)⁷. Обучение и размещение кадра проводилось на базе дома призрения (ныне ГУМиРФ им. адмирала С. О. Макарова, Косая линия, 15). Кроме того, при мобилизации использовались площади самого завода, где были организованы склады с оружием и боеприпасами⁸. При этом казармы лейб-гвардии Финляндского полка продолжали использоваться как учебная и мобилизационная площадка.

25 декабря 1918 г. вследствие укомплектования части в основном рабочими-василеостровцами, а также для выделения его из общей среды призывного контингента (крестьяне, интеллигенция, разночинцы, мелкая буржуазия) и укрепления революционного духа в название полка было добавлено слово «рабочий». Постепенно сформировался и штат полка: 350 человек постоянного состава («кадра») и 6500 человек обуча-

⁴ РККА... С. 2–6.

⁵ Терентьев В. О., Лебедева С. С. Командир Фрунзенской дивизии генерал-майор Судаков. Новые факты биографии // Неделя науки СПбГПУ. Материалы научно-практической конференции с международным участием. 2–7 декабря 2013 г. Институт гуманитарного образования СПбГПУ. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2014. С. 54–56.

⁶ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. Приказ РВСР №77 от 1920 года. М.: ГВИ, 1926. С. 238.

⁷ РККА... С. 5.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2373. Л. 1–3.

¹ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 412–413.

² Российская Рабоче-крестьянская Красная армия. Памятка 3-х летнего существования 17-го стрелкового полка 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии. 8 сентября 1918 года — 8 сентября 1921 года. Калуга: Госиздателство. Калужское отделение, 1921. (Далее — РККА...) С. 2–4.

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2373. Л. 1–3.

ющихся переменного состава. 9 января 1919 г. в полку состоялся первый экзамен и выпуск добровольцев Балтийского завода (ок. 2 тыс. человек), Трубочного завода и Гребного порта (общей численностью ок. 650 чел.). Все они были переведены в кадр полка без отрыва от производства.

15 января 1919 г. комиссаром полка был назначен переведенный из Архангельска Михаил Петрович Потемкин, постоянный военком части всего периода Гражданской войны, награжденный в 1920 г. орденом Красного Знамени⁹. 2–3 февраля 1919 г. рабочий резервный полк под контролем Василеостровского военного комиссариата провел пробную мобилизацию. В течение ночи прибыло 3200 человек. На заводе Брусницына василеостровцы получили снаряжение и вооружение, после чего выступили на размещение в казармы Гренадерского полка у Гренадерского моста на Петроградской стороне. 3 февраля на площади Урицкого (ныне Дворцовая) был произведен смотр полка военным комиссаром Петроградского военного округа Б. П. Позерном и после выполнения тактической задачи распущен по домам¹⁰.

В это время в Красной армии шел процесс создания регулярных частей, повышения боеспособности и формирования структуры будущих соединений. Одновременно от анархических, вольных беспорядочных частей и подразделений, от революционных, но слабообученных красногвардейских отрядов войска Советской республики перешли к революционному порядку и дисциплине. В течение декабря 1918 — января 1919 г. Рабоче-крестьянская Красная армия приняла несколько уставов. Приказом Революционного военного совета республики (РВСР) №307 от 15 февраля 1919 г. были объявлены Устав внутренней службы и Устав гарнизонной службы Рабоче-крестьянской Красной армии. Этим дисциплина в регулярных войсках Советской России была поднята на достаточно высокий уровень. VIII съезд РКП (б) проходивший в марте 1919 г., отбросив измышления «военной оппозиции», будто принятые уставы возвращают Красную армию к порядкам старой армии, в постановлении «По военному вопросу» признал, что принятые в Красной армии уставы представляют собой крупный шаг вперед, вносят твердость и оформленность во внутренние отношения армии, в права и обязанности ее составных элементов. Этим же приказом №307 был принят «Полевой устав Рабоче-крестьянской Красной армии. Часть 1. Маневренная война». Инструкторам Всевобуча, командирам подразделений Василеостровского полка пришлось не только самим заново осваивать

новые уставы, принципы существования и жизнедеятельности армии, но и учить этому рабочих. Во многом оказалось непросто. Привыкшие к революционным собраниям, решениям партийных ячеек и разного рода комитетов, бойцы резервного полка не сразу смирились с новым курсом РВСР на повышение ответственности командиров и начальников. Уменьшение роли войсковых комитетов и ячеек не всегда воспринималось как средство повышения боеспособности армии, а зачастую считалось возвратом к старым традициям. Еще менее дисциплинированными оказались митингующие рабочие, приписанные для обучения к полку. Огромную роль в утверждении дисциплины и порядка сыграли комиссары подразделений и «старые» большевики.

Помимо обучения уставам, стрельбе, окопному делу и другим премудростям военного дела, бойцы Василеостровского резервного полка одни из первых на Северо-Западе перешли на форменное обмундирование. Уже в 1918 г. для идентификации в строю и на поле боя возникла необходимость введения для РККА регламентированной формы одежды. Первым и главным ее элементом стал суконный шлем со звездой, утвержденный приказом Реввоенсовета республики №116 от 16 января 1919 г. и получивший неофициальное наименование «богатырка» (позже — «буденовка»). Одновременно были введены знаки различия родов войск в виде цветных петлиц на воротники и знаков различия командиров в виде нашивок на левый рукав. Малиновые петлицы с черной надписью «1 Вас. рез.» и серые богатырки с малиновой звездой получили кадровые командиры полка.

Вскоре после Октябрьской революции, установившей советскую власть в России, финляндский народ получил свободу и независимость. Советское правительство еще в декабре 1917 г. особым декретом объявило о политической и экономической независимости Финляндии. В ходе развернувшейся гражданской войны в Финляндии к маю 1918 г. к власти пришло контрреволюционное правительство генерала Маннергейма. Была образована финская армия с антироссийскими настроениями. Ее ядром стали офицеры, боровшиеся за независимость Финляндии от Российской империи, прошедшие военное обучение в Германии и участвовавшие в боевых действиях Первой мировой войны на стороне Германии в составе 27-го королевского прусского егерского батальона. Практически с первых дней войны Маннергейм объявил об интересах Финляндии в Восточной Карелии¹¹. 15 марта 1918 г. Маннергейм утвердил «план Валлениуса», предусматривающий захват части бывшей территории Российской империи до линии Петсамо–Кольский полуо-

⁹ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. Приказ РВСР №260 от 1920 г. М.: ГВИ, 1926; ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 161. Л. 17.

¹⁰ РККА... С. 5–6.

¹¹ Холодковский В. М. Финляндия и советская Россия. 1918–1920 гг. М., 1975. С. 21.

стров—Онежское озеро—река Свирь—Ладожское озеро¹². С марта 1918 г. финские войска начали вторгаться на территорию Советской России. 15 октября 1918 г. финны оккупировали Ребольская волость в РСФСР, а в январе 1919 г. — соседнюю Поросозерскую. В феврале 1919 г. Финляндия предъявила на конференции в Версале требование на всю Карелию и Кольский полуостров. 14 февраля 1919 г. Маннергейм заявил, что оккупация финнами Петрограда будет произведена с согласия Антанты в марте, для чего Маннергейм располагает 30-тысячной хорошо обученной и вооруженной армией, что в боевых действиях примут участие добровольцы-шведы¹³.

Разведсводка 7-й армии от 4 февраля 1919 г. сообщала о численности финских войск на границе с Советской Россией: «Выборгское направление: продолжают из глубины Финляндии прибывать пополнения. Ведутся непрерывные окопные работы. В районе Райвола русского отряда в 3000 человек <...> Численность — 9200 штыков, 120 сабель, 32 легких, 20 тяжелых орудий, 3 пулемета. Прибытие в район Выборга 2000 штыков <...> 3) формирование белого отряда в Сан-Михель и Гельсингфорсе <...> 6) периодическое прибытие в Гельсингфорс из Улеборга и Або шведских добровольцев <...> Белых насчитывается до двадцати тысяч»¹⁴. Видно, что Финляндия сосредотачивала значительные силы, чтобы обрушиться на Петроград в наиболее удачный момент. При этом общая численность советских пограничных и прикрывающих сил составляла 4855 штыков, 8 легких, 7 тяжелых орудий, 18 пулеметов.

Зимой 1919 г. вследствие отхода командования Красной армии от красногвардейского милиционного и территориального принципов формирования войск, резервные полки Петрограда были переименованы и сведены в бригады, формировавшиеся по штату №220/34. 1-й резервный Василеостровский рабочий полк вошел в состав Отдельной резервной бригады и позже получил №2. Еще в январе 1919 г. его кадровый состав был приведен в боевую готовность и в качестве резерва готовился к защите Петрограда со стороны Карельского перешейка. При этом учеба и комплектование его продолжались. В отличие от войск, действующих на фронте, полки резервной бригады дислоцировались в Петрограде, по месту формирования. В это время Карельский перешеек за исключением небольших пограничных сил защищали пять

полков Особой резервной бригады 19-й стрелковой дивизии РККА общими силами 7,5 тысяч человек при 59 орудиях. 2-й (1-й Василеостровский) и 4-й (Петроградской стороны) полки были кадрированного типа, состояли в резерве и находились в местах постоянной дислокации¹⁵.

6 марта 1919 г. командиром полка был назначен Феликс Казимирович Ольшак, откомандовавший частью (2-м, затем 17-м стрелковым полком) всю Гражданскую войну до мая 1929 г., когда был переведен на должность командира 14-го стрелкового полка 5-й стрелковой дивизии, а с 1934 г. командовал отдельным учебным тяжелым танковым полком Т-35. В 1922 г. он был награжден орденом Красного Знамени¹⁶. Ф. П. Судаков как командир одного из лучших взводов был назначен делопроизводителем (адъютантом) полка¹⁷. Под их руководством полк переделывался в новую форму, приводился в состояние, соответствующее уставам и требованиям командования РККА.

В дополнение к элементам формы, введенной приказом Реввоенсовета республики №116 от 16 января, в апреле 1919 г. список форменного обмундирования расширился. Приказом РВСР №628 от 8 апреля 1919 г. были введены гимнастерка и шинель с петлицами нового образца, а также нагрудные клапаны по цвету рода войск («разговоры»). Отношение рядового и командного состава той или иной части к соблюдению этой формы одежды являлось точным индикатором боеспособности, дисциплинированности и большевистского характера полка. Противник также сразу же заметил, что появление на том или ином участке фронта частей Красной армии, одетых в единую новую форму, означало скорую активизацию действий красных, массированное наступление. Отношение белогвардейских офицеров к обмундированным красноармейцам быстро сменилось от презрительно-неприятного к уважительно-ненавистному¹⁸.

1-й резервный Василеостровский рабочий полк имел высокий уровень революционной сознательности и был полностью экипирован. Уровень подготовки личного состава, как показали дальнейшие бои, оказался очень высоким. В апреле 1919 г. полк готовился к удержанию советско-финляндской границы под Петроградом одновременно повышая свой боевой и политический уровень.

22 апреля 1919 г. на годовщину Всевобуча состоялся торжественный парад и вручение полкового знамени. Знамя было вручено у Финляндских казарм, на набережной лейтенанта Шмидта против 18-й линии

¹² Похлёбкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Вып. II. Войны и мирные договоры. Кн. 3: Европа в 1-й половине XX в. Справочник. М., 1999. С. 140.

¹³ Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. // Красный архив. 1940. Т. 98. С. 42.

¹⁴ РГВА. Ф. 190. Оп. 2. Д. 8. Л. 59–61.

¹⁵ Красная книга ВЧК. Под ред. Велидова А. С. В двух томах. Том 2. М., 1922. С. 59–62.

¹⁶ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. Приказ РВСР № 66 от 1922 г. М.: ГВИ, 1926.

¹⁷ РККА... С. 6.

¹⁸ Веремеев Ю. Г. Униформа и знаки различия. С. 72; <http://army.armor.kiev.ua>

от имени исполкома Василеостровского районного Совета¹⁹. На одной стороне его была надпись «Борьба до победы — За власть Советов — Пролетарии всех стран соединяйтесь!», на другой «Рабочий полк Василеостровского района» и герб РСФСР²⁰. С этим знаменем полк прошел всю Гражданскую войну.

Приказом РВСР №766 от 29 апреля 1919 г. был объявлен Дисциплинарный устав РККА, неоднозначно принятый в войсках. В совокупности со Строевым уставом, объявленным приказом РВСР №820 от 8 мая 1919 г., уставная база Рабоче-крестьянской Красной армии была сформирована и вооруженные силы Республики Советов стали превращаться в грозную силу. Вскоре Красная армия в тяжелых условиях сумела это доказать.

Весной 1919 г. начался стратегическое массированное наступление Белой Гвардии и интервентов на всех фронтах Советской России. В рамках всеобщего похода под Петроградом боевые действия начала Финляндия. 21–22 апреля 1919 г. «Олонецкая добровольческая армия» с территории Финляндии вторглась в Восточную Карелию на олонецком направлении и вскоре захватила почти всю территорию между Ладогой и Онегой за исключением Петрозаводска, на который наступали интервенты Антанты от Мурманска и Архангельска. В мае–июне финские добровольцы наступали на район Лодейного Поля и переправились через Свирь. Для противодействия финнам командование 7-й армии стало перебрасывать войска в Карелию. В это время в восточной Эстонии сосредоточились войска белогвардейского Северного корпуса, эстонской армии и английский флот²¹. В начале мая они перешли в наступление.

В условиях реализации военных амбиций и территориальных претензий Финляндии, Советское правительство считало Петроград в угрожающем положении. 2 мая 1919 г. Совет Обороны РСФСР объявил Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении. В этот же день приказом Западного фронта №02754 войска 7-й армии и Петроградского военного округа были приведены в боевую готовность²². В виду осложнений отношений с Финляндией решением

Совета обороны следовало в спешном порядке перебросить на границу Карельского перешейка три боевых полка, сформированных из трудящихся Всеобуча по мобилизации²³. Этим же приказом 1-й резервный Василеостровский рабочий полк следовало довести до полного штата, переименовать во 2-й стрелковый полк Отдельной резервной бригады и передать в состав фронтовых частей.

3 мая 1919 г. была объявлена всеобщая мобилизация Северо-Западного региона РСФСР. Мобилизационное развертывание Василеостровского полка было начато уже в ночь с 2 на 3 мая. С этого момента и на протяжении всего периода мобилизации командир полка, комиссар, помпохоз и адъютант работали без обеда и сна. В 6.00 3 мая прибыли первые мобилизованные. К 10.00 прибыло более 700 человек, и из них стали формироваться боевые роты. К вечеру под ружье встало более 2000 человек. Через день в полку было уже свыше 4200 человек²⁴. Из этого числа было сформировано практически два полка. Один из них, сформированный из наиболее подготовленных бойцов и именуемый 2-м Петроградским особым стрелковым полком, вошел в состав Отдельной резервной бригады (позже 1-й бригады Особого назначения), предназначался на Карельский перешеек для обороны Петрограда от финнов.

2-й Петроградский особый стрелковый полк, сформированный из 1-го резервного Василеостровского рабочего полка, формировался по штатам от 13 ноября 1918 г. (приказ РВСР №220/34). В составе полка были сформированы три батальона, пулеметная команда, команда связи, команда конной разведки, саперная команда, комендантская команда, хозкоманда, перевязочный отряд, ветеринарный пункт. Отсутствовали по разным причинам полковая школа, бомбометная и газовая команды (обе были сформированы летом 1919 г.). Численный состав полка должен был составлять по штату 3687 человек, из них 1500 штыков. Но такой укомплектованности 2-й полк не достигал никогда. В среднем численность полка колебалась от 500 до 1200 штыков при значительно меньшем количестве нестроевых. Вооружение стрелкового полка в соответствии с приказом РВСР №487 от 10 марта 1919 г. должно было составлять: 1872 пехотные винтовки, 41 драгунская, 791 карабин, 48 пулеметов, 151 револьвер, холодное оружие, гранаты. Естественно, что полк никогда не имел и штатного количества вооружения. В мае 1919 г. 2-й стрелковый полк доукомплектовывался исключительно рабочими Петрограда 1880–1902 годов рождения, сохранив пролетарскую специфику.

5 мая в 16.00 на площади перед 1-м Кадетским корпусом 2-й особый стрелковый полк Отдельной резервной бригады был построен поход-

¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 161. Л. 17.

²⁰ РККА...С. 7.

²¹ Северный корпус был сформирован в октябре 1918 г. в Пскове, Острове и Режице как прогерманское контрреволюционное объединение из русских добровольцев. С 6 декабря 1918 г. — в подчинении эстонской армии. 19 июня 1919 г. вышел из подчинения эстонской армии и был развернут в Северную армию. Командир: генерал-майор А. П. Родзянко.

²² Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Том 2. М.: Воениздат, 1972. С. 71.

²³ РККА...С. 7–8.

²⁴ РККА...С. 8.

ным порядком и был готов выступить на защиту рубежей социалистической Родины²⁵. После смотра часть в состоянии повышенной готовности была возвращена в казармы. 6 мая 1919 г. Петроградский губвоенкомат докладывал Комитету обороны Петрограда о численности войск²⁶. 2-й стрелковый полк (бывший Василеостровский рабочий) насчитывал 1952 человека (в т. ч. кадровых — 454 чел.) и был готов к боевым действиям. В это время, поскольку Василеостровский резервный полк формировал две части, укомплектование и подготовка полка все еще продолжались.

16 мая 2-й Петроградский особый стрелковый полк 1-й бригады Особого назначения (бывшей Отдельной резервной бригады) был отправлен на защиту северных рубежей Петрограда²⁷. Здесь, в районе Парголово, он готовил укрепленные позиции, а в июле 1919 г. был направлен в Левашово, где участвовал в контрнаступлении против финско-ингерманландских частей, а затем три месяца удерживал линию советско-финляндской границы²⁸.

Несмотря на опасное положение на Карельском перешейке, постоянные провокации финнов и ингерманландцев, в октябре 1919 г. 2-й Петроградский полк особого назначения был переброшен в Детское Село, на станцию Александровка, для защиты Петрограда от наступающих войск Юденича²⁹. Здесь сражалось несколько частей с №2. В документах для его идентификации использовалось обозначение 2-й полк Всевобу-ча³⁰. Боевой путь полка пролегал от станции Ижора на Гатчину, Волосово и далее на Ямбург³¹. В ходе боев с Юденичем Василеостровский рабочий полк в разных документах именовался и 2-м стрелковым полком, и 2-м полком особого назначения, и 2-м особым полком, и 2-м Петроградским рабочим полком, пока в ноябре 1919 г. он не вошел в состав 2-й стрелковой дивизии как 17-й стрелковый полк. С этого времени он представлял собой обычную армейскую часть, прошедшую непростой боевой путь до сентября 1941 г.

²⁵ РККА...С. 8–9.

²⁶ Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. С. 13

²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2373. ЛЛ. 1–3; РККА...С. 9.

²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2833. ЛЛ. 4–12; Оп. 6. Д. 164. Л. 24.

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 161. Л. 17.

³⁰ Караев Г. Н. Разгром Юденича в 1919 г. М.: Воениздат, 1940. С. 169.

³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 164. Л. 24.

Список литературы

- Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. // Красный архив. 1940. Т. 98.
- Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Том 2. М.: Воениздат, 1972.
- Красная книга ВЧК. Под ред. Велидова А. С. В двух томах. Том 2. М., 1922.
- Похлёбкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Вып. II. Войны и мирные договоры. Кн. 3: Европа в 1-й половине XX в. Справочник. М., 1999.
- Российская Рабоче-крестьянская Красная армия. Памятка 3-х летнего существования 17-го стрелкового полка 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии. 8 сентября 1918 года — 8 сентября 1921 года. Калуга: Госиздательство. Калужское отделение, 1921.
- Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. М.: ГВИ, 1926.
- Терентьев В. О., Лебедева С. С. Командир Фрунзенской дивизии генерал-майор Судаков. Новые факты биографии // Неделя науки СПбГПУ. Материалы научно-практической конференции с международным участием. 2–7 декабря 2013 г. Институт гуманитарного образования СПбГПУ. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2014.
- Холодковский В. М. Финляндия и советская Россия. 1918–1920 гг. М., 1975.
- Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012.

Vyacheslav Olegovitch TERENCEV

Ph. D. in History, associate Professor of the Department of national history, political science and sociology, Head of the University Museum, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia)

E-mail: terehv@mail.ru

The 1st Vasileostrovsky working reserve regiment and the formation of the 2nd special purpose rifle regiment in 1918–1919

The article reviews the research conducted on the initial period of the combat history of a military formation of the Red Army. The 17th rifle regiment of the 2nd rifle division was raised in September 1918 as a reserve regiment and was used for the combat instruction of the workers of the Vasileostrovsky District. When the menace to revolutionary Petrograd grew the regiment was expanded into a special purpose rifle regiment. From now on it was intended for the defense of the city from the Finns and later from the Yudenich Army. The described period of the regiment history is especially interesting as it permits to trace the carrying out of the reforms in the Red Army on the example of a special unit.

Keywords: Russian Civil War, Vasileostrovsky District, Vasileostrovsky working regiment, 2nd special purpose rifle regiment, units of the special purpose, 17th rifle regiment, 1918, 1919.

«СПИРТ В РАЗВЕДКЕ БЫЛ НЕОБХОДИМ...» (ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ РАЗВЕДЧИКОВ СОВЕТСКОГО ЗАПАДНОГО ФРОНТА В 1919 Г.)^{1*}

В статье разобраны случаи служебных злоупотреблений в органах военной разведки Западного фронта в первые годы Красной армии и прослежены судьбы обвиняемых.

Ключевые слова: Красная армия, Западный фронт, особый отдел, реввоенсовет, революционный трибунал, спирт.

Весну 1919 г. Советская Россия встречала в кольце фронтов и тревожном ожидании. Ждали обострения на Восточном и Южном фронтах, а на Западе ощутимой была угроза со стороны Финляндии, Польши и прибалтийских государств. В такой обстановке особое значение приобретал Западный фронт РСФСР со штабом в Смоленске, разведывательная работа которого могла упредить действия врагов Советской республики. Однако, как оказалось, разведка фронта была не на высоте.

Забрать жену у белых за казенный счет

20 сентября 1919 г. Реввоен трибунал (РВТ) республики рассмотрел дело по обвинению бывшего члена Реввоенсовета (РВС) Западного фронта Р. А. Римма в злоупотреблениях служебным положением, что выразилось в фиктивном зачислении на службу в личных целях граждан А. М. Пугачевой и Густавсона, произвольном незаконном расходовании народных денег им на поездки и в дискредитации своим поведением Советской власти и РКП(б). О чем же шла речь?

Следствие установило, что Римм «в бытность свою членом реввоенсовета Зап[адного] фронта, желая установить связь со своей женой, находившейся в местности, занятой белогвардейцами и побудить ее к переезду на территорию Советской России, рекомендовал в качестве

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022-ОГН «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

агента разведывательного отделения жену своего секретаря Носова гражданку Пугачеву и содействовал командировке ее в Ростов-на-Дону и Екатеринодар в качестве агента на средства Советской республики, не считаясь с тем, что она не подготовлена и не способна к исполнению деловых поручений разведывательного отделения»². Таким образом, через линию фронта по личному делу члена РВС и за казенный счет с помощью незаконно полученных средств отправили случайного, не подготовленного человека.

К ответственности привлекли начальника разведывательного отделения штаба фронта 32-летнего В. Е. Стасевича, бывшего капитана, которого обвинили в недонесении. Военспец оказался меж двух огней. С одной стороны, он не мог пойти против члена РВС фронта, с другой — должен был отвечать за недонесение перед особым отделом. В приговоре отмечалось, что Стасевич «в бытность свою начальником разведывательного отделения штаба³ при командировке агента Пугачевой проявил легкомысленное и преступное отношение к своим служебным обязанностям, не удостоверившись в действительном соответствии рекомендованной ему Пугачевой для исполнения сложного и ответственного военно-политического задания, которое было возложено разведывательным отделением на Пугачеву»⁴. Сама же Пугачева, «зная об истинных целях командирования ее, не имевших ничего общего с деловыми интересами Красной армии, тем не менее, по легкомыслию своему согласилась на означенную командировку»⁵.

Римма приговорили к лишению свободы с обращением на принудительные общественные работы на год с зачетом предварительного заключения с 8 июля 1919 г. Стасевич получил аналогичный приговор на полгода, а Пугачева — на четыре месяца. С женщины взыскали оставшиеся 2000 руб. из выданных 4000, а остальное должен был возместить Римм⁶.

Мальчики-агенты, 7000 рублей и шесть ведер спирта

Однако этим прегрешения разведчиков не исчерпывались. Еще в мае 1919 г. особысты начали разработку другого дела. У разведчиков штаба фронта завелся казенный спирт, представлявший в условиях обесценивания денег настоящую валюту. Но человеческие слабости неискорени-

² РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 315. Л. 4.

³ Штаба Западного фронта.

⁴ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 315. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 4 об.

⁶ Там же.

Ил. 1. В. Е. Стасевич

Ил. 2. Е. В. Сысоев

мы. Как отмечалось в постановлении трибунала фронта, «ввиду получения негласным образом сведений о том, что спирт этот расходуется не по прямому своему назначению, а распивается сотрудниками штаба во главе с начальством разведки, а также раздается незаконно и другим лицам, так что нередки были случаи появления на улице в нетрезвом виде, произведено было дознание и следствие по этому поводу»⁷.

Дело о злоупотреблениях завели еще 16 мая 1919 г. Тогда В. Е. Стасевич на запрос председателя РВТ Западного фронта сообщил, что «спирт или спиртные напитки (последних вообще достать почти невозможно или очень трудно и дорого) необходимы в деле агентурной разведки для: а) вербовки агентов, б) расположения их на свою сторону, в) получения более откровенных показаний от “агентов-двойников” в нетрезвом виде (процент коих среди агентов вообще весьма велик), г) для вознаграждения некоторых хороших агентов — “любителей выпить” и вообще для многих весьма разнообразных сложных и тонких предприятий агентуры в стремлении ее получить полезные сведения о состоянии вооруженных сил противника, перечислять которые нахожу бесполезным и даже вредным в интересах конспирации»⁸. Очевидно, такое объяснение сочли неубедительным.

Параллельно вскрылись и другие странности в работе разведки. Как показал тогда же бывший помощник начальника разведывательного отделения, служивший до 1 апреля 1919 г., А. А. Евреинов, «бывший первоначально комиссаром разведки Жаткевич-Ягеллон с первых дней своей службы обратил внимание тем, что он хотел заведывать агенту-

⁷ Там же. Л. 59.

⁸ Там же. Л. 33.

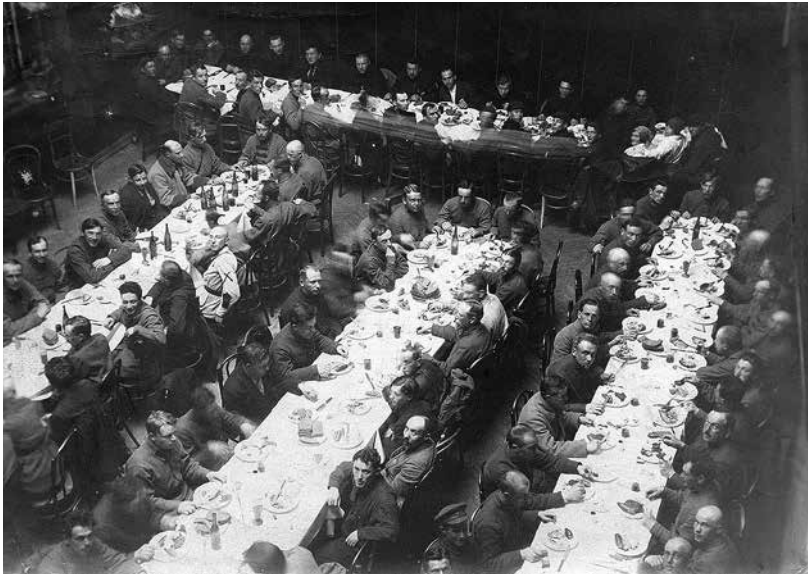
Ил. 3. Работники штаба 16-й армии Западного фронта. Июнь — июль 1919 г. Научный архив Института российской истории РАН

рой, чтобы быть поближе к деньгам. В то же время дело разведки было им поставлено весьма странным образом. Жаткевич понабирал в качестве агентов несовершеннолетних мальчиков в возрасте от 16 до 19 лет, находился с ними в подозрительно-интимных отношениях, что явно бросалось в глаза окружающим, стал расходовать народные деньги в огромном количестве, выражаясь его же словами: “У меня все пошло полным ходом”»⁹.

Запас спирта якобы возник еще при прежнем начальнике оперативного управления П. Н. Бурове. О том, что этого требуют нужды разведки, Стасевич говорил на заседании РВТ Западного фронта 2 октября 1919 г.: «Спирт в разведке был необходим, так, например, через финляндскую границу совсем нельзя было пройти за последнее время, а при помощи спирта агентам удавалось подкупать стражу, со стороны агентов злоупотребления со спиртом были возможны, т. к. 75% их подлецы, и никакой начальник разведки за ними уследить не в состоянии»¹⁰. Показательная оценка работы агентуры начальником разведки!

⁹ Там же. Л. 59 об.; также см. Л. 34–35.

¹⁰ Там же. Л. 11 об.

Ил. 4. Застолья красных командиров редко попадали в объектив, но были неотъемлемой частью бытовой повседневности. 1925 г. Фото предоставлено А. А. Симоновым

Однако и сам Стасевич оказался причастен к спиртовым злоупотреблениям. Когда особисты начали опрашивать свидетелей, выяснилось, что десять ведер спирта в начале марта 1919 г. привезли из Петрозаводска именно по поручению Стасевича¹¹. Цензор разведывательного отделения Н. Н. Дубков 25 июня 1919 г. показал, что, «по словам Стасевича, спирт был выписан для нужд агентурной канцелярии, а именно для агентов, но в каком именно смысле, не знаю. Предполагаю, что в целях более успешного осведомления. Так объяснял всей канцелярии сам Стасевич. Но я сам слышал, что этот спирт распивался и лицами, отношения к разведке не имеющими, как то генштабами¹², состоящими преподавателями в агентурной школе, в числе коих были: б[ывший] начальник штаба Доможиров, начальник оперативного управления Сысов, сам Стасевич, от коего не раз испахивало спиртом, когда я приходил к нему с докладом и др., коих не помню»¹³. Агенту Кошкину, работавше-

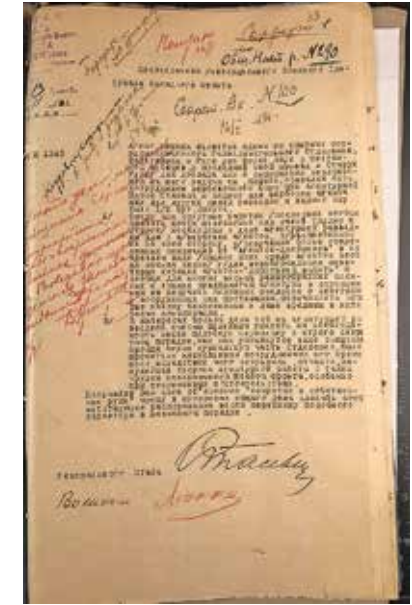
¹¹ Там же. Л. 34 об., 41.

¹² То есть военспецами-генштабистами.

¹³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 315. Л. 41 об. При этом Дубков имел личный мотив — считал, что Стасевич его недолюбливал и обходил поощрениями (Там же. Л. 42).

Ил. 5. Обложка следственного дела. РГВА. Публикуется впервые

Ил. 6. Объяснения В. Е. Стасевича. РГВА. Публикуется впервые

му в Риге два с половиной месяца и согласившемуся стать сотрудником вербовочного бюро при агентурной школе штаба фронта, выдали «для вербовки агента или для других целей разведки» полбутылки спирта¹⁴. Также сообщалось, что Стасевичу в Риге достали 20 бутылок коньяка¹⁵.

На Пасху перегруженным работой сотрудникам отделения, получавшим менее 1500 руб. в месяц, Стасевич выдал наградные деньги (7000 руб.) из средств безотчетного расходования¹⁶. На каждого пришлось до 500 руб., кроме того, выдали по четверти бутылки спирта и по полному комплекту обмундирования.

Один из сотрудников сообщил, что Стасевич не раз приглашал его выпить¹⁷. По данным на 2 июля, из десяти ведер оставалось «ведра четыре. Есть там и коньяк»¹⁸. Таким образом, было израсходовано более шести ведер спирта. По словам комиссара К. К. Люкке, спирт выдавался

¹⁴ Там же. Л. 33.

¹⁵ Там же. Л. 42 об.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же. Л. 47 об.

¹⁸ Там же. Л. 48 об.

Ил. 7. Протокол допроса В. Е. Стасевича. РГВА. Публикуется впервые

Ил. 8. Заявление супруги В. Е. Стасевича. РГВА. Публикуется впервые

с разрешения начальника оперативного управления, так как разведка подчинялась ему, сам же комиссар выдал разрешения только на полведра спирта¹⁹. Председатель РВТ фронта не удовлетворился докладом Стасевича и отметил, что ему не назвали ни одного случая, когда с помощью спирта разведчики добыли что-либо ценное²⁰.

9 июля 1919 г. Стасевича и его однокашника по ускоренным курсам Военной академии исполняющего должность начальника оперативного управления штаба бывшего капитана Е. В. Сысоева арестовали сотрудники особого отдела. 19 июля Сысоев показал: «На Пасху этого года я временно исполнял должность нач[альни]ка оперативного управления штаба, но Стасевич вовсе ко мне за разрешением на выдачу спирта и денежного вознаграждения сотрудникам своим не обращался и ничего мне об этом не докладывал. Об этом я узнал уже впоследствии от самого Стасевича, объяснившего, что он сделал это с ведома комиссара Жадкевича (Ягеллона). Лично мне в агентурной школе приходилось несколько раз бывать по делам службы, каковой школой заведывал тогда

¹⁹ Там же. Л. 50 об. — 51.

²⁰ Там же. Л. 44.

Жадкевич (Ягеллон) и по его приглашению выпивать рюмку-две водки. На страстной неделе, когда уезжал к месту нового служения тов. Буров, мой предшественник по должности, ему были устроены в агентурной школе проводы, во время которых была водка. На проводях присутствовал бывший нач[альни]к штаба Доможиров, комиссар разведывательного отделения Жадкевич (Ягеллон), н[ачальни]к разв[едывательного] отд[еления] Стасевич, н[ачальни]к агентурного отд[еления] Трофимов, тов. Буров и тов. Никольский. Кто был инициатором этих проводов, я не знаю, как не помню сейчас, кто меня приглашал. В настоящее время я арестован по распоряжению Особого отдела, как долго пробуду под арестом, не знаю»²¹. Сысоева держали под подпиской о невыезде.

Допрошенный тогда же Стасевич показал: «Перед праздником Пасхи я заявил бывшему тогда комиссару разв[едки] тов. Ягеллону, что считал бы необходимым ввиду наличия в агентуре большой экономии денежных средств, с одной стороны, чрезвычайно усиленной работы сотрудников отделения с другой, поощрить их работу и выдать денежное вознаграждение. Тов. Ягеллон вполне с этим согласился и мной был подан по команде за моей и его, тов. Ягеллона, подписями рапорт с просьбой разрешить выдать 7000 руб. на всех служащих, получающих содержание не свыше 1500 р. в месяц. На это последовало разрешение и мной указанная сумма была роздана применительно к продолжительности и усердию к службе каждого бывшего в то время налицо в отделении сотрудника. Рапорт мой и соответствующие расписки служащих находятся в деле агентуры. Тогда же я спросил комиссара т. Ягеллона, не встречается ли с его стороны препятствий и не находит ли он возможным выдать к празднику служащим спирт. Т. к. спирт расходовался только с моего и комиссара ведения, то мной и было выдано каждому служащему по 1/2 полубутылки»²². Со Стасевича также взяли подписку о невыезде.

Слова Стасевича подтвердились его же рапортом начальнику оперативного управления от 14 апреля 1919 г. с просьбой о выдаче средств «ввиду особо усиленной работы сотрудников разведывательного отделения, вызываемой совершенным несоответствием существующего штата отделения и обширностью фронта»²³. Деньги разрешил выдать начальник штаба фронта, однокашник Стасевича по академии бывший капитан Н. Н. Доможиров. Таким образом, деньги расходовались законно.

28 июля следствие завершилось, а дело передали в трибунал, на гауптвахте которого уже содержались Стасевич и Сысоев²⁴. Ягеллона-Жат-

²¹ Там же. Л. 52 и об.

²² Там же. Л. 54 и об.

²³ Там же. Л. 58.

²⁴ Там же. Л. 59–60.

кевича, отстраненного от должности в мае 1919 г., арестовали в Москве по другим делам²⁵. Рассмотрение дел разведчиков затянулось. По данным на сентябрь 1919 г., Сысоева освободили под подписку о невыезде из Смоленска с тем, чтобы он являлся отмечаться в особый отдел Западного фронта дважды в неделю²⁶. К этому времени дело Римма и Стасевича находилось в Москве в РВТ Республики, а дело Стасевича и Сысоева осталось в ведении РВТ фронта.

2 октября 1919 г. состоялось заседание трибунала фронта. Стасевич и Сысоев виновными себя не признали. Стасевич утверждал, что спирт отпускался на вербовку агентуры по указанию комиссара, а сам Стасевич агентов якобы не знал. В отношении Сысоева в протоколе отмечено: «Сам он, Сысоев, выпивал спирт несколько раз в канцелярии агентурного отделения, куда его приглашал комиссар, отказываться от выпивки не мог, т. к. это произвело бы дурное впечатление на подпадаемых агентов разведки и могло бы повредить делу»²⁷. Виновность Сысоева трибунал не установил. Стасевич же изобличался в том, что, «состоя в означенной должности, допустил злоупотребления по службе, выразившиеся в том, что расходовал непроизводительным образом хранившийся под его наблюдением для агентурных надобностей в разведке спирт, частью выдавая спирт сотрудникам, а частью употребляя его на устраиваемые им попойки»²⁸.

Приговор

По совокупности двух приговоров (с приговором РВТ Республики) РВТ фронта постановил заключить Стасевича в тюрьму на год с принудительными работами, считая срок с 20 сентября 1919 г.²⁹ Стасевича направили в Смоленский дом принудительных работ.

Однако РВТ Республики отметил, что трибунал низшей инстанции не может поглощать приговор трибунала высшей инстанции, и затребовал дело³⁰. Видимо, в связи с этим 11 октября Стасевича перевели в Бутырскую тюрьму, где он числился за особым отделом ВЧК³¹. Постановлением РВТ Республики от 23 ноября 1919 г. в силу постановле-

²⁵ Там же. Л. 56.

²⁶ Там же. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 11 об.

²⁸ Там же. Л. 12.

²⁹ Там же. Л. 12 об.

³⁰ Там же. Л. 23.

³¹ Там же. Л. 28.

ния ВЦИК об амнистии ко второй годовщине Октябрьской революции Стасевич подлежал досрочному освобождению. Но освобожден не был.

18 февраля 1920 г. супруга арестованного Л. К. Стасевич подала заявление на имя председателя РВТ Западного фронта: «Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой об исходатайствовании перед Реввоен-трибуналом Республики амнистии мужу моему Владимиру Стасевичу, бывшему начальнику разведывательного отделения штаба Зап[адного] фронта, приговоренному Реввоен-трибуналом Республики к 6ти месячному заключению по делу бывшего члена Реввоенсовета тов. Римма, который уже освобожден, и к 6ти месячному заключению приговором Реввоен-трибунала Зап[адного] фронта за упущение по службе. Мой муж служил в Красной армии с первого дня Революции и все свои силы положил на пользу Советской России и могу сказать, что в предъявленных ему обвинениях он не имел ни злых, ни корыстных целей, а потому прошу об его освобождении, чтобы дать ему возможность и в дальнейшем доказать свою готовность служить на благо Советской республики, надеясь, что его семимесячное заключение искупило его вину»³². Таким образом, комиссара освободили, а про военспеца забыли.

Заявление переслали в РВТ Республики, что инициировало поиски³³. 6 марта 1920 г. секретарь трибунала направил начальнику Бутырской тюрьмы телефонограмму: «Прошу срочно сообщить, за кем числится и когда поступил в тюрьму Стасевич Владимир Ефимович, бывш[ий] нач[альник] разведки шта[ба] Зап[адного] фронта»³⁴. Как выяснилось, Стасевич продолжал третий месяц после амнистии сидеть в тюрьме, причем его даже отчислили от Генерального штаба³⁵, но вскоре освободили из тюрьмы.

Через десять лет, 28 октября 1930 г. Стасевича расстреляли по обвинению в причастности к контрреволюционной организации³⁶. Е. В. Сысоев благополучно пережил репрессии, стал видным советским военным инженером, генерал-майором инженерных войск. В годы Великой Отечественной войны служил начальником инженерного управления Московской зоны обороны, возглавлял Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева. Скончался в Москве в 1978 г.³⁷ Судьбу Р. А. Римма установить не удалось.

³² Там же. Л. 31 и об.

³³ Там же. Л. 30.

³⁴ Там же. Л. 27.

³⁵ Приказ РВС Республики по личному составу армии. 1920. № 83. 11.02.

³⁶ Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище 1926–1936. М., 1995. С. 102–103.

³⁷ Е. В. Сысоев // Красная звезда. 1978. 24 ноября. № 271 (16758). С. 4.

Суровые будни первых советских военных разведчиков в Гражданскую войну до сих пор почти не изучены. И порой ввиду недоступности части источников скандальные истории приобретают более широкую известность, чем рутинная работа. В целом же, скандалы, связанные с контрабандой алкоголя или пьянством целых штабов, происходили в Гражданскую войну регулярно³⁸. Вызвано это было дефицитом и тяжелой бытовой повседневностью, от которой требовалось отвлечься. Нередко за такими скандалами стояли разного рода авантюристы и шкурники, которых подняла на поверхность революционная смута. Характерно, что в деле разведчиков Западного фронта особистов интересовала лишь судьба ведер спирта, но не вопрос о том, почему 75% агентов фронтовой разведки — подлецы.

Список литературы

Ганин А. В. Незаменимый коррупционер. Страницы биографии главного военного железнодорожника Советской России // Родина. 2012. № 3.

Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2017.

Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище 1926–1936. М., 1995.

Е. В. Сысоев // Красная звезда. 1978. 24 ноября. № 271 (16758). С. 4.

Andrei Vladislavovich GANIN

Doctor of History, Leading Research Fellow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

«Alcohol in intelligence was necessary...» (abuse of scouts of the Soviet Western front in 1919)

The article deals with specific examples of cases of official maltreatment in the military intelligence structures of the Soviet Western front in the early years of the Red Army. Fates of the accused are traced.

Keywords: Red Army, Western front, Special Department of the Revolutionary Military Council, Revolutionary Tribunal, alcohol.

³⁸ Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд. М., 2017. С. 261–270, 546–548; Он же. Незаменимый коррупционер. Страницы биографии главного военного железнодорожника Советской России // Родина. 2012. № 3. С. 116.

УДК 94 (438).081

ББК 63.3 (4Пол)

Владзимеж НОВАК

доктор гуманитарных наук, адъюнкт отдела истории безопасности
в Институте общественных наук и безопасности,
Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце (Седльце, Польша)

E-mail: wladzimierz.nowak@vp.pl

БОИ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК ГЕНЕРАЛА Э. СМИГЛОГО-РЫДЗА ПРОТИВ 1-Й КОННОЙ АРМИИ С. М. БУДЕННОГО ПОД РОВНО (ИЮЛЬ 1920 г.)

В статье анализируются тяжёлые бои польских войск Украинского фронта против советской 1-й конной армии в июле 1920 г. Автор восстанавливает оперативные замыслы польского командования и ход боевых действий по дням и даже по часам.

Ключевые слова: Войско польское, Красная армия, Советско-польская война, 1-я конная армия, Украинский фронт, Украина, С. М. Буденный, Э. Смиглый-Рыдз.

Вступление

Боевые действия на украинском оперативном направлении в рамках польско-советской кампании 1920 г. не имели такого решающего значения, как Варшавская битва, но они известны ожесточенными боями польских войск против 1-й конной армии¹. Это кавалерийское соединение сумело вопреки всем существовавшим в то время принципам военного искусства дважды прорвать оборону польских войск Украинского фронта около Самгородка и Озерной и на линии Случи. Затем кавалерия Семена Михайловича Буденного² заняла Корец и отбросила польскую 2-ю армию генерала Казимежа Рашевского к Горыни. В результате этих действий в расположении польских войск, а именно между левым флангом 6-й польской армии (13-я пехотная дивизия) и правым флангом 2-й польской армии (3-я пехотная дивизия

¹ Подробнее на эту тему см. А. Smoliński, *Zarys dziejów 1 Armii Konnej (1919–1923)*, Grajewo 2003; он же, *1 Armia Konna podczas walk na polskim teatrze działań wojennych w 1920 roku. Organizacja, uzbrojenie, wyposażenie oraz wartość bojowa*, Toruń 2008; он же, *O «czerwoną Rosję», «czerwoną Europę» i «czerwoną» świat. Studia o potencjale militarnym Sowietów w latach 1918–1941*, Toruń 2015, s. 99–386.

² Биографию Буденного см. там же, s. 37–46.

легионов), образовался разрыв, достигший 28 июня 1920 г. ширины ок. 80 км. С польской стороны там оставалась только 10-я пехотная бригада. Зато в районе прорыва в это время находились соединения Буденного, которые восстанавливали силы после изнурительных сражений с польскими войсками в районе Новограда-Волынского и Корца³. Таким образом, правый фланг польской 2-й армии от левого фланга находящейся западнее 6-й армии отделяли 50 км⁴.

Битва под Ровно

Генерал Эдвард Смиглый-Рыдз⁵, недавно назначенный командующим польскими войсками Украинского фронта, решил, используя удобное начертание линии фронта, атаковать 1-ю конную армию концентрическим ударом с трех сторон, то есть силами 1-й и 3-й пехотных дивизий легионов, 6-й пехотной дивизии и Кавалерийской дивизии⁶. Однако скоординировать надлежащим образом действия отдельных соединений ему не удалось, и запланированная операция провалилась. Существенное значение имело также то, что 1-я пехотная дивизия легионов не успела прибыть из отдаленного Олевска и не смогла занять предусмотренную для нее позицию для наступления⁷. Эта операция, спланированная исходя из множества допущений, оказалась в конечном итоге неэффективной и привела к значительным и совершенно бесполезным потерям со стороны польских войск⁸.

На рубеже июня — июля 1920 г. польские соединения, входившие в состав Украинского фронта, были после восстановления 2-й армии объединены в три оперативных соединения. Оборонявшая северную часть Украинского фронта 3-я армия (1-я и 7-я пехотные дивизии, 7-я кавалерийская бригада и украинская 6-я стрелковая дивизия) действовала на Уборти, имея на правом фланге 1-ю пехотную дивизию легионов, сосредоточенную в районе Забара — Голыши. В состав этой

армии также входила 1-я кавалерийская бригада, которая с 26 июня по 4 июля 1920 г. была переброшена по железной дороге с северного участка фронта и сосредоточивалась к югу от Ровно в районе Здолбунова. Прибывший первым 1 июля 1920 г. 11-й уланский полк был направлен в Тучин, чтобы обеспечить переправу через Горынь. Затем по железной дороге прибыли 1-й дивизион конной артиллерии и 7-й уланский полк, направленные в район Шпанов — Олексин. 3 июля 1920 г. прибыл 1-й дивизион 1-го легкоконного полка, но из-за перегруженности железнодорожных станций в Ровно и Здолбунове его пришлось выгружать в чистом поле, заставляя лошадей прыгать из вагонов⁹. Последним прибыл на станцию Киверцы 2-й дивизион 1-го легкоконного полка, а в это время уже шли бои. Командир транспорта лейтенант Ян Карч приказал вооружить паровоз двумя пулеметами и отправил его в направлении Ровно под командованием подпоручика Бронислава Ковальчевского. В пути паровоз был обстрелян батареями противника и был вынужден отойти на станцию Киверцы, где дивизион выгружался в трудных условиях, ночью, без трапов¹⁰. Два соединения 2-й армии, а именно 3-я пехотная дивизия легионов и Кавалерийская дивизия, действовали на Горыни между Тучином и Острогом. Выдвинутый вперед левый фланг армии составляла 6-я пехотная дивизия, сосредоточенная в районе Людвиполя, а на правом фланге этой армии находились 10-я и 1-я резервная пехотные бригады. Они действовали в районе Острога и Заславля. На правом фланге польских войск Украинского фронта находилась 6-я армия, которая на участке от Грицева через Летичев — Бар до Днестра имела четыре соединения. Это были 12-я, 13-я и 18-я пехотные дивизии и украинские войска, соответствующие по численности польской бригаде¹¹.

Генерал Смиглый-Рыдз, располагая указанными силами, решил искать возможность разгромить конницу Буденного в районе Корца. Он не отказался от своих наступательных планов, а рассчитывал реализовать их за счет проведения операций на флангах, на этот раз к западу от Ровно¹². Существенную роль в этих планах могла сыграть

³ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem (I). (2. VII. — 9. VII. 1920)*, «Bellona» 1925, t. 18, z. 2, s. 123.

⁴ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne z historii wojen polskich 1918–21*, t. 2, *Ostróg — Dubno — Brody. Walki 18 Dywizji Piechoty z konną armją Budiennego (1 lipca–6 sierpnia 1920)*, Warszawa 1923, s. 17–18; M. Wrzosek, *Wojny o granice Polski Odrodzonej 1918–1921*, Warszawa 1992, s. 275.

⁵ В российской историографии традиционно фамилия этого военачальника передаётся как Рыдз-Смиглы. В Польше принято обратное написание — Смиглый-Рыдз.

⁶ A. Borkiewicz, *Dzieje 1-go Pułku Piechoty Legjonów (1918–1920)*, Warszawa 1929, s. 658.

⁷ Какурин Н. Е., Меликов В. А., *Война с белополяками 1920 г.*, Москва 1925, с. 179.

⁸ M. Wrzosek, *Wojny o granice Polski Odrodzonej...*, s. 276.

⁹ Instytut Józefa Piłsudskiego w Londynie, kolekcja gen. L. Kmicic-Skrzyńskiego; *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich im. Generała Kazimierza Sosnkowskiego*, pod red. J. Smoleńskiego i M. W. Żebrowskiego, Londyn 1969, s. 162–164; T. Machalski, *Ostatnia epopeja. Działania kawalerii w 1920 roku*, Londyn 1969, s. 107–108.

¹⁰ J. Karci W. Kryński, *Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów Józefa Piłsudskiego*, Warszawa 1931, s. 67–68.

¹¹ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 124; F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, szkic nr 1.

¹² *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 163.

18-я пехотная дивизия, относившаяся к 6-й армии генерала Ромера. На основании имеющихся сведений невозможно установить, действовала ли она в соответствии с инструкциями генерала Смигло-Рыдза. Однако известно, что он приказал генералу Франтишеку Крайовскому, командиру 18-й пехотной дивизии, «чтобы на Горыни начиная от Заславля принять участие в общей битве против Буденного»¹³. Речь шла, так или иначе, о нестандартном действии — попытке перехватить и сковать самое на тот момент мобильное соединение Красной армии, каким была конница Буденного¹⁴.

1-я конная армия в составе четырех дивизий, кавалерийской бригады Котовского, полка особого назначения и 45-й стрелковой дивизии форсировала Случь, отбросила польские войска на запад и сосредоточилась в районе Корца. Конкретное расположение этого конного соединения представлялось таким образом: 4-я кавалерийская дивизия находилась в районе Речки — Корец — Мендзыжеч, 6-я дивизия — Крылов — Киликиев, 11-я дивизия — Берездов — Мирутин, 14-я кавалерийская дивизия — в Правутине — Красныстае. Полевой штаб и полк особого назначения находились в районе Новоград-Волынский — Суслов, 45-я стрелковая дивизия — в Корчике — Полонном — Шепетовке, а прикомандированная к ней кавалерийская бригада Котовского — под Любаром¹⁵.

Советская 12-я армия дислоцировалась на восточном берегу Уборти, имея левофланговую 44-ю стрелковую дивизию в районе Городницы, а 14-я армия находилась в постоянном контакте с польской 6-й армией на участке от Любара до Днестра¹⁶.

Командование 1-й конной армии, выполняя директивы вышестоящего начальства от 22 и 29 июня, начало выполнять поставленные задачи по занятию линии Сарны — Ровно — Здолбунов¹⁷. Буденный отдал приказ № 081/оп, в котором начало основных боевых действий было назначено на ночь с 1 на 2 июля 1920 г. Наступление должно было вестись силами 6-й, 11-й и 14-й кавалерийских дивизий через Острог на Ровно. Советская 4-я кавалерийская дивизия должна была поддержать основные действия конницы Буденного, продвигаясь в направлении Блудов — Тудоров, форсируя Горынь в районе Тучин —

Симоново по направлению к Ровно¹⁸. С юга наступление сил Буденного на Ровно обеспечивала 45-я стрелковая дивизия¹⁹.

В результате реализации замыслов сторон утром 2 июля 1920 г. в районе к востоку от Горыни произошёл встречный бой между польской 3-й пехотной дивизией легионов и советской 4-й кавалерийской дивизией. Наступление двух полков 3-й пехотной дивизии легионов было встречно сильным огнем советской артиллерии, после чего из-за маневра советской кавалерии с целью овладеть переправами через Горынь командир польской дивизии отвел войска, оказавшиеся под угрозой окружения, на западный берег реки²⁰.

С 3-й пехотной дивизией легионов взаимодействовала 1-я кавалерийская дивизия²¹. Она действовала по большей части на юге, а после переправы через Горынь у Черняхова она продвигалась в направлении Аннополя, выдвинув в авангард 4-ю кавалерийскую бригаду. Однако к востоку от Милятина она столкнулась с конными соединениями правого фланга главных сил Буденного, которые наступали на участке Острог — Оженин. После ожесточенных боев в районе Милятин — Мощеница — Могиляны 1-я кавалерийская дивизия не смогла устоять перед численно превосходившим противником и отошла на исходные позиции. Она понесла существенные потери, но, несмотря на жестокие атаки советских войск, ей удалось сохранить большой плацдарм на восточном берегу Горыни около Могилян и Черняхова.

Самым слабым звеном польской обороны на Горыни были плохо обученные и уже неоднократно разбитые пехотные части, принадлежавшие 1-й резервной пехотной бригаде²². Они занимали участок в районе Острога. Этой слабостью воспользовалась 1-я конная армия, которая на рассвете 3 июля 1920 г. форсировала Горынь у высоты Вилбовна, заняла Острог, защищавшийся 101-м и 106-м пехотными полками, а затем направилась к Здолбунову — Ровно²³. Это привело к тому, что те польские подразделения, которые остались за Горынью,

¹⁸ РГВА, Управление 1-й конной армии и оперативные сводки штабов 4-й, 11-й, 14-й кавдивизий и частей 1-й конной армии (20.05–17.09.1920 г.), ф. 245, оп. 3, д. 413, л. 175, 180.

¹⁹ М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 127.

²⁰ Там же, с. 128.

²¹ САУ, I. 301.7.122, На основании приказа польского главнокомандования, L. dz. 7710/I от 2 VII 1920 г., сформирована Оперативная кавалерийская группа. Кавалерийская дивизия была переименована в 1-ю кавалерийскую дивизию.

²² J. Odziemkowski, *Piechota polska w wojnie z Rosją bolszewicką 1919–1920*, Warszawa, s. 518.

²³ С. М. Буденный. *Пройденный путь*, т. 2. Москва 1965, с. 184.

¹³ САУ, I. 313.18, akta dowództwa 18. Dywizji Piechoty.

¹⁴ W. Nowak, J. Ślipiec, *Polsko-ukraińskie walki z Armią Czerwoną w 1920 roku na Zamojszczyźnie*, «Przegląd Historyczno-Wojskowy» t. 5 (56), nr 2 (202), 2004, s. 93.

¹⁵ РГВА, Управление 1-й конной армии и оперативные сводки штабов 4, 11, 14 кавдивизий и частей 1-й Конной армии (20.05–17.09.1920 г.), ф. 245, оп. 3, д. 413, л. 325–325а.

¹⁶ М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 124–125.

¹⁷ Какурин Н. Е., Меликов В. А., *Война с белополяками...*, с. 177.

оказались в трудном положении. В отсутствие резервов генерал Рашевский решил отвести 3-ю пехотную дивизию легионов и вечером 3 июля издал приказ L. dz. 3451/III. Дивизия должна была отступить на позиции, расположенные по обе стороны шоссе в 10 км к востоку от Ровно. Части 2-й армии, находившиеся в этом районе, предполагалось прикрыть с севера 11-м уланским полком, а с юга — 1-й кавалерийской дивизией и 1-й кавалерийской бригадой²⁴.

Генерал Ян Савицкий, узнав о форсировании Горыни около Острога конницей Буденного, отправил в этот район 5-й уланский полк, который натолкнулся на превосходящие силы противника и, не приняв бой, не достиг цели. Однако было установлено, что три большие колонны советской кавалерии (6-й, 11-й и 14-й дивизий Буденного) движутся в направлении Ровно — Оженин, а затем на Дубно. Вскоре ситуация вновь изменилась, потому что колонна, которая направлялась на Оженин (6-я кавалерийская дивизия), атаковала полки 4-й кавалерийской бригады, занимавшие мосты в Могилянах и Черняхове. Польские войска сражались как в конном, так и в пешем строю. Бой длился несколько часов и носил упорный характер, но атаки противника усилились, а с юга грозило окружение. Генерал Савицкий был вынужден вывести вверенные ему войска сначала в район Колесники — Новосёлки, а затем в Тайкуры — Мыльск Новый (штаб в Корнине)²⁵. Это отступление проходило в темноте почти без препятствий и было выполнено «в величайшем порядке и не привлекая внимания противника»²⁶.

Генерал Смиглый-Рыдз, готовясь к бою с Буденным в районе Ровно, поздно вечером 3 июля 1920 г. разослал своим войскам оперативные указания: «Руководство фронта намерено решительно защищать район Ровно, сковывая силы конной армии Буденного до прибытия 1-й и 18-й дивизий, сохраняя целостность фронта 3-й армии. <...> Фронты 3-й и 6-й армий остаются как можно дольше на своих позициях. <...> 3-я армия направит 1-ю дивизию легионов скорым маршем через Людвиполь на Тучин и Ровно с общей задачей ударить во фланг атакующей кавалерии...»²⁷.

В соответствии с этими указаниями соединения польской 2-й армии отступили к Ровно и заняли там новые боевые позиции: 3-я пе-

хотная дивизия легионов на участке Колоденка — Белая Криница — Городище, имея соседом с юга 1-ю кавалерийскую дивизию²⁸. Для прикрытия правого фланга полков 1-й кавалерийской дивизии в районе Новый Мыльск — Здолбица были направлены основные силы 1-й кавалерийской бригады, а ее 11-й уланский полк направили в Малый Житин для прикрытия войск левого фланга 3-й пехотной дивизии легионов. Однако 6-я пехотная дивизия получила этот приказ слишком поздно и осталась в районе между Людвиполем и Селищем, а 12-й пехотный полк — в Костополе²⁹.

Командующий войсками Украинского фронта собирался вести решающую битву с конницей Буденного в предполье крепости Ровно, рассчитывая использовать для этого войска 1-й пехотной дивизии легионов и 18-й пехотной дивизии.

На рассвете 4 июля 1920 г. конные соединения Буденного атаковали из района к северу от Острога³⁰. 14-я и 11-я кавалерийские дивизии продвигались параллельно друг другу на север по направлению на Тайкур, а 6-я кавалерийская дивизия шла на Здолбунов и Ровно, обходя эти города с юга³¹.

Около 4 часов утра полки советской 14-й кавалерийской дивизии, действующие из района Ивачков — Коростово, осуществляя разведку, вошли в промежуток между 1-й кавалерийской дивизией и 3-й пехотной дивизией легионов³². Советская кавалерия неожиданно атаковала польскую 1-ю кавалерийскую дивизию, остановившуюся на почвеку в Тайкурах³³. Эту атаку в пешем строю отразил 5-й уланский полк, что позволило преодолеть замешательство, сесть на коней и занять позиции к юго-западу от Колоденки³⁴. Части 1-й кавалерийской дивизии были развернуты следующим образом: 9-й полк с частью сил 5-го уланского полка занял опушку леса к востоку от Колоденки, 2-й и 8-й уланские полки заняли холмы к югу от этой деревни,

²⁸ CAW, I. 400.2006, K. Myrek, *Walka o Równo, Relacja dowódcy II dywizjonu 3. pułku artylerii polowej*, s. 1.

²⁹ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 137–138; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć do końca roku 1920*, Poznań [b. r. w.], s. 234 (szkic nr 22).

³⁰ С. М. Буденный, *Пройденный путь...*, с. 180 (схема №5).

³¹ Там же, с. 185.

³² *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 167.

³³ T. Machalski, *Ostatnia epopeja...*, s. 108; T. Nowiński, *Zarys historii wojennej 5-go Pułku Ułanów Zasławskich*, Warszawa 1929, s. 27; С. М. Буденный, *Пройденный путь...*, с. 185.

³⁴ K. Krzeczunowicz, *Ułani księcia Józefa. Historia 8 Pułku Ułanów ks. Józefa Poniatowskiego 1784–1945*, Londyn 1960, s. 141; M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 135; J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich*, Warszawa 1932, szkic nr 40.

²⁴ CAW, I. 310.16.7, 1-я кавбригада приказом начальника Украинского фронта L. dz. 1174/III от 2 VII 1920 г. была подчинена 2-й армии.

²⁵ J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich*, Warszawa 1932, s. 328–329.

²⁶ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 131–132.

²⁷ Ibid, s. 134.

а остальные силы, 1-й и 12-й уланские полки и оставшаяся часть 5-го уланского полка, составили резерв генерала Савицкого, размещённый в Колоденке³⁵.

Вскоре советская 14-я кавалерийская дивизия в смешанном боевом порядке, верхом и стрелковыми цепями, с сильной артиллерийской поддержкой, повела наступление на Квасилов и Колоденку. Однако хорошо организованная система защиты спешенных эскадронов позволила польским уланам, имевшим хороший обзор поля боя, расстреливать из пулеметов наступавшие ряды советской конницы, нанося ей тяжёлые потери. Поляки также контратаковали. Во время одной из таких контратак командир советского 80-го кавалерийского полка В. С. Голубовский был придавлен убитой лошадью. Своего начальника выручил один из красноармейцев, который помог ему выбраться и спас его от гибели или плена³⁶.

Ожесточенная битва продолжалась и на участке 11-й кавалерийской дивизии. Это соединение, продвигаясь вдоль железной дороги, атаковало силы польской 1-й кавалерийской бригады, на которую легла основная тяжесть ответственности по обороне Ровно с западной стороны, в то время как 3-я пехотная дивизия легионов уже отходила к окраине города³⁷.

Командир 1-й кавалерийской бригады организовал оборону в районе Тынного, разместив четыре эскадрона по фронту и оставив два в резерве, и выслал сильные патрули в сторону противника. 2-й эскадрон 7-го уланского полка с двумя пулеметами был выдвинут дальше на юг, занимая оборонительные позиции от высоты 241 примерно на 2 км к югу в направлении Тынного. Юго-западный край деревни занял 1-й эскадрон 1-го легкоконного полка. К югу от этих позиций поперёк шоссе на Дубно укрепился 3-й эскадрон 7-го уланского полка, а далее на север в направлении Обарова — 1-й эскадрон этого полка. 1-й конно-артиллерийский дивизион занял позиции в районе Обарова, а остальные силы бригады находились в резерве полковника Белины-Пражмовского³⁸.

³⁵ Т. Machalski, *Ostatnia epopeja...*, s. 108.

³⁶ С. М. Буденный, *Пройденный путь...*, с. 185.

³⁷ Фактически это был 7-й уланский полк с двумя батареями 1-го дивизиона конной артиллерии. *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 167. Дивизион 1-го легкоконного полка под натиском превосходящих сил Буденного был вынужден отступить, причем 2-й эскадрон отошел на Тайкуры, а первый на Тынное. Днём 4 июля дивизион занял оборонительный рубеж на участке Тынное — Обаров, войдя в состав 1-й кавбригады. J. Karcz i W. Kryński, *Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów...*, s. 67.

³⁸ *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 167.

Патруль, отправленный на разведку под командованием подпоручика Юзефа Смоленского из форта Тынного, обнаружил движение значительных сил советской конницы, которая шла от колонии Глинск на Грушвицу, а взвод 3-го эскадрона 7-го уланского полка под командованием подпоручика Станислава Клепача был остановлен советской кавалерией в районе высоты 230. Она действовала со стороны Омеляны Великой и Малой, а затем направилась на Тынное. Командир взвода спешил своё подразделение и уланы, заняв оборонительные позиции, пулеметным огнем заставили противника отступить.

Полковник Белина-Пражмовский, узнав о перемещениях противника, принял решение вывести 7-й уланский полк из Тынного и направил его через Ровно на Золотыев. Командир полка организовал отступление своих войск таким образом, что эскадроны, сгруппированные в районе Тынного, должны были отступить на Ровно, сдерживая напор противника. Для этого подразделение подпоручика Клепача было усилено взводом 3-го эскадрона с двумя пулеметами и одним эскадронам 1-го легкоконного полка. Движение в сторону города осуществлялось под огнем артиллерии, однако потери в людях и конях были невелики³⁹.

Во ходе отступления отряда Клепача из района Тынного в Ровно он снова наткнулся на сильные советские кавалерийские подразделения. Точный огонь пулемета капрала Войцеха Головинского, однако, на некоторое время остановил красных кавалеристов⁴⁰. Вскоре на железнодорожном виадуке получился громадный затор. Подпоручик Клепач был вынужден провести три конных атаки, чтобы остановить большевиков. В бой вступили советские бронемобили, которые вели интенсивный огонь, что усилило панику на мосту. На улицах Ровно, особенно в окрестностях железнодорожного вокзала, скопились части артиллерии и кавалерии поляков⁴¹.

Когда одна из бригад 11-й кавалерийской дивизии уже подошла к Квасилову, создавая угрозу правому флангу 3-й пехотной дивизии легионов, началась польская контратака в направлении Здолбунова. Ей предшествовала артподготовка силами четырёх батарей конной артиллерии. Затем в бой вступили резервные силы 1-го, 5-го и 12-го уланских полков. Противник не принял боя, отступив в лес в направлении Мыльска Нового⁴².

³⁹ Там же, с. 167–169.

⁴⁰ Там же, с. 620. За этот смелый поступок капрал Войцех Головинский был награжден орденом «Виртути милитари» 5-й ст.

⁴¹ SAW, I. 400.2006, Relacja dowódcy II dywizjonu 3. pułku artylerii polowej, s. 2.

⁴² J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich...*, s. 329.

Сначала генерал Рашевский не знал, что Буденный направил свои главные силы на запад от Тынного и стремился обойти Ровно с юга и запада (6-я и 11-я кавалерийские дивизии). Поэтому он отдал подчиненным два приказа, один в 12.30, а второй через час (L. dz. 3458/III). Они были предназначены для 1-й кавалерийской дивизии и 1-й кавалерийской бригады. Им было приказано «перейти в контратаку и в случае успеха начать преследование»⁴³. Однако в ситуации на фронте произошли радикальные изменения, о которых генерал Рашевский не был полностью проинформирован, и его приказы не соответствовали ходу событий⁴⁴.

Около полудня 14-я кавалерийская дивизия прорвала польскую оборону под Колоденкой, угрожая частям левого фланга 1-й кавалерийской дивизии и правого фланга 3-й пехотной дивизии легионов. Это заставило генерала Бербецкого, действовавшего по своему усмотрению, без связи с генералом Рашевским, оставить занимаемые позиции к востоку от Ровно. Вместо этого он направил ее на западные подступы к городу⁴⁵. Во время перегруппировки советские кавалеристы атаковали и захватили обоз 3-й пехотной дивизии легионов⁴⁶.

Однако командующий 2-й армии намеревался нанести удар по советской 6-й кавалерийской дивизии, которая ранее обошла Ровно с юга и запада. Чтобы выполнить эту задачу, генерал Рашевский направил 1-ю кавалерийскую дивизию на Басовый Кут, откуда она должна была ударить в тыл этого советского соединения. Перегруппировка проходила под огнем вражеской артиллерии.

Когда 1-я кавалерийская дивизия, в которой осталось лишь шесть полков⁴⁷, добралась до назначенного района, внезапно из Здолбунова появилась бригада советской 11-й кавалерийской дивизии. Во взаимодействии с бронепоездом «Галлерчик», при поддержке конной артиллерии, 1-я кавалерийская дивизия под командованием генерала Савицкого несколько раз атаковала, остановив кавалерию Буденного.

В сумерках враг занял пригородное кладбище. Генерал Савицкий, желая помешать большевикам осквернить это сакральное место, на-

правил туда 12-й уланский полк. Бой шёл до поздней ночи. В сражении также принял участие бронепоезд «Галлерчик». Противник был сначала отеснен с кладбища, а затем отброшен на юг⁴⁸. Однако этот успех имел только локальное значение, поскольку конница Буденного оказалась более мобильной, чем взаимодействовавшие друг с другом польские пехотные и кавалерийские части. Около полуночи с 4 на 5 июля 1920 г. 1-я конная армия овладела крепостью Ровно⁴⁹.

Вечером в тяжелом положении оказалась 1-я кавалерийская бригада на участке Омеляны — Тынное⁵⁰. Не сумев противостоять превосходящим силам советской 6-й кавалерийской дивизии, поддержанной бронеавтомобилями, она была вынуждена отступить из Ровно. Таким образом, противник получил доступ к городу с запада⁵¹. Ход битвы показал, что эта польская бригада еще не успела приспособиться к тактике боевых действий кавалерии Буденного⁵². Командир 1-й кавалерийской бригады отвёл 7-й уланский полк в район Алексина Великого и занял эскадронами его переправы в Суске, выслал разведку в направлении Клевань — Дерезня⁵³. Дивизион 1-го легкоконного полка занял переправу у Хотина, артиллерия перегруппировалась в район Дерезня — Колки, а 11-й уланский полк остался в распоряжении командира 3-й пехотной дивизии легионов⁵⁴.

Выход польской 1-й кавалерийской дивизии из окружения в Ровно

Вечером 4 июля 1920 г. после долгой, тяжелой и изнурительной битвы на подступах к Ровно польская 1-я кавалерийская дивизия на-

⁴³ CAW, I. 311.2, Rozkaz Dowództwa 2. Armii L. dz. 3457/III z 27 VI 1920 r.; M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 136.

⁴⁴ Там же, s. 136–137.

⁴⁵ K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 235–236.

⁴⁶ *Encyklopedia wojskowa*, red. O. Laskowski, t. 7, Warszawa 1939, s. 280; *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 170.

⁴⁷ 1-й уланский полк остался в Колоденке и прикрывал 1-ю кавалерийскую бригаду. 14-й уланский и 2-й легкоконный полки были в распоряжении командира 6-й пехотной дивизии; M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 137–138.

⁴⁸ J. Turkiewicz, *Zarys historii wojennej 12-go Pułku Ułanów Podolskich*, Warszawa 1928, s. 22; *Ułani podolscy. Dzieje Pułku Ułanów Podolskich 1809–1947*, Wrocław — Warszawa — Kraków 1991, s. 81.

⁴⁹ Какурин Н. Е., Меликов В. А., *Война с белополяками...*, с. 183; С. М. Буденный, *Пройденный путь...*, с. 187; M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 140.

⁵⁰ Генерал Рашевский попросил генерала Бербецкого помочь полковнику Белине-Празмовскому батальоном из состава 3-й пехотной дивизии легионов. K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 235–236.

⁵¹ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 137.

⁵² На северном фронте 1-я кавалерийская бригада в основном боролась с пехотой. Здесь, на южном фронте, она встретила совершенно другую тактику боя, используемую силами Буденного, а именно, главным образом, с кавалерией в конном строю, поддержанной сильной артиллерией и пулеметами на тачанках. См. *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 165–167.

⁵³ Там же, с. 171.

⁵⁴ *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 170.

ходила в деревне Басовый Кут. Это соединение, насчитывавшее лишь 800 сабель и 12 орудий, к тому же без боеприпасов, оказалось в трудном положении. Опасность усугублялась тем, что подразделения генерала Савицкого оказались полностью окружены конницей Буденного. Командир 1-й кавалерийской дивизии после возвращения из штаба генерала Рашевского был настроен пессимистично, сказав в присутствии всех командиров полков: «Мы устроим здесь новый Збараж. Мы расстреляем оставшиеся патроны и погибнем с саблями в руках»⁵⁵. Наступило долгое молчание, но ситуацию разрядила шутка полковника Константина Плисовского. Затем о способе вывода 1-й кавалерийской дивизии из окружения доложил командир 5-го уланского полка подполковник Станислав Сохачевский, который предложил конкретный план. Генерал Савицкий после консультации с подчиненными командирами полков принял решение прорываться из кольца окружения на запад к Тынному.

В то время, когда части Буденного отдыхали на квартирах после изнурительного сражения, 1-я кавалерийская дивизия, пользуясь усталостью противника, ночью с 4 на 5 июля (в 1 час 15 утра) выступила в полной тишине на запад. Колеса пушек и повозок были обернуты соломой и тряпками, а снаряжение было жёстко зафиксировано. Всё было сделано для того, чтобы скрыть отход. Подполковник Сохачевский организовал колонну дивизии таким образом, что её голову составил дивизион 5-го уланского полка, за ним следовали 8-й, 1-й, 9-й, 2-й и 12-й уланские полки. В арьергарде был 2-й дивизион 5-го уланского полка⁵⁶. Чтобы не наткнуться на врага, они двигались по пересеченной местности, избегая деревень и строений, используя овраги и складки местности. Дивизия пересекла шоссе Ровно — Дубно, миновала Грушвицу, в которой находились советские войска, и повернула на Детковичи — Омыляны.

Утром 5 июля голова колонны в селе Станиславка столкнулась с советской кавалерией, но энергичный удар дивизиона 5-го полка и 4-го эскадрона 8-го полка рассеял противника⁵⁷. В Детковичах им встретился советский 36-й кавалерийский полк, на который обрушился 9-й уланский полк, разбил его и выбил из деревни красную конницу, бежавшую в панике⁵⁸. Командир 1-й батареи 5-го конно-

артиллерийского дивизиона подпоручик Зигмунт Богдановский, лично участвуя в конной разведке, увидел приближающуюся бричку⁵⁹. После молниеносной атаки он взял в плен не успевших опомниться большевиков, возвращавшихся с совещания в штабе 6-й кавалерийской дивизии. Позднее выяснилось, что это был штаб полка, разбитого в Детковичах⁶⁰.

Около 7 часов утра 1-я кавалерийская дивизия достигла реки Стублы и после переправы в Новом Ставе и Пересоницы расположилась в районе села Новоселки на двухчасовой отдых⁶¹. О крайнем физическом истощении людей и коней дивизии свидетельствует фрагмент публикации ротмистра Эдварда Богуша. Он пишет: «Если бы кто-то утром 5 июля 1920 г. мог наблюдать с высоты птичьего полета левый берег Стублы, ему бы открылся потрясающий вид. На лугах и пастбищах вдоль реки лежали сотни расседланных, крайне истощенных лошадей и спали (несмотря на то, что лошади спят, как правило, стоя), а рядом лежали сотни улан без шапок, мундиров, обуви, смертельно уставших, и спали, а над ними палило июльское солнце и носились сотни ласточек»⁶². Таким образом, решительность подполковника Сохачевского, который смог побудить товарищей и подчиненных приложить максимум усилий, позволила 1-й кавалерийской дивизии выйти из окружения.

5 июля 1920 г. дивизия генерала Савицкого была не в состоянии принимать какие-либо действия, потому что её офицеры и солдаты были в состоянии крайнего утомления. К тому же кончились боеприпасы. В ночь с 5 на 6 июля 1-я кавалерийская дивизия прешла в район Подгайцы — Крупы к югу от Луцка, выйдя из соприкосновения с противником. Также она утратила тактическую связь со штабом и частями 2-й армии⁶³.

Решение руководства 1-й кавалерийской дивизии «о выходе с поля боя» было воспринято штабом Верховного главнокомандующего Польской армии как еще одно проявление апатии и уныния офицеров кавалерии⁶⁴. Эти пессимистические настроения подтверждало письмо от 6 июля 1920 г., направленное начальникам кавалерийских

⁵⁵ E. Bogusz, *Wyjście z «kotła» pod Równem*, «Przegląd Kawalerii i Broni Pancernej» t. 16, nr 120, 1985, s. 238–240.

⁵⁶ K. Krzeczunowicz, *Ostatnia kampania konna. Działania jazdy polskiej przeciw Armii Konnej Budiennego w 1920 roku*, Londyn 1971, s. 136–137.

⁵⁷ Там же, s. 137; его же, *Ułani księcia Józefa...*, s. 142.

⁵⁸ J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich...*, s. 331.

⁵⁹ Зигмунт Богдановский был награжден орденом «Виртути милитари» 5-й ст. См. W. Plotnicki, *Zarys historii wojennej 5-go dywizjonu artylerji konnej*, Warszawa 1929, s. 22.

⁶⁰ В. Плотницкий сообщает, что это был 33-й кавалерийский полк. Там же, s. 22; см. J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich...*, s. 331.

⁶¹ K. Krzeczunowicz, *Ułani księcia Józefa...*, s. 138–139.

⁶² Цит. по: E. Bogusz, *Wyjście z «kotła»...*, s. 240.

⁶³ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem*, cz. 2, «Bellona» t. 18, z. 3, 1925, s. 292.

⁶⁴ T. Machalski, *Ostatnia epopeja...*, s. 110.

соединений штабом Верховного главнокомандующего Польской армией, в котором говорилось: «Старшие командиры должны требовать, чтобы офицеры понимали серьезность момента, и поэтому искоренять без колебаний, не останавливаясь перед самыми жесткими средствами, любые признаки халатности или недостаточного прилежания со стороны офицеров»⁶⁵.

Пребывание в районе Луцка использовалось для отдыха, снабжения боеприпасами, продуктами питания, фуражом и подковами для лошадей⁶⁶. На рубеже первых декад июля 1920 г. некоторые эскадроны были направлены наблюдать за линией реки Стырь, а основные силы дивизии были направлены в Замостье, где предстояла их реорганизация⁶⁷.

Взятие Ровно в полночь с 4 на 5 июля 1920 г. частями Буденного завершило первый этап битвы. Поляки потеряли важный транспортный узел и, более того, потеря этого стратегически важного города «значительно ухудшила положение на этом фронте. 2-я армия была полностью отрезана от своего южного соседа <6-й армии — В. Н.>, оттеснена в лесисто-болотистый район к северу от Горыни. Перед конной армией Буденного были открыты дороги либо на Ковель, либо в тыл 6-й польской армии»⁶⁸.

5 и 6 июля конница Буденного находилась в районе Ровно на территории, образующей неправильный четырехугольник размером 30 на 40 км. Командующий 1-й конной армией использовал эти дни не только для отдыха и подготовки вверенных ему дивизий для дальнейших боевых действий, но и для закрепления на занятой местности, в том числе усиленной разведки⁶⁹. Он также ожидал новых указаний от командования армий советского Юго-Западного фронта⁷⁰.

Буденный, после сбора информации о ситуации и движениях польских войск, издал приказ № 084/оп от 6 июля 1920 г. Он распорядился, чтобы 4-я кавалерийская дивизия удерживала переправу

вблизи Тучина, 6-я кавалерийская дивизия прикрыла линию Стублы, а 11-я и 14-я кавалерийские дивизии прикрыли направления на Дубно и Острог; задача 45-й стрелковой дивизии состояла в том, чтобы разбить 18-ю пехотную дивизию в районе Староконстантинова и Острополя⁷¹.

Дальнейшие наступательные действия Буденного были определены директивой командующего Юго-Западного фронта Александра Егорова № 520 от 6 июля 1920 г. Он решил, что 1-я конная армия возобновит наступление не позднее 11 июля и сначала нанесет удар на Луцк и Владимир-Волынский, а затем на Хрубешов⁷².

Бесплодность усилий, направленных на то, чтобы остановить и уничтожить кавалерию Буденного, негативно сказалось на ходе других операций как на южных участках фронта, так и на северных. Эти события имели резонанс в общественном мнении и очень мешали Пилсудскому. Маршал позже писал в своей книге: «Несколько моих попыток ударить по коннице Буденного с нескольких сторон, чтобы компенсировать превосходство его кавалерии над нашей, обернулись неудачей из-за какой-то фатальной невозможности собрать несколько воинских частей для совместного маневра. Последней такой попыткой до 4 июля были почти комичные события в Ровно, когда 18-я дивизия 6-й армии намеревалась атаковать с юга, а 2-я армия одновременно отступила к северу; наоборот, когда 2-я армия начала наступление и ее 1-я дивизия предприняла ночную атаку на Ровно, 18-я дивизия уже отступала к Дубно»⁷³.

Генерал Смиглый-Рыдз, планируя дальнейшие действия против Буденного, направил командованию 2-й армии приказ от 5 июля 1920 г. в 19.50 (L. dz 1265/III). В нем формулировалась концепция противодействия советской коннице⁷⁴. Речь шла о том, чтобы прикрыть путь на Ковель силами 2-й армии, 3-я армия должна была отступить на Стырь, а 6-я — на Збруч⁷⁵.

⁶⁵ CAW, I. 301.10.141, Pismo Naczelnego Dowództwa WP z 6 VII 1920 г. w sprawie organizacji Grupy Operacyjnej Jazdy.

⁶⁶ J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ulanów krechowieckich...*, s. 331.

⁶⁷ К. Кжехунович в своих публикациях утверждает, что марш состоялся 9 июля 1920 г. *Ułani księcia Józefa...*, s. 142; *Ostatnia kampania konna...*, s. 140.

⁶⁸ A. Przybylski, *Ofensywa na Wilno w kwietniu 1919 r.*, Warszawa 1929, s. 154–155; Н. Е. Какурин и В. А. Меликов, *Воина с белополяками...*, s. 185; М. Wrzosek, *Wojny o granice Polski Odrodzonej...*, s. 290. М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 295.

⁶⁹ М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 295.

⁷⁰ М. Wrzosek, *Wojny o granice Polski Odrodzonej...*, s. 291; Н. Е. Какурин и В. А. Меликов, *Воина с белополяками...*, s. 185.

⁷¹ Ввиду большого разброса сил Буденного польские войска могли разбить советскую конницу по частям. См. М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 296.

⁷² Какурин Н. Е., Меликов В. А., *Воина с белополяками...*, с. 185–186; М. Wrzosek, *Wojny o granice Polski Odrodzonej...*, s. 291.

⁷³ J. Piłsudski, *Rok 1920*, Łódź 1989, s. 44–45.

⁷⁴ L. Wyszczelski, *Wojna polsko-rosyjska 1919–1920*, Warszawa 2010, s. 526.

⁷⁵ М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 293; *Encyklopedia wojskowa...*, s. 280; А. Czubiński, *Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918–1921*, Opole 1993, s. 185; tenże, *Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921*, Toruń 2002, s. 253.

Однако генерал Рашевский не отказался от дальнейших попыток разбить войска Буденного, несмотря на потерю Ровно. В соответствии с его приказом от 6 июля (№ 3493/III) он решил не отводить свои основные силы на Ковель, а направить их в район Александрии и, таким образом, дать 1-й пехотной дивизии легионов принять участие в новой операции, направленной на фланги и тыл войск Буденного в направлении Луцка⁷⁶. Эти действия должна была поддержать 18-я пехотная дивизия, подходившая со стороны Заславля, атакой на Острог⁷⁷.

Однако двигавшаяся на Ровно 1-я пехотная дивизия легионов под Леоновкой столкнулась с 4-й кавалерийской дивизией. В ходе ожесточенного боя она остановила наступление советской конницы. Буденный направил на помощь бригаду 6-й дивизии, а это означало, что бой продолжался. Это задержало прибытие войск 1-й пехотной дивизии легионов на исходные позиции для атаки в районе Александрии 8 июля⁷⁸.

В то время командующий 2-й армии уже знал, что кавалерия Буденного находится в районе Ровно. В связи с этим он поменял свои планы. Он издал очередной приказ (L. dz. 3500/III), в котором определил направление наступления. Оно должно было развиваться на юг, а в качестве основной цели он определил разгром 1-й конной армии, возврат Ровно и восстановление железнодорожного сообщения в северо-западном направлении⁷⁹.

На следующий день, 7 июля, соединения 2-й армии провели перегруппировку сил, а после её завершения начали концентрическое наступление на Ровно. Оно началось утром 8 июля под прикрытием густого тумана⁸⁰. После нескольких часов боя, около 9.00, командующий 2-й армии получил противоречивые сообщения от авиаразведки. Из них следовало, что конница Буденного выдвигается из района Ровно на Луцк через Клевань и Киверцы⁸¹. Командующий 2-й армии, исходя из их истинности, утром 8 июля издал приказ L. dz. 3505/III. Он предписал использование основных сил армии для преследования и направил ее в западном направлении⁸².

⁷⁶ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 294.

⁷⁷ Там же, с. 296.

⁷⁸ Больше о ходе боя под Тучином см.: A. Borkiewicz, *Dzieje 1-go Pułku Piechoty Legjonów...*, s. 665–676. Ср.: L. Wyszczelski, *Kijów 1920*, Warszawa 1999, s. 273.

⁷⁹ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 298.

⁸⁰ Там же, с. 302.

⁸¹ РГВА, Управление 1-й конной армии. Оперативные сводки штабов 4-й, 11-й, 14-й кавдивизий и частей 1-й конной армии (20.05–17.09.1920 г.), ф. 245, оп. 3, д. 413, л. 193–196.

⁸² K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 245.

Согласно новому распоряжению, 1-я пехотная дивизия легионов после прибытия в район Александрии повернула к Клевани через Забороль — Житынь Малый — Шпанов — Золотыев. Её левый фланг прикрывал 11-й уланский полк. Справа от легионеров действовала 6-я пехотная дивизия, от Кустыни через Шпанов — Обарув до Белов и Жуков Старый, а 3-я пехотная дивизия легионов — от Бехеня на Клевань⁸³.

1-я кавалерийская бригада на втором этапе битвы за Ровно, то есть когда она отступила к северу от Горыни, получила от командования 2-й армии новый приказ. Она должна была прикрыть развертывание соединений пехоты, которым предстояло вести контратаку на Ровно. В дополнение к основным задачам она обязана была выяснить намерения противника, поддерживать связь между частями и защищать переправы у Хотина и Александрии, а также контролировать берег Горыни⁸⁴. Все эти задания выходили за рамки её возможностей.

Согласно приказу от 6 июля, изданному в Александрии, 1-я кавалерийская бригада (без 11-го уланского полка) должна была защищать мост через Горынь возле Бехени, вести разведку на Олыку, а также сохранить мост через Стублу, через который шла дорога на Божки.

С началом наступления 2-й армии «1-я кавалерийская бригада в 3 часа утра 8 июля выступает <...> из Бехеня <...> через Караевичи — Карпиловку к Ядвиполю с задачей проведения в указанной местности вышепредписанной разведки и обеспечения западного фланга атакующей армии для последующего наступления и беспокойства неприятеля к западу от Ровно»⁸⁵.

В то время 11-й уланский полк был подчинен непосредственно командованию 2-й армии. После форсирования Горыни в Александрии в 3 часа 30 мин. он достиг района Заборала — Великого Житина для обеспечения наступления 2-й армии с юго-востока, обеспечивая также связь с 18-й пехотной дивизией, которая двигалась от Острога на Ровно⁸⁶.

В полдень 8 июля планы были уточнены в соответствии с данными авиаразведки. В соответствии с новым порядком, «1-я кавалерийская бригада немедленно отправится <...> из Бехеня через Караевичи — Михайловку — Белов в направлении на Олыку, ведя разведку

⁸³ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 303–305.

⁸⁴ *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 170–171.

⁸⁵ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 299; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 241.

⁸⁶ M. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 299–300; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 242–243.

через Клевань по шоссе на Березно — Деражно, от Клевани по шоссе на Луцк через Пересопницу к Долгошее и через Детковичи — мост через Стублу (на юго-восток от Сагыева) на Млынов»⁸⁷. 11-й уланский полк выступил «немедленно через Заборол — Житин Малый — Ровно — Ясеневицы — Кривичи — Пересопницы до деервни Суховец с задачей обеспечения южного фланга 2-й армии»⁸⁸.

Генерал Рашевский также определил дополнительные задачи для 1-й кавалерийской бригады и 6-й пехотной дивизии на случай «оказания 1-й дивизии легионов сильного сопротивления в районе Клевани» — им следовало обеспечить поддержку этого соединения «диверсией с юга в направлении на Гольшев»⁸⁹.

Наступательные действия 2-й армии, начавшиеся утром 8 июля, первоначально были успешны. Они привели к возвращению Ровно и к отступлению советских 4-й и 6-й кавалерийских дивизий к югу от города⁹⁰. Особенно ожесточенные бои велись между Ровно и Александрией⁹¹. Взаимодействовавшие там польские 1-я пехотная дивизия легионов и 6-я пехотная дивизия нанесли тяжелые потери советским 4-й и 6-й кавалерийским дивизиям⁹². Однако советские соединения оказали столь упорное сопротивление, что взятие Ровно полками 1-й пехотной дивизии легионов состоялось только утром 9 июля⁹³. 6-я пехотная дивизия весь день 8 июля провела в боях и на следующий день взяла Шпанов, а 3-я пехотная дивизия, восстановив мост через Горынь в Бехени, днём форсировала Горынь и заняла Рогачев и Городок к северо-западу от Ровно⁹⁴. 1-я кавалерийская бригада после переправы через Горынь в Бехени прикрыла наступление 3-й пехотной дивизии легионов на Ровно, а затем овладела районом Караевичи — Рогачев, где остановилась на ночь⁹⁵.

⁸⁷ М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 303–304; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 244.

⁸⁸ М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 304; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 244.

⁸⁹ М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 304; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 245.

⁹⁰ L. Wyszczelski, *Kijów...*, s. 273.

⁹¹ Подробнее о боях под Ровно и Заборолом см.: A. Borkiewicz, *Dzieje 1-go Pułku Piechoty Legionów...*, s. 676–688; М. Biernacki, *Bitwa...*, s. 305–309; J. Odziemkowski, *Leksykon bitew polskich 1914–1921*, Pruszków 1998, s. 128–129.

⁹² K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 246.

⁹³ Какурин Н. Е., Меликов В. А., *Воина с белополяками 1920 г.*, М., 1925, с. 189.

⁹⁴ М. Biernacki, *Bitwa pod Równem...*, s. 306.

⁹⁵ Там же, с. 306.

Вечером 9 июля генерал Рашевский направил 1-ю пехотную в район Колки для приоединения к 3-й армии, а свои соединения — на Луцк (6-я пехотная дивизия) и Рожище (3-я пехотная дивизия легионов). В резерве командир 2-й армии оставил 12-й пехотный полк, усиленный 11-м уланским⁹⁶.

Рано утром 9 июля 1-я кавалерийская бригада начала движение на Луцк. Являясь головным соединением 2-й армии, она двигалась через Карпиловку — Ядвиполь на Кривицы и Белев. 2-й эскадрон 7-го уланского полка, составлявший боевое охранение бригады, в Клевани наткнулся на небольшое конное подразделение противника и решительно выбил его из этой местности. В этом бою отличился командир патруля капрал Ян Русиновский. Своим личным примером он поощрял подчиненных уланов к энергичным действиям. Пока продолжалась схватка в Клевани, остальные силы 7-го уланского полка имели две небольшие стычки около Белева и Олыки. Обе завершились успешно для поляков⁹⁷.

1-я кавалерийская бригада продвинулась далеко вперед. 10 июля 7-й уланский полк занял Гнидово, расположенное на окраине Луцка на западной стороне Стыря, а на следующий день, 11 июля, он дошел до Рожищ, где занял мосты. 1-й легкоконный полк вместе с командованием бригады достиг района Воротнёва и Ставка, а 12 июля прикрыл дальнейшие действия частей 6-й пехотной дивизии⁹⁸.

В Луцке 11 июля 1920 г. была установлена тактическая связь между подразделениями 2-й армии и импровизированной 4-й кавалерийской бригадой⁹⁹. В состав этой бригады под командованием полковника. Плисовского вошли эскадроны 1-го, 5-го, 8-го, 9-го и 16-го уланских полков, а также взводы 5-го и 7-го эскадронов конной артиллерии¹⁰⁰.

⁹⁶ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, szkice nr 7 i 8; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 248.

⁹⁷ *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 172.

⁹⁸ Там же, с. 173.

⁹⁹ В ранние утренние часы командир патруля лейтенант Корнель Кжехунувич встретился с генералом Рашевским, который, приняв рапорт, попросил храбрейшего командира эскадрона: «Пожалуйста, на этих холмах [показывает мне южный горизонт] растяните завесу патрулей, чтобы наша пехота [польская — WN] увидела, что, наконец, у неё есть защита от конницы Буденного». См. K. Krzeczunowicz, *Ostatnia kampania konna...*, s. 142; J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich...*, s. 332.

¹⁰⁰ J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich...*, s. 332. Например, в состав сборного эскадрона 1-го уланского полка входили четыре взвода по 30 сабель каждый и четыре пулемёта — 2 на станках и 2 на тачанках. См.: Там же, с. 332.

11 июля командующий Польской армией маршал Пилсудский прибыл в район операции 2-й армии под Луцк. Рапорт об операциях армии представил ему генерал Рашевский в присутствии генерала Савицкого¹⁰¹.

Оперативные предположения относительно дальнейших действий советских войск в районах Волыни и Подолья были оформлены приказом, вытекающим из директивы № 542, выпущенной Егоровым 11 июля 1920 г. Эта директива предусматривала наступление 14-й армии на Львов и Тарнов, 1-й конной армии — на Луцк, Владимир-Волынский и Холм, а 12-й армии — на Ковель и Брест-Литовск. Согласно полученным предписаниям, войска Юго-Западного фронта до 24 июля должны были выйти на линию: Львов — Грудек-Ягеллонский — Рава-Русская (14-я армия) — Замостье — Красновосток — Холм (конница Буденного) — Ковель (12-я армия)¹⁰².

Буденный, исполняя вышеизложенные распоряжения руководства, сосредоточил свои силы таким образом, что 6-я кавалерийская дивизия действовала к востоку от Луцка, 14-я дивизия — в Тарговице, 4-я дивизия к югу от Берестечка, а 11-я кавалерийская дивизия сражалась на Икве с 18-й пехотной дивизией генерала Франтишека Крайовского¹⁰³.

Основываясь на опыте, полученном польскими войсками во время предыдущих боев с кавалерией Буденного, генерал Смиглый-Рыдз отказался от используемого до тех пор метода «кордонной обороны», основанного главным образом на системе «узлов обороны». Вместо этого он решил вести активную оборону. Поэтому он приступил к созданию сильных укрепленных районов, способных к самостоятельным действиям до подхода резервов. В связи с этим он издал приказ L. dz. 3588/III от 14 июля¹⁰⁴. В нем он приказал создать в полосе дей-

ствий 2-й армии укрепрайон в Рошицах, используя силы 3-й пехотной дивизии легионов, а также в Луцке, укомплектовав некоторыми подразделениями 6-й пехотной дивизии¹⁰⁵. Такие рекомендации были дополнены следующим приказом L. dz. 3661/III от 16 июля. Генерал Смиглый-Рыдз обратил внимание, что следует помнить о необходимости выдвижения частей перед фронтом укрепрайона. Кроме того, необходимо было создать ударные группы для атак на пункты концентрации противника¹⁰⁶.

В новой концепции деятельности войск Юго-Восточного фронта существенную роль должна была играть кавалерия. В районе Замостья происходила реорганизация конных формирований. Для взаимодействия с частями пехоты, сражавшимися на линии Стыри, были предназначены импровизированные конные эскадроны¹⁰⁷.

После перегруппировки подразделений на линии Стыри 2-я армия начала операции из района Луцк и Рожищи в направлении Ровно и Дубно. Она также должна была защищать железнодорожную линию Рожищи — Ковель и дороги, ведущие в сторону польской границы¹⁰⁸. Кроме того, генерал Рашевский расширил участки обороны 3-й и 6-й пехотных дивизий, а кавалерийским бригадам поручил прикрыть обоим флангам армии¹⁰⁹. 1-я кавалерийская бригада должна была прикрывать левый фланг 3-й пехотной дивизии легионов от Стыри до Навоза и южного фланга 1-й пехотной дивизии легионов, которая входила в состав 3-й армии¹¹⁰. Импровизированная 4-я кавалерийская бригада должна была «занять на восточном берегу Стыри участок сел Крупы и Малые Подгайцы и обеспечивать при помощи патрулей и разведывательных групп <...> участок Стыри и Иквы к югу до Млынова включительно»¹¹¹.

13 июля генерал Смиглый-Рыдз получил известие, что 18-я пехотная дивизия выбила часть сил Буденного (11-ю кавалерийскую дивизию) из Дубно¹¹². В связи с этим он приказал командующему

¹⁰¹ Приведём фрагмент разговора маршала Пилсудского с генералом Рашевским. «Я рад видеть вас, где армия?» Я ответил, что догнал армию, и войска идут на Стырь. Маршал спросил: «Потери велики?» «Нет, — ответил я — относительно невелики». Из: K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 250. Следует полагать, что главной темой переговоров этих высокопоставленных командиров был вопрос о реорганизации оперативной группы вождения, а также о ситуации в литовско-белорусских областях после наступления Тухачевского.

¹⁰² Директива Егорова № 542 от 11 VII 1920 г. [в:] *Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922)*, Т. 3, Москва 1974, с. 213 и далее.

¹⁰³ M. Wrzosek, *Wojny o granice Polski Odrodzonej...*, s. 292–293.

¹⁰⁴ 10 июля 1920 года Украинский фронт был переименован в Юго-Восточный фронт. См. *Bitwa lwowska 25 VII–18 X 1920. Dokumenty operacyjne*, cz. I (25 VII–5 VIII), pod red. M. Tarczyńskiego, Warszawa 2002, s. 29–30; M. Klimecki, *Działania bojowe na Froncie Południowym* [w:] *Rok 1920. Z perspektywy osiemdziesięciolecia*, Warszawa 2001, s. 55.

¹⁰⁵ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 74–75.

¹⁰⁶ Там же, с. 75–76.

¹⁰⁷ K. Krzeczunowicz, *Ostatnia kampania konna...*, s. 140–141.

¹⁰⁸ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 73–74 (rozkaz operacyjny dowództwa Frontu Południowo-Wschodniego L. dz. 3526/III z 11 VII 1920 r.).

¹⁰⁹ K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 251.

¹¹⁰ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 74.

¹¹¹ Там же, s. 74; J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich...*, s. 332; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 251.

¹¹² В этом сражении важную роль сыграл 6-й уланский полк, который отбил деревню Хорпань. Задача этого полка состояла в том, чтобы прикрывать левое крыло 18-й пехот-

3-й армии немедленно выдвинуть 6-ю пехотную дивизию и 1-ю кавалерийскую бригаду с занятых позиций, и в то же время он приказал, чтобы части генерала Рашевского, сменившие на позициях указанные соединения, также присоединились к наступательной операции на Млынов. Однако 157-й резервный опоздал на смену 6-й пехотной дивизии. Это произошло только 15 июля. 6-я пехотная дивизия двинулась по маршруту Луцк — Дубно, а 16 июля заняла Дорогостай. Однако она не смогла взять Млынов и вернулась к Луцку. Она расположилась вместе с 1-й кавалерийской бригадой в районе Рыканы — Мстишин — Пулганов¹¹³.

1-я кавалерийская бригада должна была взаимодействовать с 6-й пехотной дивизией, обеспечивая её движение на восток по линии Лыще — Клечаны, после чего обеспечивать её дальнейшее продвижение на Млынов по оси Залавье — Пьяное — Московщина¹¹⁴. Когда 1-й легкоконный полк вышел на перекресток с дорогой до Дорогостая, он был встречен артиллерийским огнем из района Воротнёва¹¹⁵. Вскоре появилась сильная колонна советской кавалерии, которая атаковала поляков. Чтобы задержать атакующего противника, командир полка немедленно направил вперед 1-й эскадрон, который должен был дать возможность оставшимся силам подразделения уйти за холмы. Там, укрытые от артиллерийского огня, войска могли подготовиться к контратаке.

Позади холма подразделения полка перестроились. На правом фланге встал технический эскадрон с приданным полковым орудием, находившимся под командой подпоручика Ковальчевского, в центре 2-й эскадрон, а левый фланг занял пулеметный эскадрон, готовый открыть огонь по красной кавалерии, теснящей 1-й эскадрон. Однако огонь пулеметов и орудия был недостаточно эффективным из-за численного превосходства большевиков, и войскам пришлось использовать холодное оружие. Противник полагал, что имеет дело только с такими скромными польскими силами, как эскадрон прикрытия. Он рассчитывал на легкий успех. Поэтому большевики были очень удивлены, когда внезапно множество кавалеристов с криком «Ура!» обрушилось на них из-за холма. Это вызвало паническое бегство казаков. Эскадрон прикрытия присоединился к контратаке сил полка, и командир бригады также бросил в бой 4-й эскадрон, что и предопределило

ной дивизии, которая атаковала Дубно. См. H. Kiszko-Zgierski, *Zarys historii wojennej 6-go Pułku Ułanów Kaniowskich*, Warszawa 1930, s. 18.

¹¹³ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 93.

¹¹⁴ *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 173.

¹¹⁵ J. Karcz i W. Kryński, *Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów...*, s. 69.

её успешный исход. Победа поляков могла стать более значительной, однако сгущающаяся темнота и болота в долине реки, протекающей под Воротнёвым, вынудили прекратить сражение¹¹⁶.

Командир 1-й кавалерийской бригады имел подробную информацию о местонахождении противника. Поэтому он намеревался нанести удар 16 июля своими главными силами из Пьяного на юго-восток. 2-й эскадрон 1-го легкоконного полка ранее направился из Дорогостая Великих на Выдумки, чтобы охватить фланг советской конницы с запада¹¹⁷.

После ночного отдыха с 15 по 16 июля в районе Свищев, Острожец и Пьяное 1-й легкоконный полк с 1-м конно-артиллерийским дивизионом на рассвете выступил на Московщину. На окраине этого села поляки развернулись в стрелковую цепь. Начался бой, но вскоре из штаба бригады пришёл приказ прекратить бой, так как 1-й легкоконный полк должен был двигаться на Брищи. Выполняя приказ, полк начал под огнём противника выходить из боя. Его преследовали атаки казаков, ружейный и артиллерийский огонь, и ему пришлось неоднократно переходить в контратаки¹¹⁸.

В то время, когда 1-й легкоконный полк уже добрался до Брищей, начали появляться тяжелые последствия неудачных боев 6-й пехотной дивизии с советской 14-й кавалерийской дивизией в районе Дорогостая Великих¹¹⁹. Из доступных материалов можно сделать предположение, что в этом был виноват полковник Бжоза-Бжезина, принявший необоснованное решение отвести свои силы за Стырь¹²⁰. В отступлении 6-й пехотной дивизии в район Луцк — Полонки — Пулганов для прикрытия войск с флангов и с тыла был назначен 1-й легкоконный полк, а 7-й уланский защищал обозы этого пехотного соединения¹²¹.

¹¹⁶ Подробнее о бое под Воротнёвым см.: Там же, s. 69–70; *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 173–174.

¹¹⁷ K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 252 (szkic nr 26).

¹¹⁸ J. Karcz i W. Kryński, *Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów...*, s. 70.

¹¹⁹ РГВА, Управление 1-й конной армии. Оперативные сводки штабов 4-й, 11-й, 14-й кавдивизий и частей 1-й конной армии (20.05–17.09.1920 г.), ф. 245, оп. 3, д. 413, л. 247–250.

¹²⁰ Генерал Рашевский очень критично оценил поведение командира 6-й пехотной дивизии при наступлении на Млынов: «То, что сражение не увенчалось успехом, должно быть отнесено на счет действий низшего руководства командующего 6-й дивизией полковника Бжоза-Бжезины. Он действовал нерешительно с самого начала, без четкой идеи и плана действий. Влияние командира было минимальным, так как начало боя почти не было [...]». См.: K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 259. *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 174.

¹²¹ *Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich...*, s. 174–177; J. Karcz i W. Kryński, *Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów...*, s. 71.

В связи с тем, что наступление на Млынов не увенчалось успехом, командующий Юго-Восточного фронта уточнил задачи 2-й армии¹²². Он приказал генералу Рашевскому укрепить силы «на правом фланге своего участка до Млынова включительно, где должен был быть организован укрепленный оборонительный пункт»¹²³. В связи тем, что полковник Бжоза-Бжезина, командующий 6-й пехотной дивизией, не справился с предыдущей боевой задачей, командующий 2-й армией приказал повторить наступление с участием 3-й пехотной дивизии легионов и 1-й кавалерийской бригады совместно с силами 3-й и 4-й кавалерийских бригад. Эти изменения сопровождалась перегруппировкой. 3-я пехотная дивизия легионов должна была принять участок от Млынова до Тарговицы включительно, 1-я кавалерийская бригада должна была обеспечить связь между 3-й и 6-й пехотными дивизиями. 4-я кавалерийская бригада должна была, действуя впереди 3-й пехотной дивизии легионов, занять Млынов. 3-я кавалерийская бригада составляла резерв командующего армией в Берестечке и Острове¹²⁴.

В ночь с 17 на 18 июля генерал Рашевский получил донесение от командира 3-й кавалерийской бригады. Он был проинформирован о том, что «сильная колонна кавалерии противника идет с севера на Вербу, более слабые силы занимают Плащовку, более крупные силы — Остров <...>, а также сообщение командующего 6-й армией, что 18-я пехотная дивизия, стоящая у Хорупаня, получила приказ установить связь с 3-й пехотой легионов под Бокуймой».

На основе этой информации командующий 2-й армии отменил последний приказ и распорядился, чтобы 3-я пехотная дивизия легионов выполнила бы «наступление через Тарговицу и Бокуйму на Млынов с тем, чтобы это селение было безусловно занято 19 июля. Два конных соединения (3-я и 4-я кавалерийские бригады) получили приказ осуществить разведку для выяснения движений неприятеля и помочь наступлению на Млынов, прикрыв правый фланг армии, а 1-я кавалерийская бригада — приказ двигаться через Малые Рыканы, Суховолу, Красное, Бокуйму для установления связи между 3-й и 18-й пехотными дивизиями (приказ оп. № 3751/III а)¹²⁵.

Выполняя приказ, 3-я пехотная дивизия легионов 19 июля вечером, после ожесточенной битвы, достигла вместе с 4-й кавалерийской бригадой линии Тарговица — Перекале. Однако на следующий день

под натиском сил Буденного она отступила к линии Стыря между Тарговицей и Грынками, оставаясь там до вечера 21 июля¹²⁶.

В Радомышле 19 июля сосредоточились 4-я и 1-я кавалерийские бригады. 1-я кавалерийская бригада включала 1-й легкоконный и 7-й уланский полки¹²⁷. Там отсутствовала 3-я кавалерийская бригада, из-за чего наступление 4-й бригады на советскую кавалерию, когда она прорвалась через Млынов на Остров, было невозможно. Наконец, 3-я кавалерийская бригада контролировала линию Стыря от Щуровиц до Хрыников¹²⁸, а 1-я кавалерийская бригада от Тарговицы на север до Новославов¹²⁹.

Командующий 2-й армией, узнав, что в результате перегруппировки сил подразделения полковника Густава Орлич-Дрешера приблизились к линии фронта, он приказал создать тактическую группу, в которую вошли 7-й пехотный полк с артиллерией и 4-я кавалерийская бригада. Группа под командованием генерала Мечислава Линде¹³⁰ должна была наступать из Демидовки через Волковыю в направлении шоссе Остров — Кременец и при поддержке 4-й кавбригады полковника Дрешера атаковать Берестечко и отрезать путь отхода тем войскам Буденного, которые переправились на западный берег Стыри¹³¹. В этих оперативных планах генерал Рашевский руководствовался желанием установить тактическое взаимодействие с 18-й пехотной дивизией¹³².

¹²⁶ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 113–128.

¹²⁷ K. Krzeczunowicz, *Ostatnia kampania konna...*, s. 156.

¹²⁸ САУ, I. 314.1.3, Полковник Руммель подал 22 VII 1920 г. донесение № 225/оп командованию оперативной кавгруппы о том, что 3-я кавбригада под командованием полковника Николая Вараксевича сражалась в районе Берестечка без тылового обеспечения. Боевой состав бригады — 38 офицеров и 555 сабель. Командующий 1-й кавдивизии просил снять эту бригаду с фронта и направить на Замостье, а затем после пополнения вместе с 6-й кавбригадой присоединить к силам полковника Руммеля, s. 21.

¹²⁹ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 112–113; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 261.

¹³⁰ После неудачи верховного главнокомандующего Польской армией в операции на Млынов по просьбе генерала Рашевского полковник Бжоза-Бжезина был снят с должности командира 6-й пехотной дивизии, а на его место назначен 19 июля генерал Мечислав Линде. См. P. Stawecki, *Słownik biograficzny generalów Wojska Polskiego 1918–1939*, Warszawa 1994, s. 196–197; T. Kryśka-Karski, S. Żurakowski, *Generałowie Polski Niepodległej*, Warszawa 1991.

¹³¹ T. Machalski, *Ostatnia epopeja...*, s. 117–118; P. Olstowski, *General Gustaw Orlich-Dreszer (1889–1936). Dowódca wojskowy i działacz społeczno-polityczny*, Toruń 2002, s. 135.

¹³² *Bitwa lwowska...*, s. 116; F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 128–130. Больше на тему наступления группы Линде с 21 до 24 июля (рис. № 28), см. K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 265–267.

¹²² Rozkaz operacyjny dowództwa Frontu Południowo-Wschodniego L. dz. 3688/III z 17 VII 1920 г.

¹²³ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 112.

¹²⁴ Там же, с. 112.

¹²⁵ Там же, с. 112; K. Raszewski, *Wspomnienia z własnych przeżyć...*, s. 259–261.

Эта группа после пересечения Стыри 22 июля и занятия шоссе от Глубокой Долины до Демидовки была, однако, вынуждена была вечером отступить перед сильным отрядом советской конницы. В то время 3-я кавалерийская бригада охраняла линию Стыри и сообщала о сильных атаках противника на своем правом фланге, то есть от Станиславка до Радзехова и от Мервы на западе. Это происходило в районе переправ. В ночь с 22 на 23 июля 1920 г. основные силы Буденного (4-я, 6-я и 14-я кавалерийские дивизии) пересекли Стырь под Мервой и Берестечком¹³³. Этот факт был подтвержден летчиком, который во время разведывательного полета 23 июля около 8.40 видел колонну советской конницы, идущую от Берестечка к Дзиковины-Пулханам, и движение обозов на дороге от Плашево до Берестечка, а также в окрестностях последней. В связи с этим 3-я кавбригада отступила на линию рек Липы и Безымянной вместе с остальными эскадронами 4-й кавалерийской бригады, а затем заняла оборону на участке от Липы до Елизарова¹³⁴.

Генерал Рашевский приказал генералу Линде сконцентрировать свою тактическую группу в районе Липы и наступать на Берестечко и Смолаву в ночь с 23 на 24 июля¹³⁵. Перед началом операции генерал Линде разделил свои силы на две группы. Первая, в состав которой вошли два батальона 7-го пехотного полка и эскадрон 5-го уланского полка, должна была взять Берестечко. Вторая группа состояла из 3-го батальона 7-го пехотного полка и двух эскадронов 1-го и 9-го уланских полков, и его задача состояла в том, чтобы занять деревню Смолаву до подхода 4-й кавалерийской бригады под командованием полковника Орлича-Дрешера¹³⁶.

После форсирования Липы вторая группа двигалась таким образом, что сводный эскадрон 9-го уланского полка шёл в авангарде, затем двигался пехотный батальон, а в качестве арьергарда — эскадрон 1-го уланского полка. После менее чем двух часов марша голова колонны на краю деревни Смолава встретила сторожевую заставу противника с пулеметом. Командир авангардного взвода подпоручик Стефан Островский застал казаков врасплох. Он захватил нескольких в плен, а остальные бежали под прикрытием темноты. В деревню начали прибывать первые уланы 9-го полка. Им удалось выследить и вырезать дюжину большевиков. За ними, обогнав пехоту, вошли уланы

1-го уланского полка, вызвавшего панику у противника, вынужденного стрелять вслепую. Большевики, не ожидавшие нападения, в панике бежали. Они оставили лошадей, кухни, телеги с боеприпасами и снаряжением. Однако в конце деревни советская кавалерия оказала сопротивление. Они стреляли из-за углов хат и заборов. Из показаний пленных выяснилось, что в Смолаве бригада наткнулась на бригаду с артиллерией из состава 4-й кавалерийской дивизии¹³⁷.

Командир польского пехотного батальона понял, что имеет дело с сильным противником. Однако он надеялся, что скоро придут на подмогу колонны Орлича-Дрешера. Поэтому он организовал оборону занятой деревни. Пехота заняла позиции с юга и запада, а конные подразделения — с севера. Он также поджег стоящий рядом амбар. Это решение оказалось ошибочным, поскольку оно способствовало артиллерийскому обстрелу противником. Впрочем, он был не очень эффективен и не навредил польской стороне. Утром ситуация осложнилась. Большевики собрали большие силы и атаковали Смолаву. Польские кавалеристы спешились и отбили нападения вместе с пехотой. Дошло даже до штыковой атаки¹³⁸.

11-й уланский полк также оказался в сложной ситуации. Его выбили из Зелёной и оттеснили к реке Липа в направлении Новоставки, после чего он отступил за разрушенную речную переправу, понеся тяжелые потери¹³⁹.

24 июля около 9 часов пришло известие о том, что новая 4-я кавалерийская бригада придет с опозданием. Также пришла информация о том, что первая группа выбита из Берестечка. В этой ситуации командир пехотного батальона решил вывести свои войска в направлении деревни Липа¹⁴⁰. Отступление подразделений было организовано таким образом, что пехотный батальон первым отошел под прикрытием спешившихся эскадронов. Конница отступила в смешанном (конном и пешем) строю, используя для прикрытия пулеметы на тачанках. Отход был проведен в соответствии с тактическими принципами военного искусства¹⁴¹.

В связи с тем, что 4-я кавалерийская бригада полковника Орлича-Дрешера (а точнее, его передовые отряды — 8-й уланский полк) прибыла 24 июля в район Берестечка днем, то есть с опозданием,

¹³³ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 129; С. М. Буденный, *Пройденный путь...*, s. 223.

¹³⁴ F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 129.

¹³⁵ Там же, s. 129–130.

¹³⁶ CAW, I. 400.706, T. Plesner, *Epizod bojowy z własnych doświadczeń wojennych*.

¹³⁷ CAW, I. 400.1706, Boniecki, *Epizod bojowy z własnych doświadczeń wojennych* s. 7–8; *Bitwa lwowska...*, s. 115; F. A. Arciszewski, *Studja taktyczne...*, s. 130.

¹³⁸ *Bitwalwowska...*, s. 115.

¹³⁹ CAW, I. 400.1706, s. 8; Boniecki, *Epizod bojowy z własnych doświadczeń wojennych*.

¹⁴⁰ Там же, с. 8.

¹⁴¹ Там же, с. 8–9.

группа генерала Линде была вынуждена отступить на исходную позицию, потому что у противника было численное превосходство.

Намерение командующего 2-й армии, планировавшего уничтожить части конницы Буденного, которые пересекли западный берег Стыри, не осуществилось¹⁴². Однако, по-видимому, частично оно было реализовано, поскольку бригада советской 4-й кавалерийской дивизии понесла серьезные потери во время ночной атаки 3-го батальона 7-го пехотного полка при поддержке эскадронов 1-го и 9-го уланских полков¹⁴³.

Заключение

В июне и июле 1920 г. кавалерия Буденного провела успешные операции на просторах Украины и на Волыни в битвах с польской армией и двинулась на запад — в сторону Львова. Эти действия привели к тому, что Верховное командование Польской армии приняло решение о реорганизации польской кавалерии в районе Замостья и Хрубешова. Была сформирована Кавалерийская оперативная группа, насчитывавшая около 7000 кавалеристов, ставшая важным подкреплением для 2-й армии генерала Рашевского.

В конце июля и в начале августа 1920 г. в районе Бродов произошли ожесточенные бои. Первоначально эта битва имела благоприятный ход для польских войск. Однако обе стороны понесли серьезные потери и прекратили наступление на несколько дней, а падение Бреста вызвало отступление польской армии на линии Буга. После битвы при Бродах Буденный под давлением Сталина не подчинился приказам Тучачевского и безуспешно штурмовал Львов и Замостье. Затем он был разбит польской 1-й кавалерийской дивизией полковника Юлиуса Руммеля около Комарова 31 августа 1920 г., а затем, понеся тяжелые потери, отступил в района Бердичева 26 сентября 1920 г.

Список литературы

Буденный С. М., *Пройденный путь*, т. 2, М., 1965.

Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922), т. 3, М., 1974.

¹⁴² САУ, I. 400.1706, Донесение подпоручика. Бонецкого, несомненно, является ценным историческим источником. Тогдашний командир 3-го взвода 3-го эскадрона 1-го уланского полку, написав 22 января 1923 г. донесение о бое в районе Смолыявы, не избежал ошибок. Он указал среди прочего, что 4-я кавбригада заняла Берестечко уже 21 VII 1920 г. в 5 часов. Как известно, это событие произошло во второй половине дня 24 VII 1920 г., с. 9.; К. Krzeczunowicz, *Ułani księcia Józefa...*, s. 146–147.

¹⁴³ *Bitwa lwowska...*, s. 115.

Макурин Н. Е. и Меликов В. А., *Война с белополяками 1920 г.*, М., 1925.

Arciszewski F. A., *Studja taktyczne z historii wojen polskich 1918–21*, t. 2, Ostróg — Dubno — Brody. *Walki 18 Dywizji Piechoty z konną armją Budiennego (1 lipca-6 sierpnia 1920)*, Warszawa 1923.

Biernacki M., *Bitwa pod Równem (I)*. (2. VII. — 9. VII. 1920), «Bellona» 1925, t. 18, z. 2.

Biernacki M., *Bitwa pod Równem*, cz. 2, «Bellona» t. 18, z. 3, 1925.

Bitwa lwowska 25 VII-18 X 1920. Dokumenty operacyjne, cz. 1 (25 VII-5 VIII), pod red. M. Tarczyńskiego, Warszawa 2002.

Bogusz E., *Wyjście z «kotła» pod Równem*, «Przegląd Kawalerii i Broni Pancерnej» t. 16, nr 120, 1985.

Borkiewicz A., *Dzieje 1-go Pułku Piechoty Legionów (1918–1920)*, Warszawa 1929.

Czubiński A., *Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918–1921*, Opole 1993.

Czubiński A., *Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921*, Toruń 2002.

Encyklopedia wojskowa, red. O. Laskowski, t. 7, Warszawa 1939.

Karcz J. i Kryński W., *Zarys historii wojennej 1-go Pułku Szwoleżerów Józefa Piłsudskiego*, Warszawa 1931.

Kiszko-Zgierski H., *Zarys historii wojennej 6-go Pułku Ułanów Kaniowskich*, Warszawa 1930.

Klimecki M., *Działania bojowe na Froncie Południowym [w:] Rok 1920. Z perspektywy osiemdziesięciolecia*, Warszawa 2001.

Krzeczunowicz K., *Ułani księcia Józefa. Historia 8 Pułku Ułanów ks. Józefa Poniatowskiego 1784–1945*, Londyn 1960.

Krzeczunowicz K., *Ostatnia kampania konna. Działania jazdy polskiej przeciw Armii Konnej Budiennego w 1920 roku*, Londyn 1971.

Kryszka-Karski T., Żurkowski S., *Generalowie Polski Niepodległej*, Warszawa 1991.

Księga dziejów 7 Pułku Ułanów Lubelskich im. Generała Kazimierza Sosnkowskiego, pod red. J. Smoleńskiego i M. W. Żebrowskiego, Londyn 1969.

Litewski J. i Dziewanowski W., *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowieckich*, Warszawa 1932.

Machalski T., *Ostatnia epopeja. Działania kawalerii w 1920 roku*, Londyn 1969.

Nowak W. Ślipiec J., *Polsko-ukraińskie walki z Armią Czerwoną w 1920 roku na Zamojszczyźnie*, «Przegląd Historyczno-Wojskowy» t. 5 (56), nr 2 (202), 2004.

Nowiński T., *Zarys historii wojennej 5-go Pułku Ułanów Zasławskich*, Warszawa 1929.

Odziemkowski J., *Leksykon bitew polskich 1914–1921*, Pruszków 1998.

Odziemkowski J., *Piechota polska w wojnie z Rosją bolszewicką 1919–1920*, Warszawa 2010.

Olstowski P., *Generał Gustaw Orlicz-Dreszer (1889–1936). Dowódca wojskowy i działacz społeczno-polityczny*, Toruń 2002.

Plotnicki W., *Zarys historii wojennej 5-go dywizjonu artylerji konnej*, Warszawa 1929.

Przybylski A., *Ofensywa na Wilno w kwietniu 1919 r.*, Warszawa 1929.

Raszewski K., *Wspomnienia z własnych przeżyć do końca roku 1920*, Poznań [s. a.].

Smoliński A., *Zarys dziejów 1 Armii Konnej (1919–1923)*, Grajewo 2003.

Smoliński A., *1 Armia Konna podczas walk na polskim teatrze działań wojennych w 1920 roku. Organizacja, uzbrojenie, wyposażenie oraz wartość bojowa*, Toruń 2008.

Smoliński A., *O «czerwoną Rosję», «czerwoną Europę» i «czerwoną Europę» świat. Studia o potencjale militarnym Sowietów w latach 1918–1941*, Toruń 2015.

Stawecki P., *Słownik biograficzny generałów Wojska Polskiego 1918–1939*, Warszawa 1994.

Turkiewicz J., *Zarys historii wojennej 12-go Pułku Ułanów Podolskich*, Warszawa 1928.

Ułani podolscy. Dzieje Pułku Ułanów Podolskich 1809–1947, Wrocław — Warszawa — Kraków 1991.

Wrzosek M., *Wojny o granice Polski Odrodzonej 1918–1921*, Warszawa 1992.

Wyszczelski L., *Kijów 1920*, Warszawa 1999.

Wyszczelski L., *Wojna polsko-rosyjska 1919–1920*, Warszawa 2010.

Włodzimierz NOWAK

Adiunkt w Zakładzie Historii Bezpieczeństwa, Instytut Nauk Społecznych i Bezpieczeństwa, Wydział Humanistyczny, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach (Siedlce, Polska)

E-mail: wlodzimierz.nowak@vp.pl

Battles of Polish troops of General E. Smigly-Rydz against 1st Cavalry Army of S. Budenny in July, 1920

The article analyzes the heavy fighting of the Polish troops of the Ukrainian front against the Soviet 1st Cavalry Army in July 1920. The author restores operational plans of the Polish command and the course of military operations for days, and even in hours.

Keywords: Polish Army, Red Army, Soviet-Polish war, 1st Cavalry Army, Ukrainian front, Ukraine, S. M. Budenny, E. Smigly-Rydz.

УДК 94 (47).084

ББК 63.3 (2) 6

Любовь Николаевна ЛИСЕНКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: lunili@yandex.ru

П. Н. МИЛЮКОВ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

П. Н. Милюков, трезво и реалистически мыслящий политик, одним из первых в эмиграции порвал с идеологией «белой борьбы» и признал невозможным свержение большевиков вооруженным путем. В своих статьях и выступлениях перед эмигрантской публикой, в фундаментальном двухтомном исследовании «Россия на переломе: Большевицкий период русской революции» историк П. Н. Милюков анализировал причины поражения белого движения. В разработанной им «новой тактике» ставка делалась не на военную интервенцию, а на внутреннюю эволюцию советского общества в сторону демократии.

Ключевые слова: Гражданская война, белое движение, причины поражения антибольшевистского движения, П. Н. Милюков, Республиканско-демократическое объединение.

Лидер кадетской партии П. Н. Милюков одним из первых в эмиграции порвал с идеологией «белой борьбы» и признал невозможным свержение большевиков вооруженным путем. «Я не знаю, — обращался он к соотечественникам, — вернетесь ли вы когда-либо на родину или уже никогда не вернетесь. Но я знаю, если вы вернетесь, то вы никогда этого не сделаете на белом коне»¹.

В мае 1920 г. возглавляемая П. Н. Милюковым парижская группа Партии народной свободы приняла резолюцию, в которой поражение вооруженных сил Юга России под командованием генерала А. И. Деникина объяснялось не только военными ошибками, но, прежде всего, роковыми политическими просчетами. Они состояли в следующем:

— попытка перерешить аграрный вопрос в интересах помещиков оттолкнула крестьянство;

— возвращение старого состава и старых злоупотреблений военно-чиновной бюрократии оттолкнуло остальные элементы местного населения и, в особенности, интеллигенцию;

¹ Мейснер Д. И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С. 138.

— узко-националистические традиции в решении национальных вопросов оттолкнули борющиеся с большевизмом окраинные народности; — преобладание военных интересов помешало восстановить правильное течение экономической жизни².

Но и новый главнокомандующий Русской армии генерал П. Н. Врангель не сумел исправить ошибки своих предшественников. Провозглашенная его правительством «левая политика правыми руками», по мнению П. Н. Милюкова, «попросту превратилась в правую политику определенно партийного и классового характера, которая и должна была привести к прежним последствиям»³.

Политик и историк П. Н. Милюков, подводя итоги белого движения, говорил: «На прошлое я смотрю как на ошибку, но как и на опыт. Повторение и продолжение его невозможно. Цикл закончился сам по себе. Борьба с большевизмом отныне не укладывается в нашу прежнюю схему»⁴. В декабре 1920 г. парижская группа кадетов одобрила доклад П. Н. Милюкова «Что делать после крымской катастрофы?», в котором излагались основы «новой тактики»: признание республики, а не монархии как формы правления, федеративное устройство государства, решение аграрного вопроса в интересах крестьян⁵. Убежденный в бесперспективности вооруженной борьбы с большевиками кадетский лидер делал ставку на внутреннюю эволюцию советского общества в сторону демократии.

В октябре — декабре 1923 г. «новая тактика» П. Н. Милюкова стала платформой объединения левых кадетов и правозсеровской организации «Крестьянская Россия» в Республиканско-демократический блок. В июне 1924 г. произошло учреждение Республиканско-демократического объединения⁶.

3 августа 1924 г. в Париже П. Н. Милюков выступил с докладом «О белом движении». Интерес к этому выступлению был огромен. Газета «Последние новости» сообщала: «В большом зале Географического общества многочисленные слушатели еще задолго до начала доклада заполнили все места и проходы. Перед входными дверями на улице собравшаяся толпа тщетно пыталась проникнуть в до отказа переполнен-

ный зал. Значительную часть публики составили бывшие участники белого движения, в том числе большая группа «галлиполийцев»⁷.

П. Н. Милюков предпослал своему докладу краткое введение, в котором отметил, что «к белому движению возможен двоякий подход: с точки зрения внутренних переживаний и с точки зрения исторического явления»⁸.

С точки зрения внутренних переживаний движение «канонизировано» его теоретиками И. А. Ильиным, Н. Н. Львовым и В. Х. Даватцем. Докладчик указал и на мотивы такой «канонизации» — засвидетельствованные белым движением «а) верность дисциплине, долгу, морали, религии, идеи государственности, б) верность идеальным началам прошлого, вылившаяся в защиту монархического принципа и определенной формы православия и в) верность союзникам». При этом П. Н. Милюков говорил о постоянных и временных элементах этих мотивов. И если вечные элементы, такие как чувство долга, морали, права, государственности объединяли белое движение с антибольшевистским, то временные элементы вносили разъединение. К ним политик относил: «а) оценку меняющейся международной обстановки и внутренней эволюции России и б) изменение тактических приемов как следствие». Не отрицая ценность белого движения, П. Н. Милюков предлагал относиться к нему объективно как «звену в историческом процессе», что необходимо для выработки дальнейшего поведения на пользу и благо России⁹.

Для П. Н. Милюкова белое движение в «широком смысле» — это все антибольшевики: социалисты, демократы, либералы, консерваторы и даже реакционеры. В более «тесном смысле» — только защитники монархии и национализма. При этом историк отмечал постепенное сужение белого движения и переходе его к идеалам монархической реставрации.

Хронологически белое движение докладчик разделил на четыре периода: «1) подготовительный, складывающийся еще до большевистского переворота; 2) период объединенной борьбы (социалисты и несоциалисты) — до осени 1918 г.; 3) период дифференциации по территориям борьбы: Юго-Восток, Сибирь, Запад, Крым (1919–1920 гг.); 4) белое движение в эмиграции (1921–1924 гг.)»¹⁰.

Историк указал и причины неудачи белого движения, при отсутствии которых его участников ждал бы успех:

² Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. С. 133.

³ Милюков П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции: в 2 томах. Т. 2: Антибольшевистское движение. Париж, 1927. С. 228.

⁴ ГАРФ. Ф. 7506. Оп. 1. Ед. хр. 15 (Протокол заседания парижского комитета Партии народной свободы). Л. 54.

⁵ Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. С. 132–136.

⁶ Галас М. Л. «Республиканско-демократическое объединение» российской эмиграции: организация, стратегия и тактика // Власть. 2008. № 6. С. 82.

⁷ Республиканско-демократическое объединение. Доклад П. Н. Милюкова «О белом движении» // Последние новости. 1924. 6 августа.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

«1) недостаточная и несвоевременная, руководимая узкокорыстными соображениями, помощь союзников;

2) постепенное усиление реакционных элементов в составе движения;

3) и, как следствие второй причины, разочарование народных масс в белом движении. Конечно, кроме классовой подоплеки и неясности в аграрной политике, народ отталкивали от себя и неизбежные требования тяжелых жертв с его стороны, которые он не хотел нести, не сознавая своей выгоды от возможного успеха белых»¹¹.

По мнению П. Н. Милокова, с уходом белой армии из Крыма начинается последний, заграничный период белого движения. Для него характерны «чувства патриотического оскорбления», непонимание изменившейся международной обстановки, невозможности новой иностранной интервенции и безнадежности возобновления вооруженной борьбы без иностранной помощи. Лидер Республиканско-демократического объединения настаивал на том, что спасение России от большевизма должно осуществляться новыми методами. Он предлагал: «Надо научиться знать новую Россию, отречься от злобы и ненависти, отречься от мысли, что мы одни добродетельны, а вся Россия погрязла в грехах. Не надо разрывать с белым движением. Нужно сохранить весь идеализм его, сохранить идею жертвы и подвига, но принести их в Россию со смыслом и пониманием, отбросив претензию на монополию»¹². В заключение П. Н. Милоков выразил надежду, что лучшие элементы белого движения примкнут к созданному им Республиканско-демократическому объединению.

В ноябре этого же 1924 г. политик повторил свой доклад в Праге и Брно. Оценка П. Н. Милоковым белого движения вызвала острые споры в эмигрантских кругах. В полемике о белом движении принимали участие Н. Н. Головин, М. В. Вишняк, И. А. Ильин, Е. Д. Кускова, С. П. Мельгунов В. А. Оболенский, П. Б. Струве, Г. Фальчиков и др.¹³

В 1927 г. в Париже был издан двухтомный труд П. Н. Милокова «Россия на переломе: Большевистский период русской революции», в основе которого лежал курс лекций о «русской катастрофе», прочи-

танный автором в Бостоне в октябре — ноябре 1921 г.¹⁴ Книга вышла в американском, немецком и русском изданиях. Особое значение автор придавал русскому изданию, в котором «хотел смотреть на события глазами историка, а не политика»¹⁵. Второй том посвящен гражданской войне и называется «Антибольшевистское движение», в нем автор уточняет, дополняет и развивает положения, высказанные в парижском докладе.

Движение, направленное на свержение большевиков, напоминал П. Н. Милоков, нередко называют «белым движением», особенно охотно этот термин употребляли как сами большевики, так и крайние правые. Но противобольшевистское движение было гораздо сложнее этих односторонних определений, меняя в течение своей истории как свой состав, так и свою тактику. «Только *часть* этого движения может быть названа “белой” и только часть “белого движения” — контрреволюционна и реставрационна, — писал П. Н. Милоков. — “Белый” и реставрационный характер этого движения развивался постепенно; и только с течением времени, лишь в конце, тактика вооруженной борьбы с большевиками сосредоточилась в “белых” армиях с откровенно реакционными тенденциями. Соответственно менялось, постепенно сужаясь, и понятие “белого движения”»¹⁶.

Рассматривая структуру антибольшевистского движения, П. Н. Милоков различал следующие социально-политические силы:

1) «Элемент *военный*, численно преобладающий <...> ядром тут явилось оскорбленное и униженное русское офицерство».

2) «Представители *старой бюрократии* и *старого привилегированного класса*».

3) «*Правые политические течения*».

4) «*Левые политические течения*, демократические и социалистические».

5) «*Окраинное население* <...> в особенности *казачество*, сыгравшее, благодаря своему географическому положению и демократическому духу, особенно видную роль антибольшевистской борьбе»¹⁷.

История антибольшевистского движения в книге, как и в докладе, делится на четыре периода:

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Вандалковская М. Г. Полемика по вопросам белого движения в эмигрантской прессе // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А. А. Преображенского: сборник статей. М., 2007. С. 414–427; Зимина В. Д. Гражданская война 1918–1922 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 258–279.

¹⁴ Милоков П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции: в 2 томах. Т. 1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Т. 2: Антибольшевистское движение. Париж, 1927.

¹⁵ Милоков П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т. 1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. С. VIII.

¹⁶ Милоков П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т. 2: Антибольшевистское движение. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 3–4.

I. *Подготовительный* (февраль — октябрь 1917 г.), когда «происходит первая дифференциация общественных группировок — за и против революции вообще и большевиков в частности».

II. *Первоначальный* (25 октября/7 ноября 1917 г. — 18 ноября 1918 г.), в котором антибольшевистские силы действуют общим фронтом.

III. *Разрозненной борьбы* (1919–1920 гг.), когда борьба против большевиков, разрозненная географически по отдельным территориям, становилась все более раздробленной и по политическим течениям. «Хронологически и по существу дела этот период совпадает с годами *иностранной интервенции*. Борьба носит по преимуществу *вооруженный* характер».

IV. Антибольшевистское движение *за-границей*, где «демократические и реакционные элементы движения окончательно дифференцируются и ведут между собой идейную борьбу, не переставая, однако, оставаться врагами советской власти»¹⁸.

В своей работе П. Н. Миллюков воссоздал масштабную картину гражданской войны в России. Он не только описал ход военных действий — главное внимание историк уделил анализу причин неудач антибольшевистского, в частности, «белого» движения, дополнив положения, высказанные в своем парижском докладе. Они могут быть сведены к следующему:

1. Вооруженная борьба против большевиков не была своевременно и в должной степени поддержана *союзниками*.

2. Враждебное отношение *населения* к «белому» движению, на котором лежала «печать классового отбора». «Антибольшевистская армия имела “классовый” характер <...> была выражением чувств и мысли землевладельцев и дворян, — писал П. Н. Миллюков. — И везде, где она вводила свое управление, везде вслед за военными победами шли экзекуции крестьян. Часто в этом принимали участие сами пострадавшие от крестьян помещики, которые приводили в свои села военные карательные отряды, пороли крестьян и заставляли их платить за все причиненные помещику убытки»¹⁹. Тяжесть реквизиций и военных поборов, которых требовало «белое» командование, усиливало отчуждение масс от антибольшевистского движения, оно становилось все более и более одиноким.

3. Отсутствие политического единства в рядах противников большевиков и усиление реакционных элементов *в составе армий и характере руководства ими*.

¹⁸ Там же. С. 4–5.

¹⁹ Там же. С. 78–79.

4. Отрицательное отношение вождей «белого» движения к национальным и автономистским стремлениям тех областей, на территории которых эти армии формировались и действовали.

5. Недостаточно искусное военное руководство антибольшевистскими вооруженными силами. «Военный гений, может быть, мог бы внести поправки к трудностям положения, — замечал П. Н. Миллюков. — Но такого гения в рядах “белых армий” не оказалось. Между тем, военное руководство красными войсками попало в руки старых офицеров Генерального штата и велось довольно искусно»²⁰.

«Белое дело» было обречено на гибель, несмотря на высокое чувство долга, патриотизм и жертвенность, проявленное его участниками.

3 октября 2005 г. в Москву были перевезены и захоронены в Донском монастыре прах генерала Антона Ивановича Деникина и его супруги Ксении Васильевны, останки русского философа Ивана Александровича Ильина и его жены Натальи Николаевны. 13 января 2007 г. на этом кладбище был погребен прах генерала Владимира Оскаровича Каппеля. Издаются и вызывают огромный интерес у читателей мемуары и историко-философские труды идеологов и участники белого движения. Они вернулись в Россию. Однако опытный политик и вдумчивый историк Павел Николаевич Миллюков оказался прав — они вернулись, но сделали это не «на белом коне».

Список литературы

- Вандалковская М. Г. Полемика по вопросам белого движения в эмигрантской прессе // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года Памяти профессора А. А. Преображенского: сборник статей. М., 2007. С. 414–427.
- Галас М. Л. «Республиканско-демократическое объединение» российской эмиграции: организация, стратегия и тактика // Власть. 2008. № 6. С. 81–84.
- Зимина В. Д. Гражданская война 1918–1922 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 258–279.
- Мейснер Д. И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. 298 с.
- Миллюков П. Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции: в 2 томах. Т. 1: Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. Т. 2: Антибольшевистское движение. Париж, 1927. 400 с., 281 с.
- Миллюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. 136 с.
- Республиканско-демократическое объединение. Доклад П. Н. Миллюкова «О белом движении» // Последние новости. 1924. 6 августа.

²⁰ Там же. С. 6–7.

Lyubov Nikolaevna LISENKOVA

Ph. D. In History, Associate Professor, Department of Humanities and Bioethics of St Petersburg State Pediatric Medical University (St Petersburg, Russia)

E-mail: lunili@yandex.ru

P. N. Milyukov about the reasons for the defeat of the anti-Bolshevik movement in the Civil war in Russia

The realistic-minded politician P. N. Milyukov was one of the first in exile who refused the ideology of the «white struggle» and considered it was impossible to overthrow the Bolsheviks by armed means. Historian P. N. Miliukov analyzed the reasons of the defeat of the white movement in his articles and speeches before the emigrant public, in the fundamental two-volume study «Russia at the Turn: The Bolshevik Period of the Russian Revolution». He developed a «new tactic» in which the stake was not on military intervention, but on the internal evolution of Soviet society towards democracy.

Keywords: Civil War, white movement, the reasons of the defeat of the anti-Bolshevik movement, P. N. Milyukov, Republican Democratic Union.

УДК 94 (47).084.8

ББК 63.3 (2) 622.78

Светлана Леонидовна НОВИЧЕНКО

Старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: snovich @yandex.ru

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ НА 203-ММ ГАУБИЦУ ОБРАЗЦА 1931 г. № 227 ИЗ АРХИВА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

В статье на основе неопубликованных материалов архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи восстанавливается участия орудия в боевых действиях Великой Отечественной войны. Особый интерес для исследователей представляет попытка описания боевого пути 104-й габр, который ранее нигде не публиковался. Использование материалов электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» позволил составить социологический портрет личного состава 1-го огневого взвода 12-й батареи 104-й габр.

Ключевые слова: архив ВИМАИВиВС, реликвии Великой Отечественной войны, Великая Отечественная война, 203-мм гаубица образца 1931 г., 104-й гаубичный артиллерийский полк.

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи — единственный музей в нашей стране, в котором историю Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. можно изучать только на основе более 50 реликвийных орудий, представленных на экспозиции музея.

Формирование коллекции реликвийных орудий началось еще в годы войны. В 1942 г. сотрудники музея подполковник Глотов И. А. и подполковник Чернов В. М. побывали в командировках по сбору трофеев и реликвий на Западном и Калининском фронтах соответственно. Однако в действующей армии сотрудниками музея не оказывалось должного внимания, поэтому с целью улучшения «дела сбора и накопления памятников и реликвий Отечественной войны»¹ 27 марта 1943 г. народный комиссар обороны издал приказ № 143 «О сборе памятников и реликвий Отечественной войны при Артиллерийском историческом музее Красной армии». Несмотря на то, что согласно приказу было принято решение организовать «предварительный отбор памятников и реликвий,

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 12. Д. 37. Л. 1.

достойных вечного хранения в музее»² на одной из центральных баз в Москве, первые реликвийные орудия, отличившиеся в боях на Ленинградском фронте, поступили в ленинградскую часть³ музея в 1943 г.: в апреле — 50-мм ротный миномет образца 1940 г., состоявший на вооружении первой минометной роты лейтенанта Александра Ивановича Глена из состава 245-го Краснознаменного стрелкового полка 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии⁴; 13 августа — 76-мм полковая пушка обр. 1927 г. из 3-го дивизиона 596-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка под командованием капитана Николая Ивановича Родионова⁵.

Боевой путь большинства реликвийных орудий хорошо известен, он широко освещен в печати. Имена Героев Советского Союза, сражавшихся в составе расчетов орудий, также известны. Однако в архиве ВИМАИВиВС хранятся документы о реликвиях, которые, согласно приказу наркома № 143, подлежали передаче на хранение в музей, но в некоторых случаях не были переданы. Эти материалы, относящиеся не только к артиллерийским орудиям, несомненно, представляют интерес для современных исследователей, т. к. в большинстве случаев в них содержатся сведения, не введенные в научный оборот: описания боевых путей соединений, боевых расчетов, исторические справки о них, характеристики отдельных подразделений, конкретных бойцов, командиров, фотографии боевых эпизодов.

Учитывая рамки публикации, в статье рассматриваются неопубликованные ранее материалы одного дела № 117 «Документы на 203-мм орудие Б-4 обр. 1931 г. № 227», переданные из секретного отдела музея в исторический архив в 1951 г. Количество, форма и содержание документов на реликвийное орудие несколько отличаются от рекомендованных в прилагаемых к приказу «Инструкции по сбору памятников и реликвий отечественной войны в Артиллерийском историческом музее Красной армии» (АИМ КА). Так, согласно инструкции «на каждый из направляемых в музей предметов за личной подписью командира части составляется краткое описание-справка с указанием <...> б) фа-

милія, імя і отчество, учасніков ілі ліца, совершившего подвиг; в) <...> кому, какой части принадлежит предмет, чем он замечателен, с какими конкретными событиями и проявлением какого подвига он связан и т. д. <...> К описанию по возможности прилагать фотоснимки места и лиц, упоминаемых в описании»⁶.

В действительности в деле, помимо «Акта от 29 июня 1945 г.», который можно считать описанием-справкой на реликвийное орудие, фотографий и фотоальбома, хранятся еще три документа: «Боевая характеристика на орудийный расчет 1-го орудия 12-й батареи 4-го дивизиона 104-й гаубичной артиллерийской Пражской Краснознаменной ордена Суворова бригады БМ (большой мощности) 203-мм гаубицы № 227», «Боевая характеристика личного состава 1-го огневого взвода 12-й батареи 104 гаубичной артиллерийской Пражской Краснознаменной ордена Суворова бригады большой мощности», «Схема боевого пути орудия № 277 ГАПКОСБрБМ⁷ с мая 1943 г. по июль 1945 г.»⁸. Изменения в количестве и содержании документов, вероятнее всего, связаны с практическим опытом составления сопроводительной документации на реликвии и памятники Великой Отечественной войны.

«Акт от 29 июня 1945 г.» подписан представителями 104-й гаубичной артиллерийской Пражской Краснознаменной ордена Суворова бригады БМ: командиром бригады полковником Соломиенко Павлом Мамонтовичем, командиром 2-го дивизиона майором Щепелевым (Щепелевым) Иваном Семеновичем, командиром 12-й батареи старшим лейтенантом Пискуновым Александром Ивановичем и представителем АИМ КА майором Васильевым Игорем Григорьевичем⁹. Местом создания документа указана «Группа советских оккупационных войск в Германии»¹⁰.

Акт устанавливает факт признания 203-мм гаубицы образца 1931 г., заводской № 227, боевой реликвией 104-й гаубичной артиллерийской бригады (габр), которая подлежит передаче на вечное хранение в АИМ КА «по минованию в орудии боевой надобности или по особому распоряжению штаба ГУКАРТ КА»¹¹.

² Там же.

³ Музей должен был быть эвакуирован в Новосибирск согласно мобилизационному плану ГАУ № 252/12 от 29 июня 1941. Однако до 8 сентября 1941 г. в Новосибирск было эвакуировано только 2/3 коллекции музея, оставшаяся часть осталась в Ленинграде.

⁴ Артиллерийский исторический музей. Каталог материальной части отечественной артиллерии / Сост.: инж.-полк. запаса В. П. Вышенков, Л. К. Маковская, Е. Г. Сидоренко. Л., 1961. С. 300.

⁵ Новиченко С. Л. Советские артиллеристы в битве за Ленинград // Бомбардир. 2015. № 25. С. 24.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 12. Д. 37. Л. 2.

⁷ В архивных документах аббревиатура «ГАПКОСБрБМ» расшифровывается как «Гаубичная артиллерийская Пражская Краснознаменная ордена Суворова бригада большой мощности».

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 14. Д. 117. Л. 1–10.

⁹ Там же. Оп. 12. Д. 37. Л. 6.

¹⁰ Там же. Оп. 14. Д. 117. Л. 1.

¹¹ Там же.

Цитата, приведенная из документа, весьма примечательна. 203-мм гаубица образца 1931 г.¹², принятая на вооружение в июне 1934 г., длительное время оставалось на вооружении Советской армии в послевоенный период¹³.

Следует отметить, что гаубица, первое боевое применение которой состоялось в ходе Советско-финляндской войны (1939–1940)¹⁴, со стороны противника получила весьма уважительное наименование «сталинская кувалда»¹⁵. Орудие, предназначенное «для разрушения особо прочных бетонных, железобетонных и броневых сооружений»¹⁶, не всегда пробивало с первого выстрела стены финских дотов, толщина которых порой достигала 2 м, т. к. бетонобойный снаряд гаубицы (масса 116 кг) был способен разрушать бетонные и железобетонные перекрытия толщиной до 1 м. Советским артиллеристам для достижения результата требовалось попасть в одну точку двумя или тремя снарядами.

Успешному боевому применению 203-мм гаубиц способствовала удачная конструкция лафета с гусеничным ходом, обеспечивающая ведение стрельбы с грунта без специальных платформ. Гаубицы успешно применялись на фронтах Великой Отечественной войны и оставались на вооружении советской армии до конца 1980-х гг., при этом модернизация гаубицы в основном затрагивала ходовую часть, которая была переведена на колесный ход. Более того в середине 1960-х гг. номенклатуру ее боеприпасов дополнили новым специальным снарядом с ядерной боевой частью.

Далее в документе дается общее краткое описание пути орудия от Курской дуги до Берлина. Перечисляются города: Севск, Речица, Калинович, Бобруйск, Ковель, Прага (предместье Варшавы), Варшава, Радом, Берлин и водные рубежи: Днепр, Висла, Одер, Шпрее, при освобождении или форсировании которых орудие принимало активное участие. Несколько детальнее описывается действие расчета гаубицы при штурме Берлина и Рейхстага: «Первое в бригаде открыло огонь

Ил. 1. Командир орудия 1-го огневого взвода младший сержант Иван Кузьмич Павлов

Ил. 2. Наводчик орудия ефрейтор Григорий Федорович Царев

по Берлину <...> огневой расчет показал исключительные образцы мастерства уличных боев, отвагу и мужество»¹⁷.

Второй документ, хранящийся в исследуемом деле — «Боевая характеристика на орудийный расчет 1-го орудия 12-й батареи 4-го дивизиона 104-й гаубичной артиллерийской Пражской Краснознаменной ордена Суворова бригады БМ 203-мм гаубицы № 227» датируется 16 июля 1945 г. — на 17 дней позднее, чем акт о «реликвийности». Вероятнее всего причиной его создания послужило желание сотрудника музея получить более детальные сведения о боевой деятельности артиллеристов, с указанием отличившихся бойцов. Документ составлен командиром 4-го дивизиона майором Щепелевым И. С., начальником штаба 4-го дивизиона майором Юрасовым Виктором Михайловичем, командиром 12-й батареи старшим лейтенантом Пискуновым А. М., утвержден командиром бригады полковником Соломиенко П. М.

В документе дается краткая характеристика на командира орудия Павлова Ивана Кузьмича и наводчика ефрейтора Царева Григория Федоровича (ил. 1, 2): год рождения, национальность, партийность, период службы в Красной армии, с какого времени на фронтах Великой Отечественной войны, гражданская специальность и место проживания.

¹² Орудие разрабатывалось в соответствии с решением Реввоенсовета СССР о перевооружении артиллерии большой и особой мощности на новую отечественную материальную часть 11 декабря 1926 г. Руководителем проекта по созданию 203-мм гаубицы был утвержден Ф. Ф. Лендер, а после его смерти — А. Г. Гаврилов.

¹³ Шалковский А. Г. Создание оружейного парка советской войсковой артиллерии в 20–40-х годах XX века: проблемы, задачи и особенности реализации. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 154.

¹⁴ На 1 марта 1940 г. на финском фронте имелось 142 гаубицы Б-4. За время боевых действий было потеряно или вышло из строя 4 гаубицы Б-4 (одна в декабре 1939 г. и три в январе — феврале 1940 г.).

¹⁵ Шалковский А. Г. Указ. соч. С. 156.

¹⁶ Шунков В. Н. Оружие Красной армии. Минск: Харвест, 1999. С. 228–230.

¹⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 14. Д. 117. Л. 1.

Далее приводится более детализированное описание боевого пути орудия, которое в документе называется «Описание боевого подвига»¹⁸. В начале приводятся общие сведения: «за период Великой Отечественной войны орудие <...> прошло славный боевой путь от Москвы до Берлина общим протяжением 3770 км. За период боевого действия орудием выпущено 1022 снаряда»¹⁹. Затем описывается первый боевой эпизод: «15.7.1943 г. в ожесточенных боях на Орловско-Курской дуге после июльского наступления немцев в р-не Малоархангельска орудием разрушено: 2 НП (наблюдательный пункт), подавлен огонь 3 орудий калибра 150-мм, рассеяно и частично уничтожена колонна автомашин и легких самоходных орудий до 30 шт. На ст. Глазуновка разбит эшелон с боеприпасами, разрушен 1 дзот (долговременная земляная огневая точка)»²⁰.

Дата первого боевого применения гаубицы подтверждает общеизвестный факт о том, что первое массовое применение 203-мм гаубиц в составе гаубичных артиллерийских бригад состоялось во время Курской битвы: в состав 13-й армии Центрального фронта был включен 4-й артиллерийский корпус резерва Главного командования²¹. Хотя отдельные случаи применения 203-мм гаубиц имели место в конце 1942 г. — начале 1943 г. Так, в боях при прорыве блокады Ленинграда, 12–18 января 1943 г., со стороны Ленинградского фронта в районе опорного пункта противника в здании 8-й ГЭС использовались две 203-мм гаубицы²².

Несоответствие между датами начала боевого пути и первого боевого применения реликвийного орудия связано с тем, что летом 1941 г. ввиду малой мобильности²³ и отступления войск командование провело комплекс мероприятий по отводу всей артиллерии большой и особой

мощности. Таким образом, командование сохранило орудия калибра 203 и 280 мм для последующих боевых действий²⁴.

В документе нет прямого указания на дату и место формирования 104-й габр, однако наличие в деле «Схемы боевого пути орудия № 277 ГАПКОСБрБМ с мая 1943 г. по июль 1945 г.» (ил. 3) дает нам возможность предположить, что она сформирована в г. Ефремов из двух подразделений, базировавшихся в Можайске и Малоярославце²⁵. Схема составлена начальником штаба 104-й габр майором Петром Севостьяновичем Шуваловым и его помощником майором Мироном Никифоровичем Ефременко и датирована 14 июля 1943 г.

Далее в документе, с указанием даты и количества уничтоженных целей противника, описывается участие орудия в боевых действиях по освобождению Белорусской, Украинской ССР, Польши и Германии. Причем только при описании сражений на территории Польши и Германии, весьма сжато, дается характеристика боев. Например, события по освобождению города Прага (предместья Варшавы) с 10 по 13 сентября 1944 г. описываются как «ожесточенные бои», «тяжелые уличные бои»²⁶. Встречается в тексте упоминание о необычных целях: «10.3.45 г. в ожесточенных боях за расширением плацдарма на западном берегу р. Одер (г. Лебус) разбито два здания с пулеметными точками. Разрушен НП, подавлен огонь тяжелых метательных аппаратов»²⁷. Приведен боевой эпизод, в котором в январе 1945 г., во время Висло-Одерской операции «в период преследования противника орудием подбито два самоходных орудия, танк «Фердинанд»²⁸. Отмечен также боевой эпизод по разрушению двух дотов в укрепленном районе юго-восточнее Мезеритц²⁹.

Бронированные доты являлись основной единицей укреплений Мезеритцкого укрепрайона. Они представляли собой двухуровневые сооружения круговой обороны с пулеметными установками, установленными в броневах колпаках с амбразурами по периметру, внутри которых по направляющим от амбразур к амбразуре двигалась установ-

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ *Ащеулов О.* «Гром орудий разорвал предрассветную тишину». Артиллерия Центрального фронта в оборонительных боях 1943 г. // Родина. 2013. № 7. С. 9.

²² Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под общ. ред. генерал-полковника артиллерии Одинцова Г. Ф. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960. С. 195.

²³ В начале войны несколько 203-мм гаубиц образца 1931 г. Б-4 было захвачено немцами. Так, под Дубно была захвачена матчасть 529-го гаубичного артиллерийского полка большой мощности. Из-за отсутствия тягачей нашими войсками было брошено в исправном состоянии 27 203-мм гаубиц Б-4. Трофейные гаубицы получили германское обозначение 20,3-cm Haubitze 503 (r). Они состояли на вооружении нескольких тяжелых артиллерийских дивизионов РКК вермахта.

²⁴ *Яковлев Н. Д.* Об артиллерии и немного о себе. М.: Высш. шк., 1984. С. 91.

²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 14. Д. 117. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Мезеритцкий укрепрайон — так в отечественной литературе называются укрепления на польско-германской границе, строившиеся в 1930-х гг. под названием «пояс Варты-Одера». Всего здесь было построено 83 бронированных дота типа «Б» (2,5 м бетона, способных выдержать 220-мм снаряды и 500 кг авиабомбы), а также легкие укрепления «Ц» и «Д» с противосколочной защитой.

Ил. 3. Схема боевого пути 104-й габр с мая 1943 г. по июль 1945 г.

ка МГ-34. Толстые броневые плиты закрывали амбразуры пулеметных казематов³⁰.

В боях за Берлин «расчет с небывалой энергией и мужеством и отвагой громил ненавистного врага. 25.4.45 г. в 12.00 орудие открыло огонь по гор. Берлину! <...> 28.4.45 г. <...> по цели № 105 — здание Рейхстага <...> При этом было рассеяно 12 танков, рассеяно и уничтожено до батальона пехоты»³¹.

В деле также хранится «Боевая характеристика личного состава 1-го огневого взвода 12-й батареи 104-й гаубичной артиллерийской Пражской Краснознаменной ордена Суворова бригады большой мощности», в которой указаны основные сведения (звание, фамилия, имя, отчество, партийность, должность, награды и отличия) и краткая характеристика на 20 бойцов и офицеров. Документ составлен командиром 4-го дивизиона майором И. С. Щепелевым (Щепелевым) и начальником штаба майором В. М. Юрасовым.

³⁰ Триумфы и трагедии великой войны / И. Б. Мощанский, А. В. Исаев. М.: Вече, 2010. С. 517.

³¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 14. Д. 117. Л. 5.

Сведения, представленные в документе, позволяют установить лишь партийный состав взвода и количество награждений. В 1-м огневом взводе было: членов ВКП (б) — 8 чел., кандидатов в члены ВКП (б) — 1 чел. (старший лейтенант Пискунов А. И.), членов ВЛКСМ — 1 чел. (красноармеец Клычев Петр Михайлович), беспартийных — 10 чел. Бойцы огневого взвода были награждены 20 орденами и 8 медалями: орден Красной Звезды — 14 чел., орден Александра Невского, Отечественной войны 1 степени — 1 чел. (старший лейтенант Пискунов А. И.); орден Отечественной войны 2 степени — 4 чел., медаль «За отвагу» — 4 чел., медаль «За боевые заслуги» — 1 чел. (Прядко Николай Тимофеевич); медаль «За оборону Москвы» — 3 чел. Больше всего наград у командира огневого взвода старшего лейтенанта Каплан Бориса Львовича (ил. 4). В кратких характеристиках на бойцов и командиров отмечаются боевые и организаторские способности.

Использование данных электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» позволило значительно расширить сведения о личном составе. В огневом взводе служили бойцы в возрасте от 39 до 23 лет, призванные в ряды РККА: в 1940 г. — октябре 1940 г. — 1 чел. (сержант Дорожкин Иосиф Семенович), в 1941 г. — 14 чел., в 1942 г. — 1 чел. (ефрейтор Шахайдаров Шайды), в 1943 г. — 1 чел. (красноармеец Скидан Алексей Михайлович). Девять бойцов имели опыт участия в боевых действиях на Центральном и Южном фронтах.

В 1943 г. награждены: старший лейтенант Каплан Борис Львович — орденом Красной Звезды³² за участие в боях за город Севск; младший сержант Павлов Иван Кузьмич — орденом Отечественной войны 2-й степени³³ за участие в боях за Малоярославец. В 1944 г. 5 чел. награждены за участие в освобождении Белоруссии и Праги (пригорода Варшавы): старший лейтенант Пискунов Александр Иванович — орденом Красного Знамени³⁴; младший сержант Прядко Николай Тимофеевич³⁵, старший сержант Хаустов Дмитрий Петрович³⁶ — медалями «За отвагу»; сержант Дорожкин Иосиф Семенович³⁷, красноармеец Измаилов Лухман³⁸ — орденом Красной Звезды.

³² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1896. Л. 133

³³ Там же. Д. 1604. Л. 51.

³⁴ Там же. Оп. 686044. Д. 2548. Л. 69.

³⁵ Там же. Л. 91.

³⁶ Там же. Л. 96.

³⁷ Там же. Оп. 993132. Д. 1707. Л. 320.

³⁸ Там же. Оп. 690155. Д. 7640. Л. 33.

Ил. 4. Расчет орудия 1-го огневого взвода. В центре командир огневого взвода старший лейтенант Каплан Борис Львович

В 1945 г. большинство наград были вручены бойцам за участие в боях по уничтожению группировки противника в Мезеритцком укрепрайоне: красноармеец Белый Иван Денисович³⁹, сержант Карбань Николай Петрович⁴⁰, старший сержант Хаустов Дмитрий Петрович⁴¹, ефрейтор Шахайдаров Шайды⁴², младший сержант Павлов Иван Кузьмич⁴³ — орденом Красной Звезды, красноармеец Десятерик Иван Тихонович — орденом Отечественной войны 2 степени⁴⁴.

Изучение наградных листов к орденам позволяет восстановить в общих чертах действия бойцов, 15 февраля 1945 г., в период разрушения дота № 0011 (ил. 5) в полосе действия 1-го батальона 244 сп, 69-й армии. Орудие на огневую позицию выводилось под сильным минометным и пулеметным огнем. Огонь по доту велся прямой наводкой с рассто-

Ил. 5. Дот № 0011, разрушенный огнём легендарной советской гаубицы

яния 400–600 м. Все выпущенные снаряды (32) попали в цель, четыре из которых — в амбразуры двух куполов — и разорвались в середине. В результате разрывами снарядов было уничтожено вооружение дота, состоявшее из 6 крупнокалиберных и 2 станковых пулеметов, разрушена система управления и освещения, убито 4 солдата. Гарнизон в составе 123 солдат и офицеров сдался. В результате огневого воздействия капитулировали гарнизоны 25 других дотов в общей численностью свыше 1200 солдат и офицеров во главе с комендантом.

За участие в штурме Рейхстага два красноармейца, Михаил Васильевич Ларюков и Николай Акимович Красницкий, были награждены орденами Красной Звезды⁴⁵ и Отечественной войны 2-й степени⁴⁶ соответственно.

Фотографии из «Фотоальбома боевой деятельности орудия № 227 104 ГАПКОСБрБМ»⁴⁷ иллюстрируют результаты боевой деятельности 203-мм гаубицы.

Таким образом, в результате исследования дела № 117 «Документы на 203-мм орудие Б-4 обр. 1931 г. № 227» из архива ВИМАИВиВС установлены не только подробности участия орудия в боевых действиях

³⁹ Там же. Оп. 690306. Д. 2838. Л. 195.

⁴⁰ Там же. Л. 199.

⁴¹ Там же. Оп. 686196. Д. 2567. Л. 159.

⁴² Там же. Оп. 690306. Д. 2838. Л. 219.

⁴³ Там же. Оп. 686196. Д. 5410. Л. 63.

⁴⁴ Там же. Оп. 687572. Д. 1707. Л. 231.

⁴⁵ Там же. Оп. 686196. Д. 743. Л. 227.

⁴⁶ Там же. Оп. 687572. Д. 1701. Л. 87.

⁴⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 14. Д. 117. Л. 20, 21.

Великой Отечественной войны, но и установлен боевой путь 104-й габр, который ранее нигде не публиковался.

Привлечение данных электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» позволил составить социологический портрет личного состава 1-го огневого взвода 12-й батареи 104-й габр.

203-мм гаубица № 227 в ВИМАИВиВС не поступила, но на внешней экспозиции музея представлены две гаубицы Б-4⁴⁸, которые поступили в музей во второй половине 1950-х гг.: 203-мм гаубица обр. 1931 г. (Б-4) заводской № 242 в 1955 г.⁴⁹, 203-мм гаубица обр. 1931 г. (Б-4) заводской № 503–1957 г.⁵⁰

Список литературы

- Артиллерийский исторический музей. Каталог материальной части отечественной артиллерии / Сост.: инж.-полк. запаса В. П. Вышенков, Л. К. Маковская, Е. Г. Сидоренко. Л.: Б. и., 1961. 423 с. (Каталоги Артиллерийского исторического музея / Под общ. ред. полк. А. А. Бумагина).
- Ащеулов О. «Гром орудий разорвал предрассветную тишину». Артиллерия Центрального фронта в оборонительных боях 1943 г. // Родина. 2013. № 7. С. 8–11.
- Мемориальные орудия Великой Отечественной войны (1941–1945) из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи: [Каталог]. СПб.: [ВИМАИВиВС; ИПЦСПбГУТД], 2015. 86 с.
- Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под общ. ред. генерал-полковника артиллерии Г. Ф. Одинцова. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960. 800 с.
- Триумфы и трагедии великой войны / И. Б. Мощанский, А. В. Исаев. М.: Вече, 2010. С. 624.
- Шалковский А. Г. Создание оружейного парка советской войсковой артиллерии в 20–40-х годах XX века: проблемы, задачи и особенности реализации. СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2015. 360 с.
- Шунков В. Н. Артиллерия Красной армии и вермахта второй мировой войны. М.: АСТ: Мн.: Харвест, 2005. 288 с.
- Шунков В. Н. Оружие Красной армии. Мн.: Харвест, 1999. 544 с. (Военная техника).
- Яковлев Н. Д. Об артиллерии немного о себе. М.: Высш. шк., 1984. 168 с. (Военные мемуары).

⁴⁸ Мемориальные орудия Великой Отечественной войны (1941–1945) из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи: [Каталог]. СПб.: [ВИМАИВиВС; ИПЦСПбГУТД], 2015. С. 64–65.

⁴⁹ 203-мм гаубица обр. 1931 г. (Б-4) заводской № 242 состояла на вооружении 10-й батареи 124-го гаубичной артиллерийской бригады большой мощности. Командир орудия — сержант Джаношвили. 10 марта 1945 г. расчет орудия прямой наводкой разрушил форт Кюстрин. В период с 22 марта по 10 апреля 1945 г. в составе бригады участвовал в боях за плацдарм на западном берегу Одера.

⁵⁰ 203-мм гаубица обр. 1931 г. (Б-4) заводской № 503 состояла на вооружении 124-го гаубичной артиллерийской бригады большой мощности. В боях за Новороссийск огнем орудия разрушено: дотов и дзотов — 4, опорных пунктов — 8; сожжено и уничтожено три склада с боеприпасами. Орудие закончило свой боевой путь в Берлине.

Svetlana Leonidovna NOVICHENKO

Senior Researcher, Military History Museum of Artillery, Engineer Troops and Signal Corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: snovich@yandex.ru

Document study experience on 203-mm howitzer of the sample 1931 Number 227 from the archives of the Military History Museum of Artillery, Engineer Troops and Signal Corps

On the basis of unpublished documents from the archives of the Military History Museum of Artillery, Engineer Troops and Signal Corps restored the participation 203-mm howitzer in the fighting of the Great Patriotic War. Of particular interest to researchers is attempt of the description of the military way 104th howitzer artillery brigade that never was published. The using the material of electronic Bank «Feat of the people in the Great Patriotic War» of documents allowed to make a sociological portrait of the 1st fire platoon of the 12th battery 104th howitzer artillery brigade.

Keywords: Archives of the Military History Museum of Artillery, Engineer Troops and Signal Corps relics, Great Patriotic War, Military History Museum of Artillery, Engineer Troops and Signal Corps, relics, 203-mm M1931 howitzer, 104th howitzer artillery brigade.

УДК 355.41
ББК 63.3 (2) 61

Владислав Михайлович КРИВЧИКОВ

кандидат исторических наук, профессор, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

E-mail: k.vlad68@mail.ru

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСТАВОК ГОРЮЧЕГО ДЛЯ ТЕКУЩИХ НУЖД КРАСНОЙ АРМИИ В 1937 г.

Статья посвящена проблеме организации поставок горючего для текущих нужд Красной армии. На цифровом материале показаны объемы поставлявшегося топлива в 1937 году, проанализированы причины их недопоставок.

Ключевые слова: Красная армия, снабжение горючим, межвоенный период.

В 1930-х гг. в частях Красной армии активно проводились мероприятия по перевооружению и оснащению новыми образцами вооружения и техники. На 1 февраля 1934 г. в составе Красной армии находилось 6647 танков и 34 легких и средних броневика. Через три года общее количество бронетехники увеличилось до 11 тыс.

Особое внимание уделялось развитию авиации. Так, если в 1931 г. в среднем по статистике выпускалось 870 самолетов, то в 1932–1933 гг. это число увеличилось уже до 3480¹.

Увеличение количества техники требовало все большего количества топлива, масел и смазок. Однако войска постоянно сталкивались с проблемами в поставках ГСМ. Не стал исключением и 1937 год.

Еще в октябре 1936 г. отгрузка всех видов бензинов для Красной армии систематически срывалась. Эта тенденция продолжилась и в I квартале 1937 г., о чем 21 марта 1937 г. нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов докладывал председателю Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотову в письме № 23087с (табл. 1).

Как видно, отгрузка авиабензина осуществлялась для текущего снабжения в размере 50% от плана, а в мобилизационные запасы еще ниже — 23%. Это влияло на интенсивность боевой подготовки войск. В связи с систематическим недогрузом в I квартале 1937 г. авиационного горючего в ряде авиасоединений (5-й, 9-й, 31-й, 18-й и 81-й авиабригадах) полеты были прекращены из-за отсутствия в частях горючего.

¹ Петрушин В. И. Развитие Красной армии в 30-е годы XX века // Молодой ученый. 2017. №22. С. 374–377. URL: <https://moluch.ru/archive/156/44198/> (Дата обращения: 05.10.2018).

Таблица 1. Отгрузка бензина для Красной армии в I квартале 1937 г.

Месяц	Текущее снабжение		В мобилизационные запасы	
	План	отгружено	план	отгружено
Январь	4500	2439	1660	1660
Месяц	Текущее снабжение		В мобилизационные запасы	
	План	отгружено	план	отгружено
февраль	4300	2514	10560	354
За 20 дней марта	6000	2900	6000	2060
За I квартал	14800	7853	18220	4074

О серьезных проблемах в деле поставок топлива для войск говорил и тот факт, что его не хватало даже для организации тренировочных полетов к первомайскому параду.

На апрель 1937 г. с учетом первомайского парада Госпланом СССР было выделено для Наркомата обороны авиагорючего в количестве 16 800 т. Однако Наркомат тяжелой промышленности в первую очередь отгружал топливо на мероприятия посевной компании, что приводило к срыву его поставок в войска². Поэтому Наркомат обороны настоятельно просил и требовал «впредь отгрузку авиационных бензинов для Народного комиссариата обороны производить наравне с посевной»³.

Однако в апреле ситуация не изменилась. Для авиационных и мотомехчастей из Грозного должны были поставить 14 800 т, а поставили только 11 800 т, т. е. на 25% меньше. Из Краснодара должны были поставить 2000 т, а не поставили ничего. Задача о поставке топлива наравне с посевной не была выполнена⁴.

21 мая 1937 г. К. Е. Ворошилов отправил очередное письмо В. М. Молотову, где поставки топлива для нужд Красной армии в апреле и мае называл «совершенно катастрофическими» (табл. 2).

Таблица 2. Поставки топлива для нужд Красной армии за 18 дней мая 1937 г.

Вид топлива	Полагалось к отправке	Отправлено	% отправки от положенного
Авиабакинский бензин	21700	4681	21,5
Авиагрозненский бензин	2700	941	35
Авиамасло	2000	564	28

² ГАРФ. Фонд Р-8418. Оп. 12. Д. 231. Л. 14–15 (О поставке в 1937 г. горючего для текущих нужд РККА).

³ Там же, Л. 5.

⁴ Там же, Л. 19.

В складывавшейся ситуации целый ряд авиационных частей вынужден был прекратить учебную работу несмотря на наличие хороших полетных условий⁵.

В августе причина, по которой по-прежнему войска остро нуждались в топливе, изменилась. Все горючее Главнефтью направлялось потребителям с баз производства и прибывало на места только с грифом «для уборочной», несмотря на то, что в составленных и утвержденных Правительством СССР планах распределения горючего на август месяц был предусмотрен завоз необходимого горючего для войсковых частей.

Отданные Главнефтью распоряжения фактически привели к такому положению, когда с 10–15 августа 1937 г. во всех военных округах практически полностью было прекращено снабжение войсковых частей автобензином, лигроином и керосином. Вот характеристика Наркоматом обороны той ситуации: «Создавшееся положение совершенно недопустимо: остановлена работа автотранспорта, прекратились строительные работы, возникает угроза остановки водоснабжения в лагерях; под угрозой находятся все назначенные на август и сентябрь учения»⁶.

В сентябре 1937 г. и в последующем ситуация оставалась аналогичная. Особенно тяжелое положение сохранилось по авиабензину 2-го сорта (поставки были уменьшены от плана на 24%) и по лигроину с керосином (поставки были уменьшены от плана на 20%)⁷.

Таким образом, в 1930-х гг. активно проводились мероприятия по перевооружению Красной армии и поставкам в войска новых образцов техники, что вело к увеличению их общего количества. Однако организация их эксплуатации, особенно в ходе боевой подготовки сталкивалась с проблемами поставок топлива. Это была тревожная тенденция ввиду возрастающей угрозы с западного направления.

Список литературы

Петрушин В. И. Развитие Красной армии в 30-е годы XX века // Молодой ученый. 2017. № 22. С. 374–377.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 12. Д. 231. Л. 24 (О поставке в 1937 году горючего для текущих нужд РККА).

⁶ Там же, Л. 28.

⁷ Там же, Л. 54.

Vladislav Mihaylovich KRIVCHIKOV

Ph. D. in History, professor, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

E-mail: k.vlad68@mail.ru

On the organization of the supply of fuel for the current needs of the Red Army in 1937

The article is devoted to the problem of organizing the supply of fuel for the current needs of the Red Army. The digital material shows the volumes of fuel supplied in 1937, analyzed the reasons for their short supply.

Keywords: Red Army, fuel supply, interwar period.

УДК 94 (47).084.6

ББК 63.3 (2) 621

Евгений Анатольевич БОЧКОВ

доктор исторических наук, профессор, член совета Межрегиональной общественной организации «Академия военно-исторических наук» (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: be57@yandex.ru

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА (1939–1940 гг.) ГЛАЗАМИ АРТИЛЛЕРИСТА (дневник Героя Советского Союза капитана В. К. Лаптева)

В статье освещаются боевые действия артиллерийского подразделения при прорыве «линии Маннергейма» в период Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). Публикация подготовлена на основе дневника командира артиллерийского дивизиона 24-го корпусного артиллерийского полка Героя Советского Союза капитана В. К. Лаптева, которой он вёл с 5 февраля по 12 марта 1940 года.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Карельский перешеек, Красная армия, финская армия, артиллерийский полк, артиллерийский дивизион, артиллерийская батарея, «линия Маннергейма», укрепленный район, дот, дзот, огневые позиции, артиллерийская подготовка атаки.

До настоящего времени события Советско-финляндской войны (1939–1940) притягивают внимание как профессиональных исследователей, так и обычных любителей военной истории. За неполных восемь десятилетий, отделяющих нас от событий «той войны незначительной», изданы десятки сборников документов, написаны сотни монографий и научных статей. Однако нередко за строкой официальных документов теряются подробности событий прошлого, улетучивается «дух» эпохи. Восполнить этот недостаток помогают воспоминания ветеранов — участников военного конфликта между СССР и Финляндией (30 ноября 1939 г. — 12 марта 1940 г.). К сожалению, их уже не осталось рядом с нами. Но остались их мемуары. В этой статье мы расскажем о событиях Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) через призму их восприятия Героем Советского Союза, командиром артиллерийского дивизиона 24-го корпусного артиллерийского полка (24-го КАП) 50-го стрелкового корпуса 7-й армии Северо-Западного фронта капитаном Всеволодом Константиновичем Лаптевым (ил. 1).

В фондах ВИМАИВиВС хранится дневник В. К. Лаптева, который он вёл во время боевых действий на Карельском перешейке с 5 февраля по 12 марта 1940 г. В дневнике 110 страниц рукописного текста.

Первая запись датируется 5 февраля 1940 г., последняя — 12 марта 1940 г. Однако повествование охватывает более длительный период и начинается с 7 сентября 1939 г. (то есть до начала войны). Дневник в музей Всеволод Константинович передал в 1954 г. Анализ документа показывает, что он является ценным источником исторической информации. Ранее данные материалы не публиковались и вводятся в научный оборот впервые.

Всеволод Константинович Лаптев родился 23 июня (по старому стилю) 1909 г. в Москве. Окончил 9 классов средней школы. Впоследствии вместе с родителями переехал жить в Ленинград, работал на фабрике. В 1931 г. призван Смольнинским райвоенкоматом Ленинграда в РККА. Военную службу начал 1 ноября 1931 г. рядовым красноармейцем (наводчиком) в 19-м корпусном артиллерийском полку Ленинградского военного округа (ЛВО). Затем был направлен на учёбу в Ленинградское артиллерийское училище. После его окончания был направлен для дальнейшего прохождения службы в ЛВО.

Участник Советско-финляндской (1939–1940) и Великой Отечественной (1941–1945) войн. В период Советско-финляндской войны командовал 3-м артиллерийским дивизионом 24-го корпусного артиллерийского полка 50-го стрелкового корпуса 7-й армии Северо-Западного фронта. Во время Великой Отечественной войны — командир 24-го дважды Краснознамённого артиллерийского полка резерва Главного командования (РГК), 233-го гвардейского артиллерийского полка, 10-й гвардейской гаубичной артиллерийской бригады, а затем — 193-й гаубичной артиллерийской бригады. В 1946 г. окончил Высшие артиллерийские академические курсы, а в 1955 г. — Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил СССР. В 1957 г. полковник В. К. Лаптев уволен из Вооружённых сил СССР в запас с правом ношения военной формы одежды. Награды Всеволода Константиновича: два ордена Ленина, три ордена Красного

Ил. 1. Герой Советского Союза майор В. К. Лаптев (1940 г.)

Ил. 2. 152-мм пушка-гаубица МЛ-20 образца 1937 года. ВИМАИВиВС

Знамени, ордена Отечественной войны 1-й степени, ордена Красной Звезды, правительственные и ведомственные медали.

24-й корпусной артиллерийский полк был сформирован 7 сентября 1939 г. на базе 19-го корпусного артиллерийского полка 19-го стрелкового корпуса в посёлке Левашово Ленинградской области. Полк состоял из управления, штаба, дивизиона разведывательной службы, трёх артиллерийских дивизионов по три артиллерийские батареи четырёхорудийного состава. Первый артиллерийский дивизион имел на вооружении 107-мм пушки образца 1910/1930 г. (12 орудий). Второй и третий дивизионы были оснащены 152-мм гаубицами-пушками МЛ-20 образца 1937 г. (по 12 орудий, ил. 2). Всего в полку насчитывалось 36 орудий. В качестве тягача использовался дизельный трактор С-65 «Сталинец» производства Челябинского тракторного завода мощностью 65 л. с.

Командование 24-го КАП по состоянию на 13 октября 1939 г.: командир полка — майор Иван Иванович Толстопятов; начальник штаба полка — майор Анатолий Гаврилович Козиев; военный комиссар полка — батальонный комиссар Небораков¹.

¹ URL: http://patrick-coldstream.blogspot.com/p/blog-page_18.html (дата обращения 26.10.2018).

Вот как Всеволод Константинович описывает процесс отмотобилизации полка и дивизиона².

В международной обстановке веет духом войны, явно неспокойно. 7 сентября 1939 г. объявлена мобилизация. Ночью с 6 на 7 сент[ября] (в 4.00 7. IX. 39 г.) я был срочно вызван из дому, Гатчина, в лагерь в Левашово...³.

Командир полка майор т[оварищ] Толстопятов Ив[ан] Ив[анович] зачитывает приказ наркома [обороны] о мобилизации, после чего вручил мне и другим [командирам] папку с мобилизационным планом, по которому мой дивизион превращается из дивизиона мирного времени в дивизион военного времени с полным штатом, с могучей техникой⁴.

Дивизион приступил к развёртыванию: подразделения были доукомплектованы личным составом, призванным из запаса; пополнялись огнеприпасы, горюче-смазочные материалы, продовольствие и фураж. Судя по документу, часть кадровых командиров была назначена на высшие должности. В частности, начальник штаба 3-го артиллерийского дивизиона старший лейтенант А. О. Арефьев был переведён в другой полк. Как мы предполагаем, он принял командование артиллерийским дивизионом. Дивизион приступил к боевому слаживанию и учёбе. В своём дневнике В. К. Лаптев записал:

К исходу 3-х суток дивизион был доведён до штатов военного времени — полноправный боевой дивизион. Получено было всё, в том числе боеприпасы, неприкосновенные запасы продуктов и фуража, тёплое обмундирование; в общем, всё, что надо для войны. Дивизион готов⁵.

Завершив отмотобилизацию и боевое слаживание, дивизион в составе 24-го КАП получает приказ на передислокацию к советско-финляндской границе в район населённого пункта Большие Киркиомяки (фин. Iso Korkiamaa)⁶.

Противник, белофинны, подтягивает войска к гос[ударственной] границе, чем явно угрожает нашей безопасности. Дивизиону в составе полка приказано выступить сегодня в 24.00 и занять боевой порядок вблизи гос[ударственной] границы. Пункт сосредоточения Бол[ьшие] Коркиомяки и ... Приказ на выступление⁷.

² В цитатах сохранена стилистика документа. Искривлённые в тексте документа топонимы исправлены и приведены в соответствии с официально принятыми названиями.

³ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2 об.-3.

⁵ Там же.

⁶ Большие Киркиомяки (фин. Iso Korkiamaa) — деревня на территории Всеволожского района Ленинградской области.

⁷ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 4 об.

Ил. 3. Трактора С-65 «Сталинец» буксируют 152-мм пушки-гаубицы МЛ-20 образца 1937 года. Карельский переиеек, 30 ноября 1939 года

7 октября 1939 года в 24.00 колонна тягачей с артиллерийскими орудиями начала движение в район сосредоточения (ил. 3).

По асфальтовому шоссе от Осиновой роши⁸ на Вартемяки⁹ двигались медленно, но верно. Боевая колонна¹⁰. <...>

Величественно шумят трактора, тянущие за собой дальнобойные громады, мощь которых, может быть, придётся испытать в настоящем бою. Горе тогда будет врагам Сов[етского] Союза, которым придётся испытать на своей шкуре сокрушительный удар нашей артиллерии¹¹.

К исходу 8 октября дивизион прибыл в район сосредоточения недалеко от границы с Финляндией. Личный состав получил возможность для непродолжительного отдыха. В. К. Лаптев описывает полевой быт дивизиона:

⁸ Осиновая роша (фин. Naarakangas) — исторический район на севере Санкт-Петербурга, в районе пересечения Выборгского и Приозерского шоссе. В н. в. — населённый пункт в составе муниципального образования посёлка Парголово. — Е. Б.

⁹ Вартемяги, в прошлом Вартемяки (финн. Vartemäki, Vartiamäki, Vartiomäki — «сорожевая гора») — в н. в. деревня в Агалатовском сельском поселении Всеволожского района Ленинградской области. — Е. Б.

¹⁰ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 5 об.

¹¹ Там же.

На ночлег, очень короткий, расположились около небольших костров, под себя подстелив ветви, накрытые брезентом. Накрылись тоже брезентом¹². <...>

К вечеру [8 октября 1939 г.] дивизион получил боевую задачу и на рассвете следующего дня занял боевой порядок. Спешно готовились исходные данные, подвозились и подготавливались снаряды, и через небольшое количество времени дивизион был готов для выполнения любой боевой задачи — был готов к бою¹³.

В районе сосредоточения личный состав приступил к обустройству: в заброшенном погребе разместился штаб; для укрытия военнослужащих отрыли землянки; оборудовали пункт хозяйственного довольствия. По личному опыту многолетней военной службы знаю, что решение бытовых вопросов в полевых условиях сопряжено с большими трудностями. В октябре 1939 года погода не баловала войска Красной армии, выдвинутые к советско-финляндской границе.

Погода стояла неустойчивая: иногда — тепло (относительно), а в большинстве — холодно. Часто шёл снег. Когда делалось теплее, таял. Стояла жуткая грязь, — пишет Всеволод Константинович¹⁴.

До начала войны оставалось менее двух месяцев. Командиры артиллерийских подразделений проводили рекогносцировку местности и вели разведку сопредельной территории. Капитан В. К. Лаптев вместе с начальником разведки дивизиона старшим лейтенантом Золотарёвым дважды выезжал на границу.

Вежливый и чёткий младший командир-пограничник провёл нас через район погранзаставы и указал путь к границе. Через несколько минут мы были на государственной границе. Дорога, идущая от нас в Финляндию, перекопана небольшой канавкой. Два идущих параллельно низких заборчика из колючей проволоки: один — это наша граница, другой — граница Финляндии. Расстояние от одного забора до другого около 2 метров. Между заборами нейтральная зона. 2 столба квадратных, стоящих друг против друга. Один из них красный в зелёную полоску с металлической доской, на которой вытеснен серп и молот — герб страны Советов. Другой столб — белый в чёрную полоску с доской, на которой чёрный лев с мечом — герб капиталистической Финляндии. Вот за этой проволокой, которую без труда можно перешагнуть, начинается Финляндия — капиталистическая страна, в которой угнетается трудовой народ. Два взаимно параллельных заборчика разделяют два мира: цветущую социалистическую Родину и убогую Финляндию¹⁵.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. 7 об.

¹⁵ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 8.

На сопредельной территории в 200–300 м от границы находилась финская деревня Раасули (фин. Raasuli)¹⁶. Здесь же располагался кордон финской пограничной стражи.

Мы усиленно наблюдаем за чужой страной, изредка отнимая от глаз бинокль, — вспоминает В. К. Лаптев. — Из кордона вышел офицер, заметив нас, козырнул. Мы приложили руки к головным уборам — обменялись приветствиями¹⁷.

18 октября 1939 г. дивизион получил приказ на передислокацию в другой район. Как можно понять из дневника, 20 октября дивизион, совершив марш своим ходом, сосредоточился в районе деревни Тихомякки¹⁸. В деревне личный состав разместился в домах.

Это было большое счастье, т. к. только мой штаб располагался в доме, а все остальные подразделения полка в лесу рыли землянки, — пишет В. К. Лаптев — Даже командир полка [майор И. И. Толстопятков] спал несколько дней под столами, накрытыми палатками¹⁹.

Правда, за два дня до начала боевых действий дивизион капитана В. К. Лаптева из домов «выперли» по приказу командира дивизии.

В течение второй половины октября и первой половины ноября дивизион находился в районе населённого пункта Кирьясало (фин. Kirjasalo).

Мы находимся в так называемом «кирьясальском языке» (по имени населённого пункта Кирьясало)²⁰, — повествует командир дивизиона. — Мой

¹⁶ Раасули (фин. Raasuli) — до 1940 года посёлок в составе волости Рауту (фин. Rautu) Выборгской губернии при одноимённой железнодорожной станции на территории Финляндии. С 1918 по 1940 г. станция 67-й км служила конечной. Дальше в сторону советской границы пути были разобраны. В 1940 г. территория Карельского перешейка отошла к СССР. В настоящее время посёлок Орехово (с 1948 г.) в составе Сосновского сельского поселения Приозерского района Ленинградской области.

¹⁷ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 8 об.

¹⁸ По всей видимости, речь идёт о населённом пункте Кирьясало, Кириясало (фин. Kirjasalo), расположенном в урочище Тиканмяки (фин. Tikanmäki), в междуречье Сайяньйоки (фин. Saijanjoki, в н. в. — река Волчья) и Тунгельманйоки (фин. Tungelmanjoki — «река, текущая среди крутых берегов»; в н. в. — река Смородинка) на Карельском перешейке (на территории современного Всеволожского района Ленинградской области). На различных картах обозначалась как Кориаселька, Кирьясилька, Кирьясалы (наиболее вероятный перевод названия — «красивая гряда» или «пёстрая возвышенность»). В 1919–1920 гг. Кирьясало был столицей самопровозглашённой республики Северная Ингрия. До 1939 г. относилась к лютеранскому приходу Лемболово (фин. Lempaala). В н. в. не существует.

¹⁹ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 9 об.

²⁰ В тексте речь идёт об участке территории СССР на Карельском перешейке, расположенном в районе урочища Тиканмяки (фин. Tikanmäki), в междуречье Сайяньйоки

передовой наблюдательный пункт находится вблизи самой границы. Перед нами отлично проглядывалась и очень близко находилась финская деревня Липола²¹ (над которой впоследствии пришлось здорово «поработать»).

Во время военных действий об этой деревне писали (в газетах), как о сильно укреплённом противником населённом пункте (действительно, была чертовски укреплена). В прессе деревня называлась «Л».

Ведём усиленную разведку. В течение месяца наблюдали, как Липола усиленно укреплялась финнами. Отлично видели, как росли проволочные заграждения, как возводились противотанковые препятствия. Наблюдали и делали выводы, что противник усиленно минирует укрепления и подступы к Липоле. Впоследствии с минами нам пришлось «познакомиться» поближе. Противник усиленно готовился к войне, а мы тоже не дремали, тоже готовимся, в просак не попадём²².

Личный состав дивизиона в оставшиеся до войны дни вёл инструментальную разведку целей на финской территории, совершенствовал боевую выучку, отработывал огневые задачи (без ведения огня).

Огонь, артподготовка были спланированы тщательно и тщательно отрабатаны, — записал В. К. Лаптев в своём дневнике²³.

Большое внимание уделялось организации взаимодействия с разведывательной и корректировочной авиацией. Дивизиону предстояло вести огонь, используя данные лётчиков-наблюдателей. Это достаточно сложный вид боевой работы артиллерии и требует высокой подготовки от командиров артиллерийских подразделений, вычислителей, расчётов орудий, связистов и, конечно, от лётчиков-наблюдателей.

Я провёл несколько занятий с летнабами и командирами батарей по ведению огня с самолётом, — вспоминает капитан В. К. Лаптев — Особенно добросовестно относился к занятиям лётчик-наблюдатель лейтенант На-

(фин. Saijanjoki, в н. в. — река Волчья) и Тунгельманйоки (фин. Tungelmanjoki, в н. в. — река Смородинка), который вклинивался в территорию Финляндии. Этот участок советской территории имел своеобразную форму, за что и получил название «кирьясальский язык» (по названию деревни Кирьясало). В н. в. это территория Куйвозовского сельского поселения Всеволожского района Ленинградской области.

²¹ Липола (фин. Lipola) — финская деревня в северо-восточной части волости Валкярви (фин. Valkjärvi) на западном берегу реки Сайяньйоки (фин. Saijanjoki, в н. в. — река Волчья). Относилась к лютеранскому приходу Кивеннапа (фин. Kivennapa). В 1940 г. территория Карельского перешейка отошла к СССР. В 1947 г. деревня была переименована в начале в Первомайскую а затем в Котово. В 1950-х годах деревня перестала существовать.

²² ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 10.

²³ Там же. 10 об.

садюк, который впоследствии, 23 декабря [1939 г.], погиб смертью храброго при выполнении боевого задания, погиб вместе с самолётом²⁴.

Вопросы взаимодействия также были отработаны и с танковыми подразделениями, которыми предстояло атаковать позиции финской армии в районе Липолы (фин. Lipola).

В записях Всеволода Константиновича часто перемешиваются события «большой политики» и «повседневная жизнь» артиллерийского подразделения. При этом, необходимо отметить, что оценка международных событий всегда эмоциональная. У капитана РККА не вызывает никаких сомнений «мудрая политика» ВКП (б) и «вождя» И. В. Сталина.

Такое отношение к высшей власти в СССР может вызывать в современных условиях у некоторых иронию, но у нас искренность чувств, которые демонстрирует Всеволод Константинович накануне войны и в боевой обстановки, не вызывает сомнений. Подтверждением этому служат факты боевой биографии В. К. Лаптева, прошедшего Советско-финляндскую (1939–1940 гг.) и Великую Отечественную (1941–1945 гг.) войны.

Международная обстановка становилась всё более сгущённой, в воздухе нависла гроза, должен разразиться гром. Переговоры с Финляндией не увенчались успехом. Финская делегация покинула Сов[етский] Союз²⁵. <...>

Финны начали, иногда нерешительно, но нагло, провоцировать войну: выстрелы артиллерии по нашей территории, переход границы отдельными группами и проч[ее]. Обстановка назрела, в воздухе висела гроза. Мы были готовы, готовы ответить на наглые провокации врага²⁶.

Последний мирный день на северо-западной границе страны. В. К. Лаптев записал в тетради:

29 ноября 1939 года. Обычный день (к вечеру он стал необычным). С утра я opravился на огневые позиции батарей проверить, как идут занятия, готовы ли к бою орудия, подготовлены ли снаряды. Всё было готово, всё было тщательно подготовлено. Настроение у бойцов и командиров отличное. Основной вопрос: скоро ли будем бить бандитов — провокаторов войны?²⁷

Ответ на этот злободневный вопрос личный состав дивизиона получил вечером этого же дня. В 17.30 весь командный состав 24-го КАП был собран в штабе полка. Командир полка майор И. И. Толстопятов объявил приказ наркома обороны СССР маршала Советского Сою-

²⁴ Там же.

²⁵ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 11.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 11 об.

за К. Е. Ворошилова о предстоящем начале военных действий против Финляндии:

Товарищи командиры! Народный комиссар обороны маршал Сов[етско-го] Союза Ворошилов, партия и советское правительство приказали РККА, войскам Ленинградского военного округа начать наступление, проучить зарвавшихся провокаторов войны, перейти гос[ударственную] границу с Финляндией и обез[опасить] с[северо]-з[ападную] гран[ицу] и гор[од] Ленингр[ад], и освободить финский трудовой народ от ига эксплуататоров. Завтра утром РККА и её частица, наш полк, приступают к выполнению великой освободительной миссии... Готовность к открытию огня, к началу боя, к артподготовке [наступления] — [будет доведена] дополнительным распоряжением. Командные пункты занять немедленно²⁸.

Командиры дивизионов разъехались по своим подразделениям, чтобы довести до подчинённых приказ о начале военных действий и поставить уже не учебные, а реальные боевые задачи.

В последнюю мирную ночь капитан В. К. Лаптев практически не спал (как, впрочем, и большинство его подчинённых). В 3.00 из штаба полка прибыл посыльный, который вручил боевое распоряжение — начало артиллерийской подготовки в 8.00. Проверена телефонная связь с батареями и наблюдательным пунктом (НП), приняты доклады командиров подразделений о готовности к бою. В 7.40 позвонил командир полка майор И. И. Толстопятов — выслушал доклад и напомнил о необходимости выполнения таблицы огня строго по времени.

Большой интерес для историков представляют те страницы дневника, где Всеволод Константинович описывает начало войны, начало огневой подготовки и переход частей действующей Красной армии в наступление.

Вызываю к телефону командиров батарей, но... не могу вызвать. Нарушена связь. Время 7.50. Т[оварищ] Волков забегал. Ох, как я был зол на него. Мало того, я готов был пустить ему пулю в лоб. Думал, что сойду с ума, но к счастью через 3–4 мин[уты] всё было исправлено. Была незначительная неувязка в тел[ефонном] аппарате²⁹.

Командирские часы неумолимо отсчитывали последние минуты мира (ил. 4).

Дивизион, внимание! Это первая моя команда настоящая боевая, не на полигоне. Это команда предвестница начала огня, начала боя. У телефонов командиры батарей. Весь штаб во главе с нач[альником] штаба «высыпал» на улицу. Держу телефонную трубку, смотрю на часы. Минуты бегут

²⁸ Там же. Л. 12 и об.

²⁹ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 16 об.

Ил. 4. Батарея 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 ведёт огонь по позициям финских войск на Карельском перешейке. Декабрь 1939 года. Фотограф А. В. Устинов

как века. Но вот большая стрелка почти на середине цифры «12», секундная стрелка на цифре «45». Рассчитав время на передачу команды, скомандовал: «Огонь!!!». На лбу выступил холодный пот. И грянул залп, не только моего дивизиона, грянул залп могучей артиллерии великой армии. Заговорила наша артиллерия, наша советская артиллерия.

Посыпались десятки тысяч дальнбойных артиллеристских снарядов на вражескую землю. От сильнейшей артиллерийской канонады небо озарилось заревом, стало светло. В ушах стоял гул. Объясняться друг с другом можно только криком. Текут минуты — 3, 5, 10. Мы беглым и методическим огнём разрушаем финские укрепления, разбиваем места сосредоточения войск. Ждём — вот, вот ответит финская артиллерия, но не отвечает. Тов[арищ] Андрионичев говорит мне: «Тов[арищ] капитан, где им отвечать. Они не успевают кальсоны натягивать и вообще не знают, куда бежать».

Но вот на 15-й минуте перед моим НП (в мет[рах] 200) [разорвались] два робких финских снаряда. Одновременно заметил из района деревни Липола выстрелы, вспышки финских батарей. Докладываю к[оманди]ру полка, прошу разрешение уничтожить батарею. Получил разрешение. Переносу огонь дивизиона на батарею [противника]. И через несколько мин[ут] она подавлена, «молчит». Продолжаем выполнение таблицы огня.

Начинает рассветать. Наблюдаю за впереди лежащей деревней Вепса³⁰. Вспыхивают пожары, к небу взвиваются громады разрывов. Загудели мото-

ры, танки двинулись вперёд. Это они выходят на исходное положение для атаки. Время близится к 8.30, к концу артподготовки. Звонит по телефону командир полка и приказывает перенести огонь дивизиона по опушке леса, что сев[еро]-вост[очнее] дер[евни] Вепса. Приказ был выполнен: лес задымился от нашего огня. Артподготовка окончена. Время 8.30. Гудят моторы танков, слышны крики «ура». Это танки и пехота пошли в атаку.

Рассвело. Смотрим на деревню Вепса. Её не узнать: из белой ранее (покрытой снегом) она превратилась в чёрную. Деревня и всё кругом (поля, горы), всё изрыто разрывами [снарядов], всё в воронках. В деревне пожары³¹.

Первая часть дневника заканчивается событиями 30 ноября 1939 г. — началом Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). Эти записи сделаны капитаном В. К. Лаптевым по памяти в период военных действий, в перерывах между боевой работой. Далее — значительный промежуток по времени оказывается не освещённым по вполне понятным причинам. Всеволод Константинович так объясняет это:

Вынужден кончить писать дневник по-порядку, так как события опережают. Начинаю писать с 10 февр [аля] 1940 г., а промежуток времени с 1. XII по 10. II. 40, если удастся, опишу позже или попутно. Описать надо обязательно, много интересного и ценного: переход гос[ударственной] границы, первые убитые на полях боя, финские мины и укрепления, уничтоженный скот, уничтоженные деревни и много, много др[угого]³².

К сожалению, капитану В. К. Лаптеву не удалось реализовать свои замыслы и описать факты Советско-финляндской войны за период с 1 декабря 1939 г. по 9 февраля 1940 г. А этот период насыщен значимыми событиями — неудачными попытками соединений и частей РККА прорвать систему долговременных укреплений финской армии на Карельском перешейке, более известную как «линия Маннергейма». Было бы весьма интересно взглянуть на ход боевых действий глазами непосредственного участника. Вместе с тем, дневник содержит подробные записи о событиях начиная с 10 февраля по 12 марта 1940 г.

В рамках статьи мы не смогли подробно рассмотреть все эпизоды войны, о которых пишет В. К. Лаптев в своём дневнике, поэтому ограничились лишь событиями сентября — ноября 1939 г. В дальнейшем планируем опубликовать дневник капитана В. К. Лаптева в полном виде в одном из научных журналов.

³⁰ Вепса (фин. Vepsä) — деревня, находившаяся в северо-восточной части волости Валкярви (фин. Valkjärvi) в нескольких км от границы с СССР. Сейчас не существует.

³¹ ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 16 об. — 17 об.

³² Там же. Л. 17 об. — 18.

Eugene A. BOCHKOV

Doctor of History, Professor, Member of the Council of Interregional public organization
The Academy of Military Historical sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: be57@yandex.ru

The Soviet-Finnish war (1939-1940) as seen by an artilleryman (the diary of Captain V. K Laptev, the Hero of Soviet Union)

The article tells about combat operations of artillery unit during the breach of the «Mannerheim»s Line» in the Soviet-Finnish war (1939–1940). The publication is based on the records diarized from February 5 till March 12, 1940, by the captain Laptev V. K., the Hero of Soviet Union, the artillery battalion commander of the 24th Corps artillery regiment.

Keywords: Soviet-Finnish war, Karelian Isthmus, Red Army, Finnish Army, artillery regiment, artillery battalion, artillery battery, «Mannerheim Line», fortified area, dug-in guard post, earth and timber emplacement, weapons site, artillery preparation of attack.

УДК 355.359

ББК 68.8

Сергей Николаевич РОМАНЧУК

старший преподаватель кафедры тылового обеспечения, военный факультет
в учреждении образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы» (Гродно, Беларусь)

E-mail: romanchuk_sn@grsu.by

ПРОБЛЕМЫ УПОРЯДОЧИВАНИЯ ДВИЖЕНИЯ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В БЕЛОСТОКСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрены проблемы увеличения аварийности автомобильного транспорта и количества нарушений правил дорожного движения как гражданскими, так и военными водителями, влекущие за собой человеческие жертвы и вывод из строя технических средств, а также меры по упорядочиванию движения автомобильного транспорта в Белостокской области накануне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Белостокская область, правила дорожного движения, нарушения, воинская часть, автомобильный транспорт, авария, наезд.

После установления советской власти в западных областях Беларуси сельское хозяйство и промышленность Белостокской области пополнились отечественными автомашинами. Увеличение автомобильного парка в совокупности со строительством дорог и мостов государственного и местного значения должны были сыграть решающую роль в деле перестройки и реконструкции этих отраслей в Белостокской области¹.

Однако после проведенной проверки автомобильного транспорта по Белостокской области по состоянию на 5 августа 1940 г. бюро Белостокского обкома КП (б) Б было установлено, что из общего количества 2746 автомашин в связи с необеспеченностью запасными частями, возрастающей потребностью в реставрации и ремонте резиновых покрышек, возросшей аварийностью на дорогах общего пользования, а также слабой подготовкой водительского состава (из прошедших испытание 2046 человек выдержало только 1823, из которых получили право шофера I и II класса только 34 и 48 водителей соответственно) 555 машин были технически неисправны².

¹ Гродненщина накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945). По документам гродненских архивов / Сост. Г. А. Андросенко [и др.]. Гродно, 2005. С. 282–284.

² ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 667 (Постановления и проекты постановлений бюро Белостокского обкома о состоянии Белостокского управления связи, дорожного, речного, автомобильного и железнодорожного транспорта). С. 33–37.

К проблеме упорядочивания движения гражданского автомобильного транспорта по дорогам общего пользования Белостокской области добавился и военный транспорт. Специфика Западного особого военного округа заключалась в том, что хотя войска округа располагались на обширной территории от Смоленска до Белостока, основной ударный кулак дислоцировался в белостокском выступе. Накануне Великой Отечественной войны войска Западного особого военного округа насчитывали 44 дивизии³.

Военный автотранспорт, что отмечалось актами проверок, был сильно изношен — 30% автомобилей требовали среднего и капитального ремонтов⁴. В совокупности со слабой подготовкой водительского состава воинских частей это приводило к увеличению аварийности и количества нарушений правил дорожного движения.

Из доклада начальника Государственной автомобильной инспекции управления рабоче-крестьянской милиции народного комиссариата внутренних дел (далее — ГАИ УРКМ НКВД) по Белостокской области следовало, что за восемь месяцев 1940 г. в ГАИ УРКМ по Белостокской области было зарегистрировано 105 аварий и наездов, 69 из которых совершено водителями воинских частей. При авариях пострадало 92 человека, из которых 34 получили тяжелые ранения, 22 человека погибли. Из них военными машинами убито 15 человек, ранено 21 человек. Выведено автомобилей из строя 76, из которых 46 военные. 93 аварии совершены по вине водителей, 6 по вине пешеходов, 3 по вине пассажиров, 3 по прочим причинам. По месяцам это составило: 4, 8, 4, 14, 12, 19, 19, 25 соответственно.

Причина увеличения аварийности объяснялась усиленным передвижением (маневрированием) военного транспорта, причём контроль за движением со стороны военных частей осуществлялся совершенно недостаточно, а также, в большинстве случаев, низким качеством вождения военных водителей, так как 67% аварий происходило по вине водителей воинских частей⁵.

В большинстве случаев аварии воинских машин происходили по причине грубых нарушений правил дорожного движения, например, водитель Побережный штаба 50-й дивизии в городе Бельске, ведя авто-

мобиль без включенного света по приказу своего командира, сидевшего с ним в кабине, совершил наезд на гужевую повозку, отчего погиб крестьянин Грибовский⁶.

В силу отсутствия достаточного надзора со стороны воинских частей за движением транспорта, который, как правило, двигался в одиночном порядке без сопровождения и не колонной, водители, чувствуя произвол, брали частных пассажиров, получая с последних деньги в личную пользу, кроме того, провоз этих пассажиров производился на необорудованных машинах, в связи с чем происходили несчастные случаи⁷.

Из докладной записки начальника УРКМ НКВД БССР по Белостокской области военному совету войск 10-й армии № 14/1057 от 17 сентября 1940 г. следует, что несмотря на ряд сигналов и неоднократных обращений в письменной форме к военным частям и командованию по вопросу упорядочивания движения транспорта воинских частей, число аварий и наездов со стороны военных водителей не только не снижалось, но и увеличивалось. Благодаря недисциплинированности водительского состава, плохой работе контрольно-пропускных пунктов, отсутствию контроля за выпуском машин из гаражей и парков, а также отсутствию контроля за движением и правильной эксплуатацией в городах и на трассах, продолжались аварии и несчастные случаи, которые влекли за собой человеческие жертвы, а также вывод из строя транспорта.

Также грубо нарушались правила дорожного движения, как в городе, так и на шоссе: превышение скорости, езда по левой стороне, езда без удостоверений на право управления транспортным средством, езда в нетрезвом состоянии, езда без включения освещения в темное время, массовый провоз частных лиц на необорудованных для перевозки людей автомобилях.

Несмотря на неоднократные просьбы и настояния сотрудников ГАИ о созыве гарнизонных собраний водительского состава по вопросу борьбы с авариями и грубыми нарушениями правил дорожного движения с привлечением штатных государственных инспекторов из состава военнослужащих, они начальниками автобронетанковых служб выполнены не были⁸.

³ Басюк І. А. Заходняя асобая ваенная акруга — Заходні фронт напярэддні і ў пачатковым перыядзе Вялікай айчынай вайны: аўтарэф. дыс.... доктара. гіст. навук: 07.00.02 / І. А. Басюк; НАН Беларусі. Ін-т гісторыі. Мінск, 2004. С 10–11.

⁴ Басюк І. А. Заходняя асобая ваенная акруга — Заходні фронт напярэддні і ў пачатковым перыядзе Вялікай айчынай вайны: дыс.... доктара. гіст. навук: 07.00.02 / І. А. Басюк; НАН Беларусі. Ін-т гісторыі. Мінск, 2004. С. 63.

⁵ ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 675 (Материалы о состоянии работы автомобильного транспорта: докладные, справки, спецсообщения, сведения). С. 48.

⁶ ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 668 (Материалы Народного комиссариата путей сообщения по основной деятельности: приказы, докладные, справки, спецсообщения, сведения). С. 12.

⁷ ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 675 (Материалы о состоянии работы автомобильного транспорта: докладные, справки, спецсообщения, сведения). С. 49.

⁸ ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 671 (Докладные записки и сводки о выполнении планов дорожного строительства и ремонта мостов, об упорядочивании движения автомобильного транспорта). С. 4–5.

Следует отметить, что в борьбе с авариями и нарушениями правил дорожного движения работниками ГАИ только за 1940 г. были приняты следующие меры:

- заведено и переданы в прокуратуру 52 уголовных дела на водителей, совершивших грубые нарушения, повлекшие за собой аварии;
- наложено 7565 административных взысканий за нарушение правил дорожного движения;
- заменено 145 талонов;
- отстранено от управления автомобилем 329 человек;
- задержано 54 человека и доставлено к военному коменданту;
- 46 водителей лишено прав на управление автотранспортом за нарушение правил дорожного движения;
- 43 водителя задержаны, а их удостоверения переданы в квалификационную комиссию на предмет лишения.

Кроме того, работниками ГАИ производилась проверка транспорта как на линии, а также и в гаражах различных учреждений при выпуске транспорта в эксплуатацию, причём:

- составлено 1117 рапортов на нарушителей;
- доставлено за нарушения в ГАИ 266 автомашин, 43 водителя без права управления транспортным средством, 267 извозчиков и 65 велосипедистов.

Наряду с этим ГАИ проводило и профилактические мероприятия:

- за различные нарушения было сделано 1512 предупреждений водителям с занесением в личное дело;
- заменено 806 водительских удостоверений на удостоверения советского образца с проведением проверки знаний дорожного движения;
- проведены общие городские собрания с водителями и руководителями транспорта с охватом всего водительского состава гражданских предприятий, беседы и лекции с водительским составом и со школьниками о значении правил дорожного движения;
- издано 4000 различных плакатов о правилах дорожного движения, 6000 экземпляров обращений к водителям и населению, 2 бюллетеня бесплатным тиражом в 2000 экземпляров с правилами дорожного движения;
- в городах в кинотеатрах демонстрировались три короткометражных кинофильма о безопасности движения;
- ряд других мероприятий, направленных на борьбу с нарушениями правил дорожного движения⁹.

В рассматриваемый период в целях наведения порядка и контроля за движением военного автотранспорта Белостокской области по дорогам

общего пользования путем выставления постов, патрулей в городах и других мероприятиях командованием воинских частей осуществлено не было.

Список литературы

- Басюк І. А.* Заходняя асобная ваенная акруга — Заходні фронт напярэдні і ў пачатковым перыядзе Вялікай айчынай вайны: аўтарэф. дыс... доктара. гіст. навук: 07.00.02 / І. А. Басюк; НАН Беларусі. Ін-т гісторыі. Мінск, 2004. 34 л.
- Басюк І. А.* Заходняя асобная ваенная акруга — Заходні фронт напярэдні і ў пачатковым перыядзе Вялікай айчынай вайны: дыс... доктара. гіст. навук: 07.00.02 / І. А. Басюк; НАН Беларусі. Ін-т гісторыі. Мінск, 2004. 362 л.
- Гродненщина накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945): По документам гродненских архивов / Сост. Г. А. Андросенко [и др.]. Гродно, 2005. 600 с.

Sergej Nikolaevich ROMANCHUK

Senior lecturer of the Department of logistics, military faculty of Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

E-mail: romanchuk_sn@grsu.by

Problems of organizing road traffic in the Bialystok region before the Great Patriotic War

This article discusses the problems of increasing the accident rate of road transport and the number of violations of traffic rules by both civilian and military drivers, resulting in human casualties and the failure of technical means, as well as measures taken to streamline the traffic in the Bialystok region on the eve of the great Patriotic war.

Keywords: Bialystok region, rules of portly movement, violations, military unit, vehicle, crash, impact.

⁹ ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 675 (Материалы о состоянии работы автомобильного транспорта: докладные, справки, спецсообщения, сведения). С. 50–51.

УДК 94 (47) 093

ББК 63.3 (0) 53

Людмила Петровна РУДАКОВА

научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: rudakova-1949@rambler.ru

СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ИНЖЕНЕР-ПОЛКОВНИКА П. Д. ЛЬВОВСКОГО (1892–1965)

Статья посвящена основным этапам жизни и деятельности инженер-полковника Петра Дмитриевича Львовского, родившегося в семье регента Российской духовной миссии в Токио, участника Первой мировой войны, добровольно вступившего в 1918 г. в Красную армию. Его дальнейшая судьба была тесно связана с сохранением и изучением исторических памятников Артиллерийского исторического музея.

Ключевые слова: П. Д. Львовский, Ленинградская команда, блокада, Артиллерийский исторический музей.

Петр Дмитриевич Львовский родился 24 февраля 1892 г. в Токио. Его отец, Дмитрий Константинович, состоял с 1881 г. регентом духовного хора в соборе Воскресения Христова при Российской духовной миссии в Японии.

Основателем и духовным руководителем Миссии, сыгравшей огромную роль в истории культурных связей России и Японии, был святитель Николай (Иван Дмитриевич Касацкий, 1834–1912)¹. Благодаря его подвижнической деятельности на японских островах было положено основание Православной церкви и учреждена в 1870 г. Российская духовная миссия в Японии².

Важным событием в истории Духовной миссии в 1880-е гг. стало строительство православного храма Воскресения Христова в центре японской столицы на холме Суругадай, которое продолжалось семь лет. Проект собора, рассчитанного на 1500 прихожан, был исполнен известным русским зодчим, профессором архитектуры М. А. Щуруповым. Строительством руководил английский архитектор Джошуа Кондер. В марте 1891 г. белоснежный собор невиданной на Востоке красоты и величия был освящён. И спустя столетие храм, являясь одной из наиболее известных достопримечательностей Токио, продолжает привле-

¹ Боголюбов А. М. Роль святителя Николая в становлении православной миссии в Японии // Санкт-Петербург — Япония. XVIII–XXI вв. СПб., 2012. С. 111.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1422.

Ил. 1. Православный собор Воскресения Христова в Токио. 2018 г.

кать внимание своими экзотическими для Японии русско-византийскими формами (ил. 1).

Как один из выдающихся миссионеров Нового времени, равноапостольный Николай Японский прекрасно осознавал, что в распространении и популяризации православия в Японии необходимо не только строить храмы, но и уделять внимание церковным хорам. Он видел в православной традиции духовного пения особый ключ, способный проникнуть в сердца людей, воспитанных в совершенно иной культуре. Его стараниями регент Яков Тихай стал преподавать духовное пение в Токио в 1873 г. В 1881 г. к нему присоединился приглашенный о. Николаем из Петербурга Дмитрий Константинович Львовский. Вдвоем они создали первую в Японии духовно-музыкальную школу и хор, в котором было организовано четырехголосное пение литургии. Антифонное пение 150 певцов на японском языке создавало впечатляющий музыкальный эффект и было одной из важнейших сторон успешной деятельности Российской духовной миссии³.

³ Боголюбов А. М. Указ. соч. С. 111.

Ил. 2. Семинаристы и воспитатели в соборе Воскресения Христова в Токио. Начало XX в.

В центре архимандрит Николай Японский, справа от него епископ Сергей (Тихомиров), слева регент Д. К. Львовский.

Церковный хор, руководимый впоследствии Д. К. Львовским, настолько хорошо владел западной техникой пения, что ему в тот период не было равных. Искусством хорового пения восхищались и студенты токийской музыкальной академии «Уэно», одного из первых музыкальных учебных заведений Японии. Частенько приводил своих студентов собор и профессор токийского университета Рафаэль Келе. Репутация хора была настолько велика, что послушать торжественные рождественские и пасхальные песнопения в собор Воскресения Христова приходили даже многие англичане и американцы⁴ (ил. 2).

Хор собора Воскресения Христова стал значительным явлением в культурной жизни Японии. «Мы не должны забывать о той большой роли, которую сыграл церковный хор русской православной церкви в истории культуры Мэйдзи и, в частности, музыкальной культуры этого периода», — отмечал японский исследователь протоиерей Прокл⁵ (Ясуо Усимару)⁶.

⁴ Равноапостольный Николай Японский говорил о православном духовном пении: «Это светлая, живая, авторитетная проповедь и молитва устами всей Церкви Вселенской».

⁵ Прокл Усимару (Ушимаро) Ясуо (1936–1986) родился в г. Сиракава Фукусимской префектуры Японии в православной семье. Закончив Токийскую православную духовную семинарию в 1958 г., продолжил образование в Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке. С 1971 г. — протоиерей, заведующий отделом внешних церковных сношений Японской Православной церкви. В 1986 г. принял участие в Международной церковно-исторической конференции, посвященной предстоящему празднованию тысячелетия крещения Руси.

⁶ Ясуо Ушимаро Прокл. Японское православие и культура периода «Мэйдзи» // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. Киев

На формирование личности Петра Дмитриевича Львовского, с рождения проживавшего в Токио, большое влияние оказывала атмосфера, царившая в Российской духовной миссии. Воспитанный с раннего детства на духовной музыке, он обладал тонким слухом и прекрасным голосом, и иногда вместе с братьями исполнял торжественные литургии в церковном хоре, руководимом его отцом. В своих воспоминаниях святитель Николай Японский писал: «Д. К. Львовский, регент хора Токийского собора, с детьми пришел поздравить меня с праздником Рождества Христова, и трое его малюток преправильно пропели в два голоса тропарь “Рождество Твое, Христе Боже наш”»⁷.

Проживая в Японии, П. Д. Львовский получил разностороннее образование. Помимо музыкальных занятий, которые привили ему любовь не только к духовной, но и к классической музыке, он успешно учился в токийском учебном заведении и много занимался иностранными языками. Впоследствии он свободно владел французским, английским, итальянским и со словарем японским.

В 1904 г., в связи с началом Русско-японской войны, деятельность Российской духовной миссии была затруднена. Война привела к росту антихристианских настроений в японском обществе, которое легко поддавалось на различные провокации вплоть до нападения на сотрудников миссии. Для охраны священнослужителей и членов их семей российское правительство распорядилось выставить вооруженную охрану. И лишь поражение России в войне с Японией спасло миссию от полного разгрома.

В этот сложный период жизни в Токио Д. К. Львовский принял решение о возвращении жены с малолетними детьми на родину. Так двенадцатилетний Петр Львовский в 1905 г. оказался в Санкт-Петербурге. После войны семья не воссоединилась. Дмитрий Константинович до конца жизни жил в Японии и там закончил свой путь.

Вернувшись на историческую родину, Петр Львовский продолжил образование в Санкт-Петербурге. Первая мировая война изменила планы миллионов людей, в том числе и Петра Дмитриевича. Он был призван в действующую армию, участвовал в боевых действиях с противником и в одном из сражений был контужен.

После революционных событий 1917 г. перед молодой Республикой Советов встала острейшая необходимость создания армии, способной защитить нерушимость государственных границ. В начале 1918 г. происходило формирование новой Рабоче-крестьянской Красной армии и Петр Львовский, находясь в это время в Петрограде, добровольно

21–23 июля 1986 г. Материалы. М., 1988. С. 225–232.

⁷ Дневники святого Николая Японского. Т. 3. СПб., 2004. С. 511.

вступил в ее ряды. В начальный период армия остро нуждалась в высокообразованных военных специалистах, и своих лучших представителей она посылала в высшие военно-учебные заведения. Так в 1920 г. Львовский, имея на тот момент достаточно широкое образование, был направлен в Артиллерийскую академию РККА, основная задача которой состояла в развитии специального и технического образования в артиллерийских войсках⁸.

Обладая острым умом и цепкой памятью, Петр Дмитриевич учился легко и с большим интересом. В 1923 г. он успешно закончил Артиллерийскую академию РККА и был оставлен в академии на преподавательской работе⁹. В 1937 г. он находился в должности старшего преподавателя специального технического цикла Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского¹⁰. Возможно, его военная карьера сложилась бы более блестяще, как у многих его сокурсников по академии, если бы он состоял членом ВКП (б). Но на протяжении всей жизни он оставался беспартийным.

В конце 1930-х гг. военным ведомством было принято решение о переводе Артиллерийской академии в Москву. Львовский, пожелавший остаться в Ленинграде, согласно приказу НКО № 04685 от 21 ноября 1939 г. был назначен в Артиллерийский исторический музей на должность заместителя начальника музея, возглавив Научно-исследовательский отдел. В дальнейшем вся его жизнь и деятельность были тесно связаны с сохранением, изучением и преумножением музейных коллекций¹¹. Его первая публикация в «Артиллерийском журнале» была посвящена истории формирования коллекций Артиллерийского исторического музея¹² (ил. 3).

Возглавляя научно-исследовательский отдел, Львовский увлеченно занимался изучением исторических памятников отечественной и западноевропейской артиллерии. Восемь его научных работ, посвященных истории оружия и очеркам о русских и зарубежных ученых

Ил. 3. Коллектив исторического архива, первый получивший Переходящее красное знамя за перевыполнение плана. Февраль 1941 г. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 3-Р. Оп. 2. Д. 403. Л. 27 об.

Второй ряд слева направо сидят: ученый хранитель фондов Ольга Васильевна Михайлова; заместитель начальника научно-исторического отдела военинженер 1-го ранга Николай Терентьевич Сорокин, заведующая архивом Ефросинья Викторовна Трескина, начальник музея Я. Ф. Куске, научный сотрудник архива А. П. Лебедевская, начальник научно-исследовательского отдела Петр Дмитриевич Львовский, технический сотрудник музея Мария Федоровна Плешакова.

(Д. И. Менделеев и его работах в области порохового дела; генерале французской морской артиллерии П. Шарбонье и его статьях в области внешней и внутренней баллистики; французском генерале Ж. Шаллеа, крупном специалисте в области артиллерийского дела), были опубликованы в первом «Сборнике исследований и материалов Артиллерийского исторического музея», изданном в 1940 г. Помимо архивных источников, эти статьи основывались на малоизвестных публикациях западноевропейских авторов — немецких, французских и итальянских ученых. Благодаря блестящему владению иностранными языками и отличному знанию артиллерийской науки, Петру Дмитриевичу удалось в своих статьях впервые в советской историографии не только ввести в научный оборот исследования мыслителей Западной Европы по затрагиваемым темам, но и дать этим работам свою личную оценку.

⁸ 15 марта 1919 г. приказом РВСР № 498 Артиллерийская академия вошла в состав Красной Армии и получила наименование Артиллерийская академия РККА. После революции в академии осталось на преподавательской работе большинство известных ученых, расцвет творчества которых пришелся на 20–30 годы XX в. Возглавлял академию с мая 1917 г. по сентябрь 1923 г. профессор С. Г. Петрович, заслуженный деятель науки. В 1932 г. в академии было создано три факультета: баллистический, механический и химический. С 1926 г. академии было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского.

⁹ Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 29/1. Д. 2. Л. 10 об.

¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 1 об.

¹² Львовский П. Д. Артиллерийский исторический музей РККА // Артиллерийский журнал. 1938. № 5. С. 83–86.

С началом Великой Отечественной войны в связи с быстрым продвижением противника вглубь страны в Артиллерийском историческом музее развернулась напряженная работа по подготовке музейного собрания к эвакуации в Новосибирск, которую предполагалось провести в три этапа. 5 июля из Ленинграда был отправлен первый эшелон в составе 37 вагонов. Вместе с историческими памятниками музея в первом составе были эвакуированы и 34 ящика с особо ценными предметами Института литературы (Пушкинский дом). Поздним вечером 14 июля второй эшелон с музейными экспонатами в составе 48 вагонов и платформ во главе с начальником музея Я. Ф. Куске отправился в Новосибирск¹³.

Оставшейся в Ленинграде команде была поставлена задача подготовить третий эшелон, куда предполагалось включить остатки архива, библиотеки и часть коллекций холодного и огнестрельного оружия. Сотрудниками команды, хранителями фондов Сомряковым, Комаровым и Соколовым, были составлены подробные описи предметов, подготовленных к эвакуации¹⁴. Но пока шла подготовка музейных ценностей к эвакуации, военные действия приблизились к пригородам Ленинграда. 26 августа из города ушли последние поезда. Третий эшелон не успели отправить — враг перерезал последнюю железнодорожную линию в районе Тихвина, связывавшую Ленинград с Большой Землей. Так 21 человек из штата сотрудников музея и почти треть музейных коллекций из различных фондов, подготовленных к эвакуации, остались в блокадном городе¹⁵.

Работу сотрудников музея в самый тяжелый период блокады города (осень 1941-весна 1942 г.) возглавил заместитель начальника музея военный инженер 1-го ранга П. Д. Львовский, который в полной мере разделил все тяготы, страдания и беды со своей командой. Деятельность Ленинградской команды — особая и незабываемая страница в истории музея, связанная с неслыханными жертвами и невыносимыми испытаниями.

В начальный период блокады Ленинграда работа сотрудников музея была направлена в первую очередь на спасение бесценных музейных коллекций, всесторонней помощи фронту и собиранию реликвий и трофеев войны. Первоначальная задача, стоявшая перед Ленинградской командой в блокированном городе, состояла в организации службы пожарно-сторожевых постов¹⁶ и отборе оружия из фондов музея для передачи его Артиллерийскому управлению Северного фронта. Работа по отбору

оружия для фронта отнимала много времени и сил. Надо было выявить стрелковое вооружение таким образом, чтобы не нанести непоправимый вред оружейным коллекциям музея.

На 26 августа в Артиллерийское управление Северного фронта были переданы 61 артиллерийская система, 76 винтовок и автоматов и 4720 патронов различных систем¹⁷. Кроме того, в фондах находилось более 120 винтовок различных систем с просверленными стволами. П. Д. Львовским был разработан упрощенный способ заделывания отверстий у оружейных стволов¹⁸, и вскоре ученые хранители артиллерийского и стрелкового фондов А. С. Сомряков и В. С. Комаров под руководством Петра Дмитриевича привели оружие в боевое состояние. С конца августа до 20 сентября для нужд фронта было передано 179 винтовок, автоматов, охотничьих ружей и 123 винтовки с просверленными и заделанными стволами. Так бывшие музейные предметы стали «воюющими памятниками» и поступили на вооружение народного ополчения, создаваемого в Ленинграде¹⁹. П. Д. Львовский писал в конце сентября 1941 г. в своем отчете в Новосибирск, что «эта работа была доведена до истощающей все ресурсы музея степени»²⁰.

Жизнь и деятельность малочисленной группы сотрудников Ленинградской команды проходила на фоне постоянных бомбардировок и артиллерийского обстрела города и тревоги за сохранность коллекций музея. Главное внимание в этот период было сосредоточено на обеспечении сохранности исторических памятников и здания музея. Пожарно-сторожевая служба, созданная в конце августа, несла круглосуточное дежурство, охраняя Кронверк и всю прилегающую к нему территорию²¹.

Разорвавшейся в ночь с 10 на 11 сентября на территории Кронверка огромной бомбой, спущенной на парашюте, были разрушены полностью центральная котельная музея, рабочее общежитие, слесарная и столярная мастерские, гараж и склады, повреждены все коммуникации и выбиты практически все стекла в окнах Кронверка, контужено 17 человек²². Корпус бомбы достигал в длину более 3 м, а вес доходил до 1,5 т. Такие бомбы немецкие летчики сбрасывали на город с целью разрушения жилых зданий и коммуникаций города (ил. 4).

¹³ Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 65. Л. 47.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 358 (Воробьев Т. И. История Артиллерийского исторического музея. Ч. II). Л. 74.

¹⁵ Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 65. Л. 48.

¹⁶ *Маковская Л. К.* Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Бомбардир. 2004. № 16. С. 88.

¹⁷ Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 65. Л. 55–56.

¹⁸ Там же. Д. 66. Л. 13 и об.

¹⁹ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 5, 7, 12, 39.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 67–69.

²¹ Там же. Л. 48.

²² Там же. Л. 66. Остатки металлического корпуса этой бомбы с шелковым парашютом были подобраны после взрыва и хранятся в фондах музея (Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 358. Л. 74).

Ил. 4. Залы верхнего этажа музея с музейным оборудованием и экспонатами после взрыва бомбы 11 сентября 1941 г. Фото научного сотрудника музея И. А. Соколова, умершего от голода в январе 1942 г. ВИМАИВиВС. Фонд фотодокументов. Инв. № 7/500–7

В связи с большими повреждениями коммуникаций Кронверка начальник Ленинградской команды решил устроить печное отопление в залах музея, чтобы экспонаты не оказались в промерзших и сырых хранилищах. Но попытка запастись дровами в условиях осажденного города оказалась невыполнимой.

В октябре 1941 г. бомбардировки и обстрелы города усилились. Только 8 октября на территорию музея было сброшено 120 зажигательных бомб²³. С каждым днем все сильнее ощущались голод и холод блокадного города. Изголодавшиеся, в промерзших помещениях, постоянно подвергаясь обстрелам, члены Ленинградской команды продолжали сохранять исторические предметы и нести круглосуточное дежурство. В ноябре 1941 г. огромный город остался без воды и электроэнергии. Стал остро ощущаться недостаток продовольствия. Прекратил работу городской транспорт²⁴. В декабре положение команды оказалось ката-

²³ Там же. Д. 65. Л. 76.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 358. Л. 75.

строфическим. Из-за отсутствия денежных средств на текущем счете Ленинградской команды заработная плата сотрудникам команды не выдавалась с сентября 1941 г. до 10 апреля 1942 г.²⁵. 26 ноября 1941 г. у П. Д. Львовского от истощения умерла дочь Нина²⁶.

30 декабря 1941 г. полковник Львовский в своем донесении начальнику музея пишет: «В тяжелых переживаемых условиях работоспособность личного состава команды сильно снизилась, увеличилось число заболевших. В тяжелой форме сейчас больны Сомряков, Соколов, Груздев, Иванов П. И., Лелин. Рабочий Иванов Е. Я. умер, очень слабы и близки к тому, чтобы свалиться, Комаров, Петров, Кузьмина. Состояние здоровья остальных также внушает тревогу. Настроение в команде в целом бодрое». Условия военной цензуры не допускали возможности более подробного изложения состояния дел в Ленинградской команде, да и связь с блокадным городом с декабря 1941 г. по январь 1942 г. была чрезвычайно затруднена, и многие сообщения и телеграммы Львовского, отправленные в Новосибирск, не были получены²⁷.

За первую блокадную зиму каждому ленинградцу приходилось решать сложные проблемы нравственного порядка. Коснулось это и Ленинградской команды, проявившей удивительное самопожертвование, потерявшей до 50% своего состава, но сохранившей практически все имущество музея. Лишь годы спустя всенародно объявят, что один день, прожитый в блокадном Ленинграде, равен подвигу. В осажденном городе люди не только голодали, страдали и умирали, они работали и помогали выстоять другим (ил. 5, 6).

В марте 1942 г. П. Д. Львовский слег с острой формой дистрофии, и командованием музея было принято решение срочно эвакуировать его в Новосибирск. Когда на замену заболевшему полковнику Львовскому в блокадный город 3 апреля 1942 г. прибыл интендант 2-го ранга П. И. Воробьев, то стал свидетелем исключительно тяжелой картины, обнаружив в музее всего одного трудоспособного человека, остальные или умерли от голода или были истощены до такой степени, что не могли двигаться и лежали дома²⁸ (ил. 7).

Эвакуировать Петра Дмитриевича Львовского, находившегося в крайней степени истощения, по льду Ладожского озера уже не представлялось возможным, так как этот путь прекратился с 4 апреля. Только

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.

²⁶ Там же. Д. 65. Л. 108.

²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 358. Л. 75.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.

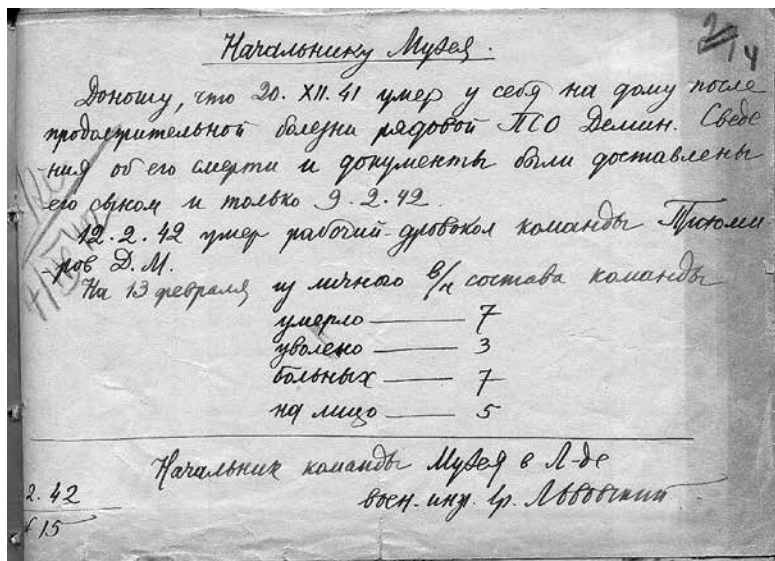

Ил. 5. Разрушения здания Кронверка от бомбардировок и артобстрелов. Зима 1942 г. ВИМАИВиВС. Фонд фотодокументов. Инв. № 7/500–8

Ил. 7. Вид части здания Кронверка, где располагался АИМ после артиллерийского обстрела весной 1942 г. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 3 Р. Оп. 2. Д. 403. Л. 8

Ил. 6. Рапорт П. Д. Львовского начальнику АИМ полковнику Я. Ф. Куске о состоянии Ленинградской команды на 13 февраля 1942 г. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 3 Р. Оп. 1. Д. 71. Л. 4

Ил. 8. П. Д. Львовский на уборке картофеля осенью 1942 г. Новосибирск. ВИМАИВиВС. Фонд фотодокументов. Инв. № 7/5273–3

в конце мая 1942 г. его вывезли на Большую землю и далее в Новосибирск²⁹.

Несмотря на всю тяжесть блокады, задачи, поставленные перед Ленинградской командой, были выполнены. Исторические памятники в большинстве своем были сохранены и взяты на учет. Огромная работа была проделана сотрудниками команды по сбору реликвий и трофеев

²⁹ Там же. Л. 7.

Ил. 9. П. Д. Львовский. Фотография с удостоверения о награждении медалью «За оборону Ленинграда». 3 ноября 1943 г. Новосибирск. ВИМАИВиВС. 1-й исторический фонд. Инв. № 20/6627–5

Великой Отечественной войны на Ленинградском, Волховском и Прибалтийском фронтах.

В Новосибирске полковник Львовский принял активное участие в разносторонней деятельности музея (ил. 8, 9).

Осенью 1945 г., когда все музейные коллекции возвратились в Ленинград, Петр Дмитриевич как начальник научно-исследовательского отдела занялся приведением в порядок архива, библиотеки и картотеки государственного учета, активно участвовал в разработке и усовершенствовании экспозиций по истории артиллерии. Выступая на методическом совете в ноябре 1945 г., он предложил представить в экспозиции музея памятники в порядке исторических событий, создавая общую картину отечественной истории и уделяя особое внимание работам русских мастеров³⁰.

За долгую и безупречную службу в рядах вооруженных сил СССР П. Д. Львовский был награжден орденом Ленина (1945), двумя орденами Красного знамени (1944, 1949) и медалью «За оборону Ленинграда». Кроме того, он был награжден юбилейными медалями «XX лет РККА» (1938) и «XXX лет Советской Армии и Флота» (1948).

Награды П. Д. Львовского ныне бережно хранятся в фондах музея. В 2010 г. они были представлены на выставке «Фронтовики, наденьте ордена», посвященной 65-летию победы в Великой Отечественной войне (1941–1945) и описаны автором и разработчиком выставки заслуженным работником культуры старшим научным сотрудником Т. Н. Ильиной в изданном буклете.

После увольнения в запас в 1949 г. Петр Дмитриевич не прерывал связь с музеем и продолжал исследовательскую деятельность, связанную с военной историей. В конце 1949 г. П. Д. Львовский закончил

свой новый исторический труд «Начало артиллерийской науки на Руси. XVI–XVII столетия». В этой работе он сделал вывод, что артиллерийское дело на Руси не стояло в стороне от научных достижений Запада, а успешно развивалось. Об этом свидетельствует огромное количество зарубежных научных изданий в библиотеках Посольского, Оружейного и Пушкарского приказов, которые постоянно изучались и своевременно пополнялись новейшей литературой³¹.

В 1958 г. во втором «Сборнике исследований и материалов АИМ» вышла его новая работа «Знамена отечественной артиллерии», где автор дал краткий исторический обзор собрания знамен русской артиллерии с XVIII в., когда артиллерия получила самостоятельную организацию, но не имела еще своих знамен. Заканчивалась статья описанием образца красного знамени, утвержденного 21 декабря 1942 г. Работа опиралась на обширный справочный аппарат по архивным документам и научным трудам по вексиллологии.

В третьем выпуске «Сборника исследований и материалов АИМ» за 1958 г. была помещена его статья «К вопросу о типах орудий древнерусской артиллерии», где П. Д. Львовский дал свои соображения по классификации огнестрельных орудий древнерусской артиллерии, разработанной ранее профессором А. В. Арциховским.

Ряд научно-исследовательских работ Львовского, посвященных началу артиллерийской науки на Руси и преобразованию русской артиллерии петровского периода, были включены в 1-й том «Истории отечественной артиллерии», изданный в 1959 г. Отдельные рукописные работы Петра Дмитриевича по истории русской артиллерии содержатся в архиве ВИМАИВиВС. Например, «Начало артиллерийской науки на Руси. XVI–XVII вв.» или «Русская артиллерия допетровского времени. VI–XVII столетия»³².

Скончался П. Д. Львовский в Ленинграде 25 августа 1964 г. на 74 году жизни.

Список литературы

- Боголюбов А. М. Роль святителя Николая в становлении православной миссии в Японии // Санкт-Петербург — Япония. XVIII–XXI вв. СПб., 2012.
- Дневники святого Николая Японского. Т. 3. СПб., 2004.
- Львовский П. Д. Артиллерийский исторический музей РККА // Артиллерийский журнал. 1938. № 5. С. 83–86.
- Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Бомбардир. 2004. № 16.

³¹ Там же. Д. 314. Л. 46.

³² Там же. Д. 279.

³⁰ Там же. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 30. Л. 29.

Ясуо Уишмаро Прокл. Японское православие и культура периода «Мэйдзи» // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. Киев 21–23 июля 1986 г. Материалы. М., 1988. С. 225–232.

Liudmila Petrovna RUDAKOVA

Research Fellow, Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: rudakova-1949@rambler.ru

Life path of colonel engineer P. D. Lvovskiy

The article is dedicated to the most vital events and work of colonel engineer Petr Dmitrievich Lvovskiy, who was born in Tokyo in the family of Russian Orthodox Mission regent, then fought during the First World War and volunteered to the Red Army in 1918. Later he worked in the Military Historical Museum of Artillery.

Keywords: P. D. Lvovskiy, Leningrad squad, Siege of Leningrad, Military Historical Museum of Artillery.

УДК 94 (47).084.8

ББК 63.3 (2) 622

Александра Николаевна СМИРНОВА

студентка Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: rambow@bk.ru

Научный руководитель: Денис Юрьевич АЛЕКСЕЕВ

доцент кафедры истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

ПОЛКОВНИК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПОНОМАРЁВ И ЕГО ПРОЕКТЫ МУЗЕФИКАЦИИ ПАМЯТНЫХ МЕСТ ОРАНИЕНБАУМСКОГО ПЛАЦДАРМА

Статья посвящена полковнику Николаю Ивановичу Пономареву, который во время Великой Отечественной войны служил начальником химической службы одного из авиаполков, защищавших Ораниенбаумский плацдарм. После войны он возглавлял совет ветеранов Ломоносовского района и много сделал для увековечивания памяти о войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, Краснознаменный Балтийский флот, Ораниенбаумский плацдарм, ветераны, мемориализация.

Мой прадед, Николай Иванович Пономарёв, родился 26 июля 1912 г. в Москве. В 1935 г. он связал свою жизнь с Рабоче-крестьянским Красным флотом (РККФ), окончив военное училище и став военно-морским лётчиком (*ил. 1*). Более 20 лет он прослужил в авиации Краснознаменного Балтийского флота. В 1938/1939 г. лейтенант обучался на специальных курсах командного состава РККФ им. Центрального исполнительного комитета Татарской автономной советской социалистической республики, закончив химический отдел по авиационному отделению (*ил. 2*).

В период Великой Отечественной войны капитан Пономарев служил в 71-й корабельном истребительном авиационном полку начальником химической службы полка. Нет такого аэродрома на Балтике, с которого бы не взлетала краснозвездная «Чайка» — истребитель И-153 — капитана Пономарева.

В первые дни Великой Отечественной войны он совершал боевые вылеты по разведке мест базирования кораблей противника в Финском заливе и Балтийском море. В то время приходилось учитывать возмож-

Ил. 1. Лейтенант Н. И. Пономарёв. Ок. 1939. Из архива семьи Колотыгиных

ность применения противником химического оружия, и капитан Пономарев обеспечивал готовность противохимической обороны.

С сентября 1941 г. и до января 1944 г. Николай Иванович воевал на непокоренном Ораниенбаумском плацдарме. Штурмовая авиация Краснознаменного Балтийского флота базировалась на аэродромном узле Борки — Гора-Валдай (ныне Ломоносовский район Ленинградской области). В начале октября 1941 г. он совершал разведывательные полеты над захваченным противником Новым Петергофом в поисках пропавшего без вести десанта балтийских моряков.

Являясь начальником химической службы дивизии, Пономарев руководил работой по ампулометанию с самолетов Ил-2. Осенью 1941 г. полк, дислоцируясь на передовых аэродромах, первым произвел вылет с зажигательным веществом, применяя метание ампул с зажигательной жидкостью КС. Пономарев сконструировал и изготовил подкрыльную кассету для истребителя, позволявшую применять ампулы и бомбы, сбрасывая их с планирования.

Ил. 3. Капитан Н. И. Пономарёв. Ок. 1944. Из архива семьи Колотыгиных

Ил. 4. Полковник Пономарев с женой и дочерью Людмилой. Из архива семьи Колотыгиных

Кассеты, имевшие малые размеры, не ухудшали маневренность самолета. Небольшой вес позволял увеличить полезную нагрузку в полтора раза при сбрасывании с планирования.

Зимой 1942–1943 гг. капитан Пономарев совершал боевые вылеты с территории плацдарма, уничтожая группировки противника в д. Лопухинка, д. Гостилицы, на перегоне Молосковицы — Волосово. В январе 1943 г. Николай Иванович принимал участие в прорыве блокады Ленинграда и в полном разгроме вражеских войск на Ленинградской земле в январе 1944 г. Николай Иванович закончил свой боевой путь в Восточной Пруссии (ил. 3).

За мужество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками он был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

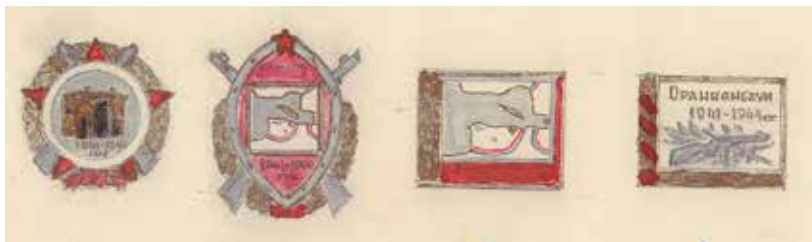
После войны и до демобилизации мой прадед продолжал службу в Калининградской области. Завершил службу в звании полковника. В 1958 г. вернулся в г. Ломоносов (до 1948 г. — Ораниенбаум). И с той поры его судьба стала неразрывно связана с Ленинградом — Ораниенбаумом — Ломоносовом. Здесь он воевал, здесь жила его семья, здесь он продолжал работать, выйдя в отставку (ил. 4).

В мирное время был секретарем партийной организации колхоза им. Ломоносова (д. Пеники Ломоносовского района), колхоза который не останавливал работу в течение всех блокадных лет. Здесь жили

Ил. 2. Разворот удостоверения об окончании специальных курсов командного состава РККФ им. Центрального исполнительного комитета Татарской автономной советской социалистической республики, выданного лейтенанту Н. И. Пономарёву

Ил. 5. Проекты нагрудного знака защитникам Ораниенбаумского плацдарма, выполненные Н. И. Пономарёвым. Из архива семьи Колотыгиных

и работали всю войну мои родные: прабабушки и прадедушки, родные и двоюродные. Был председателем колхоза им. Сталина (д. Копорье Ломоносовского района), начальником Ломоносовского молокозавода.

В 1964 г. в Ломоносове был создан совет ветеранов Ораниенбаумского плацдарма, одним из организаторов которого являлся мой прадед. С 1975 г. на протяжении почти 20 лет Николай Иванович являлся его бессменным председателем. Обладая художественный талантом и горячим патриотическим чувством, полковник в отставке Пономарёв создавал проекты памятных знаков и мемориальных объектов, связанных с Ораниенбаумским плацдармом. При его непосредственном участии были созданы многие памятники и мемориалы на его территории.

В 1967 г. исполком Ломоносовского горсовета учредил памятный нагрудный знак «Защитнику Ораниенбаумского плацдарма 1941–1944 гг.», сделанный по эскизам полковника Н. И. Пономарева (ил. 5).

По проекту Н. И. Пономарёва в мае 1979 г. в деревне Лопухинка был открыт мемориал Ораниенбаумским партизанам 1941–1945 гг. (ил. 6, 7, 8).

28 сентября 1975 г. в городе Ломоносове на месте стоянки крейсера «Аврора» в годы Великой Отечественной войны был установлен памятный знак «Причал». «Аврору» перевели в Ораниенбаум в первый месяц войны. Крейсер участвовал в обороне Ораниенбаума, защищал город от вражеских морских десантов и воздушных налетов. С инициативой о его создании выступил совет ветеранов. Памятник был сооружен по проекту председателя совета ветеранов Ораниенбаумского плацдарма Николая Ивановича Пономарева (ил. 9).

В 1975 г. Николаю Ивановичу было присвоено звание почетного гражданина города Ломоносова. Для ставшего родным для него города Пономарев подготовил проект герба (ил. 10).

Среди подготовленных им проектов — парадный вход на братское кладбище в Мартышкине (ил. 11, 12, 13), мемориал защитникам Ораниен-

Ил. 6. Мемориал ораниенбаумским партизанам, возведённый в 1979 г. по проекту Н. И. Пономарёва

Ил. 7, 8. Проекты мемориала ораниенбаумским партизанам, выполненные Н. И. Пономарёвым. Из архива семьи Колотыгиных

баумского плацдарма в центре Ломоносова (ил. 14), памятный нагрудный знак для участников операции «Нева-2» (ил. 15, 16).

Поколения уходят... Остается память. Я горжусь своими родными, историей моей семьи. Теперь наш город — город воинской славы, которую создавали они — наши прадеды и деды. В память о своих родных наша семья каждый год в День Победы участвует в торжественном

Ил. 9. Памятный знак «Причал» на месте стоянки крейсера «Аврора», возведённый в 1975 г. по проекту Н. И. Пономарёва

Ил. 10. Проект герба города Ломоносов, выполненный Н. И. Пономарёвым. Из архива семьи Колотыгиных

митинге на мемориале в поселке Мартышкино города Ломоносова. В последние годы вместе с ними мы идем в Бессмертном полку.

В нашей семье очень крепкие родственные связи. Я знаю не только своих двоюродных братьев и сестер, дядей и тетей, бабушек и дедушек, но и тех, кто является четвертым поколением моих родных. Моя бабушка была очень дружна со своей двоюродной сестрой Пономаревой Людмилой Николаевной. Её отец Пономарев Николай Иванович, летчик, полковник в отставке, прошедший всю войну, пожалуй, является одним из самых уважаемых пред-

Ил. 11, 12. Проекты парадного входа на братское кладбище в Мартышкине, выполненные Н. И. Пономарёвым. Из архива семьи Колотыгиных

Ил. 13. Проект парадного входа на братское кладбище в Мартышкино, выполненный Н. И. Пономарёвым. Из архива семьи Колотыгиных

Ил. 14. Проект мемориала защитникам Ораниенбаумского плацдарма в центре Ломоносова, выполненный Н. И. Пономарёвым. Из архива семьи Колотыгиных

Ил. 15, 16. Проекты памятного нагрудного знака для участников операции «Нева-2», выполненные Н. И. Пономарёвым. Из архива семьи Колотыгиных

ставителей нашего рода. Так сложилось, что мы — его праправнуки, стали его наследниками: все его документы и награды хранятся теперь в нашей семье.

Aleksandra SMIRNOVA

student, High School of Technology and Energetics, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design (St. Petersburg, Russia)

E-mail: rambow@bk.ru

Colonel Nikolay Ponomarev and his projects of museumification of memorable places of the Oranienbaum bridgehead

The article is devoted to Colonel Nikolai Ponomarev, who during the Great Patriotic war served as the head of the chemical service of one of the regiments that defended the Oranienbaum bridgehead. After the war, he headed the Council of veterans of Lomonosov district and did a lot to perpetuate the memory of the war.

Key words: Great Patriotic war, blockade of Leningrad, Baltic fleet, Oranienbaum bridgehead, veterans, memorialization.

Вячеслав Альбертович МОСУНОВ

аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sototh@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА (ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 1941 г.)

Во время Гражданской войны в России широко распространена была практика использования моряков на суше в качестве ударных частей. Летом 1941 г. эта практика вновь получила распространение. На Краснознаменном Балтийском флоте с июля 1941 г. создавались стрелковые бригады. Бригады первоначально подчинялись командованию флота и лишь потом передавались армейскому командованию. Опыт использования этих соединений оказался неудачным. Формирование бригад из моряков продолжалось до второй половины сентября 1941 г. После первых боев дисциплина в этих подразделениях часто падала до недопустимо низкого уровня. Эти части не оправдали возлагавшиеся на них надежды. Всего за период 1941 г. Краснознаменный Балтийский флот передал на формирование сухопутных частей до 78 000 человек.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборона Ленинграда, Краснознаменный Балтийский флот, морская пехота.

Практика формирования сводных частей из моряков для действий на суше была широко распространена в годы Гражданской войны. Во время Советско-финляндской войны к ней снова вернулись. А летом 1941 г. эта практика стала вынужденной мерой при обороне военно-морских баз (ВМБ). Морской пехотой называть эти части невозможно, так как они не имели специальной подготовки, снаряжения и вооружения. Сформированная еще до войны с Финляндией 1-я особая специальная стрелковая бригада формально готовилась к десантным действиям, но по своей сути являлась обычным стрелковым соединением.

Помимо формирования отдельных частей в рамках боевых действий при обороне ВМБ, практиковалось также создание отдельных соединений и подразделений из личного состава флота. Они использовались во время десантных действий и во время отдельных эпизодов боев на суше. Их формирование проходило в сжатые сроки, они бросались в бой часто без должного обучения личного состава, бойцы и командиры не имели времени узнать друг друга, не говоря уже о сколачивании частей и подразделений.

Источниками личного состава для бригад морской пехоты служили:

- подразделения эвакуируемых баз и береговых батарей;
- личный состав погибших и поврежденных кораблей;
- личный состав учебных отрядов, училищ, школ и экипажей;
- личный состав тыловых учреждений и частей;
- запасники, призванные по мобилизации;
- личный состав действующих кораблей, частей и береговых батарей.

Мы попытаемся проследить формирование этих частей в ходе кампании лета — осени 1941 г. под Ленинградом, не затрагивая вопросов обороны Лиепаи, Таллина и Ханко.

Но прежде, чем идти дальше, надо сказать несколько слов о том, кто в июле-августе осуществлял формирование частей. 5 июля 1941 г. было сформировано Управление морской обороны Ленинграда и озерного района, а еще через несколько дней, 10 июля, было создано Главное командование Северо-Западного направления. Главкомандующим направления был назначен маршал К. Е. Ворошилова, а его заместителем по морским делам стал адмирал И. С. Исаков. Штаб Морской обороны Ленинграда и Озерного района был создан на основе приказа наркома ВМФ на базе Управления военно-морскими учебными заведениями и частей флота. Штаб дислоцировался в Ленинграде и занимался также вопросами взаимодействия с сухопутными частями¹. Непосредственное участие в формировании бригад морской пехоты принял заместитель наркома ВМФ И. С. Исаков, который в это время также являлся начальником Главного морского штаба².

Первым соединением военного формирования стала курсантская бригада, сформированная в конце июня 1941 г. на основании приказа старшего морского начальника Ленинграда³. Бригада состояла из пяти батальонов: от Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе, Военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского, Военно-морского хозяйственного училища и учебного отряда подводного плавания им. С. М. Кирова. Командиром бригады был контр-адмирал С. С. Раамишвили. С 7 августа командиром бригады стал полковник В. К. Зайончковский, комиссаром бригады был назначен полковой комиссар Б. Т. Калачев. На этом посту его сменил 14 августа батальонный комиссар Ф. В. Васильев⁴. Всего в бригаде было 2500–3000 чел.⁵

¹ Боевая летопись ВМФ 1941–1942. М., 1982. С. 139; *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л., 1976. С. 103.

² *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. М., 1986. С. 153.

³ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941–1944. М., 1973. С. 369.

⁴ Боевая летопись ВМФ. 1941–1942. М., 1992. С. 139.

⁵ Легендами оваянная. Л., 1975. С. 7.

В сборнике «Легендами овейнная» приведены воспоминания капитана 1-го ранга Ю. И. Чернова, служившего в курсантской бригаде, автор воспоминаний отмечает такую вещь, как ротация личного состава. Первоначально бригада состояла из курсантов старших курсов, потом их сменила молодежь нового набора⁶. Вооружены они были легким стрелковым оружием⁷. Стоит отметить, что снаряжение и вооружение всех бригад 1941 г. формирования передавалось со складов флота⁸.

Более крупным и хорошо оснащенным подразделением стала 2-я бригада морской пехоты, сформированная 12 июля 1941 г. Личный состав бригады поступил из экипажей кораблей, учебных отрядов и частей береговой обороны. В бригаде было три стрелковых батальона почти по тысяче человек в каждом, в составе бригады числился танковый батальон. Каждый батальон был усилен батареей 76-мм орудий, в бригаде числился отдельный артиллерийский дивизион⁹. Командиром бригады был назначен майор Н. С. Лосяков¹⁰, после его ранения командиром был назначен капитан 3-го ранга Н. Л. Луцкий, а после него командование бригадой принял полковник В. М. Ржанов¹¹. Н. Л. Луцкий был назначен комиссаром бригады, сменив майора Л. Б. Слонимского.

Судя по свидетельствам участников боев, общая подготовка бойцов была на высоте. Многие из них до войны сдавали нормы ГТО¹², что помогало в боевой подготовке, проходившей по мере прохождения службы. Однако людей, имевших боевой опыт, было немного. Спаянность личного состава бригады оценить по литературе сложно, но, по воспоминаниям И. М. Максимова, на формирование бригады были брошены курсанты, которые до этого были в одном экипаже долгое время и успели «притереться» друг к другу¹³.

3-я бригада морской пехоты была сформирована 24 июля 1941 г. в составе 4762 человек¹⁴. Однако по данным, приведенным в книге Пестанова, личный состав бригады насчитывал 5179 человек¹⁵. Командиром бригады был назначен А. П. Рослов, полковник береговой оборо-

ны¹⁶, комиссаром бригады — полковой комиссар С. А. Аушев. В статье В. М. Ржанова указывается, что структура бригады была такой же¹⁷, как и у 5-й бригады морской пехоты. Всего в бригаде было четыре батальона, формирование которых велось одновременно в нескольких местах¹⁸. Отбор личного состава производился из самых дисциплинированных краснофлотцев. Расхождение в данных о количестве личного состава можно объяснить тем, что в состав 7-й армии убыли лишь четыре батальона бригады, основное же количество средств усиления формировалась уже на месте.

22 июля 1941 г. была сформирована 4-я отдельная бригада морской пехоты в составе 3954 человек¹⁹. В уже упоминавшейся статье В. М. Ржанова указано, что бригада имела одинаковый с 3-й бригадой штат. В бригаде было пять батальонов, артиллерийский дивизион, минометные батареи. Подразделения бригады формировались в Кронштадте²⁰, а потом бригада перешла в подчинение командованию Ладужской военной флотилии. В воспоминаниях указано, что около 20 человек командного состава Военно-морской медицинской академии²¹ были направлены на службу в формирующуюся бригаду морской пехоты. Командиром бригады был назначен генерал-майор береговой службы Б. П. Ненашев, комиссаром — полковой комиссар И. П. Вайдо²². В книге «Легендами овейнная» приведен очерк Я. В. Громова (в то время — инструктор политотдела по пропаганде), утверждавшего, что бригада была уже сформирована к 19 июля²³ и отправлена в Шлиссельбург, а потом и на Валаам. Видимо, память подвела автора очерка. В литературе сведений о вооружении бригады и боевой подготовке найти не удалось.

Формирование 5-й бригады морской пехоты производилось с 16 по 20 августа и было закончено к 21 августа 1941 г.²⁴ Бригаду формировали для переброски в Таллин. Поначалу бригада оказалась почти без вооружения. Личный состав для нее был взят из частей береговой обороны, учебного отряда и флотского экипажа и частей ВВС. Политсостав поступил из запаса. Отмечалась недостаточная подготовка

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. С. 369.

⁸ Козлов И. А., Шломин В. С. указ. соч. С. 140.

⁹ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. С. 369; Легендами овейнная. С. 52.

¹⁰ Боевая летопись ВМФ. 1941–1942. С. 139.

¹¹ Легендами овейнная. С. 54.

¹² Легендами овейнная. С. 103–104.

¹³ Не ради Славы: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной. СПб., 1995. С. 64.

¹⁴ Боевая летопись ВМФ 1941–1942... С. 140.

¹⁵ Там же. С. 139.

¹⁶ Пестанов С. А. Солдаты морской пехоты. Петрозаводск, 1975. С. 8.

¹⁷ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград... С. 370.

¹⁸ Пестанов С. А. Солдаты морской пехоты... С. 8.

¹⁹ Боевая летопись ВМФ. 1941–1942. С. 140.

²⁰ Трибуц В. Ф. Балтийцы сражаются. М., 1985. С. 44.

²¹ Легендами овейнная. С. 257.

²² Боевая летопись ВМФ. 1941–1942. С. 140.

²³ Легендами овейнная. С. 257.

²⁴ Боевая летопись ВМФ. 1941–1942. С. 141.

радистов, пулеметчиков и, главным образом, минометчиков. Политико-моральное состояние личного состава бригады считалось удовлетворительным. 45-мм пушек не было, крупнокалиберных и зенитных пулеметов — тоже. Станковых пулеметов было два, ручных пулеметов — 8, снайперских винтовок — 151, автоматических винтовок не было. Винтовок обр. 1891/30–501 на всю бригаду, пистолетов ТТ и револьверов «Наган» — 237.

Винтовки:

1 сб — 125

2 сб — 49

3 сб — 125

4 сб — 125.

Укомплектованность:

Управление — 254 человека

1 сб — 948 человек (штат — 876).

2 сб — 874 человек.

3 сб — 873 человек.

4 сб — 874 человек.

Комплектование бригады производил майор В. Ф. Райков, по одним данным — врид командир бригады²⁵, под другим — начальник штаба²⁶. Сразу же после формирования бригада была в буквальном смысле разорвана напополам. Два ее батальона отправились под Выборг.

После перебазирования штаба флота в Кронштадт и далее в Ленинград механизм принятия решений по формированию изменился. Флот оставался в оперативном подчинении штаба Ленинградского фронта, и теперь распоряжения о формировании морских сухопутных частей начал отдавать Военный совет фронта.

6-я бригада была сформирована в Кронштадте 15 сентября 1941 г.²⁷ (командир — полковник Ф. Е. Петров, военком — батальонный комиссар П. Я. Ксенз). Решение о формировании бригады было принято еще 12 сентября 1941 г. Военным советом Ленинградского фронта²⁸. Источниками личного состава для бригады стали личный состав кораблей, учебный отряд КБФ и курсанты 1-го курса Военно-морского медицинского училища. Общая численность бригады составляла более 8000 че-

ловек²⁹. Надо отметить, что все «морские» командиры бригады вскоре были заменены армейскими³⁰.

7-я бригада морской пехоты была сформирована 19 сентября 1941 г. за счет личного состава учебного отряда подводного плавания, из экипажей линкоров, эсминцев, подводных лодок и других боевых кораблей. Так, 1-й батальон был сформирован из матросов-линкоровцев, 2-й — из матросов с эсминцев, 3-й — матросов с подводных лодок³¹. Командиром бригады стал Т. М. Парафилло, сменив на этом посту В. М. Ржанова. В двадцатых числах сентября в бригаду были влиты и остатки личного состава 1-й бригады морской пехоты — всего около 300 человек³².

Бригады первоначально подчинялись командованию флота и лишь потом передавались в подчинение армейскому командованию. 2-я и 5-я бригады морской пехоты числились в составе Ижорского укрепленного сектора береговой обороны³³. Однако секторы береговой обороны в конце концов были также переподчинены армейскому командованию в оперативном отношении³⁴. Все это создавало дополнительные трудности в управлении войсками и, видимо, это одна из причин, почему в трудах, посвященных истории битвы за Ленинград, так мало места отводится бригадам морской пехоты.

При изучении документов получается следующая практика формирования частей из моряков. Из отчетных документов соединений и объединений флота известно, что срок формирования батальонов морской пехоты доходил до одних суток и редко когда поднимался до трех. При этом речь идет и об отдельных батальонах, и о тех, которые входили в состав более крупных соединений.

Вот достаточно показательный приказ, хорошо иллюстрирующий, как работал механизм формирования.

О сформировании морских бригад № 3 и 4³⁵.

Во исполнении распоряжения ВС ГК СЗН о создании 3 и 4 морских бригад приказываю:

3-ю морскую бригаду сформировать из воинских частей базирующихся на Кронштадт, Петергоф и Ораниенбаум, под командованием полковника Рослова. 4-ю морскую бригаду сформировать из воинских морских частей, базирующихся на г. Ленинград, под командованием генерал-майора

²⁵ Легендами оваянная. С. 97; Камалов Х. Х. Морская пехота в боях за Родину М., 1983. С. 42.

²⁶ Боевая летопись ВМФ 1941–1942. С. 141; Ораниенбаумский плацдарм. Л., 1971. С. 168; Абрамов Е. П. Морская пехота в Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 193.

²⁷ Боевая летопись ВМФ. 1941–1942. С. 147.

²⁸ Легендами оваянная. С. 173.

²⁹ Трибуц В. Ф. Балтийцы сражаются. С. 101.

³⁰ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. С. 371.

³¹ Там же.

³² Легендами оваянная. С. 38; Камалов Х. Х. Указ. соч. С. 37.

³³ Мы из Кронштадта. С. 262.

³⁴ Там же. С. 266.

³⁵ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ) Ф. 1507. Оп. 31. Д. 11. Л. 109.

Ненашева. Формирование 3-й морской бригады возложить на командира КВМБ контр-адмирала Иванова, 4-й морской бригады — на командующего МОРЛиОР контр-адмирала Челпанова.

Формирование и вооружение произвести применительно к штату № 05/911 для морских бригад. Формирование 1, 2 и 3 батальонов 3-й бригады и 1, 2 батальонов 4-й бригады закончить 19 июля 1941 г. Формирование 4, 5 батальонов 3-й бригады закончить 24 июля 1941 г. Формирование 3, 4 батальонов 4-й бригады закончить 22 июля 1941 г. 4-й батальон 3-й бригады формировался командиром УО КБФ из рядового и младшего нач. состава Кронштадтского флотского экипажа отряда ВСНК. Недостающий личный состав пополнить из УО КБФ. 5-й батальон из Запасного полка БО и Кронштадтского флотского экипажа.

Особо стоит выделить первую строчку — из нее следует, что приказ на формирование отдавали К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов. Если по 3-й бригаде автор пока не нашел точных данных, сколько и откуда поступало туда людей, то по 4-й бригаде удалось просмотреть приказы о назначении. Большинство тех, кто был назначен туда на командные должности, были из запаса или ранее служили в военно-учебных заведениях. А рядовой личный состав шел в бригады из Кронштадтского и Ленинградского полуэкипажей и других сухопутных частей флота. Стоит обратить внимание, что бригадами морской пехоты эти соединения не называются даже в самом приказе. За 1941 г. эти соединения чаще всего называли именно так — бригада моряков. Термин «бригада морской пехоты» стал часто использоваться позже, с осени 1941 г.

Скоро командованию КБФ стало понятно, что флот не сможет бесконечно выделять людей на сухопутный фронт. Поэтому уже в начале августа В. Ф. Трибуц и Н. К. Смирнов обратились к И. С. Исакову с просьбой:

Доношу, что из учебной бригады ПЛ и отряда ВСНК [вновь строящихся кораблей] флота отправлено на сухопутный фронт в бригаду моряков 46 человек, из них специалистов-подводников — 11 человек, надводников — 35 человек. Ценные специалисты для флота используются командирами стрелковых и пулеметных взводов и рот, тогда как при необходимости замены при потерях на флоте и новых формированиях, а также обеспечения вновь поступающих кораблей флот может оказаться перед непреодолимыми трудностями в области обеспечения специалистами. Военный совет флота просит вашего приказанья теперь же возвратить к месту прежней службы указанных специалистов³⁶.

Это было одно из первых, но далеко не последнее подобное обращение. Особенно яростно флотские командиры будут пытаться отстоять оставшийся личный состав в октябре 1941 г. Успеха это не возымеет.

³⁶ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ) Ф. 161. Оп. 32. Д. 11.

Личный состав флота все равно будет отправляться на сухопутный фронт.

Как были одеты эти люди? Скорее всего, до сентября 1941 г. они воевали в своей повседневной морской форме. Но 1 сентября 1941 г. появился приказ наркома ВМФ, где говорилось, что «все части КБФ, Моробороны и ЛВФ [Ладожской военной флотилии], действующие на суше <...> переодеть в общеармейское обмундирование защитного цвета».

К моменту, когда был отдан этот приказ, на сухопутном фронте уже действовало значительное число морских частей. Только согласно ниже приведенной справке о количестве личного состава ВМФ, находящегося на фронте получается следующая картина:

1-я морская бригада — 2865
2-я морская бригада — 2724
3-я морская бригада — 3453
4-я морская бригада — 2977
42 местный стрелковый батальон — 730
5-й батальон 3-й морской бригады — 731
5-я морская бригада — 3144
Отдельный батальон ЗУР [Западный укрепленный района_] — 910
Всего 17534 (16624)

И это не считая курсантской бригады. Следует считать эти цифры приблизительными.

Чем вооружали этих людей? Достаточно широко распространено утверждение о том, что части, сформированные из моряков, имели на вооружении значительное количество самозарядных и автоматических винтовок. Но первоначально именно флот снабжал морские части оружием. А данные о его количестве на начало войны сейчас стали известны. Вот сколько стрелкового оружия числилось за КБФ к началу войны³⁷:

792 пулемета системы Максим.
899 ручных пулеметов Дегтярева.
76 644 винтовок образца 1891/30 г.
1195 снайперских винтовок.
940 винтовок автоматических.
15 597 револьверов и пистолетов.

Как видно из этих данных, никакого изобилия автоматического оружия на флоте не наблюдалось. Более того, примерно такая же ситуация по обеспеченности стрелковым вооружением была и на Северном флоте. Да и сам штат стрелкового батальона для морской бригады не предусматривал того, что подавляющее большинство личного состава будет вооружено винтовками СВТ и АВС. Этот штат был утвержден еще в фев-

³⁷ Там же. Ф. 161. Оп. 43. Д. 30.

рале 1940 г. и согласно ему в батальоне численностью более 900 человек должно было быть более сотни самозарядных винтовок. Но были подразделения, все же получавшие большое количество самозарядных винтовок или автоматического оружия.

Из тяжелого вооружения флотские части получали 50-мм и 82-мм минометы и полковые пушки обр. 1927 г. Гаубичная артиллерия в ряде бригад имелась, но в относительно небольшом количестве. Противотанковая артиллерия была представлена 45-мм пушками.

Была у моряков и бронетехника. Так, исходя из приведенного ниже приказа И. С. Исакова от 10 августа прибывшие гусеничные машины распределялись следующим образом³⁸:

Прибывшие от начальника Автобронетанкового управления ВМФ танки Т-40 и трактора Т-20 распределить следующим образом:

Т-40—5 машин в 2-ю морскую бригаду

Т-20—6 машин во 2-ю морскую бригаду.

Т-20—6 машин — ВВС КБФ

Т-20—6 машин — в 4-ю морскую бригаду.

И это далеко не полный перечень танков или легких гусеничных тягачей, которые использовались в морских сухопутных частях. Известно, что во 2-й бригаде моряков уже в июле 1941 г. имелся отдельный танковый батальон, где использовались танки Т-26.

Флотских запасов оружия уже скоро начало не хватать. Известно и выше было уже показано, что когда в августе 1941 г. формировали 5-ю бригаду морской пехоты, то выяснилось, что в бригаде не хватало противотанковой артиллерии, крупнокалиберных пулеметов, станковых и ручных пулеметов, в наличии было только 26 автоматических винтовок, отсутствовал автотранспорт. Примерно такая же картина наблюдалась при создании 6-й и 7-й бригад морской пехоты. Из каких источников вооружили бойцов этих бригад, пока не ясно

Как воевали эти люди?

Сухопутные формирования из моряков принимали активное участие в обороне Таллина, но там это было вынужденной мерой. Здесь же речь пойдет о том опыте, который был получен в июле-сентябре 1941 г. в ходе обороны Ленинграда.

Одной из первых боевых операций, в которых принимали участие только что сформированные части морской пехоты, стали бои в Южной Карелии. В них принимали участие подразделения 3-й бригады морской пехоты.

Наиболее показательным в плане того, как будут использоваться морские сухопутные части в дальнейшем, стала высадка десанта на острова Лункулансаари и Манстисаари. Туда по приказу адмирала И. С. Исакова высадили два батальона только сформированной 4-й бригады морской пехоты. Оба батальона в ходе боя с финскими частями были разгромлены, во втором случае выяснилось, что часть батальона во главе с командиром и комиссаром просто бежала с острова. При дальнейшем расследовании стало известно, что подразделения получили неисправное оружие, а их личный состав был абсолютно не готов вести бой на суше. На должности командиров взводов в батальонах были назначены военные музыканты и физкультурники. Почти весь личный состав не был готов к ведению штыкового боя и не умел пользоваться автоматическим оружием. Всего из состава двух батальонов бригады погибло 758 человек.

Затем настал черед вступить в бой 2-й бригаде морской пехоты. Это случилось в августе 1941 г. Здесь своеобразие использования этих частей на суше проявилось в полной мере. В августе 1941 г. 2-я бригада морской пехоты оказалась в самом пекле боев. Она действовала в составе 8-й армии Северного, а потом и Ленинградского фронтов и отходила с тяжелыми боями к Ленинграду. С этими эпизодами связан ряд моментов, которые мы и попытаемся прояснить.

Известный исследователь боевого пути морских сухопутных частей Х. Х. Камалов прямо указывает, что именно 2-я и 5-я бригады морской пехоты сорвали попытку немецких войск прорваться к южному берегу Финского залива. Автор современных обобщающих работ по истории советской морской пехоты Е. П. Абрамов ограничился общими утверждениями.

Во второй декаде августа один из трех батальонов 2-й бригады морской пехоты выдернули из подчинения командира и отправили под Кингисепп. Скорее всего, это был 3-й стрелковый батальон. Он принял участие в отчаянном контрударе 8-й армии 19–20 августа. К сожалению, документы армии фиксировали положение только отдельных батальонов морской пехоты, не привязывая их к какому-то конкретному соединению. В течение 9–15 августа 2-й батальон бригады действовал совместно с 2-й дивизией народного ополчения генерала И. М. Любовцева.

Соединения бригады к 15 августа находились в районе Котлов. Учитывая тяжесть ситуации и то, что противник практически перерезал дорогу на Ленинград, бригаде было приказано восстановить положение, наступая в направлении Керстово — Алексеевка, перерезать дорогу на Веймарн и выйти на шоссе Кингисепп — Ленинград. Приказ был отдан комендантом Лужского укрепленного сектора КБФ генерал-майором Ю. Н. Денисевичем. В принятии решений последний руководствовался данными разведки.

³⁸ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 580. Оп. 1. Д. 108. Л. 69.

Однако и есть и другая информация: 17–21 августа бригада вела бои в районе Кингисеппа. 1-й батальон бригады контратакой выбил противника из Кингисеппа. Ночным ударом моряки выбили противника и из деревни Алексеевка и к 8 часам утра 16 августа 1941 г. вышли на шоссе Кингисепп — Ленинград, перерезав дорогу в Веймарн. Судя по воспоминаниям В. М. Ржанова, бригаде пришлось вести тяжелые оборонительные бои на этом участке.

Самые главные события развернулись 22 августа. Немецкие войска нанесли удар на стыке подразделений 2-й дивизии народного ополчения и 2-й бригады морской пехоты в направлении Котлы — Копорье. Согласно журналу боевых действий 8-й армии, бригада отбила все атаки. Сюда был переброшен батальон кавалера ордена Ленина и участника войны с Финляндией Степана Иосифовича Боковни. Он возглавил контратаку только что сформированного отряда. 23 августа он получил приказ выбить немцев из деревень Малли, Горки, Заполье, Алексеевка и перерезать шоссе Кингисепп — Ленинград. В его отряд вошли не только моряки и часть танкового батальона бригады, по воспоминаниям самого С. И. Боковни, у него в подчинении был также батальон Ленинградского пехотного училища.

Его отряд атаковал противника в ночь с 23 на 24 августа и смог потеснить противника. Исходя из доступных немецких документов, получается, что его отряд вел бой или с частями 58-й пехотной дивизии из 38-го армейского корпуса, или с подчиненными ей подразделениями. Однако немцы пишут об отходе своих частей у Алексеевки в ночь с 22 на 23 августа. В донесении разведотдела дивизии говорится о яростной ночной контратаке, в которой участвовали и танки.

Из ряда исследований известно, что основная часть бригады находилась севернее Керстово и была усилена батальоном курсантской бригады. Считается, что с 26 августа 2-я бригада участвовала в боях за Котлы, прикрывая отступление частей 8-й армии. 26–27 августа бригада совместно с батальоном курсантов вела оборонительные бои. В результате боевых действий 28 августа бригада вынуждена была оставить свои позиции в районе Котлов и отойти на новые позиции в районе Копорья к 1 сентября 1941 г.

В реальности 25 августа бригада уже отошла под ударами противника, и С. И. Боковня вместе со своими людьми оказался в окружении. Из него он смог выйти как раз к началу боев за Копорье. Отход остатков частей бригады проходил в беспорядке.

Разведывательные донесения немецкой 58-й дивизии добавляют к этому следующее. Немцы обнаружили перед фронтом дивизии как минимум два батальона моряков. О беспорядочном отходе там ничего не говорится, но в вечернем донесении от 25 августа есть упоминание

о расстреле политрука, который служил во 2-м батальоне моряков. Его или допрашивали перед казнью, или внимательно просмотрели документы, так как в донесении есть сведения о прохождении им службы. И, судя по немецким донесениям, противостоящие 38-му корпусу части Красной армии отходили, яростно сопротивляясь. В донесении прямо говорится о борьбе до последнего. Пленные моряки здесь фиксируются достаточно четко. Судя по всему, танковый батальон бригады также потерял большую часть машин именно в эти дни.

В этих боях был ранен командир бригады майор В. М. Лосяков, во временное командование бригадой с 26 августа вступил капитан 3-го ранга Н. Л. Луцкий. Бригада отошла к Войнолосово, ее там фиксирует и немецкая разведка. На этом направлении 58-я пехотная дивизия вела серьезный бой. В штаб 18-й армии отсылались донесения о сильных контратаках со стороны Красной армии. Но журнал боевых действий 8-й армии однозначно говорит, что речь идет о действиях ее стрелковых дивизий — там действовали остатки 118-й и 268-й стрелковых дивизий. А вот про бригаду моряков, сказано, что она бросила фронт и под ударами авиации рассеялась на север. Это полностью противоречит тому, что в свое время утверждал ее бывший командир В. М. Ржанов. Он в своем очерке писал, что бригада и курсанты успешно отбивали атаки врага.

Теперь советским войскам надо было удержаться на рубеже от берега Финского залива до Котлов, чтобы не дать немцам ворваться на Копорское плато. После прорыва к Копорью немцам открывался прямой путь на Ленинград. И в районе около Войнолосова вместе с остатками двух стрелковых дивизий дрался и одинокий батальон моряков.

А остатки бригады, видимо, действительно отошли к Копорью, где и приводились в порядок. 30 августа им была поставлена задача обеспечить оборону поселка. Получается, что они вошли в состав Копорской оперативной группы. В распоряжении советских командиров оказались сутки затишья. А потом немцы продолжили свое наступление. К сожалению, о действиях 2-й бригады вплоть до начала сентября оперативные документы молчат. В. М. Ржанов утверждал, что бригада удерживала Копорье до 7 сентября 1941 г. В этом случае получается, что моряки сыграли решающую роль. Но мы несколько отвлеклись от судьбы С. И. Боковни. Он позднее вспоминал, что принял командование батальоном, сформированным из остатков бригады, и участвовал в отчаянных контратаках, целью которых было максимально задержать продвижение противника. Тогда по району Копорья стреляла «Красная горка», впервые с начала войны открывшая огонь по врагу. И, согласно С. И. Боковне, Копорье было оставлено гораздо раньше, чем наступило 7 сентября. Бой батальона Боковни частично подтверждается докумен-

тами 8-й армии. Но вплоть до 3 сентября никаких подробностей о действиях остатков бригады в журнале боевых действий армии не встречается. Из наградного листа Боковни известно, что он шесть раз водил свой отряд в атаку только за 1–2 сентября.

По немецким данным, 58-я пехотная дивизия подошла к Копорью к вечеру 31 августа и там втянулась в тяжелые бои. А днем 1 сентября она захватила Копорье. В дальнейшем, немцам удалось продвинуться не на север, а на восток к Ленинграду. Это было связано с тем, что немецкое командование вынуждено было отложить уничтожение 8-й армии на некоторое время. Было решено сначала окружить Ленинград, а уже потом заниматься уничтожением остатков советских войск.

В это время части 8-й армии отходили на рубеж по р. Воронка. Вот здесь и пригодились только что сформированные морские части. Батальоны уже 5-й бригады морской пехоты стали занимать относительно спокойные участки. А 2-я бригада после пополнения в начале сентября действовала уже восточнее, у села Гостилицы, где ее батальон удерживал одну из важнейших высот — гору Колокольную. Всего только за период с 16 по 27 августа, по данным Х. Х. Камалова, который ссылается на документ политуправления КБФ, и поныне практически недоступный исследователям, бригада потеряла 56 человек командного состава, 273 младших командира, 1400 человек рядового состава³⁹. Это чудовищные потери для такого небольшого соединения. В результате того, что нет никакой возможности ознакомиться с самим делом, мы до сих пор не можем сказать есть ли там потери остальных частей, которые действовали вместе с бригадой.

Получается, что 8-я армия сыграла в боях августа 1941 г. значительную роль. Но какова была роль именно морских частей в том, что немцам не удалось уничтожить советские части? Пока можно сделать осторожный вывод, что роль морской пехоты здесь была несколько преувеличена. Ведь в составе армии в разное время сражались от 4 до 7 стрелковых дивизий, и каждая внесла свою лепту. Самой 2-й бригаде посильную помощь оказывали соседи. А силы противника были представлены двумя армейскими корпусами 18-й армии, в составе которых было четыре пехотные дивизии. Другое дело, что когда немецкое командование все же решило, что ему важнее сначала прорваться к Ленинграду, а уже потом приняться за уничтожение 8-й армии, то именно наличие частей моряков, 2-й и 5-й бригад морской пехоты, позволило выделить силы для действий на восточном фланге 8-й армии.

Если говорить об уже упоминавшейся выше 5-й бригаде морской пехоты, то с ней случилось следующее. Хотя она формировалась для

³⁹ Камалов Х. Х. Указ. соч. С. 43.

переброски в Таллин, два ее батальона отправились воевать на Карельский перешеек. В боях с частями 8-й пехотной дивизии финнов, которая форсировала Выборгский залив, они понесли большие потери, попали в окружение и в дальнейшем действовали в составе Выборгского сектора береговой обороны на островах Бьёркского архипелага.

Из Таллина была вывезена часть 1-й бригады морской пехоты. Ее подразделения были одними из последних, уходивших из Таллинна. Они получили приказ на эвакуацию 27 августа. В Кронштадт бригада прибыла 29 августа. Стоит отметить, что из трех батальонов бригады и других подразделений уцелело после Таллиннской эпопеи около 600 человек.⁴⁰ Однако уже к 6 сентября бригада получила пополнение и численность ее была доведена до прежнего состава. Источниками личного состава стали два батальона расформированной бригады курсантов и личный состав специальных подразделений Кронштадского порта⁴¹.

При этом новый командный состав не успел узнать бойцов бригады в лицо, соединения бригады не получили должной подготовки, но положение к этому времени сложилось настолько угрожающее, что бригаду даже в таком состоянии бросили в бой. 8 сентября она прибыла в Ленинград и к ночи была уже в районе Красного Села. Моряки прибыли без боезапаса и шанцевого инструмента, оружие бригады было еще в смазке, а часть была переделана из учебного. Артиллерия отсутствовала⁴². К этому времени бригада поступила в распоряжение 42-й армии и последней была отдан приказ наступать. Командный состав бригады отлично осознавал неготовность соединения к боевым действиям, и благодаря вмешательству маршала К. Е. Ворошилова бригада, уже находившаяся на передовой, была дополнительно обеспечена вооружением⁴³.

Атака 1-й бригады морской пехоты в дальнейшем породила легендарную историю, главным действующим лицом в которой был К. Е. Ворошилов. В целом ряде книг о битве за Ленинград приводится рассказ о том, как маршал и командующий фронтом лично возглавил атаку морских пехотинцев. Этот эпизод был включен и в художественный фильм «Блокада». Имеется как ряд свидетельств, утверждающих, что этот эпизод произошел на самом деле, так и опровергающие их утверждения адъютанта К. Е. Ворошилова. Что касается документов, то военком бригады в своем донесении также утверждал, что Ворошилов шел в атаку в боевых порядках моряков. Поэтому возникает закономерный вопрос — что же там в действительности произошло? Так как первич-

⁴⁰ Там же. С. 26

⁴¹ Абрамов Е. П. Морская пехота... С. 157

⁴² Воюет Балтика. С. 208.

⁴³ Ораниенбаумский плацдарм. С. 39–40.

ным свидетельством является документ, подготовленный политотделом бригады, то скорее всего Ворошилов действительно участвовал в атаке.

Основной удар частей моряков с приданными танками КВ пришелся на 1-ю пехотную дивизию. Для немцев это была в первую очередь танковая атака. Моряков они почти не заметили. Серьезного успеха атака не имела. Красное Село удержать не удалось. В ночь с 11 на 12 сентября 58-я пехотная дивизия захватила этот пригород Ленинграда. Моряки держали оборону еще в течение четырех суток, прикрывая Ропшинское шоссе. В этих боях бригада потеряла до 70% личного и до 80% командного состава⁴⁴.

14–15 сентября численность бригады уменьшилась до размеров батальона⁴⁵. Бригада отошла к Стрельне, на новый рубеж обороны у реки Стрелка. В новом районе сосредоточения она вела бои еще в течение 4 дней. Но немцы прорвались к Петергофу, и части бригады и 10-й дивизии, у командира которой бригада была в оперативном подчинении, начали отход в сторону Нового Петергофа. К 20 сентября бригада была сосредоточена у северо-восточной окраины Нового Петергофа.

Последним рубежом обороны стал Нижний парк, там бойцы бригады вели бои с 20 по 22 сентября, а 23 сентября остатки бригады (около 300 человек) были отведены в Ораниенбаум, а потом и в Ленинград, где были включены в состав 7-й бригады морской пехоты⁴⁶.

В боях за Петергоф также участвовали и отдельные батальоны моряков. Они получили крайне низкую оценку армейского командования. А. Д. О कोरोков, член военного совета 8-й армии, позже писал, что морская пехота хуже армейской. Правда, там же он отмечал, что бойцы Красной армии не выносят минометного огня и разбегаются. Поэтому его оценка не может считаться объективной.

Накопленный опыт использования морских сухопутных частей попытались обобщить. Довольно быстро стало ясно, что опыт формирования частей морской пехоты и морских бригад показал неудовлетворительные результаты. В Главный морской штаб ушла следующая бумага⁴⁷:

Комплектование старшим, средним и младшим начальствующим составом производилось неудовлетворительно. На должности назначались неподготовленные командиры. Подбору и расстановке специалистов — пулеметчиков, минометчиков, телеграфистов, радистов и др. внимания не уделялось. Имеемые средства оставались некомплектованными.

⁴⁴ Трибуц В. Ф. Указ. соч. С. 96.

⁴⁵ Там же. С. 42.

⁴⁶ Легендами овеванная. С. 38.

⁴⁷ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 41. Д. 5. Л. 414.

В период формирования боевой подготовки не велось. Командный состав вместо этого занимался хозяйственными и канцелярскими вопросами. Штабы соединений и частей за ходом формирования и боевой подготовкой не следили и не руководили. Тыловые органы не своевременно обеспечивали оружием и снабжением.

Такое отношение при условии ограниченного времени привело к тому, что части оружием и снабжением удовлетворены были несвоевременно и большая часть назначенных бойцов не была обучена стрельбе, гранатометанию, ведению штыкового боя, маскировке и элементарным знаниям тактики. В результате части морской пехоты и морских бригад при первом же столкновении с противником несли большие потери.

Для улучшения подготовки морских формирований принять к руководству следующее. Командиров частей и соединений стремиться назначать опытных и имеющих боевой опыт. На должности командиров стрелковых рот командиров кадрового в основном состава и запаса, имеющих общевоинскую подготовку. При назначении бойцов-специалистов в части, особое внимание уделять укомплектованию пулеметов, минометов и средств связи. Обучение производить по программам ускоренной боевой подготовки стрелковых частей Красной армии. Причем, обращать внимание на то, что нужно в бою и не методами словесности, а показом.

Вот еще один документ, в котором говорится о практике формирования морских сухопутных частей⁴⁸:

К основным недостаткам, связанным с передачей наших частей армии относятся следующие:

Некоторые армейские соединения относятся к морским частям, как к временному приданным, отсюда не всегда ответственное руководство ими, недостаточная забота о наших людях, несвоевременное снабжение и довооружение, наши части не доукомплектовываются и т. д. Этот вопрос ставился нами перед военным советом фронта.

Быстрые формирования частей. Большинство переданных армии частей сформированы в минимальные сроки. Были случаи, когда батальон формировался в течение суток и сразу же отправлялся на фронт. Люди не успевали узнать друг друга, командиры не знали бойцов, бойцы не знали командиров, и такие сырые, несколоченные подразделения бросали в бой.

С переходом в армейское подчинение личный состав теряет в денежном содержании. Это сказывается на настроениях бойцов.

Не решен еще вопрос о порядке присвоения военных званий нашим командирам и политработникам, находящимся в подчинении армейских соединений. До последнего времени этим вопросом занимался военный совет КБФ, но сейчас это делать становится все труднее, т. к. не руководя людьми непосредственно, мы можем наделать ошибок. Данный вопрос будет поставлен перед военным советом фронта.

⁴⁸ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 41. Д. 7. Л. 121.

Докладаваю, что среди личного состава КБФ, находящегося на сухопутном фронте есть предательские явления перехода на сторону врага. О количестве переходов за последнее время донесу телеграммой. Анализ причин Вам известен из донесений начальника пубалта.

В исполнение Вашей телеграммы представляю специально составленную справку о сформированных и переданных в армейские соединения частях КБФ.

Несмотря на появление таких документов, использование морских бригад по частям, без должной подготовки и обеспечения продолжалось и в дальнейшем. Голоса, требующие прекратить эту практику, раздавались все сильнее. Особенно возмущала флотских начальников практика использования моряков на суше:

Факт безобразного отношения со стороны армейских соединений к частям морской пехоты наблюдается неоднократно. Некоторые армейские руководители не учитывают, что личный состав моряков для ведения боевых операций на суше не подготовлен, и прежде чем направлять в бой, необходимо длительное обучение. Флот отдает своих лучших людей на формирование сухопутных частей. С кораблей снимаются ценные специалисты, готовящиеся много лет.

Качество личного состава в этих соединениях тоже вызывало вопросы. Только в декабре 1941 г. выяснилось, что в 7-й отдельной бригады вошло около 60 человек с тяжелыми ранениями и заболеваниями. Кроме этого, согласно приказу наркома ВМФ существовала практика отправки на сухопутный фронт осужденных.

Никакого специального органа управления в составе флота, заведовавшего вопросами формирования новых частей, не существовало вплоть до сентября 1941 г. Случалось разное. Вот один из примеров уже осени 1941 г.

О результатах проверки 2-й и 5-й ОБМП в связи с имевшими место случаями перехода на сторону врага

Заслушав доклады генерал-майора Татаринова и бриг. комиссара Корякина о результатах проверки частей ИУР, ВС КБФ считает, что части ИУР являются вполне боеспособными соединениями. Наряду с этим ВС устанавливает, что в октябре месяце с. г. во 2 и 5 бригадах имело место большое количество случаев группового перехода на сторону противника с переднего края обороны из дозоров и секретов. Это позорное явление — измена родине, имело место потому, что командование и политорганы соединения ИУР оказались беспечными и политически близорукими руководителями. Вместо усиления воспитательной работы среди бойцов и командиров, ослабили ее. Не вели должной борьбы за укрепление политико-морального состояния, воли и уверенности в победу, не подняли людей на усиление бдительности. Не воспитали во всем личном составе священной ненависти и большевистской нетерпимости к злейшим врагам Родины и желания всеми

силами и средствами уничтожать врагов. Недооценили особенностей перехода к длительной обороне на растянутом фронте.

Кроме того, они допустили ослабление требовательности в укреплении дисциплины и организации боевой службы. Неудовлетворительная организация службы дозоров и секретов, посылка в их состав случайных и непроверенных людей, в порядке очереди, по списку, без соответствующего обеспечения секретов и дозора, отсутствие должной системы проверки несения службы секретов и дозоров, дали возможность изменникам уйти к врагу безнаказанно.

Этому способствовало отсутствие порядка в приеме, учете, распределении и изучении людей и их настроений. Проверкой вскрыты большие недочеты в материальном обеспечении и культурно-бытовом обслуживании бойцов.

ВС постановляет:

За плохую организацию, низкое состояние дисциплины, неудовлетворительное руководство частями, слабую требовательность и слабую политико-воспитательную работу, генерал-майору Григорьеву и бригадном комиссаре Фомину объявить строгий выговор.

За низкую дисциплину на форту «Ф» и отсутствие требовательности к подчиненным генерал-майору Лаковникову объявить строгий выговор.

За бездеятельность и беспечность в вопросах снабжения частей питанием, обмундированием и отсутствием контроля за распределением, полковника Никонова от занимаемой должности отстранить, снизить в военном звании до подполковника и назначить на менее ответственную работу.

Командованию ИУР наложить на командиров и политработников 2-й и 5-й Бригады взыскание своей властью. Особенно предупредить командирам 5-й бригады полковника Зайончковского. Командиров и политработников, допустивших безнаказанный переход на сторону врага, предать суду военного трибунала.

Начальнику политуправления флот пополнить и заменить неспособный политический состав в морских бригадах и частях ИУР и усилить руководство партийно-политической работой.

Начальнику управления формирования КБФ генерал-майору Татаринovu доукомплектовать части ИУР необходимым начальствующим и рядовым составом и представить ВС проект сокращения штатов ИУР в связи с переподчинением 2 и 5 обмп.

ВС требует от командования ИУР принятия самых решительных мер к быстрейшему устранению отмеченных недостатков и наведения большевистского порядка в частях⁴⁹.

И это был не единичный подобный сигнал. Хотя период октября — ноября 1941 г. не является предметом нашего исследования, следует сказать, что практика формирования сухопутных морских частей продолжалась вплоть до декабря 1941 г. Одним из итогов этой практики стал следующий документ.

⁴⁹ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ) Ф. 161. Оп. 41. Д. 8. Л. 164.

Член военного совета КБФ Н. К. Смирнов писал начальнику Главного политического управления ВМФ И. В. Рогову:

За время военных действий КБФ передал армии 78 585 человек краснофлотцев, командиров и политработников. Количество погибших, раненых, пропавших без вести в настоящее время установить не представляется возможным, так как вся эта огромная масса военнослужащих передавалась в подчинение армейских частей. Больше того, ВС КБФ не всегда осведомлен о местонахождении некоторых переданных армии частей, т. к. связь с некоторыми армейскими соединениями (7-я армия Северного фронта, 54-я армия и др.) случайная. Политическое руководство осуществляется армейскими политорганами. Принимаем все меры, чтобы не терять связи со своими людьми, оказывать им помощь и помогать армейским политорганам в руководстве нашими частями. С этой целью посылаем в морские части своих работников, прикомандировали к армейским политорганам, в которых имеются наши части представителей пубалта, имеем информацию от комиссаров и начальников политотделов о состоянии частей⁵⁰.

В заключение надо сказать, что общая цифра более чем в 80 тыс. человек отражает масштаб катастрофы, постигшей личный состав флота в начале войны. Сюда включены и те, кто попал в различные артиллерийские части, и те, кто оборонял Таллин. Все равно цифра более чем внушительная, особенно если сравнить ее с потерями Балтийского флота за всю войну. Ведь из данных сборника «Россия и СССР в войнах XX в. Книга потерь» известно, что безвозвратные потери флота за всю войну составили почти 56 тыс. человек. Таким образом, за очень короткое время флот лишился большего количества личного состава, чем потерял безвозвратно за весь период боевых действий. И в большинстве случаев личный состав уже обратно с сухопутного фронта не возвращался (хотя есть и обратные примеры).

Были ли все они добровольцами? На этот вопрос ответить пока затруднительно, хотя в советское время эта версия считалась канонической. На деле, все было гораздо сложнее, но эта тема требует отдельного вдумчивого исследования.

Список литературы

- Абрамов Е. П. Морская пехота в боях за Родину. СПб., 1995.
Боевая летопись ВМФ. 1941–1942. М., 1992.
Воюет Балтика / Сост. Н. С. Смирнов. Л., 1964.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. М., 1986.
Камалов Х. Х. Морская пехота в боях за Родину. М., 1983.

⁵⁰ Там же. Д. 7. Л. 120.

Козлов И. А., Шлюмин В. С. Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л., 1976.

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. М., 1973.

Легендами овеваянная. Л., 1975.

Не ради славы: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной. СПб., 1995.

Ораниенбаумский плацдарм. Л., 1971.

Пестанов С. А. Солдаты морской пехоты. Петрозаводск, 1975.

Трибуц В. Ф. Балтийцы сражаются. М., 1985.

Vyacheslav Albertovich MOSUNOV

Graduate Student, Saint-Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Science (St. Petersburg, Russia)

Organization of Naval Infantry units of Red Banner Baltic Fleet. June-September of 1941

Using sailors as elite shock troops on landfront were common spread during Civil War in Russia. In the summer of 1941, this practice was again widespread. Since July 1941, the creation of rifle brigades from the personnel of various units of the fleet began at the Red Banner Baltic Fleet. Initially, they are sent to the front in their usual everyday marine uniform. Sources of personnel for the formed brigades of marines were various different coastal units of the fleet, crews of ships under construction and educational institutions. Decisions on the formation of sea land units were made by representatives of the North-West Main Command. Marshal K. E. Voroshilov was appointed its Commander-in-Chief. Admiral I. S. Isakov was his deputy. They were obeyed the headquarters of the Marine Defense of Leningrad and the Ozerny District, which was established on the basis of an order from the Narkom of the Navy on the basis of the Naval Educational Institutions and some parts of the fleet units. The headquarters was stationed in Leningrad and also dealt with issues of interaction with land units. The instructors of maritime educational institutions were appointed the commanders of the formed. Brigades were initially subordinate to the command of the fleet, and only then were handed over to the command of the army. The first experience of using these units was unsuccessful. Naval battalions were hastily thrown into combat, after only few days after forming, they were ill-equipped, with poorly trained leaders and with defective weapons. However, even after the first unsuccessful experience, the formation was continued. Principles of employment also were not changed. The formation of naval brigades continued until the second half of September 1941. The combat value of these units was questionable. The discipline of their personnel often dropped low after first unsuccessful fighting. The mass desertion started in autumn of 1941. These units did not meet the expectations of Soviet leaders. During the period of 1941, the Red Banner Baltic Fleet transferred up to 78,000 people to the formation of land units. The fate of many of them remained unknown forever.

УДК 94 (47).084.8

ББК 63.3 (2) 622

Денис Юрьевич АЛЕКСЕЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики СанктПетербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: alexeyev-denis@yandex.ru

12-й ОТДЕЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ ТАНКОВЫЙ ПОЛК¹

В статье рассмотрена история 12-го отдельного учебного танкового полка, готовившего во время Великой Отечественной войны кадры для бронетанковых частей Ленинградского фронта.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, бронетанковые части, Ленинград, блокада Ленинграда, Гражданка.

После начала Великой Отечественной войны большинство существовавших в СССР танковых частей было брошено на отражение гитлеровской агрессии. Для восполнения потерь и подготовки кадров для новых формирований начали формироваться запасные танковые полки. На Северном фронте подобный полк, получивший 12-й номер, был создан в начале июля в Служке (с 1918 по 1924 г. так назывался г. Павловск), где ранее дислоцировался 48-й танковый полк 24-й танковой дивизии, ушедший на войну. От предшественника «в наследство» остались неисправные танки БТ и музыкантский взвод. Точная дата формирования полка пока не установлена. В 1942 и 1943 г. дату основания праздновали 5 июля, в 1944 и 1945 г. — 6 июля 1941 г. Столовая для командного состава действовала с 29 июня, первый приказ по полку датирован 13 июля².

С момента формирования полком командовал подполковник Петр Дмитриевич Дроздов, ранее — заместитель командира 6-го танкового полка 3-й танковой дивизии. Заместителем командира полка являлся майор Василий Давидович Шишков (затем старший офицер связи оперативного отдела штаба 5-й гвардейской танковой армии, погиб при налете вражеской авиации 14 января 1944 г.). Начальником штаба был назначен

капитан Виктор Львович Проценко (с марта 1942 г. майор, впоследствии полковник начальник штаба и командир прославленной 220-й танковой бригады, который отличился при снятии блокады Ленинграда и затем летом 1944 г., командуя подвижной танковой группой в Прибалтике)³.

В 12-м запасном танковом полку было 4 танковых батальона, моторота, хозяйственная рота, батальон резерва начальствующего состава, ремонтная рота. С самого начала 12-й запасной танковый полк был ориентирован на срочную подготовку кадров для танковых частей («квалифицированных танкистов для фронта, технически грамотных, политически выдержанных и морально устойчивых») ⁴, поэтому для него была характерна высокая текучесть личного состава. По приказам известно о регулярном проведении боевых стрельб на Служком полигоне, начиная с 21 июля⁵. Также в полку производился ремонт танков и другой техники.

С приближением фронта к Ленинграду в полку производились соответствующие мероприятия. 17 июля началось реформирование мотоциклетной роты в истребительную роту. Для этого из 1 батальона был выделен 1 танк БТ-2, 1 транспортер, 40 винтовок и 5 пулеметов ДП, от 3-го батальона — 2 танка Т-26, 40 винтовок, 5 пулеметов ДП, от 2-го батальона 2 танка Т-26, 2 танка БТ-2, 1 транспортер, со склада боепитания — 400 гранат РГД-33, 5 карабинов, 50 гранат Ф-1, 3 бинокля, 16 маскировочных сетей, 20 лопат малых, 60 лопат саперных больших, 10 пил поперечных, 10 топоров, 10 ломиков, 10 кирок. Танки и машины передавались с экипажами. Командиром роты назначили старшего лейтенанта Г. И. Александрова⁶. 30 июля на территории полка были организованы 4 огневых точки ПВО с пулеметами по 2 человека на каждую, дежуривших в три смены⁷.

В августе 1941 г. фронт вплотную подошёл к Ленинграду. Полк был передислоцирован в северо-восточную часть Ленинграда и расположился на Гражданке, частично на территории Политехнического института, частично в прилегающих к нему зданиях, в том числе 10-й школы Красногвардейского района. Одновременно полк получил новое название — 12-й отдельный запасной танковый полк тяжелых танков. В это время в полку существовали 4 батальона по 5 рот, распределительная рота, рота выздоравливающих, ремонтная и хозяйственная роты⁸.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 25 об.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Там же. Л. 41.

⁸ Там же. Д. 3. Л. 1.

¹ Искренне благодарю Вячеслава Альбертовича Мосунова, Юрия Игоревича Пашолка и Сергея Анатольевича Назарова за ценные консультации и участие в подготовке статьи.

² ЦАМО РФ. Ф. 3674. Оп. 108087. Д. 1. Л. 6/№.

1-й батальон 12-го полка под командованием капитана Н. В. Маточкина принял непосредственное участие в обороне Ленинграда. В начале сентября 1941 г. он прикрывал фланг 55-й армии на стыке с 42-й армией в районе Онтолово, имея в своём составе 3 танка КВ, 8 Т-28, 8 БТ-2, 2 БТ-7, 2 Т-26. В боях были потеряны и «сгорели от артогня» 3 Т-28, 2 БТ и один Т-26⁹. 15 сентября батальон был расформирован, оставшаяся материальная часть передана в 86-й отдельный танковый батальон¹⁰. Вместе с танками отправили 20 человек личного состава¹¹.

В сентябре 12-й полк в связи с острой нехваткой пехоты на фронте передал часть личного состава в 36-ю запасную стрелковую бригаду. В конце сентября обученные танкисты направлялись в 124-ю танковую бригаду¹². В начале октября за счёт 12-го полка формировался «отряд Чеснокова»¹³. В полку в это время было 4 регулярных батальона и батальон резерва начальствующего состава. На вооружении были танки КВ, Т-28, БТ и Т-26. КВ и Т-28 были только в 1–3 батальонах, Т-26 в 2–4-м, БТ — во всех батальонах¹⁴.

С 12 октября 1941 г. после убийства подполковника П. Д. Дроздова к новому месту службы полк принял майор Василий Давидович Шишков. С 4 ноября 1941 г. им командовал майор Павел Семенович Житнев (до этого — командир 2-го танкового полка 1-й танковой дивизии, погиб в сентябре 1942 г. под Сталинградом)¹⁵.

«Смертное время» ленинградской блокады тяжёло отразилось на повседневной жизни полка. Имели место случаи хищений продуктов питания, подделки хлебных карточек, однако известны и примеры благородного возврата утерянных карточек¹⁶. На 17 февраля из полка отправили на излечение в эвакогоспиталь: из 1-го батальона — 84 чел., из 2-го — 103 чел., из 3-го — 190 чел., из 4-го — 56 чел. 15 человек скончалось от «упадка сердечной деятельности» или «общего истощения»¹⁷.

С 19 марта 1942 г. полк именовался 12-м учебным танковым полком¹⁸. Из его состава был выведен 2-й батальон. 21 июня полк получил

название, под которым действовал до расформирования в 1945 г. — 12-й отдельный учебный танковый полк (оутп)¹⁹. Летом 1942 г. 1-й батальон полка участвовал в оборонных работах²⁰.

5 июля 1942 г. в полку отметили годовщину его существования. В праздничном приказе подводились итоги его деятельности: «За год полк принял в свои ряды 23 101 человека и подготовил преданные кадры для танковых частей действующей армии 17 861 человека, которые были отправлены на фронт. Сформировано и направлено в действующую армию два разведывательных батальона, три бронеполка, 4 танковых батальона, один учебный батальон, 2 огнеметных роты, 5 танковых рот. Из лиц рядового и младшего начальствующего состава направлено на курсы 246 человек, выдвинуто на должности средних командиров 12 человек, присвоено звание среднего начсостава 67 человек, присвоено звание младшего командира 89 красноармейцам, повышены в звании 267 младших командиров, 334 средних и старших командира»²¹.

3 ноября 1942 г. в полк был зачислен уникальный танк Т-220 «За Родину» (двигатель № 1193–03), полученный из 152-й танковой бригады 30 октября 1942 г. по наряду Автобронетанкового управления № 26 от 6 августа 1942 г.²²

При переходе на новые штаты 3-й батальон получил 2-й номер, а 4-й — 3-й. Возникла специализация: 1-й батальон готовил кадры для танков КВ и Т-70, 2-й батальон — для танков Т-34, 3-й батальон — для лёгких танков. 4-й батальон отвечал за боевое обеспечение²³.

5 июля 1944 г. в приказе по случаю 2-й годовщины существования полка, отмечалось, что за два года он направил в действующие части 29 242 человека танкистов всех специальностей, сформировал и отправил на фронт 2 разведбатальона, 3 бронеполка, 5 танковых батальонов, 8 танковых рот, 2 огнеметные роты и 1 танковый полк. Выдвинуто на должности средних командиров с присвоением военного званий среднего командсостава 60 младших командиров. Присвоено военное звание младших командиров 501 курсанту. Повышено в звании 457 средних и 455 младших к-ров. За прорыв блокады Ленинграда 82 воспитанника полка были награждены орденами и медалями СССР²⁴. В течение

⁹ Там же. Д. 4. Л. 15–17.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 411. Оп. 10209. Д. 10. Л. 1–6. Сердечно благодарю В. А. Мосунова за предоставление этого материала.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 3674. Оп. 108087. Д. 4. Л. 4 об.

¹² Там же. Л. 8, 22.

¹³ Там же. Д. 5. Л. 13 об. — 33.

¹⁴ Там же. Л. 40.

¹⁵ Там же. Д. 5. Л. 22 об.; Д. 6. Л. 32 об.

¹⁶ Там же. Д. 6. Л. 1; Д. 8; Оп. 108088. Д. 1.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 3674. Оп. 108088. Д. 2. Л. 3–5.

¹⁸ Там же. Л. 46.

¹⁹ Там же. Д. 4. Л. 33 об.

²⁰ Там же. Д. 3. Л. 78.

²¹ Там же. Д. 5. Л. 10.

²² Там же. Д. 10. Л. 33 об.

²³ Там же. Л. 22.

²⁴ Там же. Оп. 108938с. Д. 7. Л. 135.

1943–1944 гг. медаль «За оборону Ленинграда» получил 2171 курсант и офицер полка²⁵.

10 ноября 1944 г. приказом по полку было объявлено о переходе на новые штатное расписание № 010/107 лит А. Прекращалась подготовка экипажей для лёгких танков, вводилась подготовка экипажей самоходных установок. В полку теперь существовали 1-й учебный батальон по подготовке экипажей на тяжелые и иностранные танки, 2-й батальон по подготовке экипажей на средние танки, вместо 3-го батальона — учебный дивизион по подготовке экипажей на самоходные установки, и 4-й батальон технического обслуживания²⁶.

После полного снятия блокады и освобождения южных пригородов Ленинграда военсоветом Ленинградского фронта было принято решение перевести 12 оутп в город Пушкин на территорию военного городка. В течение 1944 — начала 1945 г. специально выделенные курсантские бригады восстанавливали военный городок, разрушенный в период оккупации. Ключевую роль сыграл здесь 2-й учебный танковый батальон, с конца 1944 г. полностью передислоцированный в Пушкин. К середине 1945 г. удалось восстановить разрушенное и оборудовать общежития и учебные классы²⁷.

«Полковник Михеев» четко распределил все строительство по объектам и участкам и закрепил за ними в качестве распорядителей работ своих заместителей, а в роли исполнителей — командиров учебных подразделений. И вот на глазах начали расти стены и возводиться крыши зданий, потом всех бросили на отделку учебных классов и спальных помещений. Часть макетов, наглядных и других пособий сохранилась еще со времен, когда полк был запасным, кое-что удалось достать, остальное изготовили сами. Одновременно за городом оборудовали огневые директрисы и маршруты для вождения танков. Сроки строительства всех жилых и учебных объектов были жесткими, тем не менее, никаких условностей и поблажек в организации занятий с танкистами не допускалось²⁸.

Постепенно в Пушкин был переведен весь полк. Приказы по полку стали помечаться как изданные в Пушкине с 25 мая 1945 г.²⁹

Из-за специфического характера части личный состав постоянно менялся. Это касалось всех должностей до командира полка включительно: этот пост в 1941–1945 гг. занимали семь человек.

²⁵ Там же. Оп. 108938с. Д. 2. Л. 176.

²⁶ Там же. Д. 3. Л. 139–145.

²⁷ Там же. Д. 5. Л. 131, 133 об.

²⁸ *И. М. Голушко*. Солдаты тыла. М.: Воениздат, 1982. С. 8–9.

²⁹ Там же. Л. 74.

Наиболее яркой фигурой из служивших в полку (помимо кратковременно бывшего здесь Героя Советского Союза В. В. Хрустицкого) был Николай Васильевич Маточкин. Он родился в Петербурге за Невской заставой, с 1932 г. служил в Красной армии, участвовал в Советско-финляндской войне. С момента формирования 12-го запасного танкового полка в июле 1941 г. капитан Маточкин — командир 1-го батальона³⁰, руководил им во время сентябрьских боёв на подступах к Ленинграду. В начале октября 1941 г. капитан Маточкин сдал батальон капитану Мариниченко и поступил в распоряжение полковника Чеснокова, 27 декабря 1941 г. был тяжело ранен³¹. 2 марта 1942 г. уже в звании майора Маточкин принял батальон резерва начальствующего состава, а через два месяца вновь принял 1-й батальон. В течение 1942 г. этот батальон являлся ведущим в полку по боевой и политической подготовке. В мае Маточкин во главе батальона работал на оборонном строительстве на подступах к Ленинграду³². 27 июля 1942 г. майор Маточкин стал исполняющим обязанности командира 12-го оутп. 11 августа он был утверждён в этой должности. 28 ноября майор Маточкин сдал полк и убыл к новому месту назначения. 26 декабря Маточкин убыл на Академические курсы тактико-технического усовершенствования при Военной академии механизации и моторизации³³.

С 23 февраля 1943 г. Маточкин — командир 40-го отдельного танкового полка на Центральном фронте. 4 мая 1943 г. награжден орденом Красного Знамени. 21 июля 1943 г. подполковник Маточкин приказом по 70-й армии Центрального фронта был награжден орденом Александра Невского «за образцовое выполнение боевых приказов командования и проявленные при этом доблесть и мужество». 26 сентября 1943 г. приказом по 60-й армии Маточкин получил орден Отечественной войны 1-й степени. 40-й истребительный танковый полк под его командованием получил почетное наименование Белостокского за освобождение Белостока 27 июля 1944 г. 24 марта 1945 г. Маточкин получил свою высшую награду — орден Ленина. 24 июня 1945 г. полковник Маточкин командовал полком танков ИС во время Парада Победы³⁴.

Из немногих людей, которые всю войну провели в составе 12-го оутп, стоит выделить Василия Ивановича Михеева. Он прибыл в полк 17 июля 1941 г. в звании полкового комиссара и принял должность заместите-

³⁰ Там же. Оп. 108087. Д. 1. Л. 3.

³¹ Там же. Д. 2. Л. 13 об.

³² Там же. Оп. 108088. Д. 2. Л. 22; Д. 3. Л. 29, 78.

³³ Там же. Д. 6. Л. 13 об.; Д. 7. Л. 128; Д. 10. Л. 86; Д. 11. Л. 39 об.

³⁴ Информация по данным, размещённым на сайте «Подвиг народа».

ля командира полка по политической части³⁵. Весной 1942 г. Михеев дважды исполнял обязанности командира полка во время командировок занимавшего эту должность П. С. Житнева³⁶. 11 ноября 1942 г. Михеев получил звание подполковника. 29 ноября 1942 г. Михеев стал командиром полка и возглавлял его до конца Великой Отечественной войны, получив звание полковника³⁷.

Василий Иванович Михеев оказался превосходным организатором. Еще до войны он был полковым комиссаром и, может, потому умел подойти к людям, воодушевить их. <...> Полковник Михеев был вездесущ. В течение дня он успевал проверить все участки работ, кому надо — помочь, с кого надо — спросить. Ежедневно он встречался со множеством людей, решая массу важных и неотложных вопросов. Где он брал на это время и силы, когда отдыхал, когда сам готовился к занятиям и различным мероприятиям — трудно себе и представить. Но одно безусловно: командир учебного полка постоянно был собран, деловит, аккуратен, являл пример высокой требовательности к себе и окружающим, а также детального знания множества военных профессий. <...> Михеев, в случае нужды, мог заменить любого преподавателя³⁸.

26 августа 1945 г. Михеев убыл в командировку в Москву, исполняющим обязанности командира полка были возложены на начальника штаба подполковника П. И. Белкина³⁹.

Подполковнику Белкину выпала работа по ликвидации 12-го оутп. Она проводилась во исполнение приказа по бронетанковым и моторизованным войскам Ленинградского военного округа № 023 от 26 сентября 1945 г. и директивы Генерального штаба Красной армии № орг 1/149 от 13 июня 1945 г. Ко дню расформирования 12-й оутп имел офицеров — 233 чел., сержантов — 949 чел., рядовых — 293 чел., всего 1475 чел, из них подлежало демобилизации 628 чел., подлежало отправке в другие части для прохождения дальнейшей службы — 847 чел. Имущество полка было сдано по нарядам в различные управления и службы Ленинградского военного округа, Красное знамя и грамота Президиума Верховного Совета СССР были сданы в Центральный музей Красной армии, документы, имеющие историческую ценность, были сданы в историко-архивный отдел СССР в Бузулуке, остальные уничтожены. Ликвидационный акт был составлен 30 октября 1945 г. и подписан 2 ноября 1945 г.⁴⁰

³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 3674. Оп. 108087. Д. 1. Л. 10.

³⁶ Там же. Оп. 108088. Д. 2. Л. 46; Д. 3. Л. 55 об.

³⁷ Там же. Д. 10. Л. 82 об., 98 об.

³⁸ *И. М. Голушко*. Указ. соч. С. 8–9.

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 3674. Оп. 108938с. Д. 5. Л. 278.

⁴⁰ Там же. Оп. 952440. Д. 1. Л. 1.

Список литературы

И. М. Голушко. Солдаты тыла. М.: Воениздат, 1982.

Denis Yuryevich ALEKSEEV

Ph. D. In History (kandidat istoricheskikh nauk), Associate Professor (dotsent), St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design (St. Petersburg, Russia)

E-mail: alexeyev-denis@yandex.ru

12th Independent Training Tank Regiment

The article deals with the history of the 12th Independent Training Tank Regiment, which trained personnel for armored units of the Leningrad front during the Great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war, Red army, armored units, Leningrad, blockade of Leningrad, Citizen.

УДК 94 (47) 084.8
ББК 63.3 (2) 622.12

Егор Юрьевич КОБЗЕВ

курсант 4-го курса Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: egkobzev@mail.ru

Алексей Николаевич ФИЛИПОВ

Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: flipok_85@bk.ru

АМЕРИКАНСКИЕ ПОСТАВКИ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ В ВОСПОМИНАНИЯХ НАЧАЛЬНИКА ТЫЛА КРАСНОЙ АРМИИ А. В. ХРУЛЕВА

В данной статье анализируются оценки начальника главного управления тыла РККА, народного комиссара путей сообщения Андрея Васильевича Хрулева, высказанные в его воспоминаниях «Записки интенданта», на поставки материальных средств по ленд-лизу. Они критичны по отношению к зарубежным источникам, но в целом уважительны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Великобритания, Государственный комитет обороны, ленд-лиз, Народный комиссариат внешней торговли, Первый протокол о поставках, СССР, советская закупочная комиссия, США.

В данной статье как обсуждение места ленд-лиза в истории Великой Отечественной войны, так и ответ на вопрос, действительно ли вклад американской помощи по ленд-лизу имел решающее значение в победе СССР над Германией, не являются самоцелью. Здесь предполагается отразить точку зрения Андрея Васильевича Хрулева — начальника главного управления тыла РККА, народного комиссара путей сообщения. Он не оставил однозначных категоричных оценок, подобных той, что появилась в русском издании книги отвечавшего за организацию ленд-лиза Эдварда Стеттиниуса, специального представителя президента США по вопросам военного производства и распределения ресурсов с 1941 по 1943 г.: «Без западных поставок Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже не смог бы противостоять германскому вторжению, не будучи в состоянии произвести достаточное количество вооружений и боевой техники, обеспечить ее горючим и боеприпасами»¹.

¹ Соколов Б. В. Роль ленд-лиза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М.: Вече, 2000.

Таблица 1. Поставки материальных средств по ленд-лизу за 1941–1945 гг. по данным Зигфрида Вестфалия

№	Материальные средства	Объем поставок за 1941–1945 гг.
1	Самолеты (ед.)	17 000
2	«Виллисы» (ед.)	51 000
3	Грузовики (ед.)	400 000
4	Танки и бронев автомобили (ед.)	12 000
5	Зенитные орудия (ед.)	8000
6	Подводные лодки (ед.)	105
7	Торпедные катера (ед.)	197
8	Кожа (тонн)	50 000
9	Ботинки (пар)	15 млн.
10	Автомобильные шины (штук)	3,7 млн.
11	Сталь (тонн)	2,8 млн.
12	Химические продукты (тонн)	800 000
13	Взрывчатые вещества (тонн)	340 000
14	Нефтепродукты (тонн)	2,6 млн.
15	Продовольствие (тонн)	4,7 млн.
16	Резина (тонн)	81 000

В свои ставших в 2017 г. доступными воспоминаниях Андрей Васильевич сравнил свои данные со сведениями немецкого генерала от кавалерии Зигфрида Вестфалия² (табл. 1)³.

По мнению Зигфрида Вестфалия, «можно без преувеличения сказать, что без такой огромной американской поддержки русские войска вряд ли были бы в состоянии перейти в наступление в 1943 г.»⁴.

По приводимым цифрам и перечню материальных средств Андрей Васильевич предоставляет меньший перечень и объем, но эти данные дают возможность провести сравнительный анализ (см. табл. 2)⁵.

Андрей Васильевич пишет, что танков и бронев автомобилей было поставлено 11 000, но при этом описывает поставки по годам только танков. Учитывая это, можно сделать вывод, что танков 1941–1945 гг.

² Хрулев А. В. Записки интенданта. Неопубликованная рукопись. Харьков: ООО «Рек-тайм-Т», 2017. С. 473–474.

³ Роковые решения. М.: Воениздат, 1954. URL: http://lib.ru/MEMUARY/GERM/fatal_ds.txt (дата обращения 08.10.2018).

⁴ Там же.

⁵ Хрулев А. В. Указ. соч. С. 484–486.

Таблица 2. Поставки материальных средств по ленд-лизу за 1941–1945 гг. по данным А. В. Хрулёва

№	Материальные средства	Объемы поставок					Итого	По данным Зигфрида Вестфали
		1941	1942	1943	1944	1945		
1	Самолеты (ед.)	39	1437	3300	3908	2416	11 100 (11 010 — пересчитано авторами)	17 000
2	Автомобили типа «Виллис» и амфибии (ед.)	72	7698	1474	1800	7580	51.000	51 000
3	Грузовики (ед.)	37	29 837	91 620	128 861	110 225	360.580	400 000
4	Танки (ед.)	35	1826	1019	2247	1091	6218, из них 837 танков утонуло	12 000
5	Бронеавтомобили (ед.)	-	-	-	-	-	4782	
8	Армейское сукно (м)	(10 млн?)			40 млн		50 млн	
9	Кожа (тонн)	-	-	-	40 000		n≥40.000	50.000
10	Продовольствие (тонн)	-	-	-	2,5 млн		n≥2,5 млн	4,7 млн
11	Ботинок (Армейской обуви) (пар)	5000	1591 млн	3480 млн	5034 млн	3679 млн	13,8 млн (13,789 млн — пересчитано авторами)	15 млн
12	Станки (шт.)	35		(13 465?)	19 000		32 500	-

было поставлено 6218 ед. (из которых 837 утонуло), а, точнее, 5381 ед. Бронеавтомобилей за период войны было поставлено 4782 ед.

Данные о поставках армейского сукна имеются лишь за 1944–1945 гг. Они равняются 40 млн. м, но так как известен лишь общий объем поставок равный 50 млн м., то можно предположить, что за 1941–1943 гг. в Советский Союз было поставлено 10 млн. м армейского сукна.

Объем поставленных станков известен за все года войны, кроме 1943 г. Потому, можно предположить, что за 1943 г. их было поставлено 13 465 шт. Интересно рассмотреть мнение Э. Стеттиниуса: «Мы посылаем станки и сырье за границу, когда мы убеждены, что они могут сделать больше, чтобы принести нам победу, чем в том случае, если бы мы держали из здесь дома. Для нас изготовить боеприпасы законнее здесь в США и затем посылать их за границу <...> Было бы смешно пытаться поставлять весь необходимый советским Военно-воздушным силам высокооктановый бензин, когда русские имеют свою собствен-

Ил. 1. Приёмка военной техники советскими представителями Иран. 1942 г. Из мемуаров А. В. Хрулёва «Записки интенданта»

ную нефть и нуждаются только в небольшом количестве нефтеочистительного оборудования для увеличения выпуска своего собственного высокооктанового бензина»⁶.

Следует обратить особое внимание не только на общий объем поставок по ленд-лизу, но и на их распределение по годам. Так, например, в период перестройки гражданских заводов на военные рельсы мы особенно нуждались в материальных средствах, но в процентном отношении поставки доходили иногда даже до 0,01% (поставки грузовиков за 1941 г. по сравнению с общим объемом), и тут уместно вспомнить народную мудрость «хороша ложка к обеду». Конечно, это субъективная точка зрения, но так как она принадлежала начальнику тыла РККА в годы Великой Отечественной войны, который начиная с 1942 г. курировал вопросы, связанные с ленд-лизом⁷, то мы не можем с ней ни считаться (см. табл. 3). Особенно с тем, что, приводя свои данные, А. В. Хрулёв писал следующее: «Нельзя согласиться, что эти поставки являлись по отношению к нам какой-то милостью, а, наоборот, сам Стеттиниус об этом достаточно красноречиво пишет; он

⁶ Хрулёв А. В. Указ. соч. С. 500–501.

⁷ Там же. С. 473.

Таблица 3. По годовому объему поставок материальных средств по ленд-лизу в процентном отношении к общему объему (%)

№	Материальные средства	Объем поставок в процентном отношении				
		1941	1942	1943	1944	1945
1	Самолеты	0,35	13,05	29,97	35,49	21,94
2	Автомобили «Виллис» и амфибии	0,4	41,3	8	9,7	40,7
3	Грузовики	0,01	8,3	25,4	35,7	30,57
4	Танки	0,6	29,4	16,4	36,1	17,5
5	Бронеавтомобили	-	-	-	-	-
6	Армейское сукно	20			80	
7	Кожа	-	-	-	100	
8	Продовольствие	-	-	-	100	
9	Ботинки (армейская обувь)	0,0003	12	25	36	26,7
10	Станки	0,001		41	58	

говорит, что по уровню распределения и контрактирования программа заказов Советского Союза осуществлялась очень быстро. Фактически к январю 1942 г. мы израсходовали первый миллиард долларов, отпущенный на помощь России»⁸.

Можно заметить, что наибольший объем поставок пришёлся на 1944 г., а, как известно, территория СССР была освобождена от регулярных частей вермахта 7 ноября 1944 г., согласно приказу Верховного Главнокомандующего № 220⁹, если не брать во внимание ведение боевых действий в районе Курляндии (западная часть Латвии).

Обратим внимание на пути поставок материальных средств. Согласно воспоминаниям Андрея Васильевича¹⁰ из 16 млн. т 4 млн. было получено через северные порты — Архангельск и Мурманск; 8 млн. т — через Дальний Восток и 4 с лишним млн. — через Иран.

Следует отметить дальность путей поставок: от Владивостока до фронта — расстояние около 12 тыс. км; от Мурманска и Архангельска — более 8 тыс., от южного Ирана до западной границы Советского Союза — более 5 тыс. км. Предположим из контекста, что линия фронта взята на момент 1944 г. и совпадает с довоенной границей СССР.

⁸ Там же. С. 492.

⁹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5. М.: Госиздат, 1946. С. 150.

¹⁰ Хрулев А. В. Указ. соч. С. 477.

Ил. 2. Погрузка техники на железнодорожной платформе в Иране. 1942 г. Из мемуаров Хрулева А. В. «Записки интенданта»

Работу облегчало то, что Наркомат путей сообщения заранее предупреждался Наркоматом внешней торговли, в какой порт и какое количество грузов будет поставлено. Это давало возможность подготовить порожние вагоны для получения груза и отправки его по назначению. Но, например, под отправку самолетов в Советский Союз не хватало транспортов, что привело к большому скоплению техники в американских портах¹¹.

Уполномоченным Государственного Комитета Обороны по перевозкам на Белом море был назначен адмирал Иван Дмитриевич Папанин. В одном из своих докладов в конце 1942 г. он говорил о прибытии в Мурманск каравана в 42 корабля. Из них пришло только 14 кораблей, то есть 28 было потоплено¹². При этом к концу первого периода выполнения протокола, то есть к 30 июня 1942 г., США было обеспечено наличие обещанных поставок, но только 80% было фактически отгружено, так как многим не удалось прибыть к месту назначения.

¹¹ Понов Г. Г. Военно-экономическое значение «Ленд-лиза» для СССР // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2016. Т. 7. № 1. С. 41.

¹² Хрулев А. В. Указ. соч. С. 478.

В воспоминаниях Э. Стеттиниуса об этой проблеме говорится так: «Волчи стаи немецких подлодок нападали на конвои, следующие на северо-восток от Исландии. Иногда конвои в районе Норвегии атаковывались и немецкими надводными военными кораблями, включая крейсера и эсминцы. Изо дня в день конвои бомбили и с воздуха <...> Эффективная защита с воздуха могла быть обеспечена только в радиусе досягаемости истребителей из Мурманска»¹³.

Северный путь был опасен, поэтому была предпринята упорная работа по созданию безопасного маршрута через Персидский залив и Иран, но лишь осенью 1942 г. был организован непрерывный поток.

Примечательно, что в Советском Союзе капитана каждого торгового судна, которое приходило в порт, встречали чеками в американский или британский банки на дополнительную месячную зарплату для каждого члена экипажа¹⁴.

Ленд-лиз являлся для А. В. Хрулёва проявлением благороднейших чувств американского народа к советскому народу, так как он был оплачен налогами, взимаемыми с американского населения, доля которых на капиталистов падала в очень небольшой мере¹⁵.

Таким образом, в своих воспоминаниях А. В. Хрулёв хоть и приводит меньшие цифры объемов поставок по ленд-лизу, чем в приведенных зарубежных источниках, но не отрицает важности поставок материальных средств по ленд-лизу.

Список литературы

- Попов Г. Г. Военно-экономическое значение «Ленд-лиза» для СССР // Вопросы регулирования экономики. 2016. Т. 7. № 1.
- Роковые решения. М., Воениздат. 1954.
- Сталин И. В. О великой отечественной войне Советского Союза. Изд. 5. Госиздат. г. Москва. 1946 г.
- Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М.: Вече, 2000.
- Хрулев А. В. Записки интенданта. Неопубликованная рукопись. — Х.: ООО «Ректайм-Т». 2017 г.

Egor Yuryevich KOBZEV

The 4nd year study cadet of Military Academy of Logistics of the General of the Army A. V. Khrulev (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: egkobzev@mail.ru

Aleksej Nikolaevich FILIPPOV

Military Academy of Logistics of the General of the Army A. V. Khrulev (Saint Petersburg, Russia)

Lend-Lease American Supplies in Memories of A. V. Khrulev, Chief of the Main Directorate of Logistics and Support Services of the Red Army

This article cites the memories of the Chief of the Main Directorate of Logistics and Support Services of the Red Army, people's commissar of communications, Andrei Vasilyevich Khrulev. His views on the supply of material under the Lend-Lease are very critical in relation to foreign sources, but with all this, the purpose of this article is not to make a stand against any of them. The point of view of Andrei Vasilievich is stated on the basis of «The memoirs of the quartermaster» (Zapiski intendanta) for the first time published.

Keywords: Great Patriotic War, Great Britain, State Defense Committee, Lend-Lease, People's Commissariat for Foreign Trade, First Procurement Protocol, USSR, Soviet Procurement Commission, USA.

¹³ Стеттиниус Э. Указ. соч.

¹⁴ Хрулев А. В. Указ. соч. С. 483.

¹⁵ Там же. С. 475.

НАЙТИ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА. ОПЕРАЦИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПО РОЗЫСКУ И ЭВАКУАЦИИ КОМАНДОВАНИЯ 2-й УДАРНОЙ АРМИИ В ИЮЛЕ — АВГУСТЕ 1942 г.

Статья посвящена операции по розыску и эвакуации офицеров штаба 2-й ударной армии, оставшихся в Волховском котле. Попытки вывезти командарма Власова и его штаб силами Ленинградского штаба партизанского движения начались 15 июля 1942 г., уже после фактического пленения Власова, и продолжались до августа, когда информация о взятии в плен была окончательно подтверждена. В статье прослеживаются судьбы членов партизанского батальона Д. Ф. Косицына, брошенного на поиски, а также судьба самой операции, характерная для летнего кризиса 1942 г.

Ключевые слова: Ленинград, Волховская битва, 2-й ударная армия, А. А. Власов, ЛШПД, партизаны, Д. Ф. Косицын.

История пленения генерала Власова известна достаточно полно. В 2013 г. К. М. Александров ввел в научный оборот отчет зондерфюрера Пельхау командованию 18-й армии¹. В 2015 г. был издан трехтомный сборник документов «Власов. История предательства», который доступен на сайте Росархива и для чтения, и для скачивания. В сборнике приведены основные первоисточники по этому вопросу: донесение зондерфюрера Пельхау (док. 12), доклад генерал-майора А. В. Афанасьева о судьбе генерала Власова (док. 22), протокол допроса Марии Вороновой (т. 2, док. 13.53). В 2002 г. вышла статья А. И. Орлова «Путь в другую сторону»². Он и В. С. Шитц побывали на месте событий в д. Туховежи и нашли дочь старосты, задержавшего Власова.

Казалось бы, собрана исчерпывающая информация. Однако одиозность фигуры пленного генерала вызывала и вызывает попытки видеть

¹ Александров К. М. Не стреляйте, я — генерал Власов. К истории пленения командующего 2-й ударной армией // Новгородский исторический сборник. 13 (23). 2013. С. 398–399.

² Орлов А. И. Путь в другую сторону // Новая новгородская газета. 2002. 3 июля. № 27 (149).

в довольно обыденном эпизоде жестокой военной реальности некий пролог к драме отступничества. Власов как символ коллаборационизма — образ настолько мощный, что нередко исследователь или читатель начинает сводить к его действиям и желаниям причины всех событий.

Мы полагаем, что стоит отойти от фигуры самого А. А. Власова и рассмотреть других участников событий, происходивших вокруг агонии 2-й ударной. Это позволит, во-первых, более четко выделить типичное и уникальное. Во-вторых, хотя бы наметить то, как начал складываться власовский миф с советской стороны.

Мы рассмотрим поиски офицеров штаба 2-й ударной армии, которые предприняло советское командование. Речь пойдет о деятельности Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД). Усилия чекистов и армейской разведки останутся вне рамок повествования³. Эта довольно масштабная история охватила Лужский, Гатчинский, Тосненский и даже Дновский районы, в неё были вовлечены те люди, без которых невозможно описать историю битвы за Ленинград и ленинградского партизанского движения.

Завязка. Война голодных

Канва событий такова: вечером 11 июля 1942 г. в деревне Туховежи Оредежского района «появился бандит с женщиной и попросил хлеба». Староста отобрал у него револьвер и запер в бане. Утром 12 июля появились немцы, ехавшие в Ям-Тесово забирать тело погибшего русского генерала, предположительно командарма (это был начальник штаба 2-й ударной Виноградов). Дальше прозвучала знаменитая фраза: «Не стреляйте, я генерал Власов». «Генерал и его спутница были посажены в четырехместный джип, где уже находилось 7 человек, и увезены в корпус». 13 июля Власов был в штабе 18-й армии у Линдемана⁴. Блуждания штаба погибшей армии закончились, начиналась история «Aktion Wlassow».

Для советской стороны главным источником информации о судьбе штаба армии стал начальник связи 2-й ударной армии 45-летний генерал-майор Алексей Васильевич Афанасьев. Он расстался со штабной

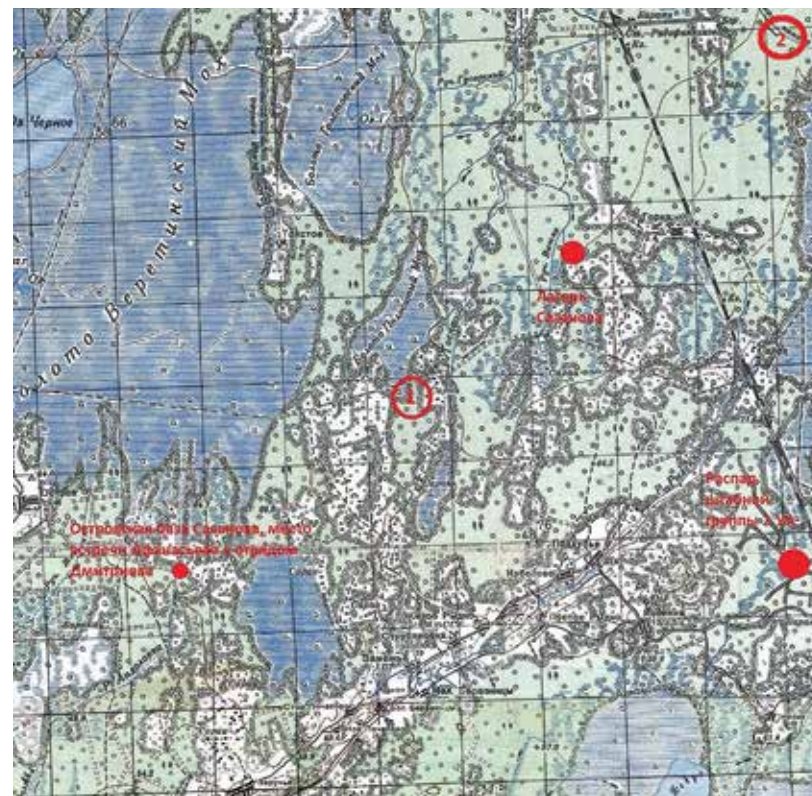
³ Согласно А. Ф. Стародубцеву, с 18 июня по 25 июля через линию фронта было выброшено три чекистских группы, имевших задание найти командование армии и перевести через линию фронта. См. Стародубцев А. Ф. Дважды невидимый фронт. Москва: Вече, 2010. С. 185–190.

⁴ Генерал Власов: история предательства / Под ред. А. Н. Артизова. М., 2015. Т. 1. С. 84–85. Электронная публикация: <http://archives.ru/library/general-vlasov-istoria-predatelstva-1/index.html#84/z>

группой после её распада, примерно 9 июля, западнее дер. Поддубье. В этом месте было принято решение разбиться на мелкие группы и выходить самостоятельно. Власов и Виноградов намеревались выходить через фронт южнее Ильменя. Афанасьев же пошел в район реки Оредеж разыскивать партизан. Это был абсолютно логичный план: в районе действовал отряд секретарей Оредежского райкома Сазанова и Исакова, тесно взаимодействовавший с частями 2-й ударной. На территории, занятой советскими войсками за зиму–весну, оредежцы заложили четыре продуктовые базы и оборудовали лагеря. Они же снабжали продовольствием уходящие за линию фронта группы. Один из лагерей находился около дер. Остров, там, где было основное «окно». И расчет Афанасьева оправдался.

<10 июля> при подходе к тригонометрической вышке 54.5, что южнее болота Веретинский Мох, решил спуститься на юг, считая, что данное место подходящее для партизан. Проходя в 1,5 км южнее высоты 64.5, я увидел впереди на пне сидящего гражданина и рядом с ним винтовку, подполз к нему, взял винтовку и арестовал его. Предложил ему показать документы. Он весьма растерялся от неожиданности, выгащал документы, где оказался его партбилет и другие удостоверения. Он оказался партизаном, спавшим на посту. Я приказал ему вести нас в отряд. Он испугался, стал просить нас и умолять, что его за это дело накажут, пощадить его и так далее. Придя в отряд, я передал винтовку начальнику отряда, дал указание ограничиться только общественным порицанием, караульных начальников обязал чаще проверять посты. После чего стал знакомиться с отрядом. Оказался Лугинский партизанский отряд во главе с секретарем РК ВКП (б) тов. Дмитриевым (ил. 1)⁵.

Не стоит порицать незадачливого часового. Группа И. Д. Дмитриева находилась на грани распада и, если называть вещи своими именами, погибала от голода. Ситуацию со снабжением партизан иначе как чудовищной назвать нельзя. Мало того, что отряд с трудом добился получения тола для диверсий, ЛШПД с начала июня 4 раза обещал сбросить Дмитриеву продукты, но самолеты не находили район сброса и возвращались. Ни одного места груза с 29 мая — даты выхода отряда — получено не было, а жить впроголодь партизаны начали с момента перехода фронта⁶. Заготовки продуктов в деревнях неизбежно вели к столкновениям и потерям и дурно влияли на моральное состояние. Появились дезертиры. При нападении немцев на лагерь была утрачена рация. Отряд

Ил. 1. Район событий на километровой карте РККА 1941 года. 1 — основной пункт сбора десанта, 2 — запасной.

шел на выход и рассчитывал разыскать оредежских партизан, у которых были и запасы продуктов, и радиосвязь.

9 июля лужане вышли к известному им лагерю оредежцев около деревни Остров, но на тот момент лагерь немцами уже был ликвидирован. Сохранился крайне интересный источник — дневник, который вел комиссар отряда, председатель Лужского райисполкома Евгений Иванович Утин. К вопросу о заснувшем часовом: 14 июня в дневнике такая запись:

Положение с продуктами катастрофическое, 5–6 дней люди питаются травой и грибами (крапива, сморчки). Часть стала опухать, некоторых товарищей из-за слабости нельзя ставить на пост. <...>

30.06. Люди голодают. Съели последние остатки тухлой конины, переходим на траву и березовый сок.

⁵ Цит. по: Генерал Власов: история предательства / Под ред. А. Н. Артизова. М., 2015. Кн. 1. Т. 1. С. 125.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 0–116. Оп. 1. Д. 332. Л. 52.

03.07. В последнее время стали доставать продукты и мясо исключительно уводом скота тайно из стада. Бесспорно, немцы это используют в своих интересах <...> Уверять, что продукты можно брать у населения и у немцев, могут люди, которые мало знают положение населения. <...> Население становится не за нас, а против нас — что очень плохо. Не продуман один вопрос — о правильном снабжении партизан в тылу у врага. Может советское население встать на сторону врага — надо с этим кончать⁷.

Записи Утин вел ежедневно и встречу с Афанасьевым датировал 10 июля, сам Афанасьев в отчете даты называет примерно так же, как И. Д. Дмитриев в своем докладе в ЛШПД. В дневнике так:

10.07 <...> Днем случайно встретили 4 военных, 3 мужчин и одну женщину. Выяснилось, что была окружена 2-я ударная армия и после разгрома её остатков часть людей пошла в лес. У нас оказался ген.-майор связи Афанасьев, капитан и два фельдшера. Люди пришли голодные. К сожалению, их поддержать мы ничем не могли — у самих есть нечего. Оказывается, все руководство 2-й <ударной> армии оказалось в тылу врага вместе с командующим армией ген. Власовым.

Один день был потрачен на попытки раздобыть продовольствие:

11.07. Послали 3 чел., Кутузова и 2 военных, в дер. Жилое Рыдно с целью достать продукты и сделать разведку. Продуктов нет, сидим на одной траве.

12.07. Не вернулись люди из Ж. Рыдно. 5 чел. вместе с Дмитриевым и генералом Афанасьевым решили пойти разыскивать Сазанова, мы будем их ждать до вечера 13.07⁸.

Момент расставания все оставшиеся в живых участники описали так, что напрашиваются прямые параллели с распадом группы Власова. Возникли разногласия по поводу дальнейшего. Е. И. Утин и В. Ф. Варзанов предлагали бросить бесплодные поиски, как можно скорее добыть в деревнях продукты и выходить в советский тыл. И. Д. Дмитриев намеревался все-таки найти ордежский отряд. Решено было слабых оставить на месте, а Дмитриев с Афанасьевым и самыми крепкими членами отряда ушел⁹. И, судя по дневнику Утина, они с Дмитриевым несколько

раз серьезно конфликтовали, и вполне можно предположить, что уход Дмитриева на поиски сопровождался ссорой.

Интересно, что годы спустя, уже в беллетризованных воспоминаниях, Иван Дмитриевич снова реанимировал версию «ушли в другом направлении», но уже в совсем фантастическом ключе, опустив весь сомнительный эпизод расставания с Утиным и Варзановым: «В конце августа Утин и Варзанов из лагеря ордежских партизан отправились в юго-западную часть Лужского района»¹⁰. Впрочем, весь финал неудачного похода выстроен в книге в некий приключенческий нарратив: уход из Лужского района объяснен тем, что за отрядом гонятся каратели, дальше — уход от погони, случайная встреча с Афанасьевым, поиски Сазанова, и завершается глава хэппи-эндом — приходом к ордежцам.

Отметим, что группа Утина составила 7 человек, и в ней осталась шедшая с Афанасьевым женщина, Анна Селезнева¹¹, радистка. 27 июня в дневнике:

Поскольку Селезнева из 2-й ударной армии совершенно не приспособлена к нашим партизанским условиям, отправить в деревню. Она охотно на это согласилась. Послали на ст. Мшинская, предварительно растолковав, как себя вести.

Из журнала боевых действий (ЖБД) 583-го тылового района:

28.07. Ортскомендатура 315 <Ящера — П. Г.>:

Телеграфистка штаба русского генерала Власова самостоятельно сдалась и была передана в комендатуру¹².

Итак, через три дня Афанасьев вместе с лужанами находит лагерь ордежских партизан в 4 км западнее дер. Горка. По отчету Сазанова это произошло 15 июля¹³. У Дмитриева: 14 июля наткнулись на группу партизан, 15 июля «сдал Афанасьева Сазанову». В тот же день, не дождавшись помощи, группа Утина ушла назад на реку Луга, в район Красных Гор. На этом с лужскими партизанами можно попрощаться. Почти все, на кого наткнулся генерал Афанасьев, в ближайшие месяцы, погибли или попали в плен. Выбраться удалось И. Д. Дмитриеву: его с язвой желудка вывезли самолетом 31 августа. 2 сентября он написал первый отчет начальнику ЛШПД Никитину, затем второй, более приглаженный, и, наконец, третий документ — рекомендации на будущее.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1–1. Д. 333А. Л. 8. Уникальной такая ситуация не являлась. См. историю отряда Гульона, в котором боец погиб от истощения: С. Б. Вязьменский. Формирование и боевой путь интернационального партизанского отряда им. К. Е. Ворошилова. 1942–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 26. С. 68–82; или группы Копылова: А. Ф. Стародубцев. Дважды невидимый фронт. С. 258–262. Вообще вряд ли будет преувеличением сказать, что на оккупированной территории вопрос с продовольствием стоял во главе угла.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1–1. Д. 333А. Л. 9.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 19. Д. 33. Л. 11.

¹⁰ И. Д. Дмитриев. Записки товарища Д. С. 298.

¹¹ В отчете 1946 года В. Ф. Варзанов назвал ее «радисткой Аней».

¹² NARA. T501. R78. Frame 43–60. А. Ф. Селезнева из состава 2-й ударной армии числится в базе ОБД «Мемориал» как пропавшая без вести в июне 1942 г., правда, в списке 185-й полевой хлебопекарни.

¹³ Цит. по: В тылу врага. Т. 2. С. 235. Док. 66.

16 сентября он составил докладную записку для разработки дальнейших планов ЛШПД. Первая же фраза и первый абзац записки посвящены снабжению продовольствием и боеприпасами¹⁴.

27 сентября 1942 г. вышли Иван Галыгин и Мария Трофимова — единственные из той группы в семь человек, которая осталась с Утиным. Они и вынесли дневник, но сами 29 декабря 1942 г. были осуждены военным трибуналом Волховского фронта по ст. 58-1б как немецкие агенты. Галыгина осудили к расстрелу, Трофимову — к 10 годам¹⁵.

Тем, кто попал к оредежским партизанам, также пришлось тяжело. В августе оставшиеся десять партизан лужского отряда были отправлены двумя партиями на выход в советский тыл «как потерявшие боеспособность»¹⁶. Перейти линию фронта, судя по всему, не удалось никому, хотя из попавших в плен часть выжила и вернулась домой. Изначально отряд Дмитриева составлял 55 человек¹⁷.

Часть первая. Бурная деятельность

14 июля немцы официально объявили о взятии в плен командующего 2-й ударной. А 16 июля начался бурный и нервный обмен радиogramмами между ЛШПД, Ленфронтом, Ставкой, Волховским фронтом и отрядом Сазанова. Сначала в Малой Вишере и Ленинграде решили, что Власов найден. И даже успели сообщить об этом комфронта Мерецкову, а тот доложил в Ставку. Затем положение уточнили.

Сазанов запросил продукты, боеприпасы, одежду, лекарства, карты. Ему в ответ приказали принять все меры и сбросили двух радистов и продукты. Найти удалось не все места сброса. Отметим, что на тот момент немцы, а точнее — 182-я эстонская и 188-я русская охранные

группы, нашли и уничтожили продуктовые базы отряда. 750-я группа тайной полевой полиции вела зачистку Волховского котла.

21 июля Ставка приказала немедленно вывезти Власова, Виноградова и Афанасьева самолетом. Как мы знаем, Власов на тот момент был уже в Виннице, а Виноградов мертв. Но Ленинградский штаб партизанского движения рвался исполнить приказ и принимал все меры для розыска и срочно потребовал у командира партизанского батальона Дмитрия Федоровича Косицына отобрать 50 лучших бойцов, лично возглавить отряд и вылететь к Сазанову. Одновременно отправили самолет за Афанасьевым¹⁸.

Д. Ф. Косицын, завкафедрой Института физкультуры им. Лесгафта, — личность легендарная. С первых дней войны он возглавил один из 15 партизанских отрядов, сформированных институтом, и оказался крайне умелым командиром. Его группа со временем стала своего рода гвардией ЛШПД, её снимал в рейде фронтовой кинооператор Н. Голод, лесгафтовцев много фотографировали корреспонденты. Зимой 1942 г. уцелевшие партизанские отряды стали укрупнять и сводить в батальоны. А весной, после участия в малоудачной попытке задействовать в полосе Волховского фронта полноценную партизанскую бригаду (бригада Тарасова–Фишмана), Косицын возглавил сводный батальон численностью примерно 200 человек. Он состоял из штабного взвода в 20 человек, в котором состояли проверенные в боях лесгафтовцы, и 3 рот (ил. 2, 3).

29 мая батальон получил приказ выдвинуться в Малую Вишеру, а от туда — в Кингисеппский район для диверсий на коммуникациях¹⁹. Но ситуация на фронте была тяжелой, и найти место для перехода линии фронта даже небольшой группой оказалось непросто²⁰. На поиски ушло время, батальон в конце концов застрял в Малой Вишере, а 21 июля пришлось в авральном порядке собираться на поиски генерала Власова.

Десантирование партизанского отряда с воздуха (даже такого небольшого) было для ЛШПД новинкой. Пришлось срочно и в массовом порядке его осваивать, поскольку к середине лета в пешем порядке

¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1-1. Д. 116. Л. 5.

¹⁵ Там же. Д. 333А. Л. 1.

¹⁶ Так, в плену оказались Иван Крон, Нина Орлова, Елизавета Беляева. Павел Туморин не мог идти от голода и, судя по всему, застрелился (найден немцами мертвым). Михаил Милош погиб.

¹⁷ История похода лужского отряда описана В. И. Хрисанфовым в главке двухтомника «Лужский край в 1941–1945 годах» (Луга: Изд-во Голубева, 2015. Т. 1. С. 20–30). Это описание основано на документах ЦГАИПД СПб — дневнике Утина и отчетах, написанных в 1946 г. вернувшимся из плена Е. И. Утиным и М. Ф. Варзановым. Рассказ еще предстоит дополнить немецкими источниками — прежде всего, допросами взятых в плен партизан. Крайне желательно было бы ознакомиться со следственным делом Галыгина и Трофимовой и прояснить ситуацию с вербовкой их немцами. Пока в документах отдела 1С 28-го армейского корпуса ни одного донесения, подтверждающего пленение 23–27 сентября в полосе корпуса мужчины и женщины, не нашлось.

¹⁸ Генерал Власов: история предательства. Т. 1 С. 113–118.

¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 924. Л. 10.

²⁰ Судя по записке пом. начальника оперативного отдела ЛШПД и показаниям, данным в плену Виктором Кудрявцевым, батальон хотели переправить в районе Мясного Бора, но Косицын отказался, пойдя на конфликт с военным начальством. Его можно понять — батальон прибыл 22–23 июня, как раз шли последние отчаянные попытки пробить и удержать коридор к окруженной армии. Затем пытались разведать проход на фронте 4-й армии, близ Осуя. Но после разведывающих выходов пришли к выводу, что переход возможен только мелкими группами. Далее было решено перебрасывать отряд через базу на Валдае (ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 68. Л. 11; NARA. T314. R793. Fg. 24).

Ил. 2. Получение боевого задания партизанским батальоном Косицына. 29 мая 1942 г. Институт им. Лесгафта, футбольное поле. Приказ зачитывает начальник разведки ЛШПД Е. Н. Атроценко, справа начальник ЛШПД Никитин, его заместитель Матвеев, комиссар батальона Илларионов. ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 16. Д. 2581,2582

фронт перейти стало невозможно. Разумеется, отсутствие опыта сказалось на результате.

Отобранные 50 человек отправились двумя группами на двух самолетах «Дуглас». Десант бросали в ночь с 23 на 24 июля, а 23 июля десять партизан-лесгафтовцев из отряда Косицына были награждены орденами Красного Знамени. Сам Дмитрий Федорович получил из рук комфронта Мерецкова орден Ленина²¹. Все орденосцы, кроме Владимира Шапошникова, отправленного в тот момент в командировку, вошли в состав поисковой группы. 22 июля Сазанов сообщал:

Площадка 600 на 400 метров найдена от лагеря 6 км, координаты 5072а. Шлите самолет с расчетом на Афанасьева и двух тяжелораненых. Продуктов, тола нет²².

Квадрат 5072а — это юг болота Полосатый Мох, между веткой железной дороги Ленинград–Новгород и болотом Веретинский Мох. Об этом же писали в отчетах десантники:

Приземление должно было быть на южной стороне болота Полосатый Мох, сбор отрядов — с западной стороны сараев в квадрате 50–72²³.

Второй пункт сбора был намечен восточнее ст. Радофинниково, у «Большой канавы». Вообще десант был спланирован с учетом неизбежного разброса группы, хотя, как мы увидим, это не очень помогло.

²¹ https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1070559/

²² Цит по: Генерал Власов: история предательства... С. 113–118.

²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 924. Л. 260.

Ил. 3. Весна 1942 года, Волховский фронт. Слева направо — заместитель командира партизанского батальона А. Я. Калинин, начальник опергруппы ЛШПД на Волховском фронте А. А. Гусев, командир батальона Д. Ф. Косицын, начальник материальной базы ЛШПД Д. И. Власов. ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 16. Д. 428

Активный радиообмен не остался незамеченным немцами. Они на сентябрь 1942 г. располагали и захваченными рациями, и ключами, и пленными, готовыми участвовать в радиоигре. За отрядом Сазанова–Исакова охотились, используя пленных партизан.

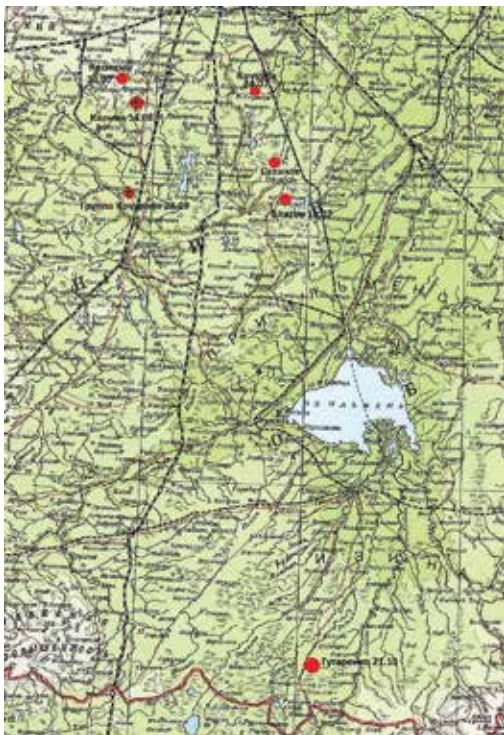
Немцы перехватили радиogramму, но расшифровали её несколько небрежно:

22.07. В перехваченной радиogramме партизанского командира обозначен квадрат 50-вверх/76-право (Логатинское болото). Для окружения выделены силы 188-й и 182-й охранных групп.²⁴

Логатинское болото действительно находится в квадрате 50–76, точнее — 6350–6577 по карте 1931 г. Но от него до точки сброса десантников 30 км по прямой. Неудивительно, что 23 июля охранные части 583-го тылового района ждали безрезультатно и отчитались лишь о двух самолетах, прошедших на запад. Казалось бы, по воле случая и чьей-то невнимательности партизанам удалось избежать разгрома в момент высадки.

Но далее невнимательность проявили уже с советской стороны. В два «Дугласа» погрузились две группы по 25 человек. Первую возглавил сам Косицын, в ней же был его заместитель, подполковник Александр Яно-

²⁴ NARA. T501. R78. Fr. 643.

Ил. 4. Карта района. Источник — сайт «Окрестности Петербурга» (URL: www.aroundspb.ru)

Начнем со второй группы. В ночь на 24 июля десант был выброшен на Кюлевское болото близ станции Кастенская, — относительно близко от лагеря Сазанова, около 15 км по прямой. При приземлении была разбита рация и серьезно пострадал радист Капралов. Разведке, отправленной к точке сбора, удалось встретить группу орденоносцев во главе с комиссаром Фишером, отправленную еще 17 июля на север. Затем в точке сбора были оставлены два человека для встречи Косицына, но тот не появился. 27 июля к точке вышли каратели, и в итоге двое десантников ушли с отрядом Сазанова, а комиссар Фишер остался в отряде Кочурова. До 9 августа десант вел поиски Власова по берегам реки Оредеж. Взятый в плен помощник коменданта Апраксина Бора показал, что Власов с Виноградовым взяты в плен. Из Малой Вишеры приказали получить точное подтверждение того, что Власов в плену. Однако после

вич Калнин, кадровый военный, майор запаса (на момент десанта — уже подполковник), кавалерист. Осенью 1941 г. написал в штаб Ленфронта с просьбой мобилизовать его и был направлен в партизанский отряд 14 ноября 1941 г. (ил. 3).

Второй группой командовал Василий Федорович Кочуров, военврач, выпускник института им. Лесгафта, участник Финской. Летом 1941 г. ушел за линию фронта с одним из отрядов лесгафтовцев, после возвращения служил врачом в Петергофском госпитале. В мае был направлен в батальон Косицына. Комиссаром второй группы стал Яков Маркович Миндлин (ил. 4).

этого, 9 августа, был получен приказ (опять же срочный) переходить к диверсиям. И заметим, что приказ был отдан недаром.

М. Н. Никитин в своем характерном стиле требует немедленно бросить все силы на подрывы железных дорог, угрожая в случае невыполнения задания сначала «считать трусами», а затем и предателями. Речь идет о помощи Красной армии в попытке прорыва блокады. Первоначально Снявинская операция планировалась на середину августа, но Волховский фронт официально успел только к 27 июля. А с 19 августа Ленинградский фронт проводил Усть-Тосненскую операцию²⁵. И как раз 19 августа Никитин писал (текст под копирку с вписанным чернилами количеством требуемых диверсий):

Красная армия, героически защищая Родину, ожидает ближайшие дни более мощной поддержки партизан. Приказываю <...> не считаясь с трудностями, презирая смерть, не допускать к фронту вражеские поезда. Вашему отряду до 15.09 произвести 5 крушений поездов, в этом главное.

26 августа:

Не считаясь с жертвами и трудностями любыми средствами организуйте крушение поездов. Только от вас зависит успех наступления бойцов Ленинградского фронта.

Кочуров в ответ запрашивает тол, который ему сбрасывают, но далеко не с первой попытки. Также он указывает, что в отряде 21 человек болен от голода.

Тем не менее, 3 сентября Никитин уже срывается:

Немедленно приступайте к действиям, иначе буду рассматривать как предателя.

Подгоняет он не только Кочурова. В это же время в группу Скворцова уходит радиограмма со словами:

Если ничего не сделаете, буду считать трусами, а не патриотами Родины.

16 сентября ЛШПД снова рассылает всем партизанским отрядам типовое задание — совершать диверсии на железнодорожных путях до 30 сентября. Цель — сорвать подвоз резервов. Риторика та же:

Бездействие равно измене и предательству, <...> отважных буду представлять к наградам, трусов <...> — судить²⁶.

²⁵ Мосунов В. А. Битва за Снявинские высоты... С. 22–23.

²⁶ Все цитаты из радиограмм: ЦГАИПД СПб. Ф. 0–116. Оп. 7. Д. 334; Д. 315. Л. 10, 14, 19, 20; Л. 3, 8.

Надо заметить, что если отбросить несколько истерическую манеру формулировать задание и невнимание к таким мелочам, как снабжение диверсантов боеприпасами для диверсий, приказ абсолютно резонный. Прервать хоть на день движение по железной дороге было в тот момент крайне важной задачей, практически всё снабжение висело на двух железнодорожных ветках. После войны начальник инженерной службы 11-й армии вермахта — той самой, которая была отправлена на штурм Ленинграда, особо говорил о слабости коммуникаций и проблемах, которые это создавало²⁷. О партизанах он также упомянул, причем с изрядным раздражением и даже злобой. Впрочем, указал, что серьезных помех снабжению и управлению партизанам создать не удалось. Нельзя также не отметить, что одной из характерных черт советского командования он называет несогласованность действий.

Диверсии отряд Кочурова устраивал, и довольно успешно. Во второй половине сентября десантники, разделившись на три группы, провели серию подрывов на Варшавской железной дороге на участке Дивенская — Долговка. Командир отряда В. Ф. Кочуров пропал без вести вместе с 5 членами своей группы. 20 сентября 1942 г. они ушли на диверсию в районе ст. Мшинская и не вернулись в пункт сбора²⁸. В сводке 285-й охранной дивизии:

28.09. Группа подрывников, которая, предположительно, произвела оба недавних взрыва севернее Луги, была обнаружена группой GFP в 4 км западнее места взрыва и после короткого боя полностью уничтожена. Потери противника — 6 убитых²⁹.

В месячной сводке тайной полевой полиции указана дополнительная информация:

После примерно 10 км марша по болотам группа была достигнута в заброшенном сарае (Feldscheune) и после получасового боя полностью уничто-

жена. <...> Согласно найденному дневнику они были высажены с самолета 24 июля и с того времени производили взрывы на железных дорогах³⁰.

Место взрыва — «112,4 км ж. д, 26 км севернее Луги». Это примерно нынешний разъезд Антонины Петровой, ранее — 112 км. В 4 км к западу от него — Осиновские озера, рядом с которыми на километровке РККА 1941 г. отмечена постройка. Однако «примерно 10 км марш» — это уже за р. Кемкой, окрестности Натальино. Пожалуй, вероятное место — сараи западнее Осиновского озера по берегу Кемки или сторожка лесника юго-западнее озер. Интересно, что чуть далее за районом озер — место гибели в 1941 г. Антонины Петровой и отряда Полейко.

Цифры не совсем сходятся — в списке потерь указан еще и партизан Кулаков из отряда Иванова — «ушел с Кочуровым и не вернулся»³¹. Также в донесении GFP упомянуто, что среди убитых был старший лейтенант Кочуров в звании военврача 3-го ранга, других офицеров в его группе не числилось. Тем не менее, дневник отряда Кочурова, а точнее, выписки из него, имеющие интерес для 28-го корпуса, нашлись в трофейных документах 500-го фонда ЦАМО РФ³². Можно с уверенностью утверждать, что речь шла именно об этой группе. И. И. Исаков, командир ореджского отряда, в воспоминаниях, изданных в 1974 г., писал о том, что группа Кочурова, брошенная на тщетные поиски Власова, почти вся погибла. Полагаем, что теперь известно и место гибели.

Миндлин ждал командира 11 дней сверх срока, за это время отряд выдержал столкновение с карателями и, уходя от преследования, потерял шестерых. Всего из отряда Кочурова вернулось 26 октября 12 человек. С Миндлиным пришло 11 десантников и двое красноармейцев, бежавших из плена, плюс отдельно вышел один из оставшихся в отряде Сазанова. Комиссар Фишер из ореджского отряда числился как пропавший без вести 8 октября при нападении карателей³³ (ил. 5).

³⁰ NARA. T-501. R-349. Fr. 789.

³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 924. Л. 210. Судя по радиограммам, в Ореджском районе вместе с Фишером к отряду присоединились партизаны Кружков и Кулаков из группы Иванова. Сам Иванов оказался в отряде Сазанова. Речь о спецгруппе Иванова из 6 человек, которую должны были сбросить 22 июля на Кудровское болото. Но с 25 на 26 июля Иванов с радистом были отправлены в отряд Сазанова для установления радиосвязи. Остальные четверо были выброшены в Ореджский район с 1 на 2 августа (ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 57. Л. 22; Ф. 116. Оп. 1. Д. 57. Оперативные сводки. Л. 42, 46). Кружков вышел вместе с отрядом.

³² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12474. Од. 481. Л. 183–189. Автор благодарит Игоря Петрова за указание на документ.

³³ 13 октября служба СД доложила, что «недавно между Оредж и Финев Луг был найден мертвый комиссар из разгромленной группы Исакова, по всей видимости, еврей». ЦГА СПб. Ф. 9788. Оп. 1с. Д. 47. Л. 13.

²⁷ «В сентябре борьба шла за тактические цели — удержать восточный фронт от Шлиссельбурга на юг, так как все снабжение района Волхов и Погостье зависело от возможности доставлять грузы через Тосно и Красногвардейск по шоссе Ленинград-Чудово и параллельно идущей железной дороге. <...> Соответственно, на кону стояла жизненно важная артерия». NARA. D 0076.

²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 924. Л. 220.

²⁹ NARA. T-315. R-18802. Fr. 952. Состав группы: военврач 2-го ранга Василий Федорович Кочуров, 1908 г. р., старшина Иван Григорьевич Бондик (вариант — Биндик), 1916 г. р., Михаил Иванович Лысенко, 1918 г. р., старший сержант Виктор Алексеевич Гринев, 1921 г. р., младший сержант Александр Миронович Смирнов, 1920 г. р., радист Сергей Некрасов и Кулаков из группы Иванова.

Ил. 5. «Группа партизан батальона Косицына после выхода из-за линии фронта». Предположительно — группа Миндлина, фото не раньше 26 октября 1942 г. ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 16. Д. 2586

Заметим, что немцы довольно быстро определили, где все-таки находится Сазанов. 27 и 28 июля отряд ведет бой с появившимися у базы «карателями до 500 чел.».

По немецким сводкам 29 июля 182-я охранная группа (эстонцы) перехватывает груз, сброшенный отряду Сазанова «в известном квадрате» и отчитываются о «перестрелках с малыми и большими группами»³⁴.

Отряд ордежцев до 30 июля вынужден прорываться из окружения и теряет троих человек³⁵.

31 июля эстонцы докладывают об одном тяжелораненом со своей стороны и 4 убитых партизанах. Самым простым способом найти партизан было следить за самолетами и устраивать засады в местах сброса груза. Эстонские и русские коллаборационисты несколько раз обстреливают самолеты, подают ложные сигналы, а 3 сентября им удается захватить на болоте Веретинский Мох самолет и летчика-лейтенанта³⁶. Судя по всему, это был лейтенант Силин, тот самый, который вывез

³⁴ NARA. T501. R78. Frame 43–60.

³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 158. Д. 41–45.

³⁶ NARA. T501. R78. Frame 757–759.

Ил. 6. Группа лейтенанта Чикаревского (второй справа) после выхода из-за линии фронта. Дата выхода группы — 6 ноября 1942 г. ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 16. Д. 2587

И. Д. Дмитриева. Штаб ЛШПД трижды — 4, 7 и 10 сентября — запрашивает группу Скворцова, был ли самолет и что стало с летчиком.³⁷

Ордежцы лишаются продуктовых запасов и уходят из обжитого района. Начинается голод, больных отправляют на выход за линию фронта, часть людей пропадает без вести, часть прибивается к другим отрядам. Если на 23 июня в отряде было 67 бойцов, то на 1 сентября остается 26. Они уходят за реку Ордеж, в район Волосково-оз. Тигода. А поздней осенью, после неудачной попытки перейти фронт в районе Погостынского выступа, остатки отряда разделяются на пары и идут зимовать в свой район. И. И. Исакову удалось выжить, закончить войну комиссаром партизанской бригады и оставить воспоминания.

Штаб партизанского движения не остановился на достигнутом и отправил остальную часть батальона Косицына вслед за улетевшими. Группы Скворцова (она же затем — группа Соскова, а затем Чикаревского) и Куралова действовали в Ордежском и Тосненском районах с начала августа по октябрь-ноябрь (ил. 6). Каждой из них пришлось по очереди искать, куда делись предыдущие группы, восстанавливать связь со штабом и бороться за выживание. Крайне негативный эффект имела многократная высадка десанта в одном и том же районе. Вместо

³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 0–116. Оп. 7. Д. 315. Л. 9–11.

увеличения боевой мощи отряда Исакова получалось, что отряд, отчаянно нуждавшийся не в пополнении, а в снабжении продуктами и боеприпасами, получал только лишние рты и привлекал к себе внимание. Местные ресурсы были исчерпаны, в мемуарах Исаков писал о том, что некоторые группы, сброшенные в их районе, делились пайком, а некоторые не желали этого делать, вызывая порой желание «раскулачить».

С 9 августа о розыске Власова речь уже не шла, но информацию о судьбе генерала продолжали добывать. И те, кто не имел радиосвязи, о прекращении поисков узнали не сразу.

Часть вторая. Груз ошибок

Пора вернуться к первой группе, Косицына-Калнина. 23 июля она оказалась выброшенной, ни много ни мало, в 65 километрах по прямой от пункта назначения³⁸. Вместо Оредежского района десант доставили в Красногвардейский, севернее деревни Ляды. Выброска прошла хаотично, без предупреждения и, по отчетам десантников, с одного борта во время десантирования бросали груз. В итоге людей разбросало, часть отряда приземлилась на вырубку и получила травмы. Собралось две отдельных группы — одну, в количестве 7 человек, возглавил подполковник Калнин, вторую, 15 человек — Валерий Гутаренко. Командир батальона и двое бойцов пропали без вести. Судьба Д. Ф. Косицына так и остается невыясненной³⁹. Официальной датой гибели считается 24 июля 1942 г., местом — район деревни Ляды, то есть район приземления. Так во всех воспоминаниях ветеранов-лесгафтовцев. В одном из очерков, например, его гибель описана несколько расплывчато:

Косицын погиб. Свой последний час он встретил, как подобает бойцу, не выпуская из рук оружия⁴⁰.

³⁸ В воспоминаниях и опросах десантники называли цифру в 100–120 км. Это некоторое преувеличение, всё же путь даже не по прямой составил не больше 80 км.

³⁹ Помимо Косицына, пропали Хона Моисеевич Крупник (награжден орденом Красного Знамени) и Олег Владимирович Раздеришин. Последний попал в плен 7 августа, допрашивался в штабе 28-м армейского корпуса, отправлен в лагерь в Чудово. В протоколе допроса указано, что после приземления никого не нашел и двинулся в сторону Волхова. «Путь от места приземления до взятия в плен описывает неточно, якобы не может вспомнить всех подробностей». NARA. T 314. R793. fr. 139). В учетном деле батальона в списке личного состава пометка: «В Хвойной слышали от партиз., вышедш. из тыла, что их видели с Косицыным в тылу», но это больше похоже на обычное желание верить, что командир жив и еще вернется. Косицын, судя по всему, пользовался заслуженной любовью подчиненных.

⁴⁰ В. Туркин. Родина в бой позвала. 2002. // Книга памяти и славы профсоюзного спорта Ленинграда, СПб., 2015, стр. 176.

Пока остается только гадать, где был последний бой Дмитрия Федоровича и был ли он вообще, или Косицын, например, разбился насмерть при приземлении. В справке о формировании ленинградских отрядов, составленной П. Р. Шевердалкиным в 1944 г., указано, что Косицын был «захвачен немцами и после истязаний расстрелян»⁴¹. Однако на что именно опирался Панкратий Романович при составлении справки, выяснить пока не удалось, и в послевоенных источниках этот факт не отражен. Предполагаем, что информация была получена с чьих-то слов и позднее не подтвердилась.

В каждой группе оказался тяжелораненый. У Калнина один человек, Леонид Григоренко, сломал ногу и растянул вторую, еще двое просто получили растяжения. В группе Гутаренко сломал ногу Вячеслав Евстафьев. Оба пострадавших входили в число десяти орденосцев.

Группа Калнина собралась южнее деревни Ляды и быстро выяснила, где оказалась, у местного жителя. На следующий день, оставив троих раненых, десантники отправились за помощью в пункт сбора, на болото Полосатый Мох, за 65 километров. Они разминулись с товарищами на сутки, и 28 июля в обоих сборных пунктах обнаружили только следы пребывания людей и грузовой парашют, а 31 июля четверке приходится уходить от преследования. 6 августа они возвращаются в район Ляд. Луговцев и Ермолаев, потянувшие связки, на тот момент уже могли передвигаться. Григоренко, сломавшего одну ногу и растянувшего вторую, нужно было нести. Калнин принимает решение оставить Григоренку в надежном месте и идти на выход через Волховский фронт. 13 августа, обустроив товарищу базу «в районе дороги Ляды-Даймище» с запасом продуктов на 30–35 дней, группа ушла на юго-восток. На следующий день А. Я. Калнин погиб. Группа пришла за продуктами на Сосновские хутора. Были опрошены местные жители, велось наблюдение за деревней, но... При подходе к дому лесника по четверым партизанам дали залп из окон, в упор. Подполковник Калнин, судя по всему, оказался убит на месте. Группа была вынуждена отойти, бросив тело командира, в ходе перестрелки был ранен в руку Дорошенко. См. запись за 16 августа в ЖБД 583 тылового р-на:

Комендатура Ящера: Патруль полевой жандармерии в ходе перестрелки с партизанами застрелил комиссара. Один раненый и трое остальных партизан смогли в темноте скрыться в ближайшем лесу⁴².

⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4383. Оп. 1. Д. 48. Д. 6.

⁴² NARA. T501. R78. Frame 710.

Цифры, равно как и дата, не сходятся, всего партизан было шестеро, а к дому лесника отправились четверо из них. Но это можно списать на темноту и на то, что рапорт за 14 августа внесли в ЖБД двумя днями позже⁴³. Позднее, в 1944 г., А. И. Брюквин из деревни Ящера покажет, что «на Сосновских хуторах антипартизан Ляушка убил какого-то подполковника»⁴⁴.

28 августа пять человек⁴⁵ вышли в расположение 1012-го полка 288-й стрелковой дивизии в районе дороги Пехово-Пертечно, на плацдарме севернее Грузино. Можно заметить, что выходят они именно через тот участок фронта, где предполагалось переправлять батальон в июле и где Калнин проводил разведку.

Леонид Григоренко числится погибшим. Можно предположить, что следующая запись в ЖБД 583-го тылового района относится к нему:

29.09. Комендатура Ящера: В результате разведки у отметки 54\76 убит в бою парашютист (награжден орденом Красное Знамя). Также взято в плен два бандитских помощника⁴⁶.

Квадрат 54\76 находится южнее Карловки, хутора, которую группа Калнина посещает во время выбора базы для Григоренко. На хуторе его оставлять не решились, устроив базу где-то «в районе дороги Ляды-Даймище». Через полтора месяца он вполне мог пойти на выход самостоятельно⁴⁷. В Карловке жил Карл Кескула, бывший на связи с партизанами и дававший информацию об аэродроме в Сиверской партийной группе Тихонова⁴⁸. Лесгафтовцам он показался сомнительным, а зря. О нем знал сам начальник ЛШПД Никитин, назвавший его «надежным человеком». Впрочем, за верность родине советский финн заплатил дорогую цену. 9 октября 1942 г. Кескула был расстрелян немцами⁴⁹. Воз-

можно, «два бандитских помощника» может относиться к нему и его жене или дочери.

Часть третья. Долгая дорога

15 десантников, собравшиеся под руководством Валерия Гутаренко, оказались севернее д. Ляды. Определить свое местонахождение они смогли на второй день. После безуспешных поисков командира и товарищей, столкнувшись с карателями, отряд уходит северо-западнее. До 30 июля десантники находятся там, дают 12 радиogramм в ЛШПД, но ответа не получают. Гутаренко принимает решение идти выполнять задание. Вячеслава Евстафьева с тремя бойцами оставляют на месте, с задачей после выздоровления выходить.

Евстафьев тоже был награжден орденом Красного Знамени, но он благополучно выбрался — с 3 на 4 октября его группа, потеряв двоих человек, со второй попытки перешла линию фронта близ Мясного Бора. Впрочем, далось это лесгафтовцам нелегко. Они сразу были отправлены в госпиталь, и уже после войны Евстафьев вспоминал, как встретившие его солдаты спросили 23-летнего спортсмена: «Как там у немцев в тылу, дедушка?» По его словам, выглядел он лет на 60⁵⁰.

12 октября Евстафьев был отправлен в Боровичский госпиталь⁵¹, впоследствии служил бойцом-методистом ЛФК эвакопункта №211⁵². Судя по списку, трое оставшихся с ним — это:

Лудинов Сергей Александрович — в октябре 1942 г. погиб на минном поле в Мясном Бору при переходе линии фронта.

Недосекин Сергей Иванович, 1918 г. р. — вместе с Евстафьевым отправлен в госпиталь и, судя по юбилейной картотеке портала «Память народа», благополучно дожил до 1985 г.

Синельников Николай Николаевич, 1919 г. р. — в сентябре отбился от группы во время боя.

А отряд Гутаренко 7 августа (как раз когда группа Калнина возвращается назад, в Ляды) добрался до сборного пункта. Им пришлось переходить Оредеж под огнем противника, была замочена рация, поэтому связи не было. Десантники начинают искать командующего 2-й ударной армии. 8 августа они встречают группу окруженцев

⁴³ Документов у подполковника с собой не было, но был орден Красного Знамени и карты. Это могло заставить зачислить его в комиссары.

⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4383. Оп. 1. Д. 32. Л. 94. Заметим, что Александру Брюквину было на тот момент 20 лет, сам он позже ушел в партизаны. Рассказ в целом грешит неточностями и, судя по всему, Брюквин добросовестно пересказал все, что рассказывали в деревнях.

⁴⁵ Дорошенко, Луговцов, Ермолаев, Черных, Ратнер.

⁴⁶ NARA. T501. R78. fr. 99.

⁴⁷ Другими кандидатами на роль погибшего могли бы стать также награжденные орденом Красного Знамени Хона Крупник или сам Косицын. Но в случае последнего скорее можно было бы ожидать упоминания ордена Ленина.

⁴⁸ Группа партийных организаторов, 6 человек, сброшены в Волосовский район с 15 на 16 июля. ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 1. Д. 57. Л. 32.

⁴⁹ NARA. T314. R 795. fr 159. Ссылка на донесение GFP 520, отдел 7 от 4 октября 1942 г. за номером 271/42.

⁵⁰ Партизаны. Новые подробности... С. 94.

⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 924. Л. 317.

⁵² Данные сайта академии им. Лесгафта.

во главе с комиссаром 23 бригады батальонным комиссаром Алаферовым Николаем Дмитриевичем»⁵³, а точнее — Аллахвердиевым Насибом Джабаровичем⁵⁴.

Аллахвердиев видел штабную группу 2-й ударной армии и полагал, что Власов и Виноградов пойдут на юг и будут выходить через Новгород или Старую Руссу (по показаниям Афанасьева, Виноградов говорил, что собирается «идти на Старую Руссу или Калининский фронт»).

С 13 августа отряд Гутаренко ведет поиск:

В районе дер. Ушницы от рабочего Иванова Александра Федоровича выяснили, что в дер. Туховежи старостой Воробьевым Васильем Васильевичем и его сыном при обмене часов на продукты был арестован генерал-лейтенант Власов с неизвестной женщиной. Пробыв у старосты до приезда немецких военных властей, которыми и был отправлен на машине в гор. Лугу. (...) Было принято решение старосту Воробьева расстрелять, а дом и все имущество сжечь⁵⁵.

Но жестокое решение осталось неисполненным. Уже в который раз начались несурезицы — отряд не имел карты Оредежского района и вышел в соседнюю деревню.

Группа попала в дер. Новое Березино, не подозревая этой ошибки, так как улица и дома старост по своему расположению были очень подобны. Староста дер. Новое Березино Афанасьев (после долгих поисков найденный под полом своего дома) подтвердил данные об аресте ген.-лейтенанта Власова.

Впрочем, далее оказалось, что и в деревне Туховежи Воробьева нет и он, по словам крестьян, скрывается от партизан в Оредеже. Заминировав гранатами дом и сарай, отряд ушел.

Отряд Гутаренко удачно отбивается от засады в районе деревни Каменные поляны и направляется на выход, «по пути используя силу имеющегося оружия и слова». 22 сентября в Дновском районе от группы отбиваются четверо, в отчете Гутаренко — «изменили отряду и ушли в неизвестном направлении». На деле четверка, самовольно ушедшая

⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 924. Л. 261.

⁵⁴ <https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=52408174> В рукописном отчете – «Аллахвердов (депутат верховного совета Азерб. ССР)». В деле информационно-разведывательного отдела ЛШПД с опросами вышедших из тыла список группы командиров 2-й ударной армии, найденных группой Гутаренко, следующий: «Комиссар 23 бригады Алафердов Ник. Дм., командир батальона Абрамов Г. Г. Уполномоченный особого отдела Овсиенко И. П., интендант Проценко Д. Н., нач. тыла дивизии 267 В. А. Евдокимов, Скоробогатов — раб. штаба батальона прорыва и партизан отряда Коновалова — Е. В. Ткачев — пошли вместе с Гутаренко на выход». ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 2. Д. 153.

⁵⁵ ЦГАИПД. Ф. 116. Оп. 1. Д. 924. Л. 261.

поискать в деревне еды, попала в плен. Один из них, Константин Гутарари, успел застрелиться. По показаниям Юрия Храпова, убежавшего 13 сентября из плена в 5-ю партизанскую бригаду, они ушли в разведку, не нашли отряда по возвращении и отправились на выход. Были схвачены немцами у аэродрома возле дер. Свинухово Старорусского района⁵⁶.

Среди ушедших был еще один награжденный орденом Красного Знамени, 16-летний Виктор Тихонович Жигалов, оказавшийся в плену, выживший и 2 февраля 1946 г. отправленный со сборного пункта советских граждан в г. Мюнхен⁵⁷. Кроме него, в плену остался Николай Мещанинов.

В ночь на 6 октября, уже возле Старой Руссы при переходе Фекинского болота в ходе боя пропал батальонный комиссар Аллахвердиев⁵⁸. А близ линии фронта техник-интендант Проценко остался во встреченной диверсионной группе Зайцева. По пути отряд подобрал двоих бежавших военнопленных и трех десантников. Вышли они 21 октября 1942 г. на участке 8 кв. сд между деревнями Жемчугово и Лопари, к северу от Холма. Именно там проходил зимой партизанский обоз с хлебом для Ленинграда.

Заключение

В завершение вернемся к оценкам произошедшего в деревне Туховежи. Надо отметить, что А. И. Орлов, первым достоверно описавший историю с пленением Власова и нашедший живого свидетеля — дочь старосты — писал, что Васильев был на связи с партизанами, и после войны преследованию не подвергался — «из органов к нему приезжали, о чем-то беседовали, и мирно уезжали, пожав руку»⁵⁹. В докладе Пельхау сказано, что «джип был остановлен жителями деревни, которые в боль-

⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 924. Л. 236.

⁵⁷ https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie79677223/

⁵⁸ Болото Фекинский Мох на границе Дновского и Волотовского районов. https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_prikaz74475531/ Судя по приведенной ссылке, Аллахвердиев остался жив, хотя был учтен, как погибший. На сайте Саваш приведены следующие данные: «В ноябре 1942 г. в бою с немецким гарнизоном был тяжело ранен и попал в плен. В августе 1943 г. Насиб Аллахвердиев совершил побег из лагеря военнопленных под Слуцком и вступил в 5-ю партизанскую бригаду Пестрякова, действующую в Ленинградской области. Заместитель комиссара партизанского полка. В марте 1944 г. вернулся в действующую армию, закончил войну в Германии. За мужество и героизм проявленные в борьбе с врагом Майор Аллахвердиев награжден орденом Ленина. (по материалам партархива Белорусского филиала Института марксизма-ленинизма)» <http://www.savash-az.com/PAGEMAIN.htm>

⁵⁹ Орлов А. И. Путь в другую сторону // Трагедия Мясного бора. СПб., 2015. С. 361.

шом возбуждении сообщили, что (...) 11 июля в деревню явился бандит (...) Староста запер их в бане»⁶⁰. О том, что среди «возбужденных жителей» был староста, не сказано, и теоретически староста мог спрятать непонятных людей в бане (по воспоминаниям дочери — в деревянной кладовке для зерна), отобрав для надежности оружие, — без намерения выдать, просто, чтоб пересидели ночь и ушли. Или, по крайней мере, мог представить так дело позже — партизанам или органам. В конце концов, Васильев мог оправдаться тем, что подозревал в не назвавшем себя незнакомце немецкого провокатора.

Однако по свидетельству того же переводчика, зондерфюрера Пельхау, допрошенного после войны советскими органами, староста сам сообщил о чужаках⁶¹. И в показаниях Марии Вороновой прямо сказано, что местная «самооборона» арестовала их после того, как они вошли в дом, приняв за партизан. Впрочем, придумывать мотивы чужих поступков — дело совершенно бесперспективное, особенно там, где их легко спутать с предпосылками или объяснениями, данными постфактум.

Вариантов действий у старосты было крайне немного, и, скорее всего, он, не задумываясь, плыл по течению, заботясь о собственном выживании (и продолжил это делать позже, сотрудничая с партизанами, если это действительно было). Важнее то, что на тот момент так вел себя и Власов — из отчета Афанасьева можно заключить, что он потерял надежду на благополучный выход после неудачи с прорывом 25 июня. Сам Власов в программных заявлениях описывал ситуацию патетически: «В последнем бою с горстью верных мне друзей попал в плен»⁶².

По довольно позднему воспоминанию полковника Кромиади, в Берлине Власов рассказывал ему более драматический сюжет — староста пригласил их с Вороновой в дом, накормил, а дальше «его разморило после ужина и он задремал, сняв ремень с пистолетом и повесив его на гвоздь»⁶³. Староста тем временем привел вооруженных крестьян. Рассказ о побежденном военачальнике, неосторожно заснувшим в жилище местного жителя, заставляет вспомнить один из древнейших ветхозаветных сюжетов. Но если отвлечься от Сисары и Иаили и вернуться к ситуации в Волховском котле, то распад командных структур, дробление крупного отряда на мелкие группы, споры вокруг вариантов перехода

фронта, потери в ходе попыток добыть продовольствие — всё это удивительно похоже на судьбу отряда Дмитриева, да и любой другой партизанской группы того времени. Вряд ли стоит искать в июльских поступках Власова симптомы того, как он вел себя через несколько месяцев. Переход на сторону противника произошел гораздо позже, а на тот момент сложно определенно говорить о чем-то, кроме попыток выжить.

Достоверная информация о судьбе командарма 2-й ударной армии была партизанами добыта. Правда, к октябрю 1942 г. она устарела, никакой роли сыграть уже не могла и, видимо, вообще оказалась лишней. Некоторая путаница, возникшая в дальнейшем с конкретным местом и обстоятельствами пленения Власова, началась сразу — например, по данным отряда Куралова, основанным на допросе пленного, Власов сдался в Апраксином Бору в компании Виноградова и радистки Вали в начале августа⁶⁴. Это еще летом вошло в разведсводку ЛШПД, а данные группы Гутаренко пришли значительно позже. Группа Кочурова докладывала, что генерала привезли в Любань. Гутаренко, как мы уже говорили — что его увезли в Лугу. Неизменным во всех показаниях остается то, что Власов был в компании женщины, немцы отнесли к нему хорошо и повезли в ближайший крупный населенный пункт.

В октябре уже было известно, что от имени Власова распространяются пропагандистские листовки, и обрывки информации о пленении складываются в удобную картину — генерал сдался добровольно.

Особый отдел Волховского фронта еще в августе в записке о срыве операции по выводу 2-й ударной армии докладывал наверх:

Установлено, что Власов, Виноградов и другие руководящие работники штаба армии в панике разбежались, от руководства боевыми операциями самоустранились и место своего расположения не объявили, законспирировали⁶⁵,

и в целом возлагал как минимум часть вины за провал на командарма — «растерялся», «не принял решительных мер». Хотя основным виновником в документе выглядит Хозин. Рискнем сказать, что сюжетная линия от малодушия и растерянности к сдаче в плен и предательству осенью 1942 г. уже была выстроена. Образ сложился, и дальнейшее только закрепляло его.

А вскоре пленный генерал заявил о себе так, что обстоятельства его попадания в плен окончательно отошли на второй план. К концу года его уже планировали не спасать, а уничтожать, но эта операция в 1943 г. так и не состоялась.

⁶⁴ ЦГАИИД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 924. Лист 198.

⁶⁵ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 124.

⁶⁰ Цит по: Власов. История предательства. <http://archives.ru/library/general-vlasov-istoria-predatelstva-1/index.html#84/z>

⁶¹ К. М. Александров. Не стреляйте, я — генерал Власов. К истории пленения командующего 2-й ударной армией // Новгородский исторический сборник. 13 (23). 2013. С. 398–399.

⁶² Из письма «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» // Заря. 1943. 3 марта.

⁶³ К. М. Александров. Не стреляйте, я — генерал Власов...

Итоги использования батальона Косицына оказались неутешительными. Партизанский батальон, имевший серьезную по меркам того времени боеспособность, был раздроблен на мелкие группы, каждая из которых понесла серьезные потери. По уже упоминавшейся справке П. Р. Швердалкина, из вышло обратно осенью 1942 г. 45 человек⁶⁶, то есть треть изначального состава. Погибли командир и замкомандира. Комиссар батальона Илларионов попал в плен⁶⁷. Прекратил существовать как единое целое даже штабной взвод из старых лесгафтовцев. К тому же немцы на основании показаний пленных получили достаточно полную картину системы формирования партизанских отрядов.

Можно отметить, что в организации и проведении поиска отразились все характерные для того периода негативные черты РККА. Впрочем, положительные тоже. И постоянные голодовки, и ошибки летчиков при высадке десанта, и шпиономания, и проблемы со связью, и конфликты внутри групп — всё это повторится в конце 1942 — начале 1943 г. в истории отряда Гульона, Лужского партийного центра и 1-й особой партизанской бригады. И точно так же партизаны и диверсанты вопреки всему будут пытаться выполнить задачу. Советские командиры и партработники были вынуждены «догонять события» и реагировать на обстановку, которая требовала от них совершенно другого уровня подготовки, не давала времени на раздумья и при этом ошибок не прощала. Причем в партизанских условиях командование при выработке решения располагало лишь устаревшей и скудной информацией, а исполнители не имели средств для выполнения решения. Скорость прохождения информации, логистика, штабная культура, координация действий разных служб и разных подразделений — всё это приходилось налаживать на ходу, причем в условиях системного кризиса. Для партизанского движения, основанного на трех столпах — партии, органах и армии, — это было более чем актуально. Даже в конце 1943 г., переломив ситуацию на оккупированной территории, партизанские бригады Ленобласти вели тяжелую борьбу и несли потери. Более того, даже наступление зимы 1944 г. не стало для партизан триумфальным походом от победы к победе. Успех пришлось зарабатывать немалой кровью.

⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4383. Оп. 1. Д. 48. Л. 6.

⁶⁷ Содержался в лагерях в Литве, Германии и Австрии. В январе 1944 г. пытался бежать, был передан гестапо. Однако остался жив, и 21 ноября 1945 г. прошел фильтрацию. (сайт «Память народа», картотека военнопленных офицеров. URL: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/images3/Memorial/Z/013/118/1181671.jpg>. URL: https://cdn.pamyat-naroda.ru/images3/Memorial/Z/015/359%20%D0%97%D0%A1%D0%9F/030038/00003099_0.JPG)

Список личного состава десантного отряда, отправленного на поиск Власова

Первая группа:

1. Косицын Дмитрий Федорович (орден) — пропал без вести 24.07.1942 близ д. Ляды Гатчинского района.
2. Калнин Александр Яковлевич (орден) — погиб 16.08.1942 на Сосновских хуторах.
3. Бондаренко Павел Иванович — вышел. В декабре работал на базе ЛШПД в Александровской.
4. Гуторенко Валерий Михайлович — вышел, в 1944 г. — нач. разведки в 5 партизанской бригаде.
5. Григоренко Леонид Алексеевич (орден) — погиб, предположительно южнее хут. Карловка 29.09.1942.
6. Дорошенко Сергей Иванович — погиб не раньше 1943 г.
7. Луговцов Павел Кириллович (орден) — погиб 18.02.1943.
8. Ермолаев Валентин Иванович (орден) — погиб не раньше 1943 г.
9. Черных Григорий Митрофанович — судя по картотеке мемориальных наград, пережил войну.
10. Плечкан Владислав Викентьевич (орден) — попал в плен 18.02.1943, бежал из карательного отряда осенью, был осужден на 10 лет.
11. Вукалов Владимир Иванович.
12. Кривенко Иван Кириллович — погиб не раньше 1943 г.
13. Евстафьев Владимир (орден) — вышел, раненый, после лечения комиссван, служил инструктором ЛФК.
14. Лудинов Сергей Александрович — погиб на минном поле в Мясном Бору при переходе линии фронта, октябрь 1942 г.
15. Недосекин Сергей Иванович — вышел, остался жив.
16. Синельников Николай Николаевич — погиб при переходе линии фронта, сентябрь 1942.
17. Гурари Константин Яковлевич — погиб, застрелился, чтоб не попасть в плен 23.09.1942 у дер. Свинухово Старорусской обл.
18. Жигалов Виктор Тихонович (орден) — попал в плен 23.09.1942, в 1946 г. был отправлен из Мюнхена на родину.
19. Мещанинов Николай Григорьевич — попал в плен 23.09.1942.
20. Храпов Юрий Евгеньевич — попал в плен 23.09.1942, бежал к партизанам.
21. Ратнер Борис Эдуардович — судя по картотеке мемориальных наград, пережил войну.
22. Крупник Хона Моисеевич (орден) — пропал без вести 24.07.1942, р-н д. Ляды.
23. Раздеришин Олег Владимирович — попал в плен 07.08.1942, был направлен из лагеря Чудово в штаб 18-й армии для допроса.
24. Веников Алексей Кононович — вышел, в ноябре 1942 г. лег в госпиталь. 11.03.1944 погиб в 125-й отдельной штрафной роте 42-й армии.
25. Васьковский Михаил Иванович (орден) — вышел, остался жив.

Вторая группа:

1. Кочуров Василий Федорович — погиб предположительно 28.09.1942 в р-не Осиновского озера.
2. Лысенко Михаил Иванович — погиб предположительно 28.09.1942 в р-не Осиновского озера.
3. Смирнов Александр (Афанасий?) Миронович — погиб предположительно 28.09.1942 в р-не Осиновского озера.
4. Бондик Иван Григорьевич — погиб предположительно 28.09.1942 в р-не Осиновского озера.
5. Гринев Виктор Алексеевич — погиб предположительно 28.09.1942 в р-не Осиновского озера.
6. Некрасов Сергей — погиб предположительно 28.09.1942 в р-не Осиновского озера.
7. Миндлин Яков Маркович — вышел, в 1943 г. служил в Молотовском пехотном училище.
8. Новиков Павел Николаевич — вышел, впоследствии начальник штаба 8 пбр.
9. Валетов Борис Петрович — вышел, направлен в январе 1943 г. в спецшколу в Хвойной.
10. Капустин Иван Николаевич — вышел, направлен в январе 1943 г. в спецшколу в Хвойной.
11. Лапин Иосиф Тимофеевич — вышел, направлен в январе 1943 г. в спецшколу в Хвойной.
12. Капралов Виктор Алексеевич — вышел, направлен в январе 1943 г. в спецшколу в Хвойной.
13. Горбин Алексей Дмитриевич — вышел, отправлен в госпиталь.
14. Черепеников Николай Александрович — вышел, отправлен в госпиталь.
15. Тимофеев Николай Георгиевич — вышел, отправлен в госпиталь.
16. Самсонов Алексей Васильевич — погиб (плен?) в бою близ дер. Озерешно 8.10.1942.
17. Афоненко — погиб (плен?) в бою близ дер. Озерешно 8.10.1942.
18. Медведев Григорий Антонович — погиб (плен?) в бою близ дер. Озерешно 8.10.1942.
19. Нестеркин Иван — попал в плен близ дер. Озерешно 8.10.1942.
20. Юлдашбаев Харис Минисламович — попал в плен близ дер. Озерешно 8.10.1942.
21. Абраменко — остался в отряде Сазанова, погиб.
22. Овсянников — остался в отряде Сазанова, вышел.
23. Ломоносов — самовольно покинул отряд (предположительно ушел к родным в Плюсский р-н).
24. Гладилин Николай — вышел, в январе 1943 г. снова отправлен за линию фронта.
25. Черепанов Иван Петрович — вышел, в январе 1943 г. снова отправлен за линию фронта.

Список литературы

- Александров К. М.* Не стреляйте, я — генерал Власов. К истории пленения командующего 2-й ударной армией // Новгородский исторический сборник 13 (23), 2013. с. 398–399.
- Дмитриев И. Д.* Записки товарища Д, Л., 1969.
- Исаков И. И.* Гроза над Оредежем. Л., 1974.
- Мосунов В. А.* Битва за Синявинские высоты. Мгинская дуга 1941–1942 гг. М., 2016.
- Орлов А. И.* Путь в другую сторону // Трагедия Мясного бора. СПб., 2015.
- Стародубцев А. Ф.* Дважды невидимый фронт. М., 2010.
- Туркин В. В.* «Родина в бой позвала» // Книга памяти и славы профсоюзного спорта, СПб., 2002.
- В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 г. Сборник документов. Л., 1985.
- Генерал Власов: история предательства. Сборник документов под ред. А. Н. Артизова. М., 2015.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. Т. 3. Кн. 2. М., 2003.
- Партизаны. Новые подробности о боевых действиях народных мстителей на ленинградской земле в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб., 1995.

Gavrilov Pavel Aleksandrovitch

Independent researcher

E-mail: pavgavr@gmail.com

Searching for General Vlasov. Search-and-rescue operation conducted by Leninrad Headquarters of the Partisan Movement in July-August 1942.

The article deals with an attempt to evacuate 2nd Shock Army commander Vlasov and his headquarter officers, conducted by Leninrad Headquarters of the Partisan Movement in July–August 1942. The mission was carried out by Dmitriy Kositzyn Partisan Battalion and started on 15th of July 1942, actually after Vlasov's capture. Mission was aborted in August. The article describes individual histories of persons involved in the operation and general outline of the operation as typical for 1942th summer crisis on Leningrad Front.

Keywords: Leningrad, Volkhov Battle, 2nd Shock Army, A. A. Vlasov, Leninrad Headquarters of the Partisan Movement, guerilla, D. F. Kositzyn.

УДК 94 (47) 084.8
ББК 63.3 (2) 622.12

Станислав Геннадьевич СОПОВ

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: sopov.stanislav@gmail.com

МАЛОАРХАНГЕЛЬСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ В ДЕТАЛЯХ. НЕМЕЦКИЕ ПАРАШЮТИСТЫ В ФОТОГРАФИЯХ РОТЫ ПРОПАГАНДЫ 693

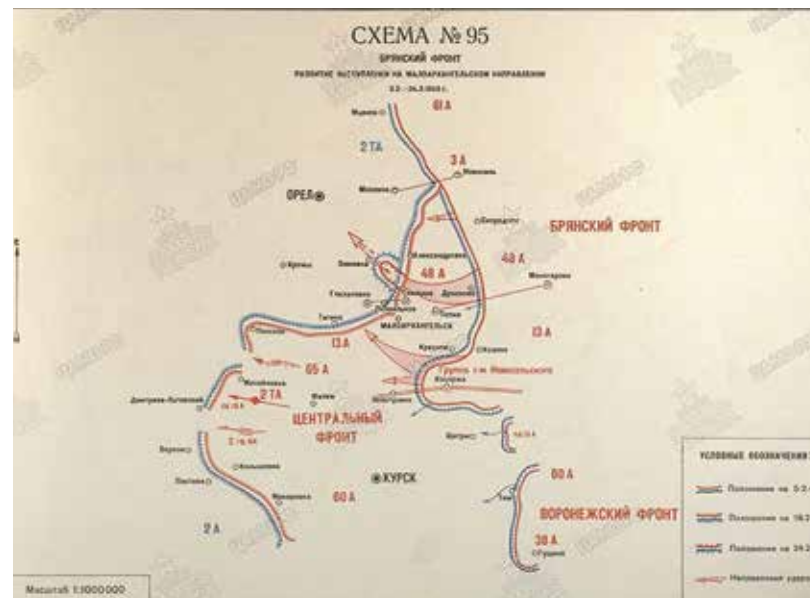
Объект исследования — бои, проходившие с 5 по 25 февраля 1943 г. на территории Курской и Орловской областей. Эти события являются малоизученным эпизодом Малоархангельской наступательной операции. Благодаря ставшим недавно доступными архивным данным мы имеем возможность детально обрисовать ход происходившего. Привлекая дополнительные источники, как текстовые (журналы боевых действий, донесения воинских частей с обеих сторон), так и визуальные (фотодокументы, сделанные военными корреспондентами отдела пропаганды вермахта), мы стремились объемнее реконструировать картину событий. Это позволяет яснее проанализировать факторы, не позволившие реализовать планы, намеченные советским командованием, и оказавшие влияние на ход всей операции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, вермахт, Брянский фронт.

Малоархангельская операция (5 февраля — 2 марта 1943 г.) — фронтовая наступательная операция войск Брянского фронта, проведённая с целью ликвидации Орловской группировки немецкой группы армий «Центр» в Великой Отечественной войне (ил. 1). Используя успех под Сталинградом, Красная Армия планировала перейти в наступление на всем протяжении советско-германского фронта, для чего Ставкой ВГК был запланирован и осуществлен ряд наступательных операций: Острогожско-Россошанская, Воронежско-Касторненская, Малоархангельская, Севско-Дмитровская, Харьковская, Ржевско-Вяземская (ил. 2).

Согласно директиве Ставки № 30041 от 6 февраля 1943 г., две советские армии Брянского фронта 13 и 48 по первоначальному плану должны были выйти на линию Дросково — Малоархангельск, затем обойти Орёл с юго-запада и соединиться с наносящей встречный удар 61-й армией.

В исполнение решения Ставки 5 февраля 1943 г. было начато наступление, первоначально развивавшееся достаточно активно (удалось освободить несколько десятков крупных населенных пунктов), однако к концу февраля оно стало терять темп.

Ил. 1 Развитие наступления на Малоархангельском направлении. Память народа <электронный источник>. URL: <https://pamyat-naroda.ru/ops/razvitie-nastupleniya-na-maloarkhangel'skom-napravlenii/> (Дата обращения: 15.11.2018)

Ил. 2. Только что прибывшие парашютисты и САУ «Мардер» выдвигаются к линии фронта в районе Малоархангельска. 13–15 февраля 1943 г. Архив автора

Ил. 3. Отчетная карта ОКН за 16 февраля 1943 г., на которой отображено появление парашютистов между Знаменкой и Малоархангельском. Архив автора

Для ликвидации советского прорыва противник собрал все возможные силы: так, из-под Смоленска в срочном порядке была переброшена, в том числе, и рота парашютистов из 1-го парашютного полка (Falschirmjaeger Rgt. 1).

В конце января 1943 г. после операции в Великих Луках батальон Беккера направили в район Орла. Среди больших боев, в которых участвовали парашютисты этой части, можно упомянуть оборонительные действия у Алексеевки, у Столбцекого и Степановки, а также штурм Нагорного 16–19 февраля. Капитан Беккер собирает боевую группу из 11-й роты, взвода саперов, конного взвода и солдат 13-й роты. В ходе ночного кровопролитного штурма в Нагорном закрылась последняя брешь на этом участке немецких линий.

Эти события запечатлела камера корреспондента роты пропаганды 693 (Panzer-Propaganda kompanie 693, илл 3).

Парашютистов поддерживали самоходки Marder II 1-й воздушной дивизии, также срочно переброшенной из-под Ржева. Одной из главных задач было удержание железной дороги Курск — Орел. Однако это не помогло, и 23 февраля 1943 г., благодаря обходу с юго-запада, советскими войсками был освобожден город Малоархангельск. Только энергичные совместные действия 7-й воздушной, 18-й и 20-й танковой,

Ил. 4. Обер-ефрейтор, десантник вермахта загружает 75-мм снаряд в пушку ПТ-САУ Marder II. Март 1943 г.

Ил. 5. Пулеметчик с MG34 ведет огонь из противотанковой САУ Marder II. Архив автора

383-й и 216-й пехотных дивизий в районе Алексеевского остановили советский прорыв. «31 марта 1943 г. 3-й батальон 1-го полка по железной дороге покидает Восточный фронт. Потери его велики» (ил. 4, 5).

В объективе — бои в районе Тросны

Не менее драматичными были и бои в районе Тросны. С советской стороны — силы 19-го танкового корпуса: 202-я танковая бригада (имевшая на 20 февраля на вооружении, кроме советских машин, 9 танков Mk2 «Матильда»), и 101-я танковая бригада (14 танков М3), которым оказывали поддержку 1-я и 2-я лыжные бригады, 211-я стрелковая дивизия, 19-я моторизованная стрелковая бригада. Они столкнулись с частями 46-го танкового корпуса вермахта: 258-й пехотной дивизией, танками и мотопехотой 12-й танковой дивизии (на 19 февраля 1943 г. — 21 танк Pz3 и 9 Pz4), корпусной артиллерией.

В результате боевых действий с 14.2–20.2.43 противник был отеснен на новый оборонительный рубеж Лебедиха, Воронеж, Тросна. В это время 19 мсбр освободила 8 населенных пунктов, но имела одну неудачную атаку на Гнилец, где потеряла 145 человек. 101 тбр в составе подвижной группы достигла сев. окраины Шепелово. К 17.2 противник перешел к подвижной обороне, прикрывая выход основных сил из района Малоархангельска в сев. и сев.-зап. направлениях. 19 тк в составе 101, 202 тбр, сводного б-на 79 тбр и 19 мсб к исходу 17.2.43 получили задачу сосредоточиться в районе Соколовка, Шепелевка, Турьи, имея в виду готовность боевых действий с утра 18.2.43 по развитию успеха группы генерала майора Сабельникова в общем направлении на Кромы и к исходу дня овладеть Кромой. 1 и 2 лыжные бригады должны были выполнить ранее поставленные задачи, содействуя продвижению 19 тк, обеспечивая его фланги. В ходе боев 18 февраля 1943 г. противник силой до полка пехоты с танками с танками оказывал особенно сильное сопротивление. Превосходство в артиллерийском и минометном огне на стороне противника, действие его авиации не дало возможности выполнения боевой задачи группой. 101 тбр продолжала вести бой в составе подвижной группы во взаимодействии с 211 сд. На 17.2 обе имели задачу двумя танковыми группами атаковать в направлении Тросна, обходя Тросна с востока и запада выйти на шоссе Курск-Орел. К этому моменту 101 тбр имела в своем составе 25 исправных танка М3с, обеспеченность 1,5 бк. Первая группа танков 101 тбр атаковала противника, перерезала шоссе на дороге в районе роши 2 км юго-восточнее Тросна, но будучи встречена артогнем танков противника с места, не поддержанная пехотой, была вынуждена отойти неся потери. Вторая группа танков атаковала одновременно с первой группой в направлении южн. окр. Тросна, встретив сильной артогонь, также была вынуждена отойти на исходные. Сильный минометный и артогонь не позволил 211 сд закрепить танковый успех. В результате боя 101 тбр потеряла 3 танка М3с, из них 1 сгорел, 4 танка были отремонтированы и введены в строй.

В истории 258-й пехотной дивизии отмечается, что атака 5 американских танков 101 тбр с пехотой была отбита 4 противотанковыми орудиями и одним зенитным.

«С 17.2 по 20.2 101 тбр с 211 сд вела безуспешные бои по овладении Тросна. Малочисленность нашей артиллерии недостаточность артснарядов не могли обеспечить атаку танков подавлением противотанковых средств противника. Наличие ружейного и автоматического огня не смогли обеспечить успехов ни танкам, ни пехоте. На 20.2 перед войсками группы противник оказывал упорное сопротивление. В районе Тросна отмечено до 15 орудий разных калибров, а также до 10 танков. Из района Нов. Свет отмечен огонь трех танков из окопов, в районе Ломовец отмечены действия танков 12 тд».

Итоговое донесение 258 пд в 46 танковый корпус от 21 февраля сообщает: войсками в ходе боев за 20 дней взят 131 пленный, убито более 2600 чел. Уничтожено 15 танков, захвачено: 6 противотанковых пушек, 6 минометов, 28 ручных пулеметов, 600 винтовок. В истории дивизии указано, что только 21.2 артиллерия 258 пд выпустила около 1400 снарядов, что решило исход боев.

Согласно боевому приказу штаба 19 мсбр с 101 тбр получили самостоятельную задачу наступать в направлении Ильинское — Нагорный, перерезать дорогу Орел — Курск в районе Жерновец и во взаимодействии с 211 сд уничтожить троянскую группировку. Остальные части корпуса следуя танковой группой по маршруту Ясенок, Слобода, Плоское в ночь на 21.2 должны были сосредоточиться в районе Плоское в готовности, для действия в направлении Кромы. В связи со снежными заносами 202 тбр и сводному танковому батальону 79 тбр район сосредоточения был изменен. К этому времени части 79 тбр, 19 мсб и 8 танков 101 тбр атаковали Ильинское — Нагорное и овладели им. В 101 тбр потерял один танк, который восстановлен на поле боя. Остальные танки 101 тбр в бою активного участия не принимали — занимали оборону в Нов. Свет и Чернь. В дальнейшем до 23.2.43 части корпуса занимали оборону на достигнутых рубежах 19 мсбр и 101 тбр, отражали атаки противника силою до взвода с 3–5 танками. 202 тбр были сосредоточены в районе Рождествено. 23.2.43 202 тбр была поставлена задача ночной атакой овладеть в 5.00 24.2 Никитинка, Гранкина и плотно удерживать их. Во взаимодействии с 202 тбр 19 мсбр атаковала в направлении Засадский. Правофланговый полк 211 сд атаковал южную окраину Гранкина. Непосредственно перед атакой была задумана рекогносцировка. Командир 202 тбр п-к Юплин самостоятельно против приказа по своей инициативе решил овладеть Гранкино не ночной атакой, а дневной. Части 19 мсбр начали атаку в 6.00. Танки атаковали совместно с пехотой, В следствии опоздания атаки, нерешительности действий 211 сд атака

Ил. 6. Схема боевых действий 19-го танкового корпуса в район Гранкина

Ил. 7. Немецкий парашютист несет раненого унтер-офицера. Восточный фронт. Фотография с обложки немецкого журнала «Der Adler». 1 апреля 1943 г.

Ил. 8. Противотанковая пушка на позиции в районе Гросны. 22 февраля 1943 г. Архив автора

Гранкино и Ниж. Гранкино происходила несвоевременно. Малое количество артиллерии и минометов сыграли немалую роль в ослаблении мощи огня. Ограниченная маневренность танков по глубокому снегу уменьшила их боевые возможности, что увеличило потери в пехоте, затруднило продвижение вперед (ил. 6, 7).

К 11.00 24.2.43 Гранкино было очищено от противника, но овладеть им успех не был закреплен, обороны не организовали, личный состав распустили по квартирам. Противник оправившись, организовал контратаку на Гранкино, Засадский, завязалась неорганизованная борьба мелкими группами. Нехватка патронов и отсутствие руководства вызвало беспорядочное отступление. Командир бригады на ход боя влиять не мог, в следствии отсутствия личного наблюдения за полем боя и халатно-преступного отношения к боевой задаче. При беспорядочном отходе понесены огромные ничем неоправданные потери. Убито, пропало без вести, ранено 228 из 243 чел. Оставлено 9 танков 202 тбр, из 145 винтовок — 135, из 80 автоматов — 71, 1 миномет 82 мм, 11 РПД, все ПТР. Из батальона 19 мсбр вернулось 30 чел. Противник обратно овладел Гранкино.

В истории 258-й пехотной дивизии эти события датируются 25 февраля. На рассвете этого дня произошла ожидаемая атака на деревни

Засадский и Никитенка. Два стрелковых батальона, опережая танковую бригаду с одиннадцатью танками, вели атаку. Танки вскоре вошли в Засадский.

Как вспоминал хауптманн Хольц, тяжело раненный в этом бою командир 3-й противотанковой роты 479-го пехотного полка, остальные части, а также командные пункты батальона и роты противотанкистов были в Верхнем Гранкине. Имелось также несколько пехотных пушек, используемые 478-м пехотным полком и предоставленные батальону.

В рельефе доминировала широкая низина. Деревни располагались на верхнем краю этой долины. Летом в долинах были болотистые луга, деревни были связаны дорогами. Местность позволяла вести фланговый огонь из орудий по низине. Тем не менее, у роты было только две пушки большего калибра — 75-мм и 50-мм. Одно 75-мм орудие установили на западном выходе из Никитенки, и оно перекрывало эти низины. В глубине Гранкино располагалась 50-мм орудие (ил. 8). Еще шесть 37-мм пушек были распределены по краям населенных пунктов, перекрывая друг друга.

Утром 25 февраля сильный звук двигателя предупредил об атаке, а затем с противоположной высоты в низину спустились 12 танков

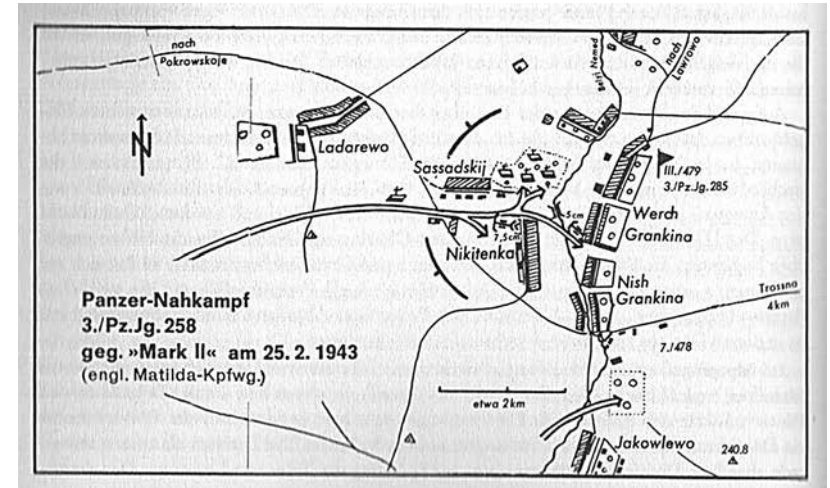
Ил. 9. Погибший советский танкист у танка Мк2 «Матильда». 25 февраля 1943 г.

(английские MkII). Расчет 75-мм пушки, похоже, не видел танков. Это потребовало срочного изменения позиции, но орудие скользнуло колесом в яму, незаметную под снежным покровом, и больше не двигалось. Самая мощная пушка вышла из строя и не могла вести огонь. Остальные же 37-мм орудия не смогли остановить тяжелые английские танки и их расчеты частью были раздавлены, а частью отступили.

Один из танков спустился по серпантину, пересек мост и поднялся в Верхнее Гранкино, где попал под огонь 50-мм пушки. Однако толстая броня выдержала попадания, и танк не останавливался, все ближе и ближе продвигаясь к орудью. В какой-то момент командир танка допустил ошибку, и машина показала борт. Этого было достаточно для поражения. Выскочившие танкисты были убиты огнем пулемета (ил. 9).

Еще несколько танков было подожжено минами и бутылками во время контратаки, о чем вспоминает оберфельдфебель Йокиш, находившийся в боевой группе.

Один из танков застрял или были повреждены гусеницы, он не двигался. Подойдя к нему, остановились, услышав, что экипаж внутри. Последовало требование сдаться, в этот момент танк начал двигаться. Цепляясь за ледяной металл, один из солдат положил ручнуюкумулятивную мину «Hafthohlladung» на башню. Йокиш хотел посмотреть, как она работает, на обучении он слышал, что она завертывает металл внутрь. Из-за взрыва и детонации он упал, но не был ранен. Танк был обездвижен, экипаж погиб. Затем они перешли к следующему. Из башни танка вылетела ручная граната, упала у ног, но не взорвалась. Из-за попадания в глубокий снег воздействие на воспламенение оказалось не-

Ил. 10. Схема боя 25 февраля 1943

Ил. 11 и 12. Танки М3 из состава 101-й танковой бригады 19-го танкового корпуса, потерянные южнее Тросно к 22 февраля 1943 г.

Ил. 13 и 14. Пехотные танки MkII «Матильда II» из состава 202-й танковой бригады 19-го танкового корпуса, потерянные в районе Тросны 22–24 февраля 1943 г., вероятнее всего, во время контратаки Гранкино

достаточным. Этот танк также был подорван. В этот момент появилась подмога из немецкой танковой дивизии.

Атака была проведена 202-й танковой бригадой с двумя моторизированными стрелковыми батальонами. В дополнение к подбитым танкам русские оставили 300 погибших, 23 пленных и многочисленные виды оружия.

Общие потери 258-й пехотной дивизии с 10 по 25 февраля: убито 11 офицеров, 342 рядовых и унтер-офицеров, ранено 19 офицеров

Ил. 15. Отчетная карта ОКН за 24 февраля 1943 г. Архив автора

Ил. 16. Пехота вермахта в районе Тросны. 22 февраля 1943 г. Архив автора

и 1068 рядовых и унтер-офицеров, 158 пропало без вести, 120 больных и обмороженных, общие потери — 1730 человек.

Согласно базе данных ОБД «Мемориал», потери 202-й тбр в бою 25 февраля составили 20 человек, потери 211-й стрелковой дивизии, согласно журналу боевых действий с 18 по 26 февраля — 76 человек убитыми и 119 ранеными (ил. 10–16).

Итоги

Советские войска безуспешно пытались овладеть Гранкино во второй раз 28 февраля 1943 г. После чего 19-я мсбр, 101-я, 79-я, 202-я тбр с 3 по 6 марта были сменены частями 132-й и 280-й стрелковых дивизий. На данном участке фронт стабилизировался до лета, когда бои вновь разгорелись в ходе операции «Цитадель». «Потеряв наступательный порыв, не стремились к решительной развязке, активности не проявляли. В сущности, 24 февраля 1943 г. операция начала подходить к концу».

Поставленная задача войскам — разгром орловской группировки противника — не была выполнена. Можно выделить ряд причин:

- а. войска действовали без авиатехподдержки;
- б. огонь артиллерии оказался малоэффективным;
- в. поддерживающие пехоту танки застревали в снегу и стали легкой мишенью для противотанковых средств;
- г. на втором этапе наступления выяснилось, что войска не имели достаточно времени на изучение полученных данных;
- д. артиллерия оказалась не в состоянии подавить огневую систему обороны противника. Перед атаками передний край артиллерией оказался совершенно не обработан.

Кроме этого, следует учитывать снежные заносы, малую проходимость дорог, отсутствие взаимодействия и плохую подготовку пехоты, а также отсутствие саперного сопровождения наступающих войск.

Stanislav SOPOV

independent scholar (St. Petersburg, Russia)

E-mail: sopov.stanislav@gmail.com

Maloarkhangelsk offensive in detail. German paratroopers in the photos of the propaganda company 693

The object of study—the battles that took place from 5 to 25 February 1943 on the territory of Kursk and Orel regions. These events are a little-known episode of the little-Archangel offensive. Thanks to the recently available archival data, we have the opportunity to describe in detail the course of what was happening. Attracting additional sources, both text (magazines of military operations, reports of military units from both sides), and visual (the photo documents made by military correspondents of Department of propaganda of Wehrmacht), we sought to reconstruct a picture of events more volume. This makes it possible to more clearly analyze the factors that prevented the implementation of the plans outlined by the Soviet command, and had an impact on the course of the entire operation.

Keywords: Great Patriotic war, Red army, Wehrmacht, Bryansk front.

УДК 94 (47) 084.8

ББК 63.3 (2) 622.12

Вячеслав Леонидович КОКИН

Руководитель историко-литературного музея «Вася Теркин»
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: slawa231270@mail.ru

«КРАСУЙСЯ, ГРАД ПЕТРОВ, И СТОЙ НЕКОЛЕБИМО КАК РОССИЯ». К 240-ЛЕТИЮ ЛЕНИНГРАДА 27 МАЯ 1943 г.

В статье на основании воспоминаний рассмотрено празднование 240-летия Ленинграда, проходившее в ещё блокированном городе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, 240 лет Ленинграду.

18 января 1943 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились, блокада Ленинграда была прорвана. 7 февраля после полуторогодичного перерыва в Ленинград с Большой земли прибыл первый грузовой поезд. Хотя осада и не была еще снята и враг продолжал стоять у стен города, подвергая его жестокому артиллерийскому обстрелу, прорыв блокады оказал существенное влияние на жизнь и борьбу ленинградцев. Окрепла их уверенность в своих силах, в неприступности Невской твердыни, в неизбежности разгрома фашистских полчищ под Ленинградом. В таких условиях наш город готовился отметить свой 240-й юбилей.

Как же проходило празднование дня города в такое сложное время? Обратимся за сведениями об этом к различным архивным и литературным источникам. Военный корреспондент Абрам Вениаминович Буров в своей книге «Блокада день за днем» 27 мая 1943 г. отметил тремя небольшими абзацами:

27 мая, четверг.

Бюро городского комитета партии и Ленгорисполком приняли совместное постановление о мобилизации материальных ресурсов. В нем идет речь о необходимости сосредоточить внимание на экономии сырья, топлива и электроэнергии, которых в осажденном городе все еще не хватает. Летнее время будет максимально использовано для заготовки местных видов топлива. Фронтальная газета «На страже Родины» поместила на первой странице сегодняшнего номера портрет снайпера Федора Дьяченко. Над портретом набранный крупным шрифтом заголовок: «На счету — 400». И так, уничтожив первого гитлеровца 16 сентября 1942 года, красноармеец 187-го стрел-

кового полка Федор Дьяченко менее чем за восемь с половиной месяцев довел свой боевой счет до четырехсот. В Государственном литературном музее столицы сегодня состоялось научное заседание, посвященное 240-летию Ленинграда. А в самом Ленинграде в этот день более пяти часов рвались вражеские снаряды¹.

Ленинградская газета «Смена» на своих страницах добавляла

В Москве в Государственном литературном музее состоялось научное заседание, посвященное 240-летию Ленинграда. Доклад о героическом прошлом города Ленина и его литературных традициях сделал профессор Н. Анциферов. С сообщением об искусстве и литературе Ленинграда выступил критик В. Голубов. После заседания мастера художественного слова А. Шварц и Н. Дружинина прочитали произведения русских классиков и советских поэтов о Ленинграде. В казахском педагогическом институте (Алма-Ата) состоялась научная конференция, посвященная 240-летию основания Ленинграда. В конференции приняли участие видные ученые. С большим интересом присутствовавшие заслушали доклад на тему: «Сыны казахского народа на защите города Ленина» и сообщение старшего краснофлотца Наумова о боевых делах подшефного институту крейсера «Киров»².

И ни одного слова о праздничных мероприятиях в самом Ленинграде! На Волховском фронте, по воспоминаниям Павла Николаевича Лукницкого, ситуация была тоже далеко не праздничная:

27 мая. 8 часов вечера. Немцы ведут обстрел. Снаряды свистят над головой и рвутся неподалеку в тылу <...> Входит связной. Приносит газету «Отважный воин» с заголовком «240 лет Ленинграду». Это — сегодня!³

Может, не до праздника было руководству и жителям осажденного города? Ведь еще с древних времен известно, что «когда говорят пушки, музы молчат». Но в блокадном Ленинграде музы не молчали!

26 мая 1943 г. газета «Ленинградская правда» сообщала:

Ленинградское отделение Союза советских архитекторов организует в помещении Филармонии выставку, посвященную 240-летию основания Ленинграда. В разделах выставки «Ленинград перед войной», «Ленинград в дни блокады» будут представлены материалы, иллюстрирующие довоенный Ленинград, фотоснимки новостроек, зарисовки архитекторов и художников, показывающие Ленинград в дни отечественной войны. Выпускаются

фотоальбом «Ленинград — город русской славы»⁴, популярная брошюра архитектора Каменского «Площадь Декабристов»⁵, плакаты, открытки⁶. В частях Красной армии, Краснознаменного Балтийского флота и в госпиталях ленинградские архитекторы проводят доклады об архитектуре нашего города. Доклады иллюстрируются диапозитивами и короткометражным фильмом⁷.

Всего в серии «К 240-й годовщине основания Петербурга — Ленинграда (1703–1943)» было выпущено 6 открыток. На открытках приведены работы А. П. Остроумовой-Лебедевой прошлых лет, но все они представлены для оформления юбилея 1943 г. Гравюры воспроизведены с использованием различных цветов фона (желтый, розовый, зеленый, голубой)⁸. Тираж каждой открытки составил 10 000 экземпляров, и они очень быстро разлетелись по всей стране. Сама художница стала получать письма от незнакомых ей людей, и в этом были «виноваты» эти открытки. Приведем одно из них:

Пишет Вам ленинградец, не видевший Вас ни разу, но знакомый с Вашими работами. Один из моих друзей прислал Ваши последние открытки. Одинаково долго смотрю на них и на фотографию своей любимой дочери. Ваши работы отличны тем, что в них есть душа и смысл Ленинграда. В начале сентября я под минометным огнем отлеживался у воронки. Вспомнились Ваши сфинксы у Академии художеств, и спокойно стало на сердце. Вот за это спасибо Вам! (ил. 1, 2)⁹.

На протяжении долгих месяцев гитлеровские войска варварскими артиллерийскими обстрелами и бомбежками методически разрушали город. И в это время «решением исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся в ознаменование 240-летия со дня основания города архитектурно-планировочное управление выпускает исторический обзор. Эта книга показывает город до начала Великой Отечественной войны, до суровых дней осады Ленинграда, ибо военный период является особо волнующей темой, требующей отражения в отдельном

⁴ Имеется в виду книга Ленинград. Архитектурно-планировочный обзор развития города. Л.; М.: Искусство, 1943. 402 с.

⁵ Каменский В. А. Площадь Декабристов в Ленинграде. Л.: Искусство, 1943. 32 с.

⁶ Имеются ввиду художественные открытки из серии «К 240-й годовщине основания Петербурга — Ленинграда (1703–1943)» с гравюр на дереве худ. А. П. Остроумовой-Лебедевой.

⁷ Выставка «240 лет Ленинграда» // Ленинградская правда. 1943. 26 мая. № 122.

⁸ Гдалин А. Д., Иванова М. Р. Сражающийся Ленинград. Почтовая открытка: Энциклопедический каталог. СПб: Инфо-Да, 2007. С. 202.

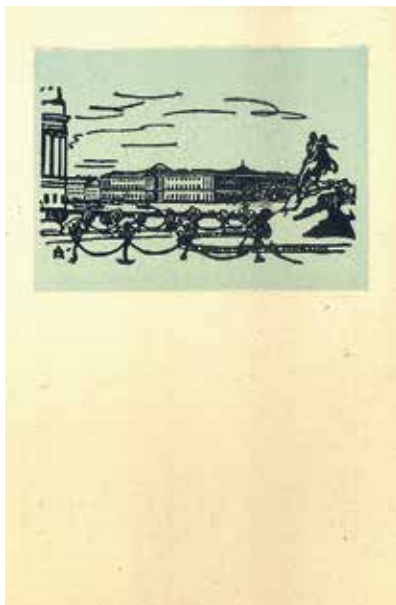
⁹ Документальный фильм «Час мужества». Режиссер Л. Шахт. Леннаучфильм, 1985.

¹ Буров А. В. Блокада день за днем. СПб.: Геликон Плюс, 2011. Изд. 2-е, перераб. и доп. С. 518.

² В ознаменование 240-летия Ленинграда // Смена. 1943. 29 мая. № 112.

³ Лукницкий П. Н. Сквозь всю блокаду. Л.: Лениздат, 1978. С. 391.

Ил. 1. Открытка «Памятник Петра и Академия художеств». Из серии «К 240-й годовщине основания Петербурга — Ленинграда (1703–1943). Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

Ил. 2. Обратная сторона открытки «Сфинкс у Академии художеств». Из серии «К 240-й годовщине основания Петербурга — Ленинграда (1703–1943). Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

издании»¹⁰. Издание альбома планировалось еще в довоенное время, крупным специалистам архитектуры города были заказаны очерки для будущей книги. «Написать очерк «Развитие города в XVIII веке» было поручено искусствоведу С. Земцову, о развитии города в XIX веке писал искусствовед А. Яцевич, главу «Развитие города в 1917–1935 годах» подготовил архитектор Б. Рубаненко, а вступление в раздел о последнем периоде развития города написал я. Натурные съемки с сорокового года вел фотограф А. Рахмилович. Он их успешно закончил в первый месяц войны»,¹¹ — так писал в своих воспоминаниях главный архитектор Ленинграда Николай Варфоломеевич Баранов. Но начавшаяся война перечеркнула все планы. Казалось, что мечта о сборнике так и останется мечтой. И все-таки в Смольном решили: юбилейное издание «Ленинград» должно выйти в блокадном городе. Это станет еще одним свидетельством незыблемости Ленинграда, его высокого духа, его созидательной работы. В своем очерке «Рождение чуда» библиофил, исследователь искусства блокадного Ленинграда Тамара Владимировна Сталева подробно рассказывает о том, как велась работа над книгой, которую можно причислить к наивысшим образцам издательского мастерства¹².

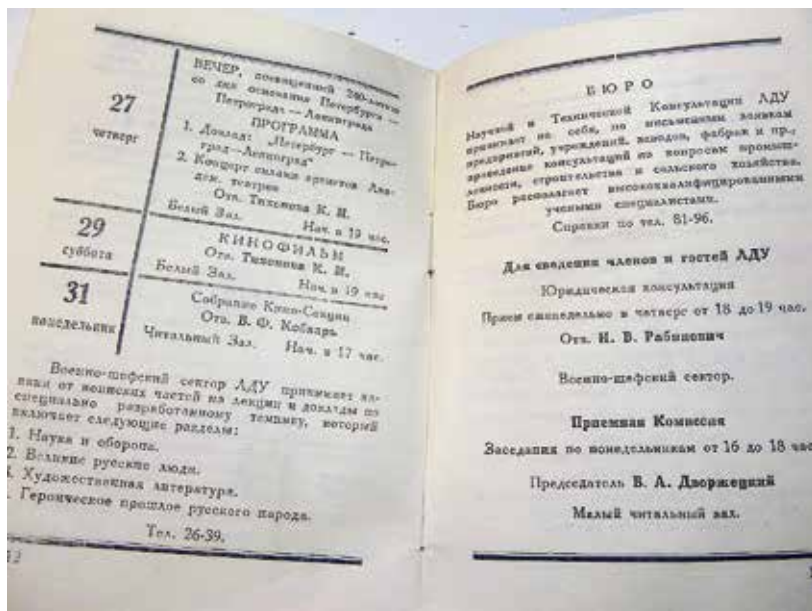
По указу Президиума Верховного совета СССР от 22 декабря 1942 г. была учреждена медаль «За оборону Ленинграда», к маю 1943 г. первые тысячи медалей были вручены на передовой защитникам города. Один из членов редколлегии книги «Ленинград» и академик Академии художеств СССР, член президиума союза советских архитекторов Борис Рафаилович Рубаненко в своей статье отмечал: «На медалях “За оборону Ленинграда” отчеканена гордо вознесенная адмиралтейская игла, символ нашего города, пронесшего через 240-летнюю свою историю славу русского народа, обессмертив народ, его создавший. Этот символ как бы связывает участников героической обороны Ленинграда с 240-летней историей города, связывает его настоящее с его героическим, волнующим прошлым, запечатленным в прекрасных проспектах и торжественных площадях, в суровом граните его набережных, в широком державном течении Невы, в его приподнятых куполах и башнях, в его монументальных дворцах и музеях, в его новых, светлых домах и кварталах. Мы любим и свято храним наш город — город русской славы и национального гения русского народа»¹³.

¹⁰ Ленинград. Архитектурно-планировочный обзор развития города. Л.; М.: Искусство, 1943. С. 8.

¹¹ Баранов Н. В. Силуэты блокады. Записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. С. 105–106.

¹² Сталева Т. В. Пусть узнают живущие. М.: Серебряные нити, 2004. С. 36–41.

¹³ Рубаненко Б. Город русской славы // Вечерняя Москва. 1943. 27 мая. № 123.

Ил. 3. Календарь научных и политико-массовых мероприятий на май 1943 г. Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

27 мая 1943 г. в Ленинградском доме ученых имени М. Горького, прошел «вечер, посвященный 240-летию со дня основания Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Программа: 1. Доклад “Петербург — Петроград — Ленинград”. 2. Концерт силами артистов академических театров»¹⁴. А в горкоме ВКП (б) состоялся доклад главного архитектора города Н. В. Баранова «240 лет со дня основания Ленинграда»¹⁵, позже опубликованный в журнале «Ленинград» (ил. 3)¹⁶.

В феврале 1942 г. студенты, преподаватели, сотрудники Ленинградского государственного университета и их семьи выехали в Саратов. Находясь в эвакуации, они всеми силами старались поддерживать связь с родным городом и также готовились отметить 240-летие Ленинграда. Саратовская газета «Коммунист» отмечала: «27 мая 1703 года было дано начало Петербургу-Петрограду-Ленинграду, созданному волей

и порывом русского народа, городу науки, культуры, труда, городу славных традиций великой борьбы, часовому земли русской, городу немеркнувшей славы, которой он овеял себя навеки. Величественному прошлому Ленинграда лекторий Ленинградского университета посвящает 26 мая лекции проф. В. В. Мавродина «Основание Петербурга» и проф. Г. А. Гуковского «Петербург в художественной литературе»¹⁷.

23 июня 1943 г. в Молотове (совр. Пермь) открылась выставка «Ленинград в дни блокады», на которой были показаны произведения ленинградских художников, созданные в 1941 и 1942 г. в условиях осажденного города. Был выпущен каталог выставки, в котором отмечалось: «Сцены героической жизни осажденного города проходят перед зрителем в картинах, рисунках, литографиях и гравюрах, в скульптуре. Многие из этих произведений посвящены самому Ленинграду. Новые, необычные черты появились в облике прекрасного города, отметившего в 1943 году 240 лет своего существования... В 240-ю годовщину основания славного города, эта выставка поможет еще более скрепить братскую дружбу и крепкую связь уральцев с воинами, бьющимися за Ленинград, — связь Сталинского Урала и города Ленина»¹⁸. 1 сентября 1943 г. на выставке состоялся вечер героической публицистики и поэзии «Ленинград — город-герой». Литературную композицию И. А. Будрина, состоящую из трех частей, исполнила ленинградский мастер художественного чтения Ирина Сербова (ил. 4, 5).

Ленинградские поэты и писатели, приравняв в годы блокады свое перо к штыку, не могли оставаться в стороне от происходящего в городе. Поэтесса Ольга Федоровна Берггольц первой поздравила в своем выступлении по радио ленинградцев и защитников города с юбилеем:

Дорогие товарищи! Сегодня — день рождения нашего города, города, где мы живем и воюем... Мы отмечаем двухсотсокалетие своего города в свирепой осаде, в дни, когда враг вновь ежедневно и еженощно бомбит и обстреливает город, когда его стены и мостовые ежедневно и еженощно обгаются кровью наших сограждан. Ленинград для нас — не просто камни, не просто здания это то, в чем осталась и хранится нетленная душа, жизнь и труд наших предков... В бою мы отмечаем двухсотсокалетие нашего Ленинграда. Тем торжественней этот непышный, неспрадный, суровый день юбилея. И прежде всего этот юбилей — не торжество долго простоявших на одном месте камней и зданий, а торжество вечно живого, многолетнего единого человеческого коллектива¹⁹.

Главная газета города «Ленинградская правда» писала:

¹⁷ 240 лет со дня основания Петербурга // Коммунист. 1943. 26 мая. № 110.

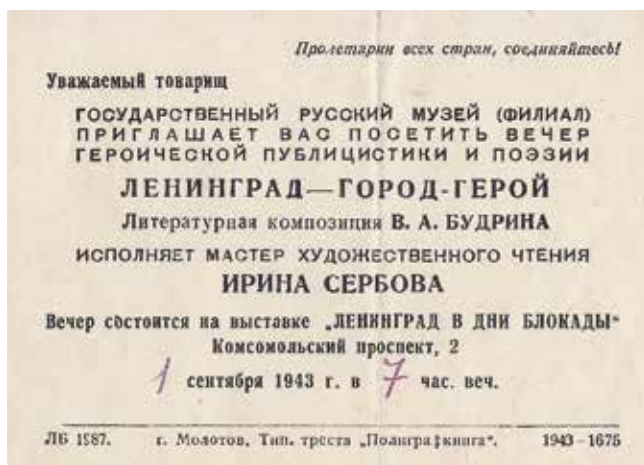
¹⁸ Ленинград в дни блокады. Каталог выставки. Молотов: Полиграфкнига, 1943. С. 3–10.

¹⁹ Берггольц О. Ф. Говорит Ленинград. Л.: Лениздат, 1946. С. 74–76.

Ил. 4. Фрагмент программы вечера героической публицистики и поэзии «Ленинград — город-герой». Коллекция Народного музея «А музы не молчали...» школы № 235 им. Д. Д. Шостаковича

Ил. 5. Приглашительный билет на вечер героической публицистики и поэзии «Ленинград — город-герой». Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

Ленинградское отделение союза советских писателей и Выборгский дом культуры организовали литературно-художественный вечер, посвященный 240-летию со дня основания Ленинграда. Вечер открылся вступительным словом писателя Всеволода Вишневецкого. Красочно он рассказал историю великого города, где каждый камень говорит о военной славе России²⁰.

В своем дневнике Всеволод Витальевич Вишневецкий, руководивший группой писателей при политуправлении КБФ, вспоминал этот день так:

27 мая 1943 года. 240-летие Ленинграда. По радио передали мой очерк «Наша Россия»²¹ (из «На страже Родины»). Сегодня в «Известиях» — моя статья о 240-летию Ленинграда²² (звонили из Москвы) <...> В трамвае — два моряка. Один объясняет другому: «Вот Петропавловская крепость, вот дом Кшесинской, где Ленин в семнадцатом выступал с балкона, вот памятник матросам «Стережущего». Объясняет ленинградец, а слушает украинец из Н-ской морской бригады. Я спрашиваю его: «А вы что, Ленинграда не знаете?» — «Нет». А дерется он за город с 1941 года, но был все время под Пушкиным. В 6 дня поехал в Выборгский дом культуры. Вспомнилось, как шли тут мои пьесы; вспомнилась моя встреча здесь же с В. И. Качаловым после спектакля «У врат царства» (в 1930 году). Выступил с подъемом. Какая отзывчивая, боевая аудитория <...> Говорил (36 минут) о Ленинграде: 1240 год; уже при Александре Невском здесь были Спасск<ий> и Городен<ский> погосты; затем о петровском времени; о победах, триумфах; о суворовских временах; о Кутузове; о росте Петербурга, о его славе; о Ленине, о ленинской эпохе. В зале гремело «ура» Ленину, Ленинграду. Затем поехал в дом Красной армии и выступил перед военной аудиторией. Несколько четче, так как не торопился²³.

Многие ленинградские поэты приняли участие в этом вечере:

Со стихами о Ленинграде выступили поэты: Всеволод Азаров, Ольга Берггольц, Елена Вечтомова, Борис Лихарев, Александр Решетов. Вера Инбер прочитала отрывок из своего очерка «Ленинград сражается и побеждает» и стихи о городе²⁴.

Вера Михайловна Инбер в своей книге «Почти три года» вспоминает в эти дни сильные обстрелы города, а не праздничные мероприятия:

26 мая 1943 года. Вчера убит снарядом профессор Абрамсон, очень одаренный хирург, читавший лекции и у нас в институте. На днях он был у Мариэтты (я слышала за стеной его голос) и просил разрешения показать мне

²⁰ Вечер, посвященный Ленинграду // Ленинградская правда. 1943. 28 мая. № 124.

²¹ Вишневецкий В. Наша Россия // На страже Родины. 1943. 25 мая. № 119.

²² Вишневецкий В. Ленинград // Известия. 1943. 27 мая. № 123.

²³ Вишневецкий В. В. Дневники военных лет (1943, 1945 гг.). М.: Советская Россия, 1979. С. 184–185.

²⁴ Вечер, посвященный Ленинграду // Ленинградская правда. 1943. 28 мая. № 124.

стихи своей девочки. Мариэтта ответила, что сейчас я занята и что лучше это сделать через несколько дней. В час смерти Абрамсона его ждали на заседание ученого совета в Институте переливания крови. Для того чтобы не опоздать туда, он на двадцать минут раньше окончил лекцию студентам в больнице Карла Маркса. Он был аккуратен и говорил про себя: «Я никогда не опаздываю»²⁵.

Запись от 27 мая 1943 г. у нее целиком посвящена описанию похорон профессора. Скорее всего, его трагическая гибель произвела на поэтессу очень сильное неизгладимое впечатление. Поэтому на страницах блокадного дневника Всеволода Вишневского мы находим следующие строчки:

На сегодняшних вечерах выступали Тихонов, Инбер, Берггольц, Азаров и др. Инбер жалуется: «Я стала бояться выступлений. Трудно как-то, может быть устала?...» Уставать нам нельзя!! И у меня усталость — общая, многолетняя... Хочется сесть, закрыть глаза... Но сам себя убеждаешь: нет, у тебя есть силы, больше, чем у многих других, — действуй, действуй!²⁶.

Другая ленинградская поэтесса, Елена Андреевна Вечтомова, также принимавшая участие в праздничном вечере, писала в своем дневнике:

27 мая 1943. 2 ч. Сегодня — двести сорок лет Петербурга, удивляет тишина. Я ждала в этот день диких налетов и артобстрела.

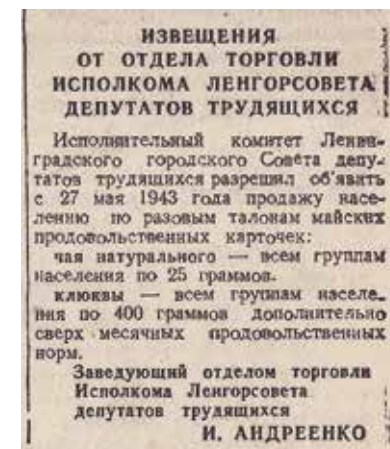
10 ч. Вечер в Выборгском доме культуры прошел удачно. Тревога началась во время последнего выступления и все были довольны. Ольга дошла до сердца больше всех. Вишневский гремел то и дело прерываемый аплодисментами. Мои стихи хвалили. В машине уже Инбер читала нам с Азаровым новые стихи на строчку «Всю-то я вселенную проехал». Очень мило. Звала к себе, говорила комплименты. Женщина без возраста.

28 мая 1943. Вечер. О вечере в Выборгском и сегодня еще говорят — и все хорошее. Я довольна, что это был не только удачный вечер, но и вечер политический острый и значительный, ведь в зале кричали лозунги, ура, восклицали «Да здравствует город Ленина». Внешне, говорят, писатели выглядели не только прилично, а просто хорошо. Военные блистали погонами, а гражданские были одеты даже со вкусом. Это все имеет большое значение. Фадеев был поражен замурзанным видом некоторых членов ССП, и мы кое-что сделали в этом смысле, сколько ордеров подоставали²⁷.

Старший научный сотрудник Публичной библиотеки Мария Васильевна Машкова записала в этот день в своем дневнике:

27 мая 1943 года, четверг. Кончилась в «оздушная» тревога. Последние дни только массовые налеты связаны с воем сирен, два-три самолета, прорвавшиеся к городу, не отмечаются тревогами. Поэтому иногда бомбы падают среди белого дня с солнечного неба, особенно страдает Смольнинский район и особенно Московский вокзал. Опять поднялась волна эвакуации, некоторые не выдерживают напряжения, а напряжение возрастает. Чувствуется нарастающий штурм города, да и по радио часто напоминают о предстоящих грозных днях. Сегодня город отмечает 240 лет со дня своего основания, газеты отмечают годовщину. В Выборгском доме культуры вечер, посвященный торжественной дате, выступает Ольга Андреевко (начальник отдела торговли Ленгорисполкома) отметил годовщину клюквой, всем группам населения выдал по 400 гр. Народ разочарован, ожидали водку, пиво и сухофрукты... Сейчас выступает Ольга, говорит о Ленинграде, о ленинградской медали, которую с гордостью будут передавать детям и внукам, о несокрушимом и замечательном городе. О нас так много говорят, что мы понемногу привыкаем к нашему героизму. Вначале удивились, затем погордились, а теперь с улыбкой, скорей с иронической усмешкой слушаем о ленинградце-герое. Читает стихи: «И мы везде и всюду ленинградцы» (ил. 6)²⁸.

Руководитель группы писателей при политическом управлении Ленинградского фронта Николай Семенович Тихонов посвятил 240-летию Ленинграда серию очерков, опубликованных в газетах «Красный Бал-

Ил. 6. Извещение отдела торговли исполкома Ленгорсовета. Газета «Ленинградская правда» от 26 мая 1943 г. Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

²⁵ Инбер В. М. Почти три года: Ленинградский дневник. Л.: Сов. писатель, 1947. С. 206.

²⁶ Вишневский В. В. Дневники военных лет (1943, 1945 гг.). М.: Сов. Россия, 1979. С. 184–185.

²⁷ Из дневника Е. А. Вечтомовой. Имеются ввиду ордера на одежду. Е. А. Вечтомова неоднократно просила у А. Фадеева эти ордера, чтобы одеть писателей.

²⁸ Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы. СПб.: РНБ, 2005. С. 95–96.

тийский флот»²⁹, «Правда»³⁰, «Комсомольская правда»³¹, «Ленинградская правда»³², «На страже Родины»³³.

В различных газетах были опубликованы стихи ленинградских поэтов Ольги Берггольц³⁴, Веры Инбер³⁵, Бориса Лихарева³⁶ и Николая Брауна³⁷, посвященные нашему городу. С материалами к 240-летию Ленинграда вышли номера журналов «Звезда»³⁸, «Ленинград»³⁹ и «Костер»⁴⁰.

Особое внимание празднованию 240-летия Ленинграда уделялось в воинских печатных изданиях. В газете «На страже Родины» был напечатан очерк И. Эренбурга⁴¹, а в «Красном Балтийском флоте» — С. Кудрявцев-Скайфа⁴². Газеты «Знамя победы»⁴³ и «На страже»⁴⁴ посвятили этому событию целые тематические номера. Зачем это было нужно? Ответ более чем очевиден! Солдаты должны были знать за какой великий город они сражаются. И в этом направлении работало не только печатное слово:

В связи с 240-летием основания Ленинграда дом Красной армии имени С. М. Кирова проводит для бойцов и командиров экскурсии по историческим местам нашего города. Экскурсанты осматривают памятники Петру I, Суворову, Кутузову, места, связанные с военным прошлым русского народа, дома, где жили и работали В. И. Ленин и товарищ Сталин. Экскурсии заканчиваются посещением выставки «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма. В действующие части Ленинградского фронта дом Красной армии направил агитмашину с передвижной выставкой. Лекторы, сопровождающие машину, читают доклады, посвященные 240-летию нашего города, а бригада артистов показывает специальную программу (ил. 7)⁴⁵.

Ил. 7. Фрагмент красноармейской газеты «На страже» 90-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта от 27 мая 1943 г. Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

Музыкальная жизнь в блокадном Ленинграде также не замирала ни на один день. Известный историк музыки, исследователь музыкальной культуры блокадного Ленинграда Андрей Николаевич Крюков в своей книге приводит интересные факты:

27 мая. День рождения Ленинграда — 240-летие. В Городском театре — «Евгений Онегин». Театр музыкальной комедии — «Раскинулось море широко» <...> По радио прошел «петербургский концерт»: звучали «Петербургские серенады» Даргомыжского (для вокального ансамбля), пьеса «Белые ночи» (из фортепианного цикла «Времена года») Чайковского, стихи, фрагменты из «Записок» Глинки. Среди исполнителей — певцы И. Толмазан, И. Никулин, В. Ковалева, пианистка Н. Бронникова, трубач В. Елисеев⁴⁶. 27 мая 1943 г/ на торжественном вечере в Выборгском доме культуры «композиторы О. Евлахов, В. Богданов-Березовский и М. Глух при участии артиста А. Атлантова исполнили ряд своих музыкальных произведений о Ленинграде⁴⁷.

⁴⁶ Крюков А. Н. Музыка в дни блокады: Хроника. СПб.: Композитор, 2002. С. 351.

⁴⁷ Вечер, посвященный Ленинграду // Ленингр. правда. 1943. 28 мая. № 124.

Праздничные мероприятия в Ленинграде продолжились литературно-музыкальным концертом, проходившим в Филармонии 30 мая 1943 г. В коллекции А. Н. Крюкова сохранилась программка к этому концерту, из которой мы узнаем:

Участвовали симфонический оркестр, Образцовый духовой оркестр, Ансамбль красноармейской песни и пляски, ансамбль погранвойск, хор радио. Концерт открыл В. Вишневский. Затем звучали «Сказ о городе-герое Г. Носова и «Песня о Жданове» М. Глуха, солдатская песня «Бородино», сцена у посада из оперы «Иван Сусанин», песня Варяжского гостя и песня Индийского гостя из оперы «Садко», ария Ленского, куплеты Светлейшего из «Черевичек» Чайковского, первая часть Седьмой симфонии Шостаковича и Торжественная увертюра «1812 год» Чайковского. Солистами были С. Преображенская, И. Нечаев, В. Легков, А. Атлантов. Дирижировали К. Элиасберг и А. Анисимов⁴⁸.

Всеволод Вишневский отметил в своем дневнике этот день так:

30 мая 1943 года. В 4.30 дня поехал с С. К. <Софьей Касьяновной> в Филармонию <...> Бывает удивительное состояние силы, уверенности, внутреннего полета. Моя речь транслировалась, и мне было так радостно говорить, вновь и вновь, о городе. Пусть слушают о Ленинграде везде... А главное — в ощущении этого сверкающего зала, в ощущении осажденно-го, но твердого духом города. Дал и тему русских военных традиций плюс традиции культуры XIX века... А как реагировал зал на мои слова: «Здесь не было и не будет трусов, а если в городе появится такой, мы поместим его в каком-нибудь музее с ярлыком: “Единственный трус Ленинграда!”» Возможно, что это только «эффектная» фраза, но позволительно порой, хотя бы в воскресенье, на концерте, и пошутить. У нас ведь за два года было достаточно серьеза⁴⁹.

Одна из студенток вспоминала:

В филармонии был вечер, посвященный 240-летию Ленинграда. Выступал Всеволод Витальевич Вишневский. Он рассказывал нам об истории, литературе, искусстве России и смело заявил, что летом 1943 года от Ленинграда полностью будут отогнаны немецкие бандиты. С великой радостью мы услышали, что сейчас планируется международный футбольный матч. Мячом на этом матче будет голова Гитлера, которую будут бросать с запада на восток, с востока на запад. Германия, говорил Вишневский, в кольце, которое все больше сжимается.

Важность того, что в тяжелых условиях Ленинград отмечал свой юбилей, трудно переоценить. Война и блокада многому научила горожан. Когда у них слабел организм, жить становилось нелегко, сомнения

и слабость овладевали — в эти минуты грусти они черпали силу у любимого города. О. Берггольц отмечала:

Ленинград отмечает свое двухсотсорокалетие в продолжающейся тяжелой осаде, под непрерывным огнем противника с воздуха и земли. Нам трудно. Ни один из нас не может поручиться, что завтра или через несколько минут он будет жив и здоров. Но ничто не поколеблет духа ленинградцев, не сломит нашего юбиляра, нашего города, трижды любимого, трижды родного, города нашего мужества и силы, с которым мы навсегда слили свою жизнь⁵⁰.

Список литературы

- Баранов Н. В. Силуэты блокады. Записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. 176 с.
- Берггольц О. Ф. Говорит Ленинград. Л.: Лениздат, 1946. 186 с.
- Бойцу о Ленинграде: Фото-очерки. Полит. упр. Ленингр. фронта. Вып. 1, 1943. 60 с.
- Буров А. В. Блокада день за днем. СПб.: Геликон Плюс, 2011. Изд. 2-е, перераб. и доп. 688 с.
- Вишневский В. В. Дневники военных лет (1943, 1945 гг.). М.: Сов. Россия, 1979. 432 с.
- Гдалин А. Д., Ивановна М. Р. Сражающийся Ленинград. Почтовая открытка: Энциклопедический каталог. СПб.: Инфо-Да, 2007. 528 с.
- Инбер В. М. Почти три года: Ленингр. дневник. Л.: Сов. писатель, 1947. 296 с.
- Каменский В. А. Площадь декабристов в Ленинграде. Л.: Искусство, 1943. 32 с.
- Крюков А. Н. Музыка в дни блокады: Хроника. СПб.: Композитор, 2002. 544 с.
- Ленинград. Архитектурно-планировочный обзор развития города. Л.; М.: Искусство, 1943. 404 с.
- Ленинград в дни блокады. Каталог выставки. Молотов: Полиграфкнига, 1943. 24 с.
- Лукницкий П. Н. Сквозь всю блокаду. Л.: Лениздат, 1978. 576 с.
- Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М.: Изобразит. искусство. Т. 3, 1974. 496 с.
- Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы. СПб.: РНБ, 2005. 576 с.
- Сталева Т. В. Пусть узнают живущие. М.: Серебряные нити, 2004. С. 144 с.

Vyacheslav Leonidovich KOKIN

Director of the Historical Literature Museum «Vasya Terkin» (St. Petersburg, Russia)

E-mail: slawa231270@mail.ru

O fair Petropolis, stand fast, unshakeable as this great nation: 240th anniversary of Leningrad on 27 May, 1943

The article considers the celebration of the 240th anniversary of Leningrad, held in the still blocked city, on the basis of memories.

Keywords: Great Patriotic war, blockade of Leningrad, 240 years of Leningrad.

⁴⁸ Крюков А. Н. Музыка в дни блокады: Хроника. СПб.: Композитор, 2002. С. 353.

⁴⁹ Вишневский В. В. Дневники военных лет (1943, 1945 гг.). М.: Сов. Россия, 1979. С. 187.

⁵⁰ Берггольц О. Ф. Говорит Ленинград. Л.: Лениздат, 1946. С. 77.

УДК 94 (47) 084.9

ББК 63.3 (2) 633

Екатерина Петровна КАТКОВА

младший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: EKaterinaK.17@gmail.com

ВКЛАД СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ИНЖЕНЕРОВ В ЛИКВИДАЦИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 1963 г. В ГОРОДЕ СКОПЬЕ (из истории одного музейного предмета)

Статья посвящена истории памятного знака «За особые заслуги перед городом Скопье», врученного властями столицы Республики Македонии военнослужащим 704 отдельного инженерного батальона военной части 67151 Южной группы войск СССР в 1963 г. Сегодня памятный знак экспонируется в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. Военнослужащие части были награждены знаком за оказание помощи пострадавшему от землетрясения населению города.

Ключевые слова: памятный знак, Югославия, Скопье, Южная группа войск, инженерные войска.

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится уникальный памятный знак (инвентарный номер 030/516, номер по Книге единого учета — 6462/1-2), напоминающий нам о братских отношениях между СССР и некогда единой Югославией. Памятный знак (макед. *спомен плакета*) был в 1964 г. вручен городским собранием столицы Социалистической Республики Македонии города Скопье военнослужащим 704-го отдельного инженерного батальона (ОИБ) военной части 67151 Южной группы войск (согласно сведениям, отраженным в книге единого учета инженерно-документального фонда музея за № 5), имевшей постоянное место дислокации в г. Мор (Венгрия). В августе-декабре 1963 г. эта войсковая часть выполняла задание по оказанию помощи пострадавшему от землетрясения населению г. Скопье. На данный момент музейный предмет экспонируется в зале «История инженерных войск после 1917 г.» и занимает место в витрине, где располагаются памятные сувениры, преподнесенные Красной/Советской армии дружественными странами и народами.

26 июля 1963 г. в 05 ч. 17 мин. по местному времени в столице Македонии произошло страшное землетрясение магнитудой 6,9 баллов по шкале Рихтера, разрушившее большую часть города. Жертвами стихийного бедствия стали 1070 человек, еще 3500 человек получили ране-

Ил. 1. Памятный знак города Скопье.
ВИМАИВуС

Ил. 2. Удостоверение к памявному
знаку города Скопье. ВИМАИВуС

ния¹. Большая часть жителей осталась без крова. В результате катастрофы был утрачен исторический и культурный фонд общеевропейского значения. Ущерб от землетрясения составил примерно 980 млн долларов², хотя точный показатель было вычислить невозможно. В течение нескольких следующих дней 82 страны мира заявили о том, что будут принимать участие в восстановлении города и строительстве «нового Скопье». Югославия начала получать колоссальную финансовую и гуманитарную помощь. Не мог остаться в стороне и Советский Союз, с которым Югославию роднила не только общность политического строя, но и дух «славянской солидарности». В СССР был создан специальный Союзный комитет по поддержке и восстановлению г. Скопье.

27 июля 1963 г. правительство Советского Союза приняло решение «об отправке 50 000 тонн цемента, 5000 кубометров обработанных лесоматериалов, лекарств и продуктов питания <...> 250 больших палаток для размещения оставшихся без домов жителей города»³. В дальнейшем официальная Москва обеспечила поступление в Югославию денежных средств в размере 1 446 660 динаров, от общественных организаций

¹ Petrovski Jakim T. Damaging effects of July 26, 1963 Skopje Earthquake. Skopje, s. a. P. 1.

² Ibid. P. 11.

³ См.: Мирчевская К., Янчева Л. Помощь Советского Союза в восстановлении Скопье после землетрясения 1963 // Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура / Под ред. Никифорова К. В. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 114.

было получено 55 555 долларов⁴. Продовольственная помощь включала в себя отpravку 70 тыс. т пшеничной муки, несколько тонн сахара и 20 000 т молока. Таким образом, общая помощь СССР к концу 1963 г. составила 1 012 144 224 динара⁵.

Помимо экономической помощи Москва направила в Скопье специальные команды спасателей и инженеров, которые должны были оказывать помощь югославским коллегам в ликвидации последствий землетрясения. Большая часть таких специалистов проходила военную службу в войсковой части 67151 Южной группы войск, хотя из Советского Союза посылались и гражданские служащие соответствующих специальностей. Всего в расчистке завалов города предполагалось задействовать три подразделения войсковой части общей численностью более 1500 человек. Первым к работам приступил 704-й отдельный инженерный батальон. Однако прибывшая вместе с ним техника оказалась достаточной только для расчистки небольших завалов, поэтому Советский Союз обещал обеспечить дополнительные поставки инженерной техники. Тем временем, военнослужащие батальоны приступили к оказанию медицинской помощи югославским гражданам и к спасению их личного имущества, большая часть которого была безвозвратно утрачена. Инженерные работы в городе включали в себя обязательный взрыв остаточных сооружений, транспортировку строительных материалов и возведение новых монтажных объектов. Таким образом, к началу декабря 1963 г. офицеры, сержанты и солдаты 704 ОИБ «расчистили и переместили 23 521 кубометров завалов, эвакуировали 75 семей, проложили 12 800 м дороги в трех городских районах Гёрче, Петров и Лисиче, приняли участие в восстановлении района Бутел и 162 домов в районе Гёрче Петров»⁶, военный медики провели около 175 осмотров и операций. Специалисты-инженеры были задействованы также в восстановлении фабрик и заводов, ремонте дорожного полотна столицы Македонии. В середине декабря батальон покинул Скопье и вернулся в место своей постоянной дислокации в городе Мор.

20 января 1964 г. вышел специальный приказ Министерства обороны СССР за № 11 «О поощрении солдат, сержантов и офицеров войсковой части 67151 за выполнение задания по оказанию помощи населению г. Скопле». В нем, в частности, отмечалось, что «за время пребывания на территории СФРЮ военнослужащие <...> части показали высокие морально-политические качества, присущие воинам Советской армии, что способствовало дальнейшему укреплению дружественных связей

между советским и югославским народами»⁷. Наиболее отличившимся военнослужащим были вручены ценные подарки. Так, командующий 704-м ОИБ майор Я. А. Гарцуев был награжден фотоаппаратом ФЭД-2, старший лейтенант А. В. Попов — электробритвой «Харьков», сержант Ю. Е. Парфенов — металлической бритвой «Спутник». Особо отмечены были рядовые ефрейтор Г. Г. Пономаренко, сержант А. В. Орлов, ефрейтор В. В., рядовой И. Л. Степанов, сержант В. Я. Марковский, рядовой Я. С. Абдолилов⁸.

Стоит сказать, что на этом помощь Советского Союза Югославии не прекратилась. В последующие месяцы Москва объявила о готовности передать Белграду полностью укомплектованный комбинат для возведения в Скопье нового жилищного фонда, направить в страну дополнительную группу специалистов-сейсмологов и архитекторов, в задачи которых входило проведение геологических испытаний в столице Македонии и её окрестностях и составление новых городских проектов.

Памятный знак с изображением герба города Скопье, экспонируемый сейчас в ВИМАИВиВС, является символом дружбы и солидарности между советским и югославским народами и в этом плане обладает большой исторической ценностью. До сих пор столица Македонии (по западной терминологии — «Бывшая Югославская Республика Македония»), приобретая новый архитектурный облик уже в 2010-е гг., помнит о помощи советских инженеров и спасателей, как и те семьи, жилые для которых было построено подаренным СССР строительным комбинатом.

Лицевая сторона памятного знака «За особые заслуги перед городом Скопье» представляет собой круглую металлическую пластинку, изготовленную из медного сплава в технике штамповки. Форма знака имитирует очертания планеты Земли, причем в нижней её части линиями отмечены меридианы и параллели. Вверху — небольшое выпуклое изображение герба Скопье, представляющего собой геральдический щит с четырьмя зубцами башен по верху. В поле щита располагаются главные символы Скопье — каменный мост на реке Вардар, крепость Кале и снежные вершины горы Шар-Планина⁹. Это один из послевоенных вариантов герба города, наравне с которым допускалось использование и других. Они могли отличаться формой щита и расположением

⁷ Приказ Министерства обороны СССР № 11 от 20 января 1964 г. Москва.

⁸ Там же.

⁹ *Шар-Планина* — горный хребет на Балканском полуострове, основная часть которого находится на территории Республики Македонии и сербского автономного края Косово, небольшая часть пересекает территорию Албании.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 116.

заключенных в него компонентов, в то время как суть — пейзажная зарисовка Скопье — оставалась неизменной¹⁰.

Нижняя часть знака окаймлена венком из основных культур, выращиваемых в Македонии: пшеницы, мака, табака и хлопка. Знак был передан в музей в специальном футляре синего цвета. Крепление, колодка или лента отсутствовали, т. к. награда являлась коллективной и не предусматривала индивидуального ношения. Диаметр знака составляет 7 см. Памятный сувенир находится в состоянии хорошей сохранности.

К знаку прилагалось удостоверение, выполненное в твердой обложке белого цвета. На лицевой стороне удостоверения располагается текст, выполненный черным цветом на македонском языке: «Врз основа член 1, 2 и 3 од Одлуката за давање признанија Градското собрание на град Скопје ја доделува оваа СПОМЕН ПЛАКЕТА на Воената инженерска единица на Црвената Армија СССР во знак на признание за особени заслуги за градом» // «На основании статей 1, 2 и 3 Решения о выражении признательности Городское собрание города Скопье вручает этот ПАМЯТНЫЙ ЗНАК Военно-инженерной части Красной Армии СССР в знак признания особых заслуг перед городом». Надпись «СПОМЕН ПЛАКЕТА» выполнена тиснением серебристого цвета. Под текстом стоит печать городского собрания города Скопье Социалистической Республики Македонии. Удостоверение подписано председателем Городского собрания (1963–1972 гг.), градоначальником (1963–1969 гг.) Благоем Поповым¹¹.

Правая сторона разворота удостоверения пуста, в центре левой стороны — серебристого цвета тисненное изображение герба города Скопье, на этот раз представленного в форме немецкого фигурного щита (без башен). Композиционная составляющая повторяет зарисовку на гербе, изображенном на самом памятном знаке. Стоит сказать, что этот герб был принят в качестве официального только в 1969–1970 гг., до этого, как отмечалось выше, допускалась вариативность в изображении главного геральдического символа столицы Македонии.

Список литературы

Мирчевская К., Янчева Л. Помощь Советского Союза в восстановлении Скопье после землетрясения 1963 // Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура / Под ред. Никифорова К. В. М.: Институт славяноведения РАН, 2012.

Јоновски Ј. Грбот на Град Скопје // Македонски хералд. № 7. Септември. 2013. С. 9.

Petrovski Jakim T. Damaging effects of July 26, 1963 Skopje Earthquake. Skopje, s. a.

¹⁰ Јоновски Ј. Грбот на град Скопје // Македонски хералд. № 7. Септември. 2013. С. 9.

¹¹ См.: Градоначалници на Скопје // <http://www.skopje.gov.mk/DesktopDefault.aspx?tabindex=0&tabid=72> (Дата обращения: 25.09.2018).

Ekaterina Petrovna KATKOVA

Junior Researcher, Military History Museum of Artillery, Engineers and Communications (St. Petersburg, Russia)

E-mail: EKaterinaK.17@gmail.com

Aid of Soviet military engineers to the city of Skopje after the earthquake of 1963 (a history of one museum item)

The article is devoted to the history of the memorial sign «For special services to the city of Skopje», handed over to the military personnel by the authorities of the capital of the Republic of Macedonia to 704 independent engineer battalion (military unit 67151) of the Southern Group of Forces of the USSR in 1963. The servicemen of the unit were awarded a badge for rendering assistance to the population affected by the earthquake.

Keywords: memorial sign, Yugoslavia, Macedonia, Skopje, Southern Group of Forces, engineering troops.

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ, АФРИКА И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА (1961–1974)

Статья посвящена деятельности СССР и Советской армии в Африке в период с Года Африки (1960) до событий 1974–1975 гг., серьезно изменивших баланс сил. Этот период характеризуется относительно невысокой интенсивностью вмешательства в процессы, протекавшие на континенте, но вместе с тем уже тогда обнаружилось серьезные проблемы, которые СССР испытывал при попытках такого вмешательства, и они не были должным образом осмыслены и исправлены.

Ключевые слова: Советская армия, Африка, Гана, Мали, Гвинея, Сомали.

Советский Союз в начале 1960-х годов впервые в истории стал распространять свое влияние за пределы непосредственно прилегающих к его границам регионов. Процесс этот протекал до распада СССР в 1991 г. со все более возрастающей интенсивностью, но весьма нелинейно по своему характеру, и на всем протяжении характеризовался невысокой результативностью прилагаемых усилий. Его можно разделить на два этапа, характеризуемых именно различной интенсивностью усилий.

Период с 1962 по 1975 г. ознаменован, с одной стороны, интенсивными попытками принять участие в жизни стран региона, а, с другой, их ограниченностью, в отличие от последующего периода, когда активность СССР в регионе приобрела совсем другой масштаб и даже другой характер. На первом этапе, который и является предметом статьи, Советский Союз ограничивался военными миссиями и ограниченными объемами помощи, но именно тогда наметились многие неприятные тенденции, которые стали очень заметны на втором этапе. Важнейшей из них является, на наш взгляд, отсутствие у военных миссий глубокого понимания ситуации на местах, в результате чего серьезные сдвиги во внутренней и внешней политике стран оказывались неожиданными для них.

СССР деятельно участвовал в делах Черного континента с середины 60-х, после того как процесс деколонизации в общем и целом завершился и часть только что образовавшихся стран встала на путь «строитель-

ства социализма», под которым понималось создание централизованной в политической и экономической сферах административной структуры с созданием в перспективе общества всеобщего благополучия. По ходу дела СССР оказывал также поддержку многим национально-освободительным движениям, как тем, которые боролись за деколонизацию оставшихся в руках европейских держав участков территории (Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау), так и выступавшим против консервативных и прозападных режимов в уже независимых странах (эритрейские повстанцы в Эфиопии, повстанцы в Южной Африке), но и то, и другое делал в ограниченных объемах. Все эти действия рассматривались как попытка привлечь на свою сторону новых союзников, получить точки опоры в регионе и возможность ограничивать влияние противостоящего лагеря. Никаких мало-мальски последовательных попыток завладеть стратегически важными ресурсами с целью их эксплуатации в своих интересах и недопущения к ней оппонентов обнаружить не удается.

При этом довольно распространенной оказалась практика местных правительств одновременно брать средства на проекты в экономической сфере у стран Запада и международных банковских институтов под его же контролем, а за военной помощью обращаться к Советскому Союзу, который охотно поставлял вооружение и снаряжение в объемах, которые Запад не мог или не желал обеспечивать.

В первые же годы после масштабной деколонизации целый ряд стран обратился к СССР за поддержкой в экономической и военной области, первыми «клиентами» стали Гана, Мали и Гвинея, каждая из них, что примечательно, пошла в итоге своим путем. Президенту первой СССР презентовал Ми-4 как персональный подарок, после этого ганцы закупили большие объемы военного снаряжения от стрелкового оружия до самолетов; советские инструкторы работали в тренировочных лагерях местных вооруженных сил, несколько десятков офицеров из Ганы приняли на обучение. После путча 1966 г. и связанной с ним смены внешнеполитического вектора было выдворено свыше 1100 советских граждан. Утверждалось также, что Советский Союз использовал территорию страны для распространения своего влияния в регионе¹, некоторые события в соседних странах прямо связывали с проводившейся без огласки активностью, но при этом не давшей ровно никаких дивидендов².

Гвинея с пути «строительства социализма» не сворачивала до начала 80-х, хотя результаты не слишком впечатляют. СССР оказывал стране на этом пути всестороннюю помощь, в т. ч. и военную, отправил боль-

¹ Ghana. A Country Study (3rd ed.). P. 287.

² История Сьерра-Леоне в новое и новейшее время. С. 253, 256.

шую миссию специалистов соответствующего профиля, однако его отношения с местным руководством складывались довольно сложно. Хотя кубинским самолетам было разрешено останавливаться здесь по пути в Анголу, Гвинея отказала Советскому Союзу в праве использовать ее для транзита во время кубинского кризиса и кубинцам для полетов в Эфиопию³.

СССР оказывал поддержку базировавшимся на территории республики повстанцам, боровшимся за независимость Гвинеи-Бисау от Португалии, и с 1970 г., после нападения португальской армии на Конакри с целью уничтожить тыловую инфраструктуру повстанцев⁴, советские корабли по просьбе местного руководства начали патрулировать побережье Гвинеи в обмен на право заходить в порты республики⁵, но предоставить базу Гвинея так и не согласилась. Впоследствии также было разорвано соглашение о предоставлении пункта базирования авиации для разведки над Атлантикой⁶.

Еще одним опорным пунктом СССР стала республика Мали, причем там и смена режима в результате военного переворота 1966 г. не повлияла на внешнюю политику государства. Советская военная миссия осталась в стране с прежними полномочиями и планами, проработав до 1991 г.⁷

Важным союзником на этом этапе была республика Сомали, ценная своим выгодным стратегическим положением. С 1964 по 1977 г. в Сомали по линии министерства обороны СССР побывало 3911 человек, в том числе 12 генералов, 2419 офицеров, 123 прапорщика, 405 сержантов и солдат и 952 рабочих и служащих Советской армии и ВМФ⁸. К середине 70-х около 60% всех сомалийских офицеров получили образование в СССР, и местные вооруженные силы переняли советскую организацию и тактику⁹. О значении, которое придавалось этому союзнику, говорит то обстоятельство, что в 1972 г. соглашение о сотрудничестве приезжал подписывать лично маршал Гречко, посулив модернизировать военные объекты в Беребере в обмен на право ими пользоваться¹⁰. При этом когда руководство Сомали начало проводить независимый политический курс,

а затем ввязалось в войну с соседями, у СССР не оказалось никаких рычагов влияния на ситуацию.

В остальных странах Африки СССР либо присылал небольшие группы гражданских советников, либо организовывал снабжение через третьи руки, как в случае с антиколониальными движениями: эритрейские повстанцы получали снаряжение через арабские страны¹¹, борцы с португальским колониализмом и господством белых поселенцев на юге Африки — через соседние африканские страны, уже прошедшие деколонизацию¹².

На этих трех примерах ясно видно, что сотрудничество с африканскими странами в непростых условиях Холодной войны протекало довольно сложно, и было ознаменовано целым рядом проблем, которые до самого окончания существования СССР так и не были решены. События в странах, где находились военные миссии, протекали по разным сценариям, при этом в сложных случаях миссии оказывались не в состоянии оказать какое-то влияние на происходящее. Путчи, перевороты, масштабные перемены в руководстве по-прежнему происходили неожиданно для СССР и миссий военных советников — в т. ч. и события, в которые оказывались вовлечены подразделения, где эти советники трудились, а подготовленные в Советском Союзе офицеры оказались очень слабыми агентами влияния. Интересно, что никаких выводов из развития ситуации на континенте в 60-е годы советское военное руководство так и не сделало, а положение дел, между тем, располагало именно к этому.

После «революции гвоздик» в Португалии и демонтажа португальской колониальной империи Мозамбик, Ангола, Гвинея-Бисау и Сан-Томе и Принсипи получили независимость. Все четыре государства провозгласили курс на строительство социализма и пригласили СССР деятельно участвовать в нем. В первых двух началась гражданская война, и Советская армия принимала в них активное участие. Сменилась власть, а с ней и претерпела полную замену социально-экономическая структура в Эфиопии, и это совершенно изменило геополитическую обстановку на Африканском Роге, результатом чего стало сразу несколько серьезных конфликтов. Изменилась политическая обстановка в островных государствах Индийского океана, там появились потенциальные со-

³ Africa South of the Sahara. 1980–1981. P. 468.

⁴ См. подробнее: Area Handbook for Guinea (2nd ed.). P. 320; Clodfelter M. Warfare and armed conflict. V. 2. P. 1020.

⁵ Area Handbook for Guinea (2nd ed.). P. 194.

⁶ Africa South of the Sahara. 1992. P. 531.

⁷ Ibid. P. 670.

⁸ <http://redstar.ru/index.php/dudenko/item/9629-pod-zharkim-nebom-afriki>

⁹ Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 207.

¹⁰ Somalia. A Country Study (4th ed.). P. 209.

¹¹ Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, & Literature. P. 536; Historical Dictionary of Civil Wars in Africa (2nd ed.). P. 161, 169; Носов В. А. Советская армия на Африканском Роге // Военная история России XIX–XX веков. 2017. С. 575

¹² См. Weigert S. Angola. A Modern Military History, 1961–2002; Zimbabwe. A Country Study (2nd ed.); Mozambique. A Country Study (3rd ed.).

юзники. Иными словами, ситуация принципиально усложнилась сразу по нескольким показателям, а парадигма, в которой действовала Советская армия в Третьем мире, осталась все той же, и в последующем все указанные проблемы проявились в полной мере.

Список литературы

- История Сьерра-Леоне в новое и новейшее время. М., 1994.
Носов В. А. Советская армия на Африканском Роге // Военная история России XIX–XX веков. СПб., 2017.
Africa South of the Sahara. 1980–1981. Oxford, 1979.
Africa South of the Sahara. 1992. Oxford, 1991.
Area Handbook for Guinea (2nd ed.). Washington, 1975.
Clodfelter M. Warfare and armed conflict. V. 2. London, 1992.
Ghana. A Country Study (3rd ed.). Washington, 1994.
Historical Dictionary of Civil Wars in Africa (2nd ed.). Lanham-Maryland-Oxford, 2008.
Mozambique. A Country Study (3rd ed.). Washington, 1984.
Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, & Literature. New Jersey, 2005.
Somalia. A Country Study (4th ed.). Washington, 1993.
Weigert S. Angola. A Modern Military History, 1961–2002. New York, 2011.
Zimbabwe. A Country Study (2nd ed.). Washington, 1983.

Vladimir Aleksandrovich NOSOV

SPb GBU DM «FORPOST»; Center of Ethno-Religious Studies (St. Petersburg, Russia)
E-mail: troghil@yandex.ru

The Soviet Army, Africa and the Cold War in 1961–1974

This article is devoted to the activities of the USSR and the Soviet army in Africa at the their first stage of them, in the period from the Year of Africa to the events of 1974–1975, which seriously changed the balance of forces. This period is characterized by a relatively low intensity of intervention in the processes occurring on the continent, but at the same time serious problems that the USSR experienced when trying to intervene were already revealed and not properly identified and corrected.

Keywords: USSR in Africa, Soviet Army, Ghana, Mali, Guinea, Somali.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИМ — Артиллерийский исторический музей
БССР — Белорусская советская социалистическая республика
ВВС — военно-воздушные силы
ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМБ — военно-морская база
ВМФ — Военно-морской флот
ВНИГРИ — Всероссийский нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт
ВНИИМ — Всероссийский научно-исследовательский институт метрологии им. Д. И. Менделеева
ВПК — военно-промышленный комплекс
ВС — военный совет
ВС ГК СЗН — военный совет главного командования Северо-западного направления
ВУА — Военно-ученый архив
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАИ УРКМ — Государственная автомобильная инспекция управления Рабоче-крестьянской милиции
ГАООГО — Государственный архив общественных объединений Гродненской области
ГАПКОСБрБМ — гаубичная артиллерийская Пражская Краснознаменная ордена Суворова бригада большой мощности
ГАРО — Государственный архив Ростовской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАУ — Главное артиллерийское управление
ГБУ «ЦГА Москвы» — Государственное бюджетное учреждение «Центральный государственный архив города Москвы»
ЖБД — журнал боевых действий
КАП — корпусной артиллерийский полк
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
КВМБ — Кронштадтская военно-морская база
КП (б) Б — Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии
ЛВО — Ленинградский военный округ
ЛШПД — Ленинградский штаб партизанского движения
МОРЛиОР — Морская оборона Ленинграда и озерного района
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НП — наблюдательный пункт
ОБМП — отдельная бригада морской пехоты
ОИБ — отдельный инженерный батальон

ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 ОУТП — отдельный учебный танковый полк
 ПВВ — приказ по Военному ведомству
 ПВО — противовоздушная оборона
 ПЛ — подводная лодка
 ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
 ПУР — политическое управление
 РВСР —
 РВСР — Революционный военный совет республики
 РВТ — революционный военный трибунал
 РВС — революционный военный совет
 РВСР — Революционный военный совет Республики
 РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГВА — Российский государственный военный архив
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 РГК — резерв главнокомандования
 РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
 РККФ — Рабоче-крестьянский Красный флот
 РКП (б) — Российская коммунистическая партия (большевик)
 ССП — Союз советских писателей
 СФРЮ — Социалистическая федеративная республика Югославия
 УО — учебный отряд
 ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
 ЦВМА — Центральный военно-морской архив
 ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
 ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
 ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
 CAW — Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie
 GFP — geheime feldpolizei (тайная полевая полиция)
 NARA — National Archives and Records Administration

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ХОЗИКОВ В. И.</i> Частные предприятия в системе ВПК-ОПК Санкт-Петербурга (1703–1861).....	3
<i>САПОЖНИКОВ А. И.</i> «Экспедиция против Магдональда»: донские казачьи полки в армии Витгенштейна в декабре 1812 г.....	49
<i>МИЛОВИДОВ Б. П.</i> Испанские военнопленные Великой армии в России (1812–1815).....	97
<i>МИГУНОВ С. С.</i> Вооружение Балтийского порта и Ревеля в период Крымской войны (1853–1856)	173
<i>АРХИПЧЕНКО И. А.</i> Участник Русско-турецкой войны (1877–1878) и туркестанских походов генерал-майор Иосиф Иванович Горский и судьбы его потомков.....	178
<i>АРАНОВИЧ А. В., БЕЗРОДИН В. А.</i> К вопросу об эволюции ранцевого снаряжения Русской армии во второй половине XIX — начале XX в.....	195
<i>НЕЗГОВОРОВА В. В.</i> Долг памяти. Могила военного историка Г. С. Габаева в посёлке Будогощь Ленинградской области	215
<i>ВОРОБЬЁВ С. А.</i> Форт «Риф»: основные этапы развития фортификационного комплекса	226
<i>СОБОЛЕВ В. Ю.</i> Дальневосточные письма (письма А. И. Никифорова к Л. Н. Целепи)...	257
<i>ЛЫСЁВ А. В.</i> А. Н. Куропаткин: штрихи к истории взлёта и падения	279
<i>СЛАВНИТСКИЙ Н. Р.</i> Командант Санкт-Петербургской крепости А. В. Эллис в годы Первой русской революции (1905–1907).....	291
<i>ЕМЕЛЬЯНОВ С. Н.</i> Совершенствование законодательства, регулирующего правовое положение военного духовенства Русской армии в начале XX в.	301
<i>ФОМИН А. Ю.</i> Офицерский вопрос в Италии в донесениях полковника Е. К. Миллера: борьба за отмену привилегий в российской и итальянской армиях.....	307

<i>САФАЕВ А. Е.</i>	Начало российской авиации. 1910–1911 гг. Хроника событий по материалам газетных публикаций.....	320
<i>НИКОЛАЕВ Н. Ю.</i>	Проблематика войны и мира в публицистике М. М. Ковалевского в 1914–1916 гг.....	351
<i>ИЛЬИНА Т. Н.</i>	«Чтобы помнили»: фотографии походной жизни 14-го гренадерского Грузинского и лейб-гвардии Петроградского полков (1916).....	359
<i>РЕШЕТОВ А. В.</i>	«У тевтонской нации, понукаемой кнутом прусского деспота, нет шансов не победу»: исторический дискурс на страницах российских газет в марте 1917 г.	391
<i>ОРЛОВ А. В.</i>	Корнилов, война и революция, август 1917 г. (от Государственного совещания до выступления генерала Корнилова).....	398
<i>КИПНИС Б. Г.</i>	Последние герои: к вопросу о боеспособности Русской армии в октябре 1917 г.	416
<i>МАЖАРА П. Ю.</i>	Оккупация немецкими войсками псковской губернии в 1918 г. в исторической памяти русскоязычного населения Прибалтики (по материалам устных рассказов, записанных писателем Л. Ф. Зуровым).....	432
<i>ЖУРАВЛЁВ Н. Н.</i>	Гражданская война в судьбе братьев Утехиных	441
<i>ТЕРЕНТЬЕВ В. О.</i>	1-й Василеостровский рабочий резервный полк и формирование 2-го Петроградского полка Особого Назначения в 1918–1919 гг.....	455
<i>ГАНИН А. В.</i>	«Спирт в разведке был необходим...» (злоупотребления разведчиков советского Западного фронта в 1919 г.).....	466
<i>НОВАК В.</i>	Бои польских войск генерала Э. Смигло-Рыдза против 1-й конной армии С. М. Буденного под Ровно (июль 1920 г.).....	477
<i>ЛИСЕНКОВА Л. Н.</i>	П. Н. Милуков о причинах поражения антибольшевистского движения в Гражданской войне в России.....	507

<i>НОВИЧЕНКО С. Л.</i>	Опыт изучения документов на 203-мм гаубицу образца 1931 г. № 227 из архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	515
<i>КРИВЧИКОВ В. М.</i>	Об организации поставок горючего для текущих нужд Красной армии в 1937 г.....	528
<i>БОЧКОВ Е. А.</i>	Советско-финляндская война (1939–1940 гг.) глазами артиллериста (дневник Героя Советского Союза капитана В. К. Лаптева)	532
<i>РОМАНЧУК С. Н.</i>	Проблемы упорядочивания движения автомобильного транспорта в Белостокской области накануне Великой Отечественной войны	545
<i>РУДАКОВА Л. П.</i>	Страницы из жизни инженер-полковника П. Д. Львовского (1892–1965).....	550
<i>СМИРНОВА А. Н.</i>	Полковник Николай Иванович Пономарёв и его проекты музеефикации памятных мест Ораниенбаумского плацдарма.....	565
<i>МОСУНОВ В. А.</i>	Формирование частей морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота (июль-сентябрь 1941 г.).....	574
<i>АЛЕКСЕЕВ Д. Ю.</i>	12-й отдельный учебный танковый полк.....	594
<i>КОБЗЕВ Е. Ю., ФИЛИППОВ А. Н.</i>	Американские поставки по ленд-лизу в воспоминаниях начальника тыла Красной армии А. В. Хрулева.....	602
<i>ГАВРИЛОВ П. А.</i>	Найти генерала Власова. Операция Ленинградского штаба партизанского движения по розыску и эвакуации командования 2-й ударной армии в июле — августе 1942 г.....	610
<i>СОПОВ С. Г.</i>	Малоархангельская наступательная операция в деталях. Немецкие парашютисты в фотографиях роты пропаганды 693.....	638
<i>КОКИН В. Л.</i>	«Красуйся, град Петров, и стой неколебимо как Россия». К 240-летию Ленинграда 27 мая 1943 г.	651
<i>КАТКОВА Е. П.</i>	Вклад советских военных инженеров в ликвидацию последствий землетрясения 1963 г. в городе Скопье (из истории одного музейного предмета)	666

**ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
XIX–XX ВЕКОВ**

**Материалы
XI Международной военно-исторической конференции
23–24 ноября 2018 г.**

Подписано в печать 19.11.2018 г. Формат 60×84 1/16.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 41,88

Тираж 1000 экз. Заказ № 51

Отпечатано в типографии ФГБОУВО «СПбГУПТД»

191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 26